

A nighttime photograph of the Kronstadt Naval Cathedral, a large white building with a prominent blue and gold dome, illuminated from within. In the foreground, the 'The Sailor' monument, a bronze statue of a sailor standing on a large rock, is visible. The sky is dark with a few birds flying. The overall scene is a mix of historical and religious architecture.

ЛЕОНИД
АМИРХАНОВ

КРОНШТАДТ

ГОРОД-КРЕПОСТЬ

ОТ ОСНОВАНИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Всё о Санкт-Петербурге

Леонид Амирханов

**Кронштадт. Город-крепость.
От основания до наших дней**

«Центрполиграф»

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

Амирханов Л. И.

Кронштадт. Город-крепость. От основания до наших дней /
Л. И. Амирханов

ISBN 978-5-227-08178-0

Кронштадт — легендарный пригород Санкт-Петербурга. Сама природа создала здесь все предпосылки для строительства важнейшего для России опорного пункта, но, чтобы увидеть эти предпосылки, нужен был проницательный взгляд первого российского императора. Петр I считал Кронштадт неотъемлемой частью Петербурга и придавал колоссальное значение его развитию. К строительству города были привлечены самые лучшие архитекторы того времени: Василий Баженов, Доменико Трезини... Крепость Кронштадт стала мощным оборонительным рубежом, который не смогли преодолеть враги России ни в XVIII, ни в XIX, ни в XX веке... Но Кронштадт — это не только крепость, форты, доки и портовые сооружения. Это — люди, которые создавали все это, которые жили в Кронштадте и составили его славу. Книга Леонида Амирханова подробнейшим образом расскажет историю этого удивительного города и его жителей от момента основания и до наших дней.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

Содержание

Предисловие	9
Библиография Кронштадта	11
Глава I. До Петра	14
Немного географии	15
Принежье и Финский залив в допетровское время	16
Глава II. Кронштадт в XVIII в.	21
Петр I и начало Северной войны	22
Строительство «Кроншлота»	26
Остров Котлин и продолжение Северной войны	33
«Новый Кроншлот»	42
Док-канал	46
Основание Кронштадта	49
Гавани	49
Губернские дома	56
Начало крепости	60
Кронштадт после Петра Великого	64
Гавань	69
Канал и доки	69
Кронштадт при Елизавете Петровне	71
Кронштадт при Екатерине II	75
Глава III. Кронштадт в XIX в.	86
Кронштадт при Александре I	87
Наводнение 1824 г.	97
Кронштадт при Николае I	100
Центральная крепость	102
Форт «Император Петр I»	105
Форт «Император Александр I»	107
Форт «Император Павел I»	112
Иностранцы о Кронштадте	115
Город	117
Кронштадт в годы Крымской (Восточной) войны	144
Кронштадт при Александре II	161
Жизнь города	167
1863 год	177
Визит «Миантономо»	180
Морское собрание и библиотека	182
Пути-дороги	188
Зимние дороги	191
Еще о жизни города	196
Кронштадтский Пароходный завод	201
О городской власти и не только	206
Кронштадт при Александре III	217
Крепость Кронштадт при Александрах II и III	233
Форт «Константин»	234
Морские Северные номерные форты	241

Южные номерные форты: № 7, № 2 («Дзичканец»), № 3 («Милютин»)	242
Форт «Риф»	245
Кронштадт при начале царствования Николая II	248
Глава IV. Век двадцатый	260
От начала века до Русско-японской войны	261
Беспорядки 1905–1906 гг. в Кронштадте	269
Между революциями	280
В годы Первой мировой войны	300
1917 год в Кронштадте	308
Глава V. Кронштадт советский	322
Кронштадт после 1917 г.	323
Кронштадтский мятеж	348
Кронштадт после мятежа и до 1940 г.	366
Кронштадт в годы Великой Отечественной войны	411
Кронштадт после войны	431
Кронштадт сегодня	442

Леонид Амирханов

Кронштадт. Город-крепость. От основания до наших дней

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Серия «Всё о Санкт-Петербурге» выпускается с 2003 г.

Автор идеи Дмитрий Шипетин

Руководитель проекта Эдуард Сироткин

Иллюстрации предоставлены автором, В.Я. Крестьяниновым и Музеем истории Кронштадта

Предисловие

*Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно.*

А.С. Пушкин

Александр Сергеевич совершенно справедливо сделал упор на слово «природа». Именно природа оформила все предпосылки для создания здесь важнейшего для России опорного пункта, но чтобы увидеть эти предпосылки, нужен был проницательный взгляд Петра I.

Еще один подарок природы Россия получила в виде небольшого острова, расположенного всего в 30 км от центра новой столицы. Упустить возможность построить здесь крепость, защищавшую Петербург, Петр Алексеевич позволить себе не мог. И он это сделал. Крепость Кронштадт стала мощным оборонительным рубежом, который не смогли преодолеть враги России ни в XVIII, ни в XIX, ни в XX в.

В истории Кронштадта немало славных страниц, были тяжелые времена, преодолеть которые люди смогли не только благодаря физическим силам, но и силам духовным.

На протяжении всей истории Приневья и Кронштадта мы встретим немало примеров помощи свыше. Это и первые русские православные святые – князья Борис и Глеб, пришедшие на помощь князю Александру Ярославовичу.

Это и знак небесный, явившийся, согласно легенде, Понтусу де ла Гарди в виде сосны, выросшей на его груди. Увидев во сне такое диво, де ла Гарди якобы ни минуты не задержался на приневской земле, а сбежал домой, если он у него, конечно, был¹.

И даже Петр I (антихрист по определению Д. Мережковского) понимал, что одной человеческой силы недостаточно для свершения столь грандиозных дел. Нужны силы духовные. И заботился об этом, и неспроста стремился, несмотря на все недовольство, перенести сюда мощи Александра Невского.

А эпизод с двумя врачами «Комочума», которые, уже больные чумой, выезжали с форта «Император Александр I» в Петербург и Кронштадт, но не заразили ни одного человека из тех, с кем общались.

А Иоанн Кронштадтский? Случайно ли этого человека, родившегося в Архангельской губернии, в 1855 г. после окончания Духовной академии направили служить в Андреевский собор в Кронштадте?

И как не вспомнить Великую Отечественную войну, икону Тихвинской Божией матери – покровительницу нашего Петербурга, которую провезли по всем фронтам Северо-Запада? Эту черту германцы не переступили!

А падение креста с купола Морского собора 7 августа 2002 г.!

Кронштадт – это не только крепость, форты, доки и портовые сооружения. Это – люди, которые создавали все это, которые жили в Кронштадте и составили его славу.

Обо всем этом наша книга.

---

¹ Столянский П.Н. Вверх по Неве от Санкт-Питер-Бурха до Шлюшина. Пг.: Гос. изд-во, 1922.

Библиография Кронштадта

Библиография Кронштадта за более чем 300-летнюю историю не так обширна, как того заслуживает этот город. Виной тому многолетняя секретность, и тем не менее о Кронштадте писали, рассказывали.

Пожалуй, одни из первых – книги Г. Тимченко-Рубана, С.И. Елагина, мичмана Дорогова, Ф.А. Тимофеевского, а также вышедшая в Киеве небольшая брошюра В.В. Владимирова. Прекрасную книгу написал А.В. Шелов «Исторический очерк крепости Кронштадт»².

Не мог пройти (проплыть) мимо Кронштадта и знаменитый Петр Николаевич Столпянский, чей путеводитель по Кронштадту вышел в 1923 г.³. Путеводитель содержит массу интереснейшей информации и два плана: один показывает путь из Петрограда в Кронштадт по Морскому каналу, на другом, разумеется, более интересном, – восточная часть острова Котлин: собственно Кронштадт, гавани, достопримечательности.

В более позднее время был выпущен маленький путеводитель, изданный в 1963 г.⁴. В качестве источников использованы всего семь изданий: три из них посвящены революционному прошлому Кронштадта, еще три – уже упоминавшиеся работы А.В. Шелова, Ф.А. Тимофеевского и С.И. Елагина. Любопытной оказалась и книга Г.Ф. Петрова, выдержавшая два издания, в 1971 и 1985 гг.

Огромная часть литературы о Кронштадте посвящена революционным событиям и мятежу 1921 г. И естественно, что в доперестроечное время мятеж оценивали только со знаком

---

² Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904.

³ Столпянский П.Н. Историко-общественный путеводитель по Кронштадту. Пг., 1923.

⁴ Вишокуров И.П., Завирюха П.Н., Знайда Т.М. Кронштадт. Краткий путеводитель. Л., 1963.

минус, который затем резко поменялся на плюс. Особый интерес вызывают две книги на эту тему: сборник документов⁵ и очень интересная работа сотрудника Музея истории Кронштадта В.Я. Крестьянинова «Кронштадтский мятеж. Хроника событий»⁶, в которой автор предоставляет читателям возможность самим разобраться в этой трагической истории.

Эта книга – не единственная, подготовленная сотрудниками данного музея. В 2008 г. издан альбом В.Я. Крестьянинова «Кронштадт – город музеев», в 2014–2015 гг. – двухтомный каталог «Памятники и мемориальные доски Кронштадта».

Отдельный блок книг посвящен Кронштадту в годы Великой Отечественной войны. Достаточно упомянуть сборник воспоминаний «Мы из Кронштадта»⁷ и книгу А.И. Еськова «Кронштадт. Война. Блокада».

Настоящим прорывом в изучении истории Кронштадта и вообще фортификации стала книга А.А. Раздолгина и Ю.А. Скорикова «Кронштадтская крепость»⁸, и хотя фамилия Скорикова стоит второй, именно он несколько лет работал в РГАВМФ, собирая и анализируя сложнейшие документы. Я купил эту книгу на толкучке, естественно, по коммерческой цене, но был счастлив. В книге не только впервые очень толково рассказано о строительстве основных фортов и батарей Кронштадта, но и оформлена она изумительно. Вот здесь надо сказать спасибо именно первому соавтору. И эта книга задавала некоторый тон книгам по фортификации – без чертежей такие книги пусты и немые.

В 2004 г. издательство «ОСТРОВ» выпустило небольшой путеводитель по фортам Кронштадта, вслед за которым появилась целая серия книг о наиболее крупных фортах: «Ино», «Император Александр I», «Константин», «Тотлебен», «Красная Горка» (ему посвящено два издания). В 2017 г. выйдет еще одна книга этой серии – «Форт Риф». Эти книги были бы невозможны без материалов, хранящихся в Российском государственном архиве Военно-морского флота. Среди них оказался уникальный альбом аэрофотосъемки фортов Кронштадта в 1940 г. Издание этого альбома в 2012 г.⁹ стало настоящим подарком любителям истории фортификации.

Еще одна необычайно интересная книга о Кронштадте – «Кронштадт. Архитектурный очерк»¹⁰. В этой книге впервые рассказано о застройке города казенными и частными зданиями.

Небольшая брошюра И.Н. Наймушина «Итальянский дворец в Кронштадте», написанная также на основе материалов РГАВМФ, насыщена интереснейшей информацией об этом уникальном здании. Подобные публикации касались отдельных тем, но попытка создания целостной картины истории Кронштадта удалась только В.Я. Крестьянинову в книге «Кронштадт. Крепость, город, порт»¹¹. Автор отказался от хронологической структуры и разделил книгу на тематические очерки. Книга содержит большое количество информации и насыщена интересными фотографиями. Однако из-за ограниченного объема за бортом издания осталось не только много фактов, но серьезных событий и тем. В 2014 г. эта книга вышла вторым изданием, правда, дополнения коснулись только восстановления Кронштадтского Морского собора.

Об этом символе Кронштадта надо сказать особо. Еще работая в филиале ЦВММ «Кронштадтская крепость», который располагался тогда в Морском соборе, В.Я. Крестьянинов в 1998 г. написал небольшую брошюру об этом храме. В ней впервые рассказано о строительстве

---

⁵ Наумов В.П., Косаковский А.А. Кронштадт 1921. М., 1997.

⁶ Крестьянинов В.Я. Кронштадтский мятеж. Хроника событий. СПб., 2016.

⁷ Зошин С.А., Белов М.Е., Поляков М.Е. Мы из Кронштадта. Л., 1975.

⁸ Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Кронштадтская крепость. Л., 1977.

⁹ Аэрофотосъемка фортов Кронштадта. СПб., 2012.

¹⁰ Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С. Кронштадт. Архитектурный очерк. Л., 1977.

¹¹ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. Крепость, город, порт. СПб., 2000.

собора и его судьбе. В те лихие годы мы были рады и такому скромному изданию. Совсем недавно издан прекрасный альбом «Кронштадтский Морской собор»¹².

В периодической печати опубликовано немало интересных статей о Кронштадте: это и газеты, издававшиеся в Кронштадте («Котлин», «Кронштадтская газета»); журналы, прежде всего, конечно, «Морской сборник», «Судостроение», «Военно-исторический журнал»; альманах «Цитадель», в каждом выпуске которого публикуется несколько статей о Кронштадте.

Нельзя не упомянуть и уникальный труд А.К. Соколова «Кронштадт: история длиною в 300 лет»¹³. Автор создал эту книгу на основе материалов газет, выходивших в Кронштадте в разные годы. Помимо уже упомянутого РГАВМФ, немало интересных материалов хранится в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), Музее истории Кронштадта и Центральной военно-морской библиотеке (ЦВМБ). Без работы в этих замечательных учреждениях книгу о Кронштадте написать было бы невозможно. Поэтому считаю своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность сотрудникам РГАВМФ, ЦГИА СПб, ЦВМБ, Музея истории Кронштадта, а также лично В.Я. Крестьянину и В.Ф. Ткаченко за неоценимую помощь в создании этой книги.

В настоящем издании я попытался собрать все, что, по моему мнению, необходимо знать об истории Кронштадта, но совершенно очевидно, что это еще далеко не вся история удивительного явления, называемого очень просто – Кронштадт.

---

¹² Кронштадтский Морской собор. СПб., 2013.

¹³ Соколов А.К. Кронштадт: история длиною в 300 лет. М., 2004.

Глава I До Петра

Немного географии

Остров Котлин, расположенный в восточной части Финского залива, – образование очень древнее. Его гранитная основа сформирована около 3 миллионов лет тому назад. Часть нынешнего Балтийского моря около 10 000 лет назад занимало так называемое Анцилово озеро, получившее это название от пресноводного моллюска анцилюс. Археологические раскопки на берегах острова дали возможность найти здесь кости животных не только вымерших, но и предков животных и рыб, ныне живущих на земле и под водой.

Геологические процессы привели к тому, что около 7500 лет назад воды Северного моря проникли в Анцилово озеро, превратив его в Литориновое море. Этим названием оно обязано другому моллюску – из рода литорина. Но прошло всего три с половиной тысячи лет, и произошло поднятие суши, заставившее отступить Литориновое море. Так образовалось море Древне-Балтийское. О Литориновом море нам напоминают крутые обрывы, хорошо узнаваемые, в частности, на Приморском шоссе в районе поселка Ушково (фин. Тюрисевя). В конце XIX в. проживавшие в этой финской деревушке дачники проложили по верху обрыва тропу – «корниш», гуляя по которой, они имели возможность любоваться Кронштадтом и южным берегом Финского залива.

А место, где находится ныне остров Котлин, благодаря тектоническим катаклизмам то, опускаясь, становилось морским дном, то, поднимаясь, превращалось в остров. Все это приводило к тому, что морская структура осадков чередовалась с континентальной. И именно поэтому геологической структуре Котлина присуща определенная слоистость¹⁴.

Прошло еще какое-то тысячелетие, и примерно 2500 лет назад образовалась река Нева. К этому времени остров, поднявшись со дна моря, опускаться больше не захотел. Вода хлынула из древней Ладоги в Балтийское море, образовав Невскую губу. Невская вода, веками размывая нижние слои острова Котлин, сформировала его нынешнюю форму, напоминающую с высоты птичьего полета какое-то доисторическое животное, которое, возможно, когда-то здесь обитало. Сформировала и его нынешние размеры: всего 12 км в длину и 4 км в ширину в самом широком месте.

О происхождении названия Котлин единого мнения у специалистов не наблюдается. По одной из версий, когда-то Невская губа называлась Котлин-озером, поскольку представляла собой котловину, наполненную смесью пресной и соленой воды. Отсюда якобы и такое название острова. Финны называли остров Ретусаари (заброшенный остров). В разных источниках фигурируют и Кетлинг с Котлингом, и Рычрет с Рычардом. Легенда же о связи названия острова со шведским котлом, который опрокинул Петр I, – всего лишь легенда. Но тем не менее это слово иногда напрашивается само собой, а изображение котла даже проникло на герб Кронштадта.

---

¹⁴ Кошкин А.С. Природа острова Котлин. СПб., 2008. С. 8.

Приневье и Финский залив в допетровское время

Балтийское море – это огромный, разумеется, по местным понятиям, «котел», вокруг которого когда-то расселились полтора десятка племен, народов, народностей, этносов. Тогда еще не было четких границ, и каждый выбирал себе место у котла соответственно своей силе или отсутствию оной, а места не все одинаковы. Наиболее ценными были те, по которым к котлу доставлялись разного рода товары. Поэтому путь «из варяг в греки», а он проходил в том числе и по Неве, и мимо острова Котлин, считался особенно лакомым кусочком.

Торговля всегда оставалась одним из самых прибыльных занятий. Предприимчивые ганзейские купцы поняли это одними из первых. Еще в XII в. пять германских городов во главе с Любеком составили знаменитый торговый Ганзейский союз. Определенные успехи в кораблестроении и навигации сделали морской путь экономически более выгодным, чем сухопутный. Правда, и здесь, как и на суше, следовало делать скидку на разбойников, то есть пиратов. Да еще стихия забирала свои проценты с товара, не брезгуя и людьми. И все-таки именно морской и речной пути стали наиболее перспективными. А если купец был еще и немножко поэтом, то путешествие с товаром за прибылью становилось для него к тому же романтическим приключением, до которых так охочи мужчины во все времена.

Новгород, «владея ключом главных торговых путей, идущих с востока и юга, получил на европейских рынках особенно важное значение». Сами ганзейцы, которые в 1195 г. заключили договор с Новгородом о взаимной торговле и свободном мореплавании по Балтийскому морю, «признавали Новгородскую контору источником, из которого произошли все прочие конторы»¹⁵. Однако опасному конкуренту в лице Швеции очень хотелось захватить устье Невы, чтобы контролировать прохождение купеческих кораблей, пополняя процентами свой карман.

Поэтому восточная часть Балтийского моря имела важнейшее значение для развития торговли, и это подтверждалось постоянными стычками конкурентов, иногда весьма кровопролитными.

Новгород оказался в непростой ситуации, к XI в. его данниками были племена, жившие на южном и северном берегах Балтийского моря, но немецкие миссионеры, повнимательней ознакомившись с этими землями, решили отвоевать себе более широкое место у «котла». В 1158 г. началась военно-церковная колонизация южного берега Балтики. В 1201-м на уже отвоеванных немецкими войсками у Новгорода землях образовалась Ливония, а в ней – орден Меченосцев. Они продвигались на восток по южному берегу Балтики, захватывая значительные территории. В результате граница между Ливонским орденом и Новгородом проходила по реке Нарове, Чудскому озеру, реке Великой. Таким образом, новгородские земли значительно сократились.

На северном берегу Балтики у Новгорода тоже нашлись враги. В 1157 г. шведы двинулись на земли племен «суми» и «еми», данников Новгорода. Проходили они и дальше, в 1164-м, например, сильный шведский флот прошел Неву, вышел в Ладожское озеро и осадил город Ладогу. Но ладожане хотя и оказались застигнуты врасплох, не потеряли присутствия духа: они зажгли свои дома в предместьях и засели в крепости, отправив гонца в Новгород с просьбой о помощи. Шведы двинулись на приступ, который был отбит, а вскоре подоспела и подмога во главе с князем Святославом и ударила по неприятелю с такой силой, что «из 55 шнеков, составлявших неприятельский флот, 43 были взяты, и только на остальных 12 судах весьма немногие из шведов, большей частью израненные, спаслись от смерти или плена, чтобы свидетельствовать на родине о совершенной неудаче этого первого опыта их борьбы с русскими»¹⁶.

---

¹⁵ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904. С. 2.

¹⁶ Гиттинг А.И. Нева и Ниеншанц. СПб., 2003. С. 64.

Новгородцы отвечали не менее активными походами на шведские территории Финляндии и даже на саму Швецию. Так, в 1187 г. была взята и сожжена шведская столица Сигтуне. После этого ее перенесли на новое место, дав ей название Стокгольм.

В начале XIII в. Швеция снова повела наступления на новгородские земли, но первая попытка оказалась неудачной. В 1240 г. шведский флот во главе с ярлом Биргером вошел в Неву, и 15 июля, в воскресенье, близ впадения реки Ижоры в Неву состоялась знаменитая битва. В ней новгородская дружина под предводительством князя Александра Ярославича наголову разгромила шведов, попытавшихся захватить устье Невы и город Ладогу, овладеть знаменитым и прибыльным путем «из варяг в греки». Этой победе предшествовало явление первых русских святых, князей Бориса и Глеба, убитых еще в 1015 г. окаянными Святополком. Их увидел новгородский боярин Пелгусий, находившийся в заставе на западной оконечности острова Хирвисаари (ныне – Васильевский). Борис и Глеб были одеты в торжественные «червленые» одежды, а гребцы их носата (новгородской лоды) – в одежды, «аки в молнию». Святые Борис и Глеб шли на помощь новгородским дружинам, на помощь князю Александру¹⁷.

Менее чем через два года, 5 апреля 1242-го, Александр во главе русского войска разбил и немцев на льду Чудского озера в битве, названной Ледовым побоищем.

Молодой князь, предводитель русских воинов, после этой битвы получит почетное прозвище: «Потомство прозвало Александра *Невским*, а церковь причислила к лику святых за благочестивую жизнь и мужественные труды, поднятые на защиту веры и отечества. Нетленные мощи его, покоящиеся во Владимире, Петр Великий перенес на берега Невы, где под охранением их святыни процвела юная столица России, и с того времени название *Невского* вдвойне приличествует святому ратоборцу»¹⁸. Молодой князь после битвы будто бы произнесет знаменитую фразу: «Кто к нам с мечом придет – от меча и погибнет». Так по крайней мере она звучала из уст Николая Черкасова, игравшего главную роль в знаменитом фильме «Александр Невский». Эти слова оказались пророческими.

Еще один договор с Ганзой Новгород заключил в 1262 г. Согласно ему, новгородцы принимали на себя ответственность за охрану торговых судов от острова Кетлингена до Новгорода. Это стало первым письменным упоминанием названия острова в международных актах – Кетлинг, или Котлин¹⁹.

В 1295 г. шведы основали крепость Выборг, а во время похода 1299–1300 гг. в Приневье начали строить в устье Охты крепость Ландскрону («Венец земли»). Но весной 1301 г. новгородские войска князя Андрея Александровича сожгли эту недостроенную крепость. Шведы же в начале XIV в. не прекращали попыток взять город Ладогу и даже дойти до устья Свири. К началу 1320-х гг. они полностью захватили бывшие новгородские земли гораздо восточнее древней новгородско-шведской границы, и Новгороду пришлось заключить в 1323 г. Ореховецкий мирный договор, по которому новгородско-шведская граница переносилась на сотни километров на восток и устанавливалась по реке Сестре.

Таким образом, за XII – начало XIV в. наступления шведских войск по северному берегу Финского залива, немецких, датских и шведских войск по южному берегу залива привели к значительному сокращению земель, подчиненных Новгороду. Неимоверными усилиями новгородцам удалось отстоять лишь небольшую полосу территории, центральной осью которой оставался древний торговый путь «из варяг в греки», закрепив, таким образом, право свободного прохода русских торговых судов из Невы в море. Границами этого новгородского выхода

¹⁷ Семенцов С.В. Развитие Приневья и Приладожья в VIII–XVII вв. – основа создания Санкт-Петербурга и всей Санкт-Петербургской агломерации // Елагинские чтения. Вып. 2. СПб., 2006. С. 17.

¹⁸ Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. С. 77.

¹⁹ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. Крепость, город, порт. СПб., 2014. С. 5.

к Балтийскому морю стали река Нарова – Чудское озеро – река Великая на западе, река Сестра — река Сая – река Вуокса – озеро Сайма на востоке.

Но во второй половине XIII в. Русь была значительно ослаблена татаро-монгольским нашествием, и иноземные купцы стали посредниками морской торговли. В XIV–XVI вв. шведы неоднократно ходили в походы в Карелию и Ингрию, разумеется, каждый раз проходя мимо острова Ретусаари и иногда высаживаясь на нем, чтобы размять ноги и разнообразить свое обеденное меню дичью, обитавшей здесь в изобилии.

В 1575 г. на Сестре-реке Швеция и Россия заключили очередное перемирие на два года. Причем русские добились того, что для переговоров шведы прибыли на нашу сторону реки. Несмотря на это, в начале 1578 г. шведские отряды вновь вторглись на русскую территорию и горя причинили очень много: «резали женщин, детей, старцев, монахов, жгли селения и грабили монастыри и деревни так, что сам король молил Бога отвратить от него и государства справедливую кару свою за такое бесчеловечие». Вскоре главнокомандующим шведских войск стал уроженец Франции Понтус де ла Гарди. В 1580 г. он выдвинулся с главными силами к границе с целью захвата российской Карелии и Ингерманландии. Шведам удалось взять крепость Корелу, которую тут же переименовали в Кексгольм. Затем и всю Ингерманландию захватили шведские войска.

Река Сестра, оказавшись в шведских владениях, стала границей между Выборгским и Нотебургским ленами. Отторгнутую часть бывшей Водской пятины Великого Новгорода шведы именовали Ингерманландией или Ингрией. Существует легенда, согласно которой это название восходит к 1019 г., когда первый крещеный король Швеции Олаф выдал свою дочь Ингигерду (в крещении Анна) замуж за новгородского князя Ярослава Мудрого. В приданое Ингигерда получила Ладогу и Ладожскую волость, где проживало прибалтийско-финское население, на языке которого ее шведское имя звучало несколько иначе, почему эти земли постепенно и стали называть Инкеринмаа (или Инкери), что в переводе на русский язык и означало – «земли Ингигерды». В русском варианте это слово получило другое звучание – «ижора». Шведские завоеватели, не утруждавшие себя изучением местных языков, добавили к непонятному для них слову «Инкеринмаа» шведское «ланд» – земля. В результате появилось громоздкое «Ингерманланд», в котором слово «земля» повторяется дважды – в финском и шведском вариантах. Позднее к этой конструкции добавилось русское окончание «ия», которое также означает «земля».

Западная граница Ингерманландии проходила по реке Нарове, восточная – по реке Лава, южная – по реке Луга и с севера обозначалась рекой Сестрой. За Сестрой начиналась Карелия.

Война с Ливонским орденом, начатая в 1583 г., ознаменовалась взятием Нарвы, но Швеция вновь появилась на арене, заменив прекративший свое существование Ливонский орден. Шведские войска захватили ряд русских крепостей на западе, заставив тем самым Россию в 1583 г. подписать Плюсское перемирие, по которому Россия уступила Швеции часть западной Ингерманландии.

Но по договору, заключенному 18 мая 1595 г. в Тявзине (район Нарвы), эти земли вернулись России. Береговая пограничная черта к северу от устья реки Сестры осталась почти такой же, как была зафиксирована Ореховским договором, а к югу от нее граница направилась поперек Финского залива, проходя через середину острова Ретусаари (Котлин). Таким образом, Россия лишилась возможности создать укрепления на этом важном острове. Договор, кроме того, ограничивал русскую торговлю: с иностранными купцами разрешалось торговать только в Ревеле (Таллин) и Выборге.

Но шведам этого оказалось мало – им требовалась надежная крепость на Неве, и уже в 1611 г. при впадении реки Охты в Неву имелось укрепление, в котором помещалось 500 человек войска. Именно здесь через некоторое время появится город Ниен (Нюен).

Россия, истощенная Смутным временем, 17 февраля 1617 г. заключила Столбовский договор, по которому царь Михаил Федорович отказался за себя и за потомство от земли Ижорской. Что это означало для Швеции, понятно из речи короля Густава II Адольфа, произнесенной на сейме 1617 г.: «Одно из величайших благ, дарованных Богом Швеции, заключается в том, что русские, с которыми мы издавна были в сомнительных отношениях, отныне должны отказаться от того захолустья, из которого так часто беспокоили нас. Русские – опасные соседи. Теперь без нашего позволения русские не могут выслать ни даже одной лодки в Балтийское море... Теперь у русских отнят доступ к Балтийскому морю, и, надеюсь, не так легко будет им перешагнуть эту преграду»²⁰.

В России хорошо сознавали важность этой потери, и в 1656 г. царь Алексей Михайлович решил занять все побережье Финского залива от Невы до Риги и, кроме того, берега Ладоги. Для этого были сформированы четыре отряда, одновременно направившиеся по четырем разным направлениям. Отряду воеводы и стольника П.И. Потемкина следовало «идти на Свейский рубеж на Варяжское море». Ему «дано было 1000 человек и в том числе, на случай морских экспедиций, были кормишки и отправленные из Москвы 510 донских казаков как опытные и бывалые моряки»²¹. Воевода вступил в Ингрию, сжег Канцы и обложил Орешек, простояв под ним до осени. Однако до этого, 22 июля, Потемкин успел сделать морской набег. Ходил он «с ратными людьми судами на море, и у Котлина-острова с немецкими людьми был бой, и милостию Божию и Пречистые Богородицы помощью и всех святых молитвами... у Котлина-острова полукорабль взял, и немецких людей побили, и языка поймал, начального человека капитана Ирека Далсфира, 8 человек солдат и наряд (т. е. пушки. – Л. А.) и знамена поймали, а на Котлине-острове латышане деревни высекли и пожгли»²². Из этого следует, что Котлин населен был, видимо, давно, хоть и весьма незначительно. И шведы опорного пункта здесь не имели, что несколько удивительно для опытных шведских военачальников.

Закрепиться в устье Невы отряду Потемкина не удалось – для этого требовались более серьезные силы. Осенью шведские войска снова заняли оба берега реки и Ладожское озеро. В 1661 г. заключен Кардисский мир, согласно которому устье Невы и Котлин оставались за Швецией.

После Столбовского мира 1617 г. сюда стали прибывать финны, которым наводнения, видимо, были нипочем. В результате на острове Хирвисаари (ныне – Васильевский) в конце XVIII в. находилось десять крестьянских хозяйств, а на взморье стояли лоцманский домик и, разумеется, кабак.

Наличие же лоцманского домика говорит не только о сложности прохождения Невского бара, но и о том, что у лоцмана была работа, раз он постоянно жил в этом домике рядом с кабаком.

Тем временем Ниен активно развивался. Под началом инженера С.Г. Хельмфельта здесь построили, по европейским фортификационным правилам того времени, 5-бастионную с двумя рavelинами²³ цитадель Ниеншанц. Ее бастионы получили названия Гельмфельтов, Мельничный, Старый, Мертвый и Карлов, а рavelины назывались Большой и Малый.

По планам конца XVII в., Ниен располагался по обоим берегам речки Чернавки (притока Охты), напротив Ниеншанца, а также севернее, вдоль берега Невы. Ниен включал 66 прямоугольных кварталов городской застройки. В городе размещались шведский кафедральный собор, немецкая церковь, старая и новая ратуши, шведская школа при соборе, таможня, бараки для солдат, склады и сараи для хранения припасов. Центр города украшали три площади –

---

²⁰ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 4.

²¹ Там же.

²² Цит. по: Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 6.

²³ Рavelин – треугольное сооружение впереди крепостного рва, служащее для поддержки огнем атакованных бастионов.

площадь вокруг шведского собора со зданием школы, площадь вокруг немецкой церкви, главная городская площадь с ратушей и таможней. Из города к Ниеншанцу вел через Охту подъемный мост, а через Чернавку установили несколько постоянных мостов. От Ниеншанца и устья Охты к противоположному берегу Невы, где издавна находилось село Спасское с православной церковью Спаса Преображения, был устроен перевоз.

30 мая 1681 г. Ниен подвергся страшному опустошению пожаром, от которого удалось спасти лишь четвертую часть всех строений. После этого жилая застройка с церквями и городскими площадями окончательно закрепилась на правом берегу Охты. Спешные восстановительные работы велись на рубеже XVII–XVIII вв., и потребовалось усиление крепости, для чего было разработано несколько проектов кардинальной перестройки фортификационных сооружений, вплоть до срытия существовавшей пятибастионной цитадели и ее кронверка и замены на новую, шестибастионную крепость с рavelинами.

Крепостные валы «никуда не годились», а укрепления находились в незаконченном состоянии, но, по мнению шведского инженера Дальберга, город обладал стратегическим значением как торговый центр. Население его составляли шведы, финны, русские и немцы, прибывшие из самых отдаленных областей, поэтому Ниен не нуждался в мощных укреплениях. Но поскольку русские всегда будут настойчиво стремиться «осуществить свое вековое желание и закрепиться в Восточных провинциях», то шведам было важно сохранить Ниен как сильную позицию к западу от Ладogi.

Но и эти работы не были осуществлены. Весной 1703 г. русские войска подойдут к Ниеншанцу, и его время закончится.

Глава II

Кронштадт в XVIII в.

Петр I и начало Северной войны

Рассуждения о роли личности в истории отложим в сторону, поскольку историю творят личности, именно личности.

Петр Алексеевич Романов стал Петром Великим не случайно. Случайность – это неосознанная необходимость. Россия двигалась в тупик, и была необходима очень сильная личность, способная перевести засыпанную трухой заржавленную стрелку на новый путь. О царе-преобразователе написано множество трудов, поэтому в данном случае следует ограничиться следующим. Петр в силу объективных причин осознанно позиционировал себя как настоящего лидера, вождя – учителем, мастером, который личным примером показывает, как надо работать и жить. Поэтому сам промерял фарватер, сам указывал, как строить гавани, как вооружать форты... Он не сомневался в своей уверенности и понимании того, что хорошо, что плохо, «что полезно, что вредно». Поэтому и поощрял щедро и наказывал жестоко, а случалось, и сам исполнял приговор.

При этом, будучи в личной жизни весьма скромным и непритязательным, не любившим публичных славословий, в памятные дни празднования победы над шведами осенью 1721 г. он не отказался от титулов «Великий» и «Отец Отечества». Таким он себя и считал.

Петр I. Гравюра с портрета К. Моора. 1718 г.

И вот царь Петр I явился «решителем» вековых споров за Неву, Карелию и Ингрию. Как уже упоминалось, после заключения договоров в Столбове и Кардесе русские лишились столь необходимого им водного пути. Наш товарообмен сильно «стеснялся» у Нарвы и Ниена, где ввозная пошлина зачастую поднималась настолько, что сделки русских торговцев становились убыточными. Например, в 1688–1689 гг. через Ниеншанц с огромными затруднениями пропустили груз, среди которого находились лекарства, выписанные для личных надобностей Петра I и его брата Иоанна²⁴.

Россия не могла расти и развиваться, не открыв себе путей для торговли. Этим путем стало Балтийское море. Не зря Петр I говорил, что шведы на севере, а турки на юге «со всем светом нам коммуникацию пресекли».

²⁴ Бородкин М. История Финляндии. СПб., 1900. С. 17.

В 1699 г. в Москву прибыло шведское посольство с сообщением о вступлении на престол Карла XII. В октябре царь принял посольство с большой торжественностью, но во время аудиенции напомнил, что комендант Риги генерал Даль-берг не допустил его, под именем Петра Михайлова, осмотреть крепость. Поведение Дальберга Петр I в свое время отметил в протоколе и приберегал его как предлог к войне, но пока обходился крайне радушно со шведским представителем в Москве Книперкроном, чтобы развеять его беспокойство и скрыть свои подготовительные действия.

В июле 1700 г. наш посол в Швеции, князь А.Я. Хилков, заявил Карлу XII о непреклонном желании Петра I получить Нарву или другой приморский пункт на Финском заливе. Карл отказал. Узнав об этом ответе, Петр сказал: «Возьму силою, чего добром получить не мог». 19 августа 1700 г. была объявлена война Швеции «за многие их свейские неправды и нашим царского величества подданным за учиненные обиды, наипаче за главное безчиние, учиненное нашим царского величества великим и полномочным послам в Риге в прошлом 1697 г., которое касалось самой нашей царского величества персоны».

Новая война стала не только борьбой за выход к Балтийскому морю – от успеха в этой войне зависело положение великой Российской державы в Северной Европе.

Однако первая проба сил под Нарвой закончилась неудачей. Армия разбита, артиллерия потеряна. Лучше других оценил Нарвское дело сам Петр: «И так шведы над нашим войском викторию получили, что есть безспорно, но надлежит разуметь, над каким войском оную учинили, ибо только один старый полк Лефортовский был; два полка гвардии только были в двух атаках у Азова, полевых боев, а наипаче с регулярными войсками, никогда не видали прочие полки [...] единым словом сказать, все то дело яко младенческое игранье было: а искусства ниже вида; то какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над таким и неискусными сыскать викторию»²⁵.

Пришлось все начинать сначала, и после нарвского несчастья работа закипела с удвоенной энергией. Северную границу спешно привели в оборонительное состояние. В кратчайшие сроки реорганизовали и восстановили армию, началось ее перевооружение, для чего потребовались даже перелить на пушки церковные колокола. Началось создание российского военного флота. В 1703 г. на верфи Лодейного Поля спустили на воду 6 фрегатов.

15 июня 1702 г. Петр Апраксин выслал на соймах и баркасах отряд в 400 человек под командованием подполковника Островского для «разорения» селений на Кексгольмском берегу – это первая военная экспедиция петровских частей по Ладожскому озеру. Около устья реки Ворона отряд Островского встретил небольшую военную эскадру шведов под командованием вице-адмирала Гедона фон Нумерса. Большая часть шведской команды занималась на берегу грабежом русских деревень. Островский атаковал шведов. Полная неожиданность атаки привела шведов в замешательство, Нумере поднял паруса и поспешно отступил.

В августе 1702 г. полковник Иван Тыртов, согласно донесению П. Апраксина, «ходил на Ладожское озеро „плавным караваном“ для промыслу и имел на озере бой со шведскими шхунами, которые отступили к Орешкову»²⁶. 27 августа отряд И. Тыртова в 1000 человек на 30 карбасах в полный штиль атаковал парусную эскадру вице-адмирала Нумерса, стоявшую на якоре близ Кексгольма. Русским удалось сжечь две шхуны, одну потопить, а две взять в плен и «уменьшить отряд адмирала на 300 человек». К сожалению, сам И. Тыртов в этом бою был убит шведской пулей.

Эскадра Нумерса ушла по Неве в Финский залив, а затем в Выборг. Таким образом, Ладожское озеро оказалось в почти полном распоряжении русских. Овладев в 1702 г. крепостью Нотебург, Петр переименовал ее в Шлиссельбург (Ключ-город), видимо, для того, чтобы

---

²⁵ Бородкин М. История Финляндии. СПб., 1900. С. 30.

²⁶ Бородкин М. История Финляндии. СПб., 1900. С. 44.

показать важность этого завоевания. А уже 25 апреля 1703 г. русские войска начали осаду Ниеншанца. Заняв внешние укрепления, возведенные в предыдущем году генералом Крониортом, осадные батареи 30 апреля начали обстрел крепости. Комендант, не видя возможности защищаться, решил сдаться «на капитуляцию».

Теперь следовало поквитаться с Нарвой. Весной 1704 г. русские вновь двинулись на запад. Нарву защищал тот же комендант – генерал Горн. Осада города началась 27 июня, а 9 августа, после непрерывной 10-дневной бомбардировки, русские войска «при личном участии Петра» пошли на штурм. Штурмовавшие ворвались в город с севера, со стороны самых мощных бастионов «Виктория» и «Хонор». Когда ожесточение боя дошло до предела и исход его стал очевиден, только тогда Горн приказал дать сигнал к сдаче и, по свидетельству очевидца, «сам кулаком в барабан бил». На крепостном валу сам Горн тоже попал в плен. По преданию, озлобленный за пролитую солдатскую кровь Петр I кричал на Горна: «Глупец! Ты предвидел все ужасы приступа, знал, что не можешь удержаться и бесполезно подверг невинных граждан ярости неприятеля»²⁷.

Но еще за год до этого, 16 мая 1703-го, на Заячьем острове состоялась закладка Петропавловской крепости и началось строительство будущей столицы. Первые укрепления крепости построили очень быстро – в четыре летних месяца. Тысячи людей были заняты на строительстве крепости и возведении домов. Землю на валы носили не только в рогожных мешках, но даже в «полах своей одежды».

На взморье в это время покачивались на волнах корабли эскадры Нумерса, а у реки Сестры стоял отряд генерала Крониорта, который, как значилось в первых русских «Ведомостях», укреплял Карелию и Финляндию. Но эти обстоятельства не смущали Петра I. Вся Европа удивилась столь отважному предпрятию – ведь русский царь начал строительство нового города в то самое время, когда, казалось, «настоящая война имеет одна занять все его попечение».

Петр старался как можно дольше скрывать от шведов сам факт начала строительства. О постройке нового города сведения не распространялись, и, встречаясь с отрядами, превосходившими их в силе, русские отряды отступали, чтобы не потерять людей, которые могли бы дать противнику сведения о новых укреплениях.

На территорию новой крепости никого не пускали. Крестьяне Карельского перешейка, привозившие для продажи свои продукты, останавливались у ворот. Товары отбирались, и продавец ждал уплаты вне крепости.

Петр I прекрасно понимал, что шведы просто так Неву и Финский залив не отдадут, что предстоит долгая изнурительная война, а первые, пусть и блестящие победы – это всего лишь первые победы. С утратой Нотебурга, Ниеншанца и Нарвы шведы теряли контроль над водной системой Ладога – Нева – Финский залив, которая являлась естественной и легко обороняемой границей с вечным врагом – Россией. Закладка крепости и города в устье Невы сводили на нет все их многовековые усилия. Чем был для шведов строившийся Петербург, видно из строк известного шведского поэта Тегнера (перевод О. Румера):

*В те дни пред севером дремотным
Уже возник Петровский град,
Что нынче красоваться стал
Чужих венцов числом несчетным.
Как новорожденный дракон,
Лежал в своем заливе он.*

²⁷ Маршинский (Бестужев) А. Поездка в Ревель // Русские повести и рассказы. Ч. 6. М., 1834. С. 123. Там же упоминается о том, что Петр лично убил одного своего солдата, особенного зверствовавшего в захваченной крепости.

*В змееньше, годами малом,
Кто б чудище не отгадал;
Уж яд в зубах его вскипал,
Расщепленным шипел он жалом.
Там против мирных свейских вод
Снастили смертоносный флот.*

Швед тогда по-другому написать и не мог: «мирные свейские воды» – и против них «яд в зубах»!

Поэтому Петербург становится важнейшей целью военных усилий шведов. Понимая это, Петр первым наносит удар. Четырехтысячная русская армия в марте 1703 г. вторглась в пределы шведской Карелии. У деревни Липола (Котово) произошло крупное сражение. Русское войско, среди которого были специально снаряженные лыжные отряды, атаковало державший оборону так называемый «Черный полк» майора Бургхаузена, состоявший из 600 драгун. Шведско-финляндский отряд был почти полностью уничтожен.

Теперь следовало посчитаться с Крониортом и его отрядом. Шведское командование обвиняло его в бездействии и в том, что он не помог ни Нотебургу, ни Ниеншанцу. Генерал оправдывался слабостью своего отряда и недостатком провианта. Но все-таки вскоре попытался перейти к активным действиям.

В июне 1703 г. произошла стычка передовых отрядов на карельской границе около Лембола, в результате которой шведы вынудили русских отступить. Затем отряды Крониорта, подойдя к Лахте, захватили нашу заставу. Около новой крепости забили тревогу.

7 июля Петр I выступил из Петербурга с двумя полками гвардии и с четырьмя драгунскими. В Преображенском и Семеновском полках, которыми командовал генерал Чамберс, находилось около 5000 человек, конные полки состояли из 700–800 всадников. Следовательно, русские насчитывали около 8000 воинов. У шведов насчитывалось около 4000 (по другим данным – 6800) человек. Отряд Крониорта «нашли» 9 июля 1703 г. Он занимал переправу на реке Сестре.

В дневнике боевых операций Петра I по этому поводу отмечено: «Его царское величество от Питербурха ходил с двумя полками гвардии, да с четырьмя драгунскими против генерала шведского Крониорта, которого у реки Сестры стоящего нашли, и хотя неприятель через переправу жестоко боронился и непрестанно из тринадцати пушек стрелял, однако же бывший тогда в авангарде полковник драгунской Рен с драгунами, несмотря на тою жестокою стрельбу, от оною через реку от мосту отбыл и переправую овладели и многих прибили, а с остальными он, Крониорт, ретировался к Выборху».

Из-за того что дорога оказалась слишком узкой, в этом бою могли принять участие только драгуны. Пройдя версты две, преследуя противника, они вышли на большую поляну около Иоутсельке, где обнаружили арьергард шведов. Драгуны бросились в атаку на врага, который дал бой «фрунт на фрунт». Когда же за нашей конницей показалась пехота, неприятель скрылся в лесу. Началось преследование, причем драгуны «зело много порубили, понеже солдат брать живьем не хотели». В этом бою шведов было убито около 1000 человек, наши же потери составили 32 человека убитыми и 115 ранеными.

Решив на время проблемы с сухопутными частями шведов на Карельском перешейке и на западе, следовало обезопасить новую столицу от нападения с моря.

Строительство «Кроншлота»

Первая морская победа над шведами одержана 7 мая 1703 г. Эскадра вице-адмирала Нумерса появилась в восточной части Финского залива, не подозревая, что за ними внимательно наблюдают передовые русские посты. Два шведских судна – 8-пушечная шнява «Астрильд» и 10-пушечный бот «Гедан» – подошли к самому устью Невы. Посадив солдат Преображенского и Семеновского полков в 30 лодок, Петр атаковал шведские корабли с двух сторон. Один отряд, под командованием «капитана от бомбардиров Михайлова», атаковал «Астрильд», второй отряд, которым командовал А.Д. Меньшиков, – «Гедан». Абордажная схватка была жестокой. Несмотря на упорное сопротивление шведов, русские захватили в плен оба судна. В честь такой победы были изготовлены медали со знаменитой фразой «Небываемое бывает», которые получили все участники этого боя. Традиция изготавливать памятные медали в честь важнейших событий сохранялась после этого в России веками.

В начале октября на Неве и Финском заливе появилась шуга – предвестник скорого ледостава. Шведская эскадра Г. Нумерса ушла на зимовку в Выборг, и у Петра I появилась возможность обследовать остров Котлин и фарватеры Невской губы. Собственноручно делая промеры, царь выяснил, что, устроив на берегу Котлина батарею и построив форт на южном фарватере, можно добиться его надежной перекрестной обороны. Северный фарватер считался вплоть до середины XVIII в. «недоступным» в силу его извилистости и обилия мелей и камней.

«Нельзя сомневаться в правильности и талантливости ведения промеров, так как выбор места для форта Кроншлот был так удачен, что до введения нарезных орудий он был самым важным опорным пунктом, и только современная дальнобойность орудий изменила значение Кроншлота, заставив расширить круг обороны, чтобы защитить гавань и город от бомбардирования»²⁸.

Это мнение знающего морского офицера, а вот другое мнение: «Конечно, лучшим местом для будущей фортеции мог стать остров Котлин. Он лежал как раз посередине узкого горла Финского залива. Однако возведение мощных бастионов на скалах требовало немало сил и средств. А шведы уже весной могли напасть на юный Петербург. Нет, следовало искать другое»²⁹. Где автор углядел на Котлине скалы – неизвестно, но он оказался прав в одном: оборона фарватера в данный момент была важнее всего.

Глубина в самом узком месте южного фарватера составила около 3,35 м, отсюда к южному берегу уходила длинная мель, делавшая эту часть залива совершенно непроходимой для неприятельских кораблей. Таким образом, само собой напрашивалось решение именно здесь строить форт. Идея создания на Котлине города и коммерческого порта появится у Петра позднее, когда он подробнее изучит сам остров. А пока следовало решить задачу защиты устья Невы.

Отдав распоряжения о заготовке бревен и камней для начальных работ, Петр 24 октября через Москву отправился в Воронеж. Именно в Воронеже он изготовил модель будущего форта, которую в новую столицу привез князь А.Д. Меньшиков. Предположительно, строительством непосредственно руководил Д.А. Трезини, приехавший из Москвы в Петербург в начале февраля 1704 г.

О том, какая крепость послужила прототипом первого кронштадтского форта, рассказано в книге князя А.Д. Кантемира, напечатанной в Германии в 1738 г. на немецком языке. На русском языке фрагмент из нее опубликован в наши дни в переводе Ю.Н. Беспятовых: «К юго-западу напротив ингерманландского берега стоит значительная морская крепость Кронш-

²⁸ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904. С. 7.

²⁹ Овсянников Ю.М. Доменико Трезини. Л., 1987. С. 26.

лот – на песчаной отмели, для чего Петр Великий в 1705 г.³⁰ велел посреди зимы сделать из ящичков с камнями основание и затем поставить его в таком месте, чтобы эта крепость могла, наряду с укреплением в Кронштадте, по усмотрению открывать и запирасть путь из Восточного моря в С.-Петербург и также служить как ключом Российского государства на восток, так и прикрытием российской торговли на Балтийском море. Кроме того, это как бы центр российских военно-морских сил, и крепость достаточно доказала свое значение во время нескольких неприятельских нападений.

Она устроена по образцу столь некогда превосходной морской крепости Wallfisch³¹, стоявшей в гавани Висмара, и окружена очень толстой четырехугольной каменной стеной, фланкированной четырьмя бастионами и уставленной многочисленными пушками. Самый нижний их ряд расположен по кругу так, что они могут палить над самой водой и обстреливать утку, не говоря уже о шлюпке. Внутри стоит очень толстая каменная башня в три этажа. Эти этажи имеют вокруг множество бойниц и тоже снабжены достаточным числом пушек. Наверху развевается российский морской флаг. Сама же крепость постоянно обеспечена должным гарнизоном³².

Между крепостью и островом Ретусари вода шириной около двух тысяч шагов, и она достаточно глубока для выходящих и входящих кораблей. А вот с северной стороны острова очень мелко и полно песчаных отмелей, так что на больших судах там вовсе не подступиться...»³³.

В этом фрагменте есть и упоминание о технологии строительства искусственных островов, которая традиционно использовалась в России при строительстве мостов. «Ящички с камнями» – это ряжи, то есть обыкновенные бревенчатые срубы, только без окон и крыши, но с дном. Ряж устанавливался в майну-прорубь во льду как раз по размеру ряжа. Ряж наполняли камнями, и он постепенно опускался на дно. По мере опускания на нем рубили новые венцы. Когда ряжи вставляли на дно, на них устанавливали помост.

Именно эту работу на месте будущего форта начали солдаты полков Толбухина, Островского, Трейдена и Гамонтова, как только лед окреп настолько, что мог выдержать не только людей, но и подводы с камнями. Постройкой руководил князь А.Д. Меншиков, но он периодически «бывал в эту зиму в отлучках», и тогда его заменял бомбардир Василий Корчмин³⁴.

³⁰ Точнее, первый «Кроншлот» основан зимой 1703/04 г.

³¹ Walfisch – кит (нем.)

³² Это описание касается «Нового Кроншлота», о чем в следующей главе.

³³ Цит. по: *Беспятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 457. См. также: *Богданов В.И., Малова Т.И.* Форт «Кроншлот» и наводнение 1721 или 1777 гг. на гравюре неизвестного немецкого автора // «Цитадель». 2012. № 19. С. 3–20.

³⁴ По легенде, Васильевский остров назван именно по имени Василия Корчмина, в 2003 г. на 7-й линии Васильевского острова ему открыли памятник (авторы Г. Лукьянов и С. Сергеев).

Строительство форта «Кроншлот». Художник А.А. Тронь

Таким образом, установленные солдатами в определенном порядке ряжи служили основанием нового искусственного острова. К весне 1704 г. на этом основании построили мазанковую десятигранную трехъярусную башню, которая завершалась шатровой крышей, увенчанной фонариком со смотровой площадкой на высоте 22,86 м от уровня воды. Выше возвышался флагшток. Общая высота составляла 36,57 м. «Первый ярус башни при диаметре 96 футов (29,26 м) имел сторону 29,5 фута (8,99 м) и высоту 13,8 фута (4,20 м). Соответственно второй и третий ярусы имели диаметр 84 фута (25,60 м), стороны по 26 футов (7,92 м) и высоту 14,7 и 9 футов (4,48 и 2,74 м). Первый ярус на каждой грани стены имел по одному проему размером 6,7 x 5 футов (2,04 x 1,52 м); второй ярус – по два проема размером 6x4 фута каждый (1,83 x 1,22 м) и третий – также по два проема 4,5 x 4,5 фута (1,37 x 1,37 м). Первый и второй ярусы имели по одной внешней двери. Площадь застройки первого яруса составляла 6694 квадратных фута (643,9 м²), а второго и третьего – по 5100 квадратных футов (473,8 м²)»³⁵.

Полковник А.В. Шелов пишет, что при строительстве «Кроншлота» «около 8000 лошадей пало от недостатка корма и изнурения, немало погибло и людей, но это была необходимая жертва, принесенная для охранения Петербурга и для обеспечения будущих успехов Петра на водах и берегах Балтики»³⁶.

Жуткую картину нарисовал некто Владимиров, выпустивший небольшую книгу о Кронштадте: «Кроме страшных морозов и ветров, губительно действовавших на здоровье рабочих, в скором времени обнаружился страшный недостаток в съестных припасах. Отрезанность вообще всего вновь завоеванного края от остальной России, а уединенного острова в особенности повела за собой то, что по мере наплыва рабочих сил продовольствие их делалось более и более затруднительным, и бедствия от этого все увеличивались и увеличивались. Рабочие жили, как и в Петербурге, в шалашах и спали на мерзлой земле. Их новые шубы в короткое время превратились в жалкие клочья, они прогнили, и от них отваливались целые куски. Почти все были окровавлены. Народ умирал массами. Некоторые думали, что здесь распространилась чумная эпидемия, тогда как на самом деле люди гибли просто от невозможных условий жизни, непосильных работ, холода, сырости и недостатка пищи. Дисентерия (так в тексте. – Л. А.) уносила в могилу всех не выносивших этих условий. Много людей умирало благодаря недостатку медицинских припасов и отсутствию врачей. Так прошла первая зима.

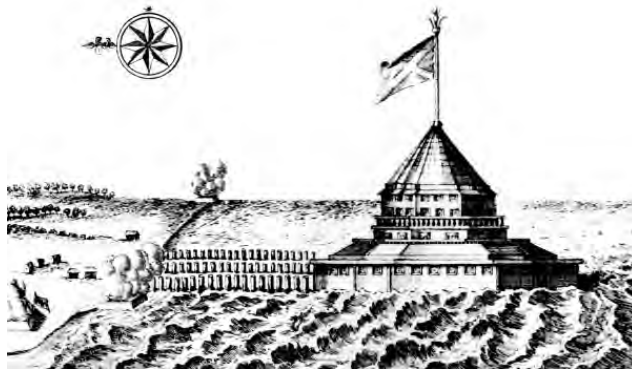
Первоначальное заселение острова началось в местности, находившейся у форта „Александр-шанц“. Ныне этот поселок, известный под именем „Косного селения“, представляет из себя десяток-другой стареньких покосившихся домишек с небольшим населением. Зато находящиеся рядом кладбища живо свидетельствуют, что на этом маленьком островке никогда не было застоя жизни»³⁷.

---

³⁵ Цит. по: Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещевая Л.С. Кронштадт. Архитектурный очерк. Л., 1977. С. 138. См. также: РГАВМФ. Ф. 326. Оп. 1. Д. 2784.

³⁶ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 8.

³⁷ Владимиров В.В. Кронштадт. Киев; Харьков, 1899. С. 13.

Форт «Кроншлот». Гравюра петровского времени

Расхожее мнение, что Петербург, а вместе с ним и Кронштадт построены «на костях», требует некоторого уточнения. Первые слухи о громадной смертности среди первых строителей Петербурга исходили от иностранных путешественников, но, как справедливо отмечает Т.А. Базарова, «в начальные годы Санкт-Петербурга, когда была самая большая смертность работных людей, иностранцев (за исключением состоявших на царской службе специалистов и купцов) на берегах Невы не было»³⁸.

Первый же западноевропейский дипломат, вручивший свои верительные грамоты в Санкт-Петербурге, Юст Юль в 1710 г. сообщал, что при сооружении «Кроншлота» зимой погибло более 40 000 человек, а при строительстве крепости на Заячьем острове – не менее 60 000. В последующих публикациях эти суммы возрастают до астрономических значений. Но за первые десять лет количество присланных на берега Невы работных людей не превышало 300 000, а в росписях Канцелярии от строений повторяются «из года в год именные перечни одних и тех же работников, из одних и тех же мест, что доказало жизнь и деятельность их, а не смерть»³⁹.

Торжественное освящение новой крепости состоялось 7 мая 1704 г. В этот день, утром, Петр I, митрополит Новгородский и Великолуцкий Иов и соответствующая свита на нескольких судах отправились из Санкт-Петербурга к Котлину. Одновременно на флейте «Белькам» («Бельком») на новый форт доставили 14 6-фунтовых пушек – это первые из 48 орудий, предназначенных для его вооружения. «И в прибытие Его Великого Государя, тогда наречена она крепость Кроншлот, сиречь коронный замок, и торжество при ней было трехдневное».

Петр лично написал инструкцию первому коменданту полковнику Трейдуну:

«Содержать сию ситадель с Божиею помощью, аще случится, хотя до последнего человека и когда неприятель захочет пробиться мимо оной, тогда стрелять, когда подойдет ближе, и не спешить стрельбою, но так стрелять, чтобы по выстрелянии последней пушки первая паки была готова и чтоб ядер даром не тратить».

Когда явятся нейтральные корабли под своими знаменами (котораго государства ни есть) и учнут приближаться к крепости, тогда в такой дистанции как мочно достать ядром стрелять без ядра, чтобы парусы опустил и якорь бросил; и буде онаго не послушает, то, мало погодя, стрелять ядро мимо корабля; и если того не послушает, то, дождався, стрелять как по неприятелю. Надлежит же разуметь, чтобы от первого до второго с небольшую четверть было времени, дабы мог успеть якорь бросить»⁴⁰.

³⁸ Базарова Т.А. Создание «парадиза». Санкт-Петербург и Ингерманландия в эпоху Петра Великого. СПб., 2014. С. 10.

³⁹ Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях: 1703–1782. СПб., 2004. С. 41.

⁴⁰ Морской сборник. 1869. № 10. С. 171–172.

Кроме того, Петр предостерегал: «Зело надлежит стеречься неприятельских брандеров⁴¹ [...] также и своего огня подобает опасатись, множества ради дерева». Ну не учитель ли, не мастер!

Через пять дней, 12 мая, Петр I издал указ, «чтобы новопостроенную крепость, которая на острове Котлине, никто каланчею и цитаделью не называли, а называли б Кроншлот». А спустя десять лет немецкий мастер Ф.Г. Мюллер изготовил медаль, на которой на немецком языке выбито название форта – Кроншлосс.

О том, как в точности выглядел первый кронштадтский форт, единого мнения у историков нет. Модель, изготовленная Петром, не сохранилась. Нет, а возможно и не было, чертежей, воспоминания очевидцев дают противоречивую картину. Немецкий путешественник в 1710 г. написал, что «Кроншлот» имеет «вид круглой башни в три яруса, снизу доверху обеспеченной пушками»⁴². В этом же издании приводятся слова пленного шведа Л.Ю. Эренмальма о том, что эта крепость «восьмиугольная»⁴³.

По мнению П.Н. Петрова, на искусственном острове возводили пятигранную башню с двумя рядами амбразур для крепостной артиллерии⁴⁴. Это предположение, как и утверждения, что башня была десятигранной, Т.А. Базарова ставит под сомнение, доверяя иностранным свидетельствам и исследованиям доктора исторических наук П.А. Кротова. Он считает, что достоверным изображением первого «Кроншлота» является гравюра Г. Боденера-старшего «Вид Петербурга и Ретусари», созданная около 1705 г. Однако при увеличении видно, что «Кроншлот» показан весьма условно и, главное, четырехгранным. При этом четко просматривается, что амбразуры показаны только в двух верхних ярусах.

*Вид Петербурга и Ретусари.
Гравюра Г. Боденера-старшего. 1705 г.*

Очень интересные материалы из архива Стокгольма введены в научный оборот Т.А. Базаровой. Она пишет: «Все землемерные планы незадолго до начала Северной войны из приграничных областей были вывезены в Стокгольм. Командование финляндской армии, силами которой велись военные действия в окрестностях Санкт-Петербурга, не имело возможности ими воспользоваться и было вынуждено спешно создавать новые. Несомненно, в первую очередь шведы стремились получить достоверную информацию об укреплениях Санкт-Петербурга и Кроншлота. Для этого в распоряжение русских войск засылались шпионы, допрашива-

⁴¹ Брандер – небольшое судно, наполненное горючими материалами, служившее для уничтожения неприятельских судов путем его поджога. В теории экипаж подводил брандер к неприятельскому судну, сцеплялся с ним и поджигал брандер, уходя на шлюпках. На практике все было гораздо сложнее.

⁴² Точное известие о крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кроншлот и их окрестностях // Беспятых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 55.

⁴³ Там же. С. 21.

⁴⁴ Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях: 1703–1782. СПб. 2004. С. 44.

лись пленные и перебежчики, расспрашивались местные жители. Некоторые из составленных в 1704–1708 гг. разведывательных чертежей невской дельты и острова Котлина с крепостью Кроншлот сохранились до наших дней»⁴⁵.

Первый вид «Кроншлота», который имеет в виду Т.А. Базарова, выполнен коричневой акварелью на обрывке листа. По ее мнению, это восьмиугольная крепость, но такой вывод не кажется убедительным, так как вполне возможно, что рисунок изображает шестиугольную крепость. В отличие от гравюры Г. Боденера-старшего, амбразуры изображены в трех ярусах, но есть еще и самый нижний ярус, в котором, по предположению Т.А. Базаровой, находились «казармы». Шатровая крыша с фонариком еще не построена, и флагшток с флагом галерного флота находится на втором ярусе, так что, судя по этому рисунку, высокая шатровая башня к лету 1704 г. не была еще построена. Флаг морских крепостей появится на изображениях «Кроншлота» позднее.

Г. Гюйссен сообщал о «Кроншлоте» в «Описании Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м гг.» (о котором чуть дальше):

«О КРЕПОСТЦЕ КРОНШЛОТ

От этого места, как уже упомянуто, начинается открытое море, или Финский залив; вследствие чего его царское величество и назначил быть здесь морской крепостце, которая заложена, если не ошибаюсь, в 1704 году под именем Кроншлота. Этот Кроншлот выстроен между Ингер-манландской стороной и сказанным островом Ретусари, на песчаной отмели среди моря, с целью преградить свободный доступ в Неву реку. Он имеет вид круглой башни в три яруса, которая вооружена снизу до верха пушками, и в нем, как летом, так и зимой, находится постоянный гарнизон. Мне сказывали, что этот форт сооружен русскими и что фундамент его сложен из ящиков с камнями, которые были погружены в воду зимой. Строение в нем деревянное и земляное; на вершине башни развевается большой флаг. Мысль форта не дурна; однако смысленные головы толкуют, что неприятельское судно, которое вздумало бы двинуться на всех парусах к реке, не много встретило в том помехи от упомянутой крепостцы, потому что из круглой башни нельзя делать по кораблю за раз более двух или трех выстрелов, тогда как, если бы крепостца имела форму треугольника, то с нее можно было бы залпами, из десятидвенадцати выстрелов, успешнее задерживать проходящие суда и совсем их истреблять»⁴⁶.

«Смысленные головы», мнение которых приводит автор, не совсем правы. Именно форма десятигранника позволяла стрелять по проходящему мимо кораблю «залпами из десяти или двадцати выстрелов».

На «Кроншлоте» службу несла постоянная «команда, состав которой летом, в первые годы, часто менялся в зависимости от близости неприятельского флота. По закрытии же навигации оставался лишь постоянный кадр из одного поручика и 22-х артиллерийских служителей».

Форт «Кроншлот» прославился еще и тем, что здесь в 1707 г. начали вести наблюдения за уровнем моря. Правда, первые наблюдения относятся к 1703 г., году закладки новой столицы. В 1731 г. футшток установили в Средней гавани Кронштадта, а в 1752-м на Котлине открылась первая в России гидрографическая станция, которая вела постоянные наблюдения за уровнем моря.

Все сведения по этому вопросу (о начале заселения Котлина и постройках) должны были сосредотачиваться в Канцелярии ингерманландского губернатора, князя Меншикова. Она помещалась в деревянном доме князя на Васильевском острове. 22 декабря 1716 г. зда-

---

⁴⁵ Базарова Т.А. Создание «парадиза». С. 80.

⁴⁶ Беспятовых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 56.

ние это сгорело до основания вместе со значительным количеством архивных дел, успевших уже накопиться к этому времени. Вследствие этого, когда в январе 1723 г. кабинет Его Величества требовал для составления истории ведомостей о времени производства ранних работ, сенатская канцелярия и канцелярия петербургского гарнизона отозвались совершенным невведением первоначальных работ как в Петербурге, так и на Котлине ⁴⁷.

---

⁴⁷ *Елагин С.* Начало Кронштадта. СПб., 1866. С. 23.

Остров Котлин и продолжение Северной войны

Однако одного «Кроншлота» для обороны фарватера было недостаточно, и на южном берегу Котлина в 1704 г. построили земляную временную батарею. Названная Старой (позднее – Андреевской), она размещалась напротив форта «Кроншлот». На западной оконечности острова, на том месте, которое мы сейчас называем рифом косы, и на самой Котлинской косе, размещался полк полковника Толбухина, в задачу которого входило наблюдение за Финским заливом и оборона острова при высадке неприятельского десанта.

В дополнение к орудиям «Кроншлота» и котлинской батареи к началу лета 1704 г. у «Кроншлота» собралось более 40 полугалер, спешно построенных на притоках Ладоги.

Приготовления русских к обороне были не напрасны, так как уже 9 июля 1704 г. с западной оконечности острова Котлин наблюдатели полка Толбухина обнаружили на западе паруса шведских кораблей – эскадру вице-адмирала Я. де Пру (де Пруа) в составе линейного корабля, пяти фрегатов, шести бригантин и вспомогательных судов (всего около 40 вымпелов).

Одновременно по северному берегу залива на строящийся Петербург наступал корпус генерал-майора И.Г. Майделя, в июле шведы подошли к Петербургу, и Майдель начал стрелять «шведским лозунгом». Он уведомлял де Пру о намерении атаковать Петербург⁴⁸.

Шведский десант на 50 шлюпках предпринял атаку Котлина 12 июля, но подойти вплотную к берегу они не смогли из-за мелководья, им пришлось высаживаться в воду. Находившиеся на берегу солдаты полка Ф.С. Толбухина встретили десант плотным ружейным огнем, заставив противника спешно отступить.

Шведские корабли у форта «Кроншлот». 1705 г.

Тогда шведские корабли начали артиллерийский обстрел «Кроншлота» и Котлина, который продолжался почти двое суток, но ни одна бомба в форт не попала, «понеже та крепость малая, а шведские бомбардирные корабли стояли на дальнем расстоянии и невозможно никоим образом с корабля в него трафить»⁴⁹. Не добившись результата, шведы ушли на запад.

Ближе к зиме русские корабли ушли в Петербург, орудия с островных батарей перевезли на «Кроншлот», где гарнизон оставался в полной боевой готовности. В конце января 1705 г. шведский отряд численностью 1000 человек под командованием Карла Арнфельда с северной стороны по льду подошел к Котлину. Проводник то ли по ошибке, то ли сознательно, повторив подвиг Ивана Сусанина, провел шведов мимо Котлина. Спohватившись, шведы повернули

⁴⁸ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 21.

⁴⁹ Тимченко-Рубан Г.Н. Первые годы Петербурга. СПб., 1901. С. 109.

обратно, но их обнаружил гарнизон «Кроншлота». Атаковать форт они не решились и лишь сожгли несколько деревянных домов на острове.

*Корабли Балтийского флота у о. Котлин.
Лето 1705 г. Художник А.А. Тронь*

Однако шведский историк Г. Адлерфельд, камергер Карла XII, так описывает эту атаку, называя при этом «Кроншлот» замком: «Особенно темная ночь была причиной тому, что проводник заблудился на этой снежной равнине и провел отряд значительно позади замка. Русские узнали о нашем плане, что дало им возможность подготовиться к обороне и направить в замок 500 человек подкрепления. Тогда же вся кавалерия и пехота, остававшиеся на острове, построились в боевой порядок в новом городе Кронштадте и во дворце Царя для отражения нашего штурма. Арнфельд, зашедший слишком далеко для возвращения без результатов, не смутился от плохого начала операции и повернул к острову, атаковав врага с такой смелостью, что заставил очистить город.

*Морской полк на о. Котлин. 1705 г.
Художник А.А. Тронь*

Неприятельская кавалерия спаслась бегством, но пехота не могла избежать поражения; бросившись к замку, она была застигнута на льду и изрублена на куски под самыми пушками форта. Гарнизон последнего сделал вылазку, но был встречен не хуже, и его преследовали в рукопашном бою до рогаток и проруби во льду, шириною в три тоаза⁵⁰, которой неприятель окружил форт. Арнфельд хорошо видел, что не может ничего сделать против замка; он вер-

---

⁵⁰ Французская мера длины, равная 2 м.

нулся в город, где сжег затертые во льду корабли, вооруженные 20–30 орудиями, и захватил множество боевых и продовольственных припасов, обратив в пепел магазины, дворец Царя, значительное количество домов, судов и других построек русских»⁵¹.

Комментируя этот шведский вариант, А.В. Шелов пишет: «Набег этот, вероятно, был, потому что в письмах Петра Великого проскальзывают намеки на зимнее нападение шведов. В Кронштадте сохранилось предание, что шведы были зимой, но, как увидим дальше, самое название Кронштадт город получил в 1723 году, начал же он строиться в 1712-м, а дворец позже. Суда зимовали в Петербурге, орудия же свозились в Петербургское адмиралтейство или на Кроншлот. Портовые сооружения начали устраивать значительно позже. Поэтому смело можно сказать, что в зиму 1704–1705 года Котлин представлял из себя пустыню»⁵².

К.И. Крюйс

Осенью 1704 г. Петр назначил командовать Балтийским флотом К.И. Крюйса. Корнелиус Крюйс (1655–1727), голландец по национальности, поступил на русскую службу в 1698 г. Именно благодаря его усилиям флот и оборона Котлина в кратчайшие сроки приобрели все необходимые и соответствующие задачам качества. Одним из первых предложений Крюйса, которое он изложил в письме от 21 мая 1705 г. Петру I, состояло в необходимости упорядочения взаимодействия между лицами, отдающими распоряжения по флоту⁵³. Находясь у Котлина на корабле «Дефам», К. Крюйс уделяет все свое время заботам о вверенном ему важнейшем деле. Вице-адмирал К. Крюйс в 1717 г. стал первым вице-президентом высшего органа управления флотом и военно-морским ведомством – Адмиралтейств-коллегии. В 1721 г. по случаю заключения Ништадтского мира произведен в адмиралы.

Среди многих писем К. Крюйса, хранящихся в РГАВМФ, имеются донесения о боевых действиях против шведов, распоряжения о расстановке на Котлине круглосуточных караулов, о необходимости укрепления острова системой береговых батарей и устройства заграждений с помощью перегораживания фарватера брандерами или плоскодонными судами, оборудованными артиллерией, о «присылке на флот вина и пива для поддержания здоровья личного состава и его употребления в лечебных целях для раненых, о своевременной выплате жалования». Но есть одно, адресованное Ф.М. Апраксину 16 июля 1705 г. и заслуживающее особого

---

⁵¹ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 23.

⁵² Там же. С. 24

⁵³ РГАВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2. С. 2.

внимания, где Крюйс пишет, что «он действовал бы лучше, если бы при адмиралтейских делах не были все воры»⁵⁴.

В конце апреля Балтийский флот вышел из Петербурга и расположился между Котлином и фортом «Кроншлот». 24 мая сюда же прибыл вице-адмирал К. Крюйс, которому «Кроншлот» салютовал семью выстрелами. Зная о шведских приготовлениях, Крюйс собрал военный совет с участием капитанов кораблей и береговых командиров. Прежде всего решили провести рекогносцировку, чтобы определить необходимые места для артиллерийских батарей. Для начала требовалось «взметать» батарею на небольшом мысу северо-западнее «Кроншлота» (напротив нынешнего форта «Император Петр I»). Ее строительство поручили сыну К. Крюйса – Ивану, который командовал шнявой «Де Гас». А.В. Шелов предположил, что именно поэтому батарею называли Ивановской⁵⁵. Правда, в некоторых источниках фигурирует другое название – Св. Яна или Сант-Яна.

Тогда же Толбухин установил на косе батарею из трех полевых пушек «фронтом на запад под именем Толбухиной № 1». На Ивановской батарее 1 июня установили четыре 6-фунтовые пушки. Кроме того, «Кроншлот» защищали восемь 24-пушечных фрегата, пять 12-пушечных шняв, два брандера, бригантины и другие небольшие суда. Фрегаты поставили между Ивановской батареей и «Кроншлотом» в линию, которая от батареи шла почти параллельно берегу, потом поворачивая к «Кроншлоту». На флангах линии поставили по две галеры и по одному брандеру, во второй линии стояли шнявы и часть бригантин. Для защиты от шведских брандеров впереди первой линии установили плавучие рогатки.

Всего «Кроншлот» защищали около 5150 человек, включая судовые команды, гарнизон форта, полки Толбухина и Островского, а также артиллеристов на батареях. На Ивановской батарее имелось 4 орудия, Толбухиной – 3 и на Старой – предположительно 4, на «Кроншлоте» – 14.

На рассвете в понедельник 4 июня 1705 г. шнявы «Св. Яким» и «Де-Гас», находившиеся в дозоре, выстрелами дали знать о приближении шведского флота. В семь часов утра противник бросил якоря в пяти верстах от «Кроншлота». Под командованием адмирала К. Анкерштерна, вице-адмирала Я. де Пруа и шаутбенахта⁵⁶ К. Шпара (Спарре) пришли 22 вымпела: «13 кораблей, два фрегата, два бомбардирских корабля, один галиот, два с провиантом и один для хворых людей». Всего на судах насчитывалось 336 орудий и 2340 человек судовых команд.

Около 10 часов утра шесть кораблей приблизились к линии плавучих рогаток, но были встречены огнем Ивановской батареи и артиллерии галер, заставивших неприятеля отступить. Тогда Анкерштерн разделил свою эскадру на три части. Де Пруа с фрегатами и мелкими судами отправился к южному берегу Финского залива, где высадил десант, который сжег два дома и взял в плен «несколько голов скота». Затем де Пруа присоединился к основным силам.

К. Шпар с тремя кораблями приблизился к Котлинской косе, и их артиллерия начала обстреливать риф. Анкерштерн с остальным флотом двинулся к нашей передовой линии, но через некоторое время отступил. По словам пленных, Анкерштерн принял наши плавучие рогатки за мачты затопленных судов и решил атаковать Котлин с суши.

На следующий день, 5 июня, в 8 часов утра весь неприятельский флот подошел к нашим кораблям и, став на якорь, открыл огонь «бомбами и горючими ядрами», вероятно, брандскугелями. Русские корабли, вооруженные 6-фунтовыми пушками, отвечать не могли в силу малой дальности стрельбы этих пушек. Пока главные силы шведов обстреливали наш флот, шаутбенахт Шпар подошел со своей эскадрой к Котлинской косе, как раз к тому месту, где находились полки Толбухина и Островского. Шведские корабли открыли артиллерийский огонь по берегу,

---

⁵⁴ РГАВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.

⁵⁵ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 25.

⁵⁶ Шаутбенахт – звание, соответствующее контр-адмиралу.

который никакого вреда русским не причинил. «В одиннадцатом часу среди пушечного дыма шведы в ботах и шлюпках подошли к самой косе, и 128 гренадер уже вышли на берег; тогда Толбухин приказал своим людям подняться и открыл огонь из пушек и ружей. Неожиданность и меткость огня смешали неприятеля; он бросился обратно на суда, оставив на месте до 40 убитых и более 30 пленных, по словам которых, они потеряли в этом деле более 300 человек. В замешательстве боты и шлюпки опрокидывались, и много шведов потонуло»⁵⁷. Вечером того же дня на Ивановской батарее установили еще три 12-фунтовых орудия.

Но шведы не думали отступать – на следующий день они обстреливали нашу эскадру, Ивановскую и Старую батареи. К. Крюйс писал Р.В. Брюсу: «...и не можем мы того отвратить, потому что их бомбардирские корабли не только в линии, но и позади их воинских кораблей стоят, до которых нашими 6-фунтовыми пушками, к тому же слабым порохом, не можем достать или им какой знатный вред причинить».

Как пишет А.В. Шелов, «огонь был жестокий, но Господь не покидал защитников Кроншлота». Утренний слабый ветер с севера шведской стрельбе не мешал – одна бомба упала на палубу галеры «Св. Петр», но, к счастью, не взорвалась. И вскоре ветер перешел «в свежий западный – бомбардирские суда раскачало, и лишняя стрельба сделалась безвредной».

К. Крюйс прекрасно понимал, какую опасность несет настойчивость шведов. Осмотрев «Кроншлот» и Ивановскую батарею, созвал очередной совет и сказал офицерам простые, но важные слова: «Надобно победить или умереть». «Офицеры обещали и сдержали слово».

К. Крюйс докладывал Р.В. Брюсу: «...здесь довольно есть куражу или смельства, но есть токмо недостаток в способах. Ежели б я еще шесть добрых 18-фунтовых пушек да две добрых гаубицы на моих батареях имел, то чаял бы неприятеля принудить вскоре от бомбардирования своего пристать»⁵⁸. На следующий день Р.В. Брюс прислал К. Крюйсу две мортиры и две 18-фунтовые пушки для установки на Ивановской батарее, а 9 июня еще шесть больших пушек, две мортиры и сто пудов пороху. Все орудия были оперативно установлены на батареях.

Настойчивые шведы 10 июня снова подошли к нашим позициям и начали пальбу, которая не отличалась точностью. Правда, одна бомба попала в сруб «Кроншлота» и «взорвалась таково, что весь Кроншлот потрясся». Стрельба русских артиллеристов была более меткой: «Будто из мушкетов, – писал К. Крюйс, – и нам часто можно слышать, как ядра в корабли неприятельские щелкали». Вскоре ветер стих, и Крюйс приказал галерам, «ходившим под веслами», атаковать шведские бомбардирские суда, так как они были наиболее опасны из-за своей артиллерии. От огня наших галер вскоре с них «щепа вверх полетела», и шведы отвели свои суда шлюпками. Тогда галеры перенесли огонь на корабль К. де Пруа, заставив отойти на прежнюю позицию в пяти верстах от «Кроншлота». Ночью они ремонтировали свои корабли, а с косы «видели, что на одном из кораблей семь заплат поставили». Наши потери составили 13 человек убитыми и 19 ранеными.

На следующий день на Котлин привезли из Петербурга гаубицу и несколько мортир, которые скрытно поставили в лесу, создав тем самым батарею, названную Лесной.

Петербургский комендант Р.В. Брюс 15 июня приехал к К. Крюйсу в гости. После хорошего обеда Крюйс пригласил его на Ивановскую батарею. Неприятель в это время «был в великой прохладе и увеселении, на литаврах и трубах довольно играя». Неожиданно для них Ивановская батарея сделала два выстрела, одним из которых сбило с кормы адмиральского корабля «разные галдарей», затем открыла огонь Лесная батарея, о которой шведы еще не знали. «Неприятель пришел в неизреченную конфузию и альтернацию», и шлюпки оттащили корабль из-под огня русских пушек.

---

⁵⁷ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 28.

⁵⁸ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 29.

Усиление обороны Котлина продолжалось. К полковнику Толбухину прибыл поручик артиллерии Гильсон с 12 6-фунтовыми пушками, доставив при этом по 150 картечей и 300 ядер на каждое орудие. Из этих пушек две установили на батарее Толбухина № 1, а из десяти остальных сформировали батарею Толбухинскую № 2. К «Кроншлоту» 21 июня прибыли два бомбардирских шмака⁵⁹, и Крюйс тотчас дал галерам сигнал атаки. Шведский флот, увидев наступающие галеры и шмаки, ушел в море, и этим пока закончились попытки шведов овладеть «Кроншлотом».

Боевые действия возобновились через месяц. К этому времени оборона Котлина значительно усилилась. 10 июля на северном фарватере появились три шведских фрегата и две шнявы. Произведя рекогносцировку, они сделали два залпа по батарее Толбухина № 2, которая учинила им «добрый ответ». Через день шведские шнявы вернулись и делали промеры северного фарватера. Понимая, что шведы готовят серьезную атаку, Крюйс приказал Толбухину и Островскому сделать «транжамент», то есть ретраншемент⁶⁰. А на совете Крюйс сказал офицерам, чтоб, когда неприятель будет приближаться, «себя в явь не казать, а открыть пальбу только когда будут у берега». 14 июля на рассвете неприятельский флот в количестве 24 вымпелов приблизился к Котлину. Они подошли так близко, насколько позволяла глубина. Передовым был адмиральский корабль – по нему и сделали первый залп русской артиллерии, который пробил борт почти по самой ватерлинии. Началась обоюдная пальба: «Неприятель начал всею своею силою, из верхних и нижних пушек, с обеих сторон с кораблей против острова стрелять, на что наши, как добрые солдаты, им ничем должны не остаться».

Огонь береговых батарей оказался настолько сильным, что вскоре шведы отступили для «починки» адмиральского корабля, а вперед выдвинулись бомбардирские корабли, составлявшие тогда главную силу в борьбе флота с берегом. Обстрел косы продолжался до 11 с половиной часов утра. После этого от эскадры отделились мелкие суда и быстро пошли к берегу. По мере их приближения к косе огонь со шведских судов прекращался, чтобы не уничтожить свой же десант. Это позволило батареям и пехоте Толбухина спокойно стрелять по шведским шлюпкам. Им пришлось остановиться у мели, находившейся в сфере ружейного огня русских, но по пути к берегу глубина увеличивалась, и шведам подчас приходилось идти по горло в воде. Некоторые тонули, а «наших полков солдаты, не утерпя, начали палить залпами и неприятеля побили». Батареи в то же время били картечью, и неприятель пришел «в полную конфузю». Крюйс доносил царю: «...нашими солдатами выловлено из моря 330 шведов, побитых и потонувших; ныне достали еще 90 тел; взято в плен семь офицеров и до 60 рядовых»⁶¹. Наши потери составили 29 человек убитыми и 540 ранеными.

В августе «в 18-й день явился шведский флот, и посланы были наших 7 галер, в 19-й день был великий бой с 3-го часа; и за погоду галеры поворотились назад, а корабль в море...».

Это было последнее «серьезное дело» на Котлине, тоже проигранное шведами, потому что они дали нам время вооружить батареи, и, самое странное, они не знали местности, которой владели около 200 лет. Шведские корабли еще несколько раз появлялись на горизонте, но, видя готовый к отпору флот, атаковать не решались.

Больше ни в этом, ни в последующих годах шведы не предпринимали попыток атаковать Котлин и «Кроншлот». Однако в 1706 г. такая опасность еще существовала, и Крюйс в своих донесениях и письмах Петру I неоднократно отмечал необходимость усиления обороны острова, в частности, постройки укрепления, рассчитанного на размещение постоянного гарнизона в 1500 человек, и сооружения вблизи «Кроншлота» еще одной морской крепости. К.

---

⁵⁹ Шмак – грузовое судно длиной 25–27 м, вооруженное орудием крупного калибра.

⁶⁰ Ретраншемент – сооружение, расположенное позади главной позиции обороняющихся.

⁶¹ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 36.

Крюйс справедливо считал, что это позволит освободить «корабельный флот от исключительной обязанности оборонять устье Невы и даст ему возможность действовать активно».

Но еще одна морская крепость – «Цитадель» – будет построена позднее, а пока, к лету 1706 г., на косе, на месте Толбухинской батареи № 2, построили крепость Св. Александра, позднее получившую название «Александр-шанц». Руководил постройкой полковник Толбухин, назначенный комендантом «Кроншлота» (до этого комендантом был полковник Трейден) и Котлина. Крепость имела в плане форму квадрата с четырьмя бастионами с полигонами в 170,7 м, ее земляной вал возвышался над окружающей местностью на 4,27 м. Тогда же временные батареи южного берега острова Котлин перестроили в долговременные. Таким образом, здесь образовалось единое укрепление, орудия которого вместе с «Кроншлотом» перекрестным огнем перекрывали фарватер.

При крепости Св. Александра построили казармы для размещения гарнизона, а с юго-западной стороны поставили церковь. Ее срубили на Олонецкой верфи и доставили на Котлин в разобранном виде. 16 июня 1706 г. ее в присутствии Петра I торжественно освятили во имя Преображения Господня, и «веселились довольно на Котлине острову»⁶².

Но одной церкви было недостаточно – по данным А.В. Шелова, в 1708 г. на Котлине насчитывалось служилых 13 681 человек⁶³. Поэтому вопрос о второй церкви оказался весьма насущным. Но лишь в 1717 г. на берегу строившегося канала (о канале чуть дальше) построили церковь, которую 13 июня 1718 г. освятили во имя святого апостола Андрея Первозванного. Но место для церкви выбрали неудачно, так как она мешала строительству канала, и ее временно разместили в одном из губернских домов. Андреевский собор, первый каменный в Кронштадте, будет заложен 6 марта 1806 г. При перестройке крепости Св. Александра в 1739 г. решили церковь снести, так как она располагалась на предполагаемом «прикрытом пути»⁶⁴, но она простояла до конца XVIII в., а затем, как пишет Шелов, «следы ее исчезли».

Однако далеко не все шло гладко. Вице-адмирал К. Крюйс подчинялся петербургскому обер-коменданту Р.В. Брюсу, которому также подчинялись и сухопутные части. Крюйс тяготился этим подчинением, так как личные отношения с Брюсом у него не сложились. В военных вопросах сухопутные и морские подразделения действовали слаженно, но в мирных постоянно происходили мелкие недоразумения. Например, Крюйс в 1707 г. жаловался на то, что Толбухин взял у него лес на строительство крепости Св. Александра, затем на то, что он не дал рабочим «запасов продовольствия». В следующем году он спрашивал адмирала Апраксина: «Какую команду мне иметь над Кронштадтским комендантом, над полковником Толбухиным, над полуполковником Островским и над их солдатами?». На это Апраксин отвечал: «С генерал-майором Брюсом извольте иметь общее согласие, чтобы не учинилось повреждения интересу Царского Величества; а без него над Котлином, крепостью Св. Александра и Кроншлотом извольте иметь команду». То есть гарнизон на Котлине одновременно подчинялся вице-адмиралу К. Крюйсу и петербургскому обер-коменданту. Такое двоевластие было характерно для Кронштадта на протяжении всей его истории и частенько отрицательно сказывалось на жизни города и крепости.

Но вскоре передышка в Северной войне закончилась, и шведские войска вторглись на территорию России. 27 июня 1709 г. русская армия под Полтавой одержала великолепную «викторию», и уже 2 ноября того же года Петр приказал строить на Котлине «гавань, пристани и магазейны». Это обуславливалось еще и тем, что зимовка флота в Петербурге представляла большие затруднения. Корабли оставляли на Котлине каменный балласт и облегченные вхо-

---

⁶² Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 48.

⁶³ Там же. С. 46.

⁶⁴ Прикрытый путь – стрелковая, а иногда артиллерийская позиция за гребнем контрэскарпа, прикрытая бруствером гласиса; служит и для закрытого передвижения войск и часовых.

дили в Петербургскую гавань, причем «нередко случалось, что корабли протаскивались через вехи поочередно соединенными усилиями команд нескольких судов». К этим проблемам мы еще вернемся в одной из следующих глав. Видимо, в это время у Петра I и возникла идея построить на острове Котлин главную часть города – Новый Амстердам.

1710 г. примечателен тем, что русские войска овладели Выборгом, Ригой и крепостью Динамюнд. Задачи флота осложнились необходимостью «оберегать» эти новые приобретения, для чего часто приходилось покидать «Кроншлот», оставляя его «своим собственным силам».

Первое иностранное судно пришло к острову Котлин в 1708 г., но, пока не оборудовали гавани и причалы, иностранные гости были весьма редкими. В 1709 г. началась постройка на ряжемом основании мола (в некоторых источниках – пристани), перпендикулярно берегу острова по направлению к «Кроншлоту». Зимой пленные шведы собирали по острову камни для строительства пристани, которую оборудовали в 1710 г., но она «мало выведена в море, почему летом обмелела». На оконечности мола поставили батарею из 12 пушек и 2 шмаговиц⁶⁵. Пристань решили продлить до глубины 9 футов, для чего «прибавили 70 сажень, да взворот кривизны 30 сажень». А.С. Меншиков писал Петру, что «пристань в прошлом году обмелела, и потому вывод кораблей был труден, а теперь как сделаем, то не только торговым судам, но кораблям воинским приставать можно будет».

Как уже отмечалось, в начале 1710-х гг. Толбухин назначается комендантом «Кроншлота» вместо Трейдена, получившего новое назначение. Тогда же Островский стал «особым комендантом крепости Св. Александра», о чем, по словам Шелова, свидетельствовала надгробная плита, лежавшая на его могиле вблизи «Александр-шанца». Увеличение количества сухопутных войск на Котлине потребовало введения должности коменданта всего острова. Первым назначили бригадира Порошина, которому подчинялись коменданты «Кроншлота» и «Александр-шанца».

Первое описание острова Котлина и сооружений на нем составлено на немецком языке автором, скрывшимся под криптонимом Н. Г., и издано в Лейпциге в 1713 г. Фрагменты этой книги впервые опубликованы на русском языке в 1844 г. в переводе Н.В. Калачева. Ю.Н. Беспятых считает обоснованным мнение известного историка П.Н. Петрова, считавшего, что автором этой рукописи является барон Генрих Гюйссен, дипломат, состоявший на службе Петра I⁶⁶.

Рукопись называется «Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м гг.» и в 1860 г. издана Императорской Публичной библиотекой «в небольшом количестве экземпляров». В 1882 г. журнал «Русская старина» перепечатал это произведение, фрагменты именно из этого издания и приведены ниже.

«ОПИСАНИЕ ОСТРОВА РЕТУСАРИ

Он довольно велик, но имеет более протяжение в длину, чем в ширину, и лежит уже в самом Балтийском море, или, как иначе его здесь называют, Финском заливе. Это тот остров, который, как выше сказано, был занят русскими при самом первом их здесь утверждении. На южном его берегу находятся разные дома, как то: царские запасный двор и кабак, дома генерал-адмирала, вице-адмирала и некоторых флотских офицеров. На этом же берегу две батареи о 10-ти или 12-ти пушках. На северо-западном берегу построен шканец, называемый, по имени князя Меншикова, Александровским и защищающий остров с северной стороны.

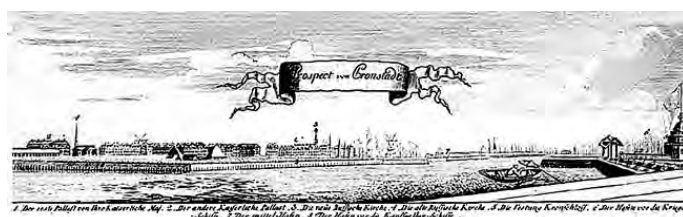
---

⁶⁵ Шмаговица – тип пушки малого калибра.

⁶⁶ *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 36, примеч. 11.

«Проект российского флота при острове Котлине 31 мая 1715 года». С гравюры П. Пиккарта

Вид Кронштадта. С гравюры XVIII в.

Еще замечательны на берегу два огромные старые дуба – большая редкость в этих местах. Его царское величество с первой минуты своего утверждения на острове содержит их в особом почете и приказал обнести полисадником, а в тени их устроить маленькую сквозную беседку, откуда прекрасный вид на море и в которой он пирует летним временем. На тот же конец в одном из дубов вырублен, по приказанию царя, небольшой створчатый поставец, для стаканов и тому подобного. Все это со временем, если будет сохранено, составит достопамятную редкость. (Существование двух дубов и вокруг них круглого стола с перилами и скамейками, на которых Петр в летние свои приезды сиживал с тамошними начальниками и корабельщиками, подтверждается и в известных „Анекдотах“ Штелина (№ 50-й), но в 1750 году уже ничего этого не было; по крайней мере Богданов в описании „достопамятностей“ Кронштадта о дубах не упоминает. – Прим. изд. Публ. библ.)».

Остров Котлин. Рисунок А. Ростовцева. Около 1717 г.

Постоянные торговые операции с иноземными купцами на Котлине начались в 1716 г. Количество прибывающих кораблей постоянно увеличивалось. Так, 14 июля 1718 г. в Купеческую гавань прибыли «25 английских, 6 голландских, французский да двух флагов не разобрали»⁶⁷. Но Нева постоянно выносила в залив песок, который формировал так называемый бар, делавший устье Невы непроходимым для крупных судов. Поэтому для доставки грузов в Петербург требовались мелкосидящие суда. В первые годы порта на Котлине это были эверсы⁶⁸, которые могли получить все желающие заниматься перевозом товаров. Но в связи с приходом иностранных судов возникла необходимость в организации таможни, что и было утверждено указом Петра I от 22 мая 1720 г., в котором говорилось: «...у которых шкиперов, матросов на приходящих купеческих кораблях в кронштадтский порт и Санкт-Петербург будут какие-либо товары и о тех товарах брать у них в таможнях расписки, и по тем росписям, осмотрев и переписав, продавать их с кораблей, кому они похотят при той продаже брать с них пошлину по торговому уставу Одну только ввозную, а за разную и лавочную продажу другой пошлины не брать»⁶⁹.

«Новый Кроншлот»

Однако кроме шведов «Кроншлоту» доставляли неприятности наводнения, случавшиеся регулярно. Но перестройка первого форта крепости назрела давно и не только из-за наводнения. Требовалось увеличить гавань форта, так как количество прибывающих торговых судов возрастало с каждым годом. Судно голландского шкипера Wybesa стало первым, в ноябре 1703 г. оно доставило в Санкт-Петербург вино и соль, за что шкипер получил 500 золотых – награду,

⁶⁷ Цит. по: Соколов А.К. Кронштадт: история длиною в 300 лет. М., 2004. С. 100.

⁶⁸ Эверс – небольшое грузовое парусное судно.

⁶⁹ Дорогов, мичман. Исторический очерк и описание Кронштадта. СПб., 1908. С. 10.

назначенную Петром еще в мае 1703-го. А 22 июня 1715 г. в Кронштадте Петр устроил торжественную встречу 45 голландских и английских судов.

В 1719 г., когда военные действия Северной войны еще продолжались, в Кронштадтский порт пришло более 100 иностранных судов. При этом уже началось разделение порта на Котлине на торговый и военный. Хотя Петр утвердил порт еще в 1704 г., а в 1722-м учреждена должность главного командира военного порта, но числилась она в штатах флота и на нее назначали флагманов флота. Эта должность существовала до 3 июня 1917 г.

Генерал-адмирал Ф.М. Апраксин

О начале работ на «Кроншлоте» капитан Э. Лейн доложил адмиралу Ф.М. Апраксину 4 декабря 1715 г. Форт «Новый Кроншлот» представлял собой «вытянутый пятиугольник бастионного начертания. Башня, расположенная в юго-восточном углу, была окружена анвелопой⁷⁰ на срубках. Все фронты – рубленые стенки на ряжевых основаниях с брустверами и батареями – образовывали просторную внутреннюю гавань с тремя воротами для входа кораблей»⁷¹. По данным РГАВМФ, которые приводятся в книге Б.А. Розадеева и др. («Кронштадт. Архитектурный очерк»), первоначально имелись только одни ворота, еще двое ворот сделали позднее.

Строительством «Нового Кроншлота», как и других сооружений на Котлине, руководил Э. Лейн. Начать работы планировалось 5 декабря 1715 г., но зима в тот год выдалась теплой, и лед у «Кроншлота» был еще недостаточно толстым. В начале января 1716 г. Э. Лейн докладывал Апраксину: «Нового Кроншлота срублено выше воды восемь аршин, и ныне оные срубы всеми людьми и лошадьми возят на лед». Здесь Лейн приводит другой способ установки ряжей, который также применялся при строительстве фортов: ряжи рубили не на льду, а на берегу, и к месту установки подвозили «всеми людьми и лошадьми». К лету 1716 г. между будущими бастионами форта построили куртину, обращенную к морю. Работы продвигались крайне медленно из-за нехватки людей, большая часть которых трудилась на строительстве гаваней. Лишь в мае 1724 г. стольник М.М. Самарин, назначенный главным распорядителем работ на Котлине, сообщил царю, что «боль-верки в Кроншлоте и линии все сделаны».

⁷⁰ Анвелопа – наружная вспомогательная постройка в крепостях, предназначенная для прикрытия эскарпных стен сухих рвов и главного вала крепости от разрушения артиллерийским огнем.

⁷¹ Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Кронштадтская крепость. Л., 1988. С. 45.

В дополнение к крепости Св. Александра 22 июля 1717 г. заложили новый редут. Комендант Котлина бригадир Порошин писал А.Д. Меншикову: «А помянутого редута сделано мерою сажень с 30, а в вышину от земли выкладено дерном в 1 ¼ аршин, а для работы людей дано драгун и солдат 80 человек».

Однако ситуация на «Кроншлоте» оказалась непростой. Остро не хватало не только артиллерийских обер-офицеров, но и унтер-офицеров. В апреле 1717 г. Брюс послал на остров майора Витвера, заведывающего⁷² Петербургской гарнизонной командой, и с ним штык-юнкера, капрала и 14 человек канониров и фузилеров. При этом он просил Порошина подчинить Витверу всех артиллерийских служителей, находившихся на Котлине и Кроншлоте, а также задействовать на работы арестантов. Витвер очень много сделал для восстановления боеспособности Кроншлота и всех батарей на косе, которые к тому моменту находились в плохом состоянии. Причем все работы ему приходилось выполнять с ограниченным числом помощников. Он докладывал, что «двое умерли, один артиллерийский ученик отпущен по болезни, а штык-юнкер отпросился на три дня в Петербург и не возвратился, говоря, что генерал-фельдцейхмейстер не отпускает». Вот еще одно свидетельство тяжелых условий, в которых создавался Кронштадт: «Кронштадтского гарнизона пушкари, которые ныне у нас есть, и у оных никакого ружья и мундиров нет, и ходят как мужики».

В начале 1720-х гг. сформировались правила для всех судов, находящихся в гаванях: «Огонь решительно запрещается на всех судах и разрешается только с позволения командира брандвахты, притом выдается в фонаре с особенным караульным из так называемых „огневых“ под расписку шкипера судна или его помощника. Огонь на судне разводится и тушится в присутствии „огневого“, который должен доложить командиру брандвахты, когда огонь потушен. Так что на брандвахте во всякое время имеются точные сведения о всех судах, на которых дозволен огонь. За самовольное разведение огня со шкипера судна взимается штраф от 60 до 150 рублей, который удваивается в случае повторения».

Кушанье для команд и капитанов судов, находящихся в гавани, варят в особой устроенной городом кухне, находящейся в гавани под надзором огневого и под присмотром командира брандвахты и его помощников.

Курить дозволяется только в караульном доме на брандвахте и за гаванью, у бочек, поставленных на рейде. Ни на судах, ни в гавани курить нельзя под опасением штрафа. При взимании штрафа одна четверть выдается доносителю»⁷³.

Такие строгости были вызваны тем, что все строения на острове были деревянными, как и флот, поэтому опасность пожаров присутствовала постоянно, и принимаемые превентивные меры далеко не всегда помогали избежать последствий.

Например, загадочная история произошла с 64-пушечным линейным кораблем «Нарва» в 1715 г. Корабль, построенный в Санкт-Петербурге, готовился к походу в Балтийское море, но в ночь с 9 на 10 июля полностью оснащенный корабль неожиданно взорвался и почти мгновенно затонул⁷⁴. Причиной взрыва в исторической литературе называется молния, попавшая в крыйт-камеру, но это ни одним документом не подтверждается, и если это так, то надо заносить «Нарву» в книгу рекордов Гиннеса как единственный в мире подобный случай. В результате взрыва носовая часть корабля была полностью разрушена, а кормовая утонула, и над водой остался «только виден от сломанной бизань-мачты с сажень и немного с верхнего каюта».

Для подъема «Нарвы» в Голландии наняли трех водолазов. Петр писал об этом К. Крюйсу: «Няныты здесь голанцов 3 человека, которые обязались карабль „Нарву“ вынять. А договоренось с ними, дать за то тысячу двести гульденов, которые им здесь уже выданы. И

---

⁷² Именно так писали в старых документах: заведывающий, а не заведующий.

⁷³ Цит. по: Соколов А.К. Кронштадт: история длиной в 300 лет. С. 14–15.

⁷⁴ Лукошков А.В. Подводный музей истории кораблестроения // Цитадель. 1997. № 2 (5). С. 20.

когда оные к вам придут, тогда определите их к той работе немедленно, придав им потребные к тому припасы, гинсы и прочее и несколько работников. И что они вынут из воды от того карабля, то все им отдать надлежит (по учиненному с ними договору, с которого при сем копию присылаем). Только вычтите у них и с той их добычи вышеупомянутые тысячу двести гульденов назад. Петр»⁷⁵.

Водолазы работали на «Нарве» весь 1718 г. Так, К. Крюйс 31 мая 1718 г. писал Ф.М. Апраксину об определении «государственных» людей для приема спасенного груза⁷⁶. Однако пушки и другое имущество извлекали из несчастной «Нарвы» крайне медленно, аж до 1724 г. Всего за семь лет водолазы извлекли лишь два 200-килограммовых якоря, одну 12-фунтовую пушку, две 24-фунтовых и девять пушечных лафетов и кое-какие мелочи. Известно, что три иностранных водолаза – Баренс, Классен и Доус – получили в качестве процента от стоимости поднятого имущества 1681 руб. 54 коп., а учитывая стоимость судна, совсем немного. Разломанный корпус «Нарвы» был занесен грунтом, который в условиях Финского залива является хорошим консервантом.

Прекрасно понимая сложности плавания по Финскому заливу, Петр 13 ноября 1718 г. сделал два рисунка: один с обозначением места расположения маяка на самой оконечности Котлинской косы⁷⁷, второй – изображение маяка, «колма с фонарем-фейербаканом»⁷⁸.

Но флоту угрожали и другие опасности. Так, в 1719 г. Балтийский флот потерял сразу два линейных корабля – 54-пушечные «Лондон» и «Портсмут». Первый построили в Англии, второй – в Голландии. Купленные Россией, они под видом торговых судов пришли в Ревель (ныне – Таллин). В том же 1719 г. Англия, Австрия, Саксония и Ганновер заключили в Вене договор, направленный против России. Русские корабли еще не были готовы к противоборству с Англией, и Петр 5 октября отозвал в Кронштадт три корабля: «Лондон» (командир – англичанин, капитан 2-го ранга Роберт Литль), «Портсмут» (командир – шотландец, капитан-поручик Адам Уркварт) и «Девоншир» (командир – англичанин, капитан 3-го ранга Джон Ден). 12 октября корабли находились на подходе к Котлину. «Лондон» шел первым, за ним – «Портсмут», последним – «Девоншир», в двух милях от «Портсмута».

Непонятно, почему англичане не воспользовались услугами лоцманов. Ведь официальное образование лоцманской службы Петербургского порта относится к 16 апреля 1709 г., почти одновременно появились лоцманы и в Кронштадте⁷⁹. Ранее из командиров этих кораблей кронштадтским фарватером проходил только командир «Девоншира», служивший в России с 1712 г. В полдень на траверзе поселка Лебяжье «Лондон» и «Портсмут» наскочили на мель. Причем «Портсмут» получил существенный крен, и, чтобы выровнять корабль, пришлось срубить мачты. «Лондон» засел в грунт так, что стащить его с мели не представлялось возможным, не помог и шторм с сильным северо-западным ветром, наоборот, продвинувший корабль еще дальше на мель. «Портсмут» же перенесло на другую мель, ближе к берегу. «Лондон» потерял в этот шторм все мачты, а «Девоншир» уцелел только чудом.

Петр смог прибыть на место гибели кораблей 18 октября 1719 г. Он приказал снять все ценное и назначил следственную⁸⁰ комиссию для выяснения причин катастрофы. Работа комиссии результата не дала, но есть предположение, что английские командиры кораблей действовали вполне сознательно, то есть были заинтересованы в том, чтоб их корабли до Кронштадта не дошли.

---

⁷⁵ РГАВМФ. Ф. 234. Оп. 1. Д. 30. Л. 253.

⁷⁶ Там же. Д. 10. Л. 135.

⁷⁷ Там же. Д. 34. Л. 77.

⁷⁸ Там же. Л. 78.

⁷⁹ Сабо И.К. Сборник кратких сведений по Морскому ведомству.

⁸⁰ Историческое развитие лоцманской службы в России. СПб., 1908. С. 6.

Корпус «Портсмута» унесло в море, но недавно удалось его обнаружить и поднять некоторые фрагменты. Сейчас в Музее истории Кронштадта создается экспозиция, посвященная подводной археологии, в которой будут выставлены и эти фрагменты, разумеется, после соответствующей консервации.

«Лондон» же, точнее то, что осталось от его корпуса, весной Э. Лейн использовал для маяка на этой опасной мели, которая и получила название Лондонской.

18 мая 1920 г. В том же мае, 18-го числа, Петр подписал три указа об обороне крепости. Задачи флота он сформулировал в указе Сиверсу, в шестом пункте говорилось: «Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота, яко наиглавнейшее дело». Эти слова будут выбиты на постаменте памятника Петру Великому в Петровском парке Кронштадта. Вторым указом предназначался гвардии майору М.А. Матюшкину, который командовал сухопутными силами и галерами. Третий – командовавшему всей артиллерией В. Корчмину. Ему предписывалось, кроме всего прочего, «стрелять как можно скоро, однако ж с доброй прицелкой, дабы действительно были выстрелы, а не гром».

Док-канал

Активно пополнявшийся Балтийский флот требовал и соответствующих условий для ремонта кораблей. Корабли строились в спешке, и иногда срок службы без ремонта составлял всего несколько лет. Сказывались и «невыдержанные материалы», и резкие перепады температуры воды в Балтийском море. В частности, неоднократно отмечалось, что «в Кронштадтской гавани вода пресная и кораблям вредительная».

Наличие докового ремонта позволило бы значительно продлить жизнь кораблей.

Ремонт кораблей в Кронштадте был значительно удобней, так как позволял избежать необходимости проводить корабли в Петербург через мелководный невиский бар. Поэтому еще 26 июня 1714 г. Ф.М. Апраксин приказал строить на Котлине казармы для рабочих, верфи для моряков, а затем и мастерские: столярные, резную, бочарную, парусную, компасную, оконничного и медного дела, сарай для блочного дела, а кроме того, распорядился добавить в кузницу восемь горнов⁸¹.

Для этого в Кронштадте создали уникальный комплекс «док-канал». Идея Петра заключалась в том, что корабль, предназначенный к ремонту, вводился по каналу в док, вода из которого выкачивалась бы в бассейн, но для ускорения откачки глубина бассейна должна значительно превышать глубину дока. Таким образом, вода вытекала бы из дока сама собой. Из бассейна воду должны были откачивать ветряные мельницы. По каналам удобно было бы доставлять и необходимые для ремонта материалы.

Указ о его строительстве датирован 18 мая 1719 г., и в том же году на южном берегу Котлина началась работа по его сооружению. Согласно проекту 1719 г., канал прорезал остров одной линией с юга на север и поворачивал на восток двумя параллельными линиями. Его западные рукава должны выходить в море, юго-восточный рукав с тремя доками к северу от него и тремя к югу намечалось завершить огромным бассейном для слива в него воды из доков. Именной указ Петра от 8 мая 1719 г. гласил: «...начать канал близ соборной церкви Св. Андрея Первозванного от берега морского до доков, и доки, также и со стороны у канала отделать»⁸².

Однако на том месте, где должен был проходить канал, находилось около 140 деревянных домов. Их снесли, людей переселили, но работа продвигалась очень медленно. Тогда к этому делу подключился комиссар⁸³ Петр Никифорович Крекшин – личность необычайно интерес-

---

⁸¹ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 247. Л. 699.

⁸² Цит. по: История отечественного судоремонта. Кн. первая. СПб., 2004. С. 33.

⁸³ В данном случае – уполномоченный, облеченный единоличной властью.

ная. Он именовал себя на заглавных листах своих многочисленных литературных произведений обычно «новгородским дворянином»⁸⁴. Вот что пишет о нем известный историк П.А. Кротов: «Новгородский дворянин П.Н. Крекшин явно имел склонность к занятию предпринимательской деятельностью, ростовщичеству, увеличению собственных поместных владений. Выявленные разрозненные бумаги из его семейного архива дают некоторое представление о его деятельности такого рода»⁸⁵. Такого рода деятельность иногда связана с конфликтами, так, в 1714 г. Крекшин подозревался в растрате казенных денег, когда служил смотрителем строительных работ на Котлине, но его оправдали и определили к должности комиссара по приему разного рода материалов, подряженных для котлинского строительства.

И вот – доки. Главный надзор за строительством канала осуществлял стольник М.М. Самарин, непосредственное управление работами – инженер Э. Лейн, тогда еще капитан 1-го ранга. Но вся финансовая сторона дела находилась в руках Крекшина. Именно он распоряжался огромными суммами казенных денег, которые отпускались по именным указам «за подписанием Его Величества собственной руки». Первый платеж состоялся 25 мая 1719 г., а всего до декабря 1721 г. перечислили 586 000 руб.

Самарин с подозрением относился к Крекшину, распорядившемуся столь крупными суммами, и периодически их отношения обострялись. Так, 12 декабря 1720 г. Крекшин угрожал задержавшему выдачу денег Самарину, «ежели он... будет чинить отговорки, изобличить... явно». И Крекшин подал на Самарина донос. Петр поручил расследовать это дело генералу М.М. Голицыну: «Пишете вы, что комиссар Крекшин подал доношение на Михайла Самарина о похищении, также и он, Самарин, против оного Крекшина подал доношение, что во исправление работ он, Крекшин, не исправен. Того для в том розыщите сами и смотрите того, чтоб в котлинской работе не учинить остановки»⁸⁶. Самарин обвинял Крекшина в том, что он на казенные деньги покупал различные материалы и даже драгоценные камни и перепродавал это, разумеется, с выгодой для себя. Следствие затянулось, и, по одним данным, после смерти Петра I Крекшин вышел в отставку, по другим – состоял на государственной службе до 1727 г.

Одновременно Крекшин собирал материалы о жизни и деятельности Петра Великого и в 1742 г. завершил и представил императрице Елизавете Петровне свой труд «Краткое описание блаженных дел великого государя императора Петра Великого, самодержца всероссийского, собранное чрез недостойный труд последнего раба Петра Крекшина, дворянина Великого Новгорода», который хранится в Эрмитажном собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге.

В 1719–1721 гг. канал выкопали на участке от гавани до первой крестовины. Петр контролировал эти работы и периодически вносил изменения в проект. Так, 17 октября 1724 г. на план строительных работ на Котлине он наложил уточняющую резолюцию: «О канале. Зделать два дока [...] из оных один для троепалубных кораблей. Другой для двухпалубных. А именно 66- и 54-пушечных, а третьем месте зделать гелинг [...] Сии доки делать деревянными, понеже оные на время»⁸⁷.

Северная война близилась к завершению. Весной 1721 г., почти за четыре месяца до подписания Ништадтского мира, к Петру на Котлин прибыл чрезвычайный посол Швеции генерал-адъютант Марке. Царь с гордостью, не скрывая ничего, показывал представителю противника возведенные укрепления. «Хотя и не обычай между воюющими показывать крепости неприятельскому офицеру, однако же ему то учинено: не надобно им денег на шпионов терять,

---

⁸⁴ Кротов П.А. Основание Санкт-Петербурга. СПб., 2006. С. 35.

⁸⁵ Там же. С. 37.

⁸⁶ Цит. по: Кротов П.А. Основание Санкт-Петербурга. С. 41.

⁸⁷ Цит. по: История отечественного военного судостроения. Кн. первая. СПб., 2004. С. 24.

понеже он все видел» – эти слова Петра I точно характеризуют его твердость и уверенность в силе своих войск.

Известие о подписании Ништадтского мира застало Петра на пути из Кронштадта в Дальние Дубки⁸⁸. Отмечали это событие торжественно. После молебна и трехкратного орудийного салюта на Троицкую площадь Санкт-Петербурга выкатили бочки с вином – началось народное гулянье.

---

⁸⁸ О Дальних Дубках см.: Амирханов Л.И. Заповедная роща Петра Великого (парк «Дубки») в Сестрорецке. СПб., 2016.

Основание Кронштадта

Гавани

Как уже упоминалось, строительством гавани вместо Крюйса с 1713 г. руководил капитан Э. Лейн. Англичанина Эдварда (Идверда) Лейна (Лайна) Петр I принял на русскую службу в 1702 г. Ему присвоили морское звание «поручик», что соответствовало тогда сухопутному званию «капитан». Петр поручил ему строительство гавани, так как учитывал глубокие познания Лейна в строительстве гидротехнических сооружений. И уже в следующем году первая гавань была в основном готова, и корабли Балтийского флота могли зимовать на Котлине, а не в Петербурге.

Но уже во время строительства первой гавани стало очевидно, что ее размеры недостаточны, так как флот стал постоянно получать новые корабли. Поэтому в 1713 г. начинается строительство комплекса новых крупных гаваней, вскоре получивших названия Военной, Лесной, Средней и Купеческой. Основная идея их расположения принадлежит Петру, но вполне можно считать ее соавтором капитана Э. Лейна. В процессе строительства он вносил существенные поправки и изменения в формы и размеры гаваней, которые в окончательном виде затем включили в генеральный план Котлина, утвержденный Петром I в 1721 г.

Первоначально с объемом работ справлялись гарнизонные полки, вольнонаемные рабочие, пленные шведы и каторжники, но вскоре стал ощущаться явный недостаток рабочих рук.

1 января 1715 г. «за особливую его службу у гаванского дела» Лейна произвели в капитаны 1-го ранга.

Перестройка гаваней по новому проекту началась в 1717 г. Периодически работам мешали шторма и наводнения. По данным С.П. Луппова, «за 22 года – с 1703 по 1725 г. – в Петербурге было 11 больших наводнений»⁸⁹. Однако имеются данные и о наводнениях, случившихся в допетровскую эпоху и существенно осложнявших жизнь прибрежных селений и Ниена. В весеннее половодье и в осенние шторма вода поднималась здесь на 2–2,5 м выше ординара. Шторма, наводнения и лед разрушали берега и укрепления Ниеншанца, все «крушилось, смывалось прочь под ударами волн, так как валы были сделаны из земли, смешанной с глиной и песком, и не могли противостоять водной стихии».

Нас же больше интересует, как наводнения сказывались на жизни Кронштадта. К сожалению, данных этих не много. Об одном из них Р.В. Брюс докладывал А.Д. Меншикову феврале 1711 г.: «По ведомости полковника Островского, что прошедшаго 1710 году декабря в 10 день от болшой воды окола Кроншлота быки изломаны, и бойницы во многих местех повредила, и пристани поломало, таже на Котлине острову Ивановскую батарею повредило, а меньшую батарею розбило и лес весь рознесло, а пристань, которая на Котлине острову против Кроншлота, сажень на десять розбило»⁹⁰. Наводнения будут сопровождать Кронштадт, как и Петербург, на протяжении всей его истории.

---

⁸⁹ Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. М; Л., 1957. С. 143; Ю.Н. Беспятых в своей книге «Наводнения в Петербурге Петра I» справедливо указывает на арифметическую ошибку. Должно быть 23 года.

⁹⁰ Цит. по: Беспятых Ю.Н. Наводнения в Петербурге Петра I. СПб., 2013. С. 92.

А.Д. Меншиков

В феврале 1718 г. стенки Военной (Корабельной) гавани (кроме западной) возвышались над водой на 1,5 м. В 1726 г. Кронштадт пострадал от двух наводнений: 18 сентября и особенно сильного 1 ноября. Адмирал Ногаев писал об этом: «...на карауле в Кронштадтской цитадели, вода, выгнав их из караульного дома, сгоняла их с банкета на банкет, потом покрыла все пушечные платформы и принудила отсиживаться на пушках, где они, окачиваемые морскими волнами, пребывали до полуночи».

К 1720-му Военная и Купеческая гавани были готовы, одновременно формировались очертания Средней гавани. Старую гавань начали разбирать в 1720 г. – освобождающиеся камни пошли на строительство стенки, соединяющей Военную гавань с берегом и служащей границей между Военной и Лесной гаванями.

В первых числах января 1717 г. Сенат поручил А.Д. Меншикову осмотреть стройку. Александр Данилович нашел старую гавань недостаточной и приказал удлинить ее еще на 106,7 м к востоку. К концу зимы приказ Меншикова выполнили.

Вооружение на стенах гаваней Петр осматривал 25 апреля 1720 г. На стенках Купеческой гавани он приказал установить 100 пушек, а на стенках Военной – 80. Эту работу он получил шаутбенахту (контр-адмиралу) П.И. Сиверсу. Для выполнения этой задачи Сивере распорядился расширить батарею на юго-восточном углу Военной гавани почти на 42 м, чтобы получить место для установки дополнительных орудий. На северо-западном углу Военной гавани батарею срубили от самых ворот до угла. 6 мая 1720 г. Сивере доложил Петру: «По ныне по тем батареям поставлено 80 пушек, а торговом гавану 41»⁹¹.

Объективные причины и наводнения не позволяли ускорить строительство гаваней, и Петр, не скрывавший своей нетерпеливости, передал все руководство этими работами под начало сенатора М.М. Самарина, при этом строго наказывая ему: «Ведать и надсматривать дело гаванное, чтоб, кроме боль-верков, сей зимы кончено, в чем неусыпно радеть и делать и понуждать, чтоб конечно было сделано, несмотря ни на кого делать прямо под потеряннем живота». С приходом М.М. Самарина работы пошли более организованно и немного быстрее. Но перебои в поступлении денежных средств и периодическая нехватка лесоматериалов сдерживали ход работ.

Необходимо отметить, что Петр I, строго оберегавший леса и сам посадивший огромное количество деревьев, своими указами ограничивал вырубку лесов в окрестностях Петербурга. Однако ради скорейшего окончания гаваней ему пришлось решиться на крайнюю меру – в

⁹¹ Цит. по: Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Кронштадтская крепость. Л., 1988. С. 47.

1719 и 1721 гг. он издавал указы, по которым «велено лес, где годный к тому сыщется, рубить и гавань достраивать».

Начиная с весны 1719 г. и почти до конца навигации на отдельных готовых участках гаваней стали устанавливать пушки. 27 января 1720 г. Петр, находясь на Котлине, приказал М.М. Самарину строить в гавани западную Купеческую стенку, а существующую старую стенку разобрать и оградить ею Лесную гавань от берега до угла Военной гавани.

Чистовая отделка последней гавани – Военной – завершилась в 1723 г., и ее полное вооружение составили 72 орудия. Под стать этой мощной гавани более активно продолжилось оборудование гаваней для приема и обслуживания военных и торговых кораблей. Однако деревянные гавани и молы в условиях балтийских штормов да и просто со временем требовали ремонта и частичного восстановления. Эти работы продолжались вплоть до строительства гранитных гаваней, но деревянные молы этих гаваней будут сопутствовать им на всем протяжении их существования.

Строительство в начальный период велось «нарядом рабочих от губерний» на основании изданного в январе 1712 г. сенатского указа, в котором говорилось: «Для строения на Котлине фортеции и жилья положить на все губернии ныне 3000 человек, чтобы губернаторов держали по два безсменных надзирателя и работу начали в это лето». Но людей постоянно не хватало, и К. Крюйс неоднократно писал об этом, отмечая, в частности, что рабочие уже два месяца соли не получали.

Одновременно началась усиленная постройка казарм для сухопутных и морских команд. Лес готовили на «Дудоровой стороне», то есть на южном берегу Финского залива. Строить надо было как можно скорее, так как больных «из гарнизона и рабочих было 500 чел.»⁹².

Стоит еще раз напомнить о тех условиях, в которых существовали «рабочие» люди того времени. Почему-то особенный упор в этих действительно ужасных историях делается на положение в Петербурге и Кронштадте. Патриарх отечественной истории В. Ключевский писал: «Едва ли найдется в военной истории побоище, которое вывело бы из строя больше бойцов, чем сколько легло рабочих в Петербурге и Кронштадте». Мне кажется, что здесь прежде всего слышна нелюбовь к Петербургу и Кронштадту. Как там у Пушкина? «Жестокий век – жестокие сердца». Жизнь человеческая тогда стоила меньше копейки. Чуть провинился – вырвать ноздри или сечь кошками. А вешали и рубили головы довольно часто. А сколько погибло людей на строительстве Ладожских каналов? А вспомните Некрасова с его железной дорогой. Да, условия были ужасные, но это характерно для всей России того времени. Характерно и подметное письмо какого-то солдата, в котором между жалобами и выражением боязни житья на острове есть страшная фраза «а уж Котлин ад злой».

Реально помочь больным и увечным стало возможно начиная с 1717 г., когда по указу Петра в Кронштадте основали Николаевский морской госпиталь. Первоначально он располагался в нескольких деревянных казармах, построенных в 1714 г. на средства одной из губерний. Госпиталю несколько раз пришлось менять прописку, в том числе и из-за пожаров, пока в 1724 г. ему не выделили каменный дом, построенный Азовской губернией. В 1730-м – снова переезд, опять в деревянное, но совершенно новое строение в северо-восточной части острова, которое сгорело в 1748 г. Через год здание восстановили, но в 1761-м – новый пожар. Пока разрабатывался проект нового здания, в 1764 г. случился еще один пожар, уничтоживший в Кронштадте 1300 домов. Пожары будут сопровождать всю историю деревянного Кронштадта, да и не только деревянного.

Для прикрытия гавани и каменных построек с сухопутного направления пришлось возводить укрепление в виде «шанца кругом новопостроенных каменных палат». Это укрепление послужило началом центральной крепости.

---

⁹² Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 56.

Вернемся немного назад. Важной вехой Северной войны стал 1714 г. Решив перенести боевые действия подальше от острова Котлин, Петр в конце мая отправил 15 000 человек на 99 галерах в финские шхеры с задачей прорваться к крепости Або (ныне – Турку). Через месяц, добравшись до полуострова Гангут (ныне – Ханко), русские галеры встретили шведский флот. 27 июля 1714 г. русский флот одолел шведов в тяжелейшем сражении, захватив фрегат «Элефант», шесть галер и три шхербота⁹³.

Эта победа имела огромное значение, став переломным моментом в борьбе со Швецией и обеспечив «окончательный и прочный выход к берегам Балтийского моря.

Тем не менее Петр справедливо считал, что вооружение крепости недостаточно, и в 1719 г. количество орудий на Котлине увеличилось до 450, в том числе и за счет того, что из Москвы доставили 156 орудий. Тогда же на остров Котлин направили 120 артиллеристов из полевой артиллерии и 930 солдат для усиления гарнизона.

Ништадтский мир, закрепивший победное окончание Северной войны, заключен 30 августа 1721 г. Долгожданный мир позволил больше внимания уделять гражданскому строительству, но Петр не забывал и крепости. В декабре 1721-го западнее «Кроншлота» начали строить еще один форт – «Цитадель», позднее получивший имя «Император Петр I». «Сторона форта, обращенная к рейду, состояла из двух бастионных фронтов протяженностью 170,6 м, составляющих тупой угол. На этом укреплении было установлено 106 орудий»⁹⁴. «Цитадель», как и «Новый Кроншлот», построят в 1724 г.

Однако одновременно с фортами и доками надо было озаботиться и строительством собственно города, где могли бы жить люди, служившие и работавшие на острове. Все строения первых лет – казармы, магазины, дома начальства, вельмож, моряков и других, пока малочисленных жителей – деревянные или мазанковые. По мнению авторитетных историков, эти дома ничем не отличались от первых петербургских домов. Подтверждением служит первое на Котлине жилище самого царя: «Этот домик – почти близнец знаменитого домика в Петербурге. Первый отличается только большими размерами»⁹⁵.

Первым городским зданием, построенным около 1706 г., стал дом вице-адмирала К. Крюйса. Дальнейшие постройки «возникали сами собой», и к 1710 г. на острове насчитывалось около 80 домов, принадлежавших в основном военным. Для строительства домов был необходим кирпич, поэтому на южном берегу залива и на Котлине основали кирпичные заводы, но работы продвигались очень медленно, так как основная рабочая сила была занята на строительстве гаваней. Так как численность войск постоянно увеличивалась, появилось немало жалоб на тесноту помещений. Например, в 1714 г. капитан командор Шельтинг, остававшийся старшим на острове, «поставил» пришедший батальон «по квартирам только в домах русских матросов и пушкарей, а по домам иноземцам ставить не велел». В результате приходилось жить в тесноте, но далеко не всегда не в обиде. Из приведенной выше цитаты ясно, что на острове было немало и домов, принадлежавших «иноземцам».

Как уже упоминалось, в 1712 г. Петр издал указ о губернских домах: «Объявить шляхетским тысячи домам, купетским лучшим пятистам, средним же стам, рукомышленным всяких дел тысячи домам (из которых половина те, которые заводы имеют, яко кожевенники и проч.), что им жить им на Котлине острове по окончании до сей войны, и даны им будут дворы готовые за их деньги, а шляхетству дворы и земли под деревни (последние без денег) и кой час будет, даст Бог, мир, тотчас будут переведены и для того сказывают заранее, чтоб никаким неведе-

---

⁹³ Шхербот – небольшое парусно-гребное судно с одной мачтой и несколькими парами весел, вооруженное 4–6 легкими пушками. Предназначалось для боевых действий в шхерах.

⁹⁴ Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Кронштадтская крепость. С. 48.

⁹⁵ Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С. Кронштадт. С. 11.

нием не отговаривался [...] и сей выбор людей надлежит без поманки выбрать под потеряннем живота, чести и пожитков, кто недостойных в сей перевод напишет»⁹⁶.

4 августа того же года Сенат утвердил список, содержащий 1212 лиц, намеченных к переселению на остров Котлин. Тогда же Сенат объявил: обязать письменно разных частных людей «строить дома на острове Котлине [...] жить им на Котлине острове по окончании до сей войны».

Эти указы дали повод доктору исторических наук С.П. Луппову высказать мысль о намерении Петра I перенести на Котлин если не всю столицу, то, во всяком случае, ее центральную часть⁹⁷. Однако надо признать, что это была скорее *idée fixe*, чем реальный проект.

Через два года, 10 марта 1714 г., еще один указ предписывал начать подготовку к возведению на Котлине каменных домов. Предполагалось, что эти губернские дома образуют на южном берегу острова парадную набережную будущего города. В западной части эти расположенные «скобой» дома сформировали площадь, открытую в сторону моря.

Все строившееся на Котлине изначально должно было представлять собой сложный комплекс: крепость, защищавшая столицу, порт, обслуживающий морской и торговый флоты, и город. Голландский посланник Ван дер Гулт докладывал своему правительству: «Государь рассказывал нам свои предположения насчет постройки города на острове. Город этот будет населен только торговыми людьми, все строения предполагаются каменные. Город украсится набережными и мостами вроде Амстердамских. План так обширен, что на исполнение его потребуется много времени»⁹⁸. Гюйссен, автор первого «Описания Санктпетербурга и Кроншлота», говоря о планах Петра вести всю коммерцию через Балтийское море, отмечал: «Он намерен также устроить в Кроншлоте и в С.-Петербурге [...] значительное число подвальных кладовых и разных домов и пакгаузов, приспособленных для склада товаров»⁹⁹.

Губернские дома на набережной, которая теперь называется Макаровской улицей, начали строить в 1714 г. Счет губернским домам начинался от «Оста», то есть от Июльских ворот. Здания ставились торцом к морю, с тем чтобы они впоследствии примыкали к огромному зданию, фасадом обращенному на юг, со ступенями у подъездов, уходящими в воду. Предполагаемая длина здания составляла 510 м, но при жизни Петра построили не все. Екатерина I распорядилась «лицевого здания не строить, а в торцах домов пробить окна, а промежутки застроить».

Десять деревянных казарм и более 80 домов возвели к 1717 г., но этого было явно недостаточно. Не хватало и квалифицированных каменщиков, поэтому Петру пришлось прибегнуть к крайней мере – запретить каменное строительство во всем государстве, кроме Петербурга, в том числе и «Кроншлота». Причем значительные строительные работы первоначально разворачивались именно на территории острова.

Здесь необходимо еще раз напомнить о личности царя – единоличного хозяина. Небезосновательно отмечалось, что тогда в России по настоящему свободным был только один человек – Петр I. Захотел – все отнял, захотел – все это отдал другому, надо – приказал снять колокола, надо – запретил каменное строительство по всей стране.

На строительство Петербурга в 1712 г. из всех российских губерний было наряжено 40 000 работных людей, из них 3000 человек отправили на Котлин. Указом от 22 декабря 1715 г. на строительство кроншлотских гаваней выделяются дополнительные работники. При этом каждой губернии приказали заготовить определенное количество материалов, «доставить их к месту работ, силами своих людей срубить ряжи, установить их на место, заполнить их булыж-

---

⁹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. IV. № 2467. П. 14.

⁹⁷ Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. М.; Л., 1957. С. 26.

⁹⁸ Цит. по: Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С. Кронштадт. С. 11.

⁹⁹ Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710–1711 гг. СПб. 1860. С. 3.

ным камнем, сделать брустверы и чисто отделать. Все эти работы не возбранялось полностью или частично выполнять подрядным способом, но за счет денег, собранных с губерний, и под ответственность губернатора».

Однако дело замедлялось еще и казнокрадством. Князь Долгорукий писал царю, что «от ландратов и комиссаров явились вымышленные подрядчики и другие плутовства, несмотря на то, что на губернаторах взыскиваем с истязанием, а виновных в оных разыскиваем жестоко».

Кронштадтская гавань. Рисунок И. Браунштейна. 1722 г.

Много написано о тяжелых условиях, в которых оказались первые строители Петербурга. На Котлине же было значительно хуже. К.И. Крюйс доносил Сенату: «Морским служителям на Котлине острове без хлеба пробыть невозможно, а ныне хлеба на раздачу там нет, и многим за нынешний месяц март за недостатком хлеба не дано [...] Такое имею Вашим превосходительством донести, что голодные матросы и солдаты подобны отчаянному зверю, и сие мне избыточно случалось многократно видать в Италии, Гишпании, Португалии и Голландии». Причем Крюйс говорил о более привилегированном, нежели работные люди, сословии, к которому относились матросы и солдаты.

Модель гигантского маяка, выполненная Н. Микетти по указу Петра I

Б.А. Розадеев и его соавторы предположили, что в 1712 г. начались первые проработки генерального плана крепости и города. В августе Ф.М. Апраксин писал К.И. Крюйсу: «При отъезде от Кроншлота Царское Величество изволил мне приказать об итальянце архитекторе, который оставлен при Санкт-Петербурге в доме его Величества, чтоб оному осмотреть Котлин остров и учинить как быть строению, и когда он вашему благородию явится, приказать Котлин остров для учинения чертежа ему объявить»¹⁰⁰. Однако авторы этой книги дальше пишут, что проект, разработанный, видимо, итальянцем Джованни Мария Фонтаной, до сих пор не найден, хотя, «несомненно, существовал».

Рисунок архитектора И. Браунштейна, хранящийся в Государственном Эрмитаже, изображает предполагаемый вариант обустройства гавани Кронштадта. В центральной части – канал, разделяющий гавань на две симметричные части. Канал углубляется далеко в гавань, на юг, между двумя широкими дамбами, по сторонам которых расположены пруды: слева – Итальянский и справа, видимо, не имевший названия. На его берегу показан дворец Петра I, построенный в 1720–1722 гг. на рьяках. Кирпичный дворец в три этажа до середины XVIII в. исправно служил своему назначению. Именно в нем в 1752 г. проходили торжества в честь открытия канала имени Петра I, в которых участвовала Елизавета Петровна. Постепенно дворец ветшал и в 1788 г. во время пожара пострадал настолько, что восстанавливать его стало бессмысленно. Пруд перед дворцом не расширяли, а в 1770-х гг. засыпали. На этом месте в XIX в. разбили Петровский парк.

Изображенные на рисунке дома, стоящие на набережной, построены не все. Видимо, И. Браунштейн, строитель этих домов, изобразив на рисунке уже строящиеся дома, дополнил картину соответственно проекту. Посередине «скобы» возвышается башня-маяк – композиционная вертикальная доминанта. Эта башня над каналом должна была иметь арку, через которую могли бы проходить по каналу корабли. Проект башни составлялся архитекторами Н. Микетти¹⁰¹ и И. Браунштейном. По проекту последнего даже изготовили модель, сохранившу-

¹⁰⁰ Цит. по: Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С. Кронштадт. С. 15.

¹⁰¹ Николо Микетти (1675–1859) подрядил в русскую службу один из агентов Петра по найму всякого рода специалистов – Кологривов. В 1718 г. в Риме он заключил договор с Микетти, по которому тот должен получать в России 4000 «ефимков» ежегодно и даровую квартиру. В оправдание столь солидного годового содержания Кологривов писал, что Микетти в тот момент, будучи папским архитектором, был занят постройками в Риме, и, кроме того, его ни за что не хотела отпускать жена.

юся до наших дней и находящуюся ныне в Центральном Военно-морском музее. Эта башня действительно предполагалась к строительству, для нее в 1722 г. даже заложили фундамент. Под этим гигантским маяком должны были проходить корабли на всех парусах, но вскоре строительство остановилось.

Губернские дома

Указом Петра I от 10 марта 1714 г. предписывал всем губернаторам России в течение 1714 г. подготовить, а с 1715 г. начать строительство на острове каменных домов. Однако первые подряды заключили только в 1717–1718 гг. Да и само строительство продвигалось крайне медленно. Так, дома, намеченные к окончанию работ через год, строились с 1717 по 1725 г., то есть почти восемь лет, и не все были окончены полностью. Поначалу строительством руководили комиссары от губерний, подчинявшиеся сенатору Я.Ф. Долгорукову. В 1719 г. это дело передали в ведомство сенатора М.М. Самарина, а строение домов от Петербургской губернии – А.Д. Меншикову.

«Материалы по строительству домов в „скобе“ очень отрывочны и скупы. Известно, что 2 июня 1720 года были заложены семь домов от моря (на запад параллельно каналу), причем два первых дома А. Д. Меншиков сразу распорядился строить для себя по особому проекту. Дополнительно к этим домам перпендикулярно каналу строятся еще восемь домов, по четыре с каждой его стороны»¹⁰².

Всего построили 24 дома, которые стали называть губернскими.

13 июля 1718 г. в «скобе», на запад от канала, освятили деревянную церковь во имя Андрея Первозванного, предшественницу знаменитого кронштадтского Андреевского собора.

«Дом для А.Д. Меншикова, выходящий на набережную, получил название Итальянского дома, или Итальянского дворца, так как в его строительстве принимали участие итальянские мастера». Эта цитата из книги Б.А. Розадеева и его соавторов требует важного уточнения, сделанного И.Н. Наймушиным в небольшой, но очень интересной книжечке «Итальянский дворец в Кронштадте». Вот несколько цитат из нее: «В абсолютном большинстве источников строителем Итальянского дворца считается архитектор И. Браунштейн. В фундаментальном труде И. Грабаря „Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках“ автором назван Г. Шедель. (Здесь автор делает важную сноску: «...скорее всего, в данной работе идет речь о прежнем, деревянном дворце князя Меншикова, стоявшем на месте нынешнего Итальянского». – Л. А.) Шеделю после приезда в Россию в 1713 г. было поручено строить дворец Меншикова „полатных покоев, где ныне кадецкий корпус... и прочих к полатам принадлежащих покоев которое и построил“. Интересно, что название „Итальянский“ большинство исследователей относит к участию в строительстве дворца итальянских мастеров, хотя и Браунштейн, и Шедель были немцами, а само наименование появилось много позже постройки. Значительно реже встречается мысль о связи названия не с мастерами, а с итальянским стилем самого здания. [...] До сих пор в литературе, касающейся описания Кронштадта, можно встретить указания на то, что владельцем Итальянского дворца являлся князь А.Д. Меншиков. Приводится и изображение дворца 1727 г. – гравюра О. Эллингера.

Впервые эту гравюру, хранившуюся в фондах Библиотеки Академии наук, исследовала искусствовед Русского музея М.А. Алексеева. Оказалось, что в Материалах для истории императорской Академии наук (1897), в списке гравированных досок, гравюра именовалась „Кронштадтским проспектом“. Авторство же Эллингера установлено только по манере исполнения воды, неба и человеческих фигурок. А идентификация изображения здания как Итальянского дворца – исключительно по сравнению с близкими по времени видами города.

---

¹⁰² Розадеев Б.А., Сомин Р.А., Клещева Л.С. Кронштадт. С. 19.

В современной литературе мысль о принадлежности Итальянского дворца Петру I и, соответственно, Минихова дома – князю Меншикову была впервые высказана архитектором А.Е. Буничем. Он же сделал предположение, что гравюра Эллингера изображает не Итальянский дворец, а дворец Меншикова-Миниха.

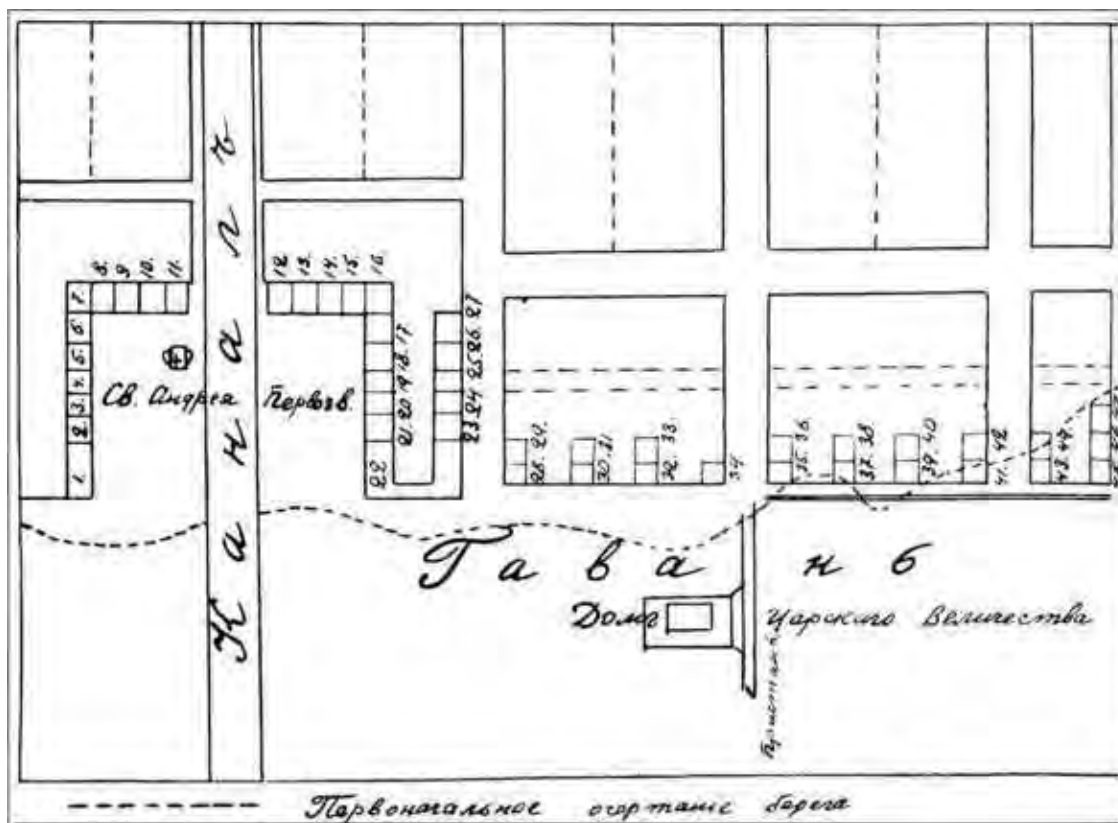
Итальянский дворец. Гравюра О. Эллингера. 1729 г.

Документом, официально подтверждающим принадлежность дворца Миниха князю Меншикову, в настоящее время можно считать „Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения, находящихся в г. Санкт-Петербурге“ (2001). Среди объектов Кронштадта отмечены: „Дом Меншикова А.Д. (Миниха Б.-Х.)“ в составе комплекса зданий Первого учебного морского экипажа по улице Макаровской, 1/3 и „Итальянский дворец (Морское инженерное училище им. Императора Николая I)“ с принадлежащими ему корпусами – по ул. Макаровской, 3»¹⁰³.

Наймушин справедливо пишет, что во многих планах Кронштадта XVIII в. в собрании РГАВМФ Итальянский дворец имеет «императорскую принадлежность», а с первой половины XIX в. дворец значится как «Итальянский, бывший князя Меншикова». Вероятно, фамилия светлейшего появилась как воспоминание о прежнем, стоявшем на этом месте до постройки домов в «скобе» деревянном дворце князя. На плане каменных строений Кронштадта 1724 г. из книги Елагина этот дом указан под № 22 на другой стороне канала.

¹⁰³ Наймушин И.Н. Итальянский дворец в Кронштадте. СПб., 2011. С. 5–6.

План «скобы». Из книги С.К. Елагина «Начало Кронштадта»

Забегая вперед, скажем, что после ссылки Меншикова этот дом отдали графу Миниху, который в 1741-м продал его в казну: «...пожалованной генерал фельдмаршалу графу фон Миниху в Кронштадте бывшего князя Меншикова каменный дом по прошению его генерал фельдмаршала принять в ведомство адмиралтейское на казенные употребления, а вместо того выдать ему из казны денег 5000 рублей из прибыльных от продажи поташа»¹⁰⁴.

По Описи губернских домов 1754 г., которая хранится в РГАВМФ и которую цитирует Наймушин, Итальянский дворец составляли три дома (два петровских и бывший дом адмирала К. Крюйса). «На левой стороне канала: № 1 – три дома Его Императорского Величества, состоит в ведении Дворцовой конторы строений; № 2 – протопопа Андреевского собора М. Иванова, без номера; № 3–4 не заняты; № 5–6 – барона фон Любераса; № 7 – в ведении конторы строений, без номера; № 8 – кронштадтская гарнизонная канцелярия.

На правой стороне канала: № 18 – где прежде стоял дом князя Меншикова, а потом бывшего генерал-фельдмаршала Миниха [...] состоит в ведении конторы над портом»¹⁰⁵.

Все губернские дома строили по единому образцу: «Трехэтажными, на погребах, с выложенными в них сводами. Своды были также в сенях. Все дома имели семь осей и по два одинаковых лицевых фасада, каждый из которых прорезали одни ворота, одна входная дверь, девятнадцать окон. Двери и окна имели мелкую расстекловку, характерную для того времени. Крыши крылись голландской черепицей, снаружи и внутри дома были оштукатурены. Ставили губернские дома рядом, вплотную один к другому, так, чтобы в целях более экономного расходования кирпича одна стена у них была общая»¹⁰⁶.

¹⁰⁴ РГАВМФ, ф. 138. Оп. 1. Д. 267. Л. 36.

¹⁰⁵ Наймушин И.Н. Итальянский дворец в Кронштадте. С. 7.

¹⁰⁶ Розадеев Б.А., Сомин Р.А., Клещева Л.С. Кронштадт. С. 21.

Наблюдал за строительством губернских домов архитектор И. Браунштейн, который, вероятно, и автор проекта, помощником был Х. Конрад.

По указу Екатерины I в 1725 г. на глухих фасадах, обращенных к морю, проббили по 18 окон. В течение всего XVIII в. губернские дома приходилось ремонтировать, а в начале XIX в. фасады переделали, но об этом чуть дальше.

Начало крепости

Петровский проект обороны Котлина Петр I утвердил в 1721 г. Главная идея проекта заключалась в том, что восточная часть острова была занята сильной крепостью с городом внутри нее и примыкающими к ней с юга гаванями. В непосредственной близости к ним располагались форты «Новый Кроншлот» и «Цитадель». На восток, на котлинскую косу, вынесли небольшую, но сильную крепостицу из пяти бастионных фронтов, перекрывающих узкий перешийек на косе. Еще две небольшие, но хорошо укрепленные крепостицы предполагалось разместить одну на северном берегу острова, другую – на южном. В дальнейшем этот проект претерпел некоторые изменения, но в целом сохранился.

План Кронштадтской крепости, разработанный Петром I. 1721 г.

Несмотря на непогоду, утром 2 октября 1723 г. у Троицкой пристани в Санкт-Петербурге собралась целая флотилия, которая должна была сопровождать царя на Котлин. Переночевав в Галерной гавани, 3 октября вечером подошли к «Кроншлоту». Рано утром 4 октября Петр на яхте еще «делал чертеж фортеции котлинской». Отобедав на месте предполагаемой закладки крепости, он «обрисовал место фортеции маленькими ровиками». И еще два дня царь занимался чертежом крепости.

Намеченную на 6 октября закладку крепости пришлось отложить из-за сильного ветра на следующий день, а 7-го, в первом часу пополудни, пушки «Кроншлота» возвестили о начале торжества: «...перво был молебен с водосвятием, и на молебне именовали Кронштадт, а по молебне наперед сам Е. В. изволил положить три дернины, потом Ея Величество Государыня Императрица изволила положить три дернины, после чего прочие все по одной дернине, а как положили все, то Е. В. угол отрезал, как быть больверку, а с Кроншлота учинена из пушек стрельба. Потом солдаты и матросы стали носить и класть дерн; а как положили в длину до указанного места, а в ширину по 8-ми дернин, тогда на том заложен солдатами и матросами был погреб, а знатным господам подношено было по бокалу хорошего вина бурговского»¹⁰⁷.

Так город на Котлине Петр назвал Кронштадтом – «Коронным городом».

Фронты главной крепостной ограды и впереди лежащих крепостиц располагались по бастионной системе голландского инженера М. ван Кугорна (1641–1704). Ж.-Б. Леблон создал чертеж укреплений Петербурга именно по этой системе. Правда, план этот в силу ряда причин не был осуществлен, но ограда главной крепости Кронштадта подобна леблоновской в Петербурге.

По мнению Б.А. Розадеева и его соавторов, причастность Ж.-Б. Леблону очевидна, хотя в официальных документах подтверждения этому нет. За это говорят и «общность композиционных приемов в решении планов Санкт-Петербурга и Кронштадта; регулярная планировка обоих городов и четкое зонирование территорий, и письма французского посланника де Лави, который 11 июня 1717 г., например, писал: „Работы по укрепле-

¹⁰⁷ Цит. по: Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Кронштадтская крепость. С. 54–55.

нию Кроншлота успешно продвигаются, и г. Леблонд получил от кн. Меншикова приказание отправиться туда, чтобы начертить план города, предполагаемого там к постройке“. Спустя же ровно пять месяцев он продолжает: „Царь осматривал работы, проведенные в его отсутствие в Кроншлоте, Петергофе и Стрельне, при этом терпение его подвергалось большому испытанию, и г. Леблонд почувствовал грустные последствия этого обстоятельства, но покровительство царицы удалило угрозу, и он вернулся в милость. Его Царское Величество, тщательно осмотрев все работы, наконец, по-видимому, остался ими доволен“»¹⁰⁸.

Петр справедливо мог считать, что Кронштадтская крепость теперь может надежно защитить Санкт-Петербург со стороны моря. Он говорил Меншикову: «Теперь Кронштадт приведен в такое состояние, что неприятель в море близко появиться не смеет. Инако корабли расшибем в щепы. В Петербурге спать будем спокойно»¹⁰⁹. Так оно и было – на протяжении последующих 250 лет крепость Кронштадт надежно защищала наш город.

Очень важный документ составлен в 1724 г. – аншталт крепостей. Этот документ (формуляр) определял практическое значение фортификационных сооружений и определял их вооружение. Всего в аншталт вошли 34 укрепленных пункта, разделенных на три разряда: Остзейские, Российские и Персидские. Первый и третий разряд включали фортеции завоеванных провинций, второй – собственно русские. В состав Остзейских крепостей вошел Кронштадт, о котором Петр писал, что это «фортеция зело великая, в которой с две тысячи пушек надобно, но содержание оной артиллерии и служителей не великого кошту требует, канониров одной команды довольно, понеже, когда флот в море, никакого опасения нет, а когда дома, то не одну тысячу добрых канониров из флота употребить можно, також станки пушечные из адмиралтейства содержать могут, только вышереченную компанию определить можно»¹¹⁰.

Обращенная к косе часть состояла из шести пересекавших остров с севера на юг бастионов, названных в честь полков, их строивших: Преображенского, Семеновского, Лефортовского, Бутырского и Морского. Еще четыре бастионных фронта по северному берегу и два по восточному предполагались более простого профиля. Замыкаясь на первый бастион главной ограды, оборонительная линия проходила по молам, ограждающим Военную, Лесную, Среднюю и Купеческую гавани.

Главным командиром Кронштадта 3 ноября 1724 г. был назначен вице-адмирал П.И. Сивере.

Четыре канала разделили внутреннюю территорию главной крепости на восемь отдельных участков. Главным стержнем композиции стал канал, который, начинаясь в глубине гаваней, идет к северному берегу острова. Второй стержень – это канал, идущий перпендикулярно первому. В его восточной части размещены бассейн с доками, а также территория для хранения лесоматериалов.

По главному каналу из Купеческой и Военной гаваней выделены две небольшие внутренние гавани, которые ограждены молами. На набережных этих внутренних гаваней, по обеим сторонам от канала, и располагаются здания «скобы». Это парадная застройка города, изображенная на упоминавшемся выше рисунке И. Браунштейна.

Интересно отметить, что все четыре канала на территории крепости не имели непосредственного прямого выхода в море. Продольные каналы, доходя до главного вала крепости, проходят через него по трубам и заканчиваются в водяном рве. Если они продолжают далее, то в трубах же проходят под предмостными укреплениями и за ними выходят на дневную поверхность и продолжают до моря. Поперечные каналы, начинаясь в гаванях, пересекают терри-

¹⁰⁸ Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С. Кронштадт. С. 25.

¹⁰⁹ Морской сборник. 1906. № 6. С. 35.

¹¹⁰ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 87.

торию крепости до северной ограды, проходят в трубах под главным валом этой ограды и впадают в водяной ров.

«Главный поперечный канал делит территорию города на две неравные части: восточную под литерой А и западную под литерой В, по размеру несколько меньшую, чем первая. Из обеих частей у гаваней и по набережным ближайших каналов выделены участки – в размере трех кварталов из части А и пяти кварталов из части В. Эти новые участки вместе со „скобой“ составляют парадную центральную часть города для размещения в ней государственных, военных, торговых и других подобных им учреждений и участков, а также для поселения высокопоставленных и именитых лиц. Территории под литерой А отведены для моряков и их учреждений, а под литерой В – для сухопутных войск».

В конце зимы, 18 февраля 1724 г., перед началом строительного сезона, Петр указывает строителю крепости Э. Лейну на то, что «главный вал должен быть земляным, укрепленным в будущем каменным эскарпом». В течение года работы продвигались весьма успешно, и к началу зимы 1725 г. вчерне была закончена западная часть оборонительной ограды с водяным рвом, бастионами и куртинами между ними.

Парад кораблей во главе с ботиком Петра I. Художник С.Д. Всеволожский

Возведя вчерне оборонительную ограду на главном направлении в октябре 1724 г., Петр приказывает Э. Лейну усилить строительство канала и двух временных деревянных доков. Однако окончания этих работ Петру не суждено было дожидаться. Строительство ограды продолжалось до конца 1734 г., уже во времена его преемников, которые внесли существенные изменения в принятую Петром систему. В таком виде ограда просуществовала до катастрофического наводнения 1824 г.

Еще одно грандиозное торжество произошло 11 августа 1723 г. Это исторический парад, устроенный Петром в честь «дедушки русского флота». 5 августа царь пришел с флотом к Котлину, 6-го был у обедни и послал приказ Потемкину, чтобы тот с буерным флотом шел сюда. 7-го пришел буерный флот, и «учинено учреждение встречи бота флотом», то есть написана церемония встречи, 9 и 10 августа погода мешала церемонии, и только 11-го государь был у обедни, после которой ботик прошел из гавани на рейд, где ему салютовал флот. Кормчий на

ботике – государь, гребцами командовал адмирал Апраксин, да еще два адмирала и адмиралтейский полковник Головин командовали. По возвращении в гавань произвели залп с гавани, государь, выходя из ботика и обращаясь к встретившей его императрице и адмиралам, сказал: «Смотрите, как дедушку внучата веселят и поздравляют! От него при помощи Божией флот на юге и на севере страх неприятелям, польза и оборона отечества».

Подводя итог первой четверти XVIII в., надо сказать, что она стала значимым периодом в становлении Кронштадта. «В это время началось строительство его крепостных сооружений, заложены основы регулярной планировки, в значительной степени сформировался образ его парадного южного берега. Именно в это время начал складываться облик Кронштадта, похожего на Петербург, но неповторимо своеобразного»¹¹¹.

---

¹¹¹ Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С. Кронштадт. С. 30.

Кронштадт после Петра Великого

Смерть Петра Великого наступила в 5 часов 15 минут 29 января 1725 г. Екатерина I была коронована еще в мае 1724 г. Манифест о ее короновании, обнародованный в ноябре 1723-го, и «Устав о наследии престола», по мнению авторитетного историка Е.В. Анисимова, «ломал традиционный принцип преемственности и, стало быть, позволял лишить великого князя Петра Алексеевича права на престол»¹¹².

Петр справедливо не надеялся, что внук (сын царевича Алексея) сможет продолжить его дело. Но и Екатерина оказалась не в состоянии самостоятельно и полноценно исполнять функции своего предшественника. В стране назревал раскол, так как сторонники Петра Алексеевича активно противостояли императрице. В такой ситуации до Кронштадта ли было. Правда, когда в 1726 г. английская эскадра адмирала Вогара подходила к Ревелю (Таллин), то, опасаясь нападения, укрепления Кронштадта решили привести в боевую готовность, для чего в Кронштадт направили графа Апраксина, который докладывал Императрице: «...нашел крепость в великой неисправности, а именно: батареи пушками не удовлетворены и во многих местах не готовы, потому с согласия флагманов определил: батареи, прамы, бомбардирские корабли и два фрегата исправлять и снабжать их скорее»¹¹³. Однако все это делалось по сравнению со временем Петра так медленно и несуразно, что дало повод Шелову сказать: «где при Петре Великом справлялся один, там после Него надо было пять».

Тем не менее, дополнительные орудия на Котлине установили, и к концу июля 1726 г. их насчитывалось 512. Неприятеля ждали, сигналом общей тревоги было «поднятие красного флага на корабле „Св. Екатерина“ и три выстрела с него же. По этому сигналу все люди бросали работы и занимали места по батареям для боя». 11 августа Екатерина приехала в Кронштадт. Она осматривала укрепления, объезжая их в карете.

Но англичане, не проявляя активности, вскоре покинули Балтику. В Кронштадте опять воцарилась тишина.

А вскоре по Санкт-Петербургу зазвучал манифест: «1727-го году, мая в 6-й день, в 9 часу пополудни, волею Божией, Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Государыня Екатерина Алексеевна, Самодержавица Всероссийская, от сего временного жития преставися в вечное блаженство».

На престоле оказался 11-летний Петр II. В 1728 г. двор, дипломатический корпус, государственные учреждения перебрались в Москву. Началось странное время. Саксонский посланник Лефорт писал: «Здесь везде стоит глубокая тишина. Все живут здесь в такой беспечности, что человеческий разум не может постигнуть, как такая огромная машина держится без всякой подмоги, каждый старается избавиться от забот, никто не хочет взять что-либо на себя и молчит [...] Стараясь понять состояние этого государства, найдем, что его положение с каждым днем делается непонятнее. Можно было бы сравнить его с плывущим кораблем: буря готова разразиться, а кормчий и все матросы опьянели или заснули [...] огромное судно, брошенное на произвол судьбы, несется, и никто не думает о будущем»¹¹⁴.

Единственное, что занимало Петра – охота. По подсчетам князя П.В. Долгорукова, в июле-августе 1729 г. юный император был на охоте непрерывно 55 (!) дней.

Пессимизм Лефорта подтверждает английский посланник в Санкт-Петербурге Клавдий Рондо. 7 августа 1728 г. он писал по поводу «деятельности» императора Петра II: «Великие замыслы его деда скоро обратятся в ничто; уже работы в Кронштадте почти прекратились».

---

¹¹² Анисимов Е.В. Россия без Петра. 1725–1740. СПб., 1994. С. 18.

¹¹³ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 97.

¹¹⁴ Цит. по: Анисимов Е. В. Россия без Петра. С. 162.

Вот еще одно свидетельство очевидца: «Все корабли, виденные мною в этой гавани, были по большей части лишены мачт и в скверном состоянии. Один из высших офицеров флота весьма искренне сообщил, что англичане и датчане не имели причин для тревог, с тех пор как императрица оказалась не в состоянии снарядить и послать 15 военных кораблей на три месяца. Действительно, у многих из этих кораблей сгнили днища, даже у некоторых не вышедших еще в море. Там было лишь незначительное число матросов, большинство иностранцев оставило русскую службу. Я не видел и двадцати англичан. Склады были почти все пусты»¹¹⁵.

Непонимание и нежелание понимать проблемы страны привели Петра II к отмене петровского протекционистского тарифа, что сразу же отрицательно сказалось на внешней торговле России. Резко упали финансовые обороты Петербургского порта, и, как следствие, купцы да и простое население начали покидать бывшую столицу.

Разумеется, значительно ухудшилась ситуация и в Кронштадте. И здесь купцы, ремесленники и прочий трудовой люд двинулись с острова в поисках лучшей доли.

Тем не менее, некоторые работы в Кронштадте имели место: в 1729 г. началось возведение ограды на северной береговой стороне Центральной крепости, продолжавшееся в перерывами почти до 1734 г. Работами руководил военный инженер полковник де Клон, назначенный в 1727 г. новым строителем Кронштадта.

Но царствование Петра II оказалось коротким. Присутствуя вместе с невестой на льду Москвы-реки на традиционном празднике водосвятия 6 января 1730 г., он сильно простудился и занемог. Через три дня обнаружили признаки оспы, в то время еще излечимой. Но 17 января течение болезни приняло опасный, а затем и безнадежный оборот. В ночь с 18 на 19 января император умер в возрасте 14 лет.

После кончины императора Петра II престол перешел к Анне Иоанновне, дочери брата Петра и, следовательно, двоюродной сестре дочери Петра I Елизаветы. Десять лет правления кузины Елизавета находилась в опале, под неусыпным наблюдением, ожидая своего часа.

Новая императрица вернула столицу в Санкт-Петербург и этим «не только спасла разрушавшийся город, но и придала мощный импульс его дальнейшему развитию»¹¹⁶. Наконец-то оживился и Кронштадт.

Важнейшими решениями императрицы были шесть указов, принятые в июне-июле 1730 г., в том числе «Об учреждении комиссии для рассмотрения состояния армии, артиллерии и фортификации и исправления оных» и «О содержании галерного и корабельного флотов по регламентам и уставам». В последнем «наикрепчайше подтверждалось Адмиралтейств-коллегии, чтобы корабельный и галерный флот содержаны были по уставам, регламентам и указам, не ослабевая и не уповая на нынешнее благополучное мирное время». Таким образом, эти указы фактически определили всю внутреннюю политику Анна Иоанновны.

17 апреля 1732 г. здесь появилась комиссия в составе генерал-майора И. фон Любераса, полковника Дж. Трезини и офицеров инженерного корпуса для осмотра состояния докового канала. Комиссия предложила строить доки в конце канала вместо намеченных ранее эллингов и доков в основном бассейне и не делать дополнительного бассейна, намеченного за основным.

Кроме того, решили не строить башню-маяк, так как «она башня едино только для красоты служить имеет, и фундаменты не могли бы выдержать такого грандиозного сооружения». Это мнение через 200 с лишним лет подтвердил известный искусствовед и художник И.Э. Грабарь: «Обладая большим, чисто барочным очарованием, башня Микетти недостаточно конструктивно убедительна, и глаз не слишком верит, что ее громоздкий верх устоит на легкой арке основания»¹¹⁷. И.Э. Грабарь высказал также предположение, что именно несостоявшееся

---

¹¹⁵ Цит. по: *Крестьянинов В.Я.* Кронштадт. Крепость, город, порт. СПб.: «Остров», 2014. С. 20.

¹¹⁶ *Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны... С. 7.

¹¹⁷ *Грабарь И.Э.* Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках. Л., 1994. С. 99.

строительство башни-маяка стало причиной отъезда Микетти из России в 1723 г. Вместо маяка в 1752 г. поставили две пирамиды высотой 45 футов ¹¹⁸.

Однако гражданское строительство в Кронштадте в эти годы было крайне незначительным, за исключением Богоявленской церкви, построенной в 1728–1731 гг. главным архитектором Адмиралтейства И.К. Коробовым. Эта деревянная церковь располагалась на Госпитальной улице, которую по церкви стали называть Богоявленской. Ее колокольня в семь ярусов и высотой 52 м служила морякам хорошим ориентиром. «В двух верхних ярусах колокольни помещались часовой механизм и часовой колокол. Крестообразное в плане здание вмещало до 1300 человек. В церкви хранилось деревянное паникадило, выточенное лично Петром I. В 1798 г. при взрыве порохового склада в Средней гавани паникадило упало и разбилось»¹¹⁹.

26 июня 1732 г. большой пожар в Кронштадте уничтожил около 700 деревянных строений. Всего в это время на острове имелось 1525 дворов служащих ведомств и 441 двор обывателей.

Проект типовых домов для Кронштадта, предложенный И.К. Коробовым. Первая треть XVIII в.

Число кораблей, прибывающих в Кронштадт, постоянно увеличивалось, и многие из гостей старались зафиксировать свои впечатления на бумаге. Эти свидетельства являются весьма важными, дающими сейчас возможность представить жизнь русского портового города первой половины XVIII в.

Описание Кронштадта 1733 г.¹²⁰ оставил Френсис Дэшвуд: «...в четверг 7 июня мы бросили якорь в трех лигах¹²¹ от Кронштадта. 20-пушечный сторожевой корабль выслал полубаркас с требованием к нашему капитану встать на якорь. Капитан Коттерел отправился в гавань на борт к адмиралу Гордону, державшему свой флаг на корабле „Св. Александр“, командуя эскадрой из двенадцати кораблей, которые были готовы выйти в Балтику с первым благоприятным ветром. Однако поскольку капитан и адмирал не договорились о салютах, мы рано встали на мертвый якорь.

В пятницу 8 июня около семи часов утра, [когда мы стояли] в миле от крепости и города Кронштадт, адмирал Гордон прибыл с визитом на борт к нашему капитану; при отбытии адми-

¹¹⁸ Дуров И. Канал Петра Великого в Кронштадте // Журнал Главного управления путей сообщения и публичных зданий. 1862. Кн. 3. С. 181.

¹¹⁹ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 65.

¹²⁰ «Журнал посещения С.-Петербурга в 1733 году» Френсиса Дэшвуда (1708–1781) хранится в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета. На рус. яз. опубликован: *Беслятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны... СПб., 1997. С. 53–86.

¹²¹ Морская лига равна трем морским милям (1,852 км), т. е. 5,556 км. Получается, что гости бросили якорь на расстоянии 16,67 км от Кронштадта, в 5–6 км от острова Котлин.

рала был дан салют из 17 пушек. Несколько позже приезжал вице-адмирал Сандерс, которого приветствовали из 13 пушек. Мы около 9 часов вечера сошли на берег в Кронштадте, но сначала поехали на борт к адмиралу, который салютовал капитану при его отбытии из 17 пушек. Мы поужинали и переночевали у адмирала Гордона.

Суббота, 9 июня. Переправившись на сушу, я осмотрел Кронштадтский остров; он примерно пять миль в длину, все огромное строительство здесь спланировано весьма регулярно. Кронштадт построен среди моря на болоте и топи. Вход в гавань чрезмерно сильно укреплен – там установлено 700 пушек. Есть хорошо выложенные камнем большие каналы для проводки кораблей и крупных судов в город. Имеется чрезвычайно большая и красивая ветряная мельница, ее силой и механизмом несколько установленных машин вычерпывают из каналов воду, которая по дренажным канавам отводится в море. Мельница пилит сразу по несколько досок – это изобретение было сделано и осуществлено одним голландцем. Со стороны гавани на острове возведены большие кирпичные дома и очень большое четырехугольное здание с арками¹²²; все они без должного ремонта и от сурового холода уже весьма обветшали. На острове есть две часовни, или церкви, с красивыми запрестольными образами на греческий манер¹²³. На острове 4 тысячи солдат и 10 тысяч моряков (то есть, как сообщил мне адмирал Сандерс¹²⁴, людей, определенных для службы на море). На юго-востоке есть гавань, называемая Купеческой, ее окружают внешние оборонительные сооружения. Крепость¹²⁵ стоит отдельно, сама по себе, к югу [от острова], и все малые суда и корабли проходят между нею и Кронштадтом.

В настоящее время адмирал Гордон начальствует и над островом, и над крепостью. Остров был отведен Петром Великим под стоянку всех купеческих судов и его собственного военно-морского флота, но после его кончины эти планы осуществлялись очень медленно. Однако работы все время велись, и сейчас там трудятся пятьсот человек под наблюдением и управлением вице-адмирала Сандерса, который уже провел в этой стране и на этом флоте 18 лет. Русские считают, что имеют 40 военных кораблей¹²⁶, но я располагаю достоверными сведениями, что никак не более 12 из них способны выйти в море. Есть 20 тысяч регулярного штатного состава военных моряков, однако поскольку семь месяцев в году море вокруг на расстоянии 40–50 лиг покрыто льдом или во всяком случае навигация невозможна, то русские не могут держать в постоянной готовности и пяти тысяч. Русские купеческие суда весьма невелики. Каждое лето отправляют [в море] эскадру для обучения личного состава, но даже и она не полностью укомплектована людьми. Они служат главным образом дома, на суше. Лес, [из которого русские строят корабли], недолговечен; поначалу думали, что его плохо выбирали, но, конечно, причина заключается в чрезвычайном холоде, а также в очень жарком солнце на протяжении десяти недель в году; холод и жара все разрушают, и это видно по тамошним кирпичным и каменным домам. Хотя я должен добавить, что в весьма большой степени дело также и в недостатке мастерства – в Кронштадте есть несколько больших красивых домов, уже довольно-таки сильно разрушившихся. Из примерно сотни таких надо весьма выделить два или три дома, связанных с именем самого монарха¹²⁷, и один – с именем князя Меншикова. Остальные дома – деревянные, выстроенные на русский манер. (В Кронштадте есть превос-

---

¹²² Имеется в виду Итальянский дворец.

¹²³ Упомянутые церкви Св. Андрея Первозванного и Богоявленская.

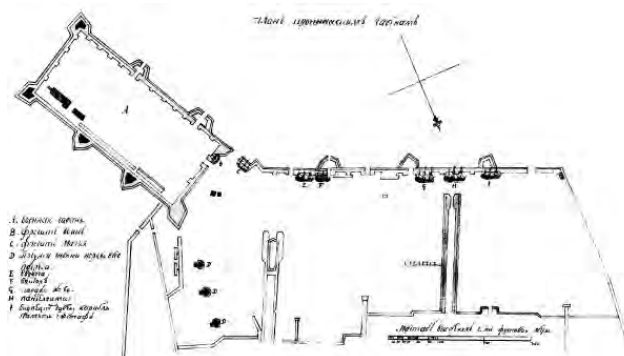
¹²⁴ Т. Сандерс принят на русскую службу в 1718 г. в Амстердаме.

¹²⁵ «Кроншлот».

¹²⁶ В 1733 г. Балтийский флот насчитывал 59 парусных кораблей, в том числе 37 линейных кораблей, 15 фрегатов, две шнявы, три бомбардирских корабля, два судна для брандвахты. Образованная в 1732 г. «Особливая комиссия для рассмотрения и приведения в надлежащий порядок флота как корабельного, так и галерного» оставила в штате 27 линейных кораблей и шесть фрегатов» (см.: *Бескровный Л.В.* Русская армия и флот в XVIII веке. Очерки. М., 1958. С. 68).

¹²⁷ Домик Петра I.

ходная кузница, где делают якоря и иное железное снаряжение для кораблей; в ней непрерывно трудятся свыше сотни человек.)»¹²⁸.

Проект гаваней Кронштадта

Англичанка Элизабет Джастис (ум. 1752) с тремя детьми, оказавшись в сложнейшем финансовом положении, отправилась в Петербург. Она провела здесь три года, служа гувернанткой при трех дочерях процветающего купца Хилла (Гиля) Эвнса (Эвенса, ум. 1740) с августа 1734 по август 1737 г. Вернувшись в Лондон, она опубликовала небольшое сочинение о своем пребывании в России. Разумеется, нас интересует фрагмент этого сочинения, посвященный Кронштадту.

«Кронштадт – это город, куда приходят все большие корабли, из-за своей величины не способные подняться до Петербурга. Там находится таможня, и таможенные офицеры сразу по прибытии корабля поднимаются на борт и ставят там солдат смотреть, чтобы с корабля ничего не вынесли. Я видела, что принесенные свечи были поставлены в сосуды с водой. Любопытство побудило меня осведомиться о причине этой странности, и мне сказали, что если бы капитан этого не сделал, ему пришлось бы заплатить штраф в 10 рублей, то есть почти 30 английских шиллингов. Поскольку этот город подвержен пожарам, то русские не могут позволить разводить огонь на кораблях. Но в возмещение неудобств ее величество построило дом, предназначенный для приготовления пищи.

В этом городе имеет резиденцию адмирал Гордон, шотландский джентльмен, ценимый всеми, кто имеет честь его знать; он столь же добр, сколь и велик. Его сочувствие всегда на стороне несчастного и правого. Обязанности высокого поста, занимаемого им, исполняются настолько справедливо, честно и мужественно, что само его имя вдохновляет его офицеров и воодушевляет матросов. Я имела честь обедать у него перед отправлением в Петербург; благодаря его благосклонности я не только разделила с ним прекрасную трапезу, но и почувствовала на себе общительность с чужестранцами и удовольствие, получаемое им от общения и от любезностей англичан. Они наделены всеми возможными добродетелями, и в особенности приветливостью, коя прекрасна в особах их положения. И хотя я была посторонней, они не только с радостью проявили по отношению ко мне любезность, но оказали еще большую честь, преподнеся щедрый подарок»¹²⁹.

Еще одно описание Кронштадта оставил швед Карл Рейнхольд Берк, совершивший путешествие в Петербург в 1735–1736 гг.

«КРОНШТАДТ

¹²⁸ Цит. по: *Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны... С. 53–55.

¹²⁹ Цит. по: *Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны... С. 87–88.

Наконец теперь мы покидаем Петербург и отправляемся вниз к Кронштадту, до которого 30 верст морского пути¹³⁰. Этот город, который, согласно планам, должен стать регулярным, отчасти укреплен, особенно со стороны фарватера. На берегу уже возведено много совершенно одинаковых каменных домов, они большие и, по моему мнению, красивее простых домов в Петербурге, все построены за государственный счет и используются также в нуждах короны: в них адмиралтейская и таможенная конторы, квартиры адмирала и офицеров, школа матросских детей, провиантские склады и т. д.

Однако хорошо застроена лишь эта сторона берега, прочие дома – сплошь деревянные и незначительных достоинств.

Все улицы имеют названия, которые по-русски и по-голландски написаны на углах, как в Париже.

Императорский дворец стоит на берегу, это красивое здание, хотя небольшое и лишенное украшений.

Я видел две русские церкви – обе деревянные¹³¹, но одна из них построена хорошо. Есть там и немецкая церковь¹³².

Гавань

Гавань очень мелкая, в самых глубоких местах едва глубже тридцати футов. Вся она обнесена большой и нашпигованной пушками плотиной. Гавань состоит из трех частей: военной, коронной и торговой. В двух первых стоят большие и меньшие коронные суда, а в третьей – купеческие, которые из-за мелководья не могут с полным грузом пройти в Петербург и из него, а должны либо воспользоваться плашкоутами, либо брать груз из купеческих складов.

Эти склады расположены как раз перед торговой гаванью, среди тех домов, которые почти все построил Меншиков¹³³. И хотя они такие же, как прочие, идут не вдоль берега, а в три стороны (с четвертой – вода), образуя обширную площадь¹³⁴.

Канал и доки

Уже двенадцать лет¹³⁵ ведут большой канал, он продолжен далеко в город и в другом месте вновь выйдет в гавань. При ней строят также шесть доков; то и другое целиком одето тесаным камнем. Плотины, или вход в канал, выдаются на две трети ширины гавани, и глубина воды между ними и в самом канале 21 фут, хотя естественная глубина там, где начинаются плотины, не превышает 18 футов. Если еще учесть, что Кронштадт расположен порядочно высоко над уровнем воды, то надо, приняв во внимание протяженность и сложность работы, признать данное предприятие великолепным и превосходящим многие дела, которыми похвально один француз, утверждающий, будто его соотечественникам нет равных во вселенной.

Когда канал будет совершенно закончен, что, возможно, произойдет через три-четыре года, в него поставят все военные корабли, поскольку мелководье и сама вода в гавани очень

---

¹³⁰ Длина пути явно преувеличена.

¹³¹ В те годы на Котлине имелись три православные церкви: Преображения Господня, поставленная в 1706 г. и существовавшая до 1788 г.; городская деревянная во имя Св. апостола Андрея Первозванного, построенная в 1717–1718 гг., разобранная за ветхостью в 1742-м; деревянная морская Богоявленская, возведенная И.К. Коробовым в 1728–1731 гг., снесенная в 1741-м.

¹³² Евангелическо-лютеранская церковь Св. Елизаветы у Петербургских ворот, упоминавшаяся еще в 1707 г.

¹³³ А.С. Меншиков ведал строительством губернских домов от Петербургской губернии.

¹³⁴ То есть эти дома и образовывали так называемую «скобу».

¹³⁵ Неточность, отмеченная Ю.Н. Беспятых. См. сн. 452 в его книге «Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях».

вредны для кораблей. Равным образом и склады, стоящие теперь на окружающей гавань плотине и пока только фахверковые, будут тогда вокруг этого канала выстроены в камне.

Для тех, кто покидает Петербург, справа от фарватера будет укрепленная гавань Кронштадта, слева Кроншлотская цитадель и вновь справа батарея Св. Иоанна; обе последние поставлены прямо в воде.

В семи верстах оттуда стоит на якоре брандвахта, там все проходящие суда должны предъявлять свои паспорта»¹³⁶.

И еще одно небольшое описание, сделанное Педером фон Хавеном, прибывшим в Кронштадт 26 июня 1736 г. на русском судне, совершавшем каждое лето два рейса между Кронштадтом и Любеком.

«Население Кронштадта состоит из людей самых разных наций, как и в Петербурге, поэтому ведет различный образ жизни. Здесь, как и во всех других городах по всей России, существует свобода отправления религиозных обрядов. Однако до сих пор, насколько я помню, люди ни одной веры, кроме русской, не имели в Кронштадте достаточно сильной общины, чтобы возвести настоящую церковь. Поэтому богослужение каждой секты происходит пока в особом доме, или собрании. Интересно, что в 1741 г. объявился в Кронштадте пленный шведский офицер, уроженец Кенигсберга. Он, поскольку там тогда не было духовных лиц, не только проповедовал трем религиозным общинам, но и совершал все таинства и крестил детей по вере каждого, как того желали, пока спустя несколько лет этому его занятию не положили конец»¹³⁷.

В связи с начавшейся в 1735 г. войной с Турцией все работы по кронштадтской крепости были практически прекращены.

---

¹³⁶ *Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны... С. 247–249.

¹³⁷ *Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны... С. 304.

Кронштадт при Елизавете Петровне

Анна Иоанновна, недолго помучавшись, умерла 17 октября 1740 г. Императором объявлен двухмесячный сын Анны Леопольдовны и Антона Ульриха Брауншвейгского Иван IV Антонович, а регентом при нем – Э.И. Бирон. Но перспектив у этой связки не было. В ночь на 7 ноября 1740 г. в очередной раз за дело взялась гвардия. 80 гвардейцев под командованием генерал-фельдмаршала Миниха и подполковника Манштейна ворвались в Летний дворец и захватили спящего императора. Миних попытался возложить на себя титул «столпа отечества», но его падение тоже было быстрым и неожиданным, как и падение Бирона. Власть перешла к Андрею Ивановичу Остерману, ставшему первым министром при правительнице Анне Леопольдовне. Но и ему вскоре пришлось с этой властью расстаться. Ночью 25 ноября 1741 г. в доме Остермана появились... разумеется, гвардейцы, возглавляемые цесаревной Елизаветой. Став императрицей Елизаветой Петровной, она на протяжении всех 20 лет своего правления никогда не спала ночью.

Генерал-фельдмаршал Б.К. Миних

Борьба за власть отнимала все силы у участников этого турнира, все остальное отодвигалось на второй, третий планы. Но в Кронштадте кое-какие работы имели место. И в основном в канале и доках. Командиром над ними в 1734 г. стал инженер-генерал-майор И.Л. фон Люберас. Первым делом он попытался заменить деревянные стенки кронштадтских гаваней, готовые загореться от первой же искры, каменными. В 1736–1738 гг. под руководством Любераса в Военной гавани в качестве опыта сложили каменную стенку длиной в 109 м. Но стоимость этих работ оказалась такой, что Люберасу, руководившему ими, пришлось каменное строительство остановить.

Как уже упоминалось, в 1741 г. под мазанковую башню форта «Кроншлот» подвели каменный фундамент, но в 1747-м обветшавшую башню разобрали. В 1753–1756 гг. построили новый фундамент по чертежу Любераса, однако новую башню так и не возвели.

И.Л. Люберас

План 1741 г. Оборонительная ограда крепости Кронштадт в 1741 г.

Из всех работ в Кронштадте важнейшим для Любераса было строительство Докового канала. Он предложил изменить систему Петра I и воспользоваться уже почти готовым доком, который следовало оборудовать стапелем. Ремонтировать корабли можно было в док-канале и трех доках так называемой крестовины. В этом случае, по мысли Любераса, можно было отказаться от устройства доков у бассейна. Для сброса воды увеличили глубину и объем бассейна, с тем чтобы вода самотеком из доков могла поступать в бассейн всего за несколько часов. Просто и гениально! Эта система работала долгие годы, только менялись средства перекачки воды из бассейна в море: ветряки, паровые машины, электрические насосы.

Котлованы шести начатых доков засыпали ив в 1750 г. начали расширять и углублять бассейн. Стены канала выложили тесаными камнями, которые скрепили металлическими скобами (пиронами), швы заделали известковым раствором. Стены скрепили настолько прочно, что их разборка для реконструкции дока в 1855–1860 гг. оказалась возможна только с применением пороха. Длина всей системы составляла 2 км 240 м. В этих доках одновременно можно было ремонтировать десять кораблей того времени. Выдающийся изобретатель А.К. Нартов создал конструкцию двойных батопортов, то есть двойных шлюзовых ворот, и главного механизма доков.

Док был готов принять первые корабли уже в октябре 1751 г., но его открытие состоялось 30 июля 1752-го. В этом торжественном и важном государственном мероприятии принимали участие сама императрица Елизавета Петровна, весь двор и иностранные дипломаты. Вдоль канала установили трибуны, на дамбе – обелиски с надписями: «Дело являет, каков был труд», «Чего не победит Россия мужеством?»¹³⁸. 30 июля 1752 г. кронштадтцы и гости заполнили

¹³⁸ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 22.

стенки канала. После литургии и крестного хода императрица с помощью уникального механизма, изготовленного Нартовым, своей рукой открыла ворота. Под грохот орудийного салюта гости на нескольких богато украшенных судах вышли в море по каналу, который указом от 20 октября 1752 г. получил имя Петра Великого – в честь основателя Кронштадта. 1 августа в присутствии императрицы и гостей в док ввели крупнейший на русском флоте 120-пушечный корабль «Императрица Анна».

*Л. Премацци. Доковый бассейн и насосные станции.
Первая половина XIX в.*

Среди уникальных гидротехнических сооружений XVIII в. канал Петра Великого, несомненно, находится на первом месте, являясь памятником мирового значения. «И так то славное и великое дело [...] ныне приведено к совершенному действию. Оное строение, которое не токмо в предприятиях с лучшими делами в первенстве спорить может, но и по годности и в пользе оных далеко превосходит, а ныне во всем свете одно находится», – так писала о док-канале 12 октября 1752 г. первая петербургская газета «Санкт-Петербургские ведомости». Слишком много сил отдал этому сооружению фон Люберас – через неделю после открытия канала он скончался. Елизавета Петровна наградила его высшей наградой империи – орденом Св. Андрея Первозванного.

(Уже в наши дни, 10 августа 1997 г., в честь создания уникального док-канала на его стене со стороны Петровского парка установили памятную доску. Однако вскоре ее украли и, вероятно, сдали в пункт приема цветного лома.)

В конце 1730-х гг. снова началось обострение отношений со Швецией, превратившееся в войну, манифест о которой последовал 13 августа 1741 г. При этом «Кронштадт как морская крепость не только летом служил сборным пунктом для армии и флота, но и зимой играл роль передового укрепленного лагеря, из которого легче было перебросить войска к Выборгу»¹³⁹. Эта война закончилась в 1743 г., но ситуация в Европе продолжала накаляться, и очередная война казалась неизбежной. Так называемая Семилетняя война началась наступлением прус-

¹³⁹ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 119.

ских войск на Австрию в августе 1756 г., а 1 сентября Елизавета Петровна объявила войну Пруссии. В этой войне помимо сухопутных войск участвовал и Балтийский флот, выполняя в основном транспортные функции. Однако снаряжение кораблей лежало полностью на кронштадтских структурах.

Елизавета Петровна окончила свой земной путь 25 декабря 1761 г. Не имея законных наследников престола, она вернула из-за границы племянника, герцога Карла-Петера Ульриха Голштинского (1728–1762). В России он превратился в Петра Федоровича, с добавлением в официальном титуле слов «внук Петра Великого». Еще в 1745 г. Петр женился на принцессе Ангальт-Цербстской Софии Фредерике (будущей императрице Екатерине II).

На российский престол он вступил как Петр III и, несмотря на то что перешел в православие, втайне придерживался лютеранской веры. Россия и русский народ были ему чужды. Став императором, Петр предпринял ряд непопулярных в русском дворянском обществе мер и, будучи поклонником прусского короля Фридриха II, вышел из Семилетней войны и вернул ему все завоеванные русскими земли. Это и некоторые другие непопулярные решения нового императора не могли не вызвать в обществе, мягко скажем, неудовольствия.

Созрел заговор, который гвардейцы превратили в переворот, а руководила всем этим делом жена императора, Екатерина. Петр был арестован и отправлен на мызу Ропшу под Петербургом. Там его, предположительно, и убили.

Итак, наступило время Екатерины Великой.

Кронштадт при Екатерине II

«13 сентября в 5 часов пополудни из поставленных на Красной площади пушек дан сигнал девятью выстрелами, а от большого Успенского собора начался благовест: во-первых, в большой колокол и продолжался по 7-й час, а в 7-м часу в разные колокола, и отправлялась в Успенском соборе литургия [...] Лейб-Гвардии и армейские полки поставлены были параде [...].

У Никольских ворот Ея Императорское Величество встретили Преосвященный Тимофей, Московский Митрополит с прочими духовными персонами, и поднесши Ея Императорскому Величеству крест к целованию, покропил святою водою и говорил краткую поздравительную речь»¹⁴⁰.

Так торжественно императрица Екатерина II въезжала в Москву для совершения церемониального акта коронавания на российский престол.

Екатерина II вполне заслуженно получила титул «Великой». Во Франции надеялись, что она первым делом возобновит боевые действия против Пруссии, но она отказалась от кровопролития и, неожиданно для бывших союзников, провозгласила принцип восстановления мира в Европе, столь необходимого народам воюющих держав, и заявила о политике поддержания «спокойствия и тишины» на севере Европы.

Но при этом особое внимание императрицы было обращено на юг. В 1768–1774 гг. проходила русско-турецкая война, в которой Кронштадт служил основной базой русского флота. Здесь снаряжались и отсюда уходили в Средиземное море эскадры Архипелагских экспедиций¹⁴¹.

В начале октября 1772 г. в Кронштадт прибыл адмирал С.И. Мордвинов с задачей провести инспекцию укрепления. Он нашел «Кроншлот» и «Цитадель» в хорошем состоянии. В это время закончили работы по исправлению повреждений, причиненных очередным наводнением. По мнению Мордвинова, Среднюю и Купеческую гавани следовало укрепить дополнительно. Этими работами в Кронштадте занимались с завидным постоянством.

¹⁴⁰ Цит. по: Гребенникова Г.А. Балтийский флот при Екатерине II. СПб., 2007. С. 7.

¹⁴¹ Подробнее об этом см. там же.

Императрица Екатерина Великая

Как ни был оригинален проект кронштадтских доков, необходимость в ускорении откачки воды становилась все насущнее. Впервые вопрос об установке «огненной» машины вместо ветряных мельниц, обслуживающих сухие доки Кронштадта, поднял англичанин адмирал Ноульс, находившийся в русской службе с 1770 г. Он изложил свой проект вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И.Г. Чернышеву в 1774 г., но еще в 1773-м ему же поступила записка от Екатерины II с запросом «О махине в Англии выдуманной, которой огнем вода выливается из док и канал. За нее требуется 15 000 р. И ее употребление поспешнее всех других мельниц для выливания воды и на ней исходит не более 180 сажень дров в год»¹⁴².

«Махину» купили, и в конце лета на двух кораблях отправили из Шотландии первую партию механизмов, которая вместе с английскими мастерами прибыла в Кронштадт 30 октября 1774 г. Остальное поступило несколько позже, но в конце года сборка машины началась. Правда, не обошлось без конфликтов: помощник инженера Джеймс Смит объявил, «что ему положенного на провизию и квартиру числа денег недостаточно», и потребовал, чтобы ему платили, как и инженеру Адаму Смигу Англичане устроили даже небольшую забастовку, но в конце концов требования англичан удовлетворили. При этом была попытка выдавать им провизию натурой. Нашли трактирщика, но он согласился снабжать англичан пищей, «выключая напитки, т. е. водку и пиво». Видимо, зная привычки англичан, он испугался возможности обанкротиться.

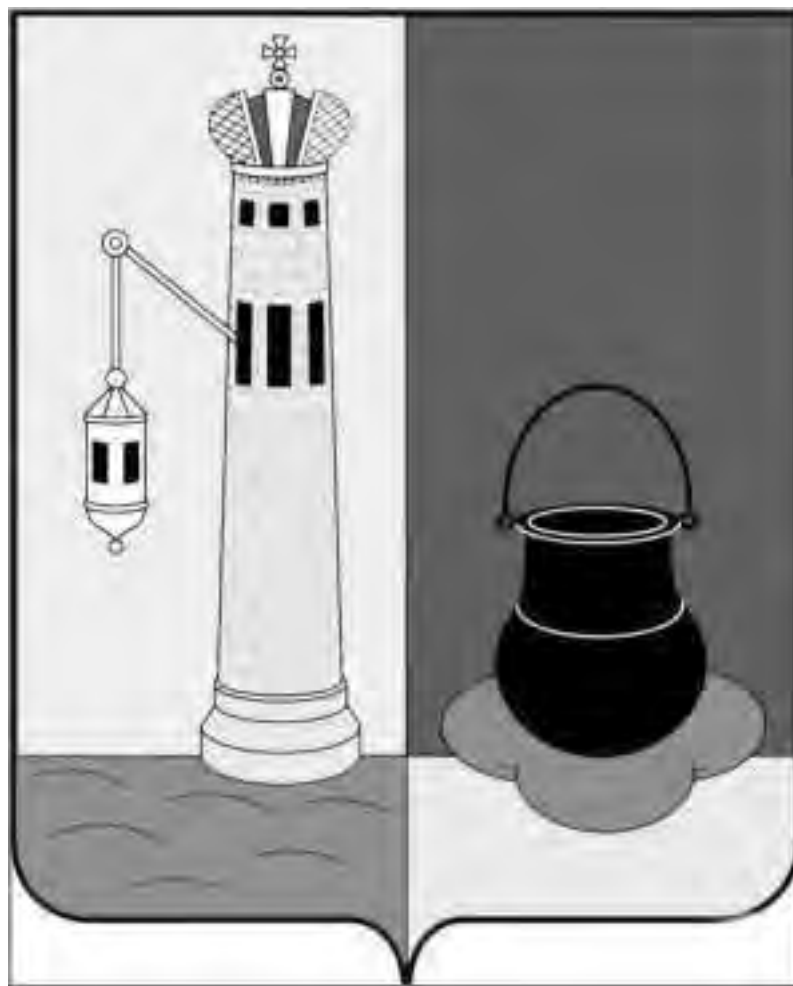
Как всякое новое дело, монтаж паровой машины сопровождался всяческими техническими проблемами и даже небольшим пожаром. Но 6 июня 1777 г. состоялся первый пробный пуск машины, оказавшийся удачным.

Важнейшее событие в истории Кронштадта произошло 7 мая 1780 г. В этот день утвержден герб Кронштадта, который представляет собой щит, разделенный на две части вертикальной линией. В левой части на голубом фоне серебряная башня с маяком, в правой – на красном фоне море и остров, на котором изображен корабельный котел.

Неоднократно поднимался вопрос о необходимости использования камня при строительных работах в гаванях и крепости, но реально к этому вернулись только в 1780-х гг. В 1783-1790-х гг. каменными построили в Военной гавани бастион № 1 «Фридрихсгамский», куртину до бастиона № 2 и частично до бастиона № 8. В эти же годы построили каменную Купеческую стену на протяжении ее между двумя полу-бастионами. На этом работы остановились до конца XIX в.

---

¹⁴² *Веселаго* Ф. Материалы для истории русского флота Т. XII. СПб., 1888. С. 144.

Герб Кронштадта

В 1783–1798 гг. одели в гранит и самый старый форт крепости – «Кроншлот». Его старую башню постигла печальная участь. В 1741 г. она ремонтировалась, и под нее подвели каменный фундамент. К 1747 г. башня пришла в полную ветхость. Архитекторы конторы Кронштадтского канала Ферстер и Фан Звитен, мастера Гюйсман, Клевес и Ригер составили проекты возобновления Кронштадтской башни: один – мазанковый, другие – в камне.

13 июля 1749 г. Сенат одобрил проект каменной башни. В 1753 г. приступили к возведению нового основания и фундамента по чертежам, составленным ранее И. Люберасом. В 1756 г. эти работы завершили. К тому времени утвердили новый проект башни, составленный архитектором Х. Кнобелем, при этом выяснилось, что возведенные основание и фундамент недостаточны для вновь спроектированной башни.

Вновь к строительству башни на существующем фундаменте обратились в 1836 г., когда спроектировали интересную по решению планов и фасадов башню, но с мрачным ее назначением – под морскую тюрьму. Проект не был реализован. Больше к вопросу о строительстве башни на месте старого «Кроншлота» не возвращались.

Тем временем опять обострились отношения со Швецией, которая не хотела смириться с потерями, и к концу 1780-х гг. уже не оставалось сомнений в скором начале очередной войны. Понимая это, на Котлине срочно начали приводить в оборонительное состояние центральную крепость и «Александр-шанц». На южном берегу косы построили редут «Эмилия» и батарею «Владимир», а между ними – вал с ружейной обороной. В 1787 г. началась война.

20 июня шведский флот вошел в Финский залив, намереваясь разбить русский флот, а его остатки заблокировать в Кронштадте, затем высадить 20-тысячный десант в районе Ора-

ниенбаума и «Красной Горки» и оттуда начать наступление на Петербург. 26 июня Екатерина приказала командующему Балтийским флотом адмиралу С.К. Грейгу выйти навстречу врагу, и 6 июля состоялось сражение у острова Гогланд. Шведский флот был вынужден отступить и укрыться в Свеаборге. Кронштадт получил очень нужную передышку и возможность значительно укрепить свои оборонительные возможности. Очередная война закончилась в 1791 г.

Во второй половине правления Екатерины II активно велось строительство каменных домов Кронштадте.

Как уже упоминалось, Морской госпиталь в Кронштадте открыт Петром I в 1717 г. В 1723-м он переехал в северо-восточную часть острова, на участок, который занимает и ныне. Пожар, случившийся в Кронштадте 3 ноября 1761 г., уничтожил деревянное здание госпиталя, поэтому решили строить каменный госпиталь, предположительно на 2000 коек. Первый проект составил в 1762 г. один из петровских пенсионеров М.А. Башмаков. С 1736 г. он служил в Адмиралтейств-коллегии в качестве бессменного помощника главного архитектора, сначала – И.К. Коробова, затем – С.И. Чевакинского.

Однако это проект не утвердили, и в следующем, 1763 г. проект кронштадтского госпиталя составил С.И. Чевакинский. Однако и этот проект не был осуществлен, как и следующий – Ж.-Б. Деламота, хотя 16 октября 1765 г. архитектор получил за него вознаграждение. Виной этому, опять же, пожар, случившийся 23 июля 1764 г. и уничтоживший большую часть Кронштадта.

Ликвидировать последствия пожара поручили С.И. Чевакинскому, который составил проект восстановления застройки Кронштадта. Чевакинский сохранил регулярный принцип планировки, разработанный еще Петром Великим, но, сохранив «скобу», внес столь значительные изменения, что, по существу, это был новый город¹⁴³.

План Чевакинского не был реализован и даже не утвержден, за исключением одной важной улицы Кронштадта – Екатерининской. По плану Чевакинского, территория вокруг док-канала Петра Великого обводилась еще одним каналом, а вдоль его северной стороны планировалась одна из главных перспектив города, с которой совпадет Офицерская улица (переименованная в XIX в. в Екатерининскую, а затем – в Советскую).

Горели дома и в Петербурге. Большой пожар, случившийся в конце мая 1771 г., уничтожил здание Морского кадетского корпуса на Васильевском острове. Кадет разместили в Галерной гавани, но требовалось новое помещение. Граф И.Г. Чернышев писал по этому поводу императрице: «Ежели Ваше Императорское Величество Всемиловнейше указать изволите перевести морской кадетский корпус в Кронштадт и занять под то итальянский дом и всю скобу до самого канала, то для того надобно [...] на необходимую починку итальянского дома и шести подле того губернских домов, употребить должно 28 250 руб., без которых через год сие все строение в совершенный бы упадок пришло»¹⁴⁴.

Всемиловнейшее указание последовало, и некоторые внутренние помещения пришлось перепланировать. Площадь в «скобе» стала парадным двором корпуса, а «плац-парадное место» застелили досками. Первую часть кадет отправили в Кронштадт уже в начале августа 1771 г., а с 14 октября начались занятия.

На хозяйственном дворе за зданием Итальянского дворца с давних времен располагался небольшой фруктовый сад с яблонями, рябинами и небольшим числом кустов смородины и крыжовника.

На башне здания для астрономических наблюдений устроили небольшую обсерваторию. Проект ее переустройства с установкой флюгера в виде корабля, предложенный профессором Н.Г. Кургановым в 1775 г., не осуществлен.

---

¹⁴³ Розадеев Б.А., Сомин П.А., Клещева Л.С. Кронштадт. С. 35.

¹⁴⁴ РГА ВМФ. Ф. 235. Оп. 1. Д. 129. Л. 170.

С увеличением числа кадет вопрос перестройки или переезда корпуса в другое помещение поднимался неоднократно. Но вечная нехватка средств мешала разрешению этой проблемы. Непростые условия проживания кадет в Итальянском дворце описаны в воспоминаниях выпускника 1799 г. В. Штейнгеля: «Зимой в комнатах кадетских стекла были во многих выбиты, дров отпускали мало, и, чтобы избавиться от холода, кадеты по ночам лазали через заборы в Адмиралтейство и оттуда крали бревна, дрова или что попадалось»¹⁴⁵.

Итальянский пруд, располагавшийся перед дворцом, долгое время оставался неухоженным. Лишь в 1797 г. по распоряжению генерал-интенданта П.И. Пуцина началась реконструкция его берегов. Цоколь и решетку установили по двум сторонам: «С востовой, к таможене, а с нордовой против Кадетского корпуса – цоколь тротуара из дикого морского камня, точно такой же сыпи, каков уже по всему проводному каналу под железный палисад положен»¹⁴⁶. Для нужд Морского корпуса на берегу пруда уже имелась «лестница дикого камня для приставания мелких судов», в описании здания, датированном 1798 г., сказано: «...с лица оного строения к Итальянскому пруду и в заворот по каналу палисад решетчатый крашенный, а у парадного двора забор крашенный, ворота одни, калитки в обе стороны [...] к западной стороне по наружности обнесено деревянным забором»¹⁴⁷.

Адмирал С.К. Грей

Павел I, вступивший на престол в 1796 г., распорядился вернуть кадетский корпус в Петербург. Часть кадет переехала уже через два дня после оглашения указа, остальные – в 1798-м. Здание передали учрежденному 20 августа 1798 г. Штурманскому училищу. Позднее в Итальянском дворце разместились I Учебный морской экипаж и школа юнг.

Интенсивное строительство Кронштадта по заранее разработанному плану началось спустя почти 20 лет и связано было с очередным пожаром, но на этот раз в Петербурге. 13 мая 1783 г. сгорело Адмиралтейство, Зимний дворец, расположенный совсем рядом, к счастью не пострадал. Но Екатерина решила не рисковать и уже через две недели распорядилась перевести Адмиралтейство в Кронштадт.

13 июня вице-президент Адмиралтейской коллегии И.Г. Чернышев доложил, что коллегия закончила сбор сведений и составление генерального положения для разработки проекта перевода Адмиралтейства в Кронштадт.

¹⁴⁵ Кротков А. Морской кадетский корпус. Краткий исторический очерк. СПб., 1901. С. 94.

¹⁴⁶ РГАВМФ. Ф. 235. Оп. 1. Д. 263. Л. 12.

¹⁴⁷ Цит. по: Наймушиным И.Н. Итальянский дворец в Кронштадте. С. 9.

Каменные магазины на Обводном канале. 2012 г.

Комиссия в составе адмирала А.Н. Сенявина, вице-адмиралов И.А. Борисова, П.И. Пущина, а также главного командира Кронштадтского порта адмирала С.К. Грейга выбрала для Адмиралтейства территорию вокруг канала имени Петра I. Проект устройства Адмиралтейства, составленный этой комиссией, предполагал расположение магазинов¹⁴⁸ с внешней стороны канала, мастерских – с внутренней. То есть канал ограждал магазины от возможных пожаров.

Адмирал Грейг предложил свой проект. Он считал Адмиралтейство в Кронштадте «главным и почти единственным хранилищем российского флота», и поэтому магазины и мастерские следовало разместить только по внутреннюю сторону канала. С внешней же стороны Грейг предлагал канал оградить металлической решеткой, и устроить здесь освещение фонарями и поставить часовых.

Обсуждение затянулось почти на два года, и лишь 8 марта 1785-го Екатерина II утвердила «Генеральный план для строения Адмиралтейства в Кронштадте, сочиненный адмиралом Грейгом» и ему же поручила наблюдение за строительством Адмиралтейства.

Кронштадт по-прежнему оставался главным портом базирования Балтийского флота на протяжении всего царствования Екатерины II. Императрица вкладывала немалые средства в оборудование и оснащение кронштадтских верфей, в строительство новых складов, магазинов, парусных, канатных и ремонтных мастерских, кузниц, мачтовых сараев, госпиталя, офицерских домов и матросских казарм. Прусский посланник в Петербурге граф В.-Ф. фон Сольмс в 1764 г. писал об этом: «Так как она имеет большую склонность к флоту и любит быть на море, то небольшое число маневров, которое флот ее на незначительном пространстве Кронштадтского рейда мог произвести, в сопровождении сигналов и салютов, доставляло ей бесконечное удовольствие»¹⁴⁹.

¹⁴⁸ Магазины (магазинны) – в данном случае склады.

¹⁴⁹ Цит. по: *Аренс Е.И.* История русского флота. Екатерининский период. С. 146.

Екатерина действительно часто приезжала в Кронштадт, внимательно наблюдая за работами в порту, и, к удивлению многих, вникала в сложные вопросы вооружения и снабжения флота. Особенно любила она присутствовать при летних маневрах флота и при спусках новых кораблей. В мае 1782 г. в Кронштадте в присутствии императрицы состоялась торжественная церемония закладки киля 100-пушечного корабля по проекту известного корабельного мастера А.С. Катасанова.

Не только прусский представитель, но и весь дипломатический корпус не раз отмечали ее необыкновенную любовь к флоту и внимание к флотским делам. Британский посланник Джон Букингам в одном из донесений, отправленных в Лондон, доложил руководству о посещении русской государыней в Кронштадте английского корабля «Pelegrine», принадлежавшего средиземноморской компании. Находясь на борту «Pelegrine», Екатерина II с большим удовольствием беседовала с матросами и офицерами, а по отбытии с корабля англичане в ее честь устроили салют из 21 пушки. Команда «Pelegrine» трижды прокричала «Vivat!», а в ответ Екатерина II приказала гребцам со своей шлюпки также троекратно стоя прокричать «Виват!»¹⁵⁰.

Вернемся к Генеральному плану. Главная идея заключалась в том, что корабль, проходя по Обводному каналу, мог загрузиться всеми необходимыми в походе припасами.

Точнее, Грейг был автором идеи, исполнительный проект планировки Кронштадта выполнил М.Н. Ветошников, командированный в Кронштадт 1784 г. Михаил Николаевич Ветошников в 1770-м окончил Академию художеств, работал в Петербурге и последние семь лет своей короткой жизни – в Кронштадте. Именно М.Н. Ветошников проектировал здания, построенные в Адмиралтействе: три мастерские, канатно-прядельный завод со смольней и пеньковым сараем, магазин и многое другое.

Однако этот проект Адмиралтейства реализован не полностью. Строительство Обводного канала началось в 1785 г., а закончилось только в 1827-м. В 1784 г. заложили здание (длиной 426 м) канатного завода, оно расположено на берегу восточного участка Обводного канала. Скромный фасад завода в 1819–1829 гг. переделан по проекту архитектора А.Н. Акутина, оштукатурен, оформлен ложной аркатурой. В таком виде фасад сохранился до наших дней. В 1830–1831 гг. со стороны канала пристроили помещение для паровой машины. Кронштадтский канатный завод долгое время обоснованно считался одним из лучших не только в России, но и за границей.

Одновременно на северной стороне бассейна по проекту М.Н. Ветошникова построили три одинаковых здания мастерских, длиной 85 м и шириной 17 м каждое. Также по его проекту на северной и западной стенках Обводного канала в 1787–1798 гг. построили семь одинаковых двухэтажных зданий провиантских и адмиралтейских магазинов с подъемными кранами. Размеры магазинов типовые: длина 85,34 м, ширина 17,07 м, высота 9,24 м. Эти здания хорошо сохранились до нашего времени, как и здание кузницы, построенное по проекту Ветошникова в 1785 г.

---

¹⁵⁰ Гребенщикова Г.А. Торжественные церемониалы в русском флоте // Цитадель. № 22. 2016. С. 6.

Кронштадтское Адмиралтейство

В 1789 г. на южной стороне бассейна построен Литейный завод, не предусмотренный проектом 1785 г. Потребность в нем возникла во время войны со Швецией, когда флот нуждался в большом количестве снарядов и чугунного балласта. Первоначально завод представлял собой каменный павильон с трубой для двух плавильных печей. В начале XIX в. его расширили и пристроили к нему боковые флигели.

После смерти М.Н. Ветошникова всем строительством в Кронштадтском Адмиралтействе руководил В.И. Баженов, который в 1793–1799 гг. служил главным архитектором Адмиралтейства. По его проектам в Кронштадте построены два здания: лесной сарай, предназначенный для хранения дубового леса, и сухарный завод с хлебопекарными печами, конструкция которых была усовершенствована Баженовым.

Остров Котлин и Кронштадт. 1792 г.

Предполагая перевод Адмиралтейства в Кронштадт, следовало озаботиться размещением его сотрудников. Поэтому 20 июня 1783 г. Адмиралтейств-коллегия постановила для новых казарм отвести «позади Адмиралтейства к нордовой стороне, оставя от оногo улицу шириною на 12 сажень, место вдоль острова против всего Адмиралтейства шириною поперек на 44 сажени, для построения штаб- и обер-офицерам и прочим чиновникам, для житья унтер-офицерам и рядовым [...] с флигелями поперек острова»¹⁵¹.

Окончательный план комплекса казарм вошел в уже упоминавшийся «Генеральный план для строения Адмиралтейства в Кронштадте [...] сочиненный адмиралом Грейгом». Севернее Адмиралтейства, по всей его длине, расположены 12 офицерских флигелей. Между ними и Адмиралтейством пролегает улица, еще одна проходит севернее офицерских флигелей. А за ней, но перпендикулярно к каждому офицерскому флигелю, располагаются служительские флигеля. Этот городок удивляет строго геометрической точностью планировки. Сначала предполагалось построить четыре офицерских и шесть служительских флигелей в западной части комплекса.

¹⁵¹ Цит. по: Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клецева Л.С. Кронштадт. С. 43.

Л. Премаци. Офицерские флигели на Екатерининской улице

Высочайшим указом Адмиралтейств-коллегии от 8 июня 1784 г. предписывали строгие требования к подобного рода постройкам: «Чтоб для сокращения излишних издержек уважена была единственно прочность таковых строений, коим и должно быть простым, чуждым всякого украшения и всего лучше на голландский образ из кирпича, необмазанным снаружи». Это и определило простоту и лаконичность данного комплекса (автор проекта – М.Н. Ветошников). Основные работы по сооружению комплекса офицерских и служительских флигелей провели в течение 1785–1788 гг. Общее руководство ими осуществлял Грейг, много сил и энергии вкладывавший в это дело.

Указ о сооружении шестого служительского корпуса по тому же проекту М.Н. Ветошникова последовал 23 декабря 1794 г. Его построили в 1795–1796 гг., но уже под руководством В.И. Баженова, который внес лишь одно изменение в проект – уменьшил на полкирпича толщину стен первого и второго этажей.

И. А. Аргунов. Портрет архитектора М.Н. Ветошникова. 1787 г.

Наблюдая за работой мастеров, Баженов вникал во все детали и периодически давал важные указания подрядчику: например, «каждый кирпич с наружной стороны покрывать горя-

чим салом с цементом, дабы он был лучше вогнан, а если сало застынет, пройтись по нему горячим железом, как утюгом».

5 ноября 1796 г. в Петербурге, в Зимнем дворце у Екатерины II случился «апоплексический удар», говоря современным языком – кровоизлияние в мозг. Императрица скончалась.

«Внезапная смерть императрицы Екатерины II Алексеевны облекла Россию в сердечный траур, которая последовала в 1796 г., 6 ноября, на шестьдесят седьмом году, шестом месяце и четвертом дне ее рождения, царство же ее 34 года, 3 месяца и 27 дней. Смерть ее поразила вообще всех, и каждый думал, что лишился в ней нежной матери»¹⁵².

---

¹⁵² *Энгельгарт Л.Н.* Записки. М., 1997. С. 145.

Глава III Кронштадт в XIX в.

Кронштадт при Александре I

Прежде чем начать разговор о Кронштадте в годы правления Александра I, необходимо хоть пару страниц пожертвовать человеку, который правил Россией всего четыре года, но эти годы стоили России очень дорого.

«Первые годы детства великий князь Павел Петрович, лишенный всякой родительской ласки, провел окруженный нянюшками и мамушками, действовавшими в духе старозаветных русских традиций. Вероятно, обеспокоенные частыми появлениями императрицы, приставницы добились того, что Павел при одном взгляде на нее приходил в испуг и трясся все телом, вследствие чего Елизавета Петровна стала лишь изредка навещать внука. Надзор за ребенком от этого, конечно, не выиграл, да и вообще он оставлял желать многого. [...] однажды Павел выпал из колыбели, и никто не заметил этого, только утром увидели, что великий князь лежит на полу и крепко почивает»¹⁵³.

Разумеется, подобные «мелочи» составили впоследствии императору Павлу I плохую репутацию. Лишь совсем недавно оказалось, что он «бедный» и даже «Бедный, бедный Павел».

Рожденный в 1754 г. Екатериной II, Павел I стал императором в 1796-м, после ее смерти. Его «революционные» изменения службы, формы одежды и т. д. описаны достаточно подробно. И флотом Павел тоже решил заняться – все-таки с 20 декабря 1862 г., т. е. с 12 лет, являлся генерал-адмиралом.

Характерным для молодого императора стало событие, случившееся 6 июля 1797 г. В тот день вместе с великими князьями Александром и Константином и, разумеется, со свитой Павел I из Петергофа отправился в Кронштадт. Прибытие царской фамилии на фрегат «Эммануил» было встречено «поздравительной пальбой». Предполагался поход в Ревель, и, пока ожидали ветра, произошел весьма характерный случай. Адмирал А.С. Шишков, не желая тратить время впустую, стоял на палубе с «тетрадью», о которой и спросил проходивший мимо император. «Узнав, что в тетради „чертежи для походных строев“, он стал их рассматривать и сказал мне:

– А если я захочу, чтоб корабли иначе построились, нежели здесь изображено?

Нечаянный вопрос сей привел меня в затруднение, ибо я принужден был отвечать, что этого сделать невозможно.

– Для чего невозможно? – подхватил он с некоторою досадою.

Не зная, подлинно ли он не имеет достаточно о сем сведения или испытывает меня, стал я ему объяснять.

Он выслушал меня терпеливо, но, по-видимому, не вразумясь хорошенько, сердитым голосом сказал:

– Что мне нужды до ваших чертежей! Я хочу, чтоб делали то, что я велю»¹⁵⁴.

Именно так «бедный» Павел собирался править страной.

Заняв престол, Павел I приказал все доклады о состоянии крепости Кронштадт представлять ему через Адмиралтейств-коллегию. Первый доклад ему представили 23 декабря 1796 г., и он состоял из трех рапортов: «1) о строениях адмиралтейских, 2) о крепостном каменном здании, 3) о издержках на все оные строения и о надобных впредь суммах»¹⁵⁵, фактически это финансовый отчет о работах, выполненных в крепости за последние девять лет. В частности упоминалось, что денег, отпущенных на отделку камнем гавани, не хватило, и без дополнительных средств продолжить каменное строительство гаваней невозможно, хотя камня заготовлено на 213 м.

¹⁵³ Шильдер Н.К. Император Павел I. М., 2007. С. 5.

¹⁵⁴ Шильдер Н.К. Император Павел I. С. 324.

¹⁵⁵ Скориков Ю.А., Раздолгин А.А. Кронштадтская крепость. Л., 1977. С. 78.

Но «бедный» Павел, видимо, не слишком интересовался состоянием крепости. За четыре года его правления в Кронштадте успели сделать, разумеется, совсем немного. К этому времени выяснилось, что несколько возросшая дальнобойность артиллерии требует удаления передовых позиций от гаваней и порта. И кроме того, в 1799 г. появилась нерадостная перспектива войны с наполеоновской Францией. Поэтому, опасаясь появления французского флота перед Кронштадтом, на южном фарватере начали возводить на ряжевом и свайном основаниях деревянную одноярусную батарею «Рисбанк» (в некоторых документах – «Рифбанк»). Это название в некоторых источниках трактуется как «засечка, риска на отмели или банке» («банка» в данном случае означает «отмель»). Батарея, на которой предполагалось установить 69 пушек и 16 мортир, предназначалась для продольного обстрела южного фарватера и мелководья между батареями и Ораниенбаумским берегом и фланкирования фортов «Цитадель» и «Кроншлот».

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. император Павел I скончался «апоплексическим ударом». Характерные слова написал вскоре А.С. Шишков: «Все умы и сердца успокоились. Восторг был всеобщий и искренний и, по свидетельству современников, выходил даже из пределов благопристойности. Общество как бы возрождалось к новой жизни, очнувшись от терроризма человека, который четыре года, не ведая, что творит, мучил Богом вверенное ему царство»¹⁵⁶.

«Кончина отца застала Александра, когда ему было 23 года и 3 месяца от роду», и этому молодому человеку выпало противостоять самому Наполеону Напомним: 25 октября 1804 г. заключена секретная конвенция с Австрией, положившая начало действиям против Франции; 2 января 1805 г. заключен союзный договор со Швецией, а 30 марта – с Австрией, но 20 ноября 1805 г. случился Аустерлиц. В этом сражении Наполеон одержал победу над союзниками, и Россией в том числе. Прошло два года, и 13 июня 1807 г. состоялась знаменитая встреча двух императоров в Тильзите, где был подписан мирный договор между Россией и Францией. Во время этой встречи Наполеон обратил внимание Александра на «оголенность Петербурга с севера». Эту проблему русский император решил в результате очередной войны со Швецией 1808–1809 гг., присоединив Финляндию к России. Великое княжество Финляндия больше чем на 100 лет стало надежным прикрытием Петербурга. Но вскоре добрые отношения с Наполеоном закончились, и началась Отечественная война 1812 г.

В этих условиях много внимания Кронштадту уделять не получалось. Однако, стремясь продолжить начатые при своих предшественниках дальние походы русских кораблей, Александр I организовал первое русское кругосветное путешествие. Подобное предприятие под командованием капитана 1-го ранга Г.И. Муловского готовилось при Екатерине II, но помешала война со Швецией. И вот, наконец, в 1803-м ушли в кругосветку шлюпы «Нева» и «Надежда» И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского. Корабли провожали в Кронштадте, махая кружевными платочками и желая семь футов под килем¹⁵⁷.

Правда, следующая серьезная экспедиция, Ф.Ф. Беллинсгаузена к южному континенту – Антарктиде, состоялась только в 1819 г. Значительный перерыв между экспедициями вызван уже упоминавшимися сложными международными отношениями, выяснение которых периодически проходило с помощью оружия.

Так что же Кронштадт?

¹⁵⁶ Там же. С. 454.

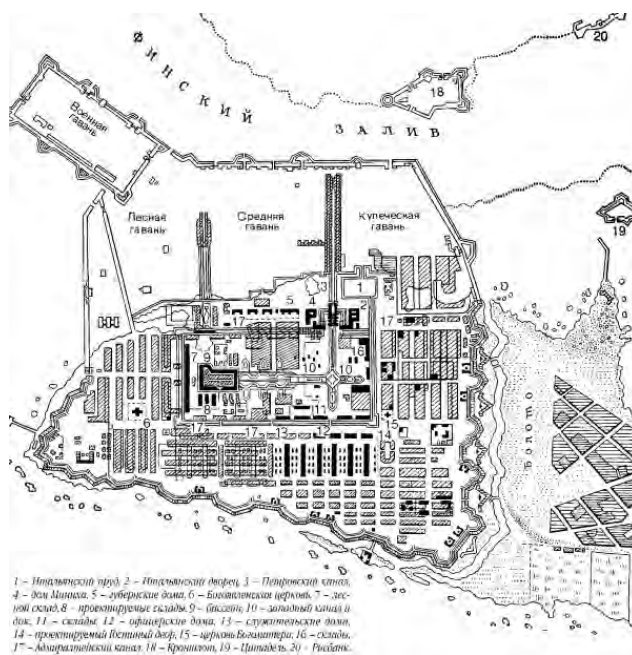
¹⁵⁷ Меня всегда удивляло, почему именно семь футов, а не шесть или в крайнем случае – пять? Оказалось, все не так просто. В петровские времена на флот брали мужчин ростом в среднем шесть футов (180 см). Выше – теснота кубриков не позволяла, ниже – не хотелось, так как работа требовала силы. Когда такой матрос умирал, а это периодически случалось на каждом корабле, то его по традиции хоронили в море. К ногам привязывали ядро веревочкой (шкерт), которая имела длину один фут. Таким образом, усопший располагался в море вертикально, имея высоту: $1 + 6 = 7$ футов. Поэтому и желали семь футов, чтобы не тревожить покойников, иначе все может кончиться плохо.

Первой работой XIX в. на Котлине стало строительство Кессель-батареи на 11 мортир, которые могли вести огонь по южному фарватеру. Для обороны северного фарватера соорудили две батареи на свайных основаниях примерно в километре от северо-восточного берега Котлина. При этом «Александр-шанц» упразднили, а все его вооружение и личный состав перевели в Кронштадт.

Для упорядочения работ в крепости Кронштадт в 1802 г. Александр I учредил особую Инженерную экспедицию во главе с инженер-генералом П.К. Сухтеленом (?—1816). На эту новую структуру возлагалась задача «содержать в добром порядке все крепости и укрепления»¹⁵⁸.

С увеличением количества орудий возникла проблема хранения пороха, поэтому в 1803 г. в гавани «Кроншлота» соорудили каменный пороховой погреб. Решение это было не совсем удачным, позднее погреб разобрали и построили ныне существующий, который первым встречает корабли, идущие из Петербурга в Кронштадт.

Военная коллегия Инженерной экспедиции 3 августа 1806 г. отметила, что «отдаленность фарватера от береговых укреплений не позволяет сим последним участвовать с большим успехом в его обороне, что мелководие, подводные камни, окружающие остров, и свойство его берегов представляет естественные затруднения для высадки войск и тем более с орудиями большого калибра, следовательно, береговые укрепления, окружающие город не должны иметь целью: выдерживание долговременной правильной осады или деятельное вопрепятствование пройти неприятелю по фарватеру, а только обеспечивать от открытого нападения»¹⁵⁹. Кроме того, отмечалась необходимость усиления крепости артиллерией. По итогам работы Инженерной экспедиции были приняты соответствующие решения усиления укреплений, но сделали мало.

План Кронштадта. 1803 г.

Продолжилось и вскоре закончилось строительство «Рисбанка». В плане это укрепление представляло собой два бастиона, соединенных ломаной куртиной. Протяженность линии огня

¹⁵⁸ Яковлев В.В. Эволюция долговременной фортификации. М., 1931. С. 99.

¹⁵⁹ РГАВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 898. Л. 18.

составляла 408 м. На «Рисбанке» предполагалось установить 66 орудий и несколько мортир. В 1809 г. попытались обложить деревянное укрепление «Рисбанка» кирпичом, но первый же осенний шторм разметал весь кирпич по дну, и больше к подобным идеям не возвращались.

Вследствие разрыва отношений с Англией появились опасения нападения этой некогда союзной державы – «владычицы морей» – на Кронштадт. Началась подготовка к обороне, и 29 октября 1807 г. П.И. Чичагов направил в Адмиралтейств-коллегию свои «Предложения» по обороне Кронштадта. В результате их обсуждения Адмиралтейств-коллегия решила предпринять следующие действия:

1е. Первым предметом к обороне Кронштадтского порта полагается подкрепить Риф Банку, дабы неприятель не мог ею овладеть и не смог приблизиться к ней со своими бомбардирскими судами для нанесения вреда городу, для чего и поставить, отступя от восточного конца Риф Банки по линии Цитадельской вехи, шесть блокшивов.

2е. В подкрепление оных поставить в другой линии, на расстоянии от первой 100 саженей, бть благонадежных кораблей без мачт.

3е. От западного конца Риф Банки к югу поставить три плавучие батареи.

4е. Позади Риф Банки поставить три бомбардирские катера, равно и на северную сторону вехи поставить, примыкая к линии блокшивов, три же бомбардирские катера.

5е. Дабы неприятель, обойдя Риф Банку по южную сторону, не мог пройти с мелкими судами, то поставить между Кроншлотом и Риф Банком три плавучие батареи на линии, чтоб не препятствовали действию Кронштадтской крепости.

6е. На сей же случай для подкрепления оных судов иметь при Риф Банке и Кроншлоте по 15-ти канонирских лодок.

7е. Дабы неприятель не мог покуситься для истребления Риф Банки и зажечь блокшивы, то для безопасности первой затопить в недалеком от нее расстоянии суда и протянуть между ними на цепях боны, или поставить на якорях плоты в недалеком также расстоянии от Риф Банки. Для безопасности блокшивов от брандеров необходимо нужно от восточного конца Риф Банки протянуть к Цитадельской вехе самый благонадежнейший бон из цепей. А как расстояние между Риф Банкой и Цитадельской вехой есть по плану 430, то для удержания одного полагается затопить из неблагонадежных кораблей один или два в середине фарватера и сделать укрепление якорями, равно и от цитадели протянуть бон до затопленного при конце рифа корабля.

Но поелику расстояние от цитадели до корабля есть более 320 саженей, то нужно, чтоб в середине потоплено было и еще судно, и сим средством гораздо благонадежнее укрепить боны. На случай разрыва первого бона протянуть другой бон от NW-го бастиона Кроншлота к Цитадельской второй вехе, для чего при оной затопить одно из неблагонадежных судов, а оттуда до самого Цитаделя, дабы неприятель не мог прийти близко к крепостным строениям и действовать своим пушечными выстрелами, а подпал бы под выстрелы как купеческой гавани, так равно и Кроншлота и Цитадели.

Для преграды, дабы мелкие суда: канонерские лодки или иолы неприятельские не могли пройти между Кроншлотом и Ораниенбаумом, побить сваи чрез все пространство от среднего южного Кроншлотского бастиона до самого берега в расстоянии одна от другой по бти футов, оставляя в приличных местах проходы своим лодкам.

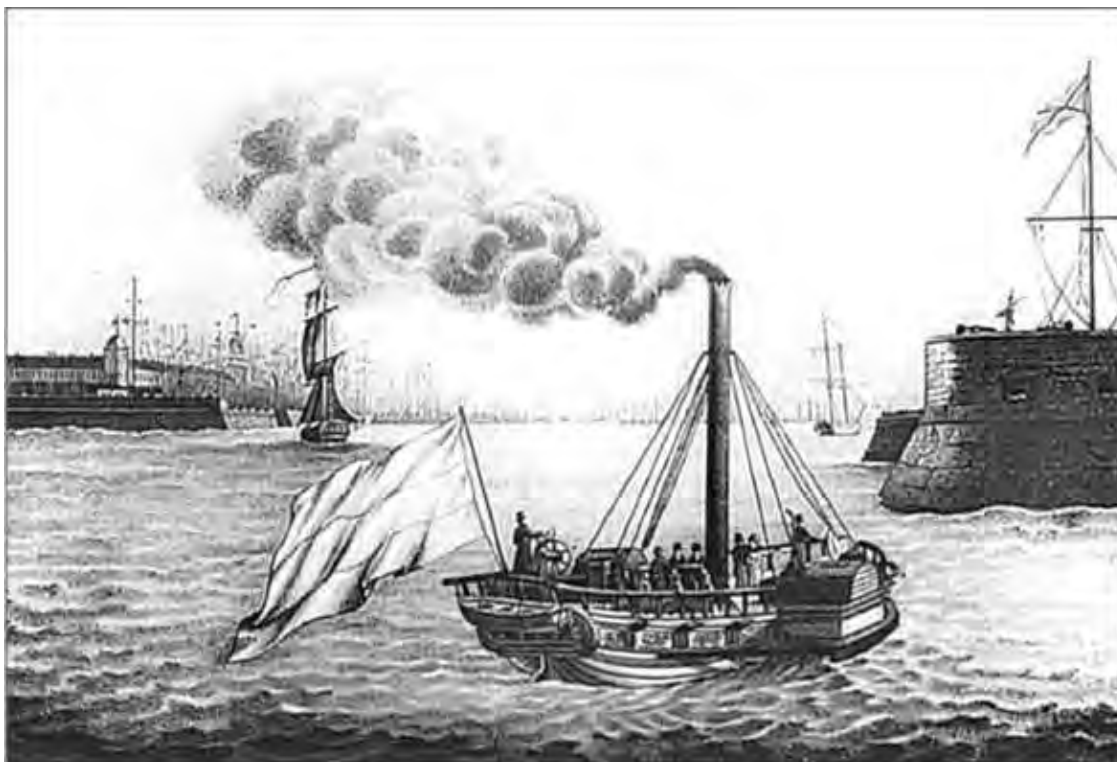
Между Кронштадтом и Лисьим Носом поставить три батареи. В Кронштадте Северо-Восточное укрепление усилить тяжелой артиллерией, на Лисьем Носу и близлежащих малых островах построить батарею.

На случай, если не получится соорудить батареи, то поставить в линию фрегаты, предварительно облегчив их, чтобы сидели не глубже 16 фут. Для этого назначить шесть фрегатов – Аргус, Герой, Быстрый, Тихвинская Богородица, Феодосий Тотемский и Счастливый»¹⁶⁰.

Батарей, построенных Инженерной экспедицией показалось недостаточно, и новому главному командиру кронштадтского порта адмиралу П.И. Ханькову (1743–1813), сменившему адмирала П.И. Пущина (1723–1812), предписали возобновить прибрежные батареи. В 1809-м его сменил адмирал Ф.В. фон Моллер (1764–1848), остававшийся в этой должности до 1827 г. При нем работы производились более активно.

Знаменательное событие произошло в Кронштадте 2 мая 1806 г. В этот день началось регулярное сообщение между островом Котлин и Петербургом. Оповещение об этом гласило: «Учрежденные для перевозу разного звания людей с их экипажем между С.-Петербургом и Кронштадтом пассажбо-ты отныне отправляться будут весною и осенью, т. е. с открытием вод по 1 число июля и с 15 августа до закрытия вод, один пассажбот в 9, другой в 8, а летом с 1 июля по 15 августа, один в 11, а другой в 9 пополуночи, с платою за перевоз офицеров и нижних чинов воинской службы по 15 коп., а с духовных, с дворян и всякого рода людей по 50 коп. с человека, а клади и экипажей по 10 коп. с пуда. Станция их в С.-Петербурге у Исаакиевского моста, в Кронштадте у Итальянского пруда»¹⁶¹. Как выглядели эти «пассажботы», установить не удалось, но П.Н. Столпянский предполагал, что ходили они на веслах и, следовательно, путешествие было весьма продолжительным.

Остров есть остров, и, разумеется, связь с Большой землей всегда оставалась проблемой. Летом и зимой эта проблема решалась достаточно традиционно, а вот во время ледостава и весной связь с островом обрывалась.

Пароход «Берда» на Кронштадтском рейде. 1720 г.

¹⁶⁰ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 524. Л. 104–107.

¹⁶¹ Столпянский П.Н. Историко-общественный путеводитель по Кронштадту. Пг., 1923. С. 13.

Еще при Петре Великом, в 1721 г., узаконили почтовую связь с Большой землей. Но и летом, и зимой путь по воде и по льду небезопасен. Зимой, как только лед становился достаточно крепким, по нему прокладывалась дорога, огражденная вехами. С зимы 1749/50 гг. на ней появилась «на половине пути изба для обогрева». «Изба» с годами претерпела значительные изменения, видимо, именно об этом в 1860-х гг. писали: «Теперь вехи с колоколами, часовые уже поставлены на местах, построен настоящий кабак на сваях, учреждены многие второстепенные заведения этого рода, а потому зимнее сообщение может считаться совершенно устроенным»¹⁶².

Но прошло всего девять лет, и Кронштадт встречал первый пароход, прибывший из Петербурга. 3 ноября 1815 г. пароход, построенный Чарльзом Бердом¹⁶³ в Петербурге, вышел из столицы и через 3 часа 15 минут подошел к Котлину. В 10 часов 15 минут пароход подошел к «военному углу Кронштадтской гавани». Пароход обошел несколько раз вокруг брандвахтенного фрегата, стоявшего между «Кроншлотом» и гаванью. Удивленные кронштадтцы встречали это чудо техники на стенке Купеческой гавани.

Главный командир кронштадтского порта адмирал Ф.В. Моллер и его свита осмотрели пароход. Им продемонстрировали уникальные способности парохода, который, двигаясь по гавани, то почти мгновенно останавливался, то резко набирал скорость. Во время одного такого маневра почти до половины затопило шлюпку, которую буксировал пароход. Корабль остановился, и промокших моряков подняли на палубу.

Желая испытать пароход, Моллер распорядился устроить соревнование между ним и своим гребным катером, который в Кронштадте считался одним из лучших. Катер шел на веслах, держась на некотором расстоянии от парохода. Когда матросы гребли в обычном темпе, они отставали, но при максимальном напряжении «во всю возможную силу» шли почти вровень и даже немного обгоняя, но в таком темпе долго идти было очень сложно.

Пароход Берда пробыл в Кронштадте 2 часа 45 минут и затем вышел из ворот Купеческой гавани и взял курс на Петербург.

Регулярное сообщение столицы с Котлином началось через два года – два раза в день. Стоимость проезда в 1-м классе составляла четыре рубля, во 2-м – два. При этом при подходе к Малому Кронштадтскому рейду на пароходе гасили топки, чтобы случайные искры не вызвали пожара, в гавань пароход заходил на буксире.

Александр I периодически пытался вникнуть в проблемы обороны берегов империи и 9 декабря 1807 г. возложил на морского министра адмирала П.В. Чичагова оборону берегов и границ на Балтийском, Белом и Черном морях. В этом году работы в Кронштадте производились главным образом на сухопутном фронте. Восстановили «Александр-шанец», около него соорудили батарею «Михаил», на южном берегу – Александровскую батарею. Укрепления строила Исполнительная экспедиция, подчинявшаяся Адмиралтейскому департаменту.

Из опасения прорыва галер по северному фарватеру в дополнение к двум построенным ранее батареям затопили 25 старых кораблей. Зимой забивали свайные преграды. В 1808 г. возвели на сваях в 480 м южнее «Рисбанка» и в 560 м западнее «Цитадели» еще две батареи.

Строительство еще одной важной батареи – «Двойной Южной», будущего форта «Константин» – началось в 1808 г. Батарея предполагалась двухъярусной, поэтому и получила название «Двойной». Зимой начали рубить ряжи. Причем вольные плотники получали за каждый ряж по 1800 руб., лучшим предусматривалась премия 800 руб. Вольнонаемные работники получали 1800 руб. за готовый сруб, а воинским командам платили по 20 коп. в день на человека. Всех работавших хорошо кормили, а в ненастье наливали по чарке водки. Как не вспом-

¹⁶² *Столянский П.Н.* Историко-общественный путеводитель по Кронштадту. Пг., 1923. С. 9.

¹⁶³ Чарльз Берд прибыл в Россию в 1786 г. вместе с Ч. Гаскойном, приглашенным Екатериной II для переоборудования Олонецких заводов. В 1792 г. в дельте Невы Берд организовал свой завод, который позднее вошел в состав Адмиралтейского завода.

нить при этом первые годы строительства на Котлине. К весне 1808 г. все ряжи были срублены и отбуксированы к предполагаемому месту батареи, в 2 км западнее Кронштадта и 800 м от берега.

После занятия французами Москвы в ходе Отечественной войны появились опасения за безопасность Петербурга и Кронштадта. 22 сентября адмирал Ф.В. Моллер ответил на запрос императора: «Морской департамент может совершенно ответствовать за безопасность Кронштадта зависящими от него средствами во все время, пока продолжается водяная коммуникация, что касается до того, когда воды около Кронштадта покроются льдом и начнется Сухопутное с ним сообщение, то за сие время ответствовать он не может, ибо то относится уже до Инженеров как дело до обороны сухопутных крепостей принадлежащее»¹⁶⁴.

После окончания войны в 1814 г. в Кронштадте опять тихо устраняли повреждения, вызванные временем и непогодой. При этом обнаружили, что верхнее строение «Цитадели» сгнило, и в 1816-м отпустили на восстановление этого форта 63 110 руб.

Но работы в Кронштадте фортами в этот период не ограничивались, хоть и продвигались крайне вяло. Переезд Адмиралтейства в Кронштадт, как уже упоминалось, отменил Павел I, поэтому ограничили строительством шести офицерских и шести служительских флигелей, причем два офицерских построили позднее.

Перестраивать и ремонтировать все шесть служительских флигелей начали в 1805 г. Основой перестройки стал детальный план, разработанный архитектором Ч. Камероном (1785/86-1812). Заканчивались эти работы под руководством А.Д. Захарова (1761–1811), который сменил Камерона на посту главного архитектора Адмиралтейства.

Эта работа была крайне важной. Впоследствии было признано, что «ансамбль служительских и офицерских флигелей в Кронштадте – один из ценнейших и самых крупных памятников военного зодчества последней четверти XVIII в. Первый и единственный для своего времени военный городок, сыгравший свою роль в строительстве казарм в России»¹⁶⁵.

Ярким событием в истории Кронштадта стало строительство одного из самых красивых и значимых храмов Кронштадта и Петербурга – знаменитого собора, освященного во имя Апостола Андрея Первозванного. Автор Ч. Камерон создал проект в 1804 г. 20 июня 1805 г. в основании собора участвовали император Александр I, положивший первый камень, и петербургский митрополит Амвросий. Но уже в самом начале строительства в стенах появились трещины, вызванные ошибками строителей. Сменившему Ч. Камерона А.Д. Захарову пришлось проект дорабатывать и дополнять. Проект иконостаса был выполнен П.И. Брюловым. Собор украшали скульптуры и барельефы работы скульпторов М.П. Александрова, И. Воротилова и И.Г. Крылова. Академики живописи Л.С. Миропольский и А.Л. Витберг выполнили живописные работы. После смерти Захарова собор достраивал архитектор А.Н. Акутин. В Андреевском соборе на образе Апостола Андрея хранился медальон с изображением святого, вырезанный самим Петром Великим, кроме того, в соборе хранились серебряный молоточек и лопаточка, с помощью которых Александр I и закладывал камень в основание собора.

Первоначально собор был прямоугольным в плане и в сочетании с четырехъярусной колокольной, увенчанной шпилем, походил на корабль с мачтой. Однако в результате трех перестроек он получил в плане форму вытянутого креста. Круглый барабан с колоннадой коринфского ордера завершался куполом, а входы в собор выделялись тремя шестиколонными портиками с треугольными фронтонами. Помимо прекрасного памятника Кронштадт получил еще один важный ориентир для моряков.

Об Андреевском соборе еще будет повод поговорить в связи с деятельностью Иоанна Кронштадтского.

---

¹⁶⁴ *Каллистов Н.Д.* Русский флот и двенадцатый год. СПб., 1912. С. 150.

¹⁶⁵ *Розадеев Б.А., Сомин Р.А., Клещева Л.С.* Кронштадт. Архитектурный очерк. Л., 1977. С. 46.

Есть интересное свидетельство о том, как выглядел Кронштадт в самом начале XIX в., оставленное кальвинистским пастором Этьеном Дюмоном, побывавшим в Кронштадте в 1803 г. Он писал: «16 мая показался Кронштадт. До входа в гавань подвергаешься первому досмотру, который ограничивается предъявлением паспортов, сообщением имен и фамилий пассажиров и т. д. По местным правилам при въезде тушили огонь, который не допускается на судах, и судовые повара принуждены стряпать пищу для экипажа на берегу. Из прогулки по Кронштадту я убедился, что произведены большие улучшения. При первом моем путешествии, в середине июля 1785 года, улицы не были вымощены; везде стояла грязь по колени; отовсюду неслись смрад и вонь. Действительно, это был самый грязный и самый отвратительный въезд, какой можно себе представить. Мне говорили, что иначе и не могло быть, так как местность представляла болото, что почва погружалась по мере того, как ее старались поднимать, что это зловоние происходило под влиянием солнечного зноя и что не было никакого способа к устранению подобных неудобств. Император Александр не поверил этим утверждениям, подобающим невежеству и лени. Он приказал, и скоро все с виду изменилось. Вымощено несколько улиц, прорыты канавы для приема и стока воды, засыпаны некоторые болотистые места; улицы стали опрятными, и воздух чистым. Дамба, каналы, верфи сооружены прекрасно; батареи и валы образуют довольно сильную крепость»¹⁶⁶.

Первая четверть XIX в. ознаменовалась активной заменой деревянных портовых строений каменными. В 1804 г. первым среди них построили здание Голландской кухни. Ее одноэтажное неоштукатуренное здание из красного кирпича разместилось на южном берегу Итальянского пруда, несколько восточнее ее деревянной предшественницы. Это здание «делилось вдоль на две половины с отделениями по четыре очага в каждом. Очаг – это выложенный из кирпича в рост человека свод наподобие арки с выходной трубой. У стенки было небольшое возвышение, на котором стоял железный таган, рассчитанный на два котла вместимостью до 10 ведер»¹⁶⁷. Здесь и готовили для экипажей судов пищу, исходные ингредиенты для которой и котлы приносили с собой. Но воду при этом частенько брали прямо из пруда.

За использование казенной кухни с 1828 г. ввели портовый сбор, поступавший в пользу города. Первоначально это были три копейки, а с 1870-х гг. – девять с ласта¹⁶⁸.

---

¹⁶⁶ Цит. по: Шлендова М.А. Город морской славы. СПб., 2004. С. 68.

¹⁶⁷ Соколов А.К. Кронштадт: история длиной в 300 лет. М., 2004. С. 71.

¹⁶⁸ Ласт – мена объема сыпучих тел, равная 12 четвертям, или 2518,92 литра. В данном случае имеется ввиду устаревшая мера вместимости судна, равная двум регистровым тоннам.

Дом Касаткина. 2017 г.

Голландская кухня в Кронштадте в то время – это своеобразное государство со своими оригинальными законами. Управляли им коки (так на флоте называют поваров), имевших определенные звания: «Адмирал», «Капитан над портом», «Полицмейстер», «Полицейский». «Адмиралом» назначался кок судна, первым пришедшего в порт с началом навигации. Кок второго судна становился «Капитаном над портом», и т. д. Когда суда покидали Кронштадт, то эти должности занимали коки по порядку пришедших судов. При этом всякий пришедший после «Адмирала» был обязан угостить коллег бутылкой рома или водки. Кроме этого, был еще ряд своеобразных законов и наказаний за нарушение оных, в том числе так называемое позорное катание по гавани.

Началось строительство и жилых каменных домов. В 1807 г. на Господской улице (в 1904 г. переименованной в Николаевский проспект, а 2 ноября 1918-го – в проспект Ленина) построили два интересных дома в стиле строгого классицизма конца XVIII – начала XIX в. Оба они выходят фасадами на Нарвскую площадь (эта площадь с 1919 г. называлась площадью Мартынова, но ныне она упразднена). Один из них ныне – дом № 1 по улице Мартынова (бывшая Нарвская), второй известен в Кронштадте как дом «Н. Касаткина с флигелем» и значится по адресу: пр. Ленина, 57.

Эти дома сохранились, хоть и подверглись некоторым переделкам. Центральный ризалит дома Касаткина с арочными воротами увенчан треугольным фронтоном. Между первым и вторым этажами и под окнами второго этажа – рельефные тяги. Над окнами второго этажа расположены прямые сандрики на кронштейнах. Пространство между кронштейном и окном заполнено лепкой с женскими головками. Дом выходил на две важные городские магистрали, поэтому закруглен. Если изменения в этом доме свелись к тому, что заложили аркады первого этажа, то от второго дома сейчас сохранилась только его часть, «имеющая семь осей, по ул. Мартынова. Архитектура этого здания значительно более искажена: кроме заложенных аркад

первого этажа, например, явно более поздние капители, которые венчают декорирующие его пилястры»¹⁶⁹.

Каменные дома строили в соответствии с образцовым проектом Комиссии о каменном строении, но в тот период они могли иметь некоторые отклонения от проектов. Разумеется, дома, построенные в камне, в то время, скорее, исключение среди обилия деревянных домов.

Деревянные дома Кронштадта практически ничем не отличались от домов тогдашних российских городов. Они стояли на каменных погребках, первый этаж тоже иногда был каменным, и в большинстве своем эти дома имели пять или семь осей. Характерной особенностью являлось то, что наличники окон, филенки, венчающие карниз, и другие детали покрывали так называемой «глухой» резьбой, близкой к корабельной. И это естественно, так как мастеров, владеющих таким искусством, в Кронштадте было достаточно. По мнению специалистов, «деревянное зодчество Кронштадта имело своеобразную и неповторимую прелесть», но, к сожалению, ни один деревянный дом до настоящего времени не сохранился.

Как и в других городах России XVIII в., с наступлением темноты Кронштадт погружался в темноту, разумеется, за исключением периода белых ночей. На некоторых перекрестках, у казенных зданий и у нескольких домов, как сказали бы сейчас, особо важных VIPов, темноту разгоняли фонари с масляными лампадками. И только в первой половине XIX в. на улицах Кронштадта стало светлее – появились около 300 фонарей, излучавших не очень яркий спиртово-скипидарный свет. Но и это следовало считать небывалым прогрессом. В конце XIX в. в Кронштадте появится газовое освещение, но об этом чуть позже.

К началу 1820-х гг. общее количество домов на острове достигло тысячи, но каменных из них всего насчитывалось около 30 частных и 128 казенных.

Писатель и журналист П.П. Свиньин в 1821 г. писал: «Домов, считая в городе, около 1000, в том числе 128 каменных зданий, в коих помещаются воинские служители, присутственные места, гошпитали, магазины, заводы и прочие, и около 30 каменных домов, принадлежащих частным людям». Кроме того, он отмечал, что «партикулярные дома большею частью здесь одноэтажные с палисадником на улицу, что придает им приятную наружность»¹⁷⁰.

Палисадники и цветники являлись неотъемлемой частью кронштадтских улиц. В какой-то степени это компенсировало уличную грязь, которая весной и осенью становилась в буквальном смысле непролазной. Только в конце XVIII в. несколько улиц замостили и прорыли канавы для стока дождевой воды. Разумеется, как и в любом другом городе России, на улицах паслись рогатые представители домашнего скота.

Естественно, «палисадников на улицу» было явно недостаточно для создания хотя бы видимости благополучия города. Для прогулок светской публики крайне недоставало большого сада с аллеями и прочими необходимыми атрибутами. В начале XIX в. такой сад начали создавать и в Кронштадте. Для него выделили площадь, ограниченную с севера доковым оврагом и бассейном, а с юга – Петровской (ныне – Октябрьской) улицей. В конце XIX в. его стали называть Летним, и это название сохранилось до сих пор.

Относящийся к марту 1824 г. интереснейший документ, в котором говорится о расчетах с академиком Брюлло, обнаружился недавно в РГАВМФ. Это «Предложение» Адмиралтейств-коллегии: «Выдать академику Брюлло за употребленные им для модели города Кронштадта собственное золото и композицию восемьдесят рублей из суммы, остающейся от производств в 1819 году работ по кронштадтскому порту»¹⁷¹. Далее следует разрешение А.Ф. Моллера деньги выдать. Если деньги выдали, значит, и модель изготовили, но как она выглядела – неизвестно. Где она может находиться, если, разумеется, дожила до наших дней, – тоже

¹⁶⁹ Розадегов Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С. Кронштадт. Архитектурный очерк. Л., 1977. С. 49

¹⁷⁰ Свиньин П. Достопримечательности Санкт-Петербурга и его окрестностей. Кн. 4. СПб., 1821. С. 113.

¹⁷¹ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 8. Д. 588. Л. 4.

неизвестно. Очевидно, речь идет о Павле Ивановиче Брюлло (Брюллове, 1793–1869) – отце знаменитых архитектора П.П. Брюллова и художника К.П. Брюллова.

Наводнение 1824 г.

Как уже упоминалось, наводнения сопровождали всю историю Кронштадта и Петербурга. В XIX в. одно из отмеченных в документах произошло в ночь с 18 на 19 сентября 1819 г. Тогда «при сильном ветре прибылою водою как по наружности, так и погреба в валганге совсем размыло, в караульном же доме при оной батарее вода от пола возвышивши была на один с половиной аршин, и караульные служители имели спасение, сделав подмости под самый потолок»¹⁷². Далее отмечалось, что подобные наводнения на Котлине случаются почти ежегодно и причиняют существенный вред «по причине весьма низменного местоположения, на котором Петровская батарея находится». Петровскую батарею через некоторое время укрепили, но наводнение 1824 г. уничтожило батарею до основания.

*Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась... —*

кто же не знает этих строк А.С. Пушкина из «Медного всадника»?

Сильный юго-западный ветер, задувший вечером 7 ноября, к утру превратился в настоящую бурю. В Петербурге вода поднялась на 4,1 м выше ординара, а в районе острова Котлин высота воды составила 3,5 м, затопило практически весь остров, кроме «горы» (это район нынешних улиц Аммермана и Интернациональной).

Популярный в свое времена, но ныне забытый беллетрист В. Мирошевский пережил это наводнение, и вот как он описал это событие: «Любезные, почтенные родители! Это случилось со мною 7-го числа: в этот день я сидел в своей низменной хате и писал вам письмо, часов в десять утра мой хозяин, старик лет 60, вошел ко мне в комнату и сказал, что в улицах, которые стоят на низком месте, разлилась вода и многие стоят в домах своих почти по колено затоплены, прибавив к этому, что он доволен своим местом, которое несколько повыше, а потому воды он не опасается [...] Между тем вода стала входить к нам во двор [...] вскоре показался небольшой ручеек под моими ногами, и я перенес стол на другое место и продолжал писать. Между тем вода разливалась все более и более, стала приподнимать пол, я, по уверению хозяев, не подозревал никакой опасности, велел вынуть из печи горшок щей и, поевши немного, хотел идти в канцелярию своего экипажа, чтобы окончить письмо, но хозяева уговаривали меня никуда не ходить [...] Но поскольку вода в комнате была уже выше колен, я хотел уйти. Стал отворять дверь, но ее силой записнуло водою. Покуда мы со стариком употребляли все усилия, чтобы отворить ее, то были в воде уже по пояс. Наконец дверь уступила нашим усилиям, я выбежал на улицу и увидел ужасную сцену. Вода в некоторых домах достигала до крыш [...] люди сидели на чердаках, кричали, просили о помощи.

Между тем я стоял в воде почти по горло. На середину улицы выйти было почти невозможно, потому что меня совсем бы закрыло водою. По счастью моему, разломало ветром забор возле моей хижины. Я взобрался на него, стал на колени, достал рукой до крыши, влез на нее верхом [...] Ветром разбило вал, которым был обнесен Кронштадт, вода хлынула по улицам

---

¹⁷² Там же. Оп. 8. Д. 414. Л. 1.

с ужасною силою, многие дома, заборы, крыши совсем унесло. На чердаках был слышен крик и плач женщин...»¹⁷³.

В крепости были размыты везде крутости городского вала, смыты брустверы с бастионов, реданов и флешей. На редутах «Михаил» и «Александровский» полностью размыло все конструкции, караульный дом снесло в море. Пороховые погреба и мосты снесены. На «Кроншлоте» из четырех двухъярусных батарей две уничтожены полностью и унесены фланги. «Рисбанк» лишился всей надстройки на сваях полностью, и все орудия утонули. Колоссальные повреждения нанесены стенкам гаваней. Seriously пострадал и флот. Удержать на месте смогли только 12 судов, а 53 крупных и 40 более мелких кораблей сорвало с мест. Часть из них буря собрала в огромную кучу в углу Военной гавани, а остальные разбросала на мели и молы гаваней.

В то время специальной службы оповещения о надвигающемся шторме и наводнениях на острове не существовало, поэтому застигнутое врасплох население оказалось в крайне тяжелом положении. Погибло несколько часовых, которых не успели снять с постов, и 96 жителей города. Большое количество домов было разрушено или после ухода воды оказалось просто не пригодным для проживания. В городе не сохранилось ни одного неповрежденного здания. Лишь после наводнения 4 ноября 1897 г. усилиями известного ученого М.А. Рыкачева (1840–1919), прочитавшего в Кронштадтском Морском собрании лекцию «О наводнениях и в Петербурге и Кронштадте и о возможности их предсказывать на основании метеорологических наблюдений», служба предсказаний погоды была дополнена дополнительными водомерными постами. При этом Рыкачев отмечал, что «в деле предсказаний наводнений в отдельных случаях неизбежны напрасные тревоги – ведь циклоны иногда резко меняют направления. Однако лучше лишний раз потревожить жителей, чем оставить их без предуведомления о надвигающейся опасности»¹⁷⁴.

*Средняя гавань Кронштадта после наводнения 7 ноября 1824 г.
Художник А.П. Боголюбов*

¹⁷³ Кронштадтский вестник. 1885. 16 июля.

¹⁷⁴ *Потапов И.Я.* Академик М.А. Рыкачев. Ярославль, 1965. С. 60.

После сокрушительного наводнения 1824 г. началось лихорадочное восстановление крепости, города и порта. Наводнение разметало хранившийся в порту лес, и после того как собрали его и весь имевшийся на острове строительный материал, оказалось, что необходимо еще по крайней мере 30 000 бревен. Их решили доставить из Петербурга по зимнему пути, прибегнув к помощи подрядчиков. Булыжный камень собирали из мостовых улиц Кронштадта, предполагая восстановить улицы летом следующего года.

Для скорейшего восстановления разрешили заключать строительные подряды на сумму свыше 10 000 руб., а руководил восстановлением член Экспедиции Кронштадтского порта инженер-полковник Львов. Работали весьма быстро и даже в темное время суток при свете фонарей, факелов и костров. Казенным рабочим платили по 15 коп. в сутки, вольным – по 10, в плохую погоду выдавали вино.

Однако последствия наводнения сказывались еще несколько лет. Так, в начале 1827 г. «ввиду большой смертности среди матросов» назначили комиссию в составе инженер-генерала Оппермана, генерал-адъютанта Сенявина и штаб-доктора Будкова. Комиссия осмотрела все помещения, в которых проживали сухопутные и морские команды Кронштадта, и представила императору акт, в котором было отмечено: «В сухопутном ведомстве люди размещены удовлетворительно, в морских же казармах грязно, сыро и помещены люди тесно. Пища чинов морского ведомства найдена без капусты и всякой зелени, мясо же получалось два раза в неделю, тогда как в остальных частях три раза».

Из 378 зданий Морского ведомства 31 решили сломать «за ветхостью», и 225 требовали капитального ремонта. Николай I, недовольным таким состоянием дел в Морском ведомстве, предложил рассмотреть возможность передачи всех укреплений из Морского ведомства в сухопутное. Для многих морских офицеров это было, конечно, крайне неприятно, они считали, что береговыми укреплениями, предназначенными бороться с вражеским флотом, должны командовать именно моряки, так как, по их мнению, сухопутные ничего не понимают в морском деле. Эта дискуссия растянется в России на много лет, и в ней победителями будут то одни, то другие.

Однако мы забежали несколько вперед...

Кронштадт при Николае I

Император Александр I, не раз говоривший о желании оставить престол, путешествуя на юг России, 19 ноября в Таганроге умер от тифозной горячки. Детей он не оставил и еще в 1723 г. принял отказ брата Константина от наследования престола и назначил наследником следующего за Константином брата – Николая Павловича.

Как известно, Николай Павлович, которого в советское время называли «Николаем Палкиным», вступил на российский престол в непростое время (а когда оно в России было простым?). Пришлось ему разбираться с декабристами, восстание которых, как и многое происходившее при царизме, ныне получило другую окраску. Пятерых повесили, остальных – кого в Сибирь, кого поближе. Кронштадт тоже отмечен в этом непростом деле. В восстании декабристов участвовали и морские офицеры, многие из которых были в той или иной степени связаны с крепостью на Котлине.

Три брата – Петр, Николай и Михаил Бестужевы – учились в Морском корпусе и после его окончания служили в Кронштадте. Петр Бестужев числился в 27-м флотском экипаже и был адъютантом главного командира Кронштадтского порта адмирала Ф.В. фон Моллера. Михаил в 1817–1819 гг. служил в Кронштадте, затем в Архангельске и снова, в 1821-1825-м, в Кронштадте. Николай в 1820–1822 гг. являлся помощником смотрителя балтийских маяков и, как один из директоров Северного общества, часто встречался с К.Ф. Рылевым, специально приезжавшим в крепость. Адреса проживания братьев Бестужевых в Кронштадте не установлены¹⁷⁵.

После подавления восстания Н.А. Бестужев уехал из Петербурга в Кронштадт, надеясь через Толбухин маяк перебраться за границу. Он переоделся простым матросом, но дорогой перстень не спрятал. Это и послужило причиной того, что Бестужева на Котлинской косе опознали и вскоре арестовали.

Император Николай I

---

¹⁷⁵ Петербург декабристов. СПб., 2000. С. 461–462.

Около полугода арестованные моряки – участники восстания находились под следствием в Петропавловской крепости (несколько человек содержались в Кронштадте). Вечером 11 июля 1826 г. от невской пристани крепости отошла специальная арестантская шхуна «Опыт». На борту находились 15 осужденных офицеров-моряков. Утром следующего дня шхуна подошла к стоявшему на Большом Кронштадтском рейде флагманскому кораблю «Князь Владимир». Осужденные в парадной форме со шпагами поднялись на борт и были построены в каре офицеров. Над кораблем подняли черный флаг, и прозвучал пушечный выстрел: начался обряд гражданской казни. Зачитали приговор, затем над каждым сломали заранее подпиленные шпаги, сорвали и выбросили за борт эполеты и офицерские сюртуки. Затем на осужденных надели матросские бушлаты и на шхуне доставили их в Петропавловскую крепость. Оттуда начался долгий путь в Сибирь. Так описана эта процедура в большинстве источников.

Лейтенант Д.И. Завалишин, содержащийся, как и многие другие декабристы, в Петропавловской крепости, описывает это событие несколько по-другому: «Наконец, 10-го июля 1826 г., нас разбудили в полночь. Мы оделись и вышли во внутренний двор крепости. Мы все были очень рады, что увиделись друг с другом, и грозные приготовления не имели ни малейшего влияния на расположение духа, который был, напротив, настроен как-то торжественно, так что на наших лицах выражалось торжество, тогда как офицеры и начальники войск, окружавших нас, были глубоко смущены и не выдерживали нашего взгляда. Начались шумные разговоры и расспросы, но скоро моряков отделили и, посадив на пароход, повезли в Кронштадт на флот, так как исполнение приговора над моряками должно было произойти на адмиральском корабле».

Комендант крепости А.Я. Сукин в 3 часа ночи сдал 15 офицеров капитану 1-го ранга Балашову, которому предписывалось доставить осужденных на гражданскую казнь в Кронштадт. Их посадили в два 12-весельных баркаса с закрытыми каютами. От крепости баркасы спустились вниз по Неве. За Исаакиевским (наплавным) мостом их пересадили на шхуну «Опыт». На буксире парохода «Проворный» шхуна и баркасы в 4 часа вышли из Невы. Как уже упоминалось, первый рейс парохода из Петербурга в Кронштадт состоялся всего десять лет назад, в 1815 г. Поэтому на случай поломки «Проворного» караван замыкал пароход «Скорый».

И снова Завалишин: «Вся дорога прошла в оживленных разговорах, и нам было очень весело. В шесть часов утра мы прибыли в Кронштадт, но прошли его и направились к стоявшему на большом рейде флоту под команду адмирала Кроуна, англичанина. Все люди на иностранных военных и купеческих кораблях находились на мачтах, чтобы удобнее рассмотреть, что будет происходить на адмиральском корабле.

Пароход пристал к парадному всходу флагманского корабля. Мы стали всходить на палубу, и тут нас ожидало новое торжество. Командир корабля и офицеры встречали нас пожатием руки, и стоявшие вдали приветствовали знаками. Началось чтение приговора. Старик адмирал не выдержал и зарыдал¹⁷⁶. Плакали навзрыд матросы и офицеры: многие из последних не могли перенести сцены и, замахав руками, бросались вниз. В числе осужденных видели они многих, которые принадлежали к так называемому цвету и надеждам флота.

Одни мы сохраняли горделивое спокойствие. Вдруг я вижу, что лейтенант Бодиско, который был приговорен только к разжалованию в матросы, к меньшей степени наказания, заплакал.

„Что это значит, Борис?“ – спросил я его. Он бросился к моим ногам и сказал: „Неужели думаете Вы, Дмитрий Ириархович, что я по малодушию плачу о своем приговоре? Напротив,

---

¹⁷⁶ Адмирал Роман (Роберт) Васильевич Кроун (1754–1841) родился в Шотландии. С 1788 г. на русской службе, то есть в 1826 г. ему уже было 72 года.

я плачу оттого, что мне стыдно и досадно, что приговор мне такой ничтожный и я буду лишен чести разделить с вами ссылку и заточение“¹⁷⁷.

Эта сцена произвела потрясающее действие. Многие из матросов, державшие ружья на караул, как следует при чтении указов, взяли ружья под курок и утирали кулаком слезы, буквально потоком лившиеся по их мужественным лицам. Когда отобрали у нас мундиры и принесли солдатские шинели, положи их в грудь, то я начал раздавать их товарищам и сказал им: „Господа, будет время, когда вы будете гордиться этой одеждою больше, нежели какими бы то ни было знаками отличия“.

Мундиры велено было потопить, так как на корабле нельзя было жечь их, что делали с мундирами тех, над которыми исполняли приговор в крепости. Но я не дал бросать мундиров в море, а роздал все матросам, и никто из начальников не решился тому препятствовать. Затем мы сошли снова на пароход, но, пока происходила вышеописанная церемония, офицеры с корабля позаботились отправить на пароход вкусный завтрак, чай, кофе, так что возвращение наше совершилось еще веселее, нежели передний путь»¹⁷⁷.

После окончания гражданской казни Б.А. Бодиско был «послан в Кронштадт для написания в матросы». 14 человек были возвращены в Петропавловскую крепость.

Решив все жуткие проблемы с декабристами, следовало взяться за восстановление крепости Кронштадт. Николай I, как писал в знаменитом «Левше» Н.С. Лесков, «был ужасно какой замечательный и памятный – ничего не забывал».

Центральная крепость

Необходимость замены материалов, из которых строили кронштадтскую крепость, – дерева и земли – более серьезными с точки зрения оборонительных возможностей назрела давно. Наводнение вынудило ускорить этот процесс, поэтому в проект главной ограды крепости, созданный еще в 1806 г. П.К. Сухтеленем, пришлось срочно вносить существенные изменения. Утвержденный в 1825 г. новым императором проект был принят к реализации.

Описание его дано в уже не раз цитированной книге Б.А. Розадеева и его соавторов: «По этому проекту южной стороной крепости служат гавани со своими молами и Купеческой стеной. Оборона западной стороны состояла из двух фронтов, каждый из которых имел две линии, сходящиеся под тупым углом. В углах располагались: с внешней стороны – каменные одноярусные полубашни с пушечной обороной, а с внутренней – кирпичные одноэтажные оборонительные казармы. В зданиях казарм были сделаны раскреповки с тремя большими арками, покоящимися на сильно развитом рустованном цоколе. Центральные арки были сквозными и служили воротами для проезда на косу. Они были поставлены по осям Цитадельской и Кронштадтской улиц. В боковых глухих арках размещались кордегардии.

---

¹⁷⁷ Завалишин Д.А. Из записок декабриста // Петербург декабристов. С. 304–305.

Западный фронт главной ограды крепости Кронштадт

Между казармами и от их концов до берегов острова был предусмотрен оборонительный вал с каменным эскарпом. Впереди оборонительных фронтов восстанавливался старый Петровский оборонительный ров с двумя плотинами по его концам, а за рвом располагались предместные укрепления.

Северная сторона крепости имела каменную оборонительную стенку в виде ломаной линии с примкнутыми сводами, к которой, в свою очередь, примыкали четыре двухэтажные оборонительные казармы и три одноярусные оборонительные полубашни, расположенные между ними. Высота стенки от земли 5,92 метра. Со стороны крепости к ней присоединялась аркада (пролет каждой арки – 4,93 метра) высотой 3,58 метра, глубиной 2,91 метра.

Здания казарм были кирпичными, двухэтажными. Внешние стены их, обращенные к морю, несколько утолщены по сравнению со стенами, обращенными в крепость. Вместо окон в стенах устроены бойницы для ружейной обороны.

Впереди оборонительной стены, на расстоянии около 11 метров, располагалась земляная защитная плотина, которая, повторяя абрис стенки, представляла собой в профиле трапецию высотой 4,27 метра выше ординара, с верхней стороной – 7,31 метра.

По восточной стороне была такая же оборонительная стенка, которая вела от северной стенки до южного берега острова и далее переходила в земляную защитную плотину. К стенке примыкали двухэтажная восточная оборонительная казарма и Петербургские ворота с кордегардией, одноярусные, с фасадом со стороны крепости, обработанным в греко-дорическом стиле. У Петербургских ворот заканчивалась восточная защитная плотина.

На стыке северной и восточной сторон была расположена кирпичная северо-восточная одноярусная оборонительная башня, приспособленная для пушечной обороны и хранения пороха.

Откосы рва крепились сваями, между которыми закладывались пластины, или они вымачивались булыжным камнем на мху. Дно рва было на 1,83 метра ниже ординара. Эскарповые стены возводились из кирпича с гранитной облицовкой с внешней стороны, толщина стены в основании 2,44 метра, высота от ординара 7,01 метра. К эскарпу присыпался главный вал,

площадка которого находилась на отметке верха эскарпа, а гребень бруствера насыпался до отметки 8,53 метра выше ординара»¹⁷⁸.

Немного статистики. Всего в Кронштадте насчитывалось 1147 орудий, но более половины из них были устаревших систем. «Гарнизон крепости состоял из 17 794 человек: 14 генералов, 812 штаб- и обер-офицеров, 1864 унтер-офицера, 13 794 рядовых и 1030 прочих чинов. [...] В госпиталях в то время (1824 г. – Л. А.) находилось 1904 человека, т. е. почти 10 % всего личного состава.

Население г. Кронштадта тогда состояло из 7332 человек (из них 1429 женщин и 728 детей), проживавших в 845 домах, из которых лишь 56 были кирпичными и каменными»¹⁷⁹.

*Санкт-Петербургские ворота крепости Кронштадт.
С раскрашенной гравюры Л. Премацци*

Для успешного воплощения всех грандиозных замыслов в мае 1827 г. император утвердил штат новой структуры – Строительного департамента Морского министерства. Моряки снова стали отвечать за создание береговой обороны. Строительному департаменту подчинили шесть сформированных военно-рабочих рот, необходимых для выполнения текущих и неотложных работ. Кроме того, Морскому ведомству подчинили арестантские роты, которые использовали в основном на тяжелых строительных работах. Для координации всех структур Морского ведомства, занимавшихся строительными работами в Кронштадте и других морских крепостях, в 1828 г. был создан штаб по управлению при генерал-инспекторе по инженерной части.

Завершение грандиозного строительства главной крепостной ограды Кронштадта состоялось в 1840 г. Строитель всех укреплений и сооружений того периода – инженер-подполковник В.А. Маслов, уже в конце строительства получивший звание полковника. В последующие годы казармы и полубашни внутри неоднократно перестраивались для приспособления к решению различных задач.

¹⁷⁸ Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С. Кронштадт. С. 56–57.

¹⁷⁹ Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Кронштадтская крепость. С. 97.

Форт «Император Петр I»

Наряду с созданием главной крепостной ограды требовалось перестроить и островные форты. Первым подобным шагом стала перестройка деревянного форта «Цитадель» в каменный. Проект, который разработал первый директор Строительного департамента инженер-генерал-лейтенант Л.Л. Карбоньер (1770–1836), предусматривал устройство каменной одноярусной башни с ярусом открытой обороны наверху и двух полубашен. Между ними предполагались каменные куртины, позволявшие увеличить количество орудий с 77 до 97, и 34 из них устанавливались в закрытых каменных казематах, что делало их защиту от обстрелов противника значительно надежней. Для фундамента частично использовали ряжи, установленные еще при Петре Великом.

Перестройку «Цитадели» 1 февраля 1828 г. Николай I поручил инженер-майору А.А. Фуллону (1764–1844). Утверждая 14 февраля проект форта, император указал: «Перестройку Цитадели начать немедленно, но по частям, так, чтоб, например, переднюю часть не всю вдруг разломать, но оставя орудия для действия на одной части дотоле, пока другая вооружена не будет»¹⁸⁰. И уже через день начали разбирать деревянные конструкции форта на первом участке работ.

Условия работы, всегда трудные в открытом море, еще более осложнялись здесь узким фронтом работ и отсутствием свободной территории для складирования и обработки камня.

Следует несколько подробнее остановиться на технологии создания фундаментов островных фортов – ведь они до сих пор находятся на своих местах. Первое ряжевое основание «Цитадели» усилили сваями, затем срезали их по уровню и сверху уложили бетонную подушку, состоящую из гидравлической извести, песка, мелких камней и гранитного щебня. По бетонной подушке установили «постель» из гранитных блоков и уже на ней сформировали гранитный фундамент.

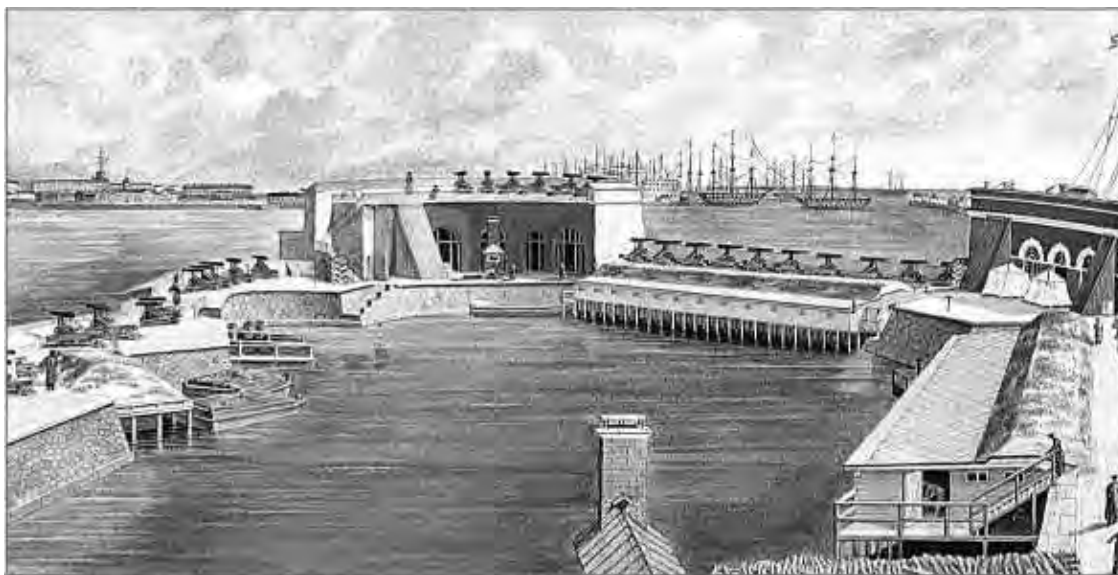
---

¹⁸⁰ РГАВМФ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 118. Л. 62.

Кронштадтский рейд. Художник И.К. Айвазовский. Слева виден форт «Император Петр I»

Внутренний вид форта «Император Петр I»

«На нем возвели кирпичные стены, облицованные на высоту до пояса под амбразурами гранитными блоками со стороны моря и рваным гранитом – со стороны внутренней гавани. Амбразуры также были облицованы гранитными блоками. Выше пояса облицовка со стороны моря была выполнена из ревельской плиты, со стороны гавани – из кирпича под расшивку».

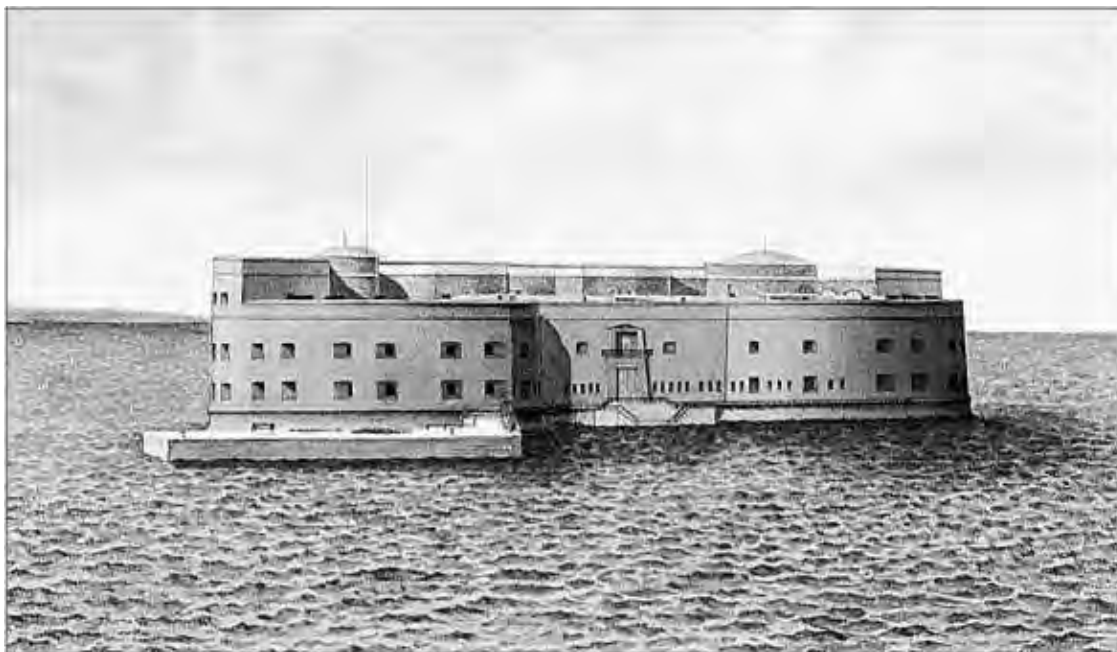
Гранитные блоки в кладке и облицовке крепились между собой пиронами, с заливкой их в швах мастикой, состоявшей из смолы, извести и конопляного масла. Гранитную кладку расшивали известковым раствором, заполняя швы мастикой из воска, гарпиуса, серы. Казематы

перекрыли сводами в 2–2,5 кирпича, которые опирались на кирпичные стены и поперечные арки. Верхние площадки башен вымостили гранитными лещадками (плитами) с расчеканкой швов свинцом. По периметру форта с внешней стороны сделали защитную отсыпку из булыжного камня.

Строительство форта велось частными подрядчиками, которые поставляли необходимые материалы. Руководил работами инженер-майор А.А. Фуллон, который 18 августа 1834 г. доложил директору Строительного департамента по морской части Л.Л. Карбоньеру о том, «что работы в Кронштадтской Цитадели, кроме постановления решеток в башне, отделки чугунных мостов и углубления гавани, совершенно окончены»¹⁸¹. А 7 сентября указом Николая I обновленный форт получил новое имя – «Император Петр I». В январе 1835-го на форту установили все штатные орудия.

Форт «Император Александр I»

Для противодействия стремительно надвигавшейся эскадре противника требовалась максимальная скорострельность береговых орудий. Однако пушки гладкоствольной артиллерии, заряжавшиеся с дула, и дымный порох, оставивший после выстрела в канале ствола немало несгоревших остатков, требовали проведения при зарядании нескольких операций, занимавших подчас до 5–7 минут. За это время парусный линейный корабль мог пройти 150–200 м. Учитывая ограниченные размеры кронштадтских рейдов, второй выстрел мог и не понадобиться. Поэтому недостаточную скорострельность пришлось компенсировать количеством орудий.

Форт «Император Александр I»

В то время в крепостях мира, в том числе и морских, господствовала бастионная система. Ярким примером бастионной системы является всем известная Петропавловская крепость в Петербурге. Но выставленные за бруствером в ряд 70-100 орудий занимали слишком много места в длину по фронту. Кроме того, огонь такой батареи не обладал бы необходимой плотно-

¹⁸¹ РГАВМФ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 123. Л. 501.

стью, да и строить бастионную крепость в море было крайне невыгодно по финансовым соображениям. Все это привело к появлению в начале XIX в. многоярусных казематированных фортов, которым и является наш кронштадтский форт «Император Александр I».

Другим фактором, вызвавшим появление форта «Император Александр I», стала крайне малая эффективная дальность стрельбы гладкоствольной артиллерии: 2–3 км считались предельной дальностью ведения огня, но из-за несовершенства прицелов попадание в движущийся корабль на такой дистанции было весьма проблематичным. Наиболее успешно стрельба велась на дистанции, на которой траектория снаряда приближалась к прямой, – дистанции так называемого «прямого выстрела» в 1–1,5 кабельтовых¹⁸² (200–300 м). Применялась также стрельба рикошетом. То есть орудию придавался такой угол вертикального наведения, при котором снаряд поражал цель, долетая до нее после одного или нескольких рикошетов по воде.

Поэтому на «пяточке» Южного фарватера и строились сначала «Кроншлот», затем «Цитадель» («Император Петр I»), «Рисбанк» («Император Павел I»), Двойная Южная батарея («Константин») и, наконец, «Император Александр I». При этом каждый из фортов имел свои сектора обстрела, свои оборонительные задачи. Как раз на линии фортов «Константин» и «Император Петр I» и предполагалось построить новый форт.

Проект форта создал Карбоньер, но отсутствие геологических исследований грунта дало повод посчитать недостаточно убедительным его проект. Морское министерство 31 мая 1836 г. сообщило Строительному департаменту по морской части, что проект основания форта, созданный Карбоньером, вызвал определенные сомнения, и работы решено остановить. Для разработки нового проекта был создан специальный комитет во главе с инженер-генерал-лейтенантом Корпуса путей сообщения М.Г. Дестремом, и на него было возложено поручение дать свое мнение и предложения по этому вопросу. Вскоре князь А.С. Меншиков сообщил, что мнение Дестрема (т. е. его проект) утверждено Николаем I, и предложил Дестрему руководствоваться этим мнением в своей дальнейшей деятельности, прилагая эту записку к распоряжению¹⁸³. А через месяц, 20 июня, в Строительный департамент из Морского министерства была послана для руководства копия с записок А.С. Меншикова, утвержденных императором 18 июня 1836 г. на яхте «Александрия». В записках говорилось: «Строителем нового форта на Кронштадтском рейде Высочайше назначен инженер-полковник Лебедев, а главный надзор за работами возлагается на генерал-лейтенанта Дестрема»¹⁸⁴.

6 июля 1836 г. Николай I утвердил новый план форта с некоторыми изменениями, а 12 июля А.С. Меншиков приказал отправить в Строительный департамент план рейда с расположением нового форта, копию получил и Дестрем. Форт, расположенный на акватории залива по последнему утвержденному проекту, оказался выдвинутым на 240 м к западу от створа фортов «Император Петр I» и «Константин» на глубине около 4,5 м ниже ординара.

Овальный в плане (в виде боба) форт в наибольшем сечении по оси север – юг вытянут на 90 м. Кирпичные, облицованные гранитными блоками казематы форта с фронтальной (западной) стороны возвышались на три яруса, верхний – четвертый – ярус открытый. С горжевой (тыльной), восточной, стороны казематы шли в два яруса с бойницами в первом ярусе для ружейного так называемого подошвенного боя. Вход в форт со стороны причала был перекрыт массивными металлическими воротами с порталом. С тыльной стороны форта встроено трехэтажное прямоугольное кирпичное здание с кухней, кузницей и караульным помещением в первом этаже, казармами для офицеров и рядовых во втором и третьем этажах. Таким форт

¹⁸² Кабельтов – мера длины, служащая для измерения в море сравнительно небольших расстояний. Его длина равна 0,1 морской мили, или 608 футов, или 185,2 м. В корабельной и береговой артиллерии принят артиллерийский кабельтов, равный 600 футов, или 182,88 м.

¹⁸³ РГАВМФ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1841. Л. 11.

¹⁸⁴ РГАВМФ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1841. Л. 15–18.

выглядел на утвержденных планах, почти таким же он и поднялся из мутной воды Финского залива.

Однако всякое здание начинается с фундамента. В данном случае фундаменту столь внушительного сооружения, как «Форт Александр», уделили максимум внимания. Для начала провели «зондировку» (зондирование) грунта. По ее результатам приняли решение на всем пространстве, предназначенном под фундамент, забить сосновые обычные сваи, а по периметру – сваи шпунтовые.

Для забивки свай в Кронштадтской крепости, как и на других стройках того периода, применяли копры с маховым вертикальным колесом, изобретенные инженер-подполковником Масловым. «Бабы» иногда делали из дуба или «обрубков толстого соснового дерева», в которые заливали свинец, а снаружи закрепляли бугели. Наличие махового колеса значительно облегчало подъем «бабы», что увеличивало производительность и делало более безопасным ее сброс. Хотя несчастные случаи при забивке свай все же случались.

Для битья этим копром свай употребляется шесть человек, из которых по одному становятся к рукояткам вала махового колеса, двое – к ободу колеса; один человек необходим, чтобы закидывать «крюк за бабу», и шестой – наблюдать за наматыванием веревки на вал и поправлять на железный бугель. Эти шесть человек, вращая маховое колесо «с возможно равной скоростью», поднимали «бабу» весом 27 пудов на высоту 3 сажень. Дойдя до определенной точки, крюк отпускал «бабу», и она, падая на сваю с большой высоты, производила сильный удар. После чего «бабу» опять цепляли крюком и поднимали в верхнее положение. Таким копром вбивали от 7 до 9 свай с железными башмаками, «когда грунт крепок, глубиной до 4 футов», а если он «слаб», то вбивали до 12 свай за день.

Как уже отмечалось выше, в плане форт имеет форму овала. По всему периметру форта, во фронтальной его части, обращенной к фарватеру, в три этажа анфиладой шли казематы. Во фронтальной стене каждого каземата имелась амбразура для орудийного ствола. В горжевой стене, имевшей два этажа, оставался сплошной полукруглый проем, в холодное время года закрывавшийся съемными щитами с оконными проемами.

По верху кровли шел открытый оборонительный ярус. Самые тяжелые, крупнокалиберные орудия устанавливались на нижнем ярусе, самые легкие – на открытом. Первоначальным проектом предусматривалось 74 орудия, но в процессе постройки в проект форта внесли изменения, и окончательно его вооружение составляли 130 орудий.

С тыльной стороны форта располагалась небольшая пристань с двумя лестничными спусками. Напротив пристани в стене форта имелся разрыв, куда встраивался жилой дом для гарнизона форта. Этот дом по своей архитектуре во многом повторял обычные казенные жилые дома того времени с той разницей, что стена, выходящая к пристани, была облицована гранитом, а вместо окон были сделаны ружейные бойницы. Здесь же имелся арочный вход с массивными дубовыми воротами, обшитыми железом и богато украшенными декором на военно-морскую тематику. Любопытно, что император Николай I лично утверждал проект ворот, выбрав один из нескольких представленных. На втором и третьем этажах этого здания располагались помещения для нижних чинов и офицеров. Помещения отапливались печами, а для освещения служили масляные, а позднее – керосиновые лампы.

Все здание форта строилось из кирпича. Казематы имеют сводчатые перекрытия в два с половиной кирпича в замке свода. С наружной стороны стены форта облицованы самым долговечным в нашем влажном и изменчивом климате материалом – гранитом. Внутри форт имеет замкнутый двор, что тоже делает его схожим со средневековым замком. К стене форта со стороны двора пристроили две полубашни с чугунными винтовыми лестницами внутри. Лестницы потрясали своим изящным ажурным литьем. Ступени лестницы сделали решетчатыми для того, чтобы сквозь лестницу мог проходить свет. Николай I, посетив форт уже после завершения строительства, пришел в восторг от конструкции и декора лестниц и приказал держать

наготове специальные деревянные щиты, чтобы ими в случае боя предохранить лестницы от возможных повреждений.

Кроме того, на форту имелись две трехэтажные пристройки для размещения боеприпасов. К нижним этажам лестничных подубашен пристроили небольшие одноэтажные постройки для размещения ядрокалильных печей. Они предназначались для накаливания ядер до «красноты», чтобы таким ядром вызвать пожар на обстреливаемом корабле. Раскаленные ядра подавались к орудию в специальных ведрах, а заряжались с помощью специальных захватов-клещей. Кроме самих печей в этих зданиях размещались кухни, кузница, караульное помещение, другие служебные помещения, в том числе отхожие места (фекальный колодец со сливом), которые имели достаточно сложную конструкцию. Фильтрация воды происходила через песок основания, то есть в Финский залив вода попадала уже чистой. Раз в год фекальная баржа забирала твердые фракции из колодцев.

В 1840 г., не дожидаясь окончания работ по сооружению подводной части основания форта, начали кладку фундаментов под продольные и поперечные стены, а также цокольной части форта. Цоколь собирался из известняковой плиты на гидравлическом растворе и облицовывался гранитными блоками, имеющими сложную двоякую кривизну. Камни тесали по лекалам для получения параболической формы цоколя, имевшего, к тому же, сверху выступающий пояс. Он был необходим для отбоя волны и предотвращения смачивания стен форта. В нашем климате зачастую происходило попеременное замораживание и размораживание смоченных волнами поверхностей, а это могло привести к быстрому разрушению кладки стен.

24 мая 1845 г. А.С. Меншиков представил военному министру ведомости и расчеты помещений для размещения припасов, людей и вооружения.

Торжественное открытие форта «Император Александр I» с молебном и водосвятием состоялось 27 июля 1845 г. в присутствии императора Николая I. На флагштоке подняли царский штандарт. Выстроенные в парадном порядке на Большом Кронштадтском рейде боевые корабли салютовали новому форту из всех орудий. На портале горжевых ворот разместили памятные надписи: на аттике ворот: *«В царствование императора Николая I^{го}»*, по фризу: *«Начато в 1836 году окончено в 1845 году»*, на левой доске на стене горжи:

«Во время управления Морским министерством адмирала князя Меншикова сооружение производилось под главным надзором генерал-лейтенанта Дестрема I^{го} строителем был инженер-полковник Лебедев»,

на правой доске на стене-эскарпе горжи:

«при производстве работ находились инженер штабс-капитан Биллио инженер штабс-капитан Симанов корабельный инженер штабс-капитан Волков инженер-подпоручик Вильсон 2ой»¹⁸⁵.

Новый форт, построенный всего за девять лет, для своего времени являлся уникальным сооружением. Как по своим фортификационным качествам, так и по мощи артиллерийского вооружения он стал непреодолимой преградой для вражеского флота.

Очень интересно сравнить строительство нашего «Александра» со строительством раскрученного телевидением французского форта «Баярд». Еще в 1666 г. Кольбер, министр финансов Франции при Людовике XIV, создал судостроительную верфь для постройки военных кораблей около крепости Ла Рошель (La Rochelle), хорошо известной нам по роману А. Дюма «Три мушкетера». Крепость расположена в устье реки Шаранта, но сама верфь была защищена недостаточно надежно от атак вражеских кораблей – проникнуть в устье Шаранты, минуя орудия береговых крепостей близлежащих островов, не составляло труда.

¹⁸⁵ РГАВМФ Ф. 19. Оп. 1. Д. 188. Л. 1.

Таким образом, возникла проблема обороны судоверфи. Между двумя островами, расположенными около устья Шаранты, – Эксом и Олероном – находилась песчаная отмель, носящая название «коса Байяр». Место с точки зрения постройки здесь крепости или форта, крайне неудачное, поскольку песок не может служить достаточно надежным фундаментом. Тем не менее инженер Клервиль, ведущий работы по укреплению Руайома, внес предложение о постройке подобной крепости, так как ее артиллерия надежно перекрывала бы подступы к верфи. Ознакомившись с этим предложением С. Вобан, военный инженер и маршал Франции, высказал королю свое мнение: «Государь, проще ухватить Луну зубами, чем выполнить подобную работу в этом месте». Проект строительства не получил одобрения.

В 1763 г., в конце Семилетней войны (уже во время правления Людовика XVI), англичанам удалось провести две высадки на остров Экс, что еще раз наглядно показало уязвимость этих объектов. Необходимость постройки форта была осознана вновь, но разработанный проект отвергли как слишком дорогостоящий.

Вновь к этой идее вернулись уже в следующем веке, в 1801 г. В июне того года смешанная комиссия военных и гражданских строителей предложила свой проект крепости. 7 февраля 1803 г. его утвердил первый консул государства Наполеон Бонапарт.

Поскольку песчаное основание косы Байяр не годилось для подобного строительства, было принято по-французски несколько легкомысленное решение сделать «подушку» из камней. Русский опыт строительства подобных сооружений, видимо, был французам неизвестен. Работы начались в 1804 г. Вероятно, под впечатлением увиденных в 1798 г. египетских пирамид французы начали свозить на отмель добытые из местных карьеров каменные блоки и сбрасывать их на непрочное песчаное ложе косы. Эта работа была возможна только во время отлива и только в те времена года, когда капризная природа приморской местности позволяла делать это.

На третий год строительства стало ясно, что тяжелые каменные блоки под собственным весом все больше и больше углубляются в песок. Сизифов труд – вот как можно охарактеризовать эту работу. Проблем добавляли и бури, и английские корабли, постоянно находившиеся поблизости и напоминавшие о себе не только сверкающими парусами, но и периодической стрельбой по строительной площадке.

Песок косы Байяр поглощал не только камни, но и деньги. Император Наполеон решил уменьшить первоначально задуманные размеры форта. В 1809 г. работы возобновляются уже по новому проекту. Но не проходит и года, как строительство по причинам серьезных финансовых затруднений останавливается.

Новую жизнь проект обретает в 1840 г., при короле Луи Филиппе. Вновь осложнившиеся отношения с англичанами заставляют военных чиновников вернуться к проблеме защиты Ла Рошели. К тому времени каменное основание наконец стабилизировалось на своем песчаном ложе и уже не было таким непрочным, как вначале. Значительно облегчил работы технический прогресс: в распоряжении строителей появились бетон, цемент и гидравлическая известь. Это избавило от необходимости доставлять тяжелые камни с островов – отныне изготавливать блоки можно было прямо на месте.

В 1848 г. удалось закончить строительство фундамента, а к концу 1852-го уже возвели цокольный этаж. В нем были размещены склады пороха и провизии, цистерны для воды, кухни, столовые, гауптвахта и отхожее место. В конце 1854 г. завершено строительство первого этажа, а в 1857-м – верхней платформы форта и сторожевая башня. Окончательно работы на форту заканчиваются в 1866 г. Таким образом, строительство форта длилось в общей сложности больше 60 лет! И лишь на меньшую половину этого срока приходится непосредственно строительные работы.

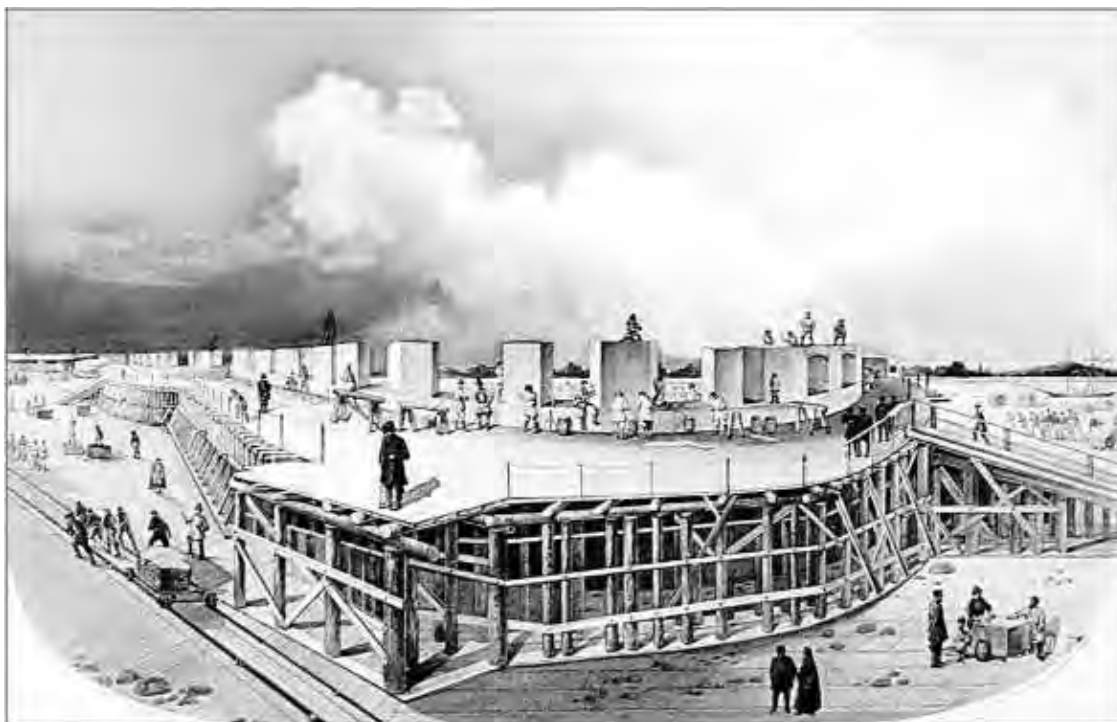
Форт «Император Павел I»

Форт «Рисбанк» первоначально был одноярусным, открытым с горжи и состоял из двух бастионов, соединенных куртиной длиной около 410 м и был рассчитан на 66 орудий, не считая мортир.

Ноябрьское наводнение разрушило всю надводную часть «Рисбанка». В 1825 г., когда «приступлено было к исправлению повреждений», это укрепление восстановили на прежнем основании, но уже двухъярусным. При этом появилась возможность разместить вдвое больше орудий. В 1834–1836 гг. здесь проводились разного рода работы, в частности, были пристроены два капонира на 11 орудий каждый. Однако к этому времени во многих местах сгнившие бревна ряжей «сжимались под тяжестью вышележащих венцов и разламывались и выпирались наружу давлением песка и камня, наполнявших срубы. Вследствие этого в ряжевых стенах образовались значительные отверстия, через которые вымывались песок и камень, наполнявшие ряжи». И в 1838 г. «возникло предположение» о перестройке деревянного «Рисбанка» в каменный, что было вызвано не только ветхостью укрепления, но и необходимостью усилить оборону строившегося форта «Император Александр I» и корабельного фарватера.

Известно три проекта перестройки форта. Один из них составлен полковником Масловым и относится к 1838 г.; второй, датированный 1842 г., – генералом Фельдманом; и, наконец, третий, «составленный» генералом Дестремом в 1845 г.

Все эти три проекта в оборонительном отношении мало отличались друг от друга – авторы предполагали сохранить прежнее начертание укрепления, выстроив бастионы и капониры в несколько ярусов. Огромная разница заключалась в устройстве основания.

Постройка форта «Рисбанк» (будущий «Император Павел I»)

Полковник Маслов предлагал к старому основанию добавить дополнительные ряжи и по внутреннему очертанию ряжевой ограды сделать «наброску из булыжного камня с откосами». Пространство же, огражденное «наброской», засыпать землей, уложить гранитные лещадки и здесь возводить стены. Инженерный департамент признал такое устройство основания весьма

ненадежным, так как «строение предполагается возвести из гранита и притом в несколько этажей».

Вице-директор Инженерного департамента инженер-генерал-майор Фельдман в 1842 г. предложил свой проект. Он также предполагал использование старых ряжей, но с заливкой булыжных камней бетоном. Но и этот вариант был отвергнут. Главным критиком стал инженер-генерал-лейтенант М.Г. Дестрем, осуществлявший надзор за строительством форта «Александр I». Основную проблему Дестрем видел в заливке ряжей бетоном или гидравлической смесью, ссылаясь то, что в 1839 г. в Кронштадте проводились подобные опыты, при этом наблюдалось некоторое расслоение раствора и «потеря им части прочности».

Поэтому Дестрем взялся за разработку своего проекта переустройства «Рисбанка». Он предложил выдвинуть новый форт от «Рисбанка» к фарватеру, а старое укрепление использовать как строительный двор.

В 1844 г. Николай I рассмотрел проекты Фельдмана и Дестрема. В это время завершалось строительство форта «Александр I», и это способствовало принятию проекта Дестрема, несмотря на то что Фельдман состоял в числе свитских генералов и пользовался расположением императора. Николай был превосходным инженером, что подтвердилось в его решении строить новый форт не на «чистом» месте, а внутри гавани старого.

Летом 1852 г. перекрыли своды большей части первого оборонительного яруса, и в дальнейшем работы несколько затормозились. Не последнюю роль в этом сыграл весьма своеобразный «опыт», произведенный в 1852 г. в Кронштадте в присутствии «Его Императорского Высочества Генерал-Адмирала» А.С. Меншикова, для определения действия различных снарядов на гранитную облицовку возводившегося тогда форта «Рисбанк». Обычно такие опыты проводятся на опытных постройках или специально изготовленных срубках, что неоднократно делалось на полигоне Волкова поля в Петербурге. В данном случае решили испытать строящееся сооружение, что в мировой практике не проводилось.

«Фрегат „Амфитрита“, назначенный для производства этих опытов, находился от стен форта на расстоянии сначала 217-ти, а потом 225-ти морских сажень (6-ти футовой меры), что составляет 2 и 2 ¼ кабельтова. Сделанными с фрегата 26-ю выстрелами, из орудий различного калибра, произведены в гранитной стене 26 различного вида повреждений».

Результаты опытов сформулированы следующим образом: «Должно полагать, что различие в повреждениях произошло от места, которое занимал каждый камень, куда попадал снаряд, а также и от взаимной связи камней между собой. Например, снаряды, попавшие в камень, окруженный со всех сторон другими камнями, произвели большей частью углубления не более как в 1 ¼ до 4 ½ дюйма; напротив, в правой наружной щеке первого оборонительного яруса, где камень был только прислонен с трех сторон, два снаряда, попавшие в самое наружное ребро и близ его, сделали углубления до 8-ми дюймов (№ 14 и 24); снаряд же, попавший в шов верхнего ряда, где камень был положен насухо и где сверху и сзади его не было других камней, сделал углубление в 8 ½ дюймов (№ 15) и, кроме того, две сквозные трещины близ пирионов: одну небольшую прямую и другую более значительную косвенную.

Из этого видно, что снаряды из орудий большого калибра, с расстояния от 2-х до 2 ¼ кабельтов (от 217-ти до 225-ти морских сажень), углубляются в гранит вообще не более как от 1 ¼ до 4-х дюймов; но при этом все снаряды без исключения, не только пустотелые, но и сплошные, разбиваются на куски величиной от 1/8 до 2 ½ дюймов. Даже ядро, ударившее под весьма острым углом в щеку амбразуры (№ 26), тоже не выдержало удара и вошло во внутренность каземата не ядром, а мелкими осколками. Глубина повреждений была тем меньше, чем удар следовал ниже или чем более камень был сжат сверху и с боков.

Влияние сотрясения от ударов на гранитную кладку зависит также от взаимной связи камней, и по этой причине повреждения более значительные оказались только в верхней части стены, где камни не подвергались достаточному давлению. В забутке над сводом замечена

самая незначительная трещина, не более как на толщину бумажного листа; на своды же не обнаружилось никакого влияния выстрелов, несмотря на то что они были сложены только за два дня до опыта».

Батарея «Князь Меншиков»

Как видно, никакого решающего значения для дальнейшей работы эти опыты не имели, хотя, как отмечалось в отчетах, «они доставили богатый материал для обсуждения вопроса о сопротивлении каменных масс разрушительному действию неприятельской артиллерии. Прочитав описание этого опыта, естественно рождается вопрос: подчиняется ли углубление снарядов в массу гранита математическим законам, или, иначе, может ли опыт быть проверен формулой?». То есть пока только ограничились постановкой вопроса. Но, возможно, именно это событие стало важным знаком, определившим дальнейшую трагическую судьбу этого форта.

И все-таки оборону Кронштадта многие специалисты считали недостаточной. Они считали возможным прорыв части вражеских кораблей на внутренний рейд, где они могли бы подавить сопротивление поставленных открыто орудий. Поэтому в 1841 г. возникла идея строительства на полубастионе, за воротами в Купеческую гавань, трехъярусной казематированной батареи с ярусом открытой обороны наверху. Она могла бы встречать корабли еще на подступах к внутреннему рейду. Этот полубастион возвели в конце XVIII в., заменив вскоре деревянное строение каменным. Проектировал батарею генерал-лейтенант М.Г. Дестрем, но император постоянно контролировал эту работу и периодически давал весьма ценные указания. Однако на испытаниях нагрузкой угол полубастиона дал трещину, а каменная стенка наклонилась в сторону фарватера. Поэтому в 1843 г. Николай принял решение несколько изменить расположение батареи и поручил составить новый проект молодому инженеру И.А. Заржецкому (1800–1869). Строительство батареи, получившей имя «Князь Меншиков», длилось семь лет. Заржецкий за эту работу получил орден Св. Владимира III степени и 5000 руб.

Кроме того, в эти годы началась перестройка Двойной Южной батареи, переименованной в форт «Константин».

Иностранцы о Кронштадте

Английский офицер и дипломат Джеймс Александер (1803–1885) приехал в Россию в 1829 г. и по личному разрешению Николая I отправился из Петербурга на Балканы. Интересуясь бытом и службой моряков на кораблях эскадры А.С. Грейга (1775–1845), сына адмирала С.К. Грейга, участвовавшей в боевых действиях против Турции, Джеймс Александер проявил, по мнению некоторых русских офицеров, слишком большое рвение. Его обвинили в шпионаже и даже арестовали, вскоре выяснилось, что злого умысла в действиях англичанина не было.

Его путевые заметки составили книгу «Путешествие к восточному театру военных действий через Россию и Крым в 1829 году», изданную в Лондоне в 1830-м. Один из ее фрагментов посвящен Кронштадту.

«Миновав многочисленные суда, скопившиеся у входа в гавань, пароход бросил якорь в бухте для военных судов. Рядом с нами стоял сторожевой корабль¹⁸⁶, на его бизань-мачте развевался белый флаг с голубым Андреевским крестом, а за молом стояли три линейных корабля.

Для офицеров таможи выдался трудный день: суда прибыли в Кронштадт в эту навигацию впервые. С трех часов утра здесь бросили якорь около сотни кораблей, поэтому мы думали, что багаж не будут осматривать особо тщательно.

Но мы ошиблись: недавно вышел строгий указ о таможене. Младшие таможенные офицеры донесли о том, что старшие по чину берут взятки и разрешают провозить запрещенные товары. Наш багаж подвергся строгой проверке – чемоданы были вытащены на палубу, и все вещи тщательно просмотрены. Досмотр багажа одного пассажира доставил нам немало развлечения; он был учителем верховой езды, и все его имущество состояло из пары кожаных штанов, которые выуживались на свет из чемодана, где они были уложены.

Выдержав тяжелое испытание перед господином в зеленой шинели, я сошел на берег, чтобы осмотреть Кронштадтскую бухту и укрепления.

Бастионом для защиты новой столицы Петр I выбрал остров Ретусари, расположенный в 15 милях от Петербурга¹⁸⁷. В допетровские времена на острове не было ни единого жителя, а всего лишь за сто лет местное население выросло до 50 тысяч человек, правда, в основном здесь живут моряки.

При высадке на берег нас поразил гранитный мол с деревянным парапетом, построенный при знаменитом адмирале Грейге. Мы прошли мимо огромных 96-фунтовых каронад¹⁸⁸, затем миновали пушки меньшего калибра. Глядя через парапет вниз, на залив, мы увидели батареи на сваях и острова, укрепленные во время разгрома датского флота под Копенгагеном¹⁸⁹. В то время ожидалось, что бессмертный адмирал Нельсон может посетить Финский залив отнюдь не с дружественным визитом.

Посмотрев на торговый порт, мы убедились, что большинство судов прибыли из Англии, они повезут к родным берегам сало, щетину, пеньку и другие российские товары, скопившиеся за зиму на складах.

Дома в Кронштадте деревянные, по большей мере одноэтажные, улицы широкие, но мостовые скверные, ведь породы, слагающие остров, очень мягкие. Сейчас строятся новые

¹⁸⁶ Сторожевой корабль как класс появился в русском флоте в годы Первой мировой войны. Не имею возможности проверить по английскому изданию, какой тип корабля имел в виду автор.

¹⁸⁷ Видимо, автор имеет в виду английскую морскую милю, равную 1853,184 м.

¹⁸⁸ Карронада – гладкоствольное орудие, сконструированное в 1779 г. в Англии артиллеристом К. Гаскойном. Названа по имени находившегося в Шотландии завода «Каррон», на котором в первый раз была изготовлена. В августе 1786 г. К. Гаскойн прибыл в Россию и стал управляющим Александровского завода в Петрозаводске, где в короткий срок смог наладить производство артиллерии для российского флота.

¹⁸⁹ Датский флот был разгромлен англичанами 2 апреля 1801 г.

укрепления взамен тех, что пострадали во время великого наводнения 1824 года (тогда в Петербурге погибло 10 тысяч человек), старые орудия снимают и устанавливают новые. Поскольку Балтийский флот сейчас находится в Средиземном море, в Кронштадте стоит всего лишь несколько боевых кораблей. Последние годы русские матросы начали было подражать английским походкой и грубой отрывистой речью, однако император положил этому конец, теперь матросы должны ничем не отличаться от солдат.

[...]

В составе Балтийского флота тридцать экипажей по тысяче человек в каждом, в том числе один гвардейский, один образцовый и один учебный. Матросы проходят подготовку для службы на линейном корабле, фрегате, сторожевом судне или бригае. Корабли строятся из казанского дуба, но они весьма недолговечны. Хотя кронштадтские каменные доки находятся в великолепном состоянии, все же военные суда продолжают строить в Петербурге и переправлять в Кронштадт через 9-футовый бар, из-за чего многие из них повреждаются.

Для иностранца в Кронштадте интересны мол, укрепления, три гавани, доки, склады, госпиталь и морские казармы, которые содержатся в идеальном порядке. Покойный император не уделял внимания флоту, а Николай проявляет живейший интерес – надзирает за строительством судов, присутствует при спуске на воду, регулярно посещает морские склады и сурово наказывает за недостачу. Русские считают свою страну первой военной державой, но, безусловно, признают наше превосходство на море. Тем не менее нынешний император собирается бросить Англии вызов также и в этой области. Русский флот на якорной стоянке еще можно сравнить с английским, однако в морском сражении, особенно при сильном ветре, англичане, несомненно, превзойдут русских»¹⁹⁰.

Любопытные воспоминания о Кронштадте оставил французский дипломат, фамилия которого осталась неизвестна:

«На другой день отправился я к назначенному на пристани месту, где нашел длинную парусную и весельную шлюпку, шлюпку императора: шестнадцать гребцов в щегольской форме уже сидели на скамьях.

Море было тихо; погода великолепная. Справа мы видели берег, тянущийся от Петербурга на север, к Кронштадту; слева мелькали красивые дачи; потом показались императорские дворцы: Александрия, Петергоф, Ораниенбаум [...].

Государь поднял крышку лавки, на которой мы сидели, и вынул из ящика большой золотисто-желтый флаг с изображением двуглавого орла и Георгия Победоносца. Это был флаг, возвещавший о присутствии монарха на том судне, на котором он развевался. Его величество сам поднял флаг на мачту своей яхты. В то же мгновение двадцать пять линейных кораблей и пятнадцать фрегатов, выстроившихся в линию перед Кронштадтом, огласили громом двух тысяч пушек оба берега Ингрии и Финляндии [...].

По прибытии в Кронштадт государь водил нас (Э. Коур-та и меня) по всем гранитным линиям этого оплота Петербурга и по батареям, которые тогда строились там. Во всех подробностях осматривал он грозные валы, уставленные исполинскими орудиями. Между прочими особенностями постройки я заметил, что гранитные глыбы, обтесанные в виде квадратов, не были связаны никаким цементом и держались посредством весьма правильных кубов, входивших наполовину, сверху и снизу, в пазы такой же формы, иссеченные в обоих рядах камней.

Иногда во время нашего обзора длинных линий капитан Э. Коурт или опережал нас на несколько шагов, или оставался позади, чтобы тщательнее рассмотреть какой-нибудь лафет или какой-нибудь новый воспламенительный снаряд. Тогда император, справедливо гордившийся своей прекрасной крепостью, говорил мне вполголоса:

---

¹⁹⁰ Александер Дж. Россия глазами иностранца. М., 2008. С. 34–36.

– А что думает теперь английский капитан?»¹⁹¹.

Но император отправлялся в Кронштадт не только на шлюпке летом, но и зимой на санях. Об этом писал французский художник-баталист и дипломат Орас Верне, который в 1843–1843 гг. приезжал в Россию с дипломатическими поручениями и написал несколько картин по заказу двора.

«Я занят своими работами и езжу с императором по смотрам и парадам. На сих днях мы побывали в Кронштадте. Меня восхитила эта поездка, занявшая два дня. Проехать *десять лье* по морю в санях, что может быть оригинальнее сего! Из-за оттепелей и сильных порывов ветра море вздыбилось, и льдины взгромоздились друг на друга, так что получились настоящие холмы самой причудливой формы по несколько лье длиной. Лошади скакали во весь опор, ветер резал лицо, так что текли замерзающие на ходу слезы. Но всему остальному телу было жарко, как в огне, под медвежьей полостью. От всех контрастов и скачки кажется, что это лишь сон, а приехав, не чувствуешь, на месте ли твоя голова. Если бы вечером мне пришлось повторить эту поездку, я подумал бы, что на несколько часов сошел с ума. Император присутствовал на учении морских войск, каковые ни в чем не уступают сухопутным. Даже стреляли ядрами из пушек [...]. Затем мы побывали в госпитале с 2000 кроватей, похожем на дворец, где все великолепно, в том числе сами больные. Им должно быть приятно умирать в такой чистоте: здесь светло и предусмотрена каждая мелочь, а переходить в лучший мир позволено, наверно, лишь когда барабан бьет сигнал к отступлению.

В этой поездке нас было четверо. На обратном пути мы переехали Финский залив, а вечером возвратились в Санкт-Петербург, и я вернулся к своим занятиям»¹⁹².

Город

Мрачнейшую картину Кронштадта изобразил известный литератор николаевской эпохи Ф.В. Булгарин: «Половина города состояла из лачуг, а часть города, называемую Кронштадтскою (примыкающую к Водяным воротам¹⁹³), нельзя назвать даже деревней. Близ этой части находился каторжный двор, где содержались уголовные преступники, осужденные на вечную каторжную работу. На улицах было тихо, и каждое утро и вечер тишина прерывалась звуком цепей каторжников, шедших на работу и с работы в военной гавани. Мороз, благодетель России, позволял беспрепятственно прогуливаться по улицам Кронштадта зимою, но весной и осенью грязь в Кронштадтской части и во всех немощеных улицах была по колено. Вид замерзшего моря наводил уныние, а когда поднималась метель, то и городской вал не мог защитить прохожих от порывов морского ветра и облаков снега. В Кронштадте не было ни одной книжной лавки или библиотеки для чтения, но даже во всем городе нельзя было достать хорошей писчей бумаги. В гостином дворе продавали только вещи, нужные для оснастки или починки кораблей. Магазинов с предметами роскоши было, кажется, два, но в них продавали товары гостинодворские второго разбора. Все доставлялось из Петербурга, даже съестные припасы хорошего качества. Город был беден до крайности. Купцы, торговавшие с чужими краями, никогда не жили в Кронштадте, а высылали на лето в Кронштадт своих приказчиков. Кронштадт населен был чиновниками морского ведомства и таможенными офицерами флота, двух морских полков и гарнизона, отставными морскими чиновниками, отставными женатыми матросами, мещанами, производившими мелочную торговлю, и тому подобными»¹⁹⁴.

---

¹⁹¹ Воспоминания французского дипломата при Санкт-Петербургском дворе 1828–1831 // Морской сборник. № 9. 1866. Отдел неофициальный. С. 144.

¹⁹² Верне О. При дворе Николая I. Письма из Петербурга 1842–1843. М., 2008. С. 62.

¹⁹³ Крепостные ворота, Водяные и Александровские, служили для выхода за оборонительный вал. Через Водяные ворота водовозы возили воду в Кронштадт.

¹⁹⁴ Булгарин Ф.В. Воспоминания. СПб., 1849. С. 436.

*Первая западная оборонительная казарма и Цитадельские ворота.
Художник Л. Премацци*

Надо сказать, что Кронштадт в части благоустройства мало чем отличался от остальных небольших городов России. Своеобразие его выражалось в том, что это была крепость, военный город, и насчет тишины, нарушаемой звоном каторжных цепей, Булгарин несколько перестарался. Грохот барабанов, свистки боцманских дудок были привычным фоном, к которому добавлялись звуки порта – там тишины быть не может по определению. Хотя к этому кронштадтское начальство всегда стремилось. И, кроме того, нельзя забывать о практических стрельбах крепостной артиллерии, которые со строительством новых укреплений становились все чаще.

*Съезжий дом Купеческой части Кронштадтской полиции.
Середина XIX в.*

Что касается каторжного двора, то это действительно было самое мрачное место в Кронштадте того времени. Арестантские роты еще не существовали, и преступников ссылали в Сибирь или в некоторые крепости для выполнения особенно тяжелых работ, связанных с риском для жизни. А такие работы всегда случались в гаванях и крепостных постройках. Кронштадтский деревянный каторжный двор представлял собой четырехугольное здание с окнами во двор и галереей вокруг. С одной стороны здания находились караульня и ворота. Часовые были расставлены и по галерее, и снаружи. Все заключенные были закованы в кандалы, исключение делалось только для престарелых и отличившихся хорошим поведением, но таких было мало.

Царствование Николая I отметилось в Кронштадте не только строительством новых фортов, но и активной застройкой города. Еще 6 июня 1826 г. император распорядился осмотреть город «со всей подробностью строений Морского ведомства и описанием его». Осмотр показал, что из 372 строений (158 каменных и 214 деревянных) 31 было предназначению на слом «по совершенной ветхости», 255 требовали существенных исправлений и перестроек и лишь 101 – ремонта¹⁹⁵.

¹⁹⁵ Розадеев Б.А., Сомин Р.А., Клещева Л.С. Кронштадт. С. 65.

*Съезжий дом Морской части Кронштадтской полиции.
Середина XIX в.*

Фактически большую часть города требовалось перестроить. Для осуществления столь масштабных работ в Кронштадте в 1827 г. образован Кронштадтский строительный комитет во главе с главным командиром Кронштадтского порта адмиралом Г.А. Сарычевым (1763–1831). Сделать он ничего не успел, так как в 1830 г. все строительство Кронштадта подчинили учрежденному в 1827 г. Строительному департаменту по морской части, затем преобразованному в Строительный департамент при Морском министерстве. То есть все значимые проекты утверждало Морское министерство, разумеется, внося свои коррективы. Особую роль в этой работе сыграл старший архитектор Строительного департамента по морской части с 1827 по 1844 г. Э.Х. Анерт (1790–1848).

Работы начались с составления плана, «который бы в подробности показывал все заведения и строения, ныне существующие и вновь потребные для Морского и сухопутного ведомства, равно для города». Для этого 12 марта 1827 г. учрежден соответствующий Комитет, председателем которого стал великий князь Константин Павлович, а членами – вице-адмирал Ф.В. Моллер, генерал К.И. Опперман (1766–1831), Л.Л. Карбоньер (1770–1836) и некоторые другие важные лица. «Черновую» работу выполняли инженер-полковник Ф.М. Шестаков и городской архитектор А.Н. Акутин. Комитет рассмотрел составленный ими план 22 декабря 1827 г., внес кое-какие коррективы, и в 1829-м Николай I проект утвердил.

Первой работой Комитета об устройстве г. Кронштадта стало завершение начатого в 1827 г. строительства здания таможни по проекту архитектора И.Ф. Лукини (1784–1853). На западном берегу Итальянского пруда выстроили главный корпус, два пакгауза и еще несколько строений. К сожалению, в первоначальном виде эти здания до нас не дошли, так как во время пожара соседней Лесной биржи в 1920 г. они сгорели, и их восстановили с существенными изменениями.

Бойкая торговля всегда проходила на участке между Итальянским прудом и входным каналом в Купеческую гавань. В 1815 г. вместо убогих парусиновых палаток построили деревянные торговые лавки, но пожар Лесной биржи в ночь с 9 на 10 июля 1826 г. их уничтожил. Тогда в 1827–1828 гг. здесь возвели каменное двухэтажное здание с галереей, открытой с трех

сторон, – Рыбные ряды. Каждое утро крестьяне с южного и северного берегов Финского залива привозили сюда на лодках свой товар: овощи, фрукты, мясо, рыбу и т. п.

Кронштадтские торговцы скупали товар по оптовой цене и затем продавали его в розницу по цене, разумеется, совсем другой, причем большую часть покупателей составляли моряки стоявших в гавани и на рейде иностранных судов. Вот как описал современник это любопытное место: «...кипит деятельная мелочная торговля, слышатся диалекты всех возможных стран; для непривычного уха как-то странно слышать, как приказчики в лавках, наши простые ярославские мужички, бойко объясняются по-английски и по-французски. Способность и изворотливость русского ума проявляется здесь во всей своей неприкосновенности и наивной простоте. Для наблюдения нравов и изучения разнообразных особенностей разных национальностей Рыбный ряд представляет превосходную школу»¹⁹⁶.

Николай I при очередном посещении Кронштадта в 1827 г. «изволил заметить безобразность Гостиного двора» – еще одного места, где велась активная торговля. Таким образом, вопрос о строительстве нового здания был решен, но лишь 24 декабря 1829 г. инженер-полковнику Ф.М. Шестакову поручили составить проект Гостиного двора, однако он оказался не совсем удачным, так как не были учтены существенные пожелания купечества. Новый проект в 1830 г. подготовил инженер-полковник В.И. Маслов. В «Изъяснениях» к проекту говорилось:

«а) новый Гостиный двор устраивается на месте старого, образуя собой квартал на 50 лавок, расположенных по первому этажу, с таким же количеством кладовых над ними;

б) под семью лавками предполагается устроить подвалы со сводами для хранения „жизненных припасов“ – мяса, рыбы, зелени;

в) внутри Гостиного двора устраиваются два двора, разгороженные стенками, где складываются товары; при одном из них важня;

г) Гостиный двор снаружи обносится плитным тротуаром с чугунными тумбами;

д) существующие на обеих улицах фланкирующие Гостиный двор деревянные часовни должны быть перенесены на галерею в особо для этого предназначенные ниши»¹⁹⁷.

Рассмотрение и обсуждение проекта продолжалось до 1832 г., когда император наконец-то его утвердил.

---

¹⁹⁶ Кронштадтский вестник. 1862. № 30.

¹⁹⁷ РГА ВМФ. Ф. 205. Он. 1. Д. 155. Л. 6.

Здание градских присутственных мест. Середина XIX в.

Строительство Гостиного двора началось весной 1833-го под руководством командира Кронштадтской инженерной команды инженер-полковника К.К. Беля. Сначала возвели западную линию, выходящую на Господскую улицу, где открылась овощная и мучная торговля, причем номера лавок шли от ворот этой линии по часовой стрелке. Постепенно со строительством остальных линий открывались лавки с самым разнообразным товаром: по южной линии – «суровским»¹⁹⁸, по северной – мясным и рыбным.

Гостиный двор также постигла участь большинства кронштадтских зданий. Во время пожара 20 октября 1874 г. он сгорел. При восстановлении архитектурный облик его несколько изменили.

Еще одним важным зданием, к созданию которого приложило руку кронштадтское купечество, стало здание присутственных мест гражданского ведомства. После долгих препирательств с представителями купечества, стремившихся к не всегда разумной экономии, и многочисленных переделок здание было возведено.

Градские присутственные места – один из лучших образцов общественного здания для небольших городов России 1830-х гг. Следует подчеркнуть, что, согласно воле Николая I, А.П. Брюллов создал весьма лаконичные фасады, а планировка здания и его внутренняя отделка выполнялись по последнему проекту Анерта, составленному в октябре 1833 г.

Работа началась в 1834 г., но из-за нехватки средств несколько затянулась. Летом 1837-го удалось закончить внутреннюю отделку здания, а вот отделать помещение церкви смогли только к 1842 г. Внешний облик здания дошел до нашего времени без существенных изменений – это дом № 36 по проспекту Ленина (ныне в нем располагается Администрация Кронштадтского района). Дальше в сторону гавани расположены дома № 38 и № 40, построенные примерно в это же время, но авторы проектов этих домов неизвестны. Эти дома также находятся под охраной государства, о чем свидетельствуют доски на стенах.

В Кронштадте сохранилось еще немало домов, построенных в николаевское время: Съезжий дом морской части (1834 г., архитектор неизвестен; ныне – ул. Аммермана, 21); Съезжий дом купеческой части (1835–1837 гг., по образцовому проекту архитектора Л.И. Руски; ныне

¹⁹⁸ Суровским (суроужским) товаром назывался разного рода текстиль.

– пр. Ленина, 20). Позднее на Господской построили еще два интересных дома: Почтамтский дом со службами (1851 г., архитектор А.К. Кавос; ныне – пр. Ленина, 37, здесь по-прежнему располагается почта) и Дом Мещанского общества (1853 г., архитектор неизвестен; ныне – пр. Ленина, 51). В этом доме до 1917 г. размещались вице-консульства нескольких иностранных государств, а сейчас – Детская художественная школа им. М.К. Аникушина.

В 1830-1840-х гг. Господскую улицу замостили булыжником, прорыли каналы для стока воды, а для гуляющей публики устроили тротуар из туфовых плит. Особенно красочно выглядела эта улица на Масленицу. «Гвоздем масленичных гуляний была особая масленичная процессия, устраиваемая городским управлением. Для этой процессии у города хранились из года в год особого устройства двое дровней. На одних дровнях, заряженных шестеркой лошадей с форейторами, одетыми в разные костюмы, помещался хор музыкантов, а во вторых, в 12 лошадей, была устроена русская печь с трубой и помещалась женщина, одетая в русский костюм, которая тут же пекла блины и разбрасывала их в толпящийся простой народ.

За последними дровнями ехали на своих лошадях городская голова, а за ним в ряд все катающиеся.

Эта процессия проезжала в продолжение последних трех дней перед окончанием катаний. Много смеха было, когда дровни попадали на ухабы: кирпичная труба падала, печка разваливалась, а женщина вместе с блинной опарою вываливалась на мостовую.

Так проводили Масленицу, а в Чистый же понедельник шли в баню, а затем в церковь приносить покаяния за все сделанные прегрешения»¹⁹⁹.

Кронштадт изначально был городом многоконфессиональным, ведь в его строительстве активно участвовали и на флоте служили иностранцы, в большинстве своем лютеранской веры. Поначалу они проводили богослужения в доме адмирала Крюйса, а в 1719 г. переехали в приспособленный под кирху недостроенный амбар. В 1750–1753 гг. на Петербургской площади построили деревянное здание евангелической лютеранской немецко-латышской церкви Святой Елизаветы. Но 12 марта 1833 г. она сгорела, и по указанию Николая I недалеко от этого места по проекту архитектора Э.Х. Анерта инженер-полковник К.К. Бель начал строить каменное здание. В 1835 г. «вчерне» завершили постройку собора, и началась его внутренняя отделка. В январе 1836 г., осматривая собор, Николай I нашел, что коринфские капители колонн имеют «дурные пропорции», и приказал их переделать. Поэтому Строительный департамент при Морском министерстве поручил архитектору Анерту срочно эту работу выполнить.

Анерт сделал четыре проекта капителей к колоннам первого и второго этажа, один из которых наконец понравился Николаю I, и он утвердил проекты. Собор освятили 20 декабря 1836 г., сейчас в этом здании располагается кронштадтский «Водоканал».

Рядом с этой церковью в 1868 г. построили эстонско-финско-шведскую лютеранскую церковь Святого Николая, восточным фасадом выходившую на Ильмянинову улицу. В конце 1920-х гг. церковь разобрали.

Английская церковь во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня построена на Александровской улице в 1737 г. Однако в 1902 г. английское общество решило от нее избавиться и продало купцу Н.А. Туркину, который передал ее в дар Кронштадтскому Эстонскому обществу, и ее освятили как православно-эстонскую.

На Господской улице в 1837–1843 гг. по проекту Анерта построили каменную римско-католическую церковь во имя Святых Апостолов Петра и Павла, на хорах которой находился орган. В 1941 г. церковь разобрали, а кирпич использовали для строительства аэродрома на Бычьем поле.

Православных церквей в Кронштадте в 1835 г. насчитывалось семь, из них одна соборная (каменная), две приходские (деревянные), одна кладбищенская (деревянная), три при казен-

¹⁹⁹ Цит. по: Соколов А.К. Кронштадт: история длиною в 300 лет. С. 140–141.

ных заведения. Кроме того, существовали три греко-российские часовни (деревянные) и две каменные молельни – иудейская и магометанская.

Богоявленская церковь – творение И.К. Коробова – простояла 110 лет, и в 1841 г. ее разобрали «из-за полного обветшания». Иконы и церковную утварь перенесли в Морской манеж, а находившееся рядом кладбище разровняли. Однако в устроенной там церкви службу проводили лишь во время, свободное от строевых занятий и учений. Поэтому ризницу пришлось перенести в бывшую госпитальную церковь Святого Александра Невского на Павловской улице, в 1844 г. церковь переехала в специально купленный дом Фондезина на Осокиной площади.

Проект Богоявленской церкви архитектора И.К. Коробова

Как уже упоминалось, Павел I перевел Кадетский корпус из Кронштадта в Петербург, а в Итальянском дворце в 1801 г. разместилось Штурманское училище. В 1827 г. его преобразовали в Первый штурманский полуэкипаж, а в 1829–1831 гг. в несколько обветшавшем здании Итальянского дворца провели ремонт. Однако этого оказалось явно недостаточно, и в 1843-м Николай I распорядился здание перестроить.

Для руководства перестройкой создали комиссию под председательством начальника экипажа генерал-майора А.К. Давыдова. В качестве архитектора в нее вошел А.Н. Акутин (1782–1840), архитектор, много лет работавший в Кронштадте.

Проект перестройки Итальянского дворца, составленный Акутиным, утвердили 19 мая 1843 г. По проекту к западному корпусу дворца пристраивался большой корпус, имевший 18 осей. К дворовой стороне южного корпуса присоединялась галерея с примыкающей к ней прямоугольной в плане лестницей. Еще одна пристройка с находящейся в ней церковью примыкала к корпусу, перпендикулярному каналу Петра Великого. Одновременно предполагалось провести капитальный ремонт всех строений. В 1846 г. центральную часть главного южного корпуса решили надстроить четвертым аттиковым этажом в 11 осей, водрузив на нем астрономическую беседку. Строительные работы, включая каменные здания бани, прачечной, конюшни и т. д., окончили в 1848 г.

По другую сторону «скобы» располагается бывший Минихов дом, который с середины XVIII в. назывался Депутатским, так как в нем размещались «покои для приставания адмиралтейским депутатам». Кроме того, в нем квартировало кронштадтское начальство (главный командир, капитан над портом) и размещались разные административные учреждения. Этот дом перестроен не был и полностью сохранил все элементы архитектурного облика.

Еще в 1808 г. по проекту А.И. Акутина капитально отремонтировали и перестроили казарму при Миниховом доме, которая сохранилась в тех же размерах. Значительные работы в Миниховом доме начались в 1827 г., но они относились только к внутреннему устройству. Между 1848 и 1854 гг. изменения коснулись его внешнего облика – аркады первых этажей полностью заложили, и вместо них появились гладкие стены.

В это время на территории Минихова дома уже существовал большой новый архитектурный комплекс зданий Первого учебного морского экипажа. Первоначально этот экипаж вместе со Штурманским размещался в Итальянском дворце, но там было тесно. В 1830 г. решили отвести Первому учебному морскому экипажу часть Миниховой казармы и Абраимова (по фамилии бывшего его хозяина) дома, а также пристроить к ним новую казарму. Было создано несколько вариантов расположения зданий, проведены частично перестройки уже имевшихся строений, и в результате появился «типичный образец казарменного городка николаевского времени».

План здания Первого учебного морского экипажа:

А, Б, В – казармы, Г – прачечная, позднее перестроенная (Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С. Кронштадт. Л. 1977)

Внешний вид этих зданий дошел до настоящего времени без особых изменений. Внутри перестройки были существенными. Во второй половине XIX в. численность экипажа сократили, и ряд его помещений заняли другие учреждения. В частности, в казарме «Б» в 1862 г. открыли гимназию для приходящих учеников с пансионом при ней. А в казарме «В» в 1874 г. разместили Минный офицерский класс, знаменитый тем, что в нем почти 20 лет работал изобретатель радио А.С. Попов, но об этом чуть дальше.

В первой трети XIX в. завершилась реконструкция служительских и офицерских флигелей, созданных ранее. В очередной раз посетив Кронштадт 26 июня 1834 г., Николай I выразил желание, «дабы главный проезжий проспект был между каналом и офицерскими флигелями, а Екатерининская улица, существующая мимо тех флигелей и новослужительскими казармами, была уничтожена. Чтобы исполнить сие, то необходимо нужно офицерские флигеля перестроить, ибо они ныне имеют чистые покои на север, а тогда понадобится обратить их на юг, черные комнаты устроить на север и по проспекту между флигелями офицерскими и новослужительскими, заключающими в себе 15 сажень ширины, сделать на 9 сажень службы и чистые дворы, а остальные 6 сажень отделятся стенами служб для прохода людям из новослужительских казарм, для чего устроить на запад и восток ворота»²⁰⁰.

Выполнить волю императора поручили архитектору Э.Х. Анерту, который составил проект двух новых офицерских флигелей, имевших длину, равную построенным, которые по этому проекту позднее также следовало перестроить. 27 мая 1836 г. Николай I проект Анерта утвердил.

²⁰⁰ РГАВМФ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1563. Л. 4.

«Новый фасад офицерского дома близок фасаду, созданному М.Н. Ветошниковым, но в отличие от него здание при той же длине имеет не 15, а 17 осей, что достигается перебивкой по горизонтали окон, уничтожением боковых ризалитов и введением одного, более монументального, центрального ризалита в три оси. Окнам второго этажа придано полуциркульное завершение»²⁰¹.

Оба флигеля вчерне перестроили в 1837–1838 гг., а чистовую отделку завершили значительно позднее: пятого флигеля – в сентябре 1841-го, шестого – в декабре 1843 г. Старые офицерские флигели начали перестраивать в 1847 г., и начали с первого флигеля. Причем проект перестройки, опираясь на проект Анерта, в июне 1847 г. выполнил инженер-поручик А.А. Мартынов. К 1858 г. перестроили остальные флигели, за исключением третьего, но об этом чуть позже.

В начале XIX в. все отчетливей вставала необходимость строительства нового арсенала.

По мнению авторов книги о Кронштадтском арсенале, «помещение и место первого арсенала, организованного по повелению императора Александра I, точно не известно, однако из переписки Морского Ведомства и Командира кронштадтского порта можно предполагать, что оно находилось где-то вблизи штурманского училища, ныне территория матросского клуба и территории порта, в котором с 27 декабря 1809 г. хранилось оружие и воинские принадлежности. В этот период Арсенал был в ведении Кронштадтского порта. До постройки нового Арсенала на территории, охватывающей Макаровскую улицу и дома до Петровской улицы, находился пушечный двор»²⁰².

10 января 1830 г. начальник Главного Морского штаба направил императору «отношение» о необходимости постройки Арсенала и артиллерийского двора. А уже 27 января 1830 г. последовало высочайшее повеление, предписывающее расположить Арсенал согласно утвержденному плану 1829 г. и начать составление проекта. Эту работу поручили главному архитектору Строительного департамента при Морском министерстве архитектору и одновременно академику Императорской Академии художеств И.Г. Гомзину (1784–1831). Утвержденный 16 октября 1830 г. проект предполагал, что в нижнем этаже Арсенала будут храниться станки, запасные колеса и оси, тали и прочий такелаж, в верхнем – запасные ружья, абордажное оружие и пули, разные инструменты, формы для литья пуль. На дворе отводилось место для орудий на лежнях, ядер, бомб и гранат.

Строительство двухэтажного кирпичного Морского арсенала на углу Поморской (ныне – Июльская) и Красной улиц начали весной 1832 г., и в 1836-м здание типичной для 1830-х гг. архитектуры было готово.

В 1864 г. в здании оборудовали модельную мастерскую. В 1877 г. в Арсенале началось изготовление мин и торпедного оружия, а в 1893-м каждый этаж разделили на два этажа, и здание ныне сохранилось без переделок.

Пушечный двор вмещал орудия на специальных лежнях, ядра, бомбы. Позднее вдоль западного фасада, то есть со стороны Петровского парка, установили старые крепостные и корабельные орудия, в том числе две галерные пушки Олонецкого завода 1717 г., три французские пушки, подаренные Петру I во время его пребывания в Париже, турецкие пушки, взятые в битве при Наварине, а также пирамиды из ядер. В 1929 г. эти орудия сдали в металлолом.

Одновременно с новым Арсеналом построили новую деревянную пристань, называвшуюся поначалу Артиллерийской, так как именно здесь загружали и выгружали артиллерийские припасы: порох, ядра, снаряды.

Именно к этой пристани во время эпидемии холеры 1831–1832 гг. приставал пароход компании Берда. Отсюда прибывающих в Кронштадт перевозили в северо-восточную башню

---

²⁰¹ Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С. Кронштадт. С. 85.

²⁰² Желтое В.Г. Кронштадтский арсенал на службе Российскому Флоту. 1877–2002. СПб., 2002. С. 11–16.

для пятидневного карантина. Позднее в этой башне располагалась тюрьма, просуществовавшая до осени 1917 г.

На северном и западном фасадах установили императорские символы – двух двуглавых орлов, которые хорошо видны на старых открытках. Их изготовили, согласно традициям того времени, из деталей холодного и стрелкового оружия. Одного из этих орлов обнаружил в запасах Центрального военно-морского музея заведующий сектором оружия капитан 1-го ранга Игорь Павлович Суханов. По его инициативе орла отреставрировали в мастерских Русского музея, и теперь это одно из замечательных украшений коллекции ЦВММ.

О том, что и как хранилось в Арсенале, в 1908 г. писал мичман Дорогов: «Знамена – трофеи войны со шведами, взятые в 1788–1790 гг. при Гогланде, Ревеле, Выборге, смешанные с турецкими знаменами, отобранными при Чесме (1770 год), Метелине (1771), Хиосе (1772) с тремя знаменами Партенопейской Республики, захваченными при взятии городов Отранто, Бриндизи и проч., тихо склоняются над обширной коллекцией русских пушек и орудий различных времен и над многочисленными шведскими пушками с инициалами царя Густава III»²⁰³.

*Кронштадтский арсенал. На фронте видна часть двуглавого орла.
Открытка начала XX в.*

²⁰³ Дорогов, мичман. Исторический очерк и описание Кронштадта. СПб., 1908.

*Орел, изготовленный из деталей оружия.
Один из двух, находившихся на фасадах Арсенала*

Кроме того, здесь хранились уникальные планы укреплений Кронштадта с собственноручными пометками Петра Великого.

Территорию, примыкающую к западному фасаду Арсенала, в 1836 г. вымостили булыжником, с трех сторон обсадили деревьями и назвали Арсенальной площадью. Здесь проводились смотры, парады, гуляния.

Почитая своего великого предка, император Николай I в марте 1839 г. решил установить в центре этой площади памятник создателю русского флота и основателю Кронштадта. Работу поручили ученику знаменитого французского художника Луи Давида Николя Жаку (1780–1844), который в декабре 1840 г. изготовил большую модель статуи. Петр изображен со шпагой в руке в мундире Преображенского полка, в котором он был во время Полтавской битвы. Отливку статуи высотой 4 м 60 см выполнил знаменитый русский скульптор и литейных дел мастер П.К. Клодт фон Юргенсбург (1805–1867).

Газета «Русский инвалид» в декабре 1840 г. писала: «Французский художник Жак окончил большую модель колоссальной статуи Петра Великого, предназначенной для города Кронштадта. Статуя будет поставлена на большой площади, обогащенной недавно новым превосходным зданием Арсенала. Основатель морских сил России представлен стоя, в военном мундире его времени, с опущенным мечом в правой руке и головою, несколько приподнятою вверх. Основанием служит четырехсторонний пьедестал, украшенный по углам орнаментами во вкусе восемнадцатого столетия».

Памятник открыли 27 июня 1841 г., в 132-ю годовщину Полтавской победы.

На фронтальной стороне гранитного пьедестала высечена надпись: «Петру Первому – основателю Кронштадта, 1841 год». На тыльной стороне сделана точно такая же надпись, но по-латыни. Руководил сооружением памятника и его установкой известный государственный деятель президент Академии художеств А.Н. Оленин (1763–1843).

Памятник Петру I в Петровском парке

В 1860–1879 гг. вокруг памятника разбили парк, названный Петровским. 1 июня 1880 г. газета «Кронштадтский вестник» опубликовала предложение заменить латинскую надпись на русскую, имеющую отношение к истории флота. Генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич приказал историографу русского флота Ф.Ф. Веселаго подобрать текст. Феодосий Федорович предложил нескольких вариантов, из которых выбрали выдержку из указа Петра, данного им руководителям обороны Кронштадта в середине мая 1720 г.: «Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота яко наиглавнейшее дело».

Необходимость строительства нового госпиталя назревала буквально с каждым днем, и, наконец, 9 января 1832 г., Николай I повелел приступить к строительству «каменной морской госпитали», с женской больницей и родильным домом при ней.

При этом новое место, обозначенное для госпиталя генеральным планом Кронштадта 1829 г., было признано неудачным, и предполагалось строительство на старом – в северо-восточной части Кронштадта.

Проект госпиталя создавался совсем не просто, рассматривали несколько вариантов. И лишь 25 января 1833 г. Николай I утвердил фасады и поэтажные планы госпиталя. Автором окончательного проекта, по мнению Розадеева и его соавторов, следует считать Э.Х. Анерта, но активное участие в этом сложном деле принимали и врачи Кронштадта.

Николаевский Морской госпиталь

В дальнейшем в этот проект не было внесено никаких значительных изменений.

Расположение госпитальных помещений было очень удобно и для больных, и для врачей. Вдоль главного корпуса и боковых флигелей проходят сквозные коридоры, имеющие значительную ширину. По сторонам располагаются палаты для офицеров и нижних чинов, а также служебные помещения. Второй и третий этажи главного корпуса занимают операционные, а в центральной части – двухэтажная церковь.

Кронштадтский госпиталь был, несомненно, замечательным творением медицинской мысли. «Еще многие помнят в Кронштадте, – писал современник, – как туда, по высочайшей воле, стекались из С.-Петербурга и Варшавы смотрители и инспектора военных госпиталей для изучения устройства и порядка, заведенного в кронштадтском. Высокие посетители, как свои, так и чужеземные, любовались им, и европейской славы хирурги отдавали полную ему справедливость»²⁰⁴.

Кронштадтское морское начальство не раз рекомендовало свой госпиталь в качестве образца для подражания при строительстве госпиталей в различных районах России.

Строительство госпиталя начали в 1833 г., предполагая закончить его к весне 1838 г. Работы вели сначала инженер-подполковник Ф.К. Балъц, а с 1836 г. – инженер-полковник Тата-ринов со своим помощником А.А. Мартыновым. Официальной датой окончания постройки госпиталя считается 1839 г. В действительности освящение госпиталя провели в октябре 1840 г., и, видимо, с этого момента он и начал свою нужную городу работу.

В годы правления Николая I в Кронштадте интенсивно строили и частные дома. План 1829 г. предполагал снос большого числа обывательских домов, так как они мешали строительству зданий Морского или Сухопутного ведомств. Их владельцам предлагали строить новые дома «по хорошим фасадам на назначенных по плану под обывательские дома местах» или переехать в Ораниенбаум, получив компенсацию за свой дом, но этого оказалось явно недостаточно.

²⁰⁴ Морской сборник. 1858. № 7. С. 25.

В очередной раз посетив Кронштадт в 1830 г., император обратил внимание на то, что «большая часть обывательских домов находится в ветхом состоянии и безобразном виде». Чтобы как-то заинтересовать обывателей строить новые дома «лучшего фасада и преимущественно каменных», Николай распорядился выделить 140 тыс. руб. из сумм, «ассигнованных Департаменту военных поселений, для предоставления ссуд застройщикам». Кроме того, генерал-адъютанту П.А. Клейнмихелю поручалось разработать положение об устройстве Кронштадта, на «составление» которого ушло почти два года. После долгих изучений, внесенных дополнений и исправлений Положение было утверждено 4 февраля 1833 г. По нему для руководства строительством был создан Комитет об устройстве г. Кронштадта под председательством главного командира Кронштадтского порта и военного губернатора. В Комитет входили также все главные лица города: командиры всех крупнейших кронштадтских команд, учреждений, служб, кронштадтский полицмейстер, городской голова, два члена от купцов, городской архитектор.

Комитет подчинялся непосредственно начальнику Главного морского штаба. Имея возможность руководить всеми строительными работами в Кронштадте, в том числе относящимися к Морскому и Сухопутному ведомствам, Комитет сосредоточился почти исключительно на строительстве частных домов.

«Положение об устройстве города Кронштадта» является документом весьма важным, и поэтому необходимо привести основные его положения.

«На подлинном собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: „Быть по сему“

Санкт-Петербург

4 февраля 1833 года

Положение об устройстве города Кронштадта

1

Для устройства города Кронштадта учреждается в нем Строительный Комитет.

2

Кронштадтский военный губернатор есть Председатель Комитета, а члены Кронштадтский комендант, капитан над портом, Окружный командир Северного округа Морской Строительной части, командиры инженерных команд Сухопутного и Морского ведомства, Кронштадтский полицмейстер, Городовой Архитектор, Градской Глава и два члена из купцов, по избранию общества.

3

Городовому архитектору, назначаемому в Комитет, сверх получаемого им по штату Кронштадтской полиции содержания, отпускается еще прибавочного жалованья по тысяче рублей в год, из общих городских доходов Кронштадта.

4

Комитет сей состоит под непосредственным Начальством Начальника Главного морского штаба Его Императорского Величества.

5

Комитет вообще заботится:

а) О том, чтобы здания, наблюдению Комитета принадлежащие, **ВОЗВОДИМЫ БЫЛО ПРОЧНО И ПРАВИЛЬНО И СЛУЖИЛИ К УКРАШЕНИЮ ГОРОДА.**

б) Чтобы дома, дворы, заборы, мосты и мостовые на улицах и площадях содержимы были во всегдашней исправности.

6

К устройству города Комитет при себе имеет три способа:

1) вспомогательный капитал;

2) материалы;

3) рабочих.

7

Для составления капитала сего назначается из сумм Военного Поселения сто сорок тысяч рублей.

8

Капитал сей именуется: вспомогательный капитал на устройство Кронштадта.

9

Капитал сей состоит в ведении Комитета об устройстве Кронштадта и находится в сохранной казне С.-Петербургского Воспитательного дома для приращения процентами.

10

Материалы заготавливаются по распоряжению Комитета, на правилах ниже сего разъясненных.

11

Рабочие формируются из арестантов, по особому положению.

12

Постройка нового обывательского строения и перемена фасада в старом не иначе дозволяется комитетом, как по Высочайше одобренным чертежам, на нижеописанном основании. Что же касается до казенных зданий, то фасады оным давать зависит от тех ведомств, кои будут оные возводить, соображаясь в том с предписанными правилами по их ведомствам.

13

Без ведома Комитета никакое обывательское здание не может быть ни вновь построено, ни старое исправлено. Равным образом комитет должен ведать и о всех возводимых вновь и перестраиваемых казенных зданиях: по Морскому и Сухопутному ведомствам чрез членов своих, а по другим ведомствам чрез предъявление сведений от оных ведомств в Комитет.

14

Предметы, входящие в обязанность Комитета, разделяются на четыре разряда:

По части строительной:

1. О вновь возводимых строениях;
2. О старых строениях;
3. О незастроенных местах;
4. О заборах;
5. О мощении улиц, площадей и исправлении мостов.

Пособия:

1. Отпуск материалов;
2. Выдача денежной ссуды;
3. Назначение рабочих.

Порядок производства дел в Комитете.

Отчетность по капиталу.

По части строительной:

1. О вновь возводимых строениях.

15

Каждый из обывателей Кронштадта, желающий произвести постройку дома, или другого строения, входит с просьбой в Комитет и ожидает его разрешения.

16

Комитет составляет для обывателей чертежи и сметы на возведение строений и наружные виды оным дает не иначе, как по фасадам, Высочайше одобренным в 1829 году для постройки обывательских домов Кронштадта и Высочайше утвержденным вообще для постройки в горо-

дах обывательских домов, при чем наблюдает, чтобы здания были красивы, прочны и украшения их не многосложны.

17

При внутреннем расположении строящихся домов Строительный Комитет, соображаясь с желанием хозяев, наблюдает, чтобы оно было полезно для прочности самого строения и чтобы назначение печей и выведение дымовых труб безопасно, и вообще сообразно с правилами гражданской архитектуры.

18

Все строящиеся обывателями деревянные строения, имеющие фасады на улицу, для большей прочности должны быть возводимы на каменных фундаментах.

19

Комитет обращает особенное внимание на способы заложения фундаментов, как в каменных, так и деревянных зданиях, соображаясь с качеством грунта и высотой строения, дабы хозяева, постройки сии производящие, не могли в последствии времени потерпеть от разрушения строения осадкою фундамента.

Примечание 1. Для облегчения обывателей и особенно таких, кои, по усмотрению комитета, окажутся малосостоятельными, дозволяется возводить все нежилые строения на деревянных стульях.

Примечание 2. Сказанное наблюдение Комитета в 17, 18, 19 относительно прочного построения зданий не относится до казенных построек, за кои отвечают те ведомства, коим оные принадлежат.

20

Постройка новых деревянных домов не должна быть допускаема в Кронштадте в следующих улицах: Соборной, Господской, Посадской, Андреевской, Луговой, Павловской, Кронштадтской, Богоявленской, Петербургской и Петровской. По сим улицам дозволяется возводить одни токмо каменные здания; равно одни каменные и в Ильмяниновой улице – в том ее конце, который находится вблизи порохового хранилища, на таком пространстве, на каком признано будет сие надобным, во избежание опасности.

2. О старых строениях

21. Когда обыватели предъявят свои надобности о починке или перестройке зданий, то Комитет чрез своих членов свидетельствует каждое таковое строение.

22. Ежели строение сие в таком виде, что заслуживает быть поправлено, согласно желанию хозяина, то Комитет соображает, можно ли вместе с такою починкою строения исправить и фасад оному, дабы дать лучший вид.

23. Ежели какое здание по ветхости своей не может к починке быть допущено, в таком случае Комитет отказывает в просьбе обывателю, назначает строение к сломке и предоставляет хозяину возвести на место новое здание, делая ему вспоможение по сему положению.

24. Комитет ни в коем случае не позволяет обывателям починивать ветхие строения, не по утвержденным планам построенные.

25...

26...

3. О незастроенных местах

27. Комитет приводит в известность все пустопорожние места в городе и у тех обывателей, коим дана земля от казны под застройку, берет подписки, дабы они непременно застроили оную каменными домами в пять лет, деревянными в три года, со дня дачи подписки.

28. Ежели обыватели откажутся от застройки земли в течение сказанного срока или, давши Комитету подписку, что исполняют сие, но не исполняют, в таком случае незастроенные места, согласно Указу 1805 года июня 24, отбирать от них и иметь в ведении Комитета.

29. Отобранные таким образом места Комитет отводит тем обывателям, кои пожелают оные застроить.

30. Лучшие из сих мест Комитет преимущественно отводит тем обывателям, кои действительно могут построить на них значительные здания.

31. Надворного строения прежде застройки лицевого не позволять, дабы чрез то улицы не имели одних только заборов.

32. Обыватели не могут без разрешения комитета ни продать, ни обменять таких мест, которые даны им от казны под застройку.

4. О заборах

33. Комитет заботится, дабы заборы около домов и огородов, особенно на главных улицах, не были в безобразном виде, и пустопорожные места были обнесены заборами.

34. Все таковые заборы должны быть строимы и переделываемы обывателями по утвержденным от Комитета фасадам.

5. О мощении улиц

35. Мощение улиц относится к непосредственной обязанности обывателей и тех казенных мест, коим оно принадлежит по местному положению строений. Комитет понуждает к ежегодному исправлению мостовых и содержанию улиц во всегдашней исправности и наблюдает за исполнением сего.

36. Комитет заботится, дабы в низких улицах были подземные трубы для воды.

37. Мощение мостовых на площадях и исправление мостов в городе, на обязанности города лежащих, производится по распоряжению Комитета казенными рабочими, и Комитет наблюдает, дабы как мостовые на площадях, так и мосты ВСЕГДА СОДЕРЖИМЫ БЫЛИ В ДОЛЖНОЙ ИСПРАВНОСТИ.

Подлинный подписал Генерал-Адьютант Клейнмихель»²⁰⁵.

Важно отметить, что в положении об устройстве Кронштадта впервые обозначили улицы, на которых не допускалась постройка новых деревянных домов, повторим: Соборная (ныне – ул. К. Маркса), Господская (ул. Ленина), Посадская (ул. Урицкого), Андреевская (ул. Володарского), Луговая (ул. Зосимова), Павловская (Флотская), Кронштадтская, Богоявленская (Интернациональная), Петербургская (Ленинградская), Петровская и Ильмяниновая. Это положение 2 декабря 1837 г. было распространено еще на две улицы: Княжескую (Коммунистическая) и Нарвскую (ул. Мартынова).

По данным Журнала Министерства внутренних дел за 1836 г., в Кронштадте в 1835 г. было улиц мощеных – 19, полумощеных – 6, немощеных – 12; переулков: 1 мощеный и 6 немощеных; площадей: мощеных – 1, утрамбованных – 3; домов каменных – 98, деревянных – 735; колодцев каменных – 6, деревянных – 17; мостов деревянных подъемных – 5, неподъемных – четыре. Население состояло из 26 818 мужчин, 4484 женщин, детей обоюго пола было 1809, всего 33111 человек. В городе работали 99 врачей, 7 аптекарей и провизоров, 3 повивальные бабки, 18 учителей, 2 нотариуса, архитектор.

За год заключено 139 браков, родилось 776 и умер 1771 человек. Такая высокая смертность объяснялась распространением среди военнотружущих чахотки и «нервной горячки»

---

²⁰⁵ ЦГИА СПб. Ф. 192. Оп. 1. Д. 212. Л. 1-32.

среди рабочих. Большинство умерших – солдаты и матросы (958). В городе было двое долгожителей: вдова комиссара 96 лет и вдова плотника 92 лет.

Кроме Адмиралтейства на острове работало десять заводов и фабрик. В том числе казенная канатная фабрика и частные заводы: три салотопленных, свечносальный, водочный, лаковый, пивной и уксусный.

Ремесленников числилось: портных – 12, сапожников – 11, кузнецов – 4, часовых дел – 3, золотых дел – 4, живописцев – 1, цирюльников²⁰⁶ и парикмахеров – 2, и т. д. Лавок в городе – 527. Под домами магазинов: башмачный – 1, табачных – 2, бухарских товаров – 1, мануфактурный – 1, фруктовых и мучных – 3, мелочных лавок – 55, гостиниц и трактиров – 9, кухмистерский стол – 1, кофейных – 4, кондитерская – 1, харчевен – 10, погребов с виноградными винами – 22, питейных домов – 16, штофных лавок – 5, портерных лавок – 7. За год полиция задержала за пьянство 596 человек, за воровство – 134, за грубость – 66, за драку – 59, военных дезертиров – 48 человек²⁰⁷.

После начала регулярного пароходного сообщения с Кронштадтом у петербургской публики появилось новое развлечение, ставшее вскоре весьма модным, – морские прогулки. Кроме того, многие приезжали в Кронштадт проводить друзей или знакомых, отправляющихся на кораблях за границу. По данным В.Я. Крестьянинова, наш великий А.С. Пушкин побывал в Кронштадте четыре раза. 9 мая 1828 г. он провожал своих знакомых – К.А. Полторацкого и Л.К. Виельгорскую, а через несколько дней, 25 мая, Пушкин посетил Кронштадт вместе с А.С. Грибоедовым, П.А. Вяземским, А. Мицкевичем. В третий раз поэт увидел Кронштадт 18 июня 1832 г., провожая А.И. Тургенева и В.А. Жуковского, и почти через год Пушкин наве­ стил Кронштадт в последний раз. Это было 26 мая 1833 г.

Несомненным событием для Кронштадта стало пребывание здесь знаменитого художника И.К. Айвазовского. Летом и осенью 1836 г. он работал в крепости и на кораблях Балтийского флота. Результатом стали несколько замечательных картин с видами Большого Кронштадтского рейда и города с моря. В 2012 г. перед Итальянским дворцом, рядом с памятником Пахтусову, установили небольшой памятник Ивану Константиновичу, возле него положен камень, на котором выбиты слова «От Феодосии – Кронштадту».

Уже упоминалось, что страшным бедствием в Кронштадте, как и в других городах России, были пожары. Особенно страшными были пожары в 1848–1849 гг., когда восемь больших палей уничтожили значительную долю жилой застройки в северной части города. После этого Николай I распорядился дать этому району города «правильное расположение и красивый вид, а возведение деревянных зданий запретить». При этом, по примеру Царского Села, точно установили размеры участков и, более того, регламентировали расположение строений на участке. Ветхие дома, не уничтоженные пожаром, предполагалось сносить, для чего создали специальную комиссию для освидетельствования, назначившую срок их сноса. Владельцы домов на погорелых местах были люди в основном «весьма недостаточные», поэтому им зачастую разрешали строить деревянные дома на каменных фундаментах. Однако места для них отводили самые захудалые, так как на главных улицах разрешалось строить только престижные – «значительные здания».

Таким образом, благодаря деятельности Комитета об устройстве г. Кронштадта в конце 1830-х гг. началось активное строительство частных каменных домов, которые в большинстве с отдельными изменениями дошли до нашего времени.

Автором почти всех проектов застройки Кронштадта с 1830 г. стал городской архитектор Ф.И. Трапезников. Интересно отметить, что Трапезников не был дипломированным специали-

²⁰⁶ Цирюльник (через польск. *cyrulik* от лат. *chirurgus*) – исторически парикмахер и банщик, владеющий элементарными приемами врачевания.

²⁰⁷ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. Крепость, город, порт. СПб.: «Остров», 2014. С. 31–32.

стом. Будучи происхождением из «военно-сиротских детей», он не мог получить систематического архитектурного образования. Начав службу «архитектурным учеником» в Кронштадте, Трапезников в 1824 г. «за отличную и усердную службу» определяется в архитектурские помощники. Состоя помощником А.Н. Акутина, он приобрел колоссальный опыт работы, и это дало ему возможность с 1830 г. исполнять должность «городового архитектора».

Император лично утверждал проекты всех зданий Кронштадта.

Еще одним важным обстоятельством являлось то, что основой почти всего строительства Кронштадта были образцовые проекты. Эти проекты визировались быстро и беспрепятственно. Трапезников освоил некоторое количество этих сравнительно дешевых в осуществлении проектов и тиражировал их с немногими вариациями. Этому способствовало то, что большинством заказчиков являлись купцы, которых не очень интересовали архитектурные изыски, главные критерии для них – простота и дешевизна. Поэтому надо признать, что дома, построенные в этот период в Кронштадте, несколько однообразны, что, разумеется, не снижает их историческую ценность.

Памятник Ф.Ф. Беллингаузену

Когда-то значительную часть острова Котлин покрывал густой лес. Но его постепенно вырубали, и к началу XIX в. остались в совсем небольшом количестве скудные рощи, а также сады и палисадники далеко не у всех домов. Очередной командир Кронштадтского порта адмирал Ф.Ф. Беллингаузен (1779–1852), вступивший в эту должность в 1839 г., оказался страстным садоводом. Появилась настоятельная необходимость в работах по озеленению города. Он и начал активную работу на этом фронте. По его инициативе и при непосредственном участии создали несколько садов и бульваров, самый впечатляющий – Екатерининский бульвар.

В 1848 г. широкую Большую Екатерининскую улицу (ныне – Советская) по всей ее длине разделили на две части. На примыкающей к Обводному каналу улице разбили сквер, позднее превратившийся в бульвар – это и сейчас любимое место гулянья горожан. В 1871 г. бульвар оградили чугунной решеткой, которую в 1887 г. заменили на более изящную, эта решетка сохранилась до наших дней. На бульваре Екатерининской улицы 11 сентября 1870 г. открыли памятник Ф.Ф. Беллингаузену. Средства для сооружения памятника собрали по подписке моряки и жители Кронштадта. Адмирал изображен в мундире, без головного убора, опирающимся на глобус, со свитком карт в руке. Скульптура отлита из бронзы по модели академика И.Н. Шредера и установлена на пьедестале, изготовленном из красного полированного

гранита мастером А.А. Бариновым по проекту архитектора И.А. Монигетти. В верхней части постамента помещен бронзовый герб адмирала и надпись: «Нашему полярному мореплавателю адмиралу Ф.Ф. Беллинсгаузену от его почитателей и сослуживцев. 1870».

В 1837 г. построили крайне необходимое здание Морского манежа, где проводились гимнастические, десантные и артиллерийские учения.

И все-таки жизнь в Кронштадте была весьма непростой.

«Во многих местах нашего города находились тогда грязные, заросшие мхом пустыри, на которых мирно паслись стада гусей и разных домашних животных. Освещения почти не существовало. В ворах и мошенниках недостатка не было. Возвращаться откуда-нибудь вечером, особенно в темные осенние ночи, было небезопасно [...] Люди того времени жили проще, патриархальнее [...] Никакие печали и заботы не сокрушали кронштадтцев, никакие общественные и политические вопросы не волновали их».

И, конечно, в городе не обходилось без болезней. Страдали все, отделить военных от гражданских было крайне сложно. В 1830 г. «была сильная scarlatina, забиравшаяся в помещения женатых нижних чинов». По распоряжению главного врача госпиталя, ведавшего санитарной частью и города, и крепости, помещения для дезинфекции окуривали хлорином.

В следующем году по городу пронеслась холера «в очень сильной степени». Для «охранения города от холеры» была создана особая комиссия под председательством Главного командира. Город разделили на отдельные участки, во главе которых назначили особых «заведывающих». На лечение, дезинфекционные средства и вознаграждение докторов отпустили 30 тыс. руб., не считая частных пожертвований. Всеобщими усилиями удалось болезнь победить, но «осталось много круглых сирот, которых некуда было деть», поэтому был создан временный сиротский дом. Император пожертвовал на его учреждение 5 тыс. руб., и 20 тыс. руб. собрали пожертвованиями. Позднее Николай приказал выделять на содержание сиротского дома 2,5 тыс. руб. ежегодно.

Второе появление холеры в Кронштадте состоялось в 1848 г., но не такой «сильной, как в тридцатых годах». Опыт борьбы с этой заразой уже был, поэтому в этот раз удалось с ней справиться значительно быстрее.

Необходимо привести еще одно мнение о Кронштадте николаевского времени. Оно содержится в скандальной книге «Россия в 1839 году» Астольфа де Кюстина. Мнение, конечно, субъективное, но отражает некоторые любопытные моменты. Например, прибытие в Кронштадт коммерческого судна из заграничного похода.

«Мы прибыли в Кронштадт на заре одного из тех дней без начала и конца, которые мне надоело описывать, но которыми я не устаю любоваться, иными словами, в половине первого по полуночи. Пора белых ночей коротка, она уже подходит к концу.

Мы бросили якорь перед безмолвной крепостью; прошло немало времени, прежде чем пробудилась и явилась на борт целая армия чиновников: полицмейстеры, таможенные смотрители со своими помощниками и, наконец, сам начальник таможни; этот важный барин счел себя обязанным посетить нас, дабы оказать честь прибывшим на борту „Николая I“ славным русским путешественникам. Он имел продолжительную беседу с князьями и княгинями, возвращающимися в Петербург. Разговор велся по-русски, возможно, оттого, что касался западноевропейской политики, когда же дело дошло до сложностей с высадкой на берег, до необходимости расстаться с каретами и пересесть на другое судно, собеседники пустили в ход французский.

Пакетбот, делающий рейсы до Травемюнде, имеет слишком большую осадку и не может войти в Неву; он с крупным грузом на борту остается в Кронштадте, пассажиры же добираются до Петербурга на скверном грязном пароходике. Нам позволено взять с собой на борт этого нового судна самый легкий багаж, но лишь после досмотра, который произведут кронштадтские чиновники. Покончив с этой формальностью, мы отправимся в путь с надеждой

послезавтра обрести свои экипажи, если это будет угодно Господу... и таможенникам, под чьей командой грузчики переправляют их с одного корабля на другой – процедура всегда довольно рискованная, в Кронштадте же рискованная вдвойне по причине небрежности грузчиков». По словам де Кюстина, ожидание пересадки на «грязный пароходишко» было необычайно долгим: «Черные и унылые лодчонки поминутно выходили из города и направлялись в нашу сторону; хотя мы стояли на якоре неподалеку от крепостных стен, кругом царила полная тишина... Ни один голос не звучал в недрах этой могилы; тени, скользившие вокруг нас по воде, были немые, как те камни, которые они только что покинули; казалось, перед нами похоронная процессия, медлящая в ожидании покойника, который заставляет себя ждать. Мрачными, неопрятными лодками правили люди в грубых шерстяных балахонах серого цвета, смотревшие прямо перед собой ничего не выражающими глазами; их безжизненные лица отливали желтизной. Мне сказали, что это матросы местного гарнизона; по виду они походили на солдат»²⁰⁸.

Может быть, автор видел то, что хотел видеть, но «полная тишина» в порту абсолютно невозможна. Порт просто наполнен различными звуками, создающими своеобразную портовую симфонию: разгрузка и погрузка всяческих грузов, зычные команды, постоянные работы в гавани, свистки, гудки...

При желании Кюстин мог бы увидеть, что Купеческая гавань выглядела тогда весьма недурно, ведь именно здесь было одно из любимых мест прогулок жителей Кронштадта. А прибытие кораблей собирало здесь толпы народа: «Начиная от оборонительного западного вала до бастиона, на котором теперь лесная биржа Беляева, стоял ряд медных пяти-пудовых бомбических орудий и несколько десятков пирамид ядер и бомб. Причем первые выкрасили в черную, а последние в белую краску. Затем как бастион, так и стенка до Купеческого угла были вооружены 680-ми фунтовыми чугунными орудиями. У каменного караульного дома устроили платформу с сошками для ружей, будкой для часового и столб с колоколом для вызова караула при приезде начальствующих лиц. Построек для петербургских и кронштадтских лоцманов, а также конторщиков экспедиторских контор в то время не было, внутренняя брандвахта и контора таможенных корабельных смотрителей помещалась рядом с караульным домом, вдоль южной стенки Купеческой гавани»²⁰⁹.

В XVIII в. вскоре после захода солнца кронштадтские улицы погружались в темноту, только на перекрестках и у небольшого числа домов важных персон и казенных зданий горели фонари с масляными лампадками. В первой половине XIX в. ввели спиртово-скипидарное освещение, и на улицах зажигалось около 300 фонарей.

Хоть и расположен Кронштадт на острове, но проблемы с питьевой водой первые двести лет всегда были. Еще в 1804 г. по указанию Александра I Морское ведомство проложило 6-метровые дубовые трубы, соединенные чугунными патрубками, образовав таким образом водяную магистраль с 11 колодцами. Вода из водоприемника поступала в магистраль с помощью водоподъемного механизма, который приводился в действие двумя лошадьми, ходившими по кругу. Кроме колодцев вода подавалась в госпиталь и морские казармы.

Однако качество воды оставляло желать лучшего. В 1824 г. отмечены вопиющие случаи, когда жители брали воду из проводного канала, который «имеет в себе стоячую воду, которая хоть и запрещена в пищу, но жители берут ее под видом для мытья полов»²¹⁰.

Решение заменить сгнившие деревянные трубы чугунными и установить паровую машину наподобие той, которую устроили при военно-сухопутном госпитале на Выборгской стороне в Петербурге, приняли в 1827 г. Кроме того, предполагалось расширить водопроводную сеть города. Архитектор А.Н. Акутин разработал для Кронштадта проект водопровода,

²⁰⁸ Кюстин А., де. Россия в 1839 году. СПб., 2008.

²⁰⁹ Котлин. 1907. № 119. С. 4.

²¹⁰ РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 8. Д. 593. Л. 2.

согласно которому вода подводилась ко всем домам и даже поднималась до уровня третьего этажа (выше тогда домов в Кронштадте не строили). Тогда же Л.Л. Карбоньер, изучив проект А.Н. Акутина и желая сэкономить казенные средства, решил ограничиться подводом воды только к домам – выше, пожалуйста, сами. Таким образом, проект Акутина переработали в соответствии с предложениями Карбоньера.

В 1836–1839 гг. на площади у Петербургских ворот, напротив лютеранской церкви, возвели здание водоподъемной машины (ныне – Ленинградская ул.). Это место определил самим император, который распорядился поставить его так, «чтобы оно находилось от Петербургских ворот в одинаковом расстоянии с лютеранской церковью, стоящей напротив, чтобы образовалась регулярная площадь»²¹¹. При этом и фасад здания приказано сделать подобным этой церкви.

Новый водопровод вступил в строй в октябре 1838 г. Теперь вода самотеком поступала из залива к насосам, которые приводили в действие две паровые машины каждая мощностью по восемь лошадиных сил. Эти насосы поднимали воду в специальный резервуар, находившийся в верхней части здания, а уже из него вода самотеком перетекала в водопроводную сеть, протяженностью около 8 км.

Жители могли набирать воду из водоразборных колонок, а вместо старых колодцев соорудили четыре фонтана: Соборный, Екатерининский, Киселевский и Полицейский. В 1841 г. колодец при водоподъемной машине заменили каменным бассейном. В 1852 г. от Екатерининского фонтана (находившегося напротив нынешнего кинотеатра «Бастион») по дну Обводного канала проложили водопровод к Сухарному заводу. В следующем году построили еще один фонтан – Госпитальный²¹².

Здание водокачки. Сейчас здесь располагается Музей истории Кронштадта. Открытка начала XX в.

Однако этот водопровод обеспечивал только небольшую часть города, и многим жителям Кронштадта приходилось пользоваться услугами водовозов и водоносов, которые заливали воду в бочки и ведра у Петербургских ворот из фонтанов, а иногда могли взять воду и

²¹¹ РГАВМФ. Ф. 84. Оп. 1. 1308. Л. 79.

²¹² Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 79.

из Обводного канала. Брали воду в Средней и Купеческой гаванях. Качество воды оставляло желать лучшего, и с 1859 г. специальный водоналивной бот привозил в Кронштадт невскую воду. Ее можно было получать из специального резервуара на общественной пристани в Купеческой гавани. Во второй половине XIX в. здание водоподъемной машины перестроили, и оно получило современный вид. Сейчас в этом здании располагается филиал Музея истории Кронштадта. В память о кронштадтских водовозах рядом в 2006 г. установили памятник, изображающий водовоза, созданный скульптором Ф.П. Крушельницким при участии И. Андрюхина.

Главной задачей всех кронштадтских учреждений было обеспечение деятельности военно-морского флота. Для этого существовал уникальный доковый комплекс. Старейший, Петровский док уже более ста лет работал без каких-либо переделок и вполне соответствовал потребностям парусного флота. В тот период в нем могли доковаться корабли шириной до 17 м и осадкой до 5,7 м. Однако уже в конце первой половины XIX в. флот начал получать боевые корабли увеличенных размеров. Это вызвало необходимость реконструкции докового комплекса, которую закончили в 1859 г. «При этом увеличили ширину шлюзовых ворот в канале, глубину на порогах до 6,4 м, удлиннили Северный док. Устье канала перестроили так, что можно было ставить батопорт и использовать длинную часть канала как док без строительства временных перемычек. Но подводные каменные основания старых дамб между устьем канала и южной стенкой гавани не позволяли заводить в док новейшие корабли. Поэтому здесь впервые для уничтожения подводных препятствий применили гальванические мины. В результате нескольких взрывов каменные основания были разрушены»²¹³. Но этого было недостаточно, и в 1844 г. построили Николаевский док, который называли еще «двойным пароходным». Он предназначался для сильнейших в мире 120-пушечных парусных линейных кораблей. Док, состоящий из двух частей – северной длиной в 61 м и южной – 70 м, отделил Среднюю гавань от Лесной. Первоначально две паровые балансирные машины низкого давления откачивали воду в течение четырех суток. Вскоре их заменили более новыми машинами и насосами, и теперь на эту работу требовались одни сутки.

Торговые лайбы на Итальянском пруду

²¹³ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 37.

В 1855 г. на берегу Средней гавани между мачтовыми сараями начали постройку Мортонова эллинга, чтобы иметь возможность в сравнительно короткий срок вытаскивать судно на берег, а после необходимого ремонта так же быстро спускать на воду. Длина эллинга составляла 238 м, ширина – 17,7 м. 3 ноября 1860 г. эллинг начал работать, подняв из воды пароход «Владимир». Механизм подъема приводился в действие паровой машиной, изготовленной в Англии.

Однако развитие корабельной техники требовало иметь в Кронштадте более мощное предприятие, таким стал Пароходный завод. О его создании и выполненным им уникальных работах – в следующих главах.

Наряду с военным активно работал в Кронштадте и торговый порт. Например, в 1830 г. в порт на Котлине пришло 759 торговых судов с грузами, в то время как в Петербург только 323. То есть большинство судов разгружалось в гаванях и на рейдах Котлина, так как пройти в Петербург мешал песчаный бар Невы. Затем лихтеры и мелкие суда перевозили товары в Петербургский порт на Васильевском острове и к пристаням Калашниковой набережной (ныне – Синопская), располагавшейся по течению Невы, выше Александро-Невской лавры.

Вид на Малый Кронштадтский рейд

Именно с этим и был связан расцвет Кронштадтского порта. Уже в 1850-х гг. почти весь грузооборот порта Петербурга перенесли на Котлин. Кронштадт ежегодно посещали около 2,5–3 тысяч морских судов, в том числе более 500 паровых. Активная морская торговля, посещение порта различными иностранными судами вызвали необходимость для ряда стран иметь здесь своих дипломатических и торговых представителей. Начиная с первой половины XIX в. в Кронштадте действовали вице-консульства Бельгии, Бразилии, Великобритании, Дании, Испании, Нидерландов, Норвегии, Швеции, Франции и финляндский торговый страпчий.

Кронштадтская таможня

Известный изобретатель генерал Шильдер, желая облегчить судьбу островитян в зимнее время, разработал оригинальный корабль паром-ледопил. Паровая машина приводила в движение установленные в носовой части пилы, которые могли пилить не очень толстый лед. В 1836 г. построили два таких ледопила – «Петр Великий» и «Михаил». Однако пильный механизм оказался настолько громоздким и тяжелым, что движение даже по тихой воде оказалось совсем не быстрым, а во льдах просто медленным. Кроме того, механизм этот имел весьма малую мощность. Поняв всю бесперспективность этой затеи, через восемь лет простоя ледопилы отправили на слом.

В 1826–1827 гг. главным командиром Кронштадта был адмирал Коробка, и с ним случился небольшой казус. Ехал он как-то темным зимним вечером по Кронштадту, и у порта его неприятный возок остановил караульный офицер. На вопрос: «Кто едет?» – лакей ответил: «Коробка». То ли по незнанию, то из-за нахального стремления пошутить офицер спрашивает: «А в коробке-то кто?». Тут уж сам адмирал ответил: «Тоже Коробка!». Что было потом с этим офицером, история умалчивает.

Рассказывают еще такой анекдот. Жил якобы в Кронштадте отставной корабельный смотритель с «редкой» фамилией – Иванов, имевший почему-то прозвище Нептун.

«Проезжая как-то по Кронштадту, Николай увидел, как корова Нептуна топчет цветочные клумбы. Возмущенный император обращается к Нептуну:

– Почему твоя корова топчет мои цветы? Смотри, под арест посажу!

Нептун отвечает:

– Не я виноват.

– А кто?

– Жена.

– Ну, ее посажу!

– Давно пора, – не растерялся Нептун.

Посмеялся Николай да и простил старика».

Николай Павлович правил Россией почти 30 лет. В конце января 1855 г. на свадьбе дочери графа Клейнмихеля он слегка простудился. Вскоре простуда перешла в воспаление легких, и болезнь стала прогрессировать. Лейб-медик Мандт только 17 февраля, за день до смерти, сообщил царю об истинном положении его здоровья. Таким было обещание, данное Николаю полтора года назад – предупредить о неизбежности конца. Император «встретил это известие с полным спокойствием и выразил желание приобщиться Св. Тайн. 18 февраля в

двадцать минут первого пополудни, простившись с императрицей, со всеми членами царской семьи, бывшими в то время в Петербурге, приближенными и слугами, император Николай I скончался».

Он начал правление с восстания декабристов, а закончил, когда уже шла Крымская (Восточная) война. Между этими важнейшими событиями в истории России – подавленные восстания 1831 г. в Польше²¹⁴ и 1848–1849 г. в Венгрии; открытие Николаевской железной дороги и строительство мощнейших фортов Кронштадта, ставших ныне его визитной карточкой.

Было и многое другое, что продолжил его сын Александр II.

---

²¹⁴ События в Польше найдут продолжение в 1863 г., и неожиданно это весьма серьезно скажется на ситуации в Кронштадте.

Кронштадт в годы Крымской (Восточной) войны

Хоть эта война и называется в нашей литературе Крымской, боевые действия, как известно, проходили и на Кавказе, и на Дальнем Востоке, и на Балтике. Причем первым по времени враждебным вооруженным наступлением двух западных союзников против России стало появление британского и французского флотов в Балтийском море. Оно сопровождалось нападением на русские суда, взятием и разрушением крепости Бомарзунд на Аландских островах, бомбардировкой Або (Турку) и других пунктов на побережье Финского залива.

Столица, Балтийский флот и Кронштадтская крепость готовились к отражению возможного нападения. В Адмиралтействе считали, что выйти в море и разбить англичан невозможно. Но отстояться за кронштадтскими укреплениями надеялись твердо. Подавленности духа не замечалось, но близкая опасность чувствовалась уже с февраля. Многие морские офицеры считали и флот, и Кронштадт не вполне готовыми к встрече врага. При этом некоторых увлекала мысль выйти в море и, погибая, все же успеть взорвать и потопить хоть часть неприятельской эскадры²¹⁵.

Осматривавший батареи северного кронштадтского фарватера, знаменитый впоследствии фортификатор полковник Э.И. Тотлебен доносил, что эти батареи «так расположены, что будут поражать друг друга, а не неприятеля». В дополнение к ним решили устроить ряжевые преграды и затопить старые отслужившие корабли и суда. 22 марта начальником сухопутных войск в Кронштадте назначили генерала П.Х. Граббе, и в первые же дни его пребывания в крепости случилось большое несчастье. В 7 часов утра 2 апреля в Кронштадте раздался оглушительный взрыв – взлетела на воздух артиллерийская лаборатория, где производилась «выделка» взрывчатых веществ.

«Господину Военному Министру
Рапорт

Сего числа в 8-м часу утра произошел взрыв в сухопутной Артиллерийской Лаборатории, расположенной за городом на косе. В лабораторном деревянном строении, где насыпались заряды, приготовлено было 74 бочки пороху (222 пуда), и находились 425 зарядов, остававшиеся от вчерашнего заготовления, и которые еще не успели вывезти на форты. Пропорция пороха рассчитывалась на количество зарядов, подлежащих к насыпке

В течение половины дня на работу было наряжено 2 фейерверкера и 40 рядовых гвардейской артиллерии и 9 человек от Кронштадтского Артиллерийского гарнизона. Взрыв последовал тотчас по вступлении людей в покой, и из наряженных на работу погибли все, кроме небольшого числа людей, которые еще не успели дойти до лаборатории. Строение разрушено совершенно, и смежные две лабораторные постройки несколько повреждены, но никакого пожара взрывом не произведено. Из двух часовых, стоявших в ограде, один получил легкий ушиб в ногу, другой же остался невредим.

О причине сего несчастного происшествия назначено следствие, которым и определятся все дальнейшие подробности.

Всеподданнейшее донесение Его Императорскому Величеству сделано Кронштадтским Военным Губернатором.

К продолжению приготовления зарядов приняты надлежащие меры устройством временного прикрития для рабочих из холщевых брезентов.

О чем Вашему Сиятельству поспешно имею честь донести.
Генерал-майор Политковский.

---

²¹⁵ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 594.

2 апреля 1854 г.»²¹⁶.

Причины взрыва выясняла специальная комиссия. Одним из первых 3 апреля допросили подпоручика Г.Ф. Фриневского.

«Ответы подпоручика Крепостной Артиллерии Гарнизона Фриневского:

Прибыл в лабораторию в половине 7 часа, когда назначенная от 2-й артиллерийской бригады команда была уже собрана. Лаборатория отперта тотчас же по приходе моем старшим лаборантом Дмитриевым, погибшим при взрыве.

Люди были введены мною в лабораторию и осмотрены. К работе приступлено не было, и через несколько времени последовал взрыв. По вводе людей я пошел в караульный дом, дабы в оном сделать исчисление, сколько следовало отправить сего числа боевых зарядов в форт Александр и сколько следовало приготовить для других фортов.

Когда я вводил людей в лабораторию, не было налицо фейерверкера 4-го класса Кузьмы Абрамова (в службе с 1833 г. Веры православной. На исповеди и у святого причастия бывал ежегодно, в штрафах по суду не был, грамоте знает), оставшийся в городе для приема колотушек из мастерской.

Меры предосторожности при производстве работ мною были приняты согласно изданного в 1853 году Высочайшему повелению руководства для артиллерийской службы.

Часовых во время работ не находилось. Но надзор за лабораторией имел часовой, стоящий у набивного сарая, сверх того по окончании работ высылались от гарнизона ночные часовые, которые уходили по прибытии моем»²¹⁷.

Подпоручик Фриневский свое дело знал хорошо, хотя звезд с неба не хватал.

«Формулярный список о службе и достоинстве подпоручика Фриневского Григория Яковлевича. В службе с 1835 г. Старшим канониром. 37 лет. Из обер-офицерских детей. В походах не был, особых поручений не выполнял, чинами и орденами не награждался. Скромный – ни рыба, ни мясо. Холост. Лишь в 1845 г. за отличное усердие и неутомимые труды как по приуготовительным работам к обороне крепости Нарва, так и в особенности и в продолжении самых действий [получил] единовременно денежное награждение 72 руб. 50 коп. серебром»²¹⁸.

Опросив всех оставшихся в живых, комиссия установила: «Во время работ люди имели на ногах валенки, пол лаборатории обыкновенно был устлан рогожами и во время самой насыпки зарядов устилался еще кожами, по окончании же работы насыпался снегом и тщательно выметался, все изготовленные в течение дня заряды не могли быть убраны в тот же день, ибо перевозка оных на форты не допускалась в ночное время, обычно – на другой день, печи не топились, ударные и скорострельные трубки и капсюли находились в сундуке за печатями.

Так как все предписанные законом меры предосторожности при насыпке зарядов были соблюдаемы в точности и никаких упущений по сему предмету не замечено и по следствию не обнаружено, то и нет повода допускать какого-либо подозрения, но можно с достоверностью отнести причину взрыва единственно к неумышленной неосторожности кого-либо из находившихся в то время в лаборатории нижних чинов, за смертью коих определить в точности этой причины не представляется возможным»²¹⁹. Таким образом, «за неотысканием виноватых лиц» дело это закрыли.

Балтийский флот срочно довооружался артиллерией. Петербург «обносится с морской стороны батареями», «в Ревель и Гельсингфорс беспрерывно тянутся обозы – большие тяжести, как то пушки, уже все перевезены гужем». Так Е.В. Тарле цитирует письма П.Х. Гейдена

---

²¹⁶ РГАВМФ. Ф. 317. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–1 об.

²¹⁷ РГАВМФ. Ф. 317. Оп. 1. Д. 29. Л. 18–18 об.

²¹⁸ Там же. Л. 26–30.

²¹⁹ РГАВМФ. Ф. 317. Оп. 1. Д. 29. Л. 36.

А.С. Меншикову²²⁰. Весь гребной флот, находившийся тогда на Балтике, привели в готовность. Срочно набирали недостающий личный состав. Линейный флот также спешно чинился и приводился в порядок. Времени терять было нельзя: английская эскадра Ч. Немира уже входила в Балтийское море.

13 апреля король Швеции Оскар I принял Ч. Немира. М. Бородкин пишет, что «адмирал рассказывал морские анекдоты, о трудности плавания Балтийским морем и утверждал, что без высадки многочисленного корпуса нельзя ожидать каких-либо положительных результатов»²²¹. Правда, в комментариях М. Бородкин приводит еще одно свидетельство «откровений» Ч. Немира: «Ранее двух месяцев или я попаду на небо, или возьму Кронштадт»²²².

Швеция, видимо, склонялась к союзничеству с Англией, но ставила «условием, чтобы Австрия ранее нее выступила против России». Русский же двор, доверяя Швеции, предполагал, напротив, изменение обстоятельств в нашу пользу. «Пруссия продолжает быть к нам доброжелательною. Даже умы в Швеции начинают обращаться к лучшему», – писал Николай I князю Горчакову.

Говоря о русском флоте в годы Крымской войны вообще и о Балтийском флоте в частности, Е.В. Тарле делает существенную оговорку. Отсутствие значительного парового военного флота, стоящего на достаточно высоком, современном техническом уровне европейских боевых эскадр, было одной из главных причин проигранной войны. Но, критикуя действия русского флота (особенно Балтийского), Тарле призывает иметь в виду другую очень важную причину, мешавшую оперативности русских морских сил. С самого начала командование, генерал-адмирал и сам император решили отказаться от активных действий на море, для флота предусматривалась, как это бывало и в последующем, «пассивно-оборонительная» тактика. Такое представление о задачах флота гасило всякий наступательный порыв. Не следует, правда, забывать, что оно возникало прежде всего под влиянием сознания технической отсталости и численной слабости русского флота.

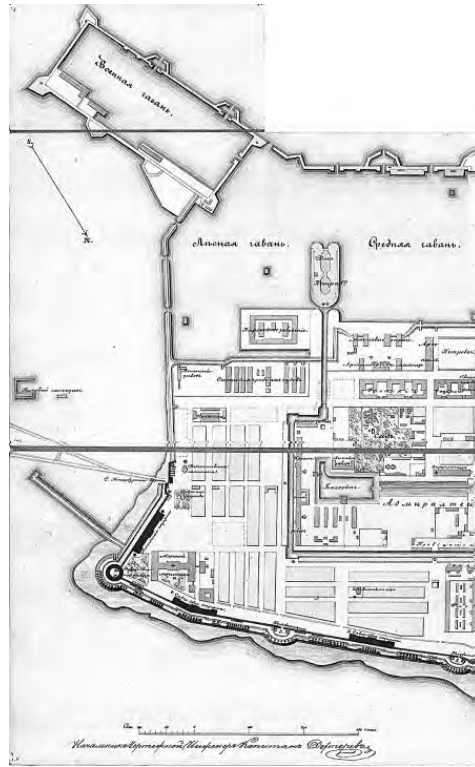
Безусловно, полное несоответствие А.С. Меншикова такому посту, как высшее управление флотом, не могло не сказываться пагубно, и весной 1854 г., когда Непир уже входил в Балтийское море, в Петербурге и Кронштадте говорили иногда, что Меншиков «погубил» Балтийский флот. И тем не менее близкая опасность заставила и на флоте (так же, как и в укреплениях Кронштадта и Свеаборга) многое выправить и кое-какие давние упущения ликвидировать, поэтому говорить о ничтожности Балтийского флота нельзя.

---

²²⁰ Тарле Е.В. Крымская война. Т. 1. М.; Л., 1941. С. 596.

²²¹ Бородкин М. Война на Восточном побережье. 1854–1855. СПб., 1904. С. 195.

²²² Там же. С. 389.

План Кронштадта 1856 г.

Князь А. С. Меншиков

Инженер-генерал И.И. Ден учитывал возможность прорыва неприятельских кораблей с низкой осадкой между фортом «Александр I» и берегом острова Котлин, а также с южной стороны фортов «Павел» и «Кроншлот» непосредственно на Малый Кронштадтский рейд. В этом случае противник попадал бы под огонь лишь небольшого количества орудий, размещенных на флангах этих фортов. В связи с этим инженер-полковнику И.А. Заржецкому поручили разработать проект преград на этих участках.

Предложенный проект предусматривал на участке 420 м на глубине 2,7 м установить 43 ряжа, закрепить их сваями и заполнить камнем. Далее к берегу, на глубине 1,8 м и на протяжении 168 м, отсыпать из булыжного камня подводную гряду. 19 марта 1854 г. сооружение этой преграды началось сразу на нескольких участках. К сожалению, насколько полно была закончена эта работа, по архивным материалам установить не удалось.

28 апреля 1854 г. в Кронштадте состоялся Высочайший смотр собранному там русскому военному флоту. Налицо оказалось: 17 линейных кораблей, 10 фрегатов и пароходо-фрегатов (орудий на этих судах – 1476, не считая артиллерии восьми пароходо-фрегатов). Кроме того, в Кронштадте был еще так называемый «блокшифный отряд», состоявший из трех линейных кораблей, трех фрегатов, одного корвета и пяти пароходов, а также гребная флотилия, имевшая в общей сложности 32 канонерские лодки, одно бомбардирское судно, два парохода и два бота.

Крепость Кронштадт к тому времени состояла из Центральной ограды и отдельных морских укреплений. Батареи косы были «заброшены» и даже не значились в табели вооружения. Их стали восстанавливать только в военное время.

Главная ограда по западной стороне состояла из трех батарей на валах, между которыми располагались Кронштадтская и Цитадельская казармы, имеющие каждая оборонительную полубашню. Валы соединялись с батареей № 1 в северо-восточном углу. Впереди главного рва, на входящих плацдармах, имелось четыре редана²²³, за ними – гласис²²⁴ с двумя проездами и мостами через ров. Вооружение стояло только на открытых батареях; всего – 27 пушек на главном валу, и 15 пушек полагалось иметь в двух башнях, но их еще не установили; на реданах было 12 пушек.

Вдоль всей северной стороны по берегу шла земляная плотина. На ней располагалось семь батарей, на которых вместо 71 орудия, положенных по штату, имелось 50. Сзади находились 4 двухэтажные оборонительные, но невооруженные казармы. Последнюю из них зани-

²²³ Редан – полевое укрепление, состоящее из двух фасов, расположенных в виде исходящего угла (60°-120°).

²²⁴ Гласис (лат. *glatia* – гладкая длинная отлогость) – пологая земляная насыпь, возводившаяся перед наружным рвом крепости, которая улучшала условия обстрела местности впереди главного вала.

мал госпиталь. Между казармами находилась оборонительная стенка, имевшая три оборонительные полубашни, игравшие роль капониров²²⁵. Эта сторона заканчивалась северо-восточной оборонительной башней, на которой полагалось иметь шесть карронад. Впереди располагалась земляная батарея, служившая в то же время плотиной, на которой стояли девять 5-пудовых мортир, а на ее закруглении – 15 мортир вместо положенных 21.

По восточной стороне находились каменная оборонительная стенка с одноэтажной оборонительной казармой и Петербургские ворота с кордегардией. Дальше снова шла стенка с пушечной и ружейной обороной. На этой стороне предполагалось иметь 21 орудие, но стояло всего 11.

Военная гавань имела семь бастионов с прямыми куртинами и один полубастион. Восточный фронт гавани – каменный, остальные же – ряжевые, то есть деревянные. Орудий полагалось 86, но, как и везде, стояло меньше – 60. Средняя гавань ограждалась ряжевым молотом с двумя бастионами и реданом, от Купеческой гавани ее отделяли дамбы канала Петра Великого, здесь располагалось 32 орудия. Эти две гавани почти потеряли боевое значение после постройки батареи «Князь Меншиков», находившейся с восточной стороны Купеческих ворот.

Купеческая гавань была ограждена частью каменной, частью деревянной стенкой с полубастионом, на вооружении полагалось иметь 120 пушек и 12 мортир, из которых стояло 107 пушек, и то старых, 30-фунтовых. Из этого описания видно, что Центральную крепость построили всю, но во многих частях оказались пробелы как в инженерном, так и в артиллерийском отношении.

Основное внимание уделялось обороне южного фарватера, которому придавалось главное значение. Он оборонялся фортами «Кроншлот», «Император Петр I», «Император Александр I», «Константин» и строившимся в то время фортом «Рисбанк». Эти форты находились к этому времени в следующем состоянии:

«Кроншлот» – «бастионного начертания с гаванью внутри, отделанный снаружи гранитом, но еще без Николаевской батареи» – располагал 74 орудиями вместо положенных 139 орудий;

«Император Петр I» «состоял из трех полубашен, соединенных оборонительной стенкой с гаванью внутри для канонерок. Полубашни были с двухъярусной обороной, до амбразур из гранита, выше из плиты, в их казематах стояло 34 орудия и наверху – 26. Гранитная стенка между полубашнями была вооружена 20 орудиями. Тыльная часть стенки с двумя воротами в гавань и раздвижными мостами была вооружена также 20 орудиями. На вооружении стояли все полагавшиеся орудия, но несоответствующих калибров, по большей части это были старые 30-фунтовые пушки»²²⁶;

«Император Александр I», по данным А. Шелова, «имел 551 оборонительный каземат и 12 пороховых погребов; вооружение состояло из 121 орудия, причем 22 помещались на валганге; преобладающий калибр были 3-пудовые бомбовые пушки и пудовые единороги. Форт представлял надежную опору против тогдашнего флота»²²⁷;

«Рисбанк» находился в постройке, близившейся к концу. В плане он представлял очертание, похожее на корону. Фас, обращенный к фарватеру, соединялся с двумя более короткими, а эти последние смыкались четвертым, во входящем углу которого помещались пристань и ворота. «Стены форта одеты гранитом, передний фас и закругленные части были в три этажа, боковые фасы – двухэтажные, а горжевой – в один этаж. Весь форт имел 37 оборонительных казематов, 18 пороховых погребов и три ядрокалительных печи, кроме того, наверху имел

²²⁵ Капонир (от фр. *caponniere* – ниша) – фланкирующее сооружение для ведения флангового огня по двум противоположным направлениям.

²²⁶ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904. С. 121.

²²⁷ Там же.

открытую оборону; подвальный этаж в переднем фасе был приспособлен к метанию конгревовых ракет²²⁸, а в остальных – к жилью. Вооружение его по ведомости 1850 года, пока он был деревянным, состояло из 114 орудий, по табели же 1854 года значилось 220; доминирующим калибром были пудовые единороги. К началу кампании (т. е. Восточной войны. – Л. А.) форт был готов и спешно вооружен»²²⁹;

Форт «Константин» «за ветхостью» был разоружен в 1847 г. Это было деревянное сооружение с гаванью посередине, батарея в два яруса имела на валганге 25 открытых сзади казематов, состоявших из деревянных срубов; далее была такой же системы стенка с воротами в гавань, далее одноэтажный деревянный капонир, от него снова оборонительная стенка с воротами, бонами и двумя мостами²³⁰. К началу войны здесь начались работы по восстановлению боеспособности форта.

Таким образом, центр обороны перенесли исключительно на форты южного фарватера. Первая линия прикрывала устье Большого Кронштадтского рейда. Северный фланг этой линии замыкала батарея № 2 на косе острова Котлин. Батарея имела 20 орудий и защищала фланги и тыл форта «Император Александр I». Сам же форт размещался в середине этой линии.

В преддверии войны, еще 22 июля 1853 г., запретили отпуска и отставки, а с 20 октября у коменданта начались совещания о приведении крепости в оборонительное положение. Через несколько дней было получено предписание иметь по 160 снарядов и по 14 бомб на орудие. Для выполнения этого распоряжения сформировали лабораторную команду из четырех офицеров, а также 50 кадровых «лаборатористов» и рабочих «от войск». Всего следовало приготовить 195 000 зарядов и снарядить 36 600 снарядов. Эта нехитрая, но кропотливая работа не могла быть выполнена так скоро, как хотели в Петербурге, и она продолжалась и в следующем году.

Началось срочное усиление гарнизонов фортов. Прежде всего для подачи сигналов с фортов выделили штурманских офицеров и по три солдата на каждый форт для производства сигналов²³¹.

Флот мобилизовали еще в январе 1854 г. Одновременно академик Якоби получил Высочайшее повеление изготовить подводные мины для обороны Кронштадтского рейда. 27 февраля инженер-генерала Дена назначили «исправляющим должность Кронштадтского генерал-губернатора с правами командира отдельного корпуса в военное время». Вскоре с помощью нашего посланника в Копенгагене Дену стал известен план действий английского адмирала Непира²³². 25 марта крепость объявили на осадном положении, а 12 апреля все назначенные для обороны войска прибыли в Кронштадт. Теперь гарнизон состоял из 44 штаб-офицеров, 257 обер-офицеров, 12 556 нижних чинов. Все практические занятия и стрельбы прекращены, приготовлены места для раненых, для чего всех хронических больных перевели в Ораниенбаумский госпиталь. Комендант крепости и коменданты фортов получили соответствующие инструкции.

«По 10 апреля вооружение Кронштадта по всем фортам, на батарее „Князь Меншиков“, купеческой линии и северной стороне, а также батарее № 1 и 2 на косе приведено и окончено.

²²⁸ Конгрев – английский артиллерист (1772–1828). Один из первых предложил использовать наряду с артиллерией ракеты. В России этими работами активно занимался Константинов.

²²⁹ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 211.

²³⁰ Подробнее о строительстве и судьбе форта «Константин» см.: Амирханов Л.И., Ткаченко В. Ф. Форт «Константин». 150 лет эволюции. СПб., 2007.

²³¹ РГАВМФ. Ф. 317. Оп. 1. Д. 3. Л. 127.

²³² В секретной депеше посланника говорилось: «Непир выдал свой план кампании человеку, которому я вполне доверял и которому он напрасно предлагал 1000 фунтов стерлингов, чтобы он сопровождал его в Кронштадт. Вот этот план: сначала он постарается взять Ревель, затем флот пойдет в Кронштадт, мелкими судами произведет ложную атаку с севера, чтобы бомбардировать и сжечь город, и, пользуясь замешательством, главные силы форсируют южный проход вдоль Кронштадта. Он попытается взять Свеаборг и с двойными силами даст морское сражение» (цит. по: Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. С. 214).

Остается вооружить западную сторону [...] и поставить несколько батарей на северной стороне. Медленная установка орудий на этих частях крепостных верков произошла „от мерзлой по сие время земли“».

Однако орудийной прислуги катастрофически не хватало, поэтому было приказано: «С 13-го числа начать обучение сих команд на самых батареях и укреплениях, как действию при орудиях, так и прочим обязанностям. Всех чинов содержать при оных постоянно, не перемениать без особенно крайней надобности и не употреблять ни в городской караул, ни в какие другие должности»²³³.

На «каменные» форты и большие батареи кроме комендантов, бывших в то же время и артиллерийскими начальниками этих укреплений, назначили еще следующих лиц: плац-адъютант, инженерный офицер, штурманский офицер для сигналов, заведующий полицейской частью, заведующий продовольствием; распределены были мастеровые и арестанты, назначавшиеся исключительно для каления ядер. Государь приказал, чтобы на всех фортах были подняты гюйсы. В обычное время гюйс поднимался только на форту «Кроншлот», позднее его перенесли на сигнальную батарею, расположенную в купеческой гавани. В данном случае поднятие гюйсов на всех фортах означало, что они вооружены и готовы к бою.

25 апреля при письме великого князя Константина Николаевича прислали четыре иконы, пожалованные императрицей Александрой Федоровной, «с чистой и теплой молитвой», как сказано в письме. Иконы предназначались: на форт «Император Петр I» – образ св. апостола Петра, на форт «Император Павел I» – св. апостола Павла, на форт «Император Александр I» – св. князя Александра Невского и на «Кроншлот» – св. Николая Чудотворца. Эти иконы долгое время хранились на фортах в киотах и исчезли, скорее всего, после 1917 г.

Главное наблюдение за устройством всего вооружения возложили на генерал-адъютанта Философова 1-го, бывшего начальником штаба главнокомандующего гвардейским и гренадерским корпусами Его Императорского Высочества Государя Наследника.

По получении сведений о численности гарнизона была составлена инструкция его размещения и определено, какое число должно быть в постоянной готовности. Войска, назначавшиеся для артиллерийской обороны разных частей крепости, и их резервы располагались близ своих батарей. Полагалось как в крепости, так и на фортах иметь в постоянной готовности артиллерийской прислуги на одну треть орудий, остальным выходить по тревоге. Общий резерв разделили на четыре части, размещавшиеся близ Цитадельских ворот, Северо-восточной башни и на Петровской площади. Главные силы располагались между Цитадельскими и Кронштадтскими воротами для того, чтобы возможно было скорее выдвинуть их на косу.

В то же время составлено «предположение» об обороне в различных случаях боя, заключавшееся в следующих пунктах:

«1) Действия со стороны Северного фарватера в случае, если неприятель направит туда гребную флотилию, желая атаковать или производить стрельбу;

2) При попытке неприятеля высадиться на косе;

3) Если неприятельский флот, вступив в бой с фортами Александр и Рисбанк, имел бы для овладения с горжи гребные суда;

4) Содействие морских средств для обороны Кронштадта».

Для усиления противопожарных средств из «обывателей» по добровольному их желанию составили 6 пожарных участков.

Инструкция обороны крепости для коменданта, присланная на рассмотрение, подверглась критике, в особенности со стороны бывшего в то время коменданта вице-адмирала Шулепникова; судя по заметкам, это очень не понравилось генералу Дену, ее составителю. Коменданта поддерживал генерал

²³³ РГАВМФ. Ф. 317. Оп. 1. Д. 3. Л. 130.

Политковский: они требовали полевой артиллерии для противодействия десанту и писали, что отражение высадки не так легко, как кажется. На защиту косы назначили 6 батальонов, то есть 3000 человек. Вице-адмирал Шулепников писал: «От такого числа нельзя ожидать успеха потому, что Англичане, благодаря паровым судам, могут произвести высадку в 15–20 тысяч, и пароходы могут поддерживать такой десант не только ядрами, но и картечью; высадутся они на оба берега и поведут в то же время атаку на форты, а потому шести батальонов недостаточно». Хотя генерал Ден и сделал резкое замечание на это, но последовал благоразумному совету и при появлении неприятеля сам хлопотал об усилении гарнизона.

12 апреля в Кронштадт уже вступил первый батальон учебно-карабинерного полка, за ним прибыли и другие части. К 5 мая было донесено о готовности крепости, и государь «сделал» тревогу, сам осмотрел все и, оставшись довольным порядком, выразил в приказе свое монаршее благоволение всем штаб-офицерам. К 6 июня представили ведомость размещения войск, в которых состояло: 43 штаб-офицера, 329 обер-офицеров и 17 110 нижних чинов, в том числе 10 % рекрутов²³⁴. По укреплениям расписано 16 штаб-офицеров, 104 обер-офицера и 6303 нижних чина – больше, чем предполагали, вследствие постройки на косе двух батарей. Остальные люди составляли резерв и несли караульную службу; из них 2000 человек ежедневно высылались на работы, причем 400 из них строили батареи на косе, остальные были рассыпаны по разным работам.

5 июня инженер-капитан Тило назначен для устройства на Лисьем Носу гавани на 64 канонерских лодки.

12 июня показался неприятельский флот, и для войск, расположенных на косе, дана следующая диспозиция: «Выставить казачьи пикеты и выслать разъезды. Если суда станут на якоре вблизи крепости, то конную артиллерию под прикрытием казаков и роты пехоты расположить у кладбища. Когда замечены будут приготовления к высадке, то двинуть из крепости 6 полевых орудий с тремя ротами и расположить их у люнета (позднее названного люнетом Политковского. – Л. А.). При высадке значительных сил по общей тревоге весь гарнизон займет места по указанию командующего войсками».

Утром 14 июня англо-французская эскадра остановилась на траверсе Красной Горки²³⁵. Она состояла из 13 винтовых кораблей, 3 фрегатов, 8 пароходов и 7 парусных судов, всего 31 выпел. Зрелище было впечатляющим, и полюбоваться им приезжали даже из Петербурга. Днем пароходы подходили ближе к Кронштадту, и три судна провели рекогносцировку северной стороны. 15-го с рассветом конной артиллерии и полевым орудиям приказано было занять места, а в случае приближения неприятеля открыть огонь. В 9 часов утра четыре парохода подходили к южному рейду, но вне досягаемости артиллерии фортов, а один из них делал промеры у «Александр-Шанца»²³⁶ на «дальний пушечный выстрел». В 10 часов пароходы направились на северную сторону. Генерал Ден, излагая свою диспозицию, просил разрешения высадить с флота несколько экипажей для усиления резервов на случай десанта, но Николай I вместо этого приказал перевезти два батальона из Ораниенбаума. Пришли четвертые батальоны лейб-гвардии Литовского и Гренадерского императора Австрийского полков, 17 июня неприятельский флот ушел в море.

Сейчас же начали вновь хлопотать об усилении крепости. Генерал Ден просил оградить северный и южный фарватеры ряжами, стоимость которых определялась в 183 тыс. руб.; попе-

²³⁴ Рекрут (от фр. *la gessue* – снова выросший) – новобранец, человек, выбранный на службу. В России с 1705 по 1874 г. – солдат, попавший на службу по рекрутской повинности. В 1874 г. ее заменила всеобщая воинская обязанность, и слово «рекрут» было заменено словом «новобранец».

²³⁵ Деревня на южном берегу Финского залива. Через 60 лет здесь будет построен один из крупнейших фортов Кронштадтской крепости.

²³⁶ Имеется в виду форт, построенный еще в 1730 г. на месте крепости Св. Александра, предшественницей которой была Толбухинская батарея на Котлинской косе.

рек косы возвести ряд укреплений для обеспечения от бомбардирования в случае занятия косы, добавить орудий на люнеты, разобрать на «Кроншлоте» ветхий второй этаж NW-й батареи до возведения нового сооружения и во всех фортах усилить защиту пороховых погребов. Весь проект был одобрен, и начато его выполнение.

Чтобы поднять боевой дух своих подчиненных, 30 июля 1854 г. комендант форта «Император Петр I» направил генерал-майору Политковскому прошение об изготовлении своеобразной мишени: «Имею честь всепокорнейшее просить ходатайства Вашего Превосходительства о разрешении мне на свой счет сделать небольшую мишень с изображением Англичанина. Эту мишень я утвержу на якорь в расстоянии ружейного выстрела от форта и надеюсь, что все нижние чины наперерыв один пред другим будут стараться достигать цели»²³⁷.

Однако столь смелое предложение Политковским было отвергнуто:

«Коменданту форта Петр I

По докладу предоставления Вашего от 30 июля 1854 г. Г.[осподин] Исправляющий должность Кронштадтского Военного Генерал Губернатора для необходимого обучения стрельбе в цель нижних чинов гарнизона форта Император Петр I изволит предоставлять Вам устроить обыкновенную мишень, с установлением оной на ружейный выстрел от форта, о чем и уведомляю Вас к зависящему исполнению»²³⁸.

Пользуясь отсутствием неприятеля, с августа начали заботиться о будущем. Государь приказал к весне сформировать и обучить прислугу на все орудия крепости, для чего назначили четыре гарнизонные артиллерийские роты, два Финляндских батальона, шесть батальонов резервных бригад 2-й и 3-й дивизий. Численность всех батальонов велено довести до 920 человек, лишние три батальона резервных дивизий вывести в Ораниенбаум. На фортах оставить караулы для охраны вооружения, в Центральной крепости гарнизона не иметь. Несмотря на осеннее время, из лагеря пришли 5-е батальоны лейб-гвардии Литовского, Волынского, Гренадерского Императора Австрийского полков, и все работы усиленно продолжались до 15 октября, когда войска были свезены с фортов.

1 ноября сняли осадное положение и крепость оставили – на военном. Управление командующего войсками закрыли, генералы Ден и Политковский уехали в Петербург, а в командование оставшимся гарнизоном вступил генерал-майор Швебс, начальником гарнизона остался военный губернатор главный командир генерал-адъютант Литке. Работы по возведению рязевых заграждений продолжались.

В декабре была получена выписка из журнала Комитета о защите берегов Балтийского моря, который считал Кронштадт хорошо обеспеченным, гарнизон достаточным, если его усилить матросами, снятыми с кораблей. Он только обратил внимание на меры против высадки на косе и признал полезным устройство береговых батарей впереди Ораниенбаума для содействия нашей флотилии канонерских лодок. На северном берегу считал достаточным существовавшую уже батарею на Лисьем Носу. В Сестрорецке береговые батареи признаны бесполезными, так как завод «прикрыт местоположением», высадке же в другом месте батареи не могли препятствовать, а потому оборона Сестрорецка входила в систему защиты подступов к столице.

---

²³⁷ РГАВМФ. Ф. 317. Оп. 1. Д. 97. Л. 1.

²³⁸ Там же. Л. 2.

Внутренний вид форта «Кроншлот». Середина XIX в.

Флотом предполагали воспользоваться следующим образом. Паровую эскадру, состоящую из винтового корабля, фрегата и девяти пароходов, предполагалось «употребить блоками: четыре корабля – на Северном, остальные – на Южном фарватере». Канонерских лодок – 106 гребных и 17 паровых, сухопутные войска – 18 с половиной батальонов пехоты, 4 роты гарнизонной артиллерии, 2 батареи и 2 эскадрона – должны были быть на местах к 1 апреля. Флот мог доставить знающих офицеров для командования морскими батареями. Таким образом, защита Кронштадта передавалась в руки моряков из-за недостатка опытных артиллеристов. Их было велено «распределять только как инструкторов. Иначе нельзя было и сделать, так как на артиллеристах лежали еще громадные лабораторные работы, еще далеко не оконченные». Самыми полезными на тот момент признали 2-пудовые бомбовые пушки.

В конце 1854 г. продолжалось вооружение фортов «Петр I», «Кроншлот», на «Рисбанк» перевезли 24 единорога, в Купеческой гавани соорудили основания для мортир.

В январе 1855 г. в крепости находилось 911 орудий разного калибра, но по-прежнему не хватало опытных артиллеристов, в частности, командиров батарей. 26 февраля командующим войсками в Кронштадте назначается генерал-майор Демидов 1-й, а заведующим всей артиллерийской частью – Свиты Его Величества генерал-майор Шварц. В апреле началась постройка Ключинской батареи, нескольких добавочных пороховых погребов, а к концу месяца на форты перевезли войска со знаменами. На вооружение «косных» батарей ежедневно назначались 1200 человек от флота и прибывших запасных батальонов Великолуцкого егерского, 8-го князя Меншикова и Егерского князя Кутузова, а также от лейб-гвардии Измайловского резервного полка.

Все, что можно было, привели в боевую готовность. На косе поставили казачьи пикеты, открыли лазарет на 160 человек, везде назначили перевязочные пункты. Для комендантов фортов разработали специальную инструкцию. «Инструкция

Для комендантов отдельных фортов и укреплений Кронштадта, а также для чинов на оные назначенных.

1. Настоящая инструкция заключает в себе определение обязанности Комендантов фортов и прочих отдельных укреплений, на пунктах им вверенных, по приготовлению к действиям,

и по внутреннему порядку, а также обязанностей лиц, назначаемых в форты и укрепления по разным частям.

2. Комендант форта есть вместе и начальник всей артиллерии, в форте находящейся.

3. Ему подчиняются все войска и чины, гарнизон форта составляющие.

4. В помощь ему назначаются:

Флотский штаб-офицер,

Плац-адъютант из числа офицеров гарнизона форта,

1 или 2 инженерных офицера,

Штурманский офицер для сигналов,

Офицер или чиновник для исполнения обязанностей полицеймейстера и для заведования пожарной частью,

Медик,

Иеромонах.

Расписание числа сих лиц в каждый форт и поименное их назначение объявляются в приказах военного Генерал-Губернатора.

Комендант обязан:

По строевой части

1. Сделать расчет офицерам и нижним чинам, дабы каждый из них мог немедленно и без замешательства занять свое место, и сколь можно чаще в разное время по тревоге собирать прислугу к орудиям, и распускать оную не прежде, как сделав с соблюдением всех правил двух или трех примерных выстрелов, выбирая для этого орудие по своему усмотрению.

При расчете артиллерийской прислуги иметь в виду, что в числе оной заключаются и подносчики снарядов и зарядов из пороховых хранилищ равно и хозяева погребов, которые выдают заряды подносчикам.

2. В одной трети прислуги, предназначенной постоянно и безотлучно находиться при орудиях, иметь полную прислугу при одном из трех орудий, дабы в случае тревоги и надобности третья часть орудий, имея при себе полную принадлежащую оной прислугу, могла немедленно по сигналу приступить к действию.

[...]

4. Все находящиеся на фортах и батареях нижние чины, хотя и рассчитанные к артиллерийской прислуге, должны быть обучаемы действию при орудиях, дабы в случае убыли людей из артиллерийской прислуги иметь возможность немедленно заменить их другими

По действию из орудий

1. Перед началом действия приготовить к орудиям принадлежность, положить в трубчонки трубки, зажечь фитильные ночки и пальники и положить в корок заряды.

2. Затапливание ядрокалильных печей стараться производить столь заблаговременно, чтобы в минуту надобности к употреблению ядра были достаточно накалены.

В обыкновенное же время в печах для каления иметь постоянно полное число накатных ядер и сверх того другой комплект в самом близком от печей расстоянии.

3. Зарядить немедленно орудия и навести оные по прицелу на 850 саж. расстояния от батарей к середине фарватера.

4. Каждая батарея не должна открывать огня из орудий прежде того, когда неприятельский корабль будет находиться на расстоянии 850 саж. от батареи, что будет указано для фортов Император Павел I и Император Александр I со створных знаков, поставленных на косе в некотором расстоянии от батареи № 2, для других же фортов и батарей – с форта Император Павел I.

Комендант загородной батареи № 2 принимает в свое заведование означенные створные знаки, служащие для показания момента, когда неприятельские корабли будут подходить на пушечный выстрел с фортов Император Павел I и Император Александр I. Наблюдение за этим

поручить надежным людям, и когда неприятельский корабль, подходя к фортам, будет приближаться к линии, определяемой этими знаками, то поднять красный флаг на сей предмет отпущенный, на мачте, служащей одним из знаков. По поднятии флага действия с фортов Император Павел I и Император Александр I открываются следуя указаниям в 14 и 15 сей инструкции.

Примечание: Если неприятель станет бросать ракеты и разбирать ряжи или будет атаковать какую-либо часть, тогда все орудия, которые могут нанести ему вред, открывают огонь и на дальнейшее против 850 саж. расстояние, рикошетно или дав орудиям большее возвышение.

5. Комендантам фортов Император Павел I и Император Александр I иметь в виду, что сигнал со створного знака относится только до кораблей, плывущих серединой фарватера, те же, которые будут заходить во фланги фортов, могут и не прийти на эту линию, и потому комендант не должен для таких ожидать сигнала для открытия огня.

[...]

11. Как по тревоге, так и для обыкновенного ученья в фортах, батареях и в частях самой крепости людям выходить в шинелях, в боевой амуниции, касках и с ружьями, на батареях, открытых во время ученья и действия, быть в касках и амуниции, в казематах же снимать каски и надевать шапки.

[...]

14. При появлении идущего с моря судна под русским военным флагом брандвахтенный пароход должен делать ему опознавательный сигнал. Не получив удовлетворительного ответа, означенный пароход немедленно поднимает при двух пушечных выстрелах желтый флаг, который будет служить условным знаком, что идущее под русским военным флагом судно есть неприятельское.

Коменданты отдельных фортов и сухопутных батарей №№ 1 и 2 открывают против оногo в определенном расстоянии огонь, сообразно правил сей инструкции. Когда же идущее судно на сделанный оному опознавательный сигнал даст ответ удовлетворительный, то означенный пароход извещает Кронштадтский порт и стоящие на рейде суда особым сигналом, что судно действительно русское военное.

На каждом осмотренном купеческом судне, к допущению которого в порте не будет препятствия, брандвахтенный пароход поднимает синий треугольный (брандвахтенный) флаг в знак того, что оно может быть допущено в порт. Если же купеческое судно будет подходить к гавани без этого знака, то командирам фортов и батарей следует останавливать оногo выстрелами сначала мимо направленными, а когда оногo не послушает, то пустить его ко дну.

15. Для отклонения всякого недоразумения в точном определении момента, когда именно форты должны открывать огонь против идущих судов, ибо легко может случиться, что красный флаг на мачте будет поднят ранее или позднее, чем будет известно по осмотре брандвахты, какое идет судно, т. е. свое или неприятельское, постановляется правилом: поднимать на мачте красный флаг при проходе чрез створные знаки всякого судна, т. е. и своего, и неприятельского, и потом при проходе оногo флаг опускать и вновь поднимать при каждом новом прохождении судна, огонь же с фортов Император Павел I и Император Александр I открывать по означенным в 14 сигналам брандвахтенного парохода, пока оный будет занимать положение между фортами или впереди оных, при отступлении же парохода за означенные форты, и когда находящиеся на них Морские офицеры удостоверят, что судно неприятельское, огонь с фортов открывать по сигналу, со створного знака подаваемому.

Указания эти относятся собственно, как выше упомянуто, до фортов Император Павел I, Император Александр I. С прочих же фортов огонь открывать по позывным флагам с форта Император Павел I.

[...]

18. Обязанность флотских штаб-офицеров, назначенных на форты Император Павел I и Александр I, состоит в том, чтобы при появлении неприятельских судов и при нападении оных

на форты следить за всеми их движениями, и вообще обращать внимание Комендантов на все те положения неприятельских судов, в которых огонь фортов может быть наиболее им вреден.

19. Плац-адъютант как помощник коменданта по письменной и распорядительной части на форте употребляется соответственно своему званию и ведет очередь наряда в должность и в караул по форту.

20. К обязанностям инженерных офицеров на фортах относятся исправление всех повреждений, как случайных, так и от действий неприятельских. [...] Им же поручается наблюдение за исправным состоянием ядрокалильных печей.

[...]

21. Штурманскому офицеру поручается сигнальная часть на фортах и исполнение по одной тех правил, которые ему в руководство даны будут.

22. Полицеймейстеру вверяется наблюдение за всем наружным и внутренним порядком на форту, в особенности за прибывающими и отбывающими судами, грузом, билетами их, чистотой и опрятностью вообще, в особенности же в отхожих местах (для сего исключительно употреблять арестантов), за обращением с огнем при топке в кухне и жилых помещениях и особенно при калении ядер, за пожарной командой, готовностью оной во всякое время к действию и за исправностью инструмента, из коего все необходимое для самого быстрого потушения пожара должно быть под рукой и в безопасном месте. Людей, постоянно назначаемых в пожарную команду, обучает и за расторопность их во время пожара отвечает.

При отправлении больных и раненых в городской госпиталь полицмейстер обязан принимать все нужные меры к безвредной для них доставке и успокоению во время пути, особенно от погоды.

[...]

24. Находящиеся на фортах иеромонахи должны совершать в известные дни богослужение при собрании гарнизона и исполнять все требы, в коих встретится надобность, подавая гарнизону постоянно пример строгого благочестия и одушевляя оный к исполнению священного своего долга»²³⁹.

Подписали инструкцию исправляющий должность кронштадтского военного генерал-губернатора инженер-генерал Ден и начальник штаба генерал-майор Политковский.

В конце марта для защиты правого фланга форта «Император Александр I» на расстоянии 925 м к западу со льда установили 158 ударных мин системы Э. Нобеля, а для защиты левого фланга форта «Павел I» – 217 таких же мин. Затем были поставлены мины на северном фарватере.

На южном фарватере в начале мая в четыре линии поставили 200 гальванических мин системы Якоби. Таким образом, образовалась сплошная линия, перекрывающая весь южный фарватер. В линии ударных мин Нобеля оставили проход, загражденный минами Якоби. Мины были поставлены достаточно глубоко, и лайбы проходили через заграждение свободно, но 8 мая одна наткнулась на мину и затонула.

Наконец 15 мая 1855 г. вечером появилась неприятельская эскадра в составе 13 винтовых кораблей, одного парохода и семи канонерских лодок. Она вновь бросила якорь недалеко от Красной Горки. Командовал эскадрой вице-адмирал Р. Дондас, имевший репутацию толкового командира. Адмиральский корабль и пароход стояли до вечера в виду Кронштадта. На другой день неприятель захватил несколько лайб, но больше ничего не предпринимал. 18 мая к английской эскадре присоединилась французская под командованием адмирала Пено. Теперь флот союзников насчитывал 70 вымпелов.

В эти дни (точнее, ночи, так как неприятель находился совсем рядом) в 4 км западнее фортов «Александр I» и «Павел I» поставили минное заграждение из 12 гальванических мин.

---

²³⁹ РГАВМФ. Ф. 1360. Оп. 1. Д. 44. Л. 137–147 об.

Кабель вывели к береговой батарее № 2. В боевую готовность гальванические мины приводились дежурными офицерами, которым предписывалось: «При движении на Большом рейде неприятельских кораблей [...] иметь батареи в готовности и проводники соединенными»²⁴⁰.

19 мая в Кронштадт приехал Николай I, он «входил на телеграф и смотрел на неприятельский флот». Затем, находясь на косе, приказал называть батарею № 1 батареей генерала Граббе, № 2 – адмирала Литке, люнет № 1 – люнетом генерала Швевса, № 2 – генерала Политковского, редут, не имевший до этого ни номера, ни названия, – редутом генерала Дена.

20 и 21 мая два неприятельских парохода делали промеры на северном фарватере в шести верстах от заграждений. Наши канонерки вышли им навстречу, пароходы сразу же отступили. А на следующий день, 23 мая, император посетил форты «Александр I» и «Константин».

28 мая четыре неприятельских парохода подошли к северному фарватеру, но вновь наши канонерки их отогнали. Французские газеты писали о том, что два парохода, «Merlin» и «Firefly», пострадали от мин. Однако на вопрос императора, справедливо ли это, генерал Ден ответил, что, судя по положению мин, пароходы не могли их коснуться. Кроме того, наблюдатели ничего не видели, а потому Ден не придавал значения сообщениям газет. Неприятель вылавливал мины и не подходил близко ни к одному укреплению. Это заставляет предполагать, что союзники опасались мин. Правда, их заряд был настолько мал, что вполне можно было не заметить взрыва. Были взрывы мин или нет, сейчас уже не установить. По крайней мере очевидно, что не присутствие мин заставило соединенную эскадру отказаться от намерения атаковать Кронштадт, разумеется, если таковое намерение вообще имело место.

Подрыв английских кораблей на русских минах

От мин пострадали, видимо, больше свои, кронштадтские нижние чины. 28 апреля к форту «Александр I» прибило «пиротехническую мину». Дежурный по форту офицер в это время находился не на дворе форта при нижних чинах, собравшихся к ужину, а «был в кухне для наблюдения за раздачей пищи из котлов».

²⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 930. Оп. 49. Д. 351. Л. 76.

Этот эпизод лучше всего передает письмо, полученное комендантом форта «Кроншлот» из Управления кронштадтского военного генерал-губернатора: «В дополнение к приказу от сего числа за № 12 (от 1 мая 1855 г. – Л. А.) нужным считаю предупредить Ваше Высокоблагородие о принятии всевозможных мер осторожности для избежания последствий случившегося на форте Александр I происшествия от взрыва пиротехнической мины, которая принесена была водою к форту, поднята с камня одним рядовым из гарнизона и внесена по незнанию о свойстве ее действия в форт, где произошел взрыв оной, и несколько человек нижних чинов получили более или менее значительные ожоги.

Мера означенной осторожности должна состоять в том, чтобы в случае ежели подобная мина (имеющая вид конического ведра) будет нечаянным образом прибита к форту или батарее, то отнюдь не позволять нижним чинам трогать оную, а доложить Вам, и коль скоро при оной будет находиться ударный аппарат, то считать ее подверженною взрыву при малейшем к аппарату прикосновении. В сем последнем случае или произвести взрыв мины ударом по аппарату с достаточного расстояния, чтобы оный не причинил вреда людям, вблизи находящимся, или, оставя оную под надзором, немедленно дать знать об этом в Управление Генерал-Губернатора.

Ваше Высокоблагородие, не оставите принять это к точному и неперемennomу исполнению»²⁴¹.

Упомянутый приказ № 12 от 1 мая 1855 г., подписанный начальником штаба крепости генерал-майором Политковским, предписывал: «Господам Комендантам строжайше наблюдать, чтобы дежурный Офицер исполнял в совершенной точности свою обязанность, и не отвлекаем был от оной никакими посторонними поручениями, как то: присутствием при раздаче пищи, вина и т. п., что относится к прямому наблюдению ротных Командиров и других Начальников, а неослабно наблюдать за сохранением на форте и батарее предписанного порядка, и не дозволением нижним чинам произвольно, без предварительного осмотра, вносить во внутренность форта или батареи каких-либо вещей, взятых из воды или привозимых с собою при возвращении из крепости»²⁴².

Тем временем весь неприятельский флот ушел в море и вернулся лишь 8 июня, расположившись по обе стороны от Толбухина маяка²⁴³.

Так как неприятель часть мин на северном фарватере выловил, то 9 июня там установили еще 246 мин, а 13 июня показалось, что союзники предполагают высадить десант на северный берег. Для защиты Сестрорецка к нему двинулась бригада пехоты. На следующий день один пароходофрегат и две канонерские лодки подошли к Сестрорецку на расстояние пушечного выстрела. Открыв огонь из всех орудий, неприятель обстреливал весь берег ядрами и гранатами в течение часа. Но, к счастью, был ранен лишь один человек да повреждено несколько дубов в заповедном парке²⁴⁴.

20 июня неприятельские канонерки открыли огонь по лайбам, стоявшим под Ораниенбаумским берегом, затем эти же канонерки сделали два выстрела по форту «Павел I» и один – по «Александр I», но дистанция была слишком большой.

24 июня в 5 часов вечера английская канонерская лодка с баркасом на буксире подошла к редуту Ден на 3,5 км и дала три выстрела. Одно ядро упало близ люнета «Политковский», другое – у кладбища. В ответ было сделано пять выстрелов, и лодка отошла к флоту.

---

²⁴¹ РГАВМФ. Ф. 1360. Оп. 1. Д. 414. Л. 199–199 об.

²⁴² Там же. Л. 200.

²⁴³ Толбухин маяк – первый кронштадтский маяк, который начали строить в 1719 г. Расположен к западу от Котлина на расстоянии 7 км. Сначала именовался Котлинским маяком, в 1736 г. переименован в честь полковника Ф.С. Толбухина. Первая башня была деревянной, в 1810 г. построена каменная, по проекту Л. В. Спафарьева.

²⁴⁴ Амирханов Л.И., Рудакова Л.П. Сестрорецк во время Крымской войны // История Сестрорецка и его окрестностей. Т. 2. 2007. С. 147–154.

На следующий день три канонерки и пароход союзников подошли к фортам «Павел I» и «Александр I» на дистанцию около 4 верст, с которых только что установленные 60-фунтовые пушки сделали по два выстрела. Стреляла и батарея Литке.

Несмотря на присутствие неприятеля, работы на батареях продолжались. 5 августа закончилось вооружение новой батареи на «Кроншлоте», которую государь повелел именовать Николаевской.

Эскадра союзников находилась в виду крепости до начала июля. В первых числах августа генерал Ден подал записку генерал-адмиралу, в которой писал: «...полагаясь на защиту канонерских лодок, считаю излишним возобновление батарей на Северном фарватере, но во избежание таких потерь, как в Свеаборге²⁴⁵, полагаю [...] для усиления Александра и левого фланга косы на месте Константиновской батареи построить новую на 16 орудий». Всего предполагалось установить дополнительно 112 орудий, и эти работы начались, но в августе соединенная эскадра покинула Финский залив, обстреляв по пути кроме Свеаборга еще несколько населенных пунктов на побережье Финляндии.

2 ноября было снято осадное положение, крепость оставлена на военном. В марте 1856 г. крепость начали переводить на мирное положение. 21 мая приказом военного министра сформирован штаб военного генерал-губернатора, но еще долго в Кронштадте можно было слышать солдатскую артиллерийскую песню про адмирала Непира:

*Он, поднявши кверху нос,
Поклялся пред светом,
Что наемный их матрос
Разобьет нас летом.*

*Берегись, хвостун Непир!
Вздор язык твой мелет;
Ведь за это бомбардир
Прямо в глаз прицелит.*

*Нам сказал Великий Князь:
«Молодцы, ребята».
Мы врага затопчем в грязь,
Не сдадим Кронштадта.²⁴⁶*

Основной удар союзники нанесли по Севастополю. Здесь русские построили по тому же принципу, что и «Александр», двухэтажные казематированные форты «Михайловский» и «Константин». Последний весьма успешно действовал против французского флота: корабль «Albion» едва успел сделать два выстрела, как 4–5 бомб, выпущенные с форта, разорвались в его борту. В результате вспыхнул пожар, и корабль был отбуксирован на безопасное расстояние. На «Retribution» и «London» удачными выстрелами сбили грот-мачты. И эти корабли также вышли из боя.

---

²⁴⁵ 28-29 июля 1855 г. англо-французская эскадра беспрепятственно обстреливала Свеаборгскую крепость, причинив ей весьма серьезные разрушения. Особенно пострадал линейный корабль «Россия», по непонятной причине поставленный в Густав св ер деком проливе, имея на вооружении всего одну пушку. Подробнее см.: *Светоторжеский В.С. Корабль «Россия» во время бомбардирования Свеаборга 28 июля 1855 г. // Цитадель. 2000. № 1 (9). С. 15–24.*

²⁴⁶ Вокруг света. Плавание корвета «Аскольд». Из записок Максимова. СПб., [6. г.] С. 7.

Кронштадт при Александре II

Во всех публикациях, посвященных Крымской войне, указывается, что она показала отсталость России во всех важнейших аспектах, в военно-морском флоте в частности. При этом глава Морского ведомства князь А.С. Меншиков самоуверенно, если не сказать нахально, писал Николаю I в отчете за 1851 г.: «Постройка и вооружение судов постепенными улучшениями доведены до такого состояния, что предметы усовершенствования по этой части, которые бы заслуживали у нас подражания или введения, становятся с каждым годом все малочисленнее и ничтожнее».²⁴⁷

Один из образованнейших людей своего времени, остроумец, чьи афоризмы быстро разносились по Петербургу в виде анекдотов, он был сухопутным генералом, не имевшим ни малейшего опыта морской, как, впрочем, и инженерной службы.

Необходимость в реформах назревала, и, вступив на престол, император Александр II начал их готовить, за что и получил звание «Царя-Освободителя». Однако крепостная реформа не входит в тему этой книги, поэтому ограничимся военно-морскими и крепостными делами. Особая роль здесь принадлежит великому князю Константину Николаевичу (1827–1892), второму сыну императора Николая I.

Великий князь Константин Николаевич

По отзыву своего внука, князя Гавриила Константиновича, Константин Николаевич был «одним из культурнейших людей своего времени, самым умным и образованным из лиц императорской фамилии». Спасибо за это надо говорить воспитателям, которые занимались с великими князьями. Константин Николаевич с самого раннего детства испытывал сильнейшее влияние двух незаурядных личностей – Василия Андреевича Жуковского и Федора Петровича Литке. Жуковский – талантливый русский поэт – занимался со всеми детьми Николая I, в том числе и с будущим императором Александром II. Капитан 1-го ранга Ф.П. Литке, назначенный воспитателем Константина Николаевича 3 ноября 1832 г., к этому времени уже был опытным мореплавателем. Его метеорологические и гидрографические изыскания в северных широтах на бриге «Новая земля» и на шлюпе «Сенявин» во время кругосветного плавания были широко известны и по достоинству оценены в научных и морских кругах.

---

²⁴⁷ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 362. Л. 23 об.

Адмирал Ф.П. Литке

И вдруг ученый-путешественник, полный разнообразных идей и замыслов, оказался в роли гувернера при пятилетнем мальчике. Но приказы, а тем более императорские, не обсуждаются. И Федор Петрович сделал для России, может быть, гораздо больше, чем смог бы, путешествуя по бесконечным морским просторам. Литке предстояло воспитать будущего главу русского военно-морского флота, и он с этой задачей справился великолепно. Приучая молодого великого князя к морю, Литке 2 июня 1833 г. писал своей сестре Наталье: «...настает время маневренное. Государь – в Красном Селе, скоро будут и здесь лагеря; шуму, стукотни и всякой всячины будет довольно; но все это до нас маленьких не касается. Мы ездим себе на море всякий день, или катаемся в пруду, или на маленьких шотландских лошадках – ропеу...». Настоящий моряк воспринимает море как родной дом, он умеет не только управлять парусами, но и хорошо плавать, это умение почти через 20 лет очень пригодится Константину Николаевичу. Но настоящему моряку нужна еще и светлая голова, способная воспринимать новое, анализировать происходящее и принимать решения. Общение с Ф.П. Литке научило великого князя очень многому и, главное, помогло раскрыть необыкновенный масштаб его личности и государственного деятеля.

Это общение прервалось весной 1839 г., когда Литке, нуждавшийся в лечении, отправился искать его в Европе. За четыре месяца разлуки Литке написал своему воспитаннику множество писем, проникнутых уважением и вниманием к 12-летнему мальчику. Но самое интересное, что после возвращения Федора Петровича переписка не прекратилась. Более того, к ней присоединился В.А. Жуковский. Литке считал, что «письма – суть как бы зеркало человека, в котором он отражается как живой».

Однако письма письмами, а служба службой.

Определив Константина Николаевича на морскую стезю, Николай I назначил четырехлетнего сына генерал-адмиралом флота и шефом Гвардейского экипажа. Его восхождение по лестнице морских чинов отметим в краткой статистической манере: мичман (1834), лейтенант (1843), капитан (1844), капитан 1-го ранга (1846), контр-адмирал, шеф Морского кадетского корпуса (1848), вице-адмирал (1853), адмирал, шеф 29-го флотского экипажа (1855).

Разумеется, морские походы великий князь совершал ежегодно. Дотошными историками подсчитано, что он в общей сложности до 1878 г. совершил около 50 плаваний, в течение которых провел на море 1375 дней, то есть более трех с половиной лет.

Одним из важных дел, которым Константин Николаевич занимался в свободное от морских путешествий время, было составление нового Морского Устава, которое началось в 1850 г. и успешно завершилось в 1853-м. Великий князь возглавлял занимавшийся этим Комитет, задача которого была, казалось, несложной. Николаевское время характеризовалось оби-

лием кодексов, законов, правил, которые представляли собой своды изданных в разное время положений, постановлений, дополненных несколькими новыми статьями. Все это требовалось систематизировать и привести в удобоваримую форму. Но Константин Николаевич решил создать устав, который отражал бы новейшие достижения морской науки и практики и не уступал бы по своему уровню лучшим европейским уставам. Поэтому он считал необходимым приступить к составлению устава лишь «по внимательном соображении законов прошедшего времени, узаконений иностранных и мнений всех отличных моряков». И действительно, отдельные положения проекта рассылались адмиралам и некоторым офицерам с предложением прислать на них свои замечания. Константин Николаевич лично изучал полученные замечания и предложения, а их было около 4500 (!), и составил новый проект, который представил на окончательное рассмотрение Комитета.

Будущий министр внутренних дел П.А. Валуев писал: «Могло ли бы все это быть сделано, если бы судьбами Морского министерства ныне не правила твердая рука генерал-адмирала, носящего титул императорского высочества?».

В январе 1853 г., в связи с отъездом А.С. Меншикова в Константинополь, Константин Николаевич вступил во временное управление Морским министерством. Но так как Меншиков вплоть до своей отставки в Петербург больше не возвращался, то именно с этого времени Константин Николаевич начал свой почти 30-летний путь управления флотом. Опыт составления Устава определил порядок законодательных работ и в дальнейшем: историческое обозрение законодательства, изучение иностранных законоположений и гласное обсуждение проекта реформы – эти три элемента стали обязательными при подготовке преобразований в Морском ведомстве.

После нескольких месяцев знакомства с делами начались перемены в личном составе управления. Одно из них окажется очень важным: управлявший второстепенным Ревельским портом Ф.П. Литке назначается главным командиром Кронштадта. Начавшаяся вскоре Восточная (Крымская) война подтвердила правильность этого решения. В том, что союзники не решились атаковать Кронштадт ни в 1854-м, ни в 1855 г., огромная заслуга именно Ф.П. Литке, сделавшего все возможное для защиты Кронштадта.

Крымской войне предшествовал весьма неприятный случай. В начале июля 1854 г. из Санкт-Петербурга в Кронштадтскую военную гавань доставили ботик, построенный на Охте по модели, присланной великому князю из Америки. Константин Николаевич приказал вооружить ботик мачтой с парусами в шлюпочной мастерской, которой заведовал тогда шлюпочный мастер Александр.

17 июля великий князь после завтрака в 1 час пополудни изволил съехать с корабля «Лефорт» на своем 16-весельном катере и отправился в военную гавань для осмотра некоторых работ, а затем к шлюпочному сараю, где стоял под парусами новый ботик.

Осмотрев его, Константин Николаевич сел на руль и предложил сопровождавшим его лицам садиться. «В кормовом сидении» поместились контр-адмирал К.И. Истомин, адъютанты Квеликого князя капитан-лейтенант князь Е.А. Голицын и П.Ю. Лисянский (сын известного мореплавателя Ю.Ф. Лисянского), а на баке разместились капитан-лейтенант Ф.О. Юшков и бывший при вооружении ботика унтер-офицер Михеев.

Константин Николаевич приказал своему катеру, которым правил Гвардейского экипажа отставной боцман Русначенко, взять ботик на буксир и выходить за портовые ворота, так как «в гавани ветер не действовал на паруса». Выйдя метров на 20 за ворота, великий князь командовал: «Отдать буксир», и катер остался «сушить весла» в ожидании дальнейшего приказа. Тут же Константин Николаевич приказал ему следовать за ботиком.

Ботик направился к Ораниенбауму, но через две минуты резкий порыв ветра положил ботик на борт. Еще через мгновение ботик «черпнул воды в люки» и – перевернулся. Позднее, будучи вице-адмиралом, Лисянский вспоминал, что ботик имел «недостаточный балласт

и неуравновешенную парусность, в результате чего руль постоянно ходил под ветром». Константин Николаевич выскочил за борт, за ним – Голицын и Юшков.

Катер на веслах направился к ботику. Константин Николаевич и Юшков плыли навстречу катеру, и вскоре гребцы подняли их на борт. Истомин, Лисянский и Михеев держались за мачту, пока ботик не погрузился на дно вместе с мачтой. Гребцы катера Аникеев, Федоров, Косарев, Татаров и Мендель, опытные пловцы, прыгнули в одежде в воду. Аникеев и Косарев помогли терпящим бедствие спастись, а Федоров, Татаров и Мендель ныряли, пытаясь найти Голицына. Но это не удалось, как выяснилось позднее, он был «ушиблен люком при падении в воду».

На катере Константин Николаевич сел «в загребное весло», а Лисянский по другую сторону, чтобы согреться, и направились к «Лефорту». Константин Николаевич и Юшков пробыли в воде около 15 минут, остальные – более 20. Спасители были награждены: Русначенко получил 100 рублей, 16 гребцов – по 25. Кроме того, Русначенко и пятеро прыгавших в воду получили серебряные медали «За спасение погибавших». Великий князь помогал смелым матросам и позднее: в 1875 г. Русначенко служил в его «дворце при библиотеке», а Федоров – в его квартире в Кронштадте.

Лисянский вспоминал, что великий князь плыл так высоко поднимая плечи, что «эполеты оставались сухими [...] и сейчас он носит те же очки и часы, которые имел при себе в тот день».

Смерть отца, Николая I, для Константина Николаевича имела последствием «более самостоятельное положение и вызвала его к самобытной деятельности». Новый император, Александр II, через четыре дня после вступления на престол уволил А.С. Меншикова от всех должностей и повелел своему младшему брату «по званию генерал-адмирала управлять как флотом, так и Морским Министерством». И при этом «распоряжаться морскою частью по собственному усмотрению».

Для флота наступило время серьезных перемен. Несостоятельность морских сил империи требовала решительных мер, и сила возрождающегося флота виделась Константину Николаевичу основанной, во-первых, на опытном профессионально образованном личном составе, во-вторых, на высоком качестве и техническом совершенстве боевых кораблей и, в-третьих, на эффективной, оперативной и в то же самое время дешевой администрации.

Лучшим способом воспитания «истинных моряков» Константин Николаевич считал дальние и кругосветные плавания, при этом требовалось совершенствование морского образования на фоне просветительской деятельности «Морского сборника».

Теперь дальние плавания русских кораблей стали регулярными. И именно в Кронштадте они готовились к походам. В 1872 г. один из лучших деревянных кораблей Балтийского флота корвет «Аскольд» вывели из дока, и началось его «вооружение». «Офицеры и матросы как бы преобразились: в док вначале ходили скучные и угрюмые; на вооружение же начали ходить весело и с охотою. Несмотря на то что для матросов работы были трудными и утомительными, они ходили домой постоянно с песнями и веселым гоготом. Впереди команды бегал козленок с выкрашенными рогами и с бубенчиками на шее – козленок, назначенный идти с нами в кругосветное путешествие для увеселения и потехи матросов. С каким достоинством, бывало, выступал он, как бы путеводитель веселых расходившихся матросов, и с какой безумной храбростью, рогами вперед бросался он на всякого, осмелившегося преградить ему путь!»²⁴⁸ Вот было веселье и кронштадтским мальчишкам!

Константин Николаевич самолично провожал корвет в это плавание. Он прибыл в Кронштадт на яхте «Стрельна». Осмотрев в очередной раз Кронштадт, великий князь на паровом катере перешел на «Аскольд». После тщательного осмотра корабля он «вышел на верхнюю

---

²⁴⁸ Вокруг света. Плавание корвета «Аскольд». Из записок Максимова. СПб., [б. г.]. С. 2.

палубу и, обошедши ее в последний раз, подошел к командиру, обнял его и, поцеловав по русскому обычаю три раза, сказал:

– Прощай, отправляйся с Богом!

Затем подошел к офицерам:

– Прощайте, господа, желаю вам счастливого и благополучного плавания. Жду от вас, что вы поддержите вдали от родных берегов честь русского флага.

После этого обратился к команде и громким звучным голосом приветствовал:

– Прощайте, молодцы! Надеюсь слышать об вас только хорошее. Будьте бравыми молодцами и поддержите славу русских моряков.

– Счастливо оставаться! Рады стараться! Ура!!! – раздался единодушный, радостный и восторженный крик, эхо которого далеко разнеслось по заливу кронштадтской гавани»²⁵⁰.

Трогательно было накануне и прощание матросов со своими женами. В казарме перед переселением на «Аскольд» можно было увидеть такие сцены:

«На одной из нар сидят муж и жена. Муж, сильно подвыпивший, крепко обнимает свою сожительницу и ласково утешает ее. Жена хнычет и жалуется:

– Ваня, голубчик, на кого ты меня покидаешь! Хошь и жили как собака с кошкой, а все-таки тошно расставаться.

– Эх, не плачь, Аксинья, душечка, может еще свидимся! А что еду – на то царская воля: ей не перечь. Ну а коли много бил тебя, за то прости, Аксинья, душечка; за эфто самое четыре года бить тебя не стану, – утешает матросик, крепко обнимая свою дражайшую половину. Последняя утешается этим непреложным выводом и перестает хныкать; муж же, одолеваемый винными парами, понемногу склоняется и сладко засыпает на коленях своей нежной супруги»²⁴⁹.

²⁵⁰ Цит. по: Соколов А.К. Кронштадт: история длиною в 300 лет. С. 265.

²⁴⁹ Там же. С. 6.

Памятник клиперу «Опричник» в Летнем саду Кронштадта

Корвет «Аскольд» благополучно вернулся в Кронштадт, как и обещал матросик своей жене, через четыре года. Однако не все плавания оканчивались возвращением. Трехмачтовый клипер «Опричник» 24 июня 1858 г. отправился из Кронштадта на Дальний Восток. Здесь до осени 1861 г. экипаж занимался описью и зарисовками побережья, определением глубин и прочими исследовательскими работами. 31 октября 1861 г. «Опричник» под командой капитан-лейтенанта П.А. Селиванова вышел в обратный путь, но в Кронштадт так и не прибыл. Предположительно, клипер со всем экипажем погиб в Индийском океане во время тайфуна.

В память о русских моряках, погибших в море, в Летнем саду Кронштадта 31 октября 1873 г. открыли памятник клиперу «Опричник». Авторы памятника неизвестны, но, по данным Музея истории Кронштадта, гранитные валуны пожертвовал кронштадтский купец В. А. Волков, а их обработку выполнил, также безвозмездно, купец Иконников. Андреевский флаг из чугуна и якорь изготовили на Кронштадтском паровом заводе.

Памятник мичману А.А. Домашенко, пытавшемуся 9 сентября 1827 г. спасти погибающего матроса, но утонув вместе с ним

Считалось, что Россия не состоянии сравняться с Англией и Францией по численности морских сил, поэтому задачей в области кораблестроения ставилась необходимость «иметь флот, который качествами своими не уступал бы никакому иностранному и только числом судов мог бы считаться слабее». При этом корабли следовало строить исключительно на русских верфях, ведь это, как справедливо утверждал Константин Николаевич, «употребляет наши русские материалы, образовывает своих мастеровых и соделывает нас в морском отношении независимыми от иностранцев».

Что касается административного управления, построенного на новых началах, то оно должно было служить залогом успешного решения всех остальных проблем. «Новые начала» заключались в упрощении структуры управления и уменьшении числа чиновников, с тем чтобы «средства, предоставляемые государственным казначейством Морскому министерству, употреблялись преимущественно на боевые силы флота [...] и сколь можно менее расходовались на прочие учреждения морского ведомства».

И главное – что все эти положения усилиями Константина Николаевича и его помощников претворялись в жизнь.

Простое перечисление всех преобразований в Морском министерстве и на флоте заняло бы много места, но следует отметить спуск на воду 15 августа 1872 г. нового корабля «Петр Великий». Именно с него началось возрождение российского флота – строительство новых мощных броненосцев и крейсеров.

Но мы, как обычно, забежали несколько вперед.

Жизнь города

Северная часть нынешнего проспекта им. Ленина и Кронштадтской улицы когда-то называлась «Козьим болотом». Здесь, по преданию, было топкое место, на котором, тем не менее, паслись козы одного из кронштадтских начальников. Козы перевелись, а место это засыпали, и образовалась площадь с названием Козье болото. Постепенно здесь сложился рынок, на котором с открытием навигации окрестные крестьяне торговали своими урожаями. Причем пошлиной эта торговля не облагалась.

«На Козьем болоте можно видеть детей, вынесших корзины с домашним хламом для торговли. Мальчик лет 9 с папиросой в зубах ожесточенно торгуется, не стесняясь в выражениях, прося надбавить еще рубль за какую-то ветошь.

А вот совсем не человекообразное существо с какой-то звериной сладострастием раскладывает принадлежности электрического звонка: кусочки проволоки, кнопки, маленькую батарейку, еще какие-то грязные вещи. Все это тут же чистится ладонями рук. По виду рабочий, а по приемам маньяк плюшкинского типа. Но что обиднее всего – это торгующие матросы»²⁵⁰.

Позднее рынок сформировался на пространстве, ограниченном нынешними Соборной, Кронштадтской и Владимирской улицами на протяжении от Павловской улицы до Северного бульвара. Здесь располагалось множество деревянных лавок, ходили лоточники. Пожар 1868 г. все это уничтожил. Но городская Управа построила против Гостиного двора ряд новых лавок, которые примыкали к каменной стене, ограждающей служительские флигели.

«Кронштадтский вестник» писал об этом рынке в 1870 г.: «Подходя в праздничный день к нашей толкучке, вы издалека уже слышите неопределенный шум, гул. По мере приближения, шум этот становится явственнее. Наконец, вы яснее различаете отдельные звуки, то восклицания, выражающие: радость, горе, гнев, то просто ни то ни се; то выкрикивание названий продаваемых вещей, то брань, крики, песни и даже нередко плач.

Посреди всего этого раздаются жалкие музыкальные звуки: гармонии, подержанной скрипки, старой гитары и пискливого кларнета.

Когда вы подойдете к самой толкучке, то видите огромное сборище народа, представляющее собой самую разношерстную, какую только можно себе вообразить, толпу. В состав ее входят в большом количестве матросы и солдаты, мужички, посадские, дети, женщины, евреи, татары и прочие. Присутствие матросов в фуражках с белыми чехлами делает толкучку совершенно пестрою.

Толпа эта волнуется, ходит взад и вперед по рынку – „толчется“, поднимая своими ногами пыль или меся грязь, смотря по погоде, пуская изо рта огромные клубы махорочного дыма и заражая воздух миазмами.

Торговый элемент ее составляют следующие лица: женщины, по большей части старушки, с руками по самое горло увешанными сорочками, платками всевозможных цветов, полдюжины мальчишек с теми же предметами; матросы преимущественно с обувью разнообразных видов и качеств; небольшая часть мужичков, мещан, евреев, татар – с разными разно-

---

²⁵⁰ Цит. по: Соколов А.К. Кронштадт: история длиною в 300 лет. С. 265.

стями, начиная с часов и кончая какой-нибудь ни на что не годною дрянью. В числе продаваемых вещей попадаются: разных видов и качеств одежда и обувь, концы веревок и ремней, подержанные гармоны и другие музыкальные инструменты, на которых играют сами продавцы, привлекая покупателей; чайницы, старые лампы, шкатулки, подсвечники, ружья и т. д. и т. п.

В одном месте несколько человек посадских обступили моряка, продающего поношенные матросские башмаки по 5 копеек за пару. Башмаки скоро разбирают. Посадские тут же их и одевают, бросая свои опорки на произвол судьбы, по-видимому, без всякого сожаления.

В другом месте толпа окружила избитого в кровь, за покушение запустить в чужой карман руку, посадского. „Так и нужно, так и нужно, еще мало прибили!“ – кричит толпа. Сконфуженный индивидуум, притворяясь пьяным, утирая кровь платком и лавируя, скрывается бесследно в толпе.

Пройдя толкучку и свернув налево, по направлению к католической церкви, в углу площади, занимаемой „козьим болотом“, вы видите несколько штук коров, привязанных к загороди. Они тоже продаются. Продавцами, тут же на корточках, без предварительного омовения сосцов и собственных рук, производится процесс доения.

В соседстве с коровами, по другую только сторону изгороди расположились человека три-четыре цирюльников с татаринном во главе. Устройство цирюльни в высшей степени просто. Под открытым небом, около изгороди, поставлены на землю две-три скамейки, несколько табуреток – и цирюльня готова! Принадлежности для бритья: бритвы, мыло и прочее укладываются на плоской верхней доске изгороди, по другую сторону которой, как нам уже известно, стоят коровы. Брадобреи народ хороший! Некоторые от излишнего употребления спиртуозного едва стоят на ногах, но, несмотря на это, должность свою правят без особенных приключений, ни носов, ни ушей никому не отрезают. Плата за стрижку волос 5 копеек, а за бритье бороды – 3 копейки»²⁵¹.

Просвещенный XIX век отразился в Кронштадте появлением первой газеты. Первая попытка состоялась в 1859 г.

На такое непростое дело отважились два человека. Один из них – В.В. Керр, владелец типографии, располагавшейся на Господской улице (современный адрес – пр. Ленина, 33). Его типография существовала с 1844 г. под названием «В. Керр и К^о». Второй – чиновник Морского ведомства Р.Я. Кочетов, служивший в Кронштадте заведывающим Морским архивом.

Заручившись моральной поддержкой военного губернатора Кронштадта вице-адмирала Ф.М. Новосильского и великого князя Константина Николаевича, они в 1858 г. подали соответствующее прошение в Главное управление по делам печати и, получив разрешение, с 1 января 1859 г. объявили подписку.

Кочетову удалось получить субсидию Морского министерства на издание газеты, и 4 февраля вышел первый номер «Кронштадтской газеты». Теперь по средам и субботам жители Кронштадта могли ознакомиться с обширной информацией, размещенной в рубриках: «Распоряжения начальства» (то есть Морского министерства), «О привезенных товарах», «Городской листок», «Объявления» (о движении судов в порту), «Метеорологические наблюдения». Публиковала газета и сведения об общественной жизни Кронштадта. Например, бал, состоявшийся в Морском собрании, вызвал негодование автора, написавшего: «Когда-то выйдет у наших дам из моды варварский обычай сверлить в мочках ушей дыры для привешивания камешков?»²⁵².

По подписке в Кронштадте стоимость газеты составляла 2 руб. 75 коп., а с пересылкой в Петербург – 3 руб. 30 коп. Однако успешным в финансовом смысле это предприятие назвать

²⁵¹ Цит. по: Соколов А.К. Кронштадт. С. 259–260.

²⁵² Цит. по: Степанов С.В. «Кронштадт – наш путь исходный». Кронштадтские морские газеты XIX – начала XX в. // Эра пароходов. История парового судоходства и судостроения: материалы третьей междунар. науч. – практ. конф. Луга, 2013. С. 98.

было нельзя. Кочетов, появившийся в Кронштадте всего на два дня, работал без помощников, которым ведь надо было бы платить. К тому же газета постепенно теряла

популярность из-за множества официальных материалов, и 23 декабря 1859 г. вышел последний номер газеты.

Однако нашлись молодые офицеры, подхватившие упавшее знамя. В декабре 1860 г. они решились на создание в Кронштадте еженедельной морской газеты, единогласно избрав в качестве редактора лейтенанта (с 1886-го – контр-адмирал) Н.А. Рыкачева (1833–1891). После того как они сформулировали основные принципы такого издания и получили соответствующие разрешения, первый номер «Кронштадтского вестника (Морского и городского листка)» вышел 2 июля 1861 г. Печатала газету та же типография В.В. Керра, и по четвергам и воскресеньям жители Кронштадта получали возможность познакомиться с морскими новостями и другими интересными материалами. В 1865 г. редакция газеты переехала на Соборную площадь, находившуюся у Андреевского собора, в дом Никитина. В 1869 г. в этом доме открылся книжный магазин, в котором можно было купить книги по морской тематике, различные пособия для занятий в гимназиях, книги для детей. Здесь же можно было подписаться на все русские газеты и журналы. Любопытный магазин существовал с 1874 г. на «Горе» в Сиротском доме. Здесь продавались педагогические игры, издания «первоначального общества дам в Петербурге». Имелся широкий выбор елочных украшений, письменных принадлежностей и других товаров.

Газета «Кронштадтский вестник» стала необыкновенно популярна в Кронштадте, так как Рыкачеву удалось привлечь к сотрудничеству лучших морских офицеров Кронштадта. Достойного материала было очень много, и с 1867 г. газета стала выходить три раза в неделю. Интересно отметить, что, на основании цензурного устава того времени, фамилии авторов не указывались, а сообщались только по требованию Министерства внутренних дел или судебных органов.

Типография «Кронштадтского вестника»

Газета распространялась по подписке, но была, хоть и ограниченная, розничная торговля, а тираж в 1870-х гг. составлял небывалое для Кронштадта того времени количество – тысяча экземпляров! Продавали газету в городе специальные продавцы, одетые в черное пальто с

белыми кантами и серебряными пуговицами. На фуражках имелась надпись «Кронштадтский вестник». В 1878 г. этих продавцов было шесть человек, причем продажная цена была строго фиксированной.

Но некоторым этого показалось недостаточно. Владелец типографии, печатавшей «Кронштадтский вестник», В.В. Керр в 1865 г. начал издавать «Листок объявлений», который распространялся в Кронштадте, Петергофе и Ораниенбауме. Газета, выходявшая по вторникам, четвергам, субботам и воскресеньям, была небольшой – всего одна полоса, но в ней помещались рубрики: «Распоряжения Кронштадтского городского начальства», «Казенные объявления», «Частные объявления», «Указатель» (реклама). В 1866 г. добавился забавный раздел «Вести и слухи». Тогда же воскресный выпуск стал четырехполосным – добавился литературный отдел.

В «Листке» печаталась реклама книжного магазина купца Надбальева (Господская улица, дом Блинова), торговавшего детскими книгами и игрушками. Большое место занимали различные объявления: о съеме квартир, найме прислуги и т. п. Иногда попадались сообщения весьма оригинального содержания. Например, сообщение о находке в море недалеко от Ораниенбаума чертежей шхуны, которые «доставлены в редакцию „Листка объявлений“ для выдачи потерявшему». Или такое: «В Кронштадтской артиллерийской роте находится не известно кому принадлежащая свинья. Хозяин приглашается за получением с доказательствами на принадлежность оной в вышеупомянутую роту»²⁵³.

Любопытное издание выпускал Керр с мая по август 1865 г. Это «Корабельный листок», выходявший ежедневно и публиковавший данные о прибытии кораблей и судов в Кронштадтский порт, сведения о государственной принадлежности корабля, его товарах и капитане.

Узость рекламных рамок не позволяла Керру сделать «Листок объявлений» более популярным, и в 1868 г. он превращает его в «Кронштадтский листок». В первом номере, вышедшем 4 января, Керр обозначил задачу нового издания: дать «возможность касаться интересов общих для каждого русского, и иметь на первом плане нашего издания вопросы, касающиеся к городскому устройству и хозяйству, к торговле и промышленности, коммерческому флоту и коммерческому образованию». Отмечая некоторые трудности, в том числе недостаток подписчиков и существование в городе морской газеты «Кронштадтский вестник», Керр отмечал, что «вопросам гражданским и коммерческим не отведено место на страницах печати». К трем постоянным рубрикам «Кронштадтского листка» – «Правительственные и административные распоряжения», «Разные известия», «Объявления» – с восьмого номера добавился отдел «Библиография», в котором печатались рецензии на новые книги и журналы.

В июне Керр приостановил издание, предполагая начать издание новой газеты «Взморье», но разрешение на это он так и не получил. Таким образом, 45-й номер «Листка», вышедший 16 июня 1868 г., стал последним.

Первая ежедневная газета в Кронштадте («Корабельный листок» Керра не в счет) – «Котлин» – вышла 1 февраля 1896 г. Ее редактор-издатель, полковник Е.П. Тверитинов (1850–1920), в 1894–1895 гг. был редактором «Кронштадтского вестника».

Об этом человеке надо сказать особо. Окончив в 1877 г. Минный офицерский класс, основанный в Кронштадте в 1874-м (в том же году были основаны Учебно-минный отряд и Минная школа), Тверитинов в 1878 г. становится преподавателем в этом военном учебном заведении и тогда же участвует в устройстве уличного освещения на Павловской улице в Кронштадте (ныне – Флотская), первого в России, и в некоторых казармах. Молодой, но уже опытный специалист по столь новому для России делу оказался весьма востребован. В

²⁵³ Цит. по: Степанов С.В. «Кронштадт – наш путь исходный». Кронштадтские морские газеты XIX – начала XX в. // Эра пароходов. История парового судоходства и судостроения: материалы третьей междунар. науч. – практ. конф. Луга, 2013. С. 101.

декабре он руководит монтажом электрического освещения Зимнего дворца и Михайловского манежа. В 1879-м оборудует освещение в механических мастерских и на эллинге в Кронштадте, впервые в России устанавливает «свечи Яблочкова» на броненосце «Петр Великий» (об этом корабле чуть ниже), башенном фрегате «Адмирал Лазарев», круглом броненосце «Вице-адмирал Попов» и императорской яхте «Ливадия». В 1881 г. Тверитинов руководил работами по устройству электрического освещения на Кронштадтском Пароходном заводе. Одновременно он пишет фундаментальный научный труд «Электрическое освещение», ставший первым подобным пособием на русском языке. Под его руководством кронштадтские минеры выполнили уникальную для того времени работу по «иллюминированию» Московского Кремля к торжествам по случаю коронации императора Александра III в 1883 г. Затраты на это составили всего 70 тыс. руб. Любопытно, что некая американская фирма просила за эту работу миллион.

И вот... газета.

Тверитинов в первом номере отметил: «Мы будем внимательно изо дня в день следить за все шире развивающейся техникой морского дела, как у нас, так и за границей. В то же время нам всегда будут близки интересы города».

Е.П. Тверитинов

Основные рубрики газеты – «Телеграммы» Российского телеграфного агентства, «Морская хроника», «Внутреннее обозрение», «Иностранные известия», «Местная хроника» – успешно конкурировали с «Кронштадтским вестником». В начале 1900-х гг. на стремительное развитие авиации газета откликнулась рубрикой «Воздухоплавание».

Редакция «Котлина» располагалась на Господской улице, в доме Д. Комарова. Купить ее можно было здесь же, в книжном магазине Прокофьева, магазине Молчановой на Богоявленской улице, а также и в Петербурге.

Газета просуществовала до конца 1916 г. В одном из последних номеров было напечатано объявление, характеризующее положение дел не только в редакции и Кронштадте, но и во всей России: «Старые газеты. Для оклейки комнат продаются в типографии газеты „Котлин“ по 3 р. за пуд. Спросить в конторе газеты „Котлин“».

Но мы забежали немного вперед. О том, как читали газеты в Кронштадте второй половины XIX в., сообщал «Кронштадтский вестник»: «Газеты были дороги, а потребность в них ощущалась большая. Клубы были не всякому доступны, трактирщики не выписывали газет.

И вот на выручку явились мелочные лавки, в которых по вечерам собирались обыватели, и кто-нибудь из присутствующих читал вслух газету, имевшуюся у лавочника. По прочтении газета пересылалась в следующую лавку, а слушатели пускались в рассуждения о прочитанном. Нужно было видеть, в каком растерзанном виде возвращался номер газеты к подписчику, но никто из подписчиков не был за это в претензии»²⁵⁴.

В том же номере рассказывалось о том, как читали на улицах Кронштадта правительственные распоряжения в до-газетное время: «На стенах полицейских будок постоянно наклеивались правительственные распоряжения, Высочайшие повеления и манифесты. Кто-нибудь из грамотных, часто по слогам, читал во всеуслышание, а окружающие слушали с полным вниманием. Если кто из присутствующих не мог разъяснить чего-нибудь непонятного из прочитанного, то за разъяснением обращались к тут же сидящим блюстителям порядка, которых в то время называли не городовыми, а „будочниками“. Эти будочники во время своего дежурства не имели права отходить далеко от своих будок и, чтобы не быть праздными, занимались по большей части приготовлением для продажи нюхательного табаку, растирая в глиняном горшке с березовой золой сильно высушенные листья махорки.

Табак этот поступал в продажу под названием „березового“. Иногда эти блюстители порядка, часто совсем неграмотные, удостаивали публику своим разъяснением, но т. к. им нередко случалось давать подобные объяснения по несколько раз в час, то это выводило их из терпения. Схватив стоящие у дверей алебарды, они с олимпийским величием приказывали публике разойтись и не утруждать их ничего не стоящими разъяснениями. Если же их приказание не исполнялось быстро, то они без всякой церемонии колотили попавших под руку алебардою и разгоняли любопытных, мешавших им тереть табак»²⁵⁵.

Разумеется, особое место в жизни Кронштадта, как и многих других городов России, занимала торговля «спиртуозной» продукцией. В 1864 г. в Кронштадте имелось: «питейных заведений – 52, постоянных дворов – 86, трактиров – 8, гостиниц – 15, харчевен – 22, пивных – 13. Итого заведений, в которых питье продается распивочно – 196. Кроме этих заведений в городе процветает 25 винных погребов»²⁵⁶.

Этот алкогольный разгул по всей России начался с введением новых правил торговли спиртным, которые были введены с 1 января 1863 г. Положением (Высочайше утвержденным еще 4 июля 1861 г.) об акцизе на винокурение взамен прежней откупной системы.

«Заезжий турист», впервые попавший в Кронштадт, был поражен таким количеством питейных заведений. Его удивленный рассказ об этом в 1879 г. опубликовал «Кронштадтский вестник»: «В числе достопримечательностей Кронштадта я был поражен массой портерных лавок, которые попадаются на каждом шагу на ваших улицах. Но что мне показалось более примечательным, так это те особые свойства, которые имеют портер и пиво, которые продаются у вас. Почти у каждой такой лавочки я видел жестоко пьяных людей. Из самих лавочек нередко раздавались безобразные песни и видимо пьяные речи. Неужели это все происходит от употребления пива и портера, и есть ли некоторые из ваших портерных только замаскированный вид кабака? Безобразие таких портерных бросается в глаза, и на них, право, следовало бы обратить должное внимание»²⁵⁷. Как тут не вспомнить сцену в пивной из замечательного фильма «Берегись автомобиля», когда героям фильма предлагается «фирменное» пиво – убийственная смесь пива и водки...

Начало увеселительных заведений в Кронштадте состоялось в 1854 г. усилиями «заезжего немца». Его «Гамбринус» просуществовал около года – уж слишком скандальным оно

---

²⁵⁴ Кронштадтский вестник. 1904. № 93. С. 4.

²⁵⁵ Кронштадтский вестник. 1904. № 93. С. 4.

²⁵⁶ Цит. по: Соколов А.К. Кронштадт: история длиною в 300 лет. С. 294.

²⁵⁷ Там же. С. 295.

оказалось. Затем появилось «Эльдорадо». «Танцевальные вечера в „Эльдорадо“ начинаются в 9 часов вечера, но публикой наполняются лишь с 12 часов, т. е. со времени закрытия трактирных заведений. Все жаждущие сильных ощущений и ночных оргий собираются под сию гостеприимную кровлю [...] Но как в пословице: „в кабаке и в бане – все дворяне“, так и здесь слуга и господин сливаются воедино для общего веселья. Пинки и тычки распределяются равномерно: обиженной стороны не бывает, так как расправа тут же налицо. Плясобе, винопитию, гам, рев, драка – все смешивается в какой-то неопределенный хаос, действующий одуряющим образом на трезвого посетителя.

Среди оглушающего гама разыгрывается и идиллия: по разным углам и комнатам восседают парочки.

В назначенные дни в „Эльдорадо“ бывают и маскарады. На них-то в первый раз, под прикрытием маскарадного костюма, являются будущие жертвы разврата. Сюда, как на невольничий рынок, стекаются выбирать товар.

Трактирный промысел, основанный на ночной торговле и танцевальных вечерах, есть один из главных проводников для растления нравственности. Он падает всюю своею тяжестью особенно на бедные классы, вырывая из них, время от времени, жертвы, заглушая в них чувство добра и нравственности, разрушая в них спокойствие семейств и действуя на пагубу общества. Чувство справедливости говорит, что подобный порядок вещей не может существовать»²⁵⁸.

Широкая сеть питейных заведений в Кронштадте обуславливалась еще и тем, что это был портовый город. В отдельные годы количество кабаков достигало двух сотен: «Париж», «Неаполь», «Вена», «Тулон», «Америка»... К этим географическим названиям добавлялись оригинальные «Черные лебеди», «Веселые острова», «Вздыхающий олень» и др. В Петровском парке существовал ресторан «Бекеша», а трактир «Мыс Доброй Надежды» жители Кронштадта ласково называли «Мыска».

По данным П.И. Столпянского, в 1888 г. в Кронштадт «было привезено водки и спиртных напитков (т. е. коньяку, ликеров и пр.) 125 190 ведер²⁵⁹ на сумму 688 545 р., пива – 115 157 ведер, или 2 923 140 бутылок, на сумму 232 314 р. Считая жителей в Кронштадте свыше 50 тысяч, оказывается, что на каждого человека приходится около 2 ½ ведер водки и около 2 ¼ ведер пива, т. е. почти 5 ведер, или 100 бутылок в год»²⁶⁰. Цифра огромная, если учесть, что в 50 000 жителей входили и женщины, и дети. Интересно, что каждое новое питейное заведение открывало свою деятельность с призыва: первая доза – бесплатно. Но, разумеется, за первой следовала вторая, третья и т. д.

Старался не отставать от гражданского населения и гарнизон. Разумеется, казарменные условия не позволяли развернуться в полную силу, но, как пел Владимир Высоцкий, «Если я чего решил, я выпью обязательно». И бегали в самоволки, и пили, и буянили... Но и службу несли исправно.

Спрос на алкоголь в Кронштадте в середине 1890-х гг. резко повысился, так как в Санкт-Петербурге запретили продавать алкогольные в праздничные и выходные дни. Но этот запрет на Кронштадт не распространялся, в результате на острове в выходные дни появлялись толпы алчущих активного алкогольного отдыха. Кронштадт превращался в эти дни в «царство Бахуса».

Кроме кабаков уважающий себя портовый город просто обязан был иметь и публичные дома. В целях контроля за этим промыслом еще в 1858 г. по повелению императора Александра II в Кронштадте была учреждена «комиссия по разбору бродячих женщин», которая

---

²⁵⁸ Кронштадтский вестник. 1872. № 151. С. 590.

²⁵⁹ Ведро – старинная русская мера жидкости, равная 12,3 литра (40-я часть бочки).

²⁶⁰ Столпянский П.И. Историко-общественный путеводитель по Кронштадту. Л., 1923. С. 115.

должна была выявлять тайных (незарегистрированных) проституток и их притоны, следить за регулярным посещением проститутками медицинских осмотров и выдавать «билеты» – удостоверения²⁶¹. В 1906 г. комиссию упразднили, а ее функции передали полиции. В начале XX в. в городе насчитывалось 12 домов терпимости, несколько из них принадлежали мадам С.Г. Звенигородской. Большая часть «заведений» располагалась по Северному и Западному бульварам, т. е. вблизи крепостных и флотских казарм. Например, любой матрос, выйдя из ворот казарм на Павловской и перейдя дорогу, сразу попадал в распивочную, а оттуда ноги сами несли к «красному фонарю». За 1900–1905 гг. в Кронштадте в домах терпимости было 1122 проститутки, одиночных «с билетами» – 232. Кроме того, 436 задержано по подозрению в тайной проституции²⁶². После восстания 1905 г., с введением военного положения, все они были закрыты, а персонал выселен за пределы острова. Через некоторое время было вновь открыто два «заведения» со штатом около 60 «сотрудниц». По статистике того времени, венерических заболеваний среди нижних чинов Морского ведомства было в два раза больше, чем среди сухопутных войск и гражданского населения вместе взятых. Это объяснялось более высоким денежным довольствием моряков и злоупотреблением спиртными напитками. Последнему способствовала выдаваемая ежедневно чарка водки. Большинство же заражений происходило вне домов терпимости и не в Кронштадте, а в заграничных портах.

Пьянству и проституции активно противостояли в Кронштадте благотворительные организации и, конечно, подвижническая деятельность отца Иоанна Кронштадтского.

Отец Иоанн Кронштадтский

Иоанн Ильич Сергиев родился 19 октября 1829 г. в селе Сура Архангельской губернии. В 1855-м, окончив Духовную академию, получил направление в Андреевский собор в Кронштадте. «Его исключительные качества проповедника, необыкновенная сила слова привлекали массы людей. Когда служил отец Иоанн, собор был переполнен. Огромная толпа людей, не попавших внутрь, стояла вокруг. Когда слава Иоанна Кронштадтского разнеслась по стране, тысячи богомольцев потянулись в Кронштадт, сначала около 20 000, затем до 80 000 в год.

²⁶¹ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 83.

²⁶² Воробьев Г.А. Медико-топографическое описание города Кронштадта. СПб., 1911. С. 178.

Сам он вел строгую подвижническую жизнь, раздавал все до последней копейки, даже одежду и обувь»²⁶³.

Отец Иоанн в 1874 г. основал в Кронштадте христианское братство: Попечительство Святого Апостола Андрея Первозванного. Деятельность братства позволила 10 октября 1882 г. открыть Дом трудолюбия. В том же году рядом построили трехэтажное здание ночлежного приюта, а в 1891-м – Странноприимный дом. В Доме трудолюбия располагались школа кройки и шитья для 20–25 девочек, «пенькощипная» мастерская, в которой трудилось ежедневно около 15 человек, зарабатывая в среднем по 19 копеек в день. В сапожной мастерской мальчиков, находившиеся на полном содержании, обучали этому мастерству.

Дом Трудолюбия в Кронштадте

Благотворительная деятельность отца Иоанна весьма широко освещена в настоящее время, но, оказывается, как часто бывает, находились люди, которые, прикрываясь его именем, творили нехорошие дела.

---

²⁶³ Воробьев Г.А. Медико-топографическое описание города Кронштадта. СПб., 1911. С. 94.

В ЦГИА СПб нашлось интересное донесение приходского попечителя 2-й части с. Выгорного Тимского уезда Курской епархии, надворного советника Николая Платонова митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию.

«В прошлом 1904 году крестьянки с. Выгорного – 2 части Фекла Хитрова и 3 части Матрена Афанасьева сообщили мне, что они сделались жертвою обмана со стороны некой Параскевы Яковлевой Шестаковой, живущей в Санкт-

Петербурге на Ординарной улице, д. 11. Мне были оставлены и письма, которые Шестакова присылала в с. Выгорное. На основании этих писем и рассказов крестьянок можно установить следующее:

1. Шестакова, которую ее приближенные называют „матушкой“, выдает себя за лицо, пользующееся особым доверием Кронштадтского протоиерея Отца Иоанна Кронштадтского. Она говорит, что Отец Иоанн присылает ей и ее людям деньги на содержание и она служит посредницей между Отцом Иоанном и лицами, имеющими до него дело, так что деньги Отцу Иоанну лучше присылать на имя Шестаковой. Она выдает себя и своих приближенных за людей святых и утверждает, что в некоторых случаях получает внушения свыше.

2. Об Отце Иоанне она говорит, что действительного Отца Иоанна уже нет на земле, что он живым взят на небо, а тот, кого теперь признают за отца Иоанна, есть сам господь Иисус, пришедший вторично на землю для проповеди покаяния, за которую последует страшный суд. Соответственно такому взгляду на Отца Иоанна изображение его у Шестаковой висит на стене рядом с иконой Спасителя.

3. В виду близости конца мира Отец Иоанн, по словам Шестаковой, безусловно воспрещает людям вступать в брак.

4. Относительно Киевской и Троице-Сергиевой лавр она утверждает, что там „прах“, „татары“ и потому ходить на поклонение в эти места не стоит.

Влияния проповедей на женщин замечено не было, они хотят видеть в Шестаковой верную посредницу между ними и Отцом Иоанном, и ей через их посредство было отправлено немало денег и ценных вещей для передачи Отцу Иоанну. Но теперь они уже считают ее темной личностью, обманувшей их.

Нашлись люди, Екатерина Коржавых до сих пор защищает Шестакову от обвинений в мошенничестве»²⁶⁴.

Разобраться в этом неприятном деле поручили Санкт-Петербургскому епархиальному противосектантскому миссионеру Николаю Булгакову, который 31 марта 1905 г. направил митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию «почтительный» рапорт.

«По поводу прилагаемого при сем донесения г. Платонова я долг имею почтительнейше донести до сведения Вашего Высокопреосвященства нижеследующее. Крестьянка Курской губернии, Новооскольского уезда, Слоповской волости, слободы Песчаной, Параскева Яковлевна Шестакова, 55 лет, замужняя, еще в начале прошлого года сделалась мне известна как личность, стоящая во главе небольшого кружка людей (12 человек), считающих о. Иоанна Кронштадтского за Бога. Шестакова со своими единомышленниками проживала конспиративную квартиру по Ординарной улице, д. 15, кв. 11. В помещении, занимаемом этими людьми, все стены увешаны священными изображениями лубочного характера, а среди икон центральное место занимают портреты-иконы Отца Иоанна Кронштадтского с терновым венцом на голове, пред его портретами горят лампы. В начале прошлого года у одного из главных сообщников Шестаковой, крестьянина Курской губ. Новооскольского уезда Никандра Афанасьева Фиранова были отобраны полицейским урядником Курской губернии записные книжки, заполненные адресами жителей г. Санкт-Петербурга. Санкт-Петербургская Духовная Консistorия препроводила ко мне эти книжки с поручением обойти лиц, живущих по указанным

---

²⁶⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 97. Д. 60. Д. 2.

в книжке адресам и преподать им надлежащее увещание, если они окажутся разделяющими заблуждения Шестаковой. При посещении мною этих лиц оказалось, что сообщники Шестаковой ходят по квартирам в Санкт-Петербурге и выспрашивают деньги будто бы для различных нужд Отца Иоанна Кронштадтского. В своем рапорте Санкт-Петербургской духовной консистории от 23 апреля прошлого года за № 27 о Шестаковой я признавал желательным, чтобы о неблагоприятных действиях Шестаковой было сообщено Отцу

Иоанну Кронштадтскому с тем, чтобы он посетил со мной или с кем-либо из местных приходских священников квартиру Шестаковой, приказал бы убрать свои иконы-портреты с горящими пред ними лампадами и во всеуслышание осудил бы нехорошую деятельность этой компании. Со своей стороны я разъяснял лицам, которые подверглись со стороны компании Шестаковой вымогательствам (все эти лица оказались большей частью из простого сословия), что самый удобный и простой способ направления пожертвований Отцу Иоанну есть посылка их почтовым порядком или же непосредственно передачи самому батюшке в устроенном им монастыре на реке Карповке. Самой Шестаковой и ее сожителем и сожительницам кроме увещаний чисто догматического характера я указывал на безобразие их явно мошеннических проделок, совсем не соответствующих достоинству истинного христианина и позорящих в глазах иноверцев святую православную веру.

В конце прошлого года Шестакова была судима за мошенничество и затем выбыла к себе на родину, где и проживает в настоящее время. Единомышленники же Шестаковой теперь перебрались из прежней просторной квартиры в более тесное и темное помещение того же дома (кв. № 8); свой переход они объяснили мне „плохими денежными доходами“. Судя по письмам, которые Шестакова по временам присылает в Санкт-Петербург, она на своей родине намеревается устроить „хатку“, в которую и переселить потом своих деток из Санкт-Петербурга. Одно из этих писем мне единомышленники Шестаковой показали 21-го сего марта. По поводу фактов, упомянутых в донесении г. Платонова, я преподал надлежащее увещание сообщникам Шестаковой, указав им на то, что „всякое дурное дело рано или поздно обязательно откроется“»²⁶⁵.

Из дальнейшей переписки не видно, удалось ли остановить деятельность Шестаковой. Но хочется думать, что удалось.

Однако кроме учреждений Андреевского попечительства в Кронштадте имелись и другие благотворительные учреждения. 31 июля 1858 г. основанное в 1857 г. Общество снабжения бедных одеждой было утверждено императором Александром II и включено в число учреждений Ведомства императрицы Марии. С 1867 г. в Кронштадте действовало Кронштадтское благотворительное общество, которому покровительствовала королева Эллинов Ольга Константиновна, дочь Константина Николаевича. Это общество содержало приют имени великой княгини Александры Иосифовны, жены Константина Николаевича, на 25 девочек и два «дневных пристанища», где обучались и питались около 100 детей, родители которых работали и не могли присматривать за ними. В арендованном здании адмиралтейских конюшен общество содержало квартиры для 36 неимущих старушек, кроме того, выплачивало ежемесячные пенсии малоимущим пожилым людям.

1863 год

Странным образом в 1863 г. в Кронштадте переплелись отголоски событий в Польше и Северной Америке. Польское восстание 1831 г. получило продолжение в 1863-м, а действия русского правительства, направленные на его подавление, вызвали крайне негативную реакцию в Европе. Недовольство действиями России вылилось в Англии и Франции в ряд угроз,

---

²⁶⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 97. Д. 60. Д. 3–4.

которые, памятуя о пребывании англо-французских эскадр под стенами фортов Кронштадта в 1854–1855 гг., правительство России восприняло всерьез.

Опасаясь появления европейских флотов в Финском заливе, Морское министерство озабочилось проблемой обороны столицы. Но помимо традиционного затопления на фарватерах старых кораблей требовалось что-то новенькое. И тут взоры наших офицеров обратились в сторону Америки, где продолжалась Гражданская война Севера и Юга. Эта война вынудила обе воюющие стороны искать всевозможные резервы для усиления своих боевых возможностей. Именно в эти годы были построены первые броненосные суда. Попытки создания блиндированных судов предпринимались и раньше, но в данном случае им удалось проявить себя в настоящем морском бою.

Южане обшили корпус деревянного корабля «Вирджиния» железными листами, и это позволило потопить несколько деревянных судов северян. Но 9 марта 1862 г. на Хэмптонском рейде «Вирджинии», переименованной в «Мерримак», противостоял броненосный корабль северян «Монитор». Его название, переводимое с английского как «увещеватель», «наставник», позднее стало нарицательным для целого класса кораблей.

Его создателем был шведский изобретатель Дж. Эрикссон, эмигрировавший в конце 1850-х гг. в Англию, а затем в Америку. Творение Эрикссона было настолько необычно, что поначалу многие не верили в возможность самого передвижения по воде этого железного монстра. На палубе, которая едва возвышалась над водой, располагалась цилиндрическая башня с двумя торчащими из амбразур 15-дюймовыми орудиями.

«Монитор» и «Мерримак» сошлись в ближнем бою и выпустили друг в друга достаточное количество ядер для того, чтобы потопить любой деревянный корабль, но большинство ядер просто отскакивало от железной обшивки. Победителя в этом бою не было, потом, правда, выяснилось, что «Монитор» стрелял уменьшенными зарядами, но тем не менее впечатление на южан он произвел немалое.

Далеко не все восприняли появление броненосных кораблей с энтузиазмом. Например, адмирал Дюпон заявил, что «федеральному правительству, выстроившему все эти новомодные суда, остается только создать железных людей, которые бы на них служили. Ядро, пущенное монитором, более вредит стреляющим, нежели тому, по ком стреляют. Оглушающее сотрясение, какое производит выстрел из громадной пушки в тесном просторе небольшой башни, движение, тем сообщаемое судну, ввергают людей в такую немощь и тошноту, при которой становится невозможным произвести следующий выстрел ранее, как по истечению 20 минут, плюс громление невыразимо трудно выносимое для команды. Все это опрометчивое шарлатанство, коим отличается характер англо-американца».

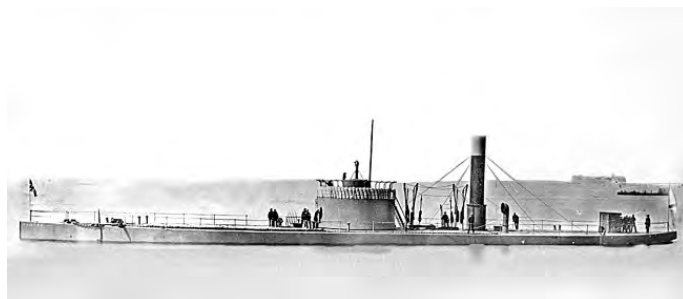
Опыты броненосного судостроения проводились и раньше, но еще в 1860 г. Константин Николаевич отмечал, что «чрезвычайная дороговизна окованных судов и желание не обременять Государственное казначейство значительными расходами без убеждения в совершенной неотложности оно до сих пор побуждали меня выжидать окончательное решение западными державами вопроса о сих судах. В настоящее время вопрос этот решен, и я пришел к убеждению, что самые сильные наши крепости, каков, например, Кронштадт, не могли бы устоять против неприятеля, владеющего окованными судами, если мы будем лишены возможности противопоставить ему такие же суда, и что, следовательно, долг самосохранения требует, чтобы немедленно было приступлено к заказу окованных судов»²⁶⁶. Таким образом, в русском флоте появились первые броненосные батареи «Кремль», «Не тронь меня». Но этого, разумеется, было недостаточно, и в Америку отправился корабельный инженер Н.А. Арцеулов, который с натуры зарисовал «Монитор» и «Мерримак». Кроме того, он привез из Америки чертежи монитора «Пассэк», которые Морское ведомство и решило взять за основу при проектирова-

---

²⁶⁶ РГАВМФ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 2727. Л. 115.

нии первых русских мониторов. Проектирование, точнее приспособление американского проекта к возможностям русских заводов, поручили Арцеулову.

Любопытно, что решение о строительстве мониторов для обороны Петербурга было принято очень быстро. Причина, видимо, кроется не только в обострении отношений с Англией и Францией. Морской агент в Лондоне барон Брунов сообщал, что там появились «агенты польской пропаганды», которые собираются приобрести какое-то блиндированное судно. В Англии броненосное судостроение развивалось впечатляющими темпами, и Брунов писал: «Английские блиндированные суда, безусловно, наделали бы больше бед (чем союзники в 1854–1856 гг. – Л. А.), и все-таки без поддержки мощного десантного корпуса об атаке с моря и говорить нечего. А кроме того, Кронштадт – не Севастополь. Здесь дело обернулось бы значительно большей бойней, и для того, чтобы в нее ввязываться, для Англии должны быть более весомые причины, нежели какой-то там польский вопрос. Другое дело повстанцы. Одержимость плохо слушается рассудка. Красиво погибнуть под стенами Зимнего Дворца за свободу Польши – такая идея могла привлечь многих».

«Латник» – один из первых русских мониторов

Существование безумной, казалось бы, идеи прорваться к Зимнему дворцу через кронштадтский рейд, наспигованный мощными орудиями фортов, подтверждали и другие источники в Англии. Капитан-лейтенант Шварц, командовавший клипером «Жемчуг», отмечал, что есть «возможность снарядить дешевыми сравнительно средствами такое блиндированное судно, которое при всем своем несовершенстве и слабости в сравнении с последними образцами этого рода судов будет, при умении хорошо управляться, грозным противником для судов деревянных. [...] Состав нашего флота и вооружения всем известны, поэтому не мудрено, если найдутся охотники идти наудачу с одним блиндированным судном в Балтийское море. Целый ряд опытов, проведенных над броней в Англии, служит доказательством слабости прежней артиллерии против брони, а успехи американских наспех построенных блиндированных показывают, как безнаказанно могут они вредить деревянным судам и даже подходить к укреплениям при благоприятных обстоятельствах. Такое судно можно заказать в Англии или в Шотландии, и уследить за его изготовлением будет сложно и даже невозможно».

Таким образом, опасаясь не только атаки английского флота, но и невероятной попытки прорыва польских повстанцев к Петербургу, 24 апреля 1863 г. последовало «Высочайшее соизволение приступить к постройке в Санкт-Петербурге одновременно восьми железных однобашенных броненосных лодок по американской системе по тем чертежам и тем данным, кои доставлены инженер-подполковником Арцеуловым». Решение о строительстве еще двух «лодок» было принято чуть позднее.

Строительство первых десяти русских мониторов – это отдельная весьма интересная тема. Отметим только, что строили мониторы петербургские заводы. Исключение составили мониторы «Вещун» и «Колдун», которые заказали бельгийскому обществу «Кокериль», имевшему свое представительство в Петербурге. Мониторы по частям были изготовлены в Бельгии, а собирали их в Петербурге на Гутуевском острове.

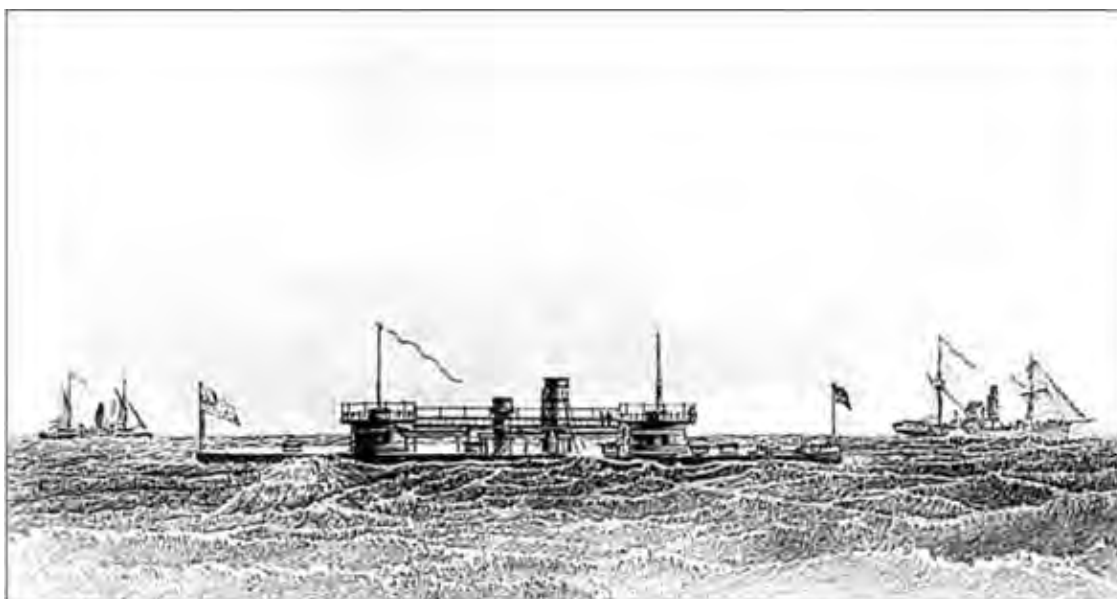
После спуска на воду все мониторы переводили в Кронштадт, и здесь все возможные усилия были направлены на то, чтобы как можно быстрее вооружить эти необычные, но весьма нужные корабли. Правда, в 1864 г., когда мониторы начали проходить первые испытания, международная обстановка была уже не столь наряженной. Тем не менее 18 июня 1864 г. на мониторах «Колдун» и «Вещун» была проведена проба машин. Механизмы действовали без замечаний, а сотрясение в башне от выстрелов, по словам одного офицера, было, «как в обычной батарее, и дым проносился очень скоро».

Первые русские мониторы не участвовали в боевых действиях, но их служба имела огромное значение не только для развития тактики эскадренного боя, но для понимания, как должны взаимодействовать приморская крепость и флот при атаке противника. И это был один из первых опытов броненосного судостроения в России, в котором Кронштадтский порт и его структуры играли весьма важную роль. Но о том, какой должна быть оборона приморских крепостей, в высших структурах власти мнения были весьма неустойчивыми и противоречивыми.

Надо сказать, что в 1863 г. еще сказывалось странное понимание задач военно-морского флота. О том, чтобы встретить в открытом бою вражеские корабли, речи и не было. Но крепость Кронштадт к возможным атакам готовилась. Была сформирована «Ведомость судов, которые могут быть употреблены для заграждения проходов между Кроншлотом (фортом Павел и Ораниенбаумской мелью) и Купеческой гаванью», предполагалось усиление 60-фунтовыми орудиями фортов «Константин», «Император Александр I», «Император Петр I», «Кроншлот» и «Император Павел I». Кроме того, предполагалось «все отдельные форты, батареи, острова соединить телеграфной проволокой». Но когда выяснилось, что атаки Кронштадта не будет, работы в крепости опять приняли вялотекущий характер.

Визит «Миантономо»

Польские события заставили русское правительство принять и некоторые экстраординарные меры. Давление на Россию было весьма сильным, и кроме спешных действий по усилению обороны Кронштадта была организована экспедиция двух русских эскадр – С.С. Лесовского и А.А. Попова – к берегам Америки. Поход готовился в Кронштадте с необычайной секретностью. Офицеры узнали о его цели уже в море. Эскадра Лесовского отправилась в Атлантику, Попова – в Тихий океан.

Американский монитор «Миантономо»

Это был невероятно удачный ход против Англии, которая решила вступить за восставших в 1863 г. поляков. Как уже упоминалось, угроза войны была реальной, и Россия показала еще более реальные возможности нанести мощный удар по английской торговле в случае начала военных действий. Причем сделано все было гениально просто: 24 сентября 1863 г. эскадра Лесовского стала на якорь в Нью-Йорке, а через три дня эскадра Попова – в Сан-Франциско. Таким образом, военные действия флотов Англии и примкнувшей к ней Франции у русских берегов теряли всякий смысл по причине огромных убытков, которые мог «причинить русский флот морской торговле и колониям союзников».

Американцы ответили на эту экспедицию через три года незабываемым визитом в Кронштадт океанского монитора «Миантономо» в сопровождении парохода «Августа». Их встречал не только весь Кронштадт, но и весь Петербург. «Кронштадтский вестник» 26 июля 1866 г. подробно описал пребывание заморских гостей в Кронштадте: «Вчера, в особом прибавлении, напечатали мы известие о приходе монитора Миантономо и парохода Августа. Ниже читатели найдут это описание, повторенное нами для иногородных наших читателей. К этому описанию мы считаем долгом прибавить все то, что происходило сегодня. В 9-м часу утра астроном кронштадтской морской обсерватории Л.Э. Гибнер посетил пароход Августа и монитор Миантономо. Г-н Гибнер привез с собою письма на английском языке, в которых подробно изложены были правила показания среднего полдня в Кронштадте, с обозначением разности времени между меридианами Гринвича, Нью-Йорка и Кронштадта. В 10 часов господин главный командир порта генерал-адъютант адмирал Ф.М. Новосильский, с начальником штаба контр-адмиралом И.Н. Изыльметьевым, капитаном 1-го ранга Баженовым и адъютантом штаба, посетил американские суда для отдачи визитов, сделанных накануне командирами. Во время пребывания Его Высокопревосходительства на пароходе Августа ему сделан был салют, при подъеме русского флага, 17-тью выстрелами. На это тотчас же было отвечено равным числом выстрелов с близь стоящего винтового корвета *Гридень*, при подъеме американского флага. После Августа адмирал посетил монитор и весьма долго и подробно осматривал его. В присутствии Его Высокопревосходительства ворочали башни, показывали действие 15-ти дюймовых орудий и вентиляторов, снабжающих воздухом каюты и жилое помещение этого почти подводного судна.

Монитор Миантономо представляет собой увеличенный тип наших мониторов, но по принципу и системе постройки весьма похож на наши. Во всяком случае, как судно, перешедшее океан и тем доказавшее, что мониторы могут быть хорошими мореходными судами, он вполне заслуживает полного и самого серьезного внимания специалистов.

В 11 часов адмирал оставил монитор и на катере возвратился в гавань. На пути адмиральский катер встретился с двумя катерами: с депутациями от морского собрания в Кронштадте и от морской библиотеки. Депутации эти передали капитанам Муррей и Бомонт и всем офицерам обоих судов именные билеты на звание членов морского собрания и морской библиотеки.

В 12 часов на восточный рейд прибыла паровая яхта *Нева*, имея на фор-брам-стеннге флаг С.-Петербургского речного яхт-клуба; в то же время появилась целая флотилия яхточек клуба под парусами. Все это придавало необыкновенное оживление нашим рейдам, нашей эскадре и гаваням, как нарочно, переполненным купеческими кораблями. С паровой яхты *Нева* послана была депутация на американские суда с поздравлением с приходом наших заокеанских друзей.

В 1 час капитаны американских судов с американским вице-консулом г. А.Х. Вилькенсом делали визиты г. командиру вице-адмиралу А.В. Шулепникову и прочим начальствующим лицам в порту.

В исходе второго часа американские офицеры, числом до 30 человек, съехали с своих судов на пароходе *Ижора*. Подходя к гавани, офицеры и сопровождавший их лейтенант пересели на паровой барказ *Колдунчик* и направились к рундукам средней гавани, откуда пешком

через Господскую улицу направились в здание морского собрания и библиотеки. Здесь встретили их члены комиссии, избранной для приема.

При осмотре библиотеки всем американским офицерам предложены были каталоги, изящно переплетенные и нарочно для них изготовленные. Тут же показывали им свято сохраняемые хартии города Нью-Йорка и штата Род-Эйланд, поднесенные в 1863 г. адмиралу С.С. Лесовскому и подаренные им в музей библиотеки²⁶⁷.

В 2 с половиной часа по полудни, при звуках американского народного гимна, все общество село за стол в нашем роскошном зале морского собрания. Этот завтрак не имел официального характера и отличался дружеской беседой первого знакомства наших гостей с людьми, собравшимися для того, чтобы оказать им радушный прием и показать им все достойное замечания в окрестностях нашей столицы.

Вечером, в 5 часов, капитаны американских судов и некоторые из начальствующих лиц в Кронштадте приглашены были к обеду к г-ну главному коменданту порта.

Завтрашний день наши гости отправятся в Петергоф. Посланник Штатов г. Фокс, его секретари и капитаны Мюррей и Бомонт будут иметь честь представляться Его величеству Государю Императору, а прочие офицеры сделают прогулку в экипажах по великолепному парку и вечером отправятся на Елагин остров, где будет устроен фейерверк по случаю дня рождения Ея Величества государыни Императрицы.

В четверг утром в Кронштадте ожидают посещения Е. И. В., а вечером, в 5 часов, назначен большой обед для г-на Фокса и американских моряков в зале морского собрания, от имени русского флота.

В пятницу, 29 июля, назначен обед в Кронштадтской городской Думе от граждан города Кронштадта»²⁶⁸.

Вот так – обеды, салюты, подарки... Черета визитов продолжалась и в XX в. О некоторых из них – рассказ в соответствующей главе.

Морское собрание и библиотека

Упомянутое выше и существующее до сих пор Кронштадтское морское собрание – старейшая общественная организация в городе. «День за днем, из года в год протекала беспритязательная береговая жизнь кронштадтских моряков того времени, и большинство их апатично мирилось с невзрачною обстановкою, находя удовлетворение в дружеских пирушках, на которых господствующую роль играли вино и карты [...] Между тем, праздного времени после кампании у моряков было много, и на молодежь, не приютившуюся в семейных кружках, такая праздность действовала губительно» – такую грустную картину нарисовал барон Штейнгель, начавший службу мичманом в 1795 г.²⁶⁹

Чтобы защитить моряков от вредных привычек и сделать досуг морских офицеров более интеллектуальным, еще в начале 1786 г. главный командир Кронштадтского порта адмирал С.К. Грейг обратился с соответствующей просьбой к императрице Екатерине II. Императрица разрешила устроить в Кронштадте благородное собрание для морских офицеров. Сначала подписались 70 человек с обязательным взносом 10 рублей ассигнациями, и 11 марта 1786 г. в доме контр-адмирала Клокачева состоялось открытие Кронштадтского морского собрания.

Результат вскоре дал о себе знать: «Простота нравов, взаимная любовь, дружеское обращение начальников с подчиненными и безусловное уважение последних первыми явили полез-

---

²⁶⁷ Интересно, где сейчас эти раритеты?

²⁶⁸ Кронштадтский вестник. № 85. 1866. 26 июля.

²⁶⁹ *Спешилова О.А.* Адмирал С.К. Грейг – родоначальник культурных традиций морского общества Кронштадта // Роль иностранных граждан в становлении и развитии города Кронштадта. Кронштадт, 2006. С. 44.

ные последствия: семейные между собою сблизилась, а молодые офицеры, ознакомившись с лучшим обществом, сделались нравственнее».

Однако в 1795-м большая часть офицеров в составе эскадр Балтийского флота ушла в плавание к берегам Англии и Голландии. Собрание прекратило свое существование.

Главный командир Кронштадтского порта в 1801–1808 гг. адмирал П.И. Ханьков был большим любителем всяческих театральных представлений, и при нем в Кронштадте стали впервые устраивать любительские спектакли. Один из активных «актеров», лейтенант И.П. Бунин, предложил возродить благородное собрание. Ходатайство адмирала Ханькова было благосклонно встречено императором Александром I, и 6 февраля 1802 г. в доме Миниха состоялось открытие обновленного Морского собрания. При том что в первую половину XIX в. деятельность кронштадтского собрания не отличалась особой новизной и оригинальностью, тем не менее оно имело важное значение, особенно в деле нравственного воспитания молодых офицеров.

Как уже упоминалось в предыдущей главе, третий офицерский флигель на Екатерининской улице был перестроен позднее остальных. Вот в него и решили в 1856 г. перевести Морское собрание и библиотеку. Инициатором это дела был великий князь Константин Николаевич, он и поручил составление проекта перестройки здания профессору архитектуры Р.И. Кузьмину. Подготовленный им проект был утвержден 25 июня 1856 г., а окончательный вариант фасада – 4 июля. На всю работу по перестройке здания ушло больше двух лет – торжественное открытие состоялось 30 ноября 1858 г. Но уже в 1857 г. по настоянию Константина Николаевича в Морском собрании началось чтение лекций по истории и проблемам военно-морского флота. Эти лекции «касались морской артиллерии, минного дела, паровой механики, корабельной архитектуры, морской тактики и тому подобных предметов, которые в пору пересоздания нашего флота получили новое направление». Лекции вначале готовил морской ученый комитет, а позднее – Главный морской штаб, и лекторами были опытные специалисты, рассказывавшие о «морской истории, статистике, гигиене, естествознанию, педагогике» и многом другом.

В 1863–1864 гг. со стороны двора соорудили двухэтажную каменную пристройку.

Под руководством вице-адмирала Ф.М. Новосильского в 1858 г. был разработан новый Устав Морского собрания, который давал возможность офицерам «принимать участие в его жизни, следить за развитием морской науки». Но главное – в этом году Морское собрание переехало в специально для него перестроенный третий офицерский флигель.

Здание Морского собрания на Екатерининской улице

Члены Кронштадтского Морского собрания. Начало XX в.

Гостей собрания встречала парадная дубовая лестница в два марша, которую устлали дорогие ковры и украшали бронзовые пушки. «Большой двусветный зал длиной 34 аршин с хорами освещался пятью люстрами. Центральная, самая большая на 94 рожка, была подарена Собранию генерал-адмиралом из собственного дворца». В 1860 г. по инициативе Константина Николаевича в зале заменили паркетный пол. Новый мозаичный, из дуба и березы с вкраплениями красного дерева, изготовил петербургский мастер Миллер.

Парадная лестница в Кронштадтском Морском собрании

«Кронштадтский вестник» писал о Морском собрании в 1877 г.: «Все посетители, как русские, так и иностранные, любят грандиозными размерами и прекрасным устройством их и признают, что ничего подобного нет ни в одном из европейских портов, ни в одном из центров сосредоточения морских сил какой бы то ни было другой нации. В особенности нравится всем прекрасная и очень обширная зала, предназначенная для балов, парадных обедов, концертов и лекций»²⁷⁰.

Залы собрания украшали картины известных художников И.Е. Репина, И.К. Айвазовского, А.П. Боголюбова и др. Было много ценных предметов, полученных в дар от членов императорской фамилии. Многие морские офицеры, в том числе и иностранные, дарили собранию раритеты, привезенные из дальних плаваний.

По примеру Морского собрания организовывали собрания и другие специалисты. Так, артиллеристы Кронштадтской крепости сначала собирались в шести небольших комнатах в частном доме Вальронта на углу Северного бульвара и Красного переулка, в 1877 г. их собрание перевели в казенный каменный дом на углу Купеческой и Михайловской улиц. Уютные помещения собрания с удовольствием посещали не только артиллерийские офицеры, но и горожане. В мае 1904 г. для Артиллерийского собрания построили двухэтажное здание на Александровском бульваре, у Сайдашной улицы. В доме купца М.П. Синебрюхова на углу Господской и Цитадельской улиц размещалось Коммерческое собрание. В 1879-м оно переехало в дом Б.Д. Никитина (впоследствии – дом кредитного общества). С 1880 г. при Коммерческом собрании работал театр. На его сцене выступали кронштадтские музыканты-любители и при-

²⁷⁰ Цит. по: Соколов А.К. Кронштадт: история длиною в 300 лет. С. 334.

езжавшие из Петербурга выдающиеся артисты Ф. Шаляпин, К. Варламов, Н. Фигнер, П. Стретова и др.²⁷¹.

Вместе с Морским собранием на Екатерининскую улицу переехала и Кронштадтская морская библиотека, основанная в 1832 г. по инициативе капитан-лейтенанта И.Н. Скрыдлова. На приобретение книг и «поддержание общественной библиотеки» он предложил выделять 1 % офицерского жалованья, с чем согласились почти все офицеры, служившие в Кронштадте. На третьем этаже дома Миниха библиотека занимала поначалу всего четыре небольшие комнаты, но в здании Морского собрания библиотеке выделили больше места. С 1860 г. она стала называться Кронштадтской морской библиотекой, и если до этого пожертвования были добровольными, то с 7 ноября, по повелению Александра II, удержание 1 % жалованья адмиралов, генералов и офицеров флота, проживавших в Кронштадте и Санкт-Петербурге, стало обязательным.

Библиотека постоянно пополнялась новыми книгами, покупая и получая в дар от тех, кто считал пополнение библиотеки своим долгом. Многие из книг были уникальными.

К 1873 г. фонд библиотеки насчитывал уже более 40 тысяч томов, и тогда Константин Николаевич передал для книгохранилищ свои комнаты, находившиеся на втором этаже Морского собрания.

В бытность морским министром Н.К. Краббе произошел любопытный эпизод, описанный офицером Е.А. Серебряковым, участвовавшим в нелегальных собраниях в Кронштадте.

«Краббе был страшный самодур, но очень добрый, по-своему, человек, всегда заботившийся о своих подчиненных и защищавший их. Для характеристики его чудачества я расскажу здесь факт, за достоверность которого ручаюсь.

В Кронштадте существует морская библиотека, одна из самых богатых в России. И вот кому-то из услужливого начальства пришла богатая идея украсить библиотеку бронзовыми бюстами всех великих князей, начиная с Рюрика. Для осуществления этой патриотической идеи была устроена среди морских офицеров официальная подписка со шнуровой книгой, печатями и проч. И вот, к ужасу всего начальства, один лейтенант написал в этой священной книге нижеследующее заявление: „Библиотека нуждается в хороших книгах, в бронзовых же головах у нас в России недостатка не существует, а потому подписку считаю излишней“, и подписался, лейтенант такой-то. Можете себе представить переполох всего начальства, в особенности в то время. Немедленно было донесено морскому министру, и тот приказал виновному лейтенанту предстать пред его светлые очи.

Несчастный лейтенант со стесненным сердцем, вероятно, не раз сожалея о своем поспешном остроумии, отправился в Петербург, и его воображению, конечно, рисовалась неутешительная перспектива путешествия по „Владимирке“.

Но вот он прибыл в Петербург, подъехал к Адмиралтейству и не совсем уверенно вступил в приемную вельможного министра. О нем доложили и просили подождать.

---

²⁷¹ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 99.

Кронштадтская Морская библиотека. 2014 г.

Он сидит в приемной четверть часа, полчаса, час...

Наконец открываются двери, входит сам морской министр Краббе в... в одних туфлях! Буквально в одних туфлях, совершенно голый!

Лейтенант уподобляется статуе командора.

А Краббе, нисколько не смущаясь, начинает прогуливаться по комнате, размахивая руками, похлопывая себя по телу и приговаривая: „Вот и я либерал! Вот и я либерал!“, погуляв таким образом минут пять, Краббе остановился и, обращаясь к офицеру, громовым голосом закричал:

– У меня в Кронштадте хоть на головах ходи, а либералов не потерплю! – И, помолчав, прибавил: – Ступайте!

Тем вся история и кончилась, и лейтенант отправился восвояси, очень довольный тем, что отделался только наглядным уроком русского либерализма, как он понимался тогда в высших сферах»²⁷².

Управлял библиотекой выборный комитет, который неоднократно ходатайствовал о необходимости строительства специального здания. Лишь в 1908 г. комитет смог заказать архитектору Романову проект здания, но он утвержден не был. Только через два года, 30 марта 1910-го, проект гражданского инженера Г.А. Косякова (брата знаменитого В.А. Косякова, построившего Кронштадтский Морской собор) получил одобрение. В следующем году на углу Большой Екатерининской и Соборной улиц возвели стены здания, но вскоре работы остановились «за недостатком средств». Затем была Первая мировая война, революции, мятежи, и лишь в 1926 г. строительство завершилось, и 7 ноября 1927 г. состоялось официальное открытие Кронштадтской библиотеки. По предложению А.В. Луначарского ее назвали именем Великой Октябрьской революции.

²⁷² Серебряков Е.А. Революционеры во флоте. Из воспоминаний. Пг., 1920. С. 14–15.

Кроме Морской библиотеки в Кронштадте с 15 февраля 1870 г. работала Общественная детская библиотека, одна из первых в России. Созданная по инициативе заведывающего компасной обсерваторией капитана 1-го ранга И.П. Белавенца, она до 1912 г. располагалась в Штурманском училище. Затем была передана в ведение высшего начального училища.

При Доме трудолюбия с октября 1891 г. существовала своя библиотека, содержавшаяся на добровольные пожертвования и доходы от лекций. В 1897-м ее передали Попечительству о народной трезвости.

Пути-дороги

Как и большинство жителей России того времени, кронштадтцы передвигались по городу на лошадях. К сожалению, изображений карет, телег и просто всадников на улицах Кронштадта найти не удалось. Но раз были лошади, значит, были конюшни, и в том числе адмиралтейские. Это подтверждает документ, датированный 1832 г. и обнаруженный в РГАВМФ: «Адмиралтейские конюшни по ветхости угрожают падением, и содержать в них лошадей сопряжено с опасностью, то Команда полагает вместо оной построить Каменную конюшню для адмиралтейских лошадей с новыми покаями для зрителей и казармою для кучеров, на что потребуется 207 160 рублей»²⁷³. А вот где располагались адмиралтейские конюшни и были ли они перестроены в каменные, предстоит еще найти.

Разумеется, в городе были и извозчики, готовые отвезти седока в любой конец Котлина. С 1856 г. они получали номера и таблички с тарифами. Причем поначалу движение по улицам не регулировалось, можно было ехать хоть по правой стороне, хоть по левой. Лишь в 1860 г. в Кронштадте введено правостороннее движение, а в 1864-м купец Гаврилов проложил маршрут от Кронштадтских ворот до православного кладбища, по которому более-менее регулярно ходили дилижансы.

Попытки устроить в Кронштадте конно-железные дороги почему-то встречали ярое сопротивление начальства на радость частному сектору извозчиков.

Однако стоит напомнить, что Кронштадт располагается на острове. О «пассажботах» и первом пароходе Берда уже было рассказано. Во второй половине XIX в. число желающих переместиться с острова и на остров возрастало с каждым годом, а необходимость в круглогодичном сообщении с материком становилась все очевидней.

Путешествие из Кронштадта в Петербург по воде действительно было путешествием. Тем более что первые пароходы не отличались комфортом. Это были простые деревянные барки с приделанными к бортам колесами. Примитивные паровые котлы вмазывали прямо в кирпичную печь, и дымовая труба тоже была кирпичной. Случалось, при качке от трубы отваливалась пара кирпичей, а так как у трубы было теплей и здесь скапливались пассажиры, то пострадавшие в лучшем случае отделялись синяками и ссадинами. При подходе к гавани топки гасили и выпускали пары, чтобы исключить попадание искр на окружающие гавань деревянные корабли и строения. В гавань заходили на специальных буксирах, так же выходили из гавани.

Позднее все-таки стали появляться каюты со всяческими удобствами. Вот, например, восторженное описание путешествия из Петербурга в Кронштадт, сделанное в 1819 г.: «На паровых судах поделаны прекрасные светлые комнаты в коих можно покойно заниматься не только чтением, но и письмом; дождь также нисколько не беспокоит. Притом здесь можно найти весьма хороший завтрак, самые лучшие вина и прохладительные напитки. Удовольствия же на палубе в хорошую погоду ни с чем не сравненны! На ней поделаны покойные кресла и софы (из чугуна с мягкими подушками). Можете, прогуливаясь или сидя, любоваться прекрасным южным материком, на коем постепенно показываются как будто возрождающиеся из моря

---

²⁷³ РГАВМФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 1. Л. 368.

разные мызы, Сергиевская пустынь, Стрельна, Петергоф, Ораниенбаум, а напротив синее море Финляндии. Плата взимается здесь двоякого рода: 5 рублей и 2 рубля, последняя с простолудинов, кои также имеют особую для себя комнату в носу судна. Если катеры зависят от ветра, то тем более еще и пассажботы. Известны примеры, что и те и другие принуждены бывали по целым суткам бороться с яростью волн и ветров, и, не достигнув цели своего путешествия, возвращались назад»²⁷⁴.

Удобней было добраться до Ораниенбаума, а от него уже сухопутным путем. Первая попытка организовать стабильное сообщение Кронштадта с Ораниенбаумом, оказавшаяся неудачной, датирована 1835 г. И вот в начале 1850 г. потомственные почетные граждане П.В. Синебрюхов, Г.Г. Куречанов, купец И.И. Спарро и англичанин Симс организовали Товарищество пароходного сообщения между Кронштадтом и Ораниенбаумом, и первый рейс состоялся 9 июля. Регулярное сообщение по этому маршруту позволило многим кронштадтцам приобретать участки на южном берегу залива, где земля была более плодородной, чем на Котлине.

Пароходная пристань товарищества «Заря»

Пароходы, ходившие здесь, были построены в Англии: сначала «Луна», затем, с 1857-го, – «Заря», с 1861-го – «Утро». «Заря» перешла от Ораниенбаума на маршрут Кронштадт – Петербург. Но открытое в 1868 г. движение пассажирских поездов между Петербургом и Ораниенбаумом позволило на ораниенбаумском направлении добавить еще два парохода: в 1869-м – «День», построенный в Бьернеборге, и в 1880-м – купленный в Германии «Луч»²⁷⁵.

При этом расписание проходных рейсов и расписание поездов были согласованы, что, естественно, сокращало время в пути. И все бы ничего, но предприимчивые люди не дремали – дело-то было прибыльным. И если пароход купца В.Н. Яшумова «Обновка», начавший выполнять рейсы с 1878 г., особых хлопот Товариществу не доставлял, то купец Н.Г. Сидоров нанес конкурентам настоящий удар.

Еще в конце 1850-х гг. он во время распутицы отправлял в рейс два буксирных колесных парохода, «Тигр» и «Стрельна».

²⁷⁴ Цит. по: Соколов А.К. Кронштадт: история длиною в 300 лет. С. 505–506.

²⁷⁵ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 86.

Кронштадтъ
Cronstadt

Ораниенбаумская пристань и пароходъ „Лучь“.
Embarcadère à Oranienbaum et bateau à vapeur „Loutsh“.

Прибытие пассажирского парохода на Ораниенбаумскую пристань

А в 1885 г. он прорыл канал от ораниенбаумского берега до вокзала железной дороги. Его колесный пароход «Николай» и два винтовых буксира доставляли пассажиров почти к самому перрону вокзала. Это было особенно удобно путешествующим с багажом. До этого им приходилось перегружаться в вагоны специально проложенной конно-железной дороги. Конкуренты ответили снижением цен, бесплатным чаем и выступлениями артистов, успевавшими во время недолгого путешествия развлечь публику, которая теперь имела возможность выбирать.

Товарищество Синебрюхова в 1889 г. прорыло в Ораниенбауме еще один канал, по которому пароходы товарищества подходили к перрону, – от пристани общества в Военной гавани по реке Кароста к вокзалу, и на линию вышел только что построенный в Швеции ледокольный пароход «Луна». На нем впервые были устроены более надежные спасательные средства: две шлюпки, несколько спасательных скамеек системы Богдановича и 12 спасательных кругов. Впервые пароход был оборудован мужским и женским туалетами. Для пассажиров 1-го класса имелся буфет с богатым выбором напитков и закусок. Каюты 1-го и 2-го классов имели паровое отопление и освещение керосиновыми лампами. 3-й класс был, разумеется, весьма простеньким. Весь путь от Кронштадта до Ораниенбаума в спокойную погоду составлял всего 20 минут. Несмотря на приобретение новых пароходов, Синебрюхов в 1894 г., видимо, устав от конкуренции, прекратил работу на линии.

Кронштадтъ. Пароходная пристань.
CRONSTADT Débarcadère.

Пароходная пристань в Кронштадте

На линии Кронштадт – Петербург конкуренция была не столь интенсивной, за исключением одного эпизода. Берд, имевший привилегию на девять лет на пароходное сообщение, работал здесь до начала 1830-х гг. В 1840-х появились первые конку-

ренты – бельгийское общество «Коккериль»²⁷⁶, а затем начали работу пароходы Петрозаводского общества «Великий князь», «Царевна» и «Геркулес». И вот в 1890 г. на линию Кронштадта – Петербург вышел новый пароход Н.Г. Сидорова – «Санкт-Петербург». Он проходил этот маршрут за полтора часа, тогда как пароходы конкурентов тратили на это два. Но Сидорову этого было мало – он значительно снизил цену, и в результате его пароход был переполнен, а на остальных команды было больше, чем пассажиров. Когда конкуренты тоже снизили цены против сидоровских и пустили свои пароходы точно по тому же расписанию, Сидорову пришлось убрать свой пароход с этой линии.

Не остался без внимания судовладельцев и северный берег Финского залива. В 1894 г. началось регулярное сообщение Кронштадта с Терийоками (ныне – Зеленогорск). Рейсы выполнял пароход «Карло» Общества легкого финляндского пароходства. В следующем году пароходы Приморской железной дороги «Лисий Нос» и «Сестрорецк» связали Кронштадт с Лисьим Носом.

Зимние дороги

Все это происходило в то время, когда восточная часть Финского залива была чистой, но с появлением льда ситуация менялась кардинально. В период ледостава и таяния льда были дни, когда связь с «Большой землей» была просто невозможна – судов на воздушной подушке еще не существовало. Не существовало и мощных ледоколов. О первой попытке создания «ледопила» уже было упомянуто. Когда лед становился достаточно толстым, по нему прокладывали ледовые дороги не только в Ораниенбаум, но и в Петербург.

Еще в 1734 г. вышел приказ «об устройстве с наступлением зимы дороги в море, с постановкою в местах, где бывают полыньи, деревянных с перилами мостов и надзора за их содержанием»²⁷⁷. Лихие извозчики могли доставить нетерпеливого пассажира из Кронштадта в Петербург всего за несколько часов, но стоили дорого. Дешевле, но медленнее добирались на санях-каретках. На всем пути через каждые 20 метров были установлены деревянные вехи с небольшими флажками. Версты обозначали высокими вехами с парусиновым флагом, разделенным на черные и белые квадраты. Сверху крепилась дощечка с указанием пройденного расстояния. На льду с зимы 1749/50 г. разрешили «поставить на половине пути избу для обогривания». Позднее изба превратилась в трактир, в котором пассажиры могли отогреться у печки, выпить рюмку водки и скромно закусить пирожком, бутербродом, а в масляничные дни – блином с семгой или свежей икрой. Описание зимней дороги в Петербург 1860-х гг. приводит известный знаток старого Петербурга П.И. Столпянский: «Теперь вехи, будки с колоколами, часовые уже поставлены на местах, построен настоящий кабак на сваях, учреждены многие второстепенные заведения этого рода, а потому зимнее сообщение может считаться совершенно устроенным».

Однако все было не так просто: «Дорога в последние дни от выпавшего снега и от нанесенных метелью бугров сделалась чрезвычайно тяжела и ухабиста, в особенности часть дороги между кабачком и Петербургом. Беда встретить тянущийся обоз, который, разумеется, ни за что не свернет с дороги. Приходится сворачивать в сторону, при этом лошади уходят по горло в снег и с трудом вытаскивают кибитку на дорогу»²⁷⁸.

Но это было не самое страшное. Бывало, и замерзали, и под лед проваливались. В 1876 г. в бывшем караульном доме у Петербургских ворот создали станцию «для предупреждения несчастных случаев на льду во время весенней и осенней распутицы». На станции имелись железная шлюпка «системы Френсиса» и три лодки на полозьях. Эти суденышки были снаб-

²⁷⁶ В Петербурге имелось представительство этого общества, которое в 1864 г. построило два монитора – «Колдун» и «Вещун» – для защиты Кронштадта.

²⁷⁷ Столпянский П.И. Историко-общественный путеводитель по Кронштадту. С. 8.

²⁷⁸ Кронштадтский вестник. 1864. № 19. С. 76.

жены шестами, лестницами, веревками, то есть всем, что может пригодиться при спасении тонущих людей. На дежурство назначались офицер, унтер-офицер, фельдшер и восемь нижних чинов. Для фельдшера в гостинице «Германия» выделили комнату с ванной, двумя кроватями и необходимыми медикаментами.

Зимняя дорога

Кибитки кибитками, а железная дорога и здесь пригодилась, правда, не надолго. Первый поезд прошел по льду от Ораниенбаума в Кронштадт 17 января 1881 г. Билет в вагоне 1-го класса, обитом внутри коврами и отапливаемом камином, стоил 75 копеек. Холодные 2-й и 3-й стоили соответственно 50 и 25 копеек. Ранней весной началась подвижка льда, и железную дорогу пришлось разобрать. Но предприимчивый ум не дремал, предлагая различные варианты передвижения по льду: то какие-то непонятные «воздушные ящики» под вагонами, то цепной путь, то «конькобежный». Но с природой бороться тогда было сложно – кронштадтские остряки шутили: «Сегодня устройте дорогу на Ораниенбаум, а завтра она отъедет к Красной Горке».

Поэтому сообщение с материком продолжалось традиционными способами. Так, в 1880-е гг. к кронштадтским извозчикам добавились «общественные кареты», то есть «дилижансы». В Ораниенбаум они отходили от Нарвской площади, прибывая на южный берег за полчаса до прихода и отхода поездов и делая по шесть рейсов в сутки.

Ледовая железная дорога

В конце января 1882 г. случилась на Финском заливе страшная буря. «В половине седьмого часа в Ораниенбаум прибыл пятичасовой петербургский поезд. На этом поезде основную массу составляли кронштадтцы. Буря была в разгаре. Несмотря на это, большинство прибывших тотчас расселись по саням и кибиткам и массою двинулись на лед. Вот здесь-то и началась ужасная драма. На совершенно гладком льду кружилась снежная пыль. На расстоянии пяти шагов ничего нельзя было рассмотреть. Огни Ораниенбаума, яркий огонь Военного угла – все исчезло. Весь громадный поезд из нескольких десятков саней сразу разбился на несколько групп. После 10-15-минутной езды по льду большинство решилось вернуться назад в поисках уже ораниенбаумского берега. Многим это удалось. Другие же плутали по льду 9-11 часов, до тех пор, пока буря не утихла.

Путешествие из Кронштадта в Ораниенбаум по каналу, пробитому ледоколом

Около двадцати дружно державшихся саней, несмотря на бурю, благополучно добрались до Петербургских ворот и прибыли в Кронштадт. Но и от этой группы, как и от группы возвратившихся в Ораниенбаум, были отставшие. На их долю выпал весь ужас борьбы с бураном. Произошло это из-за различных приключений с лошадьми. Лошади падали, их поднимали. Однако плохо подкованные лошади не могли держаться на ногах. Их буквально уносило ветром вместе с санями и седоками. Некоторых извозчиков, их саней и лошадей до сих пор не нашли. Некоторые из них добрались до будки посередине пути и заночевали там. Два или три случая с одинокими окончились трагически»²⁷⁹.

Через три дня после того, как буря утихла, между Ораниенбаумом и Кронштадтом установили еще две будки на полозьях и с печкой. В каждой будке постоянно находились три человека, спавшие по очереди. Вечером они зажигали фонарь и периодически звонили в колокол. Кроме того, стали назначать дежурного офицера с небольшой командой, которая имела все необходимое для спасения потерпевших и наведения переправ через полыньи.

Во время ледохода и ледостава, когда остров Котлин оказывался полностью отрезан от остального мира, находились смельчаки («пасачи»), перевозившие почту и таких же смелых пассажиров на каяках – в данном случае, шлюпках, поставленных на полозья. По льду «пасачи» тянули каяк с помощью шестов, переплывая на том же каяке полыньи и разводья, которые нельзя было объехать.

Чтобы увеличить период навигации, кронштадтские минеры использовали проверенный инструмент – порох. Однако при этом разрушался не только лед, но и стекла в близлежащих домах, и нежные барабанные перепонки кронштадтских барышень. Тогда решили использовать простаивавший без дела первый русский броненосный корабль – канонерскую лодку «Опыт». Способ разрушения льда был весьма эффектным, но, к сожалению, не эффективным. В носовой части лодки установили специальное устройство, которое с помощью цепей под-

²⁷⁹ Кронштадтский вестник. 1882. № 12. С. 1.

нимало несколько чугунных многопудовых гирь на высоту нескольких метров и сбрасывало их на лед. Встречные торосы предполагалось подрывать шестовыми минами, почти как в Русско-турецкую войну. Но до использования этих мин дело не дошло, «Опыт» так и остался опытом, не получившим продолжения.

Дело сдвинулось, когда за него взялся потомственный почетный гражданин Михаил Осипович Бритнев (1822–1889). Он родился в Кронштадте в купеческой семье. Механик-самоучка, он с 1840 г. уже занимался предпринимательством в Кронштадте, создал свой судостроительный завод, на котором строили баржи, небольшие пароходы водоизмещением до 300 т, а также плавучие краны. Именно Бритневу принадлежит идея перестроить носовую часть своего парохода «Пайлот» таким образом, чтобы при встрече с ледяным полем судно «взбиралось» на него и своим весом проламывало лед. «Пайлот» стал прообразом современных ледоколов. Бритнев был важной фигурой в Кронштадте. В 1868 г. его избрали городским головой, к тому же он был одним из учредителей Городского кредитного общества, 1-го Ссудного сберегательного товарищества. Именно Бритнев, понимая всю важность водолазного дела, основал в 1868 г. первую в России водолазную школу, причем на 17 лет раньше открытия в Кронштадте казенной Водолазной школы.

М.О. Бритнев

Итак, в апреле 1864 г. активная работа ледоколов «Пайлот» и «Бой» позволила открыть навигацию раньше обычного. Теперь стало возможным сообщение с материком в период, когда весенний лед уже был опасен для движения по нему. Термин «ледокол» появился именно в Кронштадте в 1865 г., сменив неудачный «ледопил». Слава Бритнева добралась и до Европы – в 1871-м в Кронштадт приезжали германские инженеры. Работа ледоколов их впечатлила, и они купили чертежи Бритнева за 300 руб., после чего началась постройка ледоколов в Гамбурге. Знаменитый С.О. Макаров заимствовал идею мощного арктического ледокола именно от бритневских ледоколов «Пайлот», «Бой» и других.

Однако смелым и «Пайлот» не указ. Путешествия по льду на материк продолжались и в начале XX в., причем многие из путешественников стартовали в Кронштадте на виду у форта «Константин». Так, канонир 5-й роты Михаил Старченко заступил в караул в 20.00 15 марта 1905 г. Его пост находился на валганге²⁸⁰ батареи «Брылкин», откуда и сегодня открывается прекрасный вид на Большой кронштадтский рейд. Весна того года была стремительной, и промоины на льду образовались буквально за неделю.

---

²⁸⁰ Валганг – верхняя часть фортификационного сооружения за бруствером. Предназначалась для установки орудий.

В 21.0 °Старченко услышал крики о помощи со стороны фарватера. Пост он покинуть не мог, но голосом вызвал разводящего, который сообщил о происшествии дежурному по караулам капитану Гестеско. Надзирателей и сторожей собрали меньше чем за минуту, и они спустились на лед, прихватив с собой доски и пару мотков крепкой пеньки. Оказалось, что в 20 сажнях от форта провалились под лед сани с лошадью крестьянина с побережья. Дружными усилиями караула форта лошадь, сани и сам незадачливый путешественник были вытащены из промоины и доставлены на форт. Там пострадавшего переодели, напоили горячим чаем, а лошадь поставили в местную конюшню, задав овса после тщательного оттирания несчастного животного.

Но это был не единичный случай в ту весну. 16 марта под лед провалился канонир Иван Кромзиков, следуя после смены из караула с форта «Кроншлот» на форт «Константин». Кромзикова спасли, а казенная винтовка утонула. 18 марта провалился под лед еще один крестьянин вместе с лошадью и санями у левого фланга форта, около 15.00 пополудни. Спасли всех. 21 марта спасли двух женщин и ребенка, шедших из Кронштадта в Ораниенбаум²⁸¹.

Еще о жизни города

Несмотря на ледовые приключения, жизнь в Кронштадте продолжалась. Во второй половине XIX в. в городе стали проходить культурные мероприятия. В 1910-е гг. на углу Цитадельской улицы и Николаевского проспекта построено здание Мещанского общества (пр. Ленина, д. 51). Здесь располагались благотворительные организации, музыкальная школа О.И. Прокофьевой, вице-консульства ряда иностранных государств. После революции здание стало Домом профсоюзов.

Театр на Осокиной площади

В 1861 г. некто Цеханович открыл на Осокиной площади (ныне – Кировский сквер) театр, располагавшийся в четырехэтажном здании, обшитом досками. Зал освещался одной

²⁸¹ Амирханов Л.И., Ткаченко В.Ф. Форт «Константин». СПб., 2014. С. 158.

люстрой, а отопления не было вовсе, поэтому зимой в особенно холодные дни представления отменяли. «Если не помешает стужа, то будет дан спектакль с участием пансионера императорских театров М.А. Максимова и госпожи Козловой-2-й» – подобные объявления иногда публиковал «Кронштадтский вестник»²⁸².

Около шести часов вечера 12 января 1872 г. из-за нечаянно пролитого керосина в театре вспыхнул пожар. В начале восьмого часа здание рухнуло, и бед могло быть гораздо больше, если бы не оперативная работа пожарных, имевших на вооружении передвижные брандмауэры полковника

Н. Эйлера. Кронштадт остался без театра, а артисты – без костюмов и жалованья. На новый театр у кронштадтской власти денег не было, и помог великий князь Константин Николаевич. Он уговорил императора выдать субсидию и разрешить Морскому ведомству бесплатно обеспечить строительство нового театра необходимыми материалами.

20 декабря 1872 г. в «Кронштадтском вестнике» было опубликовано распоряжение императора:

«1. Устроить в Кронштадте театр, фасад и план которого представить на его утверждение.

2. Ввиду того, что постройка здания не может быть окончена ранее 1874 года, уплату субсидии начать с текущего года по четыре тысячи рублей в первые два года, а затем в течение двадцати лет по три тысячи рублей, для чего вносить потребные суммы в сметы Морского ведомства.

3. По истечении срока здание перейдет в собственность города»²⁸³.

Помимо денег, полученных от официальных структур, столь нужному делу помогали и частные лица. 7 июля 1873 г. состоялась официальная закладка нового здания. Открытие театра намечалось на 21 октября 1874 г., но накануне вечером произошел еще один пожар, так что было не до представлений.

Этот пожар был одним из самых страшных за всю историю Кронштадта. Конечно, пожарам пытались противостоять, установив вокруг Обводного канал помпы, и предупреждать их. После пожаров в мае 1862 г. в Петербурге в Кронштадте было запрещено курение на улицах, но это не помогало. 12 августа 1868 г. случилось два пожара. В 7 часов утра у рынка на Козьем болоте загорелась прачечная, потом вспыхнул дом Корали. Вскоре пожар охватил еще два дома по направлению к Северному бульвару. К 13 часам пламя удалось сбить, но в это время начался пожар в Морской части. В тот день сгорело 15 жилых домов, много служебных построек и 117 лавочек рынка²⁸⁴.

Для борьбы с пожарами полковник Н. Эйлер в 1868 г. составил «Проект обеспечения города Кронштадта от распространения больших пожаров и для снабжения жителей водой». Но принятые меры не помогли ни в сентябре 1870 г., ни при страшном пожаре 4 октября 1874 г. Прелюдией к нему стали случившиеся в том же году три пожара, которые, к счастью, удалось относительно быстро потушить. 20 июня в Адмиралтействе загорелись доски в большом каменном сарае. Досок было много, много было и огня, но он не перекинулся на стоявшие неподалеку другие строения только благодаря энергичной работе пожарных.

В ночь с 10 на 11 сентября произошел пожар на Нарвской улице – горел завод Бритнева, но и с ним удалось справиться быстро. 4 октября, в начале второго часа, загорелись дома на Владимирской²⁸⁵ улице. Дома стояли очень близко друг к другу, и вскоре горел весь квартал. Но и здесь справились – полностью сгорело всего семь домов. Остальные хоть и пострадали, но восстановлению подлежали.

---

²⁸² Соколов А.К. Кронштадт: история длиною в 300 лет. С. 354.

²⁸³ Кронштадтский вестник. 1872. № 150. Приложение.

²⁸⁴ Соколов А.К. Кронштадт: история длиною в 300 лет. С. 309.

²⁸⁵ Эта улица со 2 ноября 1918 г. называлась Красноармейской, с 7 июля 1993-го – снова Владимирская.

И вот – 20 октября. Вечером в доме купца Гаврилова на углу Александровской и Купеческой улиц²⁸⁶ вспыхнула занавеска. Огонь стал быстро распространяться по комнате и вскоре «пробил» стену во двор. Пока пожарные, прибывшие через 11 минут после сигнала тревоги, ломали ворота, сильный ветер перекинул пламя на соседний дом. Описание ужасной картины этого стихийного бедствия опубликовал, разумеется, «Кронштадтский вестник».

Пожар в Кронштадте 20 октября 1874 г.

«Огненный дождь сыпался на весь город в виде громадных искр, долетавших до противоположной оконечности города у Петербургских ворот. Под влиянием жестоких порывов, по временам доходивших до степени шторма, громадные головни отрывались от объятых пожаром домов и летели на соседние здания. Пожар распространялся с изумительной быстротой. В 10 часов пламя уже достигло Посадской улицы и распространялось вширь по Владимирской, Высокой, Розовой, Купеческой и Березовой улицам, идущим параллельно направлению огня. В 11,5 часа горели уже дома на Господской, церковь Владимирской Божией Матери, и пожар, распространяясь с необычайной быстротой, грозил Гостиному двору, рынку на Павловской улице. В начале второго часа загорелся западный фас Гостиного двора и самый двор внутри. Усилия пожарных и всех морских и сухопутных команд были не в состоянии удерживать огонь и были направлены на то, чтобы остановить дальнейшее распространение в сторону и прекратить движение огня у каменной стены морских казарм, известных под названием „новослужительских“ флигелей. В 2,5 часа Гостиный двор уже горел, первый „новослужительский“ флигель и первый от собора офицерский были в большой опасности. На дворе казарм горели баня и две кухни. В это время пожарные части работали на углу Владимирской и Господской улиц, удерживая пожар от распространения к северу и отставив бани Байкова и Бритнева и угловой дом Шляковой. Эти последние распоряжения способствовали ограничению пожара с юга. Сами жители и домовладельцы в то же время тушили надворные строения в доме почетного гражданина М.Н. Синебрюхова, что также способствовало к ограничению распространения пожара со стороны Английской церкви, Английского госпиталя и других зданий, расположенных по Посадской и Андреевской улицам. Главные же силы, состоявшие из четырех пожар-

²⁸⁶ Александровская улица со 2 ноября 1918 г. – ул. Троицкого, с 1929-го – ул. Зосимова; Купеческая со 2 ноября 1918-го – Гражданская.

ных баркасов, работавших на Обводном канале, парового локомотива и всех пожарных партий морских команд, были употреблены для возможного уменьшения огня восточного фаса Гостиного двора и удерживания в границах пожара бани и кухонь первого служительского флигеля, в котором помещался второй флотский экипаж. Здесь находился военный губернатор и главный командир, вице-адмирал П.В. Казакевич, и здесь шла самая упорная борьба со страшным пожаром. В 4 часа весь Гостиный двор и частью разобранные лавочки рынка у стенки были объаты все сокрушающим пламенем, но стенка помогала удержать пожар построек внутри казарм. Эти постройки, совсем обгоревшие внутри, служили барьером и способствовали остановке огня от дальнейшего распространения. В 5 часов можно было уже надеяться, что пожар будет прекращен, а в исходе шестого часа сделалось уже ясным, что дальнейшего распространения пожара ожидать нельзя»²⁸⁷.

На следующий день была организована временная столовая для пострадавших бедняков. Кое-как разместили погорельцев, потерявших свои дома. Пожар уничтожил 101 деревянный и 18 каменных домов, одну деревянную церковь, две часовни, Гостиный двор и в нем 50 торговых лавок, еще 78 лавок – у стены казармы. Погибли два человека.

Вскоре после пожара в Кронштадте была создана Комиссия, которая занималась сбором пожертвований пострадавшим и, кроме того, озаботилась строительством жилья для особо нуждающихся. Городу и его жителям помогали всем миром.

Так, 25 октября 1874 г. «Санкт-Петербургский биржевой комитет вследствие получения заявления от биржевого купечества о желании оказать пожертвованиями посильную помощь жителям Кронштадта, пострадавшим от пожара 20, 21 сего октября, открыл подписку»²⁸⁸. В подписном листе числилось 56 человек, а общая сумма пожертвований составила 7100 руб. Кроме того, биржевые корабельные маклеры собирали деньги в пользу «трех небогатых лиц купеческого сословия, не застраховавших своего имущества».

Все жертвователи получили благодарность занимавшего должность кронштадтского городского головы П.А. Коргуева.

Восстановление уничтоженного пожаром началось в 1875 г. Причем дома строили в основном каменные. Большую помощь оказало городское Кредитное общество, резко снизившее процент на кредиты.

Была проведена реорганизация пожарной команды, однако полностью исключить пожары не удалось.

Именно из-за этого пожара открытие нового сезона в театре на Осокиной площади и было перенесено на 23 октября 1874 г.

При этом присутствовали великие князья генерал-адмирал Константин Николаевич, которому Кронштадт был обязан и театром, и многим другим, и Алексей Александрович, который через семь лет сменит на посту генерал-адмирала своего дядю.

Огромный для того времени зрительный зал вмещал почти 900 человек, кроме того, как и во всяком приличном театре, имелись специальные ложи: императорская, генерал-адмирала, главного командира порта и директорская. Представления давали по вторникам, пятницам и воскресеньям, но выгодным коммерчески это предприятие не было, хотя периодически в нем можно было увидеть и столичных звезд.

Однако эту «гордость Кронштадта» ждала печальная участь. В ночь на 28 декабря 1880 г. в здании театра вспыхнул пожар. Пожарные взломали двери, но из-за удушающего дыма проникнуть внутрь не смогли. В этом дыму погибла семья зрителя театра, поручика Гарриса, – все восемь человек, включая малолетних детей.

---

²⁸⁷ Кронштадтский вестник. 1874. № 122. С. 488.

²⁸⁸ ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 1391. Л. 2.

Кронштадт. Нарвская площадь.
Cronstadt. La place du Narve.

Нарвская площадь

В начале 1881 г. главный командир порта назначил специальную комиссию с участием представителей города для разработки проекта нового театра. Но ни этот проект, ни все последующие реализованы не были. Обгорелые стены простояли до 1929 г., когда их продали на слом ленинградской артели «Коопесок».

Из других культурных развлечений следует отметить регулярные выступления цирковых артистов на Нарвской площади. Поначалу особенно популярным был Итальянский цирк М. Труцци, в котором выступал знаменитый дрессировщик А.Л. Дуров. Позднее городская дума разрешила ему устроить на Нарвской площади собственный цирк. Дурову удавалось привлекать известных артистов в свою труппу, и ее выступления всегда пользовались большой популярностью кронштадтцев. Этот цирк работал до революционных потрясений, во время которых стал местом многочисленных митингов, но в 1919 г., не выдержав громких речей и призывов, сгорел.

Каток на Итальянском пруду

На Нарвской площади в выходные и праздничные дни работали карусели, качели, выступали знаменитый канатоходец Молодцов, а также бродячие артисты, предсказатели будущего и прочие шарлатаны. Здесь же, при большом стечении народа, популярной была игра, в которой в круг запускали поросенка с намазанным салом хвостиком. Играющие пытались поймать

несчастное, неистово визжащее животное за этот самый хвост. Кроме источника веселья она стала первым в Кронштадте тотализатором.

По праздникам гуляния устраивались в Петровском парке и Летнем саду, обязательным участником гуляний был духовой оркестр. Зимой в городе заливали несколько катков, но лучший был на Итальянском пруду. Каток по сторонам украшали елками и освещали фонарями. По вечерам обычно было много народа, для которого имелся павильон с мужской и женской раздевалками, по воскресеньям для катающихся играл духовой оркестр. Здесь периодически устраивали костюмированные вечера и конкурсы фигуристов, которые, правда, еще не знали, что такое тройной тулуп, пользуясь при случае обычным. Победители, которых определяла публика, получали ценные призы: золотые браслеты, броши, жетоны, серебряные портсигары. Среди завсегдатаев катка была жена адмирала С.О. Макарова²⁸⁹.

Однако кроме веселья и развлечений были суровые будни и настоящие трагедии. Об одной из них – гибели семьи Гарриса при пожаре театра в 1880 г. – уже было рассказано. Но эта история далеко не исключение.

Кронштадтский Пароходный завод

Одним из важнейших предприятий Кронштадта являлся Мортонев эллинг²⁹⁰, построенный в 1855 г. на берегу Средней гавани, между мачтовыми сараями. Он позволял быстро вытаскивать судно на берег для ремонта, после чего быстро спускать на воду. Длина эллинга составляла 238 м, ширина – 17,7 м. 3 ноября 1860 г. на слип эллинга посредством паровой машины, изготовленной в Англии, был поднят пароход «Владимир».

Увеличение размеров кораблей потребовало строительства нового дока, который в честь генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича назвали Константиновским. Его постройка, начатая в 1861 г., завершилась в 1876-м. Строительство этого дока было сопряжено с массой технических проблем, которые были успешно решены. Например, грунт вывозили по узкоколейной железной дороге, построенной специально для этого.

Торжественное открытие дока состоялось 29 июля 1876 г. в присутствии императора Александра II, наследника цесаревича и, разумеется, самого Константина Николаевича. Столь важное событие почтили своим присутствием короли Дании и Греции, другие высокопоставленные лица. Первым в док был введен эскадренный броненосец «Петр Великий». Именно с этого мощного корабля началось в России создание океанского броненосного флота.

---

²⁸⁹ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 100.

²⁹⁰ Мортонев эллинг – сооружение для подъема на берег небольших судов. Названо по имени шотландского инженера Мортонна, построившего в 1818 г. первый эллинг такого типа.

Император Николай II прибыл в Кронштадт на открытие Алексеевского дока. 1914 г.

Забегая вперед, отметим, что уже к концу 1880-х гг. в связи с реализацией новой кораблестроительной программы потребовался док больших размеров. Поэтому 19 октября 1896 г. в Кронштадте торжественно открыли уже четвертый сухой док, названный в честь императора Александра III – Александровским. Но и это был не предел. 30 июля 1911 г. для ремонта линейных кораблей типа «Севастополь» в Кронштадте заложили док, который и сейчас является самым большим сухим доком в России. Его назвали Алексеевским в честь наследника цесаревича Алексея. Полезная длина дока – 229 м, полная – 267 м, ширина входа – 36 м, глубина на пороге – 10,7 м.

Весь этот сложный комплекс сухих доков дополняли несколько плавучих доков. Вокруг Петровского дока располагалось так называемое «Старое Адмиралтейство», в котором располагались различные мастерские. У Пароходного завода размещалось «Новое Адмиралтейство», включавшее лесопильный завод, столярную, малярную, шлюпочную, парусную, такелажную, водолазную и сапожную мастерские, а с 1891 г. – портовую швальню²⁹¹. Расположение этих мастерских было не самым удачным, что отмечалось в «Обзоре деятельности морского управления в России в первое двадцатилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1855–1880»: «Разбросанное положение адмиралтейских заведений в Кронштадте, служа источником многих злоупотреблений и беспорядков при постройке, исправлении и вооружении судов, затрудняло и замедляло вместе с тем ежедневные действия всех отраслей портового управления»²⁹².

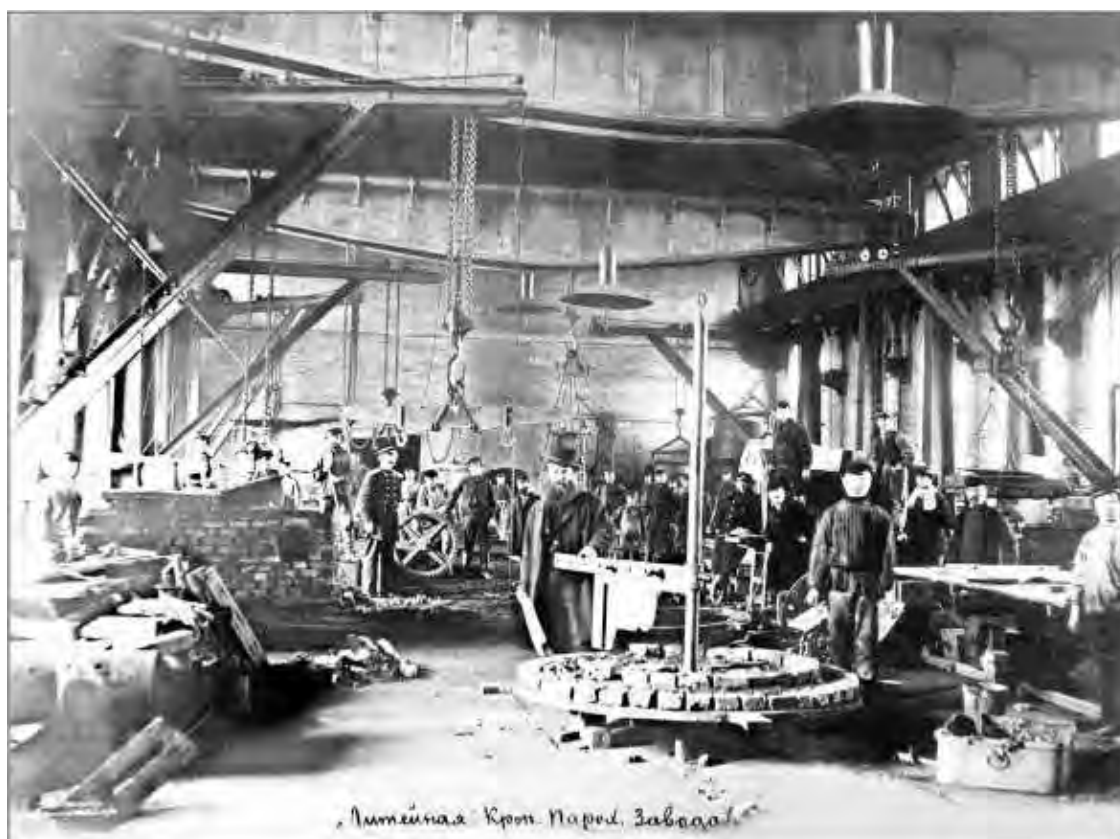
Это обстоятельство, а также все усложнявшееся обеспечение деятельности боевых кораблей и их достройки требовали наличия в Кронштадте структуры, соответствовавшей поставленным задачам. Такой структурой стал Кронштадтский Пароходный завод, первоначально задумывавшийся как судостроительный. Для изучения передового английского опыта в 1846 г. в Туманный Альбион направили командира Северного округа Морской строительной части инженер-генерал-майора В.П. Лебедева и архитектора Строительного департамента при Мор-

²⁹¹ Швальня – портняжная мастерская.

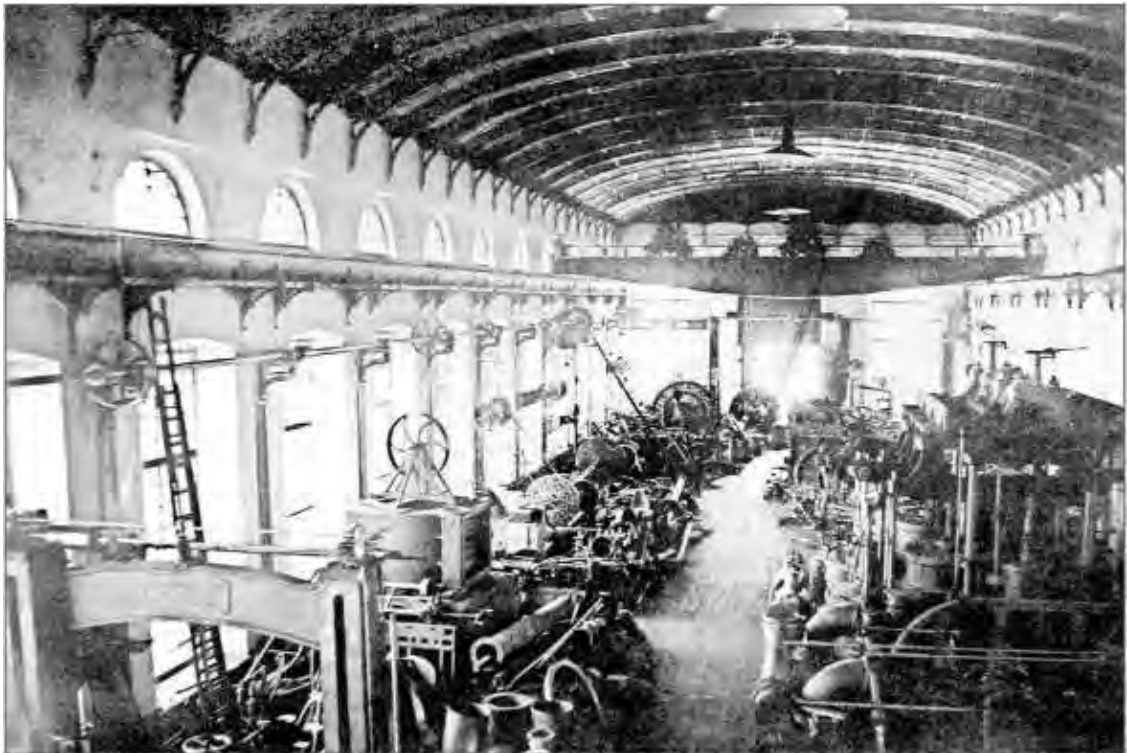
²⁹² Цит по: *Крестьянинов В.Я.* Кронштадт. С. 39.

ском министерстве А.С. Кудинова. После возвращения из Англии, 24 января 1847 г., Лебедева назначили строителем завода, а Кудинову поручили проектирование корпусов завода. А уже менее чем через месяц, 11 февраля, состоялась официальная закладка, и у Арсенальной набережной начали забивать сваи. Однако уже после того, как забили 158 свай, выяснилось, что завод следует перенести несколько восточнее. Таким образом, завод оказался в Лесной гавани, напротив шлюпочных сараев. В декабре 1848 г. Лебедев скончался, и его сменил инженер-полковник А.В. Модрах.

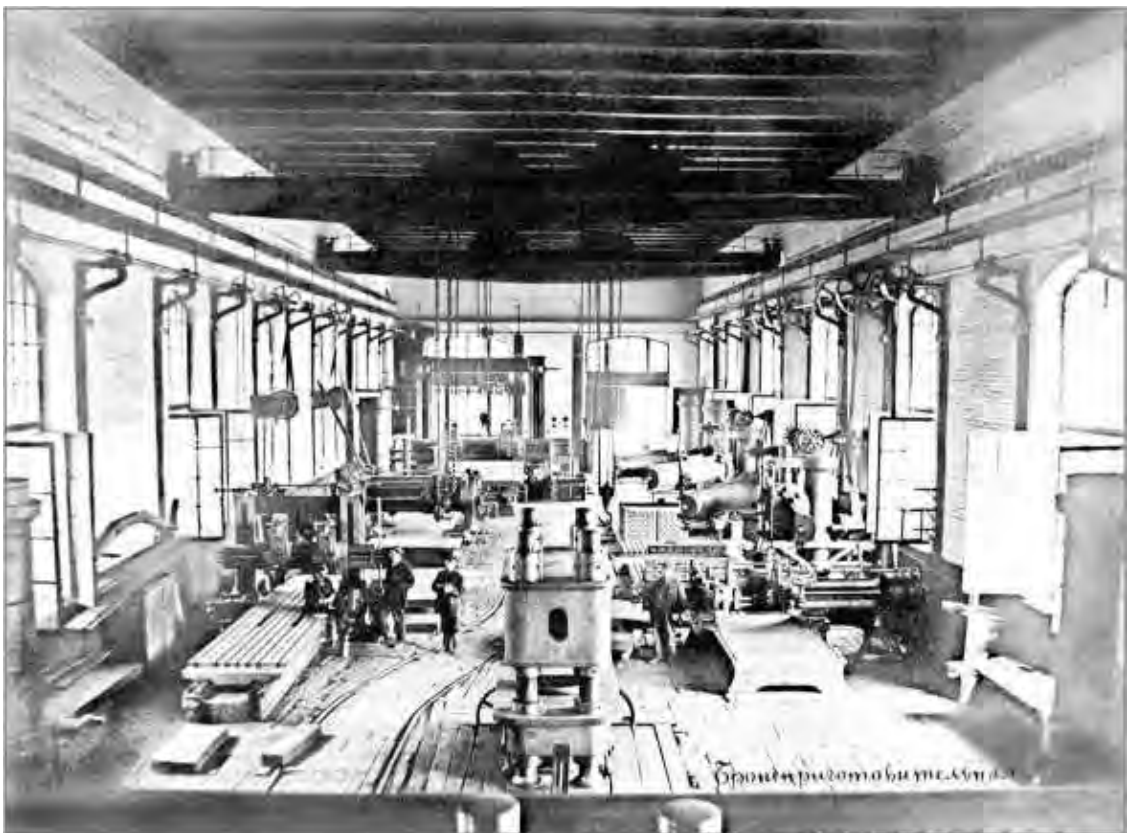
По проекту главный корпус завода имел форму замкнутого каре, образуя обширный внутренний двор, в котором располагались еще два дополнительных корпуса. В 1850–1851 гг. выполнили кирпичную кладку стен всех корпусов, а к 1854-му их уже покрыли железными крышами.

Литейная мастерская Пароходного завода

Сборочная мастерская Пароходного завода

Броневая мастерская Пароходного завода

Строительство завода шло неравномерно в силу неравномерного выделения денег. В конце Крымской войны потребовалось отремонтировать канонерские лодки, построенные для

защиты Кронштадта от англо-французской эскадры. Для этого следовало существенно изменить структуру завода – устроить специальные мастерские в северо-восточной части главного здания. Таким образом, завод из судостроительного постепенно превратился в судоремонтный, хотя периодически строил небольшие суда.

Официальное открытие завода состоялось 3 марта 1858 г. Причем зажечь первый огонь в печах и пустить в ход первый станок доверили чиновнику по особым поручениям Морского министерства Н.И. Путилову. Ставший позднее знаменитым на всю Россию предпринимателем, он много сил и средств потратил на поддержку Кронштадтского Пароходного завода.

Броненосец «Петр Великий» на достройке в Кронштадте

А первым начальником завода долгое время служил опытный инженер-механик А.И. Соколов, много сделавший для развития этого весьма важного для Кронштадта предприятия. Первой самостоятельной работой завода стала «выделка чугунных кильблоков для южного дока имени Петра I».

Высокий уровень выполнения работ, отличное качество материалов были оценены на Всемирной выставке 1862 г. в Лондоне. Заводу вручили несколько медалей, в том числе за «пушечный лафет по чертежу полковника Пестича»²⁹³. А в 1872 г. на Московской политехнической выставке заводу вручили «Большую золотую медаль» за разработку и изготовление «водопреснительного аппарата судового самовара и камбуза»²⁹⁴.

Постепенно сложилась система строительства боевых кораблей: строили их в Петербурге, затем переводили в Кронштадт, где Пароходный завод устанавливал механизмы, исправлял недостатки. И отсюда корабли уходили на испытания, после которых возвращались на завод для устранения возникших неполадок. Одной из первых крупных подобных работ стал монтаж «800-сильных» паровых машин на линейных кораблях «Синоп», «Цесаревич» и фрегате «Олег». Огромное значение для артиллерии флота имела важнейшая работа, проделанная Пароходным заводом в 1858–1861 гг. Впервые в России несколько гладкоствольных корабель-

²⁹³ Пестич Филимон Васильевич (1821–1894) – генерал корпуса морской артиллерии (1893), изобретатель, много сделавший для развития корабельной и береговой артиллерии.

²⁹⁴ Соколов А.К. Кронштадт: история длиной в 300 лет. С. 447.

ных орудий были переделаны в нарезные. В 1861 г. здесь были проведены опыты по изготовлению броневой плиты путем кузнечной сварки из нескольких листов тонкого железа. Эти опыты позволили заводу выполнить сложный заказ на изготовление брони для первого отечественного броненосного корабля – канонерской лодки «Опыт». Не менее сложным и ответственным был и заказ на изготовление корпуса императорской яхты «Держава». И эту работу завод в 1864 г. выполнил успешно. А в октябре 1871 г. в присутствии адмирала А.А. Попова на Пароходном заводе выполнена уникальная по сложности отливка из меди форштевня для броненосного корабля «Петр Великий». Уникальным был и вес отливки – 224 т. Приложил завод руку (точнее, руки своих талантливых мастеровых) и к созданию отечественного подводного флота. В 1881 г. здесь были изготовлены важные детали и механизмы для подводной лодки С.К. Джевецкого.

Но не только военными заказами жил завод. И ныне гости Кронштадта восхищаются великолепной решеткой Летнего сада, выполненной на Кронштадтском Пароходном заводе.

О городской власти и не только

В предыдущих главах упоминался кронштадтский городской голова, поэтому следует несколько слов сказать и о нем. С военными все понятно: начальниками Кронштадта как военного порта и города начиная с 1723 г. являлись главные командиры, начиная с 1809 г. им добавились функции военного губернатора Кронштадта. Собственно крепостью командовали коменданты.

Купеческая гавань Кронштадта

Но кроме военных в Кронштадте было немало и гражданских людей, которыми тоже надо руководить. Начинать рассказ о гражданских руководителях надо, разумеется, с Петра I. Еще в начале 1720 г., как и во многих в своих делах копируя принципы устройства городов Западной Европы, учредил он в Петербурге Главный магистрат. Разумеется, это распространялось и на Кронштадт. После Петра магистрат то упразднялся, то возрождался, и лишь в 1785 г. Екатериной II была создана устойчивая система городского управления. Ее зафиксировала

«Жалованная грамота на права и выгоды городам Российской империи». На основании этой грамоты образовались городские так называемые «шестигласные» думы. Первым кронштадтским городским головой дума выбрала Михаила Блохина. Он выполнял свои функции с 1786 по 1789 г. Его сменил Федор Небученов, работавший в этой должности с 1789 по 1795 г.

На основании нового городского положения, принятого в 1872 г., в Кронштадте прошли выборы в новую думу.

Весеннее освящение скота на набережной Обводного канала у Соборной улицы

«Кронштадтский вестник» не мог пройти мимо такого мероприятия и опубликовал небольшой анонс этих выборов: «Кронштадтская городская Дума, на основании 27 ст. Высочайше утвержденного 16-го июля 1870 года городского положения, имеет честь известить г.г. обывателей, имеющих право голоса на избирательных собраниях в гласные Думы, что по постановлению городской Думы назначаются общие собрания в общественном зале г.г. обывателей города, состоящих во втором разряде составленных Думою списков, 15-го сего марта, в 11 часов утра, и третьем разряде 17-го марта в те же часы, для избрания из среди себя известного числа лиц в гласные Думы. При этом городская Дума предваряет, что в случае неприбытия в сказанные собрания 15-го и 17-го марта должного числа лиц г.г. обывателей города, второго и третьего разрядов, имеющих право голоса, собрания, согласно 41 ст. городского положения, будут считаться недействительными».

Господская улица

Итак, в 1872 г. состоялись выборы в новую думу, которая на своем первом заседании избрала городским головой бывшего преподавателя физики и астрономии штурманского училища, бывшего редактора газеты «Кронштдтский вестник» отставного полковника Павла Алексеевича Коргуева. На следующем заседании городской голова принял присягу, после чего дума избрала городскую управу и назначила ей содержание «по шестисот рублей в год каждому и, кроме того, двести рублей добавочных тому из них, кто займет должность казначея».

Городская дума заседала в здании градских присутственных мест на Господской улице (об этом доме уже упоминалось).

Тот же «Кронштадтский вестник» рассказал и о том, как проходило одно из заседаний: «Голова и секретарь уселись за длинным столом, покрытым красным сукном. Гласные стали размещаться за двумя огромными столами в виде подковы».

Одев цепь, городской голова произнес обычную фразу: „За прибытием законного числа гласных, заседание объявляю открытым“.

Заседание началось. В самый разгар прений появился сторож и начал зажигать огарки в люстре. Немного погодя показался другой и стал стирать пыль со столов. Один из гласных показал на перепачканные пылью рукава сюртука.

Поморская улица

Прения были оживленными. И здесь, как в настоящем парламенте, есть своя левая и правая стороны и центр. Левая, как и следует, всегда оппонирует, хотя и не всегда красноречиво и толково. Правая держится солидно, мнения ее членов выражаются последовательно. Центр большей частью безмолвствует и глубокомысленно созерцает. Наконец, за задним столом размещается резерв всех партий, делающий иногда вылазку.

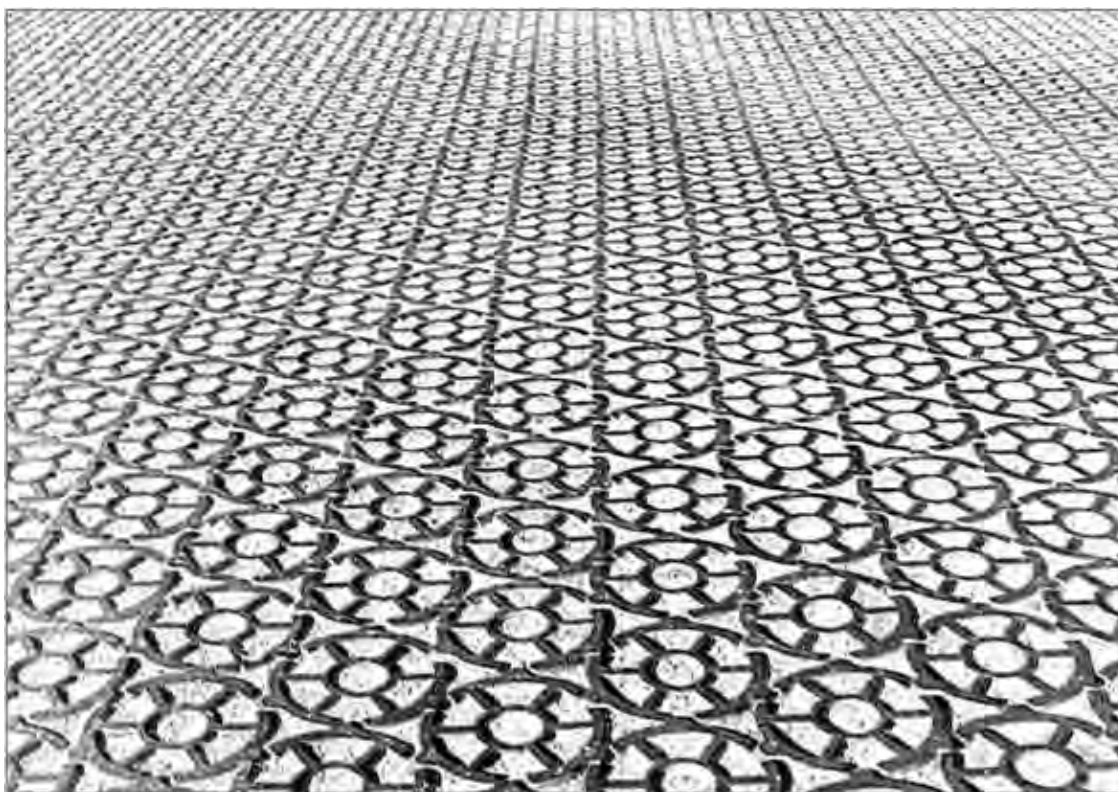
Городской голова сдержан и, видимо, желает быть беспристрастным. Ораторам предоставляется говорить по порядку, но очень часто один неожиданно вскакивает и прерывает другого. Нередко раздается звонок. Вообще же прения идут очень и очень порядочно, принимая в расчет нашу непривычку к публичной общественной деятельности.

Немного спустя, появился поднос, уставленный стаканами с чаем. Начали обносить, конечно, с головы, потом секретарю, гласным. До публики поднос не дошел. Спустя немного, явился с махалкой сторож и начал гасить догоравшие свечи. Зачадило. Прения продолжались. Время шло...»²⁹⁵.

---

²⁹⁵ Кронштадтский вестник. 1881. № 148. С. 4.

Фрагмент чугунной мостовой

Заканчивая рассказ о Кронштадте в годы правления императора Александра II, следует отметить некоторые знаковые события этого периода. Например, появление в Кронштадте чугунной мостовой. Она была устроена в 1860 г. у Пенькового моста и, как писал в следующем году инженер-полковник Н.П. Эйлер, «простояла одну из самых суровых зим без всякого изменения и дурных последствий»²⁹⁶. Идея эта в Кронштадте прижилась настолько, что в 1862-м чугунную мостовую устроили под Петербургскими воротами и вдоль Петровской улицы, в 1863-м – вдоль Большой Екатерининской, а в 1864-м – от Пароходного завода до северного вала и вдоль стены Петровского Адмиралтейства на Якорной площади. Люди много лет ходили по этим мостовым, но, к сожалению, большая часть их со временем была утрачена, и лишь в 1974–1975 гг. восстановили небольшие участки чугунной мостовой на Октябрьской улице и на Якорной площади.

Сложная навигационная обстановка у острова Котлин еще в 1719 г. вынудила Петра I приказать, чтобы на Котлинской косе по ночам зажигали фонари. В 1857 г. для облегчения входа на Большой Кронштадтский рейд построили два створных маяка с секторным освещением, соответствующим безопасной части фарватера. Однако оставались подводные препятствия, и для обеспечения безопасного плавания в этом районе в 1863 г. был создан цех кронштадтских лоцманов, состоявший из 30 лоцманов. Временный проект его устава Александр II утвердил в августе 1863 г., а окончательный – лишь в ноябре 1873-го. Лоцманы (исключительно русские подданные) обеспечивали лоцманскую проводку судов от Толбухина маяка до вех Большого Невского фарватера. Далее эстафету принимали лоцманы Петербургского цеха, основанного Петром I еще в 1719 г. Школа лоцманов располагалась на южном берегу залива, в селе Лебяжье.

Совсем недалеко на запад от Лебяжьего находилась в те годы еще деревня Красная Горка. В начале XX в. здесь будет построен мощный форт, а в середине века XIX на окраине деревни

²⁹⁶ РГАВМФ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 8906. Л. 16.

располагался телеграф²⁹⁷. Однако это был не электрический телеграф, к которому мы давно привыкли, а вышка, информация с которой передавалась либо флажной системой, либо световыми сигналами. К сожалению, точно установить это мы пока не можем, но вполне вероятно, что на вышках использовалась система Клода Шаппа²⁹⁸. Известно, что перед самым началом Крымской войны по всему побережью Финского залива были построены телеграфные вышки, причем в Сестрорецке для этого пришлось вырубить несколько десятков дубов в заповедной роще Петра Великого²⁹⁹. Именно телеграф Красной Горки сообщил всем о приближении в 1854 г. англо-французской эскадры.

Здесь необходимо сделать небольшой экскурс в историю телеграфа. Один из первых проектов электрического телеграфа был предложен в 1753 г. Ч. Морисоном из Шотландии. Далее регулярно выдвигали различные проекты и идеи: в 1794 г. – Рейсер, в 1816-м – Рональд, в 1820-м – знаменитый А. Ампер, и, наконец, в 1830 г. – русский ученый П.Л. Шиллинг (1786–1837) изготовил «электрикомагнитический телеграф» (именно так назывался его аппарат), состоявший из приемного прибора и передаточного. «В первом было шесть мультипликаторов, в которых висело столько же стрелок, соединенных с круглыми булавками, белыми с одной стороны и черными – с другой. Телеграфные станции предполагалось соединить 8 проволоками, из которых шесть шло к мультипликаторам, одна служила для обратного тока и одна была соединена со специальным прибором, который звоном давал знать о начале телеграфирования. Передаточный прибор составляла клавиатура из 16 клавишей. При нажатии на клавиши замыкался ток, проходивший через один из мультипликаторов приемного аппарата другой станции. От действия тока магнитная стрелка поворачивалась вместе с булавками. Различные комбинации белых и черных сторон этих булавок обозначали определенные буквы. Впоследствии Шиллинг устроил приемный прибор с одним только мультипликатором, и азбука составлялась из движений одного бумажного кружка»³⁰⁰.

В 1832-м ученый демонстрировал свое изобретение императору Николаю I, который заинтересовался этим и велел установить его в Зимнем дворце. В результате в мае 1837 г. «Шиллингу было предложено соединить линией своего телеграфа Петербург с Кронштадтом. Первые опыты подводной передачи в Петербурге дали хорошие результаты. Однако в июле Шиллинг умер, и устройство телеграфной линии Петербург – Кронштадт было отложено на полтора десятка лет»³⁰¹.

Полтора десятка лет прошли, и в 1853 г. фирме «Симменс и Гальске» была поручена постройка железнодорожной телеграфной линии от Варшавы до прусской границы. Кроме того, граф Клейнмихель поручил «Симменсу» еще одну важную работу, которую проводил брат Вернера Симменса Карл. «Осенью 1853 г. Карл окончил кронштадтский кабель к полному удовольствию графа. Это была первая в мире подводная линия, остававшаяся совершенно пригодной в течение весьма продолжительного времени. Употребленные для кабеля гуттаперчевые провода с броней из железных проволок оказались превосходными»³⁰².

Этот кабель предназначался исключительно для Морского ведомства, но кронштадтское купечество попыталось к нему присоединиться. И 28 июля 1853 г. купец 1-й гильдии Герман Капгер обратился в Морское ведомство со следующим письмом:

²⁹⁷ Телеграф – от греч. *τῆλε* — «далеко» + *γράφω* – «пишу».

²⁹⁸ В 1794 г. во Франции была построена первая линия из 20 станций по системе К. Шаппа. «Каждая из них была оборудована вертикальной мачтой, напоминавшей железнодорожный семафор. К концу мачты были прикреплены подвижные линейки, при помощи шнуров и блоков линейки могли принимать 196 различных положений и таким образом изображать не только все буквы, но и отдельные часто встречающиеся слова» (*Будовиц Я. У История телеграфа. М.; Л., 1937. С. 25*).

²⁹⁹ См. подробнее: *Амирханов Л.И. Заповедная роща Петра Великого (парк Дубки) в Сестрорецке. СПб., «Остров», 2016.*

³⁰⁰ *Будовиц И. У. История телеграфа. С. 58.*

³⁰¹ *Будовиц И. У. История телеграфа. С. 69.*

³⁰² Там же. С. 110.

«По договоренности с гг. Сименс и Гальске условий с Главным управлением Путей сообщений и публичных зданий на устройство электромагнитного телеграфа от Санкт-Петербурга через Петергоф и Ораниенбаум до Кронштадта некоторые из почтеннейших лиц, торгующих при бирже купечества, будучи убеждены, что быстрое сообщение между Биржею и Кронштадтской гаванью должно принести торговле неисчислимы пользы и выгоды, поручили мне представить обстоятельство это на благоусмотрение биржевого комитета, прося оный предоставить со своей стороны высшему начальству для ходатайствования Всемилостивейшего разрешения Государя императора на приобщение к имеющему ныне строиться казенному телеграфу отдельного провода для передачи торговых депеш прямо от Биржи Кронштадта и обратно с отдачею сего торгового телеграфа в непосредственное распоряжение Биржевого комитета»³⁰³.

Биржевой старшина попросил кронштадтских предпринимателей ответить согласием или несогласием на это предложение. И они ответили согласием, причем список согласившихся занимает три с половиной страницы. Однако совершенно непонятна была финансовая сторона этого дела. Но пока биржевой комитет пытался найти деньги, император 26 декабря 1853 г. «Высочайше повелеть соизволил устроить электромагнитное телеграфное сообщение Главного адмиралтейства в Санкт-Петербурге с главным командиром в Кронштадте и по телеграфу сему дозволить Санкт-Петербургскому Биржевому купечеству иметь сношения с кронштадтской торговлею за особую плату лица, которому депеша назначена и подпись отправителя»³⁰⁴. Тогда же был составлен «Проект положения о передаче депеш по электромагнитному телеграфу между Санкт-Петербургом и Кронштадтом», который содержал следующие пункты:

«1. Депеша подается в контору телеграфа отправителем лично или через посланного, в последнем случае должна быть запечатана в конверт.

2. Депеша должна быть писана на Русском языке четким письмом и за подписью отправителя по форме при сем приложенной.

3. Депеши принимаются на станциях телеграфа ежедневно, не исключая выходных и праздничных дней с 8 час утра до 8 час вечера.

<...>

6. За передачу депеш в назначенное в п. 3 время взимается: за депешу, состоящую от 1 до 20 слов 70 коп серебром; 21–50 слов – 1 руб. 30 коп; 51–100 слов – 2 руб.

В счет входят адрес, которому депеша назначена, и подпись отправителя. Знаки числительные или цифры вместе поставленные, ежели не превышают пяти цифр, считаются за одно слово. Например, 1854 года или 315 кип или 3 бочки составляют по два слова, а 115.860 аршин или 195.760 рублей – по три слова. Слова, заключающие в себе более семи слогов, считаются за два слова, так, например, неудобноисполнительный или благоприятствующая считать по два слова. Точки и запятые и подобные знаки вовсе не считаются.

9. В плате за депешу заключается весь расход за передачу депеши с доставлением таковой до места жительства получателя, и сей последний ничего уже не платит.

11. В принятии депеши подателю выдается ерлык (так в документе. – Л. А.) с обозначением года, месяца и часа, минуты подачи, имя отправителя и кому адресована, наконец количества взысканных за передачу денег по форме <...>.

12. В случае долгого не получения ожидаемого отправителем депеши ответа ему предоставляется право предъявить ерлык в подаче депеши, осведомляться в конторе телеграфа, в какое именно время депеша его передана.

13. Отправителю депеши предоставляется право для удостоверения в правильности передачи оной, просить об обратной передаче своей депеши за половинную плату со станции, куда она адресована.

³⁰³ ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 740. Л. 1.

³⁰⁴ ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 745. Л. 2.

14. Ежели переданную депешу одинакового содержания назначено сообщить из конторы телеграфа кроме первого адреса еще другим лицам, то за каждую писанную копию депеши взимается по 50 коп серебром»³⁰⁵.

При обсуждении этого Проекта «начальник 1-го округа Путей сообщения инженер-полковник Гергард изъявил желание, чтобы в п. 9 убрать передачу депеш до места жительства, т. к. Правление телеграфа встречает неудобство в принятии на себя рассылку депеш по городу. Биржевой комитет предлагает перенести это на биржевое купечество».

В итоге «Положение об электромагнитном телеграфе между Санкт-Петербургом и Кронштадтом» было Высочайше утверждено 26 марта 1854 г. Этот документ, который подписал «Главноуправляющий Кляйнмихель», содержит очень важную информацию:

«1. Электромагнитный телеграф между Санкт-Петербургом и Кронштадтом имеет два проводника: один от Императорского Зимнего дворца чрез Александрию в Кронштадт. Другой от Главного Адмиралтейства в Санкт-Петербурге прямо в Кронштадт.

2. Телеграф от Зимнего Дворца чрез Александрию в Кронштадт назначаются собственно для Высочайших Государственных Императорских повелений и для всеподданнейших Его Императорскому Величеству донесений.

3. Телеграф от Главного Адмиралтейства в Санкт-Петербург прямо в Кронштадт назначается для сношений всех департаментов и Канцелярий Морского ведомства с Главным командиром в Кронштадте; и для сношений Санкт-Петербургского Биржевого комитета с Кронштадтскою торговлей.

4. Депеши передаются посредством телеграфических станций. Станции находятся 1. В императорском Зимнем Дворце. 2. В Главном Адмиралтействе в Санкт-Петербурге. 3. В Александрии. 4. В Кронштадте.

5. Офицер, получив депешу Морского Ведомства, записывает ее в особую книгу и немедленно отправляет.

6. Получив депешу Морского Ведомства, офицер немедленно запечатывает оную и отправляет по принадлежности.

7. Депеши биржевого купечества в Санкт-Петербурге и Кронштадте принимаются к передаче по телеграфу – единственно коммерческого содержания, по предметам до торговли относящимся.

8. Депеши политического содержания ни в каком случае не допускаются»³⁰⁶.

Штат телеграфной станции в Кронштадте состоял из следующих лиц:

начальник станции (в чине штабс-капитана или поручика) – один. Жалованье по чину, столовых 214 руб.;

помощник начальника (подпоручик или прапорщик) – один – 142 руб.;

унтер-офицер – один – 69 руб. 86 коп. (без столовых);

сигналистов старших – четыре – по 50 руб. 48 коп.;

младших – три – по 43 руб. 33 коп.;

сторожей – два – по 43 руб. 33 коп.

Кроме того, выделялись деньги на обмундирование унтер-офицеров, сигналистов и сторожей, на провиант всем, канцелярские расходы, отопление и освещение.

Кронштадтские купцы, судя по всему, своего добились, так как в одном из документов отмечалось, что «телеграфное действие в Главном Адмиралтействе для сношения с Кронштадтом будет открыто для биржевого купечества с воскресенья 16 сего мая 1854 г.»³⁰⁷.

³⁰⁵ ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 745. Л. 4–6.

³⁰⁶ ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 745. Л. 10–18.

³⁰⁷ ЦГИА СПб. Ф. 852. Оп. 1. Д. 745. Л. 21.

Однако аппараты Шиллинга были весьма сложны и неудобны в работе. На смену им пришли пишущие электрические телеграфы системы С. Морзе и Д. Юза, и в 1876 г. в Кронштадте открылось отделение международного телеграфного агентства. Теперь деловые круги острова Котлин могли оперативно получать самую свежую информацию о политических, военных и биржевых событиях. И, конечно, это было одно из важнейших дел, совершенных в годы правления Александра II.

Телефонная связь в Кронштадте появилась в 1879 г., когда офицеры Минного класса в виде опыта соединили телефонной линией штаб Главного командира порта и Минный офицерский класс. В 1881-м здесь разместили центральную телефонную станцию, а телефоны начали устанавливать в казармах крепостной артиллерии и на некоторых фортах. Центральная телефонная станция военного порта в 1893 г. разместилась в доме Миниха. Она обеспечивала телефонную связь штаба с квартирами начальников и главными службами. В то же время оборудовали связь штаба крепости со всеми важнейшими фортами, батареями и казармами.

Телефонная связь с Петербургом появилась 7 декабря 1887 г. и обеспечивалась станцией, располагавшейся в почтово-телеграфной конторе № 2 на Красной улице, в доме № 10³⁰⁸. На станции работали четыре телефониста, трое из которых были женского пола. Эта же станция обеспечивала общегородскую связь, которой могли пользоваться и гражданские лица. Поначалу было всего 35 абонентов.

Важнейшее деяние Александра II – отмена крепостного права – острова Котлин почти не коснулось. Все-таки основной контингент здесь составляли военные. Для самого же императора, по воспоминаниям князя В.П. Мещерского, это был лучший день в его жизни. «Слова Его, что он считает этот день лучшим днем его жизни, – сбылись в полном смысле этого слова. Никогда лучшего дня уже не было в его жизни»³⁰⁹.

Вскоре началась настоящая охота на императора, закончившаяся 1 марта 1881 г. К этому были причастны и некоторые кронштадтские личности.

«У нас в Кронштадте нелегальная литература среди молодого офицерства циркулировала довольно свободно. Кое-где во флоте, армии и артиллерии начали образовываться кружки, но революционеры еще не входили в серьезные сношения с офицерством. Революционно настроенные офицеры тоже не очень доверчиво относились к способу и плану действий тогдашних революционеров. Да к тому же еще неясно понимали различие программ существовавших тогда партий»³¹⁰.

В Кронштадте первый партийный революционный кружок в 1880 г. создали чернопередельцы³¹¹ мичмана Вырубов, Дружинин, Буланов, Скворцов, Лавров и др. «Это был кружок молодых мичманов, который занимался пропагандой среди матросов с целью приготовить из них будущих пропагандистов в деревню. По-видимому, пропаганда шла довольно успешно, – так, по рассказам одного из участников этого кружка, они организовали на передельческой программе от 80 до 100 человек матросов. Но так как чернопередельческая программа не ставила своей задачей непосредственную политическую борьбу, то она и не могла иметь успеха среди офицерства, и через сравнительно короткое время этот кружок распался»³¹². Некоторые из этого кружка примкнули к кружку «Народной воли», который в Кронштадте образовался примерно в то же время. Одну из главных ролей в нем играл лейтенант Н.Е. Суханов. Именно он руководил изготовлением бомб, которыми был 1 марта 1881 г. убит император Александр

---

³⁰⁸ Этот дом позднее был снесен.

³⁰⁹ Мещерский В.П., князь. Воспоминания. М., 2001. С. 83.

³¹⁰ Серебряков Е.А. Революционеры во флоте. С. 29.

³¹¹ После раскола общества «Земля и Воля» возникли две партии – «Народная воля» и «Черный передел».

³¹² Серебряков Е.А. Революционеры во флоте. С. 30.

II. По приговору суда Суханов был расстрелян на рассвете 19 марта 1882 г. за Цитадельскими воротами Кронштадта.

В Кронштадте первый революционный кружок народников среди офицеров возник в 1880 г. Его руководитель, лейтенант Николай Евгеньевич Суханов, входил в состав Исполнительного комитета партии «Народная воля», руководил военной организацией и изготовил бомбы, которыми был 1 марта 1881 г. убит император Александр II. Суханова расстреляли в Кронштадте за Цитадельскими воротами на рассвете 19 марта 1882 г.

О личности Суханова рассказал один из участников революционного кружка Эспер Александрович Серебряков: «Будучи произведен в офицеры, он недолго пробыл в Кронштадте, а перевелся в сибирскую флотилию, где и пробыл несколько лет. Служба на Дальнем Востоке много содействовала его переходу в революционный лагерь. Там он познакомился с продуктами господствовавшего тогда в России режима: казнокрадством, произволом, унижением человеческой личности и т. п., которые гораздо резче выступают на окраинах, чем в центре. Он даже сам отчасти пострадал от этого режима.

Н.Е. Суханов

Суханов был назначен ревизором на одном из судов сибирской флотилии. В заграничных плаваниях командиры, ревизоры и старшие механики обыкновенно наживали целые состояния на разных закупках. Главной доходной статьей был уголь: записывалось неверное число оборотов винта, и благодаря этому в расход выводилось гораздо большее, чем в действительности, количество израсходованного угля; кроме того, по соглашению с консулами устанавливались искусственно высокие справочные цены – в конце концов, загребались огромные куши, которые делились между командиром, ревизором и старшим механиком. Конечно, часть перепала консулам и подрядчикам за фиктивные счета. Когда Суханов принял должность ревизора, ему вскоре предложили подписать квитанцию в приеме такого-то количества угля по такой-то цене. Суханов проверил количество и цены и отказался подписать. Командир просил и угрожал. Суханов требовал, чтобы количество и цены угля были выставлены настоящие. Дело кончилось тем, что Суханов подал рапорт командиру, и никакие убеждения не могли заставить взять его обратно. Дошло до суда, в котором, конечно, заседали такие же командиры, так же наживавшиеся на угле, но хотя им потушить дело не удалось, они приговорили своего коллегу-командира за воровство временно отставить от командования. Суханова же за несоблюдение каких-то формальностей в рапорте отставили от производства в следующий чин, не

помню, на какой срок, да и самый приговор составили так, что было трудно разобрать, в чем дело, кто воровал уголь»³¹³.

Характеристика, конечно, интересная, но можно ли так огульно обвинять всех офицеров в воровстве? Впрочем, такая риторика характерна для революционной пропаганды.

В Кронштадтской крепостной артиллерии служил известный деятель партии «Народная воля» С.П. Дегаев. Он являлся одним из руководителей военной организации, но стал сотрудничать с охранным отделением и предал большое количество революционеров ³¹⁴.

После ареста Суханова деятельность подпольного кружка не прекратилась. Офицеры собирались на квартире Серебрякова в Кронштадте, но весной 1882 г. еще несколько членов военной организации были арестованы. Кроме того, офицеры продолжали выполнять свои прямые обязанности, то есть периодически уходили из Кронштадта в плавание, и, таким образом, в революционной борьбе наступила пауза.

А на российский престол взошел Александр III, сын убиенного Александра II.

---

³¹³ *Серебряков Е.А.* Революционеры во флоте. Из воспоминаний. Изд. Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, 1919. С. 31.

³¹⁴ *Крестьянинов В.Я.* Кронштадт. Крепость, город, порт. СПб., 2014. С. 104.

Кронштадт при Александре III

Александр Александрович Романов, Александр III, никогда не будет отмечать дату воцарения: «Для меня этот день не является праздником, и я не принимаю никаких поздравлений», – не один раз он будет повторять эту фразу. Со временем он получит звание Царя-Миротворца, так как за 13 с половиной лет его правления Россия не воевала с внешними врагами. Воевала с внутренними, но победителей в этой войне, как мы теперь знаем, не было.

В оглашенном 29 апреля 1881 г. Высочайшем манифесте содержался призыв «содействовать искоренению гнусной крамолы, позорящей землю русскую, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России ее благодетелем, возлюбленным Родителем». Незадолго до смерти Николай I записал в дневнике: «Вступая тридцать лет тому назад на Престол, я страстно желал знать правду, но слушая в течение тридцати лет ежедневно лесть и ложь, я разучился отличать правду от лжи». Его внук, император Александр III, этим умением, видимо, тоже не отличался.

За красивыми словами манифеста последовали отставки некоторых министров. При чем самым неудачным решением была отставка великого князя Константина Николаевича с поста председателя Государственного совета и управляющего Морским ведомством. Флотом и всеми сопутствующими структурами с 1883 г. стал заведовать четвертый сын Александра II, он же младший брат Александра III, великий князь Алексей Александрович (1850–1908). Тогда никто еще не слышал этого страшного слова – «Цусима», но оно уже где-то витало.

Кронштадт продолжал жить пока еще вне зависимости от смены императора. Ведь Алексею Александровичу было не до Кронштадта – он был занят своим дворцом в Петербурге (наб. Мойки, 28). 27 июня 1884 г. морской министр И.А. Шестаков записал в своем дневнике о своем начальнике: «Видел Великого Князя. Просто бесит своею леностью и равнодушием. Он вспоминает, что был исправным офицером и посмеивается. [...] Ему все тринтрава»³¹⁵.

Для подтверждения этих слов достаточно упомянуть один из докладов главного командира Кронштадтского порта управляющему Морским министерством, датированного 23 марта 1883 г.: «...порт по многим предметам уже не удовлетворяет современным требованиям кораблестроения и морского дела вообще. Одна из наиболее неудовлетворительных отраслей портового благоустройства – это гавани и адмиралтейство. Я приказал составить ведомость нуждам – сумма 1 908 500 руб.»³¹⁶. Однако суммы выделялись весьма нерегулярно и в недостаточном объеме.

Свое мнение об императоре высказал и один из жителей Кронштадта. Случилось это 23 ноября 1886 г. На следующий день суть происшествия кронштадтская городская полиция изложила кронштадтскому военному губернатору в соответствующем рапорте «по поводу произнесения мещанином Шанкеевым дерзких слов и оскорбительных выражений против Высочайшей Особы Его Императорского Величества». Также сообщалось о том, что «Шанкеев подвергнут личному задержанию и содержится под стражей»³¹⁷.

Дознание установило, что накануне на постоялом дворе купца Новосильцева кронштадтский мещанин Иван Шанкеев в присутствии содержателя означенного заведения и трех посетителей из простонародья позволил себе произносить дерзкие и оскорбительные выражения против «священной Особы Его Императорского Величества». При аресте он объяснил, что, «будучи пьян, не помнит, что говорил».

³¹⁵ Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. СПб., 2006. С. 75.

³¹⁶ РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 6393. Л. 3.

³¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 67. Л. 15.

Находясь под стражей в арестантском помещении при Кронштадтской городской полиции, Шанкеев, видимо, вел себя не совсем адекватно. В документах говорится, что он «проявил признаки полного расстройства умственных способностей» и что болезненное состояние Шанкеева, уже названного обвиняемым, «временами усиливается, сопровождаясь при этом склонностью к аффектам угрожающего характера». Может, это было нормальной реакцией на ненормальные условия содержания и обращения – неизвестно.

Последовал запрос в Кронштадтский морской госпиталь о том, «позволит ли состояние здоровья умопомешанного мещанина Ивана Шанкеева отправить его для освидетельствования в Санкт-Петербургское Губернское Правление».

Как выяснилось, Шанкеев был отставным матросом Сибирского флотского экипажа, уволенным по болезни от службы и приписанным к кронштадтскому мещанскому обществу. Жил он в Кронштадте, но родных у него не было, и зарабатывал себе на пропитание бывший матрос поденными работами. Зарабатывал более чем скромно, так как оказалось, что у него «имущества и средств жизни нет кроме одной перемены носильного платья, которая осталась у квартирной хозяйки вдовы солдата Прасковьи Федоровой Волковой и состоит: из одной шинели, брюк, двух рубах, чайника, стакана и бритвы». «Имущество» – стакан и бритва, скорее всего, слегка ржавая, а может, и не совсем острая.

В результате Шанкеева вместо тюрьмы отправили в психиатрическое отделение Кронштадтского морского госпиталя. Оттуда 14 марта 1887 г. сообщили, что он «одержим первичным сумасшествием с бредом преследования, без надежды на выздоровление» (какой быстрый и жестокий диагноз. – Л. А.). Далее отмечалось, что в отделении мало мест, да и те для чинов Морского ведомства, и «надо озаботиться переводом его в одну из больниц для умалишенных».

Кронштадтская мещанская управа 24 мая 1887 г. обратилась к кронштадтскому военному губернатору с прошением как-то помочь бедняге, так как «в больнице Всех Скорбящих Шанкеев может быть записан только кандидатом с платою при поступлении по 20 рублей в месяц, а в Клинический Военный госпиталь по 48 руб. в месяц, в других же больницах мест не имеется».

Как отреагировал на это прошение военный губернатор Кронштадта – неизвестно. Главное, что ругавший оскорбительными выражениями Высочайшую особу человек, к общему успокоению, оказался умопомешанным. А уж в какой больнице окончил он свои дни, губернатору было, видимо, все равно.

Любопытно другое: не стало ли признание Шанкеева «умопомешанным» своего рода спасением? Ведь, например, в ст. 263 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. говорилось, что «всякое злоумышление и преступное действие против жизни, здоровья или чести государя императора и всякий умысел свергнуть его с престола, лишить свободы и власти верховной, или же ограничить права оной, или учинить священной особе его какое-либо насилие, подвергают виновных в том лишению всех прав состояния и смертной казни».

Надо сказать, что кроме Морского госпиталя другого лечебного заведения в Кронштадте в то время не было. Исключение составляли периодически возникающие частные и потому платные лечебницы. В 1872 г. доктор Ф. Гольбек писал в «Кронштадтском вестнике»: «... бедность, нездоровая обстановка жизни, тяжелая и сопряженная с опасностями работа, а часто и пьянство обуславливают усиленную заболеваемость и преждевременное истощение их сил.

Город не имеет больницы, и богадельни его далеко недостаточны; частная благотворительность посвящена подрастающему поколению или помогает тем, которые еще в состоянии работать. Оттого все больные, калеки и большая часть стариков и старух поступают в госпиталь, в котором последние 20 лет постоянно почти 2/3 больных составляют лица гражданского ведомства, а из них почти половина требует собственно только благодетельного призора».

Попытки городской думы решить эту проблему увенчались частичным успехом лишь в самом конце XIX в.

Кронштадтский торговый порт прекрасно существовал до тех пор, пока в 1885 г. не был открыт Морской канал. Дело в том, что большие торговые суда, с осадкой более 2,4 м, не могли проходить в Санкт-Петербург из-за песка, выносимого Невой, – так называемого бара. Еще Петр I задумал прорыть канал вдоль южного берега Финского залива от Кронштадта до Петербурга, и в 1724 г. такая работа под руководством Э. Лейна началась, но после смерти Петра о ней забыли.

Итальянский пруд. Видны штабели дров на набережной

Чтобы доставить грузы в Петербург, их приходилось перегружать на лихтеры и прочие мелкие суда, причем в большинстве случаев грузы сначала разгружали и складировали в Кронштадте и уже потом загружали для отправки в Петербург.

Именно с этим и был связан расцвет Кронштадтского порта, поскольку уже в конце 1850-х гг. почти весь грузооборот порта Петербурга приходился на Котлин. Около 2,5–3 тысяч морских судов, в том числе более 500 паровых, ежегодно приходили в Кронштадтский порт, и в результате значительная часть доходов городского бюджета происходила прямо или косвенно от его деятельности. Кроме того, существенную прибыль приносили и связанные с портом лесная биржа, биржевой гостиный двор и другие предприятия. Нельзя не учитывать и все увеличивающееся население острова (свои и иностранные моряки, портовые рабочие), которое регулярно оставляло часть своего заработка в различных торговых и увеселительных заведениях Кронштадта. Во время навигации здесь находилось до 5000 сезонных рабочих.

Вид на Кронштадт с Кронштадтского рейда

Однако вместе с тем перегрузка и использование дополнительных судов для доставки товаров в Петербург значительно повышали их стоимость. Периодически гавани и рейды Кронштадта были просто переполнены судами, ожидавшими своей очереди. А простои тоже стоили денег. Современники говорили, что перевозка грузов из Лондона до Кронштадта обходится дешевле, чем от Кронштадта до Петербурга³¹⁸.

Предприимчивые головы предлагали в связи с этим различные проекты. В 1869 г. некто Р. Вальронд предложил построить железную дорогу на сваях по отмели, идущей от Кронштадта к Ораниенбауму. Этот проект, как и другой проект Вальронда – устроить железную дорогу через северный фарватер к Лисьему Носу, – остался только проектом.

Реальным же был перенос порта в Петербург и создание глубоководного Морского канала. Такое решение о «перенесении» порта на Гутуевский остров Санкт-Петербурга и прорытии глубоководного Морского канала было принято в 1874 г. Работы по созданию канала от Кронштадта к Гутуевскому острову начались в 1877 г. Но в 1880-м Путилов умер, и его дело продолжили его компаньоны П.А. Борейша и С.П. Максимович. В 1882 г. была сдана первая очередь канала, а его торжественное открытие состоялось в 1885 г., и порт начали переводить в Петербург.

Для Кронштадта это был черный день – город лишился почти трети доходов. Разумеется, сезонные рабочие и часть жителей стали покидать остров. Однако глубина Морского канала была все-таки недостаточной для прохода самых больших судов, груженных в основном углем. Кроме того, гавани Петербургского порта все равно не могли принять все пришедшие корабли, и им приходилось либо ждать, либо разгружаться в Кронштадте. Да и ледовая обстановка в Кронштадте давала навигации дополнительные две недели весной и две недели осенью. И в конце XIX в. сформировался основной скромный набор товара, идущего через Кронштадтский порт, – импортный уголь и экспортный лес.

³¹⁸ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 48.

«Летом экономическая сторона Кронштадтской гавани поглощает культурные интересы и нужды Кронштадта-го-рода. Последние забываются, ибо летом говорят прежде всего о прибыли, проценте, ценах на фрахты, качестве угля, количестве экспорта, колебании между предложением и спросом, заработной плате, ее повышении и понижении, о числе проходов, оставшихся вне гавани и ждущих очереди, ценах на отпускные грузы и т. п. прозаических предметах.

И если вы человек чужой и мало знакомы с настроениями кронштадтцев, заговорите в такое горячее время ну хотя бы о Чехове, Ибсене или театре, вас не станут слушать и перебьют вашу восторженную и, быть может, интересную речь деловым спором на темы экономических и торговых вопросов.

[...]

Бесспорно, летом Кронштадт малокультурен, но в глубинах той экономической горячки, которая летом охватывает наш город и придает ему вполне определенную физиономию, таится и прогрессивный фактор,двигающий вперед нашу косную жизнь»³¹⁹.

Важным событием в истории российского флота было создание в 1886 г. Морской астрономической и компасной обсерватории. Она образовалась слиянием Морской астрономической обсерватории, основанной в 1857 г., и компасной обсерватории, начавшей свою работу в 1864 г. До объединения они зачастую дублировали работу и вообще действовали несогласованно. Еще в царствование Екатерины II на наших кораблях заметили, что судовое железо заметно действует на корабельный компас. Поэтому в начале XIX в. командирам кораблей предписывалось «следить за показанием компаса и определять его поправки. В первый раз полное определение девиации было сделано в 1824 году около Кронштадта Крузенштерном на бриге „Олимп“». С введением железного судостроения эта проблема стала особенно актуальной. В 1862 г. в Англию командировали лейтенанта И.П. Белавенца (1830–1878), который уже тогда считался одним из ведущих специалистов по магнетизму в Кронштадте. По возвращении он представил соответствующий доклад, и на его основании и при непосредственном покровительстве великого князя Константина Николаевича в Кронштадте была создана Компасная обсерватория, на которую возлагалась «обязанность поверки компасов, правильной установки на судах, сообразно магнетизму судна, исследования характера магнетизма судов и распространения сведений по компасной части между офицерами»³²⁰. Начальником обсерватории назначили Белавенца. После его смерти исследования магнетизма сосредоточились в Петербурге под руководством И.П. де Колонга (1839–1901).

Астрономическая обсерватория в Кронштадте предназначалась в основном для исследования, поверки и отпуска на суда мореходных астрономических и метеорологических инструментов. В 1868 г. астроном Гибнер и его помощник К.А. Мякишев определили разность долгот между Пулковской и Кронштадтской обсерваториями. Широту обсерватории определил астроном Фуссон. Их работа дала следующие результаты:

«Широта 59° 59' 24", 2 N

Долгота 0^ч 2^м 15^с, 07 к W от Пулкова»³²¹.

Эта работа имела огромное значение для всего российского флота.

Знаменитый изобретатель радио Александр Степанович Попов (1859–1905) начинал свою службу в Кронштадте в 1883 г., в Минном офицерском классе, сначала лаборантом физического кабинета. Затем почти 18 лет (до 1901 г.?) преподавал молодым офицерам основы электричества и электротехники. Часто выступал с лекциями в Морском техническом училище. Попов был женат на Р.А. Богдановой, которая по образованию была врачом, но в Крон-

---

³¹⁹ Кронштадтский вестник. 1900. № 270. С. 3.

³²⁰ Блюбах Э., полковник. Морская астрономическая и компасная обсерватория в Кронштадте. СПб., 1908. С. 12.

³²¹ Блюбах Э., полковник. Морская астрономическая и компасная обсерватория в Кронштадте. СПб., 1908. С. 13.

штадтский морской госпиталь на должность врачей брали только мужчин, поэтому она работала медсестрой.

Во время работы в Минном офицерском классе весной 1895 г. он создал «прибор для обнаружения и регистрирования электрических колебаний». И 25 апреля в одной из аудиторий Санкт-Петербургского университета Попов провел первую в мире публичную демонстрацию передачи и приема электромагнитных колебаний на расстоянии³²².

Первые опыты радиосвязи между крейсерами «Россия», «Африка», «Европа» были проведены в 1897 г. Совершенствование аппаратуры позволило через несколько лет наладить более-менее надежную радиосвязь между кораблями Балтийского флота и кронштадтскими фортами, а также между Кронштадтом и поселком Лебяжье на южном берегу залива.

Памятник А.С. Попову в Кронштадте

---

³²² Итальянец Г. Маркони подал патентную заявку на беспроводный телеграф в Англии 2 июля 1896 г.

А. С. Попов среди преподавателей Минного офицерского класса

Здание Водлазной школы

Занятия в Водолазной школе Кронштадта

Здание Машинной школы

Вскоре выдался случай, показавший исключительную важность изобретения Попова. В ноябре 1899 г. броненосец береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин» потерпел аварию, выскочив на камни у острова Готланд. Радиостанции Попова успешно применялись при обеспечении спасательных работ в 1900 г., обеспечивая устойчивую радиосвязь между островами Готланд и Кутсало (недалеко от г. Котка) на расстоянии 45 км. А в феврале 1900-го радио-

грамма, посланная на ледокол «Ермак», помогла спасти 26 рыбаков, оказавшихся на льдине, оторванной штормом от острова Лавенсаари.

Прогресс техники во второй половине XIX в. потребовал создания кроме Минного офицерского класса еще и класса Артиллерийского. В 1878 г. такой класс начал работу в здании бывшей 4-й парусной мастерской. В разные годы здесь обучались от 15 до 30 офицеров. Первоначально срок обучения длился с сентября до конца апреля, в 1881-м его увеличили до двух лет, но с 1890-го срок снова стал одногодичным с введением вступительных экзаменов по физике и математике.

Вскоре в Кронштадте открылась Школа гальванеров, 12 ноября 1885 г. – первая Машинная школа, готовившая машинистов и кочегаров для Балтийского флота. Сначала она размещалась на первом этаже 7-го губернского дома, а учебные мастерские – во дворе 5-го. Забегая вперед, надо отметить, что в 1904–1906 гг. по проекту и под руководством старшего инженера Кронштадтского порта В.П. Шаверновского построили специальное здание на Петровской улице. В Машинной школе имелось 18 учебных классов, библиотека, физический кабинет, учебные и ремонтные мастерские, электростанция и действующая корабельная паровая машина и паровой котел. Это здание и его огромное окно в стиле модерн и ныне украшает Петровскую улицу Кронштадта. Правда, часть стекол разбита, и вставлять новые пока никто не собирается.

Первая в России военная Водолазная школа (вслед за школой М.О. Бритнева) была также организована в Кронштадте 5 мая 1882 г. Инициировал ее создание капитан 1-го ранга В.П. Верховский. Школа располагалась в здании бывшего провиантского магазина севернее Докового бассейна. Чтобы не прерывать процесс обучения в зимнее время, на Пароходном заводе изготовили железный бак, глубина которого была слишком незначительной. В 1896 г. для школы построили специальный бассейн диаметром 5 м и глубиной 7 м. Кроме того, школа имела достаточно современное для того времени оборудование: мастерскую для ремонта снаряжения и изготовления опытных образцов и оснастки, физический кабинет, лазарет, библиотеку специальной литературы. Начальник школы одновременно являлся начальником водолазной партии Кронштадтского порта, что давало возможность для практического обучения слушателей использовать суда и средства порта. Каждый год школа выпускала до 75 хорошо подготовленных рядовых водолазов и несколько офицеров. Слушатели Кронштадтской водолазной школы прекрасно проявили себя при работах на эскадренном броненосце «Гангут», затонувшем 12 июня 1897 г., что стало следствием «забот» о флоте, проявляемых великим князем Алексеем Александровичем³²³.

---

³²³ Подробнее см.: Амирханов Л.И., Лукошков А.В. Эскадренный броненосец «Гангут». СПб., 1998.

Кронштадтский почтальон

Кронштадтская водолазная школа помимо подготовки кадров занималась и научно-исследовательской работой, создавая и совершенствуя новую технику и подводные технологии. Учебные пособия по водолазному делу и медицине, написанные преподавателями школы А.А. Кононовым, М.Н. Храбростинным, Н.А. Есиповым, изданные на русском и иностранных языках, использовались на флотах не только в России, но и за рубежом.

Работали в Кронштадте и другие учебные заведения, готовившие для флота специалистов разных нужных специальностей: фельдшеров, сигнальщиков, рулевых и др.

Как и во всяком городе, в Кронштадте существовала почта. До 1861 г. Кронштадт как заштатный уездный город получал почту два раза в день. Газеты приходили на следующий день после выхода.

О том, с какими трудностями иногда доставлялась почта на остров, рассказал в 1863 г. вездесущий «Кронштадтский вестник»: «*О почте*. Нынче в пятницу почта была отправлена

в 7,5 часов вечера; она шла на спасательной шлюпке с полозками, т. е. шлюпку, как обычно, тащили десять человек матросов по льду за веревки. Впереди шел унтер-офицер с багром. Почта лежала в шлюпке, около которой шел офицер-почтальон. Около 8 часов поезд тронулся. Те, которые перебирались таким образом, очень хорошо знают, как трудно это путешествие. [...] Переправа делается в особенности затруднительна и опасна, если метель или пасмурность застанет путников в дороге. Так случилось и на этот раз: сделалось темно, пасмурно, и почта только в 12 часов добралась до Ораниенбаума. Провалившихся было двое. Они сильно озябли и промокли до шеи. Товарищи поделились с ними своим верхним платьем, а офицер отдал одному из них свои теплые сапоги. Около полночи, мокрые, пришли они в Ораниенбаумскую почтовую контору, где сдали почту и приняли кронштадтскую корреспонденцию. Отправляться тотчас же назад было невозможно. Офицер просил, чтобы ему и людям дали место где-нибудь на станции, но в этом ему было отказано со стороны ораниенбаумского почтового начальства. Нечего было делать, отправились в трактир, где пробыли (за большие деньги) до 5 часов утра в нетопленной комнате. В 5 часов утра поезд тронулся назад в Кронштадт, куда и прибыл благополучно. *Кронштадтский житель*»³²⁴.

На Господской улице в 1863–1864 гг. по проекту архитектора А.К. Кавоса (1800–1863) построили Почтамтский дом, который, как уже упоминалось, до сих пор украшает пр. Ленина. Поначалу в городе было всего два почтовых ящика, но через четыре года их число удвоилось. К ящикам на доме почтовой конторы и на Галкиной улице³²⁵ добавились ящики у Морского собрания и у Главного штаба.

Петербургские газеты в первые годы существования почты приходили в Кронштадт на следующий день после выхода, но с 1869 г. их доставляли в день выхода.

Однако и по городу доставлять почту поначалу было совсем непросто, так как существовали два варианта нумерации домов:

- городской, т. е. номер, под которым дом числился в городских книгах и крепостных актах. Эти номера шли в последовательном порядке для всего города;
- полицейский, при котором счет начинался с первого дома на каждой улице.

Затруднения в поиске был связаны с тем, что старые дома периодически сносили, а на пустырях возводили новые³²⁶.

Когда номера отсутствовали, приходилось искать помощи у дворников и прохожих. Очевидно, что настоящий почтальон должен был очень хорошо знать Кронштадт и его обитателей.

Лишь в феврале 1892 г. городская дума приняла решение о том, чтобы к домам были прикреплены доски с названиями улиц. В марте 1894-го еще одно решение думы обязало домовладельцев иметь установленный по порядку номер дома, но оказалось, что на одной улице попадались дома с одинаковыми номерами. И только в 1987 г. на домах появились голубые дощечки, на которых белой краской были написаны название улицы и номер дома.

О Кронштадте начала 1880-х гг. интересные сведения можно почерпнуть из переписки поэта С.Я. Надсона (1862–1887), служившего здесь в 1882–1884 гг. После окончания Павловского военного училища он переехал в Кронштадт, где стоял его полк, и на первых порах находился в довольно бодром настроении. Через десять дней после переезда он писал дней поэту А.Н. Плещееву: «...вернулся в свою уютную комнату, где так балует меня моя мягкая мебель, так ласково горит лампадка перед образами, так дружелюбно глядят с полок этажерки любимые книги и заветные тетради, а на этажерке стоит карточка дорогой моей Н.М. Итак, решительно не так страшен черт как его малюют – Кронштадт производит на меня благоприятное впечат-

³²⁴ Кронштадтский вестник. 1863. № 46. С. 183–184.

³²⁵ Первоначально – Церковная улица, в XIX в. – Галкина; около 1910 г. названа Алексеевской в честь наследника цесаревича Алексея; со 2 ноября 1918 г. – Пролетарская улица.

³²⁶ Соколов А.К. Кронштадт: история длиной в 300 лет. С. 214.

ление. В полном смысле слова сбываются мои мечты: маленькая, очень и очень уютная комната, письменный стол, запирающиеся на ночь ставни (я это очень люблю) и главное сознание, что угол этот мой и что в нем наедине с собой я совершенно *независим* – все это мне, наслаившемуся по благодетелям, бесконечно дорого и мило. Какой-то слепой случай мне покровительствует; я нашел квартиру в очень симпатичном семействе одного техника-моряка, и по вечерам вокруг меня сияют добрые и ясные детские глазки, которые я так люблю. Удобства у меня всевозможные, и даже хозяйское пианино постоянно к моим услугам. Таков светлая сторона моего здешнего житья-бытья, но есть и тернии – и эти тернии конечно – полк»³²⁷.

В другом письме он пишет: «Как я живу? Изумительно! В Кронштадте имею успех. Во вчерашнем № „Кронштадтского вестника“ изображено в отчете первого литературно-музыкального вечера: „К удовольствию слушателей, г. Н., молодой поэт, которого прекрасные стихи помещаются в наших лучших журналах, с одушевлением прочел одно из своих стихотворений“ ... Кроме того я пою здесь в любительском хоре морского собрания, буду участвовать в спектакле и устраиваю музыкально-литературные вечера в полку. Один уже был и сошел порядочно... Пишу мало и редко, потому что завертелся и *живу*, хотя и довольно бессмысленно».

Поэт С.Я. Надсон

За почти два года, проведенные Надсоном в Кронштадте, он написал несколько лучших своих стихотворений: «Герострат», «Грезы», «Затих блестящий зал» и др.

Тут же увлекся одной кронштадтской барышней и «задумывал было жениться». Но дело «разошлось», так как ни с той, ни с другой стороны чувства серьезного не было.

---

³²⁷ Стихотворения С.Я. Надсона. СПб., 1911. С. XL.

Поэтесса Лидия Койдуна

Один из его приятелей писал: «Поэт жил с товарищами по полку в двух комнатах в Козельском переулке³²⁸, довольно бедно и разбросанно, жизнью богемы, причем вечно у него кто-нибудь сидел, шли шумные разговоры, споры, раздавались звон гитары и звуки скрипки. С.Я. одарен был замечательными музыкальными способностями. В Кронштадте, как и всюду, куда забрасывала С.Я. судьба, он сейчас же становился центром кружка, собирал начинающих поэтов, пробующих писателей, любителей драматического и всяких других искусств. В Кронштадте непризнанные таланты находили у С.Я. самый теплый привет: образовывалось даже из местных элементов несколько юмористическое „общество редьки“. Здесь вокруг стола, уставленного нехитрыми питиями с закусками, с редькой во главе, кронштадтская богема развлекалась поэзией и музыкой, горячими разговорами и просто шалостями, свойственными подпоручичьему возрасту. Жажда общественной деятельности не находила себе достаточного выхода в развлечениях клубов и собраний. С.Я. принимал горячее участие в устройстве спектаклей, литературных вечеров, он сам играл на сцене и читал стихотворения, иногда такие длинные, как „Садко“ графа Толстого»³²⁹.

Зиму 1883/84 г., когда болезнь (туберкулез) уже проявляла себя, поэт провел в Кронштадте, периодически уезжая в Петербург. Причем несколько раз путешествие это было для него весьма суровым – не имея шубы, морем в санях в трескучий мороз. Весной ему иногда приходилось оставаться на пароходе во льду семь-восемь часов. Это, естественно, резко отрицательно сказывалось на его здоровье.

---

³²⁸ 2 ноября 1918 г. Козельский переулок был переименован в переулок Надсона, но в 1970-х гг. переулок, расположенный между Павловской улицей и Северным бульваром, был застроен.

³²⁹ Стихотворения С.Я. Надсона. С. XLII.

Поэт Н. С. Гумилев

В 1885-м ему удалось уехать за границу, на юг Франции, но победить болезнь так и не удалось. В 1887 г. поэт скончался.

Поэтическая история Кронштадта знает и другие талантливые личности. Почти 13 лет прожила в Кронштадте эстонская поэтесса Лидия Койдула (1843–1886). В 1873 г. она вышла замуж за студента Дерптского университета латыша Э. Михельсона, который вскоре получил назначение на службу в Кронштадт. Живя в Кронштадте, Лидия активно занимается творчеством, но ее жизнь оборвало тяжелое онкологическое заболевание. Она умерла в Кронштадте, и спустя 60 лет ее прах перевезен в Таллин, на кладбище Метсакальмисту.

Гениальный поэт Николай Гумилев (1886–1921) родился в Кронштадте, в семье врача С.Я. Гумилева (1836–1910). Степан Яковлевич, окончив Рязанскую духовную семинарию, решает посвятить свою жизнь медицине и становится студентом медицинского факультета Московского университета. Его первая жена, Анна, умерла в 1872 г. Степан

Яковлевич хоронит жену в Москве, а дочь, родившуюся в 1869-м, оставляет на попечение тетушкам и уезжает в Кронштадт служить. В 1871 г. он удостоен ордена Св. Станислава III степени, в 1873-м приказом генерал-адмирала назначен старшим судовым врачом в 5-й флотский экипаж. В 1876-м награжден орденом Св. Анны III степени и в том же году уезжает в Москву навестить дочь. Там Степан Яковлевич знакомится с младшей сестрой своего друга, капитана 1-го ранга Л.И. Львова, – тоже Анной (1854–1942). Ему, правда, уже 40 лет, а ей всего 22, но 6 октября 1876 г. они обвенчались в церкви села Градицы Бежецкого уезда Тверской губернии.

Вскоре после рождения сына С.Я. Гумилев выходит в отставку, и семья переезжает в Царское Село. Но Кронштадт откликнется в душе поэта «мореплавателя и стрелка»³³⁰ знаменитыми «Капитанами»:

*На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей.*

Быстрокрылых везут капитаны —

---

³³⁰ Так напишет он о себе в стихотворении «Память».

*Открыватели новых земель,
Для кого не страшны ураганы,
Кто изведал мальстремы и мель,*

*Чья не пылью затерянных хартий —
Солью моря пропитана грудь,
Кто иглой на разорванной карте
Отмечает свой дерзостный путь*

*И, взойдя на трепещущий мостик,
Вспоминает покинутый порт,
Отряхая ударами трости
Ключья пены с высоких ботфорт,*

Так напишет он о себе в стихотворении «Память».

*Или, бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет.*

*Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса —
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса.*

*Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд,
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат,*

*Меткой пулей, острогой железной
Настигать исполинских китов
И приметить в ночи многозвездной
Охранительный свет маяков?*

И позднее в Кронштадте жили и работали поэты и писатели, но о них чуть дальше.

В январе 1894 г. император заболел «скучной инфлюэнцией», переросшей в пневмонию. Несколько дней положение было серьезным, но на этот раз все обошлось. Однако проблемы оставались, и к осени императору все чаще становилось плохо.

Однажды из-за резкой опоясывающей боли ему пришлось покинуть учения в Красном Селе. Врачи, констатировав хроническое заболевание почек, прямо сказали царице, что опасаются за ближайшее будущее.

В половине 11-го часа 20 октября 1894 г. Александр III пожелал причаститься. Вся семья встала на колени, и умирающий неожиданно уверенным голосом стал читать молитву «Верую, Господи, и исповедую». Священник читал отходную молитву. Около трех часов доктор Лейден потрогал руку императора и сказал, что пульса нет. Самодержец скончался.

На престол вступил сын умершего, Николай II, и уже 20 октября ему начали присягать на верность члены династии и чины свиты.

Не было другого императора в России, кроме Петра Великого, разумеется, которому было бы поставлено столько памятников. Однако сохранился лишь один, переехавший со Знаменской (ныне пл. Восстания) площади во двор Мраморного дворца. При том что в Париже один из мостов через Сену носит имя Царя-Миротворца.

Крепость Кронштадт при Александрах II и III

Правление императора Александра II не особо сказалось на деятельности и формировании крепости Кронштадт – серьезные изменения начнутся в 1895 г., при Николае II. Поэтому в данной главе будет рассмотрена кронштадтская крепость в период от Крымской войны до 1894 г.

Как уже упоминалось, после наводнения 1824 г. крепость пришлось создавать заново. Помимо новых материалов – кирпич и гранит – появились и новые фортификационные формы – казематированные батареи. Такие батареи по типу фортов «Александр I» и «Павел I» решили построить на форту «Кроншлот».

Великий князь Константин Николаевич в 1848 г. «составил» проект, согласно которому здесь следовало построить три батареи: батарею «В» на западном фесе, «С» на северном полубастионе и «D» на месте бывшей башни. Однако Николай I, рассмотрев проект, повелел строить только одну батарею «В», получившую название Николаевской. Разработку детального проекта и строительство Николай I поручил военному инженеру И.А. Заржецкому. Интересно отметить, что перед началом строительства Заржецкий провел тщательное исследование грунта, на котором предстояло возвести батарею. Оказалось, «твердый и сухой грунт в Кронштадтском материке идет наклонно от Севера к Югу, понижаясь постепенно от центра города к фарватеру. Над материком, который составляет плотная сухая глина зеленого цвета, около сажени глина с песком, а затем мягкая, непригодная для основания даже незначительных построек. Эта глина с песком на фарватере и в гавани начинается на глубине около 14 футов ниже горизонта воды, сверху прикрыта илом или песком»³³¹.

Николаевская батарея форта «Кроншлот»

³³¹ РГАВМФ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 277. Л. 2.

Работы по созданию основания начали 1 августа 1850 г. Причем батарею строили с отступлением от старого западного фаса, ряжевые основания которого защищали место постройки от штормов и ледохода. Остатки этих ряжей можно увидеть и сегодня. Из-за Крымской войны батарея строилась с большим перерывом и закончена была в 1863 г. На стене с тыльной стороны батареи установили две памятные доски, которые сохранились до наших дней. На одной из них значится:

«С 1850 по 1856 год постройка произведена Морским Министерством
под управлением генерал-адмирала
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА КОНСТАНТИНА
НИКОЛАЕВИЧА

и Адмирала князя Меншикова строителем был инженер полковник
Заржецкий производителями работ были инженер подполковник Вильсон
инженер капитан Домонтович Тилло инженер штабс-капитан Шведе инженер
поручик Кузьмин инженер подпоручики Безе, Мазуров, Брюн де Сент
Гиполит»

Форт «Константин»

Окончание Крымской войны позволило, наконец, обратиться и к одной из важнейших батарей Большого рейда – Константиновской, которая после возведения дополнительных укреплений стала называться фортом «Константин».

30 января 1857 г. строитель крепости генерал И.Г. Дзичканец получил телеграмму из управления генерал-инспектора по инженерной части, в которой предлагалось приступить к забивке пробных свай под новую каменную батарею. То есть батареи решили перестроить на основе прежних очертаний, но в каменном исполнении. Правда, отдельные элементы прорабатывались весьма тщательно, и одним из них была эскарповая стена, возводимая из гранитных блоков.

Один из чертежей стены требовалось доставить из Кронштадта в штаб генерал-инспектора в Петербург. Сделать это поручили писарю Управления Санкт-Петербургского инженерного округа со значительной фамилией – Счастливец. О том, с какими трудностями приходилось сталкиваться на этом пути, уже рассказывалось. Вот и в этот день парусно-паровой пакетбот, вышедший из Кронштадта в полдень 14 ноября 1857 г., застрял в шуге. Пришлось сменить курс и идти в Ораниенбаум, откуда Счастливец на почтовом дилижансе прибыл в Петергоф и уже отсюда добирался до Петербурга. Вся дорога заняла у него более полутора суток.

Самой интересной особенностью строительства являлось наличие передвижного крана грузоподъемностью в 1000 пудов для выгрузки и монтажа массивных гранитных блоков, доставляемых на суда крепости из Пютер-лакской каменоломни. Доставка блоков к месту установки осуществлялась по железнодорожным путям, расположенным на специально устроенном помосте и имевшим 14 поворотных кругов, что значительно упрощало выгрузку и перемещение габаритных и тяжелых грузов для строительства. Все работы по созданию батареи нового типа курировал лично строитель крепости Дзичканец, часто приезжавший на батарею.

Чтобы защитить форт от штормов и ледохода, потребовалось возведение так называемой эскарпной стены. Но для начала перед предполагаемым местом ее установки забили шпунтовую линию, которая прикрывалась со стороны моря тремя рядами оградительных ряжей, стоящих уступами с понижением в сторону моря. Этот ряжевый волнолом успешно выдержал мощные подвижки льда зимы 1860 г. Сама же кладка эскарповой стены началась еще летом 1859 г. Лицевые швы гранитных блоков расчеканивали свинцовой полосой для препятствия проникновения влаги в раствор, что оберегало кладку зимой от повреждений, когда вода,

превращаясь в лед, могла разрушить известково-песчаный раствор, создавая внутри кладки избыточные напряжения. Кроме того, гранитные блоки между собой скреплялись железными пиронами³³². Поверху, под облицовкой, блоки скреплялись железными скобами с изоляцией свинцом, а кроме того, верхний блок крепился к основной кладке стальными шпильками.

К концу лета 1860 г. эскарпная стена была завершена, надежно защищая форт от капризов нашей погоды. И сегодня на «Константине» можно полюбоваться этой удивительной работой русских мастеровых.

Начало 1860-х гг. ознаменовалось введением нарезной артиллерии. При стрельбе из гладкоствольных орудий круглое ядро имело весьма нестабильную траекторию полета, поэтому точность стрельбы была далека от желаемой. Нарезы (каналы) в стволе орудий сообщали продолговатому снаряду вращательное движение, что делало его полет стабильным и значительно повышало точность и дальность стрельбы. Как уже было отмечено, на Кронштадтском Пароходном заводе в 1861 г. была произведена переделка гладкоствольных орудий в нарезные. Это был лишь опыт, но такая работа продолжилась, и в 1863 г. была принята четырехлетняя программа усиления крепости: перестройка девяти временных морских батарей в постоянные и строительство двух новых с нарезными и гладкоствольными орудиями, способными пробивать броню 150 мм кораблей.

Одним из факторов, требовавших ускорения этих работ, были, как уже упоминалось, польские события, заставившие усилить оборону Кронштадта. Ответственность за это император возложил на главного командира порта вице-адмирала Ф.М. Новосильского. 23 апреля 1863 г. он с членами комитета Н.А. Крыжановским, А.А. Баранцовым и Э.И. Тотлебенем обследовали оборонительные сооружения Кронштадта и по итогам этой проверки направили царю обширный доклад о первоочередных необходимых мерах.

Император утвердил их 1 мая и повелеть изволил:

«1. Приступить немедленно к потоплению на Северном фарватере четырех кораблей, избранных для возведения на них батарей, а также прочих судов, назначенных для заграждения проходов по Северному фарватеру.

Приступить к устройству тех препятствий, которые предполагается провести между двумя заграждениями на главном фарватере и передовыми фортами.

Переместить запасы пороха во внутренний Николаевский док.

Линию обороны разделить на четыре отделения (то есть участка)».

Кроме того, поставить между батареями «Князь Меншиков» и «Кроншлотом» три ступенчатых корабля для встречи неприятеля огнем, если бы он решился прорваться Малым рейдом, с тем чтобы корабли эти были затоплены, в случае надобности, впуском воды через краны (клапан или кингстон).

Образовать у Военного угла вторичную преграду из больших судов, если бы передовая оказалась недостаточной.

Разместить мелкие суда, соответственно углублению, на внутреннюю сторону заграждения, идущего к Лисьему Носу³³³.

Оборонительный артиллерии пояс Кронштадтской крепости состоял в 1863 г. из 601 орудия. Это было несколько меньше, чем в 1856-м, но плотность огня возросла благодаря увеличению дальности стрельбы пушек и мортир, перекрывающих перекрестным огнем акваторию Финского залива.

³³² Пирон – вкладыш, штырь (каменный или металлический), который вводился в гнезда вертикально или горизонтально соединяемых камней для их прочного соединения.

³³³ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 220. Л. 63.

Бруствер Шведе на форту «Константин»

Развитие артиллерии вызвало ответную реакцию в виде броненосных кораблей, броневых береговых брустверов, а затем и башенных установок. Началось нескончаемое соперничество брони и снаряда нарезного орудия. И Константиновской батарее пришлось стать испытательным полигоном для одной из ветвей развития закрытий береговых орудий – броневых брустверов. Но для начала следовало увеличить площадь, занимаемую Константиновской батареей, представлявшую собой два искусственных острова. Подготовительные работы начались осенью 1863 г., и уже 1 февраля 1864-го новая батарея имела своим основание один ряжевый остров.

Самое деятельное участие в создании брустверов принимал Э.И. Тотлебен, который 12 марта 1863 г. послал строителю крепости К.Я. Звереву телеграмму с требованием ускорить работы. Броневые брустверы предполагалось использовать исключительно для нарезных орудий. Но на Обуховском сталелитейном заводе производство таких орудий заложили только в 1863 г. Поэтому пришлось обратиться за помощью к известной германской фирме Фридриха Круппа в Эссене, где уже существовало обширное предприятие, способное выпускать серийно всю номенклатуру нарезных орудий.

Проект первого броневых бруствера разработали в ГИУ под началом инженера-подполковника А.Е. Шведе в сентябре 1863 г. Детальные исполнительные чертежи бруствера выслали в Кронштадт, чтобы строители могли приступить к кладке фундаментов. А Шведе в том же сентябре убыл в Пютерлакскую каменоломню для калибровки гранитных камней под амбразуры.

Броневые плиты заказали в Англии, на заводе «Джон Браун» в Шеффилде. Причем непосредственным заказчиком был лично Э.И. Тотлебен. Все плиты, за исключением нескольких штук, поступили на строительство до закрытия навигации. Посредником между ГИУ и изготовителем выступала петербургская фирма «Фрум». Недостающие плиты пришли в апреле 1864 г.

Любопытно, что плиты заказывали у «заклятого друга», тем более с учетом натянутых отношений в 1863 г. Но, как говорится, политика политикой, а бизнес бизнесом, и пропускать столь выгодный заказ фирма не пожелала, даже несмотря на рекомендации английского правительства. К марту 1864 г. основные работы были завершены с заделкой несущих металлоконструкций в гранитную кладку. Площадка под орудия была изготовлена из блоков пудожского камня. Толщина броневых плит, не примыкающих к гранитной кладке, составила 10 дюймов, примыкающих – 7,5 дюйма.

А отношения с Англией ухудшились еще в большей степени из-за поддержки Россией северных штатов Америки. Английский кабинет, имеющий, как известно, только постоянные интересы, поддерживал конфедерацию южных штатов. Ожидалось, что война с Англией может начаться летом 1864 г. Первый и пока единственный готовый броневой бруствер срочно завершали монтажом броневых плит и установкой пяти 8-дюймовых орудий образца 1863 г. Вскоре на батарее возвели еще три бруствера, которые позднее разобрали. Бруствер Шведе, к счастью, сохранился, и сейчас это одно из главных «украшений» форта «Константин». На одной из его плит можно увидеть клеймо английской фирмы «John Brown».

Работы продолжались и в суровое зимнее время. Интересен распорядок дня рабочих, датированный 19 февраля 1865 г.: «Погода с утра пасмурная с южным ветром. Мороз 3½ градуса в 7 часов утра. Горизонт воды в море выше ординара на 1 дюйм. Люди вышли на работу в 7 часов утра. На обед пойдут в 11 часов. После обеда выйдут в полдень. Сойдут с работы в 5 часов»³³⁴.

В 1870 г. у одного из брустверов заложили дополнительную казарму с большим количеством помещений, нежели в казарме на правом фланге батареи. В 1871 г. она была готова, но посетивший батарею Э.И. Тотлебен 30 июля того же года остался недоволен ее внешним обликом, поясняя строителям, что в казарме все же будут жить люди. А внешний облик построек, где артиллеристы проводят по несколько лет, оказывает соответствующее влияние на боевой дух гарнизона. В соответствии с требованиями Тотлебена фасад казармы изменили, дополнив верхним кордоном и гранитным аттиком с царским вензелем. По карнизу установили гранитные тумбы с железной решеткой, а в стены у центрального входа казармы вмонтировали памятные бронзовые доски. Таким образом, казарма стала лицом всей батареи. Здесь же устроили плац и установили мачту для подъема крепостного флага.

Большое значение для развития обороны Кронштадта имели работы известного фортификатора А.З. Теляковского (1806–1891), возглавлявшего Технический комитет ГИУ с 1863 по 1865 г. Теляковский справедливо считал, что человек, а не мертвая мощь укреплений, решает исход боя, укрепления лишь содействуют его успеху; фортификация развивается совместно со стратегией и тактикой. Фортификация должна способствовать активности и устойчивости обороны, при этом огромное значение приобретают надежные укрытия для личного состава.

Для дальнейшего совершенствования обороны 23 января 1868 г. царь утвердил порядок первого переходного вооружения Кронштадта, суть которого сводилась к следующему:

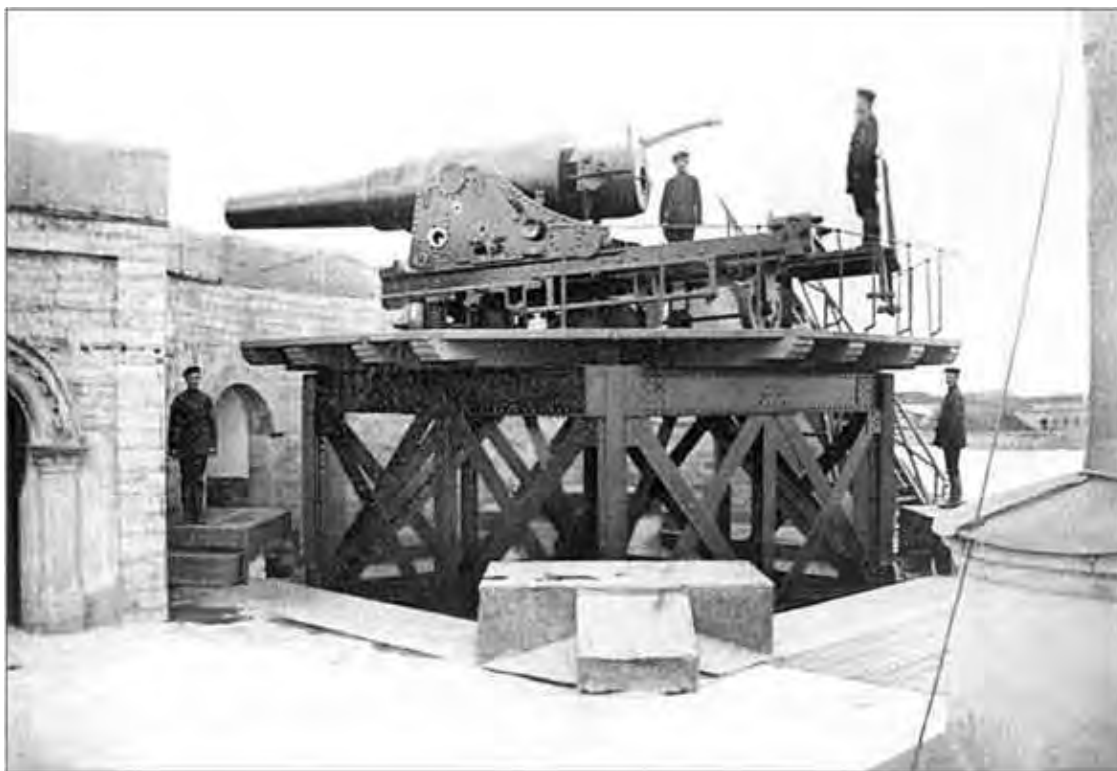
«Принятие во флот броненосных судов совершенно изменило условия, которым должно удовлетворять хорошее вооружение приморских крепостей. Прежде существовавшие гладкоствольные береговые орудия, удовлетворительно действовавшие против деревянных судов, оказались вовсе недействительными против судов, обшитых железом. Обстоятельства эти сделали совершенно необходимым полное перевооружение наших приморских крепостей нарезными орудиями новой системы и больших калибров, способных успешно действовать против броненосных судов. При таком перевооружении наших приморских крепостей на первом плане должен стоять важнейший из береговых пунктов – Кронштадт.

³³⁴ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 227. Л. 144.

Для приведения Кронштадтской крепости в состояние, удовлетворяющее современным требованиям обороны и соответствующее ее значению, признано необходимым придать к наличному ее вооружению до 400 нарезных береговых пушек большого калибра, и до 100 нарезных орудий среднего калибра для сухопутной обороны, и до 100 нарезных мортир дальнего бросания»³³⁵.

Для этого переходного вооружения назначено 995 орудий, в том числе 143 нарезных орудия и 41 нарезная мортира. Первые 39 9-дюймовых орудий поступили в крепость уже в 1868 г., их установили на фортах «Император Павел I» и «Император Александр I» и на некоторых номерных батареях.

Весьма оригинальная артиллерийская установка была построена на «Константине» по проекту известного военного инженера, генерала Г.Е. Паукера³³⁶. Он предложил проект батареи на два 11-дюймовых орудия, скрывающихся за бруствером на специальных платформах. Так называемые «скрывающиеся» артиллерийские установки в тот период широко использовались в береговой и корабельной артиллерии³³⁷. Сама по себе идея не была нова, но Паукер предложил «скрывающуюся» батарею для столь мощных орудий впервые в истории артиллерии. Следует отметить, что орудия на платформах опускались для заряжания не в казематы, а только за высокий бруствер. Суть идеи генерала Паукера заключалась в том, что на платформах можно было устанавливать орудия на обычных, штатных лафетах, не тратя деньги на проектирование и постройку специальных, «скрывающихся» лафетов – сложных в производстве и капризных в обслуживании.

«Скрывающаяся» батарея Паукера на форту «Константин»

³³⁵ РГАВМФ. Ф. 1342. Оп. 1. Д. 275. Л. 9-10.

³³⁶ Паукер Герман Егорович (1822–1889) – инженер-строитель, генерал-лейтенант. С 1882 г. – министр путей сообщения. Среди его построек – вращающаяся башня Пулковского рефрактора. В 1878 г. возглавляемая им комиссия отвергла проект самолета А.Ф. Можайского.

³³⁷ См. подробнее: Амирханов Л.И. Стреляющие невидимки // Цитадель. № 17. СПб.: «ОСТРОВ». С. 71–104.

Проект Паукера утвердили, выделив для его реализации место на форту «Константин», где пришлось разбирать основания двух 11-дюймовых орудий. Выделили и необходимые средства, причем совсем не малые, учитывая постройку специальных казематов и заказ паровых машин со всем сопутствующим оборудованием.

Строительство столь экзотичной батареи началось в 1871 г., но продвигалось не слишком скоро из-за постоянно вносимых изменений в проект. К лету 1872 г. были готовы вчерне казематы для скрывающихся платформ, которые заказали на заводе Берда. Орудия заказывать не пришлось, поскольку взяли две 11-дюймовые установки с прежней двухорудийной батареи, на месте которой ныне возводили батарею Паукера.

Неспешно продолжались монтаж подъемных платформ для орудий, устройство помещений для паровой машины, котлов и отделка фасадов. Но в 1873 г. работы на батарее остановились совсем из-за проблем с финансированием. Все средства, выделяемые на строительство новых сооружений в крепости, пошли на продолжение весьма дорогостоящих работ на башенной батарее форта «Милютин».

К 1875 г. орудия наконец установили на платформах, но первый же опыт с подъемом и опусканием платформ за высокий бруствер с приводом от локомотива показал полную непригодность существующей системы противовесов. Платформы перекашивало и заклинивало. Пришлось полностью переделывать систему шестеренчатых приводов и противовесов. По этой причине батарею Паукера ввели в строй только в 1879 г., но и в дальнейшем разного рода переделки продолжались.

Здание батареи, особенно отделкой фасада, мало напоминало военное сооружение. Скорее оно было похоже на постройку гражданской архитектуры. Входные двери имели две створки и световое окно сверху в мелком переплете. Двери хоть и были стальными, но украшались филенкой и внешне скорее походили на парадные подъезды петербургских домов. Сверху карниз здания украшал гранитный кордон с тумбами и решеткой чугунного, сложного по рисунку литья. Центральную часть здания обозначал фронтоном, в центре которого установили литого чугунного двуглавого орла. Несколько портили картину дымовые трубы паровой машины, выведенные прямо через валганг за фронтоном. Такова была эпоха, и казенные сугубо военные постройки украшались вполне сравнимо с доходными домами столицы. Батарея Паукера не сохранилась до наших дней, сейчас на этом месте лишь прикрытый от атмосферных осадков каземат.

Артиллеристы Кронштадтской крепости

В 1877 г. на открытой 11-дюймовой батарее левого фланга форта установили экспериментальную 14-дюймовую артиллерийскую установку, для чего пришлось демонтировать 11-дюймовое орудие и переделывать каменное основание. Это было самое крупное орудие Кронштадтской крепости.

Единственной крупной постройкой форта в 1884–1885 гг. являлась батарея для двух 8,5-дюймовых орудий³³⁸ так называемого «кинжального» действия. По сути, эти два орудия могли сделать только по одному выстрелу почти под прямым углом к оси фарватера, но, по замыслу авторов, способных этими двумя выстрелами, как ударами кинжала, уничтожить корабль противника. Ценность такой батареи представляется весьма сомнительной, однако форт «Константин» тогда являлся не только оборонительным сооружением, но и испытательным полигоном. Батарея прослужила, впрочем, недолго, но сама идея подобной батареи продолжала жить. Впоследствии такого же типа батарею для более крупных орудий построят здесь же, на левом фланге форта, но уже в бетоне.

Следует упомянуть о том, что в 1890 г. форт почти перестал быть островом. Зимой этого года началось создание дамбы, соединившей форт с берегом. Общая длина дамбы составила почти 750 м, максимальная высота – около 3 м над ординарной водой, ширина – почти 7 м. Уложенная ветка узкоколейной железной дороги значительно упрощала жизнь гарнизону форта, но основное ее назначение заключалось в бесперебойной доставке боезапаса на форт. Правда, и забот она приносила немало, особенно после весенней подвижки льда. Дамбу постоянно приходилось ремонтировать, а к началу 1980-х гг. от нее остались лишь фрагменты. Затем она полностью исчезла под водой. Ныне она находится под грунтом защитных сооружений, окончательно превративших форт в часть острова Котлин.

³³⁸ В нескольких 8-дюймовых нескрепленных стволах образца 1863 г. при рассверловке образовался брак. Эти стволы рассверлили и нарезали под калибр 8,5 дюйма. Два таких орудия испытывали на «Константине».

Морские Северные номерные форты

Одним из слабых мест в обороне Кронштадта являлся Северный фарватер, где построенные в 1807–1812 гг. временные батареи пришли в совершенную ветхость. Фактически от батарей остались одни ряжевые основания, все остальное было смыто волнами и разрушено ледоходами. По новому проекту строились пять батарей такого же типа, как и прежние, но перекрывающие все водное пространство от Котлина до Северного берега. Батареи получили номера 5, 6, 7, 8, 9 (сегодняшние форты № 1, 2, 3, 5, 7). Номера 1, 2, 3, 4 получили батареи Южного фарватера. Батареи строили по испытанной технологии. На сплошном ряжевом основании стелился помост из бревен с обшивкой доской. Из грунта и бревен возводился бруствер, в горже батарей строились деревянные дома для личного состава и кухонь-столовых. Батареи № 5–7 возводили на старых отремонтированных основаниях, батареи № 8, 9 – на новых. Строительство велось «с большим поспешанием», и к лету 1856 г. батареи были окончены и вооружены. Работами руководил прибывший накануне из Севастополя Э.И. Тотлебен.

Первый Северный форт. 2017 г.

Временные батареи не смогли бы долго противостоять стихии. Поэтому в 1863 г. по приказу Э.И. Тотлебена инженер-полковник К.Я. Зверев начал перестраивать батареи Северного фарватера в постоянные, в камне. Батареи строились по типовому проекту, несколько отличаясь размерами и количеством артиллерии. Старые батареи разбирались, ряжевые основания увеличивались по площади и укреплялись шпунтовыми сваями. По всему периметру остров батареи одевали в каменную стенку со скосом в сторону моря. Кладка камней «насухо» быстро приходила в негодность, и в последующем камни клались только на растворе. На каждом острове возводилось по три-четыре каземата из кирпича с обваловкой землей. Фронтальная стенка, куда выходили амбразуры, одевалась гранитными блоками. Каждый такой каземат имел два помещения для орудий, между которыми располагался пороховой погреб. В подвальной этаж располагались запасные пороховые погреба. Казематы опирались через фундаменты

и свайное основание не на остров, а на дно залива. В 1865 г. приступили к постройке двух новых батарей. Их расположили между батареями № 7 и 8 и между № 8 и 9. В плане эти батареи были «подковообразного начертания», как и все остальные, но в горже имели своеобразный выступ в виде каре, где построили казематированные казармы для личного состава. К казарме примыкали еще два крыла казематированных построек для орудий, способных фланкировать основное сооружение при прорыве кораблей противника между соседними батареями. Ведь, как уже упоминалось, орудия, установленные в казематах, имели незначительный угол горизонтального обстрела, ограниченный размерами амбразуры. Но эти два форта имеют ни с чем не сравнимый облик: богато украшенные фасады в лучших традициях питерского классицизма; гранитные цоколи и карнизы, украшенные резными фронтонами с цельными гранитными шарами; лопатки, пилястры и рустовка фасадов дополняют, вернее дополняли, картину.

К 1868 г. основные работы по батареям были завершены. Но через девять лет работы пришлось продолжить в связи с появлением новых, более мощных орудий образца 1877 г. На земляных валах между казематами устраивали каменные основания под новые орудия. Из казематов убрали старые орудия, амбразурные заложили кирпичом с гранитной облицовкой, фронтальные стены казематов полностью закрыли земляными эскарпами. В основном новые форты вооружались самыми мощными на тот период береговыми 11-дюймовыми орудиями (10–12 орудий на каждом форту).

Еще в 1867 г. сменились номера фортов, которые теперь стали делиться на две группы – Южного и Северного фарватера. На Северном фарватере батареи стали выглядеть следующим образом:

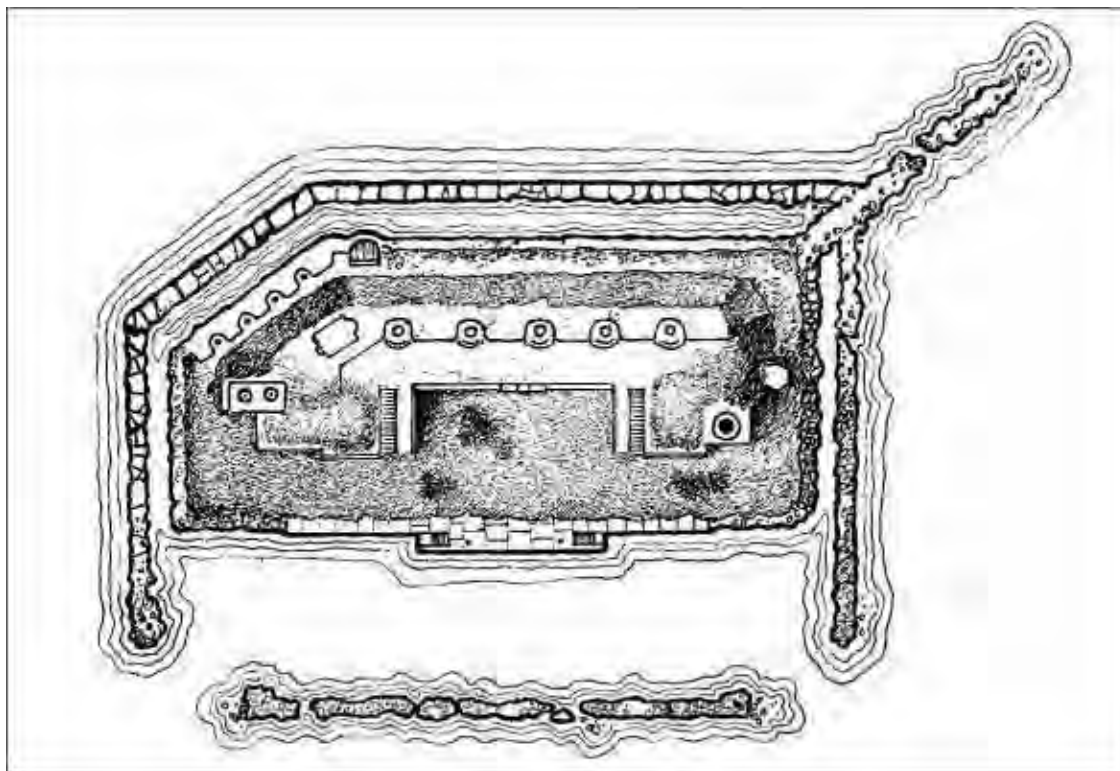
- батарея № 5 – № 1;
- батарея № 6 – № 2;
- батарея № 7 – № 3;
- батарея № 10 – № 4 «Зверев»;
- батарея № 8 – № 5;
- батарея № 9 – № 7;
- батарея № 11 – № 6.

В 1880–1881 гг. эти искусственные острова расширили для более действенной защиты 11-дюймовых орудий. Практически в таком виде северные батареи дожили до наших времен. Серьезной перестройке подверглась в 1899 г. только морская северная батарея № 1, к которой ведет узкая дамба. Здесь к 1901 г. уже в бетоне построили батарею новой конструкции на двенадцать 9-дюймовых мортир. Старые кирпичные казармы были усилены бетонным покрытием. На правом фланге перестроили казематы под дизель-электростанцию и прожекторную установку, а также для дальномерного павильона. В 1896 г. из состава оборонительных сооружений исключили северные батареи № 3, 5 и 7.

Южные номерные форты: № 7, № 2 («Дзичканец»), № 3 («Милютин»)

Еще в 1808 г. южнее форта «Рисбанк» («Император Павел I») построили небольшую батарею по обычной для тех лет технологии. На сплошном ряжевом основании с бревенчатым помостом возвели из бруса и бревен бруствер для 14 орудий. Батарея должна была обстреливать водное пространство между южным берегом залива и фортом «Рисбанк». В какой-то степени эту батарею можно считать предшественницей форта «Милютин». К 1856 г. дальше к побережью были построены еще две батареи, которые стали называться «Южная батарея № 1» и «Южная батарея № 2». Все они предназначались для защиты водного пространства между фортом «Император Павел I» и южным берегом Финского залива, где могли прорваться мел-

косирующие корабли атакующего противника. Батарею за «Рисбанком» стали называть «Южной батареей № 3».

План форта «Милютин». Реконструкция В.Ф. Ткаченко

После знаменитого боя американских броненосных кораблей «Монитор» и «Мерримак» в Гражданской войне Севера и Юга, произошедшего в марте 1862 г., ведущие морские державы стали вооружать боевые корабли броневыми башенными установками системы Д. Эриксона и К. Кольза. В 1863 г. башни системы К. Кольза решили установить и на одном из форт Кронштадтской крепости. Башни имели массу преимуществ по сравнению с открытыми установками и установками за броневым бруствером: это круговой обстрел, то есть неограниченный сектор ведения огня по горизонту; надежное укрытие орудий и личного состава за броней башен. Повредить, а тем более уничтожить орудие в башне при том уровне артиллерии было весьма сложно. Первую такую береговую башню установили в системе обороны Антверпена. Проект башенной батареи для обороны Кронштадта разработал Э.И. Тотлебен в 1865 г. Он же определил ее расположение на месте временной «Южной батареи № 3», несколько выдвинув ее вперед, на запад. Как уже упоминалось, в 1860-х гг. началось внедрение нарезной артиллерии на кораблях и в береговой обороне, поэтому 1-ю и 2-ю батареи также стали перестраивать в постоянные, каменные. Для «Южной батареи № 2» это было особенно важно, так как на нее ложилась задача охраны строительства башенной батареи № 3.

Э.И. Тотлебен

Немало трудностей вызвало проектирование башен и их вспомогательных механизмов, что неудивительно – новое всегда достигается с трудом. После многократных переделок проекта в 1868 г. приступили к работам по сформированию острова будущей башенной батареи. Впервые в крепости применили водолазный аппарат для исследования дна залива на месте постройки. По проекту батарея представляла собой в плане прямоугольный остров с казематированной постройкой в виде вытянутой буквы «П». В передней, ближней к эскарпу части батареи располагались башни и погреба для них. В тыловой части располагались жилые помещения для артиллеристов. По оконечностям батареи, в нескольких сдвинутых в тыл казематах размещались офицеры. Две большие аппарели из гранитных блоков вели на валганг батареи, причем аппарели имели как гладкий спуск, так и лестничный.

Батарея с трех сторон была отсыпана земляным эскарпом, и только горжевая стена оставалась открытой, куда выходили двери и окна жилых казематов. Фасад горжевой стены был богато, для подобных построек, декорирован рустовками, пилястрами, лопатками. Центральный вход в батарею имел гранитный полукруглый аттик и напоминал вход в старинный замок. Остров батареи имел мощную конструкцию. Ряжи установили только под набережную и фронтальную эскарповую стенки. Массив казематов опирался на дно залива посредством сплошного сводного основания, с забутовкой пространства между свай булыжным камнем. Поверх головок свай шла сплошная постель из булыжного камня на растворе. Шесть шпунтовых линий вдоль всего острова не позволяли смещаться грунту. Массив батареи строился из кирпича, но все основные массивы, в том числе и башенные колодцы, строились из гранитных блоков.

На батарее установили шесть башен системы Кольза, в каждой из которых располагалось по одному 11-дюймовому орудью образца 1867 г. Диаметр башни составлял 8,5 м. Толщина брони – 30 см на тиковой подкладке, внутренняя броня имела толщину 7,5 см. Башни вращались посредством паровых машин. Полный вес одной башни составлял 500 т. Основные строительные работы были завершены к 1871 г. Но самое главное – работы по монтажу брони – еще предстояло выполнить. Экономические трудности в стране приостановили работы на башенной батарее. Завод Берда в Санкт-Петербурге, изготавливавший броню, столкнулся с серьезными техническими проблемами, ведь в России броневое производство только налаживалось. Окончательно батарея была закончена лишь в 1879 г.

В 1880 г. ее посетил император Александр II, после чего вышел его указ, переименовавший батарею в форт «Граф Милютин» в честь военного министра, проводившего обширные военные реформы в России. В 1886 г. на форту усилили своды жилых казематов укладкой дополнительного бетона. Между башнями возвели железные кровли для отвода атмосферных

вод. На батарее устроили электрическое освещение от аккумуляторов, которые заряжались от паровых машин башенных установок.

К 1868 г. на батарее № 1 все работы по перестройке были завершены, на форт доставили орудия. Этот форт – один из самых маленьких в Кронштадтской крепости – длиной всего 150 м. Он представлял собой короткий фас, к которому с правой стороны под углом 145 градусов примыкал фланг такой же длины. На фасае в 1870 г. установили две нарезные 9-дюймовые пушки и три 8-дюймовые образца 1867 г. Еще две 9-дюймовые пушки установили на фланге. Фас и фланг имели по одной казематированной постройке на шесть казематов каждая, располагавшихся в два яруса. На нижнем ярусе хранили боезапас, в верхних размещалась орудийная прислуга. Остров был одет в гранитный обвод, по периметру окруженный защитным волноломом. Излом острова и горжевого волнолома образовывал гавань с двумя проходами в волноломе. В горже острова возвели гранитную пристань. Позднее во дворе форта построили небольшой домик для коменданта.

Форт Южный № 2 практически полностью повторял конструкцию форта № 1. Отличием было то, что казематированная постройка была одна, но более крупная, чем на форту № 1. Появилась она уже в 1880-х гг., первоначально форт вообще не имел казематов, а только бруствер, за которым в 1870 г. установили восемь 9-дюймовых орудий образца 1867 г. К этому времени форт № 2 получил и второе название, в честь одного из строителей крепости инженера генерал-майора И.Г. Дзичканца. В 1885 г. часть гавани засыпали, спрямив линию горжевого обвода. Берег укрепили камнем на растворе. Массив набережной опирался на свайно-ряжевое основание. В 1890-х гг. на фортах появились и некоторые постройки из нового материала – бетона. К началу XX в. на форту № 2 построили дальномерный павильон с броневой крышей и шахту с механическим подъемником для подачи боезапаса из погребов. На левом фланге возвели бетонное укрытие для выкатного прожектора. На форту № 1 забетонировали площадку и укрытие для него в виде бетонного куба с засыпкой землей с трех сторон.

Форт «Риф»

Западная оконечность Котлина, называемая рифом Котлинской косы, всегда привлекала строителей крепости Кронштадт для постройки оборонительных сооружений. Но сначала здесь был устроен полигон для испытаний нового материала в крепостном строительстве – портландцемента. В 1890 г. на рифе косы разобрали временную деревоземляную батарею 11-дюймовых пушек и на ее месте возвели несколько казематированных построек из бетона на портландцементе. Шесть лет здесь вели опытное строительство, испытывая потом стрельбой из орудий различных калибров казематированные постройки. Результаты опытов, проведенных здесь, положили в основу нового бетонно-земляного строительства всех сооружений в крепостях России³³⁹.

Главный командир Кронштадтского порта 22 апреля 1884 г. отправил главе Морского министерства следующий рапорт: «Согласно приказанию Вашего превосходительства я осмотрел форт Меншиков и нашел его в довольно печальном состоянии, с растрескавшимися сводами. Как говорят, трещины эти не увеличиваются, несмотря на то что над ними стоят 8-дм и 3-пуд пушки.

Нижний этаж занят весь запасом обмундирования морского ведомства на случай призыва и пополнения войск до комплекта военного времени

---

³³⁹ Подробнее об этих опытах см.: *Ткаченко В.Ф.* Форт «Риф». СПб.: «ОСТРОВ», 2017.

Котлинская коса и форт «Риф». Фото Н.М. Иванова. 2014 г.

В верхних этажах с обеих сторон батарей в особых кладовых хранится порох и ружейные патроны военного ведомства, и отдельное помещение для пороха, свозимого с коммерческих судов, проходящих в Кронштадт.

При разоружении форта две батареи 2-го и 3-го этажей, представят, как кажется, вполне достаточное помещение для тюрьмы, караула, конвойных и квартиры смотрителя, так как длина каждой батареи приблизительно доходит до 180 футов, а ширина – достаточна для установки больших орудий. Я сделал распоряжение о составлении соображений по приспособлению батарей этих под тюремное помещение, но боюсь, что на это потребуются очень большие суммы, потому что придется переделывать амбразуры, устраивать отопление, отхожие места и делать переборки, решетки для отделения заключенных от надзирающих за ними и др. приспособления.

Относительно нижнего этажа я сначала думал, что он может оставаться в пользовании сухопутного ведомства, но если бы было возможно получить и этот этаж в наше распоряжение, то мы избавились от могущих возникнуть пререканий и жалоб, часто возникающих при совместном чем-либо пользовании.

Не знаю, удобно ли будет наполнять стоящее у самого входа в гавань сооружение большим числом живущих и как устранить скопление нечистот при таком наполнении этого сооружения»³⁴⁰.

Ю.А. Скориков, оценивая важную роль Тотлебена и Теляковского в совершенствовании крепости Кронштадт, справедливо отмечал:

«Осада и взятие французских крепостей в ходе франкопрусской войны (1870–1871) подтвердили правильность принципов русской фортификационной науки. Сводчатые конструкции, присущие русским фортам и батареям, казематированные помещения, надежно защищавшие личный состав, были в спешном порядке заимствованы западными фортификаторами. Форты стали возводить как самостоятельные укрепления преимущественно для артиллерийских позиций. А дальность пушек в то время уже достигала 8,5 км, мортир 5,3»³⁴¹.

Тем не менее, уже в начале 1890-х гг. развитие артиллерии и появление новых материалов заставило заново заниматься перестройкой крепости Кронштадт.

---

³⁴⁰ РГАВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 6393. Л. 8–9.

³⁴¹ Скориков Ю.А., Раздолгин А.А. Кронштадтская крепость. Л., 1988. С. 292.

Кронштадт при начале царствования Николая II

Царствование Николая II началось с Ходынки. 18 мая 1896 г. на Ходынском поле при раздаче кружек с императорским гербом, угощения и подарков погибло около 2000 человек. Они были просто задавлены толпой. В тот же день состоялся бал у французского посла графа Монтенбло. После первого танца император удалился. С.Ю. Витте вспоминал: «Мне представляется, что если бы государь был предоставлен собственному влечению, то, по всей вероятности, он отменил бы эти празднества и вместо них совершил бы на поле торжественное богослужение. Но, по-видимому, государю дали дурные советы...»³⁴². Своего мнения у императора, судя по всему, не было.

Из воспоминаний одного из создателей конституционно-демократической партии («кадетов»), председателя II Государственной думы Ф.А. Головина (1867–1937): «Особенно показался мне государь во время торжественного шествия после коронавания из собора во дворец. Бледный, утомленный, с большой императорской короной, нахлобученной до ушей, придавленный тяжелой, парчовой, подбитой горностаем, неуклюжею порфирию, Николай казался не величавым императором всея Руси, не центром грандиозной процессии, состоявшей из бесчисленных представителей всевозможных учреждений, классов, сословий, народностей громадного государства, а жалким провинциальным актером в роли императора, ему не подходящей»³⁴³.

Упомянутые в предыдущей главе опыты на форту «Риф» вынудили сделать неутешительный вывод: «Нельзя вновь не повторить, что в настоящем своем положении переходного состояния крепость не подготовлена к бою. Главный ее недостаток – полное отсутствие на морских батареях безопасных от современных снарядов пороховых хранилищ, которые могут быть взорваны, чем уничтожается сопротивление батарей, а значит и крепости, что открывает свободный путь к Петербургу»³⁴⁴. Поэтому еще в 1892 г. под руководством начальника Главного штаба генерала-адъютанта Н.Н. Обручева (1830–1904) была создана специальная комиссия. Она разработала предложения по усилению обороны Кронштадта, которые в 1896-м одобрил военный министр П.С. Банковский (1822–1904). Суть предложений состояла в необходимости создания мощных батарей на Котлинской косе, Северном фарватере, также на северном и южном берегах Финского залива. На существующих батареях и фортах следовало установить новые артиллерийские системы, склады боеприпасов перенести в тыл крепости.

---

³⁴² Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 69.

³⁴³ Цит. по: Николай II без ретуши / сост. Н.Е. Елисеев. СПб., 2009. С. 78–79.

³⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 1341. Он. 3. Д. 568. Л. 2.

Форт «Тотлебен». Вид с самолета. 2002 г.

При этом отдельным пунктом стоял вопрос о судьбе фортов, построенных на южном фарватере в середине XIX в.: «Петр I», «Александр I», «Павел I», «Кроншлот» и батарея «Князь Меншиков». Установка здесь новых крупных орудий потребовала бы кардинальной реконструкции, практически создания новых фортов. Это усугублялось и слабостью перекрытий, которые обрушились бы при попадании современных фугасных снарядов. Все это вынудило военного министра подписать приказ об исключении этих фортов из состава оборонительных сооружений.

Главным итогом работы комиссии Обручева было решение построить на Северном фарватере три литерных форта «А», «Б» и «В». Однако вскоре решили отказаться от строительства форта «Б», так как его пришлось бы возводить на глубинах 10–12 метров. Следует напомнить, что все островные форты Кронштадта созданы на искусственных островах, основу которых составляли ряжи.

Форт «А», названный позднее в честь знаменитого фортификатора «Тотлебенем», расположен в четырех километрах от Сестрорецка, «В» – «Обручев» – в семи километрах от «Тотлебена» в направлении на северо-запад. «Благодаря такому расположению фортов контролировались дальние и ближние подступы к о. Котлин с северо-запада и обеспечивалось успешное противодействие самым крупным кораблям противника. Глубины акватории позволяли подходить к укреплениям судам береговой обороны для совместных действий, а также осуществлять бесперебойное снабжение всем необходимым для жизни и боевых действий гарнизонов фортов»³⁴⁵. Кроме того, надежную защиту получал Сестрорецкий оружейный завод, являвшийся, наряду с Тульским и Ижевским, основным поставщиком стрелкового оружия для армии и флота России.

Строителем этих фортов назначили А.А. Шишкина, тогда еще инженер-капитана. Объемы предстоящих работ были огромными, поэтому пришлось учредить Управление строительства по возведению новых укреплений. В январе 1897 г. Николай II утвердил положение об

³⁴⁵ Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. Кронштадтская крепость. С. 319.

этом строительстве, то есть «традиционная опека царями строительства в Кронштадтской крепости формально поддерживалась даже при таком бездарном правителе, как Николай II»³⁴⁶.

Первый ряж «Тотлебена» установили 3 февраля 1897 г. Камни и другие строительные материалы доставлялись к месту строительства на санях с сестрорецкого берега, где были устроены огромные склады. Вот уж действительно рукотворное создание. Остается только восхищаться мастерством, мужеством и терпением русских строителей.

Форт «Император Александр I»

Пока разворачивалось строительство литерных фортов, круто переменялась судьба самого импозантного форта крепости – «Александра».

Здесь необходимо небольшое отступление. Вся историю человечества его сопровождали страшные эпидемии, в том числе чумы. Лишь в 1894 г. французский врач и бактериолог А. Иерсен (1863–1943) обнаружил возбудителя этой страшной болезни, которого назвали *Yersinia pestis*. Тогда же начались поиски противочумной сыворотки. В России эти работы начались в 1896 г., после жуткой эпидемии в Индии, унесшей миллионы жизней. Так как один из путей проникновения чумы в Россию проходил через порты Черного и Каспийского морей, правительству страны пришлось срочно создавать особый оперативный орган, который ведал бы всеми противочумными мероприятиями.

Так возникла «Особая комиссия для предупреждения занесения чумной заразы и борьбы с нею в случае ее появления в России», или «Комочум», утвержденная императорским указом 11 января 1897 г. Ее большое значение подтверждал состав руководителей: председателем назначили принца А.П. Ольденбургского (1844–1932), заместителем по финансовым вопросам – министра финансов С.Ю. Витте, по научным – известного ученого А.А. Владимирова. Кроме того, в состав комиссии входили министры: внутренних и иностранных дел, юстиции, путей сообщения, военный, а также государственный контролер. Благодаря участию С.Ю. Витте в работе комиссии ее бюджет в отдельные годы достигал 2 млн руб., но основная заслуга в успешной деятельности комиссии принадлежала принцу А.П. Ольденбургскому – человеку, много

³⁴⁶ Там же. С. 320.

сделавшему на благо России. 16 декабря 1899 г. ему было присвоено звание почетного гражданина Санкт-Петербурга «за неутомимую деятельность по укреплению добрых нравов городского населения и сердечное отношение к учащимся в городских начальных училищах».

Опорной базой комиссии «Комочум» стал Императорский институт экспериментальной медицины (ИИЭМ), располагавшийся на бывшей Лопухинской улице (ныне – ул. Академика Павлова) на Аптекарском острове в Петербурге. Здесь в отделе эпизоотологии приступили к изготовлению противочумной сыворотки в начале 1897 г., а в 1898-м – к производству противочумной вакцины, так называемой «лимфы Хавкина»³⁴⁷. Производство препаратов осуществляли в двух небольших деревянных бараках, расположенных на территории усадьбы ИИЭМ. Один из старейших и известнейших деятелей института А.А. Владимиров в своих мемуарах, вспоминая то время, писал: «Когда мы приступили к работе, еще ничего не было известно о путях заражения бубонной чумой. У страха глаза велики, и, чтобы предупредить заражение через поврежденную кожу, четверо из нас, допущенных непосредственно к манипуляциям с живым вирусом и с инфицированными животными, перестали бриться и обросли бородами»³⁴⁸. Это были А.А. Владимиров, К.И. Креслинг, С.К. Бейнарович и служитель Патрикеев.

Возросший спрос на препараты против чумы требовал расширения производства с одной стороны, а с другой – возникла опасность для жителей города, если бы эти работы проводились в обычных условиях в ИИЭМ в столице. Особенно напугало всех, в том числе и принца, трагическое происшествие в Вене в 1898 г., когда заболел служитель, ухаживавший за зараженными животными, а от него заразились лечивший его врач Мюллер и сиделка. В итоге все погибли от чумы.

Очевидно, что для подобной работы было необходимо какое-то особое, строго изолированное помещение, отстоящее от города подальше, чем усадьба ИИЭМ. Принц Ольденбургский справедливо считал, что работать с возбудителями особо опасных инфекций в черте столицы империи рискованно. Уже 26 января 1897 г., то есть почти через две недели после образования «Комочум», он убедил царя, военного министра и коменданта Кронштадтской крепости передать Институту под чумную лабораторию выведенный за штат форт «Император Александр I». ИИЭМ получил форт в виде голых стен, которые необходимо было приспособить к новым задачам. Руководил переоборудованием помещений для лаборатории архитектор Г.И. Люцедарский (1870–1938), работавший техником-строителем в ИИЭМ. По смете было ассигновано на расходы 94 404 руб. и на оборудование – 181 605 руб. Официальное освящение лаборатории состоялось 27 июля 1899 г., хотя работы по переустройству форта начались только с 1 января 1899-го и тянулись еще несколько лет. Исследования же начались уже в августе того же года³⁴⁹.

---

³⁴⁷ Хавкин Владимир Аронович в 1884 г. окончил Новороссийский университет в Одессе. По рекомендации Мечникова отправился в институт Л. Пастера в Париже. Весной 1892 г. провел успешные опыты на себе и трех добровольцах со своей противохолерной вакциной, доказав ее эффективность. В 1896 г. в Индии начал работу над созданием противочумной вакцины. Завершением этой работы снова стал опыт на самом себе. После этого «лимфа Хавкина» стала настоящим спасением миллионов жизней.

³⁴⁸ Цит. по: Амирханов Л.И., Голиков Ю.П., Чирков В.В., Иванова Ю.Е. Форт «Император Александр I». СПб.: «ОСТРОВ», 2008. С. 79.

³⁴⁹ Там же. С. 80.

Врачи в противочумных костюмах работают с верблюдом

Сообщение форта с берегом, т. е. Кронштадтом и поселком Лисий Нос, поддерживалось только по мере производственной необходимости с помощью маленького парходика, носившего символическое название «Микроб». Также имелась телефонная линия с Кронштадтом и телеграфная с Петербургом.

Лаборатория была прекрасно оборудована и имела два отделения: заразное и незаразное. Между ними находилось нейтральное помещение.

На втором этаже имелась «парадная» комната для приема гостей и проведения конференций, украшенная, разумеется, портретами царствующих особ. В середине комнаты располагался своеобразного вида диван, который представлял собой каменный пушечный траверс, обтянутый материей. На нем лежала ценная реликвия – большой бронзовый ключ от ворот форта с инициалами императора Николая I.

Верблюды во дворе форта «Александр I»

Бытовые условия были хорошими – у каждого сотрудника отдельная комната для жилья, имелись научная библиотека и бильярд. Но однообразная жизнь и специфический характер работы накладывали свой мрачный отпечаток. Здесь могли работать только люди, целиком преданные науке и готовые рисковать своей жизнью в борьбе с чумой, а еще и вспомогательный персонал лаборатории – более 30 человек: фельдшера, служители, конюхи, механики, состоявшие при машинном отделении. Руководил лабораторией опытный врач В.А. Турчинович-Выжникович.

Форт часто посещали гости, в фондах музея Института экспериментальной медицины хранится немало фотографий, изображающих гостей и гостеприимных хозяев.

Журналист Эйзен, побывавший на форту, писал: «В незаразном отделении устроен целый зверинец – все это животные, служащие для опытов прививки чумы и других болезней: обезьяны, кролики, морские свинки, крысы, мыши, сурки (сибирские тарбаганы), в которых предполагают переносчиков чумной заразы в Сибири, суслики (овражки), очень восприимчивые к чумной заразе и, ввиду быстроты передвижения, могущие быть опасными распространителями чумы... Наряду с этим мелким „лабораторным материалом“ я увидел тут же в особых помещениях целое стадо северных оленей и несколько верблюдов... Но все это пока материал второстепенный: главное место отведено лошади. Кровь лошади, переработавшая в себе чумной яд, дает нам спасительное средство от чумы. В конюшнях лаборатории, при моем посещении, находилось 16 лошадей; из них были такие, которые уже в течение 3-х лет вырабатывают противочумную сыворотку. Часть небольшого внутреннего дворика занимал манеж для лошадей».

В 9 часов утра персонал выходил в лабораторию, а в полдень по свистку работы прекращались – наступало время обедать. С 15 часов работа возобновлялась и продолжалась до 18 часов. Работали в прорезиненных плащах поверх халатов, в таких же штанах, в резиновых ботах. В качестве дезинфицирующего средства употреблялась сулема как при обтирании ног о пропитанные ею коврики, так и для опрыскивания прорезиненной одежды. В прихожей стояла

кадка с сулемой, в нее перед уходом погружали для дезинфекции резиновые боты. В 8 часов вечера массивные ворота форта запирались на ключ. На Эйзена условия работы на форту произвели сильнейшее впечатление: «Серая суровая крепость из гранитных плит, о которые ударяются волны. Маленькая площадка – пристань. Мы были очень радушно встречены заведующим Чумным фортом-лабораторией – В. Выжникевичем. Это был красивый, элегантный высокий брюнет лет 35–40. Предводимые Выжникевичем, мы обошли все помещения лаборатории, где практиканты производили особое впечатление в своих желтой полупрозрачной клеенки халатах, с таким же колпаком на голове и в огромных галошах-кораблях такого же цвета. Особенно А.Н. Червенцов в таком одеянии представлял какое-то могучее морское страшилище. Жутко, сказать по правде, было смотреть на зараженных чумою крыс, кроликов и свинок. Чувствовалось, что ходишь около смерти. Осмотрели и все животники, конюшни, кремационную печь для сжигания трупов животных. В заключение обхода Выжникевич обратил наше внимание на шикарный металлический гроб и объяснил, что это на случай смерти от чумы кого-либо».

Этот гроб мог пригодиться дважды, но в обоих случаях заразившихся лабораторной чумой сжигали в кремационной печи для животных. Об этом чуть ниже.

Еще один посетитель лаборатории, Красавицкий, вспоминал: «После сильных впечатлений лаборатории и гроба – *memento mori* – приятно было войти в библиотеку, большую и светлую залу, отделанную под судовую кают-компанию. Круглые оконца крепостных стен, обращенные к морю, напоминали судовые иллюминаторы. Вдоль стен уютные, обитые темной кожей, сплошные диваны. Стены, потолок, столы, стулья, книжные шкафы и полки – все темного дуба. Все было сделано для уюта отшельников науки, подвизавшихся на форте. Комнаты их тоже напоминали каюты моряков, но в увеличенном размере. В завершение нашего обзора мы приняли участие в обеде всей компанией форта, в столовой их собрания. Моим соседом слева был д-р Шрейбер, с которым мы очень быстро сошлись. Это был ниже среднего роста, плотный типичный русский немец, с рыжеватыми усами. Весельчак, благодущный малый. И скоро, за рюмкой вина, у нас полились шутки и смех. Никак не чувялось, что это, как и наш хозяин, – близкие жертвы лабораторной чумы. Незадолго до сумерек собрались в путь, и когда отчалили – долго на пристани кое-кто из форта, как теперь помню, и д-р Шрейбер, дружески нам махали платками»³⁵⁰.

А Кронштадт, несмотря на присутствие рядом с островом такого жутковатого объекта, жил своей жизнью. Любопытное наблюдение сделал один из постоянных авторов «Кронштадтского вестника» весной 1895 г.: «*Азартная игра*. С наступлением оттепели на толкучем рынке, именуемом „Козьим болотом“, снова стали появляться со своими лотками продавцы горячих пышек.

Обыкновенно товар этот приобретается ими в курнях по 80 коп. за сотню и продается по 1 коп. за штуку. Таким образом, чтобы оправдать повседневный расход и отложить хотя бы малую толику на черный день, необходимо продать почти 300–400 пышек, что при существующей конкуренции не всегда возможно. Желая пособить этому горю и увеличить сбыт товара, хитроумные пышечники решились разыгрывать его в лотерею. С этой целью у каждого из них имеются особые мешочки, в которые помещают небольшие деревянные кубики с написанными на них цифрами 1, 2, 3, 4, 5 и т. д. до 30 включительно. Желая попытаться счастья (а таких находится немало) вносят предварительно в кассу, т. е. продавцу, 1 копейку. Затем поочередно запускают руку в мешок и вынимают из него кубик. Выигрывает тот, у кого оказалось больше очков. Он получает пышки по числу играющих и... игра начинается на новую³⁵¹. Несмотря на незначительность ставки, проигрыш у иных достигал за день нескольких рублей, тем более что

³⁵⁰ Цит. по: Амирханов Л.И., Голиков Ю.П., Чирков В.В., Иванова Ю.Е. Форт «Император Александр I». С. 103.

³⁵¹ Таким образом, при трех, к примеру, играющих победитель получал три пышки, затратив всего одну копейку, а пышечник продавал три пышки, что ему и было надо.

зачастую вместо пышек игра ведется исключительно на деньги по 5, 10, 20 и более копеек с человека. Таким образом, эта пышечная лотерея, несомненно, включает в себе все признаки азарта, а потому должна быть изгнана. Особенно если принять во внимание, что жертвами ее являются исключительно матросы, пехотинцы и рабочие, т. е. люди, которым каждая копейка крайне дорога. Продавцы пышек за эту игру уже множество раз привлекались к суду, платили штраф, но все им не удается. Если так, то нам кажется, было бы вполне разумно и целесообразно совершенно воспретить продажу пышек с лотков: они безвкусны, не питательны и, наконец, приготовлены из самого последнего сорта муки и масла. Бедняк, прельщенный румяным видом пышек, думает полакомиться ими и часто расстраивает свое здоровье. *Горемыкин*»³⁵².

Важные изменения коснулись Технического училища Морского ведомства. Летом 1896 г. в честь 100-летия со дня рождения императора Николая I его переименовали в Морское техническое училище Николая I. Через два года, в связи с необходимостью увеличения числа инженеров-механиков в составе действующего флота, ввели новый штат, предусматривающий увеличение числа воспитанников до 160 человек, то есть почти в два раза. И к столетнему юбилею училища его переименовали еще раз. Теперь оно называлось Морским инженерным училищем Императора Николая I.

Николаевский проспект в конце XIX в

Торжества по этому поводу были грандиозными, но год был омрачен пожаром в училище. Старший отделенный начальник капитан Немцов докладывал в рапорте: «9 октября около 6 часов вечера по ротам распространилось известие, что в квартире помощника инспектора классов Шлезингера пожар... воспитанники из рот и мастерских бросились в столовый зал. В зале уже был дым, и находившийся там смотритель училища приказал выставлять рамы... а я приказал переносить все столы в аван-зал. Кто-то из воспитанников сказал мне, что не могут отворить дверь из зала в темную комнату, чтобы с другой стороны попасть в музей, я приказал

³⁵² Кронштадтский вестник. 1895. № 29. С. 3.

сломать замки. В первой комнате музея был страшно удушливый дым, и воспитанники вытаскивали модели, я приказал снять несколько ламп из столовой и светить...

Спустившись в квартиру Шлезингера³⁵³, я нашел воспитанников, вытаскивающих вещи, а в столовой обрушившуюся штукатурку и горевший под ней пол. К приезду пожарных модельная комната была очищена... был вскрыт пол в музейной комнате и снизу и сверху, и начали поливать вскрытые места»³⁵⁴.

Чтобы разместить увеличенное число воспитанников, решили пристроить к основному зданию два корпуса. Проект зданий выполнил гражданский инженер Л.И. Новиков (1854-после 1917), он же наблюдал за строительством.

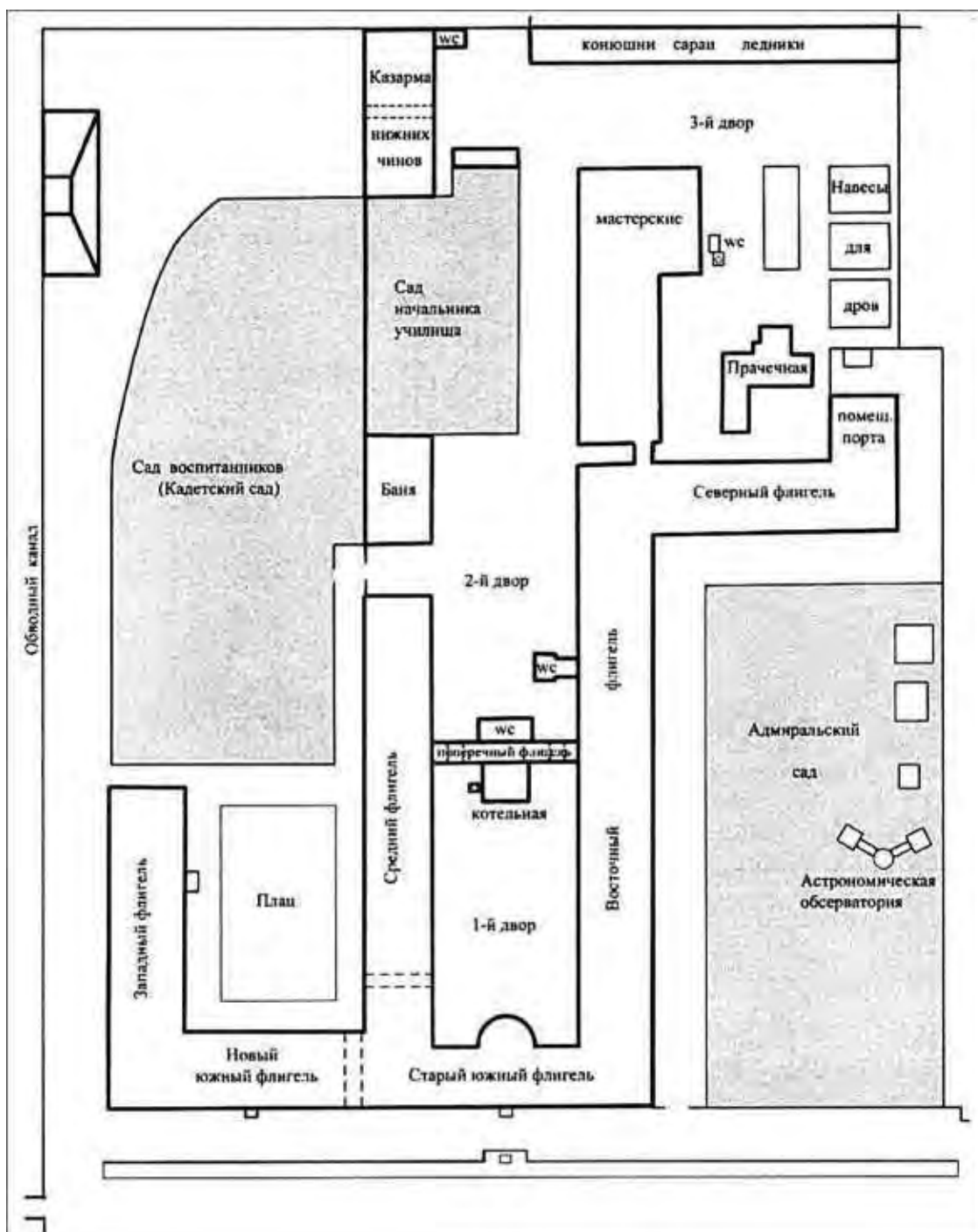
Новый четырехэтажный корпус стал продолжением южной части здания, выходящей к Итальянскому пруду. Чтобы новые корпуса не выделялись, Новиков повторил все архитектурные решения основного здания. В первом этаже устроили квартиру начальника училища, на остальных – музей, чертежные комнаты и классы. Еще один корпус возвели параллельно Обводному каналу. В его трехэтажной части разместили кухню и столовый зал, а в двухэтажной – лазарет.

Мачту на здании Итальянского дворца предполагалось переделать, но единого мнения на этот вопрос не было. В результате вместо переноса мачты в центр здания сначала решили установить там новую, но оказалось, что нужны дополнительные подкрепления, и конце концов старую башню заменили новой по чертежам инженера Н.М. Путинцева и, по предположению Н.И. Наймушина, тогда же заменили мачту, «сделав ее значительно выше и убрав гафель».

---

³⁵³ Шлезингер Г.Ф. (1860–1939) – известный инженер, возглавлявший позднее кораблестроительный отдел Путиловского завода.

³⁵⁴ Цит. по: *Наймушин И.Н.* Итальянский дворец в Кронштадте. СПб., 2011. С. 23.

План территории Морского инженерного училища Императора Николая (Наймушин И.Н. Итальянский дворец в Кронштадте. СПб., 2011. С. 45)

Эта мачта играла очень важную роль в жизни Кронштадта. Она «служила для подъема флажных сигналов и фигур штормового предупреждения, а все это являлось постом связи с кораблями, стоявшими в гаванях и на рейде. Меня и мою компанию мальчишек всегда интересовал один лишь сигнал в полдень – спуск рывком флага „Исполнительный“, по которому в Петровском парке на берегу Военной гавани стреляла пушка, а на судах проверялись хронометры. В праздничные дни мы ходили любоваться выстрелом этой старинной пушки, заряжаемой с дула, и всегда удивлялись, что выстрел, производившийся от фитиля, зажигаемого за несколько секунд, всегда точно совпадал со спуском флага на сигнальной мачте. Сразу же на всех кораблях звенели многоголосые рынды, на которых отбивались четыре двойных удара –

склянки; за ними следовали трели боцманских дудок; с ближайших судов слышалась команда: „К вину, обедать!“»³⁵⁵.

Здание Морского инженерного училища. 1903–1905 гг.

Команда «К вину, обедать!» требует небольшого пояснения. В парусном флоте, чтобы не простудиться после тяжелых работ в мокрой одежде на ветру, матросам полагалась чарка крепкого напитка. Как правило, хлебной водки. Чарка – это 1/100 ведра, а ведро как старинная мера жидкости на Руси вмещало 12,3 л, т. е. в чарку помещалось почти 120 мл.

Открытие памятника П.К. Пахтусову

Из парусного флота эта традиция перешла во флот паровой, против чего, кстати, протестовали многие судовые врачи, так как условия теперь были не такие «мокрые». Перед обедом боцман дудкой давал сигнал «К вину!», баталер выносил ендову – медную емкость с водкой и по списку выкликал фамилии нижних чинов. Закусывать не полагалось.

³⁵⁵ Лобач-Жученко Б.Б. Записки последнего гардемарина. М., 1993. С. 10.

Однако этот сигнал ждали не только на кораблях, но и в городе: «До 12 часов дня не видать этого серого, многотрудящегося люда, но вот упал конус на мачте технического училища, грянула полуденная пушка в Петровском парке, и изо всех углов валит усталая, но бодрая толпа в ближайшие трактирчики и закусовые»³⁵⁶.

Упомянутая полуденная пушка свой первый выстрел сделала 17 марта 1872 г. Интересно отметить, что разница истинного времени в Петербурге и Кронштадте составляла около 2,5 минут. Поезда из Ораниенбаума отправлялись по петербургскому времени, а пароходы ходили по кронштадтскому. Разумеется, это вызывало определенные недоразумения, но, если вспомнить знаменитую фразу А.П. Чехова о том, что «по расписанию ходят только мухи, а поезда – по рельсам», то эти недоразумения были сущей мелочью.

В 1890-х гг. в Кронштадте уже существовало немало профессиональных фотографов. Свои услуги предлагали П.П. Шауман, Г.М. Перл, А.Л. Бибер и другие³⁵⁷. И конечно, многие имели в своих домашних альбомах фотографии русских кораблей, выполненные морским офицером Н.Н. Апостоли (1861–1937).

Девятнадцатый век уходил в историю, но правление императора Николая II продолжалось, и главные события его царствования были еще впереди.

---

³⁵⁶ Владимиров В.В. Кронштадт 1899. С. 33.

³⁵⁷ Подробнее см.: Зайцев С.В. Первые фотографы Кронштадта // Цитадель. № 21. СПб.: «ОСТРОВ», 2014. С. 33–42.

Глава IV

Век двадцатый

От начала века до Русско-японской войны

Век девятнадцатый плавно перешел в век двадцатый, оказавшийся до краев наполненным войнами, революциями и прочими потрясениями. Первые три года нового века прошли относительно спокойно. Главным событием для Кронштадта в 1901 г. стало начало строительства Кронштадтского Морского собора. Торжественно, в присутствии С.О. Макарова и других морских начальников 1 сентября 1901 г. матросы начали расчищать площадь, то есть убирать старые якоря, которые хранились здесь долгие годы, почему площадь и называется Якорной.

27 октября 1901 г. состоялось освящение начала строительства собора. В 14 часов под перезвон колоколов на площадь прибыл крестный ход, впереди – Иоанн Кронштадтский и адмирал С.О. Макаров. Прозвучала команда «Молитвенный флаг поднять!», и под барабанный бой на специально установленной для этого мачте взвился белый с красным крестом флаг. «Переполненная народом площадь, войска, стоящие рядами, хоругви, флаги, развеваемые сильным порывом ветра, стройное служение духовенства и гармоничное пение певчих. Все это производило необычайное впечатление на присутствующих»³⁵⁸.

Архитектор В.А. Косяков

После церемонии освящения и спуска молитвенного флага с короткой речью выступил С.О. Макаров, а затем он и другие офицеры, взяв лопаты и кирки, взялись за работу на месте алтаря будущего собора. «Вслед за ними все присутствующие, как войска, так и горожане, вооружившись рабочими инструментами и носилками, под наблюдением строителя храма В.А. Косякова, энергично принялись за работы по очистке площади и вырытию траншей для фундамента».

Весной 1902-го приступили к формированию бетонных фундаментов, одновременно шла заготовка гранита для цоколя. А уже 8 мая 1903 г. состоялась торжественная закладка собора, разумеется, в присутствии императора Николая II и его семьи (о строительстве Кронштадтского Морского собора – несколько дальше).

Именно в эти годы стал формироваться ансамбль Якорной площади, которую с южной стороны ограничивал доковый овраг. С.О. Макаров решил благоустроить овраг, служивший до этого лишь для слива воды в Технический бассейн и осушения тем самым док-камер. Он отмечал, что откосы оврага фильтруют почвенную воду, и полезно обе его стороны засадить

³⁵⁸ Котлин. 1901. № 243. С. 2 (цит. по: Соколов А.К. Кронштадт: история длиной в 300 лет. СПб., 2004. С. 382).

деревьями, которые, поглощая из почвы влагу и органические вещества, будут способствовать оздоровлению местности. Для прохода с Якорной площади на

Красную улицу, к Пароходному заводу и далее на дне оврага существовали деревянные мостки длиной около шести с половиной метров и шириной чуть более трех.

Овраг Петровского дока, как уже упоминалось, был открыт в ходе строительства дока в 1719–1751 гг. В 1901–1903 гг. здесь проложили дорожки, высадили деревья и устроили Овражный сад, «чтобы укрепить склоны оврага и предотвратить его дальнейшее разрастание рядом с развернувшейся стройкой Морского собора»³⁵⁹. С.О. Макаров на южном склоне, где заканчивается Летний сад, лично посадил дуб, который, правда, не дожил до наших дней, но в память об этом здесь предположительно в 1902 г. установили памятный знак в виде гранитного параллелепипеда с медной табличкой. В начале 1990-х табличку украли, но в 2013-м ее восстановил Е.А. Вавилов.

Новая планировка Якорной площади позволила ей постепенно превратиться в главную площадь города. Западную часть оставили для парадов. С южной стороны собора разбили сад, который доходил до Докового оврага. К моменту освящения собора работы закончили и сад обнесли оградой. Устройством сада руководил известный садовый мастер Э.Г. Гильбих. План сада выполнил В.А. Косяков, который спроектировал и ограду, и великолепные фонари вокруг собора.

Однако переход через овраг по-прежнему оставался проблемой. Чтобы добраться до его мостков на глубоком дне, приходилось спускаться, а затем еще и подниматься. Понимая, насколько это неудобно, 5 октября 1901 г. вице-адмирал С.О. Макаров приказал главному инженеру-строителю Кронштадтского порта инженер-подполковнику Б.А. Бергу «немедленно приступить к постройке нового пешеходного моста через овраг в продолжении Красной улицы, вместо существовавшего маленького мостика через кювет на дне оврага»³⁶⁰.

Строительство моста под руководством младшего техника Кронштадтского порта П.М. Демина началось уже на следующий день, 6 октября. А 30 ноября было открыто пешеходное движение по новому мосту. Полностью деревянный 7-пролетный мост высотой посередине 7,7 м закончили весной 1902-го, но официальное открытие состоялось 4 мая 1904 г.

Народу по мосту проходило очень много, и уже весной 1908 г. выявилась срочная необходимость капитального ремонта моста. Более того, оказалось, что и ходить-то по нему уже опасно, поэтому хождение пришлось прекратить запретом, но народ уже привык ходить здесь и продолжал, несмотря на запрещающие надписи. Пришлось разобрать настил, чтобы кто-нибудь по неосторожности не упал, и народу пришлось снова ходить старым путем, по мосткам на дне оврага.

4 сентября 1902 г. в здании Городской думы состоялось первое общее собрание Кронштадтского управления Российского общества Красного Креста. Первым председателем его был вице-адмирал С.О. Макаров. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. медсестры Кронштадта комплектовали госпитальные суда, был организован сбор средств для раненых. В значительно больших масштабах это было повторено в годы Первой мировой войны. На театр военных действий посылались целые госпитальные комплекты лекарств, перевязочных материалов и т. п.

В эти годы Кронштадтская крепость продолжала совершенствоваться. На форту «Константин» 7 июня 1901 г. полностью закончили работы на скрывающейся батарее Паукера. Необходимые для службы припасы, в том числе уголь для паровой машины, завезли в этом же году, а вот боезапас доставили только в 1903-м, когда были окончены основные работы на форту.

---

³⁵⁹ Цит. по: Памятники и мемориальные доски Кронштадта. Каталог. Ч. 1. СПб., 2014. С. 28.

³⁶⁰ Цит. по: *Кобчиков Е.Ю.* Долгая история Макаровского мостика // Цитадель. № 21. СПб., 2014. С. 10.

Продолжалось строительство новых литерных фортов «А» (будущий «Тотлебен») и «В» («Обручев»). Главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал С.О. Макаров в июне 1903 г. в сопровождении начальника Кронштадтского крепостного инженерного управления инженер-полковника В.О. Ракинта на пароходе «Инженер» отправился осматривать строительство этих островных фортов. На «Обручеве» как раз устанавливали орудия на одной из батарей, Макаров поинтересовался бытом рабочих, коих на обоих фортах в тот момент было около 1500 человек. Строитель фортов доложил, что рабочих отпускают в город только по праздникам, но на фортах имеются мелочные лавки, бани, отделения государственной сберкассы и почты. На «Обручеве» уже действовала церковь, и по праздникам рабочим читали лекции, сопровождавшиеся «туманными картинками».

В том же году на «Тотлебене» поймали германского шпиона. Унтер-офицер жандармского отделения крепости Кронштадт Кугмасов обнаружил на форту странного человека. По виду – десятник, но ходил совершенно один и никем не командовал, но периодически что-то записывал в книжицу. Кугмасов подошел к нему и вместе с вопросом «Кто таков?» ткнул в поясницу дулом револьвера. «Я просто обыватель. Вот пришел из Сестрорецка полюбопытствовать», – оправдывался странный человек на хорошем русском языке. Бдительный унтер задержал мнимого обывателя, оказавшегося германским подданным Илиусом Лангером. После дознания в Кронштадте его отправили в Петербург, а потом выслали из империи.

Очень важной работой, правда не законченной, стало строительство морского канала с глубинами около 5 м от Северного фарватера вдоль 3, 2 и 1-й Северных морских батарей³⁶¹. В период сгона воды нарушалось снабжение этих батарей, и, кроме того, в этом районе проводились совместные учения мониторов и артиллерии батарей. В связи со строительством форта «Обручев» канал решили продлить до его гавани. Работы вел известный подрядчик П.А. Борейша, но к 1904 г. до «Обручева» так и не добрались, а вскоре 1-й Северный форт соединили с Котлином дамбой, по которой проложили узкоколейную железную дорогу системы французского инженера П. де Ковиля³⁶².

Произошли изменения и в Инженерном училище. Северную стену столового зала в 1901 г. украсил огромный образ «Спасителя, ходящего по водам» в дубовом киоте. В этом зале проводились все торжественные мероприятия училища: праздничные обеды, балы, и, главное, здесь воспитанники принимали присягу. Интересно, что до 1906 г. присягу принимали при выпуске из училища, а не при поступлении. Утром в зале выстраивался весь личный состав. На середину ставили аналой с крестом и Евангелием, при почетном карауле вносили знамя 1-го Балтийского флотского экипажа. Прибывало высшее морское начальство. По команде «Знамя к аналою» подносили знамя, и священник начинал благодарственный молебен, пояснив предварительно значение присяги для воспитанников. Потом начальник училища говорил напутственные слова. По команде «На караул!» командующий церемонией зачитывал статьи Морского Устава о наказаниях и награждении знаком военного ордена. «Настал момент присяги. Торжественные памятные минуты! Воспитанники 3 класса громко и отчетливо повторяли за батюшкой слова присяги»³⁶³. Каждый затем подходил к аналою, целовал Евангелие и крест. После православных со своими священнослужителями присягали католики и лютеране. Высший морской начальник поздравлял воспитанников, провозглашал здравицы в честь императора. Оркестр играл гимн, звучало «Ура!», и воспитанники торжественным маршем проходили по залу.

---

³⁶¹ Скориков Ю.Л., Раздолгин А.А. Кронштадтская крепость. С. 338.

³⁶² Дорога, состоявшая из отдельных легко разбираемых секций. Это позволяло быстро разбирать ее и устанавливать на другом месте.

³⁶³ Наймушин И.Н. Итальянский дворец в Кронштадте. СПб., 2011. С. 97.

Спокойная жизнь Кронштадта была омрачена в самом начале 1904 г. смертью заведывающего Особой противочумной лабораторией Института экспериментальной медицины, располагавшейся на форту «Император Александр I», Владислава Ивановича Турчиновича-Выжникевича (1865–1904). Он заболел 3 января 1904 г. острым лихорадочным заболеванием, сопровождавшимся сильным ознобом и рвотой. Температура в этот день к вечеру поднялась у него до 40 °С и держалась на такой высоте с небольшими колебаниями в течение следующих суток. При больном в это время присутствовали доктора Шрейбер, Падлевский, Грыглевич и Шурупов, которые *ex consilio* уложили его в постель и 4 января вечером вызвали телеграммой из Петербурга доктора Заболотного.

В.А. Турчинович-Выжникевич в своем кабинете на форту «Император Александр I»

28-31 декабря Турчинович работал с чумной массой, подвергая ее особой, им изобретенной обработке. Это была весьма опасная работа, при которой вероятность вдыхания живых чумных бактерий была очень высокой. Кроме того, в кабинете Турчиновича после его смерти на полу нашли разбитую керамическую ступку. Можно предположить, что во время работы с чумной массой произошло что-то непредвиденное. 31 декабря он уехал в Санкт-Петербург для того, чтобы подготовиться к Пироговскому съезду. Учитывая, что инкубационный период чумы в большинстве случаев не превышает трех суток, очевидно, что, уже будучи зараженным и представлявшим реальную опасность для окружающих, доктор общался с людьми, но, к великому счастью, никого не заразил. Директор ИИЭМ С.Н. Виноградский писал: «Еще 2 января (выделено мной. – Л. А.) товарищи видели его здоровым и деятельно готовящимся принять участие в трудах Пироговского съезда. 3 января он уехал на форт и более оттуда не вернулся». 7 января Турчинович скончался.

Сотрудники Особой лаборатории и их гости во дворе форта «Император Александр I». Крайний справа офицер держит в руке ключ от форта

4 января к уходу за больным Турчиновичем приставили нескольких служителей лаборатории. Один из них, фельдшер Степан Поплавский, заболел очаговой (чумной) пневмонией. Вечером 6 января у него появились первые симптомы. Проба крови на агглютинацию подтвердила диагноз. К 20 января Поплавского удалось вылечить, вводя несколько раз под кожу противочумную сыворотку в объеме 200–250 куб. см.

Через шесть лет подобная трагедия повторилась. У человека, постоянно пребывающего в зоне повышенного риска, чувство опасности притупляется. 12 февраля 1907 г. доктор М.Ф. Шрейбер работал с чумной флорой. При этом он нарушил правила безопасности, и культура чумы попала ему в рот. Доктор промыл рот сулемой и никому ничего не сказал. Известно, что на следующий день М.Ф. Шрейбер отправился в Кронштадт. Встречался ли он с кем-нибудь в городе или госпитале – неизвестно. Но какие-то контакты были наверняка, как минимум, на пароходике «Микроб», на котором он добирался до Кронштадта. 14 февраля заболевание проявилось, и 17 февраля Шрейбер умер. Кронштадт был на волоске от эпидемии, но небесные силы не допустили этого.

Через три дня заболел доктор Л.В. Падлевский, ухаживавший за Шрейбером и вскрывавший его труп. Доктор Н.М. Берестнев поставил диагноз – бубонная форма чумы. Благодаря своевременным мерам и энергичному лечению Годлевского удалось спасти.

Спокойная жизнь Кронштадта, да и большей части России, кончилась в 1904 г. – грянула Русско-японская война. Именно грянула – для многих это было сверхнеожиданным. «Доигрались!» – именно так сказал министр иностранных дел граф Ламсдорф, когда ночью прочитал срочную телеграмму о нападении японских миноносцев на порт-артурскую эскадру. Недалековидная политика Николая II и его министров привела Россию к этой абсолютно не нужной войне.

Флот в Кронштадте начал готовиться к сражениям. Точнее, он и раньше готовился, но с началом боевых действий подготовка приняла другие очертания. Кронштадт забурлил. На

строившиеся форты прибыло дополнительное количество солдат для ускорения установки орудий.

Именно Кронштадт готовил к походу 2-ю эскадру Тихоокеанского флота, которой командовал вице-адмирал З.П. Рожественский. Подготовка шла в необычайно интенсивном темпе. Комплектовались экипажи кораблей, Пароходный завод и Арсенал проводили последние ремонтные работы.

Летом 1904 г. часть 6-го батальона после торжественного молебна на форту «Павел I» отправилась в крепость Порт-Артур. Многие офицеры уходили служить в Порт-Артур на добровольной основе (кроме тех частей, что были назначены туда приказом военного министра).

Сотрудники Особой лаборатории у постели Л.В. Падлевского

Главный доктор Кронштадтского морского госпиталя и медицинский инспектор Кронштадтского военного порта В.И. Исаев активно участвовал в этой работе. По его предложению был использован новый способ засолки мяса, позволивший сохранить его качество более длительное время. Кроме того, он разработал способ приготовления галет вместо привычных сухарей. Все это имело громадное значение во время столь длительного похода.

Корабли один за другим уходили в Ревель (Таллин), затем в Либаву (Лиепая), и уже там начался беспрецедентный поход через два океана, закончившийся трагическим Цусимским сражением. Немало кронштадтцев погибло в этом бою. Погиб в Русско-японской войне и адмирал С.О. Макаров, находившийся на эскадренном броненосце «Петропавловск», который подорвался на японской мине. Вместе с ним погиб и выдающийся художник В.В. Верещагин.

Главный врач Морского госпиталя В.И. Исеев

Он и его младший брат начинали свою учебу в Александровском Кадетском корпусе для малолетних в Царском Селе. Затем, в годы учебы в Морском корпусе, В.В. Верещагин часто бывал в Кронштадте, а в феврале 1904 г. братья купили имение, располагавшееся в западной части острова Котлин. Его создателем был гатчинский купец К.И. Нижегородов. В 1893 г. он построил двухэтажный флигель с мезонином, а в следующем году – жилой дом. В имении имелась молочная ферма на восемь коров, конюшня на шесть лошадей, огромный сад с системой аллей, каналов и мостиков, частично сохранившаяся до наших дней. В 1902 г. имение купил петербургский мещанин Ф.А. Газенбейн, от него оно и перешло к Верещагиным. После гибели художника его вдова, получившая часть имения в наследство, отказалась от нее, и брат художника А.В. Верещагин в 1907 г. продал имение некоему К.Ф. Лоф-рагену. В начале Первой мировой войны имение выкупила казна. Сейчас здесь детский санаторий «Аврора», но кронштадтцы до сих пор называют это место дачей Верещагина.

Любопытной работой занималась серьезная комиссия, проводившая испытания «самодействующего устранителя нечистот». Еще в 1904-м гражданин Франции А. Шамбо предлагал Кронштадтскому инженерному управлению решить фекальные проблемы своим изобретением, реклама которого гласила: «Уникальное предложение – выгребы Шамбо для всех видов нечистот, растворяет органические вещества до беззапаховой жидкости. Спешите обзавестись!». Видимо, это был прообраз современных биотуалетов. В июле 1905 г. комиссия во главе с исполняющим дела командира крепостной артиллерии генералом Чижиковым испытала построенный на форту «Константин» выгреб Шамбо с установкой, подающей секретную жидкость. Как проходили испытания, документы умалчивают. Член комиссии полковник Шишкин заявил, что «совершенно не ощущал дурного запаха, ежели не брать во внимание легкий запах хлора». Выгреб Шамбо был куплен, и его автор за небольшую дополнительную плату предложил добавить «жидкость с приятным запахом лаванды». Однако члены комиссии сочли это излишним, заявив, что на форту службу проходят суровые артиллеристы, а не благородные барышни из Смольного института. Подобные выгребы позднее разместили на всех новых фортах крепости³⁶⁴.

Обстановку в Кронштадте в середине 1905 г. нельзя назвать спокойной, пропаганда делала свое дело. В конце концов это вылилось в события, которые советская историография

³⁶⁴ Амирханов Л.И., Ткаченко В.Ф. Форт «Константин». СПб., 2014. С. 86.

называла первой русской революцией, события, в сути которых попробуем разобраться в следующей главе.

Беспорядки 1905–1906 гг. в Кронштадте

Как известно, Русско-японская война закончилась поражением России, потерявшей не только Порт-Артур. Флот практически перестал существовать, многие из лучших сынов Отечества навсегда остались на полях Маньчжурии и на дне Цусимского пролива. Война оказалась и мощным катализатором, заставившим дремавшие массы выйти на улицы. Этот катализатор и общее настроение масс были грамотно использованы заинтересованными лицами и организациями.

Нас со школьной скамьи приучили, что всем простым рабочим и крестьянам при царе жилось очень плохо. Постепенно мы стали понимать, что это далеко не так. Например, мастеровой Сестрорецкого оружейного завода на свою «зарабочую» плату мог содержать семью из шести-семи человек. Служба же в армии и на флоте в те времена воспринималась нами как нечто равноценное каторге. Действительно ли это так и было? Почему солдаты и матросы бунтовали? В данном случае существуют две точки зрения. Согласно одной, между нижними чинами и офицерами существовала пропасть. Мордобой якобы был обычным явлением. Да, были офицеры, например адмирал Михаил Герасимович Веселаго 1-й, хваставшийся тем, что своим большим кулаком «немало вышиб зубов матросов». Но, на мой взгляд, это было скорее исключением.

Согласно другой точке зрения, служба, в частности в крепостной артиллерии, была если не медом, то чем-то очень сладким. В качестве аргумента ниже приводится меню праздничного обеда крепостных артиллеристов 30 августа 1906 г. В этот день в Кронштадте отмечали полковой праздник крепостной артиллерии.

Итак:

на первое: салат из свежих овощей – моркови, репы, порея, петрушки, лука, перца. Щи из свежей капусты; *на второе:* плов из риса и мяса; *на третье:* молочный кофе; *десерт:* яблоки, сливы, орехи разные³⁶⁵.

По окончании обеда каждому солдату вручили фаянсовую кружку с символикой Кронштадта. После гуляния, в 21.00, нижние чины пили чай с французской булкой. И никакого «червивого» мяса, придуманного С. Эйзенштейном в фильме «Броненосец Потемкин». Обычный обед отличался тем, что свежей капусты в щах было столько же, сколько капусты квашеной, а вместо «молочного кофе» нижние чины получали квас или компот из сухофруктов. Для сравнения отмечу, что в мои армейские два года в праздничные дни мы получали на завтрак дополнительно один плавленый сырок, на обед вместо опостылевшей скумбрии – макароны по-флотски и на ужин – огромный блин, который нашим молодым зубам поддавался только полученным непосредственно со сковородки. Через час он превращался в блин каменный, который можно было метать, как спортивный диск. Есть хотелось постоянно.

Кто вообще решил, что служба в армии и на флоте не должна быть тяжелой? Я, конечно, не имею в виду писарей и хлеборезов. И начальники, конечно, требовали и, конечно, наказывали, но повод ли это для бунта?

А наказания в то время, как правило, не были чересчур жестокими. Например, один солдатик форта «Константин» сообщил своему ротному командиру о смерти отца. Ротный выписал ему отпускной билет на две недели, дабы тот мог съездить в Саратовскую губернию на похороны. Через 19 суток означенного солдатика задержала полиция города Гатчины в местном кафештане, где он бурно проводил время в окружении девиц легкого поведения. А отец у него действительно умер, но только... два года назад. Наказание? Всего три месяца штрафной

³⁶⁵ РГАВМФ. Ф. 1360. Оп. 1. Д. 123. Л. 17.

роты. А ведь это дезертирство! В сталинские времена... впрочем, в 1920-е было еще слаще, но об этом чуть ниже.

А пока окунемся в революционный разгул осени 1905 г. В разных источниках, разумеется, это описано по-разному. На мой взгляд, наиболее объективным документом является «Отчет комиссии под председательством генерала от инфантерии А.К. Водара о восстаниях в Кронштадте 26–27 октября 1905 г. и 19–20 июля 1906 г.». Он впервые был опубликован в книге «Военные восстания в Балтике в 1905–06 гг.» (М.: Партийное изд-во, 1933). Это издание давно стало библиографическим раритетом, поэтому в 2014 г. с небольшими сокращениями «Отчет» был опубликован в альманахе «Цитадель» под № 21. Вот его некоторые фрагменты, позволяющие составить более-менее достоверное мнение о том, чем жил в тот момент Кронштадт – город и крепость.

«Революционное движение, получившее столь широкое развитие в частях кронштадтского гарнизона и особенно во флотских экипажах, не может быть определено как продукт только последнего времени, принимая во внимание, что проявления его имели уже место и значительно раньше.

Первые мятежные проявления следует отнести приблизительно к 1902 г., когда в апреле месяце после случайной драки на улице матросы почти всех экипажей напали на казармы Каспийского полка, крепостных батальонов и крепостной артиллерии и, мешая тушить пожар и обрезая шланги, осыпали камнями не только сухопутные части, но и своих начальников, прибывших на место происшествия.

Произведенным тогда же во многих экипажах обыском была обнаружена нелегальная литература, и выяснилось начало агитационной деятельности в морских командах и особенно в морском артиллерийском отряде».

О существовании в Кронштадте политических кружков власти стало известно осенью 1902 г. – это два кружка, в артиллерийском и учебно-минном отрядах, в которых занимались чтением нелегальной литературы и обсуждением политических вопросов. В конце 1902 г. кружки объединились и к началу 1903-го охватывали более 20 матросов. Вскоре деятельность кружков приняла такой размах, что полиция приняла решительные меры к их ликвидации.

«В 1903 г. было выяснено, что начавшиеся вновь незначительные случаи волнения среди матросов вызваны агитацией, при которой, однако, агитаторы в казармы не проникали, а матросы посещали их квартиры, принося с собой оттуда в казармы многочисленную агитационную литературу. С конца марта по май этого года было произведено чинами жандармской полиции более 60 обысков и привлечено к ответственности до 30 чел. матросов. Затем наступило полное затишье»³⁶⁶. Провели аресты, часть неблагонадежных отправили в дальние гарнизоны в армию. Однако количество революционно настроенных военнослужащих и гражданских лиц в Кронштадте постепенно возрастало.

Особенно это стало заметно во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Матросов, ушедших на Дальний Восток, заменяли призванными из запаса, большая часть которых, с точки зрения начальства, была «неблагонадежной». Кроме того, война серьезно осложнила экономические проблемы страны. Весной 1904 г. провели мобилизацию запасных флота, и многие жители Кронштадта попали на действительную службу или в структуры военного порта. Семьи, оставшиеся без кормильцев, выехали с острова, весьма небольшое количество населения поддерживалось городским самоуправлением за счет его скудных средств. Резко возросла стоимость жизни. Покинули Кронштадт и семьи офицеров, убывших на Дальний Восток, тем самым оставив домовладельцев без стабильного дохода. Одновременно срочные работы на кораблях, готовившихся к уходу на Тихий океан, потребовали привлечения боль-

---

³⁶⁶ Отчет комиссии под председательством генерала от инфантерии А.К. Водара о восстаниях в Кронштадте 26–27 октября 1905 г. и 19–20 июля 1906 г. // Цитадель. № 21. СПб. 2014. С. 178.

шого количества сезонных рабочих и рабочих петербургских заводов. Они подчас не имели даже нормальных условий жилья, а зарплата часто задерживалась. Часть этих рабочих принесла в Кронштадт революционные настроения.

Поражения на суше и на море во время войны, расстрел демонстрации 9 января 1905 г. в Петербурге, восстание на эскадренном броненосце «Князь Потемкин-Таврический» на Черном море, стачки и забастовки в стране не могли не оказывать определенное влияние и на ситуацию на острове Котлин. Престиж власти падал с каждым днем, и этим пользовались крайние революционные партии, призывая к свержению самодержавия. В июне 1905 г. в Кронштадте забастовали грузчики, добившиеся в результате некоторого повышения заработной платы и сокращения рабочего дня³⁶⁷.

В октябре 1905-го в стране началась стачка, охватившая многие важные отрасли промышленности. На митингах выдвигались уже не только экономические, но и политические требования. Кронштадт не отставал, и ученики старших классов мужской гимназии 14 октября провели собрание и объявили о забастовке. Учиться, видимо, надоело. 17 октября император Николай II подписал Манифест, который, по мнению некоторых историков, лишь показал слабость власти.

23 октября толпа солдат и матросов собралась около морского манежа Кронштадта, требуя пустить их внутрь, где они желали провести митинг. Прибывший к манежу военный губернатор Кронштадта вице-адмирал К.П. Никонов, сильно рискуя, пытался вразумить собравшихся. Он предложил толпе назначить от каждой воинской части выборных представителей, составить список требований, касавшихся в основном «плохого» питания. Толпа разошлась, согласившись с такой постановкой вопроса. Но к вечеру того же дня начались... погромы винных магазинов, лавок и... публичных домов. Вот такая пошла «революция». До раннего утра по городу бегали несчастные полуголые (это в октябре-то) «жрицы продажной любви», настигаемые толпами пьяных солдат и матросов и насилуемые ими тут же, в ближайшей подворотне.

24 и 25 октября вице-адмирал Никонов объехал все морские части крепости и имел беседы с выборными представителями. Комендант крепости сделал то же самое, объехав все части крепости. Тем не менее ко всем значимым объектам крепости – Морской лаборатории, Арсеналу, складу крепостной артиллерии, таможне, Ораниенбаумской пристани, Морскому собранию, дому коменданта – выставили усиленную охрану из преданных власти солдат и матросов. У наиболее опасных объектов, связанных со взрывчатыми веществами, поставили охрану из офицеров.

Вернемся к отчету комиссии генерала Водара:

«В 1905 г. брожение началось вновь, и уже в июле месяце были произведены многочисленные аресты лиц, занимавшихся пропагандой как среди матросов, так и среди сухопутных войск. Весь сентябрь был наполнен во всех сухопутных и морских частях рядом периодических заявлений недовольствия на экономической почве.

Матросы и артиллеристы, будучи также недовольны порядками публичных домов, решили систематически каждый праздник около 5 часов вечера, собираясь толпами, разбивать камнями окна во всех публичных заведениях города. Хотя для прекращения беспорядков и вызывались войска, но к прибытию их на места беспорядков окна в этих домах бывали уже перебиты, а бесчинствующие нижние чины расходились. Если наряженные на эти беспорядки команды, бывавшие обыкновенно без офицеров, и арестовывали кого-либо, то моряка, захваченного сухопутными, отбивали его товарищи-матросы, а при аресте сухопутного – наоборот. Это попустительство властей нижние чины объясняли тем, „что теперь сила на их стороне“.

В октябре брожение усиливается и начинает выходить постепенно из казарменных стен на улицу, а 18 октября по городу совершается шествие с красными флагами и пением револю-

³⁶⁷ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 105.

ционных песен. 23-го числа на Якорной площади, при участии матросов и солдат, состоялся многочисленный митинг, на котором говорились самые революционные речи с призывом к восстанию войск и флота, и днем вооруженного мятежа было назначено 30 октября.

[...]

Днем 26 октября 1905 г. команда в 50 чел., наряженная от 2-й роты 2-го кронштадтского крепостного пехотного батальона, отказалась идти на работы и предъявила командиру батальона письменно ряд пожеланий. После настойчивого приказания идти по назначению команда это приказание исполнила, но по пути, проходя мимо казарм 3-го батальона крепостной артиллерии, произведшего накануне беспорядок, приветствовала его криками „ура“ и маханием шапок. Окончив заданный на работе урок, команда возвратилась в казармы боковой дорожкой, мимо казарм матросов, где также кричала „ура“ и махала шапками, матросы отвечали из окон тем же, но к команде не присоединялись.

По возвращении в казармы вся команда была арестована и посажена под конвоем от крепостной артиллерии на поезд крепостной железной дороги для препровождения на форт „Павел“. По пути на промежуточной станции, где поезд принужден был задержаться для маневрирования, он был окружен толпой матросов человек около 700, и на конвой посыпались камни, причинившие несколько тяжелых ушибов. Тогда конвоем при поддержке вызванных на помощь учебных команд был открыт огонь; оставив на месте одного убитого и одного тяжело раненого, толпа матросов рассеялась, и арестованные были доставлены благополучно по назначению.

Разбежавшаяся толпа направилась на Павловскую ул. и, сломав ворота в учебно-артиллерийском отряде, ворвалась во двор, присоединила к себе значительную часть этого отряда и вышла на улицу, где начала производить беспорядки, тушить фонари, бить стекла в казармах и частных домах и стрелять в воздух из захваченных винтовок. Увеличившись еще людьми из других экипажей, толпа разломала калитку и стены, соединяющие казарменные дворы с двором морского собрания, разбила стекла и двери, разгромила и разграбила кухню и буфет, а затем, выйдя на Большую Екатерининскую ул., перебила стекла в лицевом фасаде морского собрания, в морской библиотеке и в некоторых офицерских флигелях.

Во время вышеописанных событий в экипажах, остававшихся еще спокойными, пронеслось известие, что сухопутными убит на Александровской ул. один матрос и что надо отомстить. Матросы некоторых экипажей захватили тогда ружья и патроны и, выбежав на улицу, присоединились к бунтовавшей уже там толпе.

Исполняющий должность старшего флагмана 2-й флотской дивизии контр-адмирал Беклемишев, отправившийся по приказанию главного командира на место беспорядков с целью получить о них более точные сведения, едва спасся от преследования толпы, которая, увидев его, подняла страшный шум, свист и начала бросать в него камни.

В 8 и часов вечера большая толпа матросов и хулиганов обстреливала дважды 3-ю Северную казарму, охраняемую учебной командой 1-го кронштадтского крепостного пехотного батальона, но оба эти нападения были отбиты после открытия огня пачками. Оборонявшиеся потеряли ранеными двух человек, а из нападавших никто задержан не был.

Около 10 час. для рассеяния большой толпы, собравшейся на углу Михайловской и Владимирской улиц, была послана 1-я рота 1-го кронштадтского крепостного пехотного батальона. Из Купеческой, а затем из Михайловской улиц эту роту встретили залпами, но они, однако, тотчас же прекратились после ответного огня роты; были сделаны по роте выстрелы также и с тыла, по-видимому, артиллерийским патрулем, который, однако, тотчас же разбежался. Рота понесла потери: 1 убитый, 1 тяжело и 3 легко раненных.

Были также попытки толпы напасть на морскую загородную лабораторию, но этому воспрепятствовала охранявшая этот участок рота крепостного батальона.

Дальнейших попыток к нападению на войска или учреждения мятежниками не делалось, но всю ночь шел по городу грабеж, буйство, пьянство и пожары, прекращавшиеся постепенно небольшими отрядами, посылавшимися по распоряжению коменданта в разные улицы.

К утру 27 октября беспорядки начали стихать, а к 3 часам дня, когда в крепость прибыли уже новые сухопутные части, присланные на усиление гарнизона, мятеж можно было считать закончившимся.

Ночью на 28-е число крепость была объявлена на военном положении, а 29, 30 и 31-го производилось обезоружение и арест тех морских и сухопутных частей, которые принимали участие в беспорядках»³⁶⁸.

Выступление большевика Н.Ф. Дубровинского на Якорной площади 5 ноября 1905 г.

Казалось бы, все успокоилось, тем более что в декабре удалось арестовать кронштадтский комитет РСДРП в количестве семи человек, имевший задачу организовать рабочую массу к новому мятежу. Но та легкость, с которой удалось поднять массы в октябре 1905 г., сделала пропаганду еще настойчивее. С весны 1906-го среди портовых рабочих начались попытки к устройству митингов, но это не удавалось благодаря принимавшимся своевременным мерам, и тогда организаторы митингов стали переносить их на Лисий Нос и Ораниенбаумский берег, где они и проходили совершенно беспрепятственно. К этому времени относится также и появление в Кронштадте местного Объединенного комитета военной боевой организации, имевшего целью усиленную пропаганду и подготовку нового мятежа, в состав его входили «приезжие лица» и чины местных войск. «Уличное поведение как матросов, так и нижних чинов было все это время приподнятое, и по городу ходили упорные слухи, что с возвращением матросов с судов будет новый бунт, который был почему-то приурочен на сентябрь»³⁶⁹.

---

³⁶⁸ Отчет комиссии... С. 123.

³⁶⁹ Отчет комиссии... С. 1

По данным «охранки», «среди частей кронштадтского гарнизона функционировали военно-революционные организации, принадлежащие к партии РСДРП и эсеров, которые к весне 1906 г. объединились в одну военно-революционную организацию г. Кронштадта, выделив из себя комитет названной организации... Объединение состоялось в целях широкого ведения пропаганды в среде войск для подготовки вооруженного восстания, как ближайшей цели, преследуемой обеими партиями».

Борцам за власть Кронштадт справедливо представлялся важнейшим опорным пунктом, который позволял рассчитывать на захват столицы. А имеемый в качестве союзника мятежный Балтийский флот не только облегчал эту задачу, но делал необычайно сложным возвращение Кронштадта обратно, в подчинение императору. Способствовали успеху пропаганды и то, что «морские команды находились в состоянии полной дезорганизации, антагонизм между высшими представителями военного и морского ведомств мешал принятию каких-либо определенных систематических мер, солдаты, имевшие в своей среде массу заводских, фабричных и других рабочих, являлись темным и обремененным тяжелыми работами элементом, влияние офицеров отсутствовало, в крепость присылались из других крепостей худшие солдаты и пр.».

И снова Отчет комиссии генерала Водара:

«Беспорядки, возникшие в крепости Кронштадте в ночь на 20 июля сего года, могут быть рассматриваемы как два отдельные эпизода, хотя и имевшие, несомненно, одну общую причину и связь, но разыгравшиеся совершенно самостоятельно благодаря быстрым и энергичным мерам противодействия.

Момент начала восстания был полной неожиданностью не только для начальства, но даже и для охранного отделения, не получившего никаких сведений от своего внутреннего агента в минной роте, докладывавшего еще в тот же день о спокойствии и узнавшего о начале беспорядков только в 10 часов вечера. Объясняется это, вероятно, тем, что революционные комитеты, узнав о начавшихся мятежах на „Память Азова“ и в Свеаборге, решили начать внезапно восстание и в Кронштадте. Все подготовившие заранее агитаторы явились 19-го числа и вечером заставили подняться как матросов, так и минеров, рассчитывая также на активную поддержку артиллеристов и судов флота.

Ко дню беспорядков флотские экипажи были расположены в двух казармах: на Павловской ул., где помещалась большая часть людей, и на Петровской.

[...]

Вечерняя переключка (справка) прошла 19 июля во всех экипажах совершенно спокойно и в обычном порядке.

В начале 11-го часа по экипажам стали бегать матросы-агитаторы, будившие людей и приказывавшие им под угрозой смерти одеваться в черные куртки и фуражки без чехлов и выходить из казарм во дворы³⁷⁰. В это же время были арестованы внезапно врывавшимися в дежурные комнаты вооруженными матросами все дежурные офицеры, которых по обезоружению водворили силой в особую комнату с приставлением к ней часовых. При арестовании офицерам было заявлено, что „в 11 часов весь Кронштадт восстал“.

Одновременно на дворе 10-го экипажа стала собираться большая вооруженная ружьями, револьверами и палашами толпа матросов, среди которой были и безоружные, а также несколько штатских и одна женщина. Стали раздаваться одиночные выстрелы, угрожающие крики и призывы к восстанию, а затем со двора вышла под начальством одного из матросов большая группа вооруженных, направившаяся по Павловской ул. к Владимирскому собору. Оставшиеся во дворе около 100 чел. стали организовываться в другую команду, но в это время к ним подошел капитан 2-го ранга Добровольский, увещевавший опомниться и не нарушать

---

³⁷⁰ Матросы 2-й дивизии (11, 16 и 20-го флотских экипажей) оделись по условию в темные фланелевые рубашки и поснимали белые чехлы с фуражек.

принятой присяги; после весьма резкого, однако, ответа одного из матросов капитан Добровольский возвысил голос; тогда кто-то сильно ударил его по лицу, а затем на него набросилась толпа, начавшая наносить удары винтовками, от чего он тут же и умер. Таким же образом погиб от штыковых ран при встрече с толпой шедший по Павловской ул. командир 7-го экипажа капитан 2-го ранга Шумов.

Ружья, револьверы и патроны сводной роты 11, 16 и 20-го экипажей находились в канцелярии под наблюдением часового, охранявшего денежный ящик, и дежурного офицера, которым был в этот день штабс-капитан по адмиралтейству Стояновский. В 11 часов в канцелярию ворвались вооруженные матросы и, забирая хранившееся там оружие, набросились на штабс-капитана Стояновского, вытащили его в прихожую и там нанесли несколько колотых смертельных ран. Вооружившись, толпа выбежала на двор и стала строиться; в это время навстречу ей подошли младший флагман 2-й флотской дивизии контр-адмирал Беклемишев и командир 20-го экипажа капитан 1-го ранга Родионов. После увещевания по адресу толпы разойтись и не продолжать беспорядков упомянутые начальствующие лица направились к 11-му экипажу, но когда они стали подходить к коридору, то их встретила новая толпа вооруженных матросов, из которых кто-то крикнул: „Сдавайтесь лучше, ваше высокоблагородие“, и из толпы раздалось в то же время несколько выстрелов, которыми капитан Родионов был тут же убит, а контр-адмирал Беклемишев тяжело ранен. Покончив с начальством, вооруженные матросы стали выгонять из казармы на улицу оставшихся еще там людей, а около ворот были выставлены часовые, которые имели назначение не впускать с улицы возвращавшихся обратно. Затем вышедшая на улицу толпа вооруженных матросов, соединившись там с мятежниками из других экипажей, двинулась с красным флагом под предводительством „вольного человека“, уговаривавшего не грабить лавки, к арсеналу.

[...]

Вышеизложенные беспорядки среди нижних чинов флота были подавлены сухопутными войсками, которые были вызваны тотчас после начала беспорядков по тревоге и согласно ранее разработанной диспозиции. Главнейшая роль выпала в этом случае на 94-й пехотный Енисейский полк, 8-я рота которого разогнала залпами толпу, расхищавшую морской арсенал, а другие роты прошли с боем Екатерининскую и Павловскую улицы, арестовав при этом более 200 матросов и несколько штатских лиц.

По прибытии в ту же ночь на усиление кронштадтского гарнизона трех батальонов л. – гв. Финляндского полка и одной батареи л. – гв. 1-й артиллерийской бригады были оцеплены этими частями флотские казармы на Павловской ул., а затем, под вечер, и на Поморской. При последовательном занятии казарм, происходившем, за исключением одиночных выстрелов, без сопротивления, матросы обезоруживались и тут же арестовывались; таким образом осталось в казармах под наружным караулом около 1600 чел.

Другой эпизод того же восстания разыгрался так: около 11 часов вечера в крепостную минную роту явились несколько штатских и подали сигнал к бунту, указывая нижним чинам, что „настало время отстоять землю и волю“. Часть минеров разобрала ружья и, заставив угрозами присоединиться к ним остальных, двинулась арестовывать всех офицеров минной роты, находившихся в лагере и в зимних офицерских квартирах, причем были убиты бывший командир минной роты полковник Александров и временно командовавший этой ротой капитан Врочинский, а также смертельно ранена жившая у полковника Александрова его родственница г-жа Якоби. Остальные арестованные офицеры, захваченные частью в своих помещениях, а частью вне их, были тотчас же обезоруживаемы и препровождаемы в сарай минного городка, охраняемый часовыми от минеров. Затем толпа мятежников, присоединив к себе, большей частью силою, оставшихся в лагере нижних чинов саперной роты, захватила караул на люнете „Литке“, арестовала находившегося там дежурного по караулам и, завладев поездом крепостной железной дороги, двинулась на батарею „Константин“.

Захват батареи „Константин“ произошел совершенно неожиданно; расположенные на батарее нижние чины крепостной артиллерии спали, и потому, когда в казематах появились мятежники и штатские с криками: „Товарищи, вставайте, земля и воля!“, они были застигнуты врасплох. Мятежники звали артиллеристов на форт „Обручев“ и требовали, чтобы орудия были наведены на дамбу, соединяющую батарею с крепостью, но артиллеристы этого не сделали, хотя в суматохе кем-то из мятежников и был произведен все-таки по крепости один выстрел из 57-миллиметровой пушки, не причинивший, однако, никакого вреда. Мятежники начали арестовывать всех находившихся на батарее офицеров, причем посадили их сначала в особое помещение – сарай на дамбе, но затем, когда, началась стрельба из пулеметов вдоль дамбы, перевели их в каземат.

[...]

Сосредоточив войска около дамбы, соединяющей остров Котлин с батареей „Константин“, и около казарм минной роты, командовавший отрядом полковник кронштадтской крепостной артиллерии Шелов приказал открыть огонь сначала из ружей и пулеметов, а потом из орудий. Мятежники спрятались по казематам, но затем, после пятого орудийного выстрела, в 4 ½ часа ночи темный флаг, висевший на флагштоке батареи, был спущен и поднят белый. Войска прошли по дамбе на форт, заняли батарею и арестовали 142 мятежника и в том числе одного штатского»³⁷¹.

За время восстания с обеих сторон в общей сложности: убито – 9 человек и ранено 20, арестовано 300 солдат-минеров, около 3000 матросов и 80 гражданских лиц. Всего же за участие в июльском восстании казнили 36 человек, отправлено на каторгу 130, приговорено к тюремному заключению и к содержанию в исправительно-арестантских отделениях 1480 человек³⁷².

Могила капитана А.А. Врочинского на Кронштадтском кладбище. 2014 г.

Почему же все-таки моряки взбунтовались? Комиссия генерала Водара, пристально исследуя жизнь кронштадтского гарнизона, нашла немало недостатков и обратила особое внимание на умелое их использование различного рода пропагандистами.

³⁷¹ Отчет комиссии... С. 120–123.

³⁷² Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 108.

Например, в артиллерийской лаборатории Морского ведомства имелось два караула: внутренний, существовавший до беспорядков 1905 г., и наружный, помещающийся за оградой и учрежденный после беспорядков 1905 г. Наружный караул, считавшийся временным, получал суточные деньги, а внутренний – постоянный – нет, хотя оба эти караула назначались от одной части, уходили в один час развода и несли одинаковую службу. Этим ненормальным и несправедливым обстоятельством пользовались агитаторы, «подбивая нижних чинов подавать жалобы и возбуждая среди них ропот и неудовольствие, причем внушали солдатам, что суточные полагаются обоим караулам, но отпускаемые деньги присваиваются офицерами».

Капитан А. А. Родионов

Совсем по-другому обстояли дела на кораблях флота. И это тем более удивительно, что пропаганда и здесь приносила свои плоды. Обратимся к воспоминаниям Г.К. Графа, который искренне удивлялся беспорядкам в Кронштадте:

«...как мог офицер корабля особенно „обижать“ матроса, раз был всецело под контролем командира и старшего офицера. Но и они не могли бы слишком притеснять матросов, так как это привело бы к недоразумениям с офицерами, им подчиненными. Я помню только один случай, когда старший офицер линейного корабля „Андрей Первозванный“, старший лейтенант Алеамбаров, относился к команде с большим формализмом, сухо, и даже бывали случаи, что он пускал в ход руки. В результате он не добился повышения уровня дисциплины, к чему стремился, и заслужил нелюбовь как команды, так и офицеров. Наконец, он был списан с корабля и поставил крест на своей карьере, хотя был исключительно исправным и толковым офицером.

Каждый специалист-офицер всегда являлся особенным защитником своих подчиненных, если видел, что к ним другие офицеры относятся несправедливо. Он не давал их в обиду и старшим начальникам. Нельзя забывать, что на каждом корабле все на виду и о каждом случае становится быстро всем известно.

Откуда могли явиться злоба и недоверие, когда офицеры и команды годами жили вместе в самом тесном сотрудничестве.

Чего ради притесняли бы, скажем, командир, штурман или вахтенный начальник – сигнальщики и рулевых, которые в походах находились в непосредственной близости от них и несли ответственные обязанности, облегчая труд офицеров. С другой стороны, отчего бы эти сигнальщики или рулевые чувствовали злобу к офицерам, когда не могли не видеть в них высший авторитет по службе и ощущая к себе доброе отношение. В темной ночи, во мгле или бурную погоду так важно открыть маячный огонь, от этого зависит безопасность курса, и нередко первыми его открывали сигнальщики. В тяжелых условиях погоды или в военное время, когда миноносцы пробираются в опасных неприятельских водах, разве не чувствуют сигнальщики и

рулевые, что безопасность корабля всецело зависит от опытности и знаний командира, штурмана и вахтенного начальника. Это создает в их глазах авторитет и уважение к офицерам. Они воочию убеждаются, что их подчинение офицерам есть необходимость, что офицеры, превышая их знаниями морского дела, заслуживают и привилегированного положения. Откуда же при таком сотрудничестве может родиться ненависть.

Разве артиллерийские и минные офицеры стали бы притеснять своих матросов-специалистов, раз они изо дня в день с ними работают по уходу за механизмами и от успешности взаимного сотрудничества зависит состояние боевого вооружения, находящегося на ответственности этих офицеров. Тут также обе стороны на каждом шагу встречаются с авторитетом одних и совершенно необходимой помощью и знаниями других.

Разве бывали случаи, что судовые механики не отдавали должное своей машинной команде и не ценили своих лучших специалистов. Отчего б машинная команда стала питать нелюбовь к судовым механикам, когда они проводили долгие часы на совместных вахтах в машинах и кочегарках.

А ревизоры и писари, баталеры, шкиперы и содержатели по разным частям, ежедневно сотрудничая и нуждаясь во взаимной помощи, также не имели никакого основания к злобе и ненависти.

Я далек от мысли идеализировать взаимоотношения между офицерами и командами императорского флота, но истина требует опровержения слухов о злобе и ненависти команд против офицеров. Конечно, человеческие взаимоотношения складываются из личных качеств каждого индивидуума, и никакие рамки дисциплины не могут их стереть. Поэтому и на наших кораблях бывали во взаимоотношениях офицеров и команд различные оттенки, в лучшую или худшую сторону. Но они никогда не переходили границ, за которыми возникают злоба и ненависть.

Вот в отношении излишней слабости к своим непосредственным подчиненным бывали пересолы, и в этом отношении можно было некоторых из нас упрекнуть. Не раз из-за этого возникали недоразумения между офицерами. То штурман обидится на одного из вахтенных начальников; то минный офицер поспорит со старшим офицером из-за своих минеров или электриков; а то старший механик пожалуется старшему офицеру на какие-то несправедливости по отношению его машинистов или кочегаров»³⁷³.

К 1917 г. обстановка на некоторых кораблях Балтийского флота изменится в худшую сторону, но об этом чуть ниже.

А вот как отреагировала на события в Кронштадте военная организация при петербургском комитете РСДРП в листовке, выпущенной сразу после подавления июльских беспорядков 1906 г.

«Правительство объявило войну народу. Оно надеялось на армию. Армия частями переходит на сторону народа.

Темная часть солдат расстреливала своих же братьев солдат и матросов. Но приходит конец тьме. Кронштадтские солдаты и матросы горели страстью к свободе и не хотели ждать. Рабство и унижение русского народа толкнуло их на великий подвиг. Но на этот раз тьма победила, и темная часть войска получает каиновы печати (ордена) за пролитую братскую кровь. Что ж, пусть носят на груди позорные знаки, чтобы всякий видел и помнил их преступления!

В Кронштадте тьма победила свет. Почему? Потому что кронштадтские товарищи солдаты и матросы не стерпели, не дождались общероссийского движения. Крестьяне сейчас на страде, рабочие не могут восстать одни, а преступное правительство, разогнав Думу, заранее приготовилось защищать себя.

---

³⁷³ Граф Г.К. Императорский Балтийский флот. Между двумя войнами. СПб., 2006. С. 110.

И в самом Кронштадте многие рабочие, солдаты и матросы думали, что сейчас рано восставать. Восстание вышло не дружное. Колеблющаяся часть армии и флота не знала, за кого стоять. Все для нее вышло слишком неожиданно.

И тьма победила.

Но не ликуйте, враги русского народа! Час еще не пришел, но придет скоро. Крестьяне поняли бессмыслицу работать всю жизнь на казну да на помещика. Они ждали земли от Думы, теперь возьмут ее сами. Добудут и землю, и волю.

Солдаты и матросы – те же рабочие и крестьяне. С каждым днем лучше понимают они, за кого должны стоять: за царскую фамилию немецких вырожденков с Минами и Римами, со всеми потомками дворянской своры, менявшей людей на собак? Или должны стать солдаты за весь русский народ, за крестьян и рабочих? Армия и флот поймут, что царь и чиновники – враги отчества...»³⁷⁴.

О том, что во время беспорядков были убиты офицеры, – ни слова.

Комиссия генерала Водара отмечала, что мятеж «не принял ужасных размеров лишь потому, что перешел в открытый грабеж и повальное пьянство, облегчившие скорое и легкое прекращение его». Таким образом, этот «бой» царская Россия выиграла, и разрушить изнутри крепость Кронштадт не удалось. Ситуация изменится в 1917-м, когда пропаганда станет во много раз более разрушительной, а власть не сможет поступить столь же решительно.

---

³⁷⁴ Листовки петербургских большевиков. 1902–1917. Гос. изд-во полит. лит-ры, 1939. С. 409.

Между революциями

В спокойный и тихий Кронштадт в конце лета 1907 г. прибыл молодой мичман Гаральд Граф, с тем чтобы 1 сентября сдать экзамены в Минный офицерский класс. В одной из своих книг воспоминаний, перечислив достопримечательности города и называя при этом Екатерининскую улицу и Николаевский проспект его главными артериями, Г. Граф пишет: «Кроме того, имелся и еще ряд улиц с низенькими двух-и трехэтажными домиками, каменными и деревянными, в которых ютились местные обыватели. Многие домики насчитывали за собою сто и больше лет и как-то вросли в землю, а некоторые даже имели стремление покоситься на сторону. Архитектура домиков была самого „казенного образца“ – крепко сколоченные ящики. Улицы прямые, чистые и скучные – ужасно скучные. Особенно летом, когда офицеры в плаваниях, семьи разъехались по дачам: в Ораниенбаум, Старый Петергоф, Мартышкино, Лебяжье и тому подобные места вокруг острова Котлина на побережье материка. Если судьба забрасывала в Кронштадт летом, то прямо одурь брала от этих пыльных и душных улиц, почти пустынных, даже собак и кошек не было видно. Скучно так, что даже от тротуаров веяло скукой. Чахлая растительность Екатерининского сквера, прозванного „собачьим парком“, давно покрылась толстым слоем пыли, а на дорожках валяется шелуха от подсолнухов. Кое-где на скамейках возятся детишки, но и им скучно. Скука, кажется, так и выпирает из всех стен, давит и гонит куда-то, но куда? Кроме как в летнее морское собрание пойти некуда. Но и там пустыня аравийская... С сентября, конечно, Кронштадт начинал оживать, и зимою в нем было довольно большое морское общество, которое вело совсем не скучный образ жизни»³⁷⁵.

Таким увидел Кронштадт молодой мичман, а вот описание Кронштадта, сделанное людьми старшего поколения: «Приезжая в Кронштадт, вы прежде всего поражались порядком, чистотой, тишиной и подтянутостью во всем. Город – крепость и военный порт, вот что сразу дает себя почувствовать, как только вы вступаете с парохода на пристань. Поэтому масса моряков и крепостных артиллеристов.

Многие моряки бывали в заграничных плаваниях, видели иностранные города и порядки в них, и естественно, что они старались перенести в Кронштадт то, что им приглянулось. Во многом порядок отличался от петербургского. В то время как в столице ни в садах, ни на улицах не было урн для мусора, в Кронштадте вы могли видеть на улицах мусорные ящики. В столице сады и бульвары были в запущенном состоянии, цветов почти не было, в Кронштадте сады, парки и скверы содержались в идеальном состоянии – масса цветов, цветущих кустарников – сирени, жасмина. Если кирпичные стены и заборы придают унылый вид в столице, то здесь все пустые стены украшены диким виноградом или хмелем. Пьяных можно было встретить крайне редко, скандалов почти совсем не было, потому что полиция, военные патрули и дворники немедленно прекращали всякое нарушение порядка. Даже бродячих собак не было, – на обязанности пожарных команд лежало вылавливание всяких беспризорных животных»³⁷⁶.

В книге Г.К. Графа есть еще несколько интересных наблюдений о жизни Кронштадта.

Приехав в Кронштадт, он поселился в лучшей гостинице – «Петербургской», на Николаевском проспекте напротив Гостиного двора, которая, по его словам, оказалась просто «трактиром с номерами», правда, чистыми и вполне приличными. Успешно сдав экзамены, Г.К. Граф уехал в Петербург и вернулся за два дня до начала занятий. Прежде всего надо было найти комнату. Выбор был большой, так как «местные жители любили подзаработать тем, что сдавали на зиму комнаты офицерам – слушателям разных классов.

---

³⁷⁵ Граф Г.К. Императорский Балтийский флот. С. 124.

³⁷⁶ Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910 годов. Л., 1991. С. 172.

Если не считать офицеров и их семей, то кронштадтское население было глубоко мещанским, и даже выработался особый класс кронштадтских старожилов, которые очень редко куда-либо выезжали и жили исключительно местными интересами. Это были семьи мелких портовых служащих, торговцев и отставных чиновников, кондукторов и сверхсрочнослужащих. Многие из них родились в Кронштадте, прожили в нем всю жизнь и там же собирались умирать».

Г.К. Граф и его приятель мичман Коссаковский нашли у вдовы какого-то чиновника две «чистых и сравнительно прилично обставленных комнаты». В этом же домике у «одной богомолки» снял комнату лейтенант Домбровский. Вскоре оказалась, что в этой квартире остаются богемольцы, приезжающие к отцу Иоанну Кронштадтскому. Как-то, вернувшись домой, Домбровский был поражен, увидев, что вся прихожая, коридорчик и соседняя комната полны народу. Какие-то мужики и бабы вповалку лежали на полу и спали. Ему буквально приходилось шагать через них. Утром, уходя на лекции, он никого не застал. Оказалось, что богемольцы весь день молятся и «бывают в подворье», а на ночь приходят в этот дом. Богемольцы вели себя исключительно тихо, вот только воздух в прихожей был «чрезмерно спертый».

6 декабря 1907 г., в Царский день, Г.К. Граф произведен в лейтенанты и, надев виц-мундир с новыми эполетами, отправился на бал в Инженерное училище. Этот бал считался самым большим в Кронштадте. Он открывал сезон, и сюда съезжалось все кронштадтское общество и даже приглашенные гости из Петербурга.

Одно из популярных зимних развлечений в Кронштадте – катание на коньках на льду Итальянского пруда. Когда-то здесь была «портомойня», прачки полоскали белье. Но в конце 1870-х гг. им пришлось перебраться за Петербургские ворота. Каток на Итальянском пруду считался одним из лучших в Кронштадте – здесь играли духовые оркестры. В маленьком домике был оборудован буфет, имелась и небольшая комнатка для отдыха уставших дам. На катке проводились даже соревнования по скоростному бегу на коньках. Кольцевая дорожка было огорожена веревками, а зрители располагались внутри огороженного участка. Первое соревнование состоялось 5 марта 1906 г. Победитель получил золотой жетон, занявший второе место – серебряный жетон с накладным золотым коньком, за третье – серебряный жетон с серебряным коньком.

Настоящим праздником стал костюмированный бал, состоявшийся на катке 10 февраля 1908 г. Разумеется, и здесь были призы, в распределении которых участвовали и зрители, и сами участники. Не меньший ажиотаж вызвало выступление 11 января 1911 г. известного фигуриста Григорьева, показавшего зрителям «фигуры высшей школы фигурного катания»³⁷⁷.

1908 г. стал очень важным в жизни крепости, а значит, и всего города. Русско-японская война предъявила новые требования к фортификации. Поэтому план перестройки крепости, разработанный под руководством Н.Н. Обручева, не был реализован полностью. Бомбардировка японской осадной артиллерией Порт-Артура показала необходимость вынесения передовых фортов на расстояние, превышающее дальность стрельбы самых современных орудий. А развитие артиллерии в тот период было необычайно стремительным. Еще 28 мая 1907 г. комендант Кронштадтской крепости доносил: «Недостатки крепости так велики и обильны, что считать крепость, в случае необходимости, способной исполнить свое назначение нет никаких оснований». Это мрачное мнение подтверждалось объективными фактами: «а) форты крепости настолько мало вынесены вперед, что весь остров Котлин подвержен бомбардировке, в то время как неприятельский флот совершенно неуязвим для нашей артиллерии; б) форты второй линии – устарелой конструкции и никакого сопротивления оказать не могут. Форты первой линии далеко не отвечают современным требованиям; в) вооружение крепости ни по калибру, ни по дальности, ни по скорострельности и силе фугасного действия снарядов не

---

³⁷⁷ Соколов А.К. Кронштадт: история длиной в 300 лет. С. 80.

соответствует современной морской артиллерии; г) материальная часть крепостной артиллерии пришла в совершенное расстройство»³⁷⁸.

Таким образом, созрело решение о строительстве двух новых фортов Кронштадтской крепости: «Алексеевского» («Красная Горка») на южном берегу Финского залива и «Николаевского» («Ино») на северном.

Работы на новых фортах велись очень активно, правда, в 1910 г. пришлось вносить существенные изменения в первоначальный проект – на вооружении ведущих морских стран появились новые, 12-дюймовые орудия. На новых фортах такие же решили разместить по восемь штук: четыре в двух 2-орудийных башенных установках и четыре в открытых установках.

В 1911 г. литерные форты «А» и «Б» наконец официально получили нормальные названия: «Обручев» и «Тотлебен» соответственно. В этом же году произошло и очередное наводнение, сопровождавшееся сильным штормом. Об этом читаем в приказе военного губернатора от 26 ноября 1911 г.:

«Во время свирепствовавшего 20 сего октября шторма, когда корабли, стоявшие на рейде срывало с якорей, а пароходы дрейфовали, двухмачтовый галиас³⁷⁹ „Михаил-Нарва“, принадлежащий крестьянам М. Никитину и Ф. Нестерову, сорвало с якоря и отбросило на ряжи у Кроншлота, вследствие чего он поднял сигнал о помощи.

Несмотря на сильный шторм, благодаря которому буксирные пароходы отказались идти на помощь, лоцмана Общества Санкт-Петербургских лоцманов, штурмана 2 разряда Павел Алексеев и Иосиф Сарталайнен, вместе с проживающими на внутренней брандвахте крестьянами Каллистратом Бондаревым и Егором Прокофьевым, по своей инициативе и с разрешения командира брандвахты выйдя на принадлежащем брандвахте гребном барказе, на буксире парохода „Кронштадт“, принадлежащему господину Цеттерстем, вышли за ворота Купеческой гавани и, невзирая на громадные волны, буквально заливавшие не только барказ, но и пароход „Кроншлот“, после упорной борьбы со стихией сняли с бедствовавшего судна пять человек команды, т. к. галиас „Михаил-Нарва“ взять на буксир положительно не представилось возможным ввиду мелкой воды.

Все участвовавшие в этом спасении получили благодарность от командира брандвахты и серебряные медали „За спасение погибавших“ для ношения на груди на Владимирской ленте».

Вся Россия и, разумеется, Кронштадт отмечали 100-летие Отечественной войны 1812 г. Еще 31 мая 1912-го военный губернатор Кронштадта Вирен получил из Министерства внутренних дел указание о подготовке к празднованию и выработке мероприятий, которые должны сопровождать это празднование. Предполагалось, что это будут «богослужения, лекции, подарки и издание брошюр». 20 июня Вирен собрал совещание, в котором приняли участие: «и. д. начальник штаба Кронштадтского порта капитан 1 ранга Опацкий; и. д. капитана над Кронштадтским портом капитан 1 ранга Хоменко; командующий 1-м Балтийским флотским экипажем капитан 1 ранга Стронский; командир кронштадтского флотского полуэкипажа капитан 1 ранга Панферов; капитан 1 ранга фон Петц; главный доктор Николаевского Морского госпиталя в Кронштадте действительный статский советник Обезьянинов; благочинный военно-морских церквей протоиерей Я. Погодин; и. д. Городского Головы потомственный почетный гражданин Коровников; Полицеймейстер подполковник Орловский; управляющий канцелярией военного губернатора статский советник Михайлов и чиновник Особых поручений статский советник Карлов.

---

³⁷⁸ РГАВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 624. Л. 34.

³⁷⁹ Так в документе. Правильно «галеас» – парусно-гребное судно, большая галера.

Решено предложить всем начальникам отдельных частей в Кронштадте представить Военному губернатору к 15 июля составленный по каждой части проект программы празднования 100-летия для выработки общей программы по городу Кронштадту»³⁸⁰.

Различных предложений канцелярия военного губернатора получила множество. В частности, Кронштадтское реальное училище надеялось, что среди прочего, «быть может, учащимся Город доставит в день празднования какое-либо общественное развлечение, например, кинематографические картины на темы, касающиеся войны 1812 года. Это было бы желательно».

26 августа 1912 г., в день праздника, состоялся большой парад частей кронштадтского гарнизона. Затем был и кинематограф, и многое другое, например в морском госпитале прошла «демонстрация световых картин (вечером) наиболее интересных моментов войны и исторических событий с пояснениями». А в Сухопутном манеже, который украшали под руководством капитана Брякилева, было «чтение со световыми картинами» и при чтении показывали «живые картины:

1. Совет в Филях;
2. Наполеон из кремля наблюдает горящую Москву, по картине Верещагина;
3. Старостиха Василиса гонит французов, по картине Пряничникова;
4. Подвиг рядового Коренного;
5. Апофеоз»³⁸¹.

В Кронштадтской женской и мужской гимназиях 26 августа была следующая «Программа празднования 100-летия Отечественной войны:

Молебен;

Речь преподавателя П.И. Жбанкина „1812-ый год“;

Кантата „1812-ый год“, муз. Гольтисона;

„Проезжая через Ковно“ ... стихотворения Тютчева прочтет учащаяся Брюханова;

„Мы дружно на врагов“ – хорватский марш;

„Бородино“ – стихотворение Лермонтова – прочтут учащиеся Шрамков и Худолей;

„Vivat, vivat“ – Гимн Кронштадтской гимназии;

„Многая лета!“ – музыка Гинзбурга;

„Полководец“ – стихотворение Пушкина – прочтет учащаяся Брюханова;

Гимн: „Боже, царя храни!“.

Гимн исполнялся троекратно перед портретом государя императора.

Все исполняли ученики».

И всем раздали брошюру «Великая отечественная война», изданную Императорским Военно-историческим обществом. Была учреждена и медаль «В память столетия Отечественной войны». Право ее ношения предоставлялось «всем адмиралам, генералам, штаб- и обер-офицерам, медицинским и гражданским чинам, а также нижним чинам, состоявшим на службе к 26 августа в тех войсковых частях и командах флота, которые участвовали в Отечественной войне 1812 года от начала ее до окончательного изгнания неприятеля, т. е. с 12 июня до 25 декабря».

В связи с этим в канцелярию военного губернатора Кронштадта стали поступать многочисленные просьбы о награждении этой медалью и тех, кто не вписывался в «Положение..» об этой медали. Так, командир внутренней брандвахты в Кронштадте 18 июня 1913 г. подал следующий рапорт:

«26 августа 1912 г. Плавучая столовая для рабочих Кронштадтских Коммерческих гаваней приняла деятельное участие в торжестве юбилея.

³⁸⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 67. Л. 26.

³⁸¹ ЦГИА СПб. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 67. Л. 26. С. 83.

В этот день Товарищем Председателем и казначеем столовой Потомственным Почетным гражданином И.А. Проскуряковым было сделано распоряжение об улучшении обеденного меню и о добавлении некоторых лишних блюд для рабочих, посещающих столовую без увеличения платы.

Помещение с утра было убрано флагами, и число рабочих, посетивших столовую в этот день, было до 400 человек, причем чай и сахар отпускались бесплатно»³⁸² (кстати, дополнительный паек получили и арестанты кронштадтских тюрем). Командир брандвахты просил выдать памятную медаль Проскурякову.

Прошение о вручении медали поступило и от попечителя Кронштадтского старообрядческого общества, крестьянина Московской губернии Константина Петровича Бирюкова, который отмечал, что, благодаря его усилиям, в «церкви было большое число старообрядцев – нижних чинов армии и флота». Однако эти и многие другие прошения по справедливости удовлетворены не были.

Зато было немало достойных людей, получивших в 1913 г. другие награды. 22 января 1913 г. кронштадтский городской голова представил к награждению малой серебряной медалью фельдшера И.П. Первушина. В его наградном листе говорилось: «Ветеринарный фельдшер Кронштадтской городской управы запасный из крестьян Иван Петрович Первушин под руководством Городского Ветеринара лечит больных животных повсеместно в городе, уничтожает бешеных, причем неоднократно здоровью его угрожала опасность от заражения, производит вскрытие павших животных и регистрирует рогатый скот, выпускаемый в стада»³⁸³.

Городским ветеринарным врачом Кронштадта был тогда титулярный советник Михаил Георгиевич Пиппе. Его представили к награждению орденом Св. Станислава II степени. Кстати, за орден Св. Станислава III степени награждаемый должен был уплатить 15 руб., за II степень несколько больше.

«Михаил Георгиевич Пиппе, являясь единственным ветеринарным врачом в городе, наблюдает за состоянием конского состава Городских пожарных команд, и при непосредственном его участии разрабатываются все мероприятия по прекращению эпизоотий, особенно сильных и упорных в 1907 и 1908 годах, причем, благодаря искусству, опытности и знаниям его, эпизоотии эти прекращались весьма успешно, не достигая, несмотря на многие неблагоприятные местные условия, угрожающих размеров.

За отлично усердную службу в действующей армии награжден орденом Св. Анны 3-й ст. 23 августа 1905 г.».

В том же году Кронштадтский сиротский суд представил к награждению званием потомственного почетного гражданина секретаря Сиротского суда Василия Никитича Уколова, состоявшего секретарем суда с 1 января 1900 г. и гласным городской думы с 19 августа 1909-го. «При вступлении на эту должность привел в порядок все опекунские дела, запущенные его предшественниками, восстановил архивные дела. К своим обязанностям относится очень добросовестно. Кроме того, состоит по выборам Председателем Кронштадтской Мещанской Управы с 18 февраля 1908 г.».

Для «приучения» мальчиков-сирот к военно-морскому делу в Кронштадте в сентябре 1911 г. «Братство Святого Стефана» организовало приют «Корабль-Школа». В распоряжение приюта был передан буксирный колесный пароход «Ижора», и открытие приюта, рассчитанного на десять мальчиков в возрасте от 9 до 14 лет, состоялось 14 ноября 1911 г.

«Отставной капитан 1 ранга Н.П. Мордвинов, занимая безвозмездно должность смотрителя детского приюта „Корабль-школа“, со времени учреждения в Кронштадте указанного приюта с 14 ноября 1911 г. с редким усердием относится к исполнению лежащих на нем обя-

---

³⁸² ЦГИА СПб. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 67. Л. 126.

³⁸³ ЦГИА СПб. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 68. Л. 12 об.

занностей и, кроме того, как командир парохода „Ижора“, где дети приюта живут летом, ведет с ними занятия по обучению грамотности в зимний период времени».

23 января 1913 г. директор детского приюта «Корабль-Школа» Кронштадтского городского попечительства о детских приютах Ведомства учреждений императрицы Марии отставной капитан 1-го ранга Николай Павлович Мордвинов ко дню 300-летия династии Романовых получил очередную награду – орден Св. Станислава II степени за заслуги, оказанные приюту «Корабль-Школа».

О Доме трудолюбия, организованном усилиями отца Иоанна Кронштадтского, уже было рассказано. 18 февраля 1913 г. канцелярия военного губернатора уведомила совет Дома трудолюбия Андреевского приходского попечительства в Кронштадте, что, «как оказалось из собранных сведений, Член Совета Дома Трудолюбия купец 2-й гильдии Самсон Ильич Денисов поведения и образа жизни хорошего, под судом и следствием не состоял и в настоящее время не состоит, и вообще ни в чем предосудительном как в нравственном, так и политическом отношении не замечен, а потому к исходатайствованию ему звания потомственного почетного гражданина со стороны гражданского начальства по г. Кронштадту препятствий не встречается».

Однако получить это звание было очень непросто. Так, директору Кронштадтского попечительства о тюрьмах кронштадтскому личному почетному гражданину 48 лет от роду Ивану Ивановичу Тельмякову, имевшему две каменные лавки в рыбном ряду, три каменных 2-этажных дома, пять деревянных 2-этажных, один одноэтажный дом в Кронштадте и две дачи в селе ... (название которого в документе неразборчиво) 23 октября 1913 г. отказали в звании потомственного почетного гражданина, «так как надо общепользную деятельность не менее 20 лет».

Звание личного почетного гражданина получил 9 марта 1913 г. еще один достойный житель Кронштадта:

«Фельдшер Кронштадтской городской больницы для хроников отставной фельдшер 18-го флотского экипажа из крестьян Тверской губ. Кашинского уезда Койской волости Михаил Иванов Родин, православный.

В непрерывной фельдшерской деятельности около 14 лет участвовал в войнах Китайской (1900) и Русско-японской до конца осады Порт-Артура.

В кронштадтской городской больнице для хроников служит с 15 марта 1909 г., причем за все время службы отличался прекрасным поведением, полным знанием своей специальности, аккуратностью и гуманным обращением с больными.

В качестве дезинфектора был на двух холерных эпидемиях в Кронштадте, где оказался в высшей степени деятельным и аккуратным в исполнении возлагаемых на него обязанностей.

Кроме того, безвозмездно оказывал медицинскую помощь посетителям на городском, военном и еврейском кладбищах, а также духовенству и служащим на кладбищах.

Во время пожара в церковном доме оказывал медицинскую помощь пострадавшим обывателям и пожарным»³⁸⁴.

Жена Р.Н. Вирена, Надежда Францевна, являлась «председательницей администрации убежища в воспитании малолетних призреваемых». 12 февраля 1913 г. на стол военного губернатора легла бумага за ее подписью: «Кронштадтское Благотворительное общество, состоящее под Августейшим покровительством ее величества королевы греческой Ольги Константиновны, просит Кронштадтского военного губернатора о представлении священника отца Феодора Иоанновича Троицкого ко Всемилоостивейшему награждению саном протоиерея за его высокопользную деятельность в 1-м Дневном пристанище».

Далее отмечалось, что «священник Ф.И. Троицкий Законоучитель 1-го дневного пристанища Кронштадтского благотворительного общества. Благодаря редким своим душевным

³⁸⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 68. Л. 60.

качествам и педагогическому опыту отец Ф.И. Троицкий является прекрасным руководителем детей в вопросах веры и деятельным помощником».

Резолюция Р.Н. Вирена гласила: «К награждению представить».

Однако нужно было получить еще согласие протопресвитера военного и морского духовенства, и оно было получено 2 марта 1913 г.: «Вследствие отношения Вашего от 19 февраля 1913 за № 823 с ходатайством о награждении саном протоиерея священника церкви Кронштадтского отделения военной тюрьмы Феодора Троицкого за высокополезную деятельность его по 1-му дневному пристанищу Кронштадтского благотворительного общества, имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что священник Троицкий представляется в текущем году с моего согласия к сану протоиерея за заслуги по Министерству Народного просвещения.

Призывая на Вас Божие благословение, с совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего превосходительства (далее от руки. – Л. А.) покорнейшим слугою протопресвитер Г. Шавельский
(подпись)».

По случаю празднования 300-летия дома Романовых кронштадтский городской голова В. Гуляев отправил в начале марта 1913 г. в канцелярию кронштадтского военного губернатора представление о награждении крупнейшего в городе Кронштадте торгового дома «Ганс Смит», «существованию которого ныне истекает 50 лет», в лице следующих представителей: кронштадтского 1-й гильдии купца Н.И. Классен-Смита, норвежского подданного И.Э. Торсена, управляющего экспедиторской и пароходно-агентурной конторой торгового дома «Ганс Смит» потомственного почетного гражданина А.И. Войнаровского; редактора издаваемых торговым домом «Ганс Смит» «Корабельного и Экспортного листков» потомственного почетного гражданина Юлия Васильевича Орловского.

Несмотря на 50-летнее существование этого торгового дома в Кронштадте, 15 марта губернаторская канцелярия обратилась в Кронштадтское городское полицейское управление с просьбой представить сведения о представителях торгового дома «Ганс Смит».

И вскоре она их получила:

Николай Иванович Классен-Смит – кронштадтский купец 1-й гильдии, главный владелец торгового дома «Ганс Смит», русский подданный евангелического лютеранского вероисповедания. Состоит в Кронштадте австро-венгерским, бельгийским, испанским, нидерландским вице-консулом и финляндским торговым стряпчим, а в Санкт-Петербурге – норвежским вице-консулом. Проживает в Санкт-Петербурге, на Николаевской набережной, дом № 33;

Ингвальд Эриксович Торсен – совладелец торгового дома «Ганс Смит», норвежский подданный евангелического лютеранского вероисповедания, состоит в Кронштадте норвежским консулом и бразильским вице-консулом, в Санкт-Петербурге – норвежским генеральным консулом;

Александр Иосифович Войнаровский – управляющий торговым домом «Ганс Смит», потомственный почетный гражданин, русский подданный римско-католического вероисповедания, состоит в Кронштадте норвежским вице-консулом;

Орловский Юлиус-Николай Вильгельмович (Юлий Васильевич) – редактор издаваемого торговым домом «Ганс Смит» периодического издания «Корабельный и Экспортный листки», потомственный почетный гражданин, вероисповедания лютеранского. Проживает в Кронштадте более 20 лет, «поведения нравственности и образа жизни хорошего».

Полученные сведения не препятствовали награждению вышеуказанных лиц юбилейными медалями 300-летия дома Романовых.

Но кронштадтский городской голова занимался не только вопросами награждения своих сограждан. Проблем в городе хватало. Например, к вечной проблеме снабжения Кронштадта чистой водой добавилось открытие 15 августа 1913 г. Санкт-Петербургского фекалопровода на

западной оконечности Васильевского острова. Пришлось думе срочно «озаботиться» необходимостью принятия городом мер к установлению влияния его на качество питьевой воды в Кронштадте. Так как спуск нечистот в открытый водоем вблизи жилья должен ухудшить качество кронштадтской питьевой воды, медицинскому инспектору порта поручено «начать правильные постоянные исследования питьевой воды».

Неумолимая статистика засвидетельствовала, что к 1910 г. население возросло до 66 624 человек, в том числе 50 882 гражданского населения. Грамотных в 1863 г. – 38,8 %, в 1897 – 64,8 %; православного вероисповедания в 1897 г. – 84 %, в 1910-м – 88,6 %; не считая военнослужащих, из проживавших в Кронштадте потомственных дворян – 5,5 %, дворян личных и чиновников – 6 %, духовенства – 0,5 %, потомственных и личных почетных граждан и купцов – 3,3 %, мещан – 25,9 %, крестьян – 54,5 %. Почти 70 % населения Кронштадта числилось «пришлым».

Далеко не всем жилось благополучно, поэтому дума, как могла, заботилась о малоимущих. Согласно выписке из журнала заседания Кронштадтской городской думы, 21 мая 1913 г. было принято решение: «...вносить ежегодно на вечное время установленную плату за бедных учащихся в следующих учебных заведениях.

В мужскую классическую гимназию за 1 уч.

В женскую гимназию – за 2.

В прогимназию – за 2.

В реальное училище – за 1.

В ремесленную школу – за 5.

В высшее начальное училище – 5.

Городской голова В. Гуляев»³⁸⁵.

Ансамбль Якорной площади окончательно сформировался в 1913 г., когда освятили Морской собор, установили памятник адмиралу С.О. Макарову и построили металлический Макаровский мост. Дальнейшие дополнения советского периода, о которых несколько позже, остались на площади хоть и существенными, но дополнениями.

О Морском соборе рассказано и написано уже много, но это здание настолько важно для Кронштадта, что нельзя не вернуться к нему еще раз. Идеи создания большого морского храма высказывались неоднократно. И действительно, являясь центром всей морской жизни России, Кронштадт давно заслужил присутствие соответствующего храма. И в 1896 г. вице-адмирал Н.И. Казнаков, главный командир Кронштадтского порта, предложил возвести такой собор, «который своим величием отвечал бы значению Кронштадта как колыбели русского флота и являлся бы достойным памятником как чинам Морского ведомства, погибшим при исполнении служебного долга, так и выдающимся деятелям, способствовавшим развитию и славе флота».

---

³⁸⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1770. Оп. 1. Д. 68. Л. 143.

Морской собор и памятник С.О. Макарову на Якорной площади

С высочайшего разрешения императора Николая II в начале 1897 г. образован комитет для сбора пожертвований на сооружение собора под председательством Н.И. Казнакова. Весь Петербург и весь Кронштадт, начиная с членов императорской фамилии и высших государственных чиновников и до отставных матросов самого скромного достатка, вносили деньги на строительство храма. Значительную сумму собрали моряки, отчислявшие с 1898 по 1913 г. одну четверть процента от своего жалованья. Всего же собрали 280 000 руб., чего, конечно, было явно недостаточно, но в данном случае важна и причастность к столь важному и благородному делу.

В 1897–1898 гг. провели два конкурса проектов, но 26 июля 1899-го Николай II утвердил проект архитектора А.И. Томишко, в конкурсах не участвовавший. В 1900 г. учрежден комитет по постройке храма под председательством главного командира Кронштадтского порта вице-адмирала С.О. Макарова. Проект Томишко трижды рассматривался в комитете и, несмотря на высочайшее утверждение, был подвергнут справедливой критике. Николай II согласился с мнением комитета, и разработку проекта поручили архитектору Василию

Антоновичу Косякову, построившему храм Морского ведомства во имя Милующей Божьей Матери в Галерной гавани, Морской собор в порту императора Александра III и др.

В.А. Косяков выехал в Константинополь, где сделал обмеры и зарисовки знаменитого храма Св. Софии. Весной 1901 г. один из его проектов был одобрен комитетом и утвержден Николаем II. Местом для собора еще в 1898 г. выбрали Якорную площадь.

«Как при составлении, так и при разработке и выполнении проекта Морского собора в Кронштадте имела в виду основная мысль Комитета по сооружению собора не только удовлетворить религиозным потребностям кронштадтских моряков, но и создать собор-памятник, в котором были бы собраны имена моряков, погибших с 1696 г. при исполнении своего долга, судовые иконы и другие реликвии флота», – говорилось в Краткой записке о сооружении собора.

Остановившееся из-за событий 1905–1906 гг. строительство собора вскоре продолжили, и в 1907-м началась отделка интерьеров. С введением в строй в 1908 г. системы отопления эти работы продолжались и зимой. Необходимо назвать тех, кто активно участвовал в строительстве, помогал В.А. Косякову: академик архитектор Г.А. Косяков, инженеры А.И. Виксель, А.А. Ламагин, А.А. Алексеев, инженер профессор П.И. Дмитриев, художник архитектор Н.Л. Подберезкий, десятники А.И. Смирнов и Р.И. Князев. Роспись стен и сводов, мозаики в главном портале выполнены по оригиналам М.М. Васильева, иконы – А.В. Троицкого, наружные мозаичные и майоликовые иконы – по оригиналам Ф.Р. Райляна. Ковры жены моряков вышивали шерстью, а серебряное шитье выполнялось мастерской Е.М. Бертельсон³⁸⁶.

В плане собор повторял храм Св. Софии в Константинополе с несколько измененными пропорциями и мог вместить более 3000 молящихся. Длина собора составляла 83,2 м, ширина – 64, высота с крестом – 75 м. Снаружи собор облицован гранитным цоколем и серо-желтым кирпичом и украшен гранитными полированными наличниками и колоннами порталов, терракотовыми орнаментами, мозаичными иконами. Над северными воротами помещался образ Божьей Матери, над южными – образ св. Митрофания, над западными – св. апостолов Петра и Павла, св. Николая Чудотворца и св. Иоанна Рыльского. Купол диаметром 26,7 м покрыли медью и украсили золочеными крестами и орнаментами. Внутри собора на мраморной панели размещались памятные доски из черного мрамора с именами погибших моряков. Два яруса галерей поддерживались колоннами искусственного мрамора. Иконостас изготовлен из натурального белого и цветного уральского мрамора с мозаичными и бронзовыми украшениями. В нише главного входа со стороны Якорной площади располагалась часовня Спаса Нерукотворного. На постройку и украшение собора израсходовано 1 955 тыс. руб., в том числе казенных денег 1 675 тыс. руб. и собранных моряками 280 тыс. руб.

Торжественный подъем 20 колоколов, отлитых из старых медных пушек на заводе Оловянишникова в Ярославле, состоялся 29 июня 1908 г. Большой колокол весил 1038 пудов. 24 июля установили и освятили кресты. Сначала предполагалось крест над основным куполом освещать электричеством, но от этого отказались из-за возможных неисправностей проводки и сложности ее ремонта. На северной стороне купола разместили изречение «От востока на запад хвально Имя Его».

В следующем году вокруг храма устроили сквер, работами руководил президент общества садоводов Э.Е. Гербих. Весной 1912 г. живописцы начали расписывать стены храма соответствующими сюжетами. Верхнее освещение через незаметные снизу окна создавало невероятное ощущение легкости и света.

Трехпрестольный храм (главный алтарь – во имя св. Николая Чудотворца, а два боковых – во имя св. Петра и Павла и св. Иоанна Рыльского) освятили 10 июня 1913 г. Во время освящения над собором на высоте около 500 м появился дирижабль «Лебедь». На его борту находились штабс-капитан

Р. Нижевский, его помощник, два механика и шесть учеников. «Лебедь» сделал несколько кругов над портом и городом и совершил посадку на военном плацу, после заправки топливом поднялся и направился к Петербургу. Во время освящения Морского собора можно было заметить на Якорной площади три автомобиля – это первые самодвижущиеся экипажи, появившиеся в Кронштадте, и в этот же день произошло первое ДТП. Водитель одного из автомобилей не справился с управлением и не смог увернуться от появившегося на его пути торгового ларька. Оба – и автомобиль, и ларек – получили серьезные повреждения.

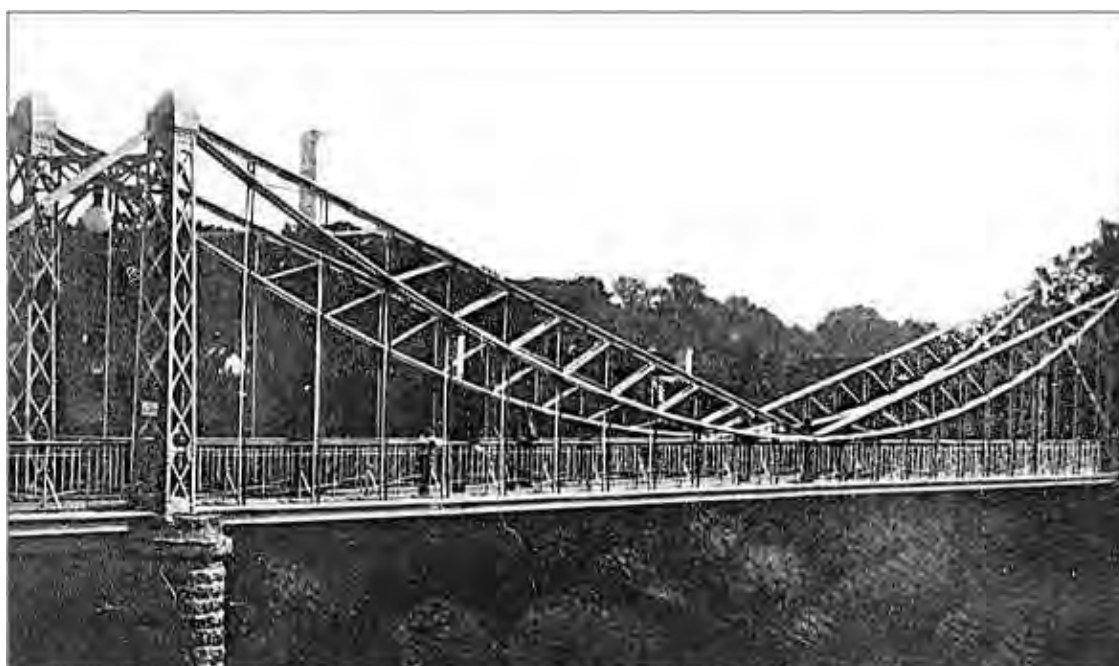
Правда, еще в начале 1913 г. прошли первые автомобильные гонки по льду на трассе между Петербургом и Кронштадтом. В гонках участвовало 11 автомобилей и моторных саней. Победитель – некто Вигель – проехал дистанцию в 55 км за 1 час 23 минуты и 36,2 секунды.

³⁸⁶ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 63.

А в 1916-м некто И.П. Елизаров на своем автотранспорте за 20 минут доставлял шесть отважных пассажиров по льду Финского залива от Андреевского собора в Кронштадте до железнодорожного вокзала в Ораниенбауме. И всего за один рубль с человека.

На следующий день после освящения церкви газета «Кронштадтский вестник» написала, что «с сооружением этого величественного художественного по архитектуре собора осуществилась давнишняя желанная мечта моряков иметь такой храм, который бы мог служить достойным украшением Кронштадта [...] будет служить связующим звеном прошедшего, настоящего и будущего русского флота, вечным свидетелем тех трудов, знаний и подвигов, которые послужили славе Родины и флота». Позднее около Морского собора установили гранитный столб с бронзовой доской, на которой значилось, что на этом месте при закладке собора стояла царская фамилия.

Макаровский мостик

Макаровский мост через доковый овраг построен по проекту инженера М.Е. Еглевского известной петербургской фирмой «Ф. Сан-Галли». Новый металлический висячий цепной мост имел несколько аналогов в Европе и Америке, в частности – знаменитый Бруклинский мост в Нью-Йорке.

Мост открыла вдова адмирала Макарова 10 июня 1913 г., сразу после освящения Морского собора. Об этой скромной церемонии упомянул только «Кронштадтский вестник». И с этого момента сей мост стал называться Макаровским. Уже через три месяца мост еще раз отметился в этой газете, правда, по поводу, совсем не радостному: находившийся в «ненормальном состоянии» крестьянин Иван Круглов, 24 лет от роду, 17 октября в 8 часов утра, переходя Макаровский мост, бросился с него в ров и «убился насмерть».

23 октября 1913 г. главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор вице-адмирал Р.Н. Вирен издал приказ № 317, где указывалось: «Замечено, что команды, следующие фронтом через пешеходный Макаровский мост, ходят в ногу, что не следует допускать. Предлагаю начальникам частей объявить в командах к точному исполнению правила прохода через этот мост, согласно которым команды должны следовать не в ногу, придерживаясь правой стороны и оставляя достаточно места для встречных. Правила эти обязательны и для

отдельно следующих через мост пешеходов и нижних чинов»³⁸⁷. Впоследствии этих правил старались придерживаться и в советское время. А за проезд на велосипеде по мосту могли и оштрафовать.

Строительство Морского собора непосредственно связано с возведением памятника адмиралу Макарову и строительством Кронштадтской библиотеки. В частности, «Комитет по сбору пожертвований на сооружение и установку памятника адмиралу Макарову (Комитет по сооружению и установке памятника адмиралу С.О. Макарову)» выделился из «Строительного Комитета по сооружению в Кронштадте Морского Собора» в составе: председатель – морской министр вице-адмирал С.А. Воеводский, затем – адмирал И.К. Григорович, вице-председатель – вице-адмирал Р.Н. Вирен, члены комитета – контр-адмирал А.А. Хоменко, генерал-майор А.В. Петров, тайный советник В.А. Косяков (архитектор Кронштадтского Морского собора), действительный статский советник Н.Н. Бернард (главный бухгалтер Кронштадтского порта), капитан 1-го ранга К.А. Панферов, новый главный инженер-строитель Кронштадтского порта гражданский инженер В.П. Шаверновский³⁸⁸, протоиерей отец Василий Погодин.

До убытия к новому месту службы членами комитета были контр-адмиралы А.А. Баженов и В.Ф. Пономарев. К работе комитета привлекались также скульптор Л.В. Шервуд и литейщик К.А. Робекки.

Примерно этот же круг лиц входил в состав Комиссии по постройке нового здания для Кронштадтской Морской библиотеки (ныне – Центральная библиотека г. Кронштадта, ул. Советская, 49) и занимался устройством в саду Николаевского Морского госпиталя в Кронштадте памятника главному доктору госпиталя В.И. Исаеву (1854–1911).

Интересно отметить, что 22 декабря 1911 г. Комиссия по постройке нового здания для Кронштадтской Морской библиотеки в лице ее председателя главного инженера-строителя Кронштадтского порта В.П. Шаверновского обратилась «с глубочайшей благодарностью» в Комитет по постройке памятника адмиралу С.О. Макарову, членом которого являлся сам В.П. Шаверновский, «за тиковое и красное дерево, отпущенное для надобностей строящегося здания библиотеки 18, 19, 23 и 25 ноября сего года из числа разломочных материалов, которые были получены при разборке бывшей императорской яхты „Держава“». Интерьеры Кронштадтской библиотеки и сейчас выглядят впечатляюще.

Завершением ансамбля Якорной площади того периода стал памятник С.О. Макарову.

Вице-адмирал Степан Осипович Макаров (1848–1904) в декабре 1899 г. назначен главным командиром Кронштадтского порта и военным губернатором. За короткий период пребывания на этом посту он много сделал для города и порта. Заботясь о быте матросов, он ввел в казармах газовое освещение. По его инициативе в Кронштадте созданы вечерние классы для рабочих Пароходного завода, а также портовая техническая школа и три школы для детей.

В начале Русско-японской войны С.О. Макарова назначили командующим флотом в Тихом океане. Прощание с Кронштадтом было весьма трогательным. «4 февраля 1904 года в 9 утра в дом командира порта пришли его друзья и ближайшие помощники. Адмирал вышел к гостям, предложил присесть по русскому обычаю на минуту и затем стал прощаться с каждым, обнимая и целуя. При этом многие плакали. На улице стояла огромная толпа жителей. При появлении Степана Осиповича раздались крики „Ура!“. Он был глубоко тронут и, обращаясь к горожанам и матросам, сказал: „Спасибо, братцы, что собрались проводить меня. Там началось жаркое дело. Нужны люди, – поеду и я. Л Вдоль Княжеской и Петровской улиц были выстро-

³⁸⁷ Кронштадтский вестник. № 239 (8446). 1913. 25 окт.

³⁸⁸ Шаверновский Владимир Петрович (1872–1944). Подробнее о нем см.: *Кобчиков Е.Ю.* Долгая история Макаровского мостика // Цитадель. № 21. СПб., 2014.

ены моряки, тысячи кронштадтцев провожали Макарова до пристани»³⁸⁹. Уже в Порт-Артуре он получил телеграмму из Кронштадта об избрании его почетным гражданином города. Но, к великому сожалению, 31 марта 1904 г. Макаров погиб вместе со своим флагманским кораблем – эскадренным броненосцем «Петропавловск».

Кронштадт был просто обязан установить памятник своему очень почетному гражданину. Сбор средств на постройку памятника начался в 1911 г., а в январе 1912-го решено возвести памятник на Якорной площади, рядом со строившимся Морским собором.

Для пьедестала использовали огромную гранитную глыбу, вырубленную еще в начале XIX в. для монумента у Казанского собора и затонувшую на рейде (Штандарт) при перевозке из Финляндии в Петербург. Под руководством поручика по Адмиралтейству Ф.Т. Фролова, участвовавшего в обороне Порт-Артура, в июне 1911 г. ее подняли и на барже доставили в Кронштадт. При подъеме из воды верхняя часть скалы откололась, и в июне 1913 г. ее установили в Петровском парке. А сама глыба, весившая свыше 160 т, «добралась» до Якорной площади только 7 февраля 1913 г.

Автором скульптуры стал профессор Л.В. Шервуд, который уже в июне 1912 г. в павильоне Машинной школы демонстрировал эскизный проект, позднее высочайше утвержденный. По воспоминаниям Шервуда, «ему камень дали с приказом не обрубать его, не изменять его формы. Я скомпоновал аллегорическую фигуру японского дракона в виде волны, которая охватывает ноги Макарова, увлекая его вниз»³⁹⁰. 24 июля 1913 г. в присутствии всей императорской фамилии и высших чинов Морского министерства состоялось торжественное открытие памятника.

Бронзовая фигура адмирала высотой 3,55 м стоит на скале, на которую набегают волны, символизирующие японского дракона. На лицевой стороне скалы расположены две бронзовые доски. На верхней выбито: «Адмиралу Степану Осиповичу Макарову». На нижней: «В 1911 году камень этот, по высочайшему повелению, поднят из воды на рейде Штандарт и передан для сего памятника. Памятник освящен 24 июля 1913 года в присутствии его императорского величества государя императора Николая II-го». Ниже в скалу врезаны крупные бронзовые буквы – знаменитое предостережение Макарова: «ПОМНИ ВОЙНУ». Позднее памятник дополнили горельефами работы Шервуда. На левой стороне скалы изображен эпизод из Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – «Взрыв турецкого сторожевого судна „Интибах“ катером парохода „Константин“». На тыльной – ледокол «Ермак» среди полярных льдов. На правой – гибель эскадренного броненосца «Петропавловск», и выбито стихотворение на смерть адмирала, написанное, по одной версии, Е. Дмитриевым, по другой автором является кадет О. Лобановский.

* * *

Спи, северный витязь,
спи, честный боец,
безвременно взятый кончиной.
Не лавры победы —
терновый венец
Ты принял
с бесстрашной дружиной.
Твой гроб — броненосец,

³⁸⁹ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 73.

³⁹⁰ Розадеев Б.А., Сомина Р.А., Клещева Л.С. Кронштадт. С. 144.

могила твоя —
холодная глубь океана.
И верных матросов родная семья —
твоя вековая охрана.
Делившие лавры, отныне с тобой
они разделяют и вечный покой.
Ревнивое море не выдаст земле
любившего море героя,
в глубокой могиле,
в таинственной мгле
лелея его и покоя...
И ветер споет панихиду над ним,
заплачут дождем ураганы,
и саван расстелют
покровом густым
над морем ночные туманы.
И тучи, нахмурясь,
последний салют
громов грохотаньем
ему отдадут...

В Кронштадте в эти годы строили не только мосты, но и здания. В 1912 г. на углу Цитадельской улицы и Николаевского проспекта (так с 1904 г. стала называться Господская улица) построено здание Мещанского общества (ныне – пр. Ленина, 51). Здесь располагались благотворительные организации, а с сентября 1915 г. – музыкальная школа «Свободного художника» выпускницы Петроградской консерватории Ольги Иосифовны Прокофьевой. Второй этаж занимали вице-консульства Бельгии, Бразилии, Дании, Испании, Нидерландов, Норвегии, Швеции и торговый стряпчий Финляндии. После революции здание стало Домом профсоюзов. В 1922-м сюда перевели физкультурный центр «Всеобуча». В 1925 г. здесь размещались 16 профсоюзных организаций, а после ремонта 1926 г. ему дали новое название – Дворец труда. В 1930 г. здесь открылся антирелигиозный кабинет, а вскоре – антиалкогольный семинарий.

Важнейшим событием в жизни Кронштадта отметился 1913 г. Еще в прошлом, 1912-м, городская управа обсуждала вопрос об освещении улиц Кронштадта электричеством. С газовым заводом, вырабатывавшим газ для газовых фонарей, договор решили не продлевать, а начать строительство электростанции по проекту инженера-электрика С.Н. Петрова. В восточной части голландской кухни разместили четыре двигателя системы Р. Дизеля, два из них мощностью по 50 л. с. и два – по 135. В июле 1912 г. Управа подписала контракт с фирмой «Сименс-Гальске» (ныне – «Электросила») на поставку и монтаж всего электрооборудования, и уже 21 декабря произвели пробный пуск одного из двигателей. Испытания прошли успешно, что позволило на следующий день осуществить пробное освещение части города. Официальное открытие электростанции состоялось 23 февраля 1913 г. Она питала 12 000 ламп по 16 свечей для частных лиц, а для освещения города – 760 фонарей по 50 свечей и 36 дуговых фонарей в 1500 свечей.

Кронштадтский торговый порт переживал в эти годы не самые лучшие времена. Как уже отмечалось, порт и его служащие и грузчики хорошо зарабатывали на перегрузке товаров на каботажные суда, способные проходить мелководье Маркизовой лужи. Ситуация резко изменилась с открытием Морского канала, устроенного Н.И. Путиловым, и расширением Петербургского порта. С началом навигации 1909 г. в Кронштадте стало известно, что отныне все суда, следующие в Петербург, могут продолжать свой путь, не останавливаясь в Кронштадте.

Начались сокращения грузчиков, и уже в начале 1911 г. из работ осталась в основном разгрузка угля. Постепенно Торговый порт полностью утратил свои позиции в Кронштадте.

Это касалось и Лесной биржи, которая в 1907 г. почти полностью перебралась в новый Лесной порт Петербурга.

На начало второго десятилетия XX в. пришлось значительное осложнение международной обстановки. Ведущие морские державы вступили в так называемую «дредноутную» гонку. Вслед за первым линейным кораблем нового поколения – английским «Дредноутом», вооруженным новейшими 12-дм орудиями, – Германия, Америка и Франция тоже начали строительство подобных линкоров. Россия не отставала, и в 1909 г. в Петербурге заложили четыре мощных линкора типа «Севастополь». Достраивались и вооружались они, естественно, в Кронштадте.

Американские линкоры на Большом Кронштадтском рейде. 1911 г.

Призрак мировой войны уже бродил по Европе. Активно шли поиски возможных союзников в возможной борьбе против возможных противников. У России с Германией складывались весьма непростые отношения с остальными крупными державами. В 1911 г. международная обстановка вынудила американцев продемонстрировать Германии свои политические пристрастия, для чего на Балтику отправился 2-й дивизион Атлантического флота США в составе четырех линкоров: однотипные «Канзас», «Луизиана» и «Нью-Гэмпшир», построенные в 1906–1908 гг., а также первый американский дредноут «Сауз Кэролайн», вступивший в строй в 1910-м.

На Большом Кронштадтском рейде американские линкоры появились 29 мая (ст. ст.) 1911 г. Николай II посетил «Луизиану» и призвал к восстановлению российско-американской дружбы, существовавшей в прежние годы. Однако огромные гири российско-американских разногласий перевесили мирные порывы, и ответный визит русской эскадры с великим князем Кириллом Владимировичем пришлось отменить. И даже приостановить действие русско-американского торгового договора.

Торжественный обед в честь английской эскадры в Морском Собрании Кронштадта. Второй слева – командующий Балтийским флотом вице-адмирал Н.О. Эссен, третий слева – командующий английской эскадрой адмирал Д. Битти

Англичане же постепенно из врагов превратились в союзников. Сотрудничество с английскими фирмами, в частности со знаменитым «Виккерсом», и наличие общего врага в лице Германии привело к впечатляющему визиту в Россию английской эскадры адмирала Д. Битти. Его, разумеется, встречал весь бомонд. Роскошный обед в Морском собрании Кронштадта, фото на память, визиты, визиты...

Морской министр И.К. Григорович считал, что адмирал Битти имел секретную миссию к английскому послу, которую «нельзя было доверить ни почте, ни даже лицам, могущим привезти ее с корабля на берег». И действительно, германских шпионов в Петербурге было немало. Великого князя Гавриила Константиновича интересовало другое – он ожидал, что «английские морские офицеры будут элегантны и с хорошими манерами, но оказалось, что большинство из них были вовсе не элегантны и без всяких манер».

Еще один очевидец, побывавший на английском корабле, оставил подробное описание увиденного. Его поразила «...простота на военном корабле, непривычная для российского флота, даже больше – недопустимая: вахтенный матрос ходил босиком, приезжая публика допускалась повсюду, мальчишки и взрослые вертели маховики у казенной части орудий, открывали и закрывали замки, не получая замечаний от англичан.

На палубу под тент вытащили небольшую фисгармонию, за нее сел разбитной матрос и заиграл танцы. Английские матросы сразу расхватили наших девушек и молодых женщин и стали с ними лихо отплясывать, распевая во все горло. Наша русская публика совершенно переменяла мнение об англичанах, ранее представляя их людьми неразговорчивыми, сдержанными, даже скучными, а оказалось, что простые матросы – веселые ребята; не зная языка, умеют великолепно занимать наших женщин. Мужчины любезно обменивались с матросами табаком и папиросами. Около камбуза кок корабля на столе деревянным молотком разбивал большие, толстые плитки шоколада и, завертывая шоколад в фунтики, дарил детям и женщи-

нам, а то жестами просил дать ему носовой платок и завязывал в него большие куски шоколада. Высокий солдат морской пехоты, в алом мундире с золотым шитьем, в белом шлеме, с перевязью кирпичного цвета через плечо, по-видимому, во время дежурства, надевал на наших девушек такой же алый мундир и шлем, совал им в руку ружье и снимал фотографическим аппаратом. Вся эта процедура вызывала большой смех, так как девушка тонула в этом мундире, который был ей чуть не до колен, а из-под шлема не видно было и головы. Публика рассыпалась по всему кораблю без всяких сопровождающих, залезала в машинное и кочегарное отделения, в кубрики. Охраняемых мест и часовых было очень мало. „Гости“ брали из пирамид ружья и пистолеты, щелкали затворами. Вся охрана этого оружия заключалась в тонкой цепочке, пропущенной через предохранительные скобы. Цепочка имела большую слабинку и не мешала брать оружие из пирамиды. На корабль приехало много русских матросов, которые как-то умудрялись объясняться с английскими матросами.

Отпущенные с корабля на берег английские матросы сразу же подхватывались кронштадтцами, которые водили их по городу, приглашали в рестораны, пивные и угощали с русским радушием.

Многие английские матросы в результате такого внимания и экскурсий по ресторанам и пивным были здорово выпивши, однако они очень оберегали тростинку с пломбочкой, которая им выдавалась при увольнении на берег. Эту тростинку они должны были вернуть при возвращении на корабль в полной сохранности, что свидетельствовало, что вели они себя на берегу хорошо. Остроумный контроль! Если тростинка была сломана или повреждена, их ожидало наказание».

Через месяц с небольшим все это безумство повторилось с еще большим размахом. В Россию прибыл сам президент Франции Р. Пуанкаре, разумеется, на боевом корабле. Опыт приема высоких гостей из Франции у России был огромный. Французские корабли приходили в Кронштадт в 1891-м, и особенно отметился 1902 г., когда в честь президента Э. Лубэ на Невском проспекте была сооружена грандиозная скульптура, олицетворяющая нерушимую дружбу французского языка с нижегородским. Пуанкаре тоже встречали криками «Ура!», «Vive la France!» («Да здравствует Франция!»). «По улицам города группами и в одиночку гуляли французские матросы, их окружали наши люди всех слоев общества и разговаривали с ними – одни на изысканном французском языке, другие – на ломаном русском языке на французский (по их мнению) лад, а третьи – жестами, понятными всем народам, щелчками по горлу: предложение выпить вместе. Веселые французы громко смеялись и не упрямылись, когда их прямо силой затаскивали в рестораны, кафе и пивные». Потом назло городовым все пели «Марсельезу» – «Allons, enfants de la Patrie» («Вперед, сыны Отчизны») или «Аллон, занфан де ла Патри». Кронштадтские бабушки потом удивлялись, что за странную песню пели гости: «Алена, салом нос потри».

Веселье заканчивалось, когда передовые посты Службы наблюдения и связи замечали приближение германской эскадры. Коллега Николая II и по совместительству его родственник, посещая Россию, вносил в нижние слои ее атмосферы холодный туман и чопорную твердость вздернутых усов. Полшага право, полшага влево – и комендоры кайзера уже вгоняют 12-дюймовую чушку в утробу крупновского монстра. За улыбками и раздачей орденов сквозила четкая задача решить свои проблемы чужими руками. В 1912 г. Вильгельм оповестил Николая о том, что 22 июня (ст. ст.) прибудет в Балтийский порт (ныне – Палдиски) в сопровождении крейсера «Мольтке».

Пришлось чуть ли не всему Двору на двух яхтах – «Штандарте» и «Полярной звезде» – идти в Балтийский порт. Морской министр И.К. Григорович отправился на своей яхте «Нева». «Гогенцоллерн» пришел утром 22-го, за его кормой жался авизо «Слейпнер», а в кабельтове грузно резал мутную воду гигант «Мольтке». Вильгельм прибыл на «Штандарт», и после зав-

трака императоры отправились на «Мольтке». Германский император водил русского по всем помещениям так долго, что Григорович заподозрил что-то неладное. Оказалось, что Вильгельм решил продать «Мольтке» России. На что Николай по совету своего флаг-офицера ответил, что «российские императоры готового платья не покупают».

Идеальный порядок на «Мольтке» произвел соответствующее впечатление, видимо, Вильгельм не забыл, как у него однажды вырвался комплимент по поводу окраски «Штандарта». Он сказал, что его борт таков, что он готов бриться перед ним. Дело в том, что борт красили «обыкновенной голландской сажей на олифе», но при плавании с «их величествами» его лакировали каретным лаком высшего качества и достигали невероятного блеска и отражения.

В нынешние спрессованные времена – только самолет, ковровая дорожка, разумеется, почетный караул, но чего-то в этом ритуале не хватает, что-то ушло вместе с императорскими яхтами.

Визиты, конечно, были важным развлечением кронштадтцев, но далеко не единственным. О театрах уже было рассказано, и вот в начале XX в. появился кинематограф, заставивший говорить о смерти театра, так, с счастьем, и не состоявшейся. Первый фильм в Кронштадте был показан весной 1903 г., в «Кабинете Люмьера» на Господской улице в доме № 49. В 1907-м заработала «синема» в доме наследников Сидоровых на той же улице (к тому времени ставшей Николаевским проспектом), дом № 33. 1908 г. стал прорывом нового искусства: появились «Петербургский кинотеатр новостей» (Николаевский, 53), французский кинематограф «Электробиограф» (Николаевский, 35), «Бомонд-Иллюзия» (Богоявленская, 15), и в самом конце года на Осокиной площади был открыт в специально построенном здании кинематограф Прохоровой «The New Star».

Еще один памятник еще одному важному для Кронштадта человеку открыли в следующем, 1914 г. Это памятник В.И. Исаеву – известному врачу, микробиологу, много сил и энергии отдавшему благоустройству и улучшению санитарного состояния города, развитию госпиталя. Средства для увековечивания его памяти собирали сотрудники госпиталя, жители Кронштадта. Над бронзовым портретом Исаева в обрамлении листьев высечен его девиз: «Жизнь мчится стремительно вперед, спешите трудиться. В. Исаев». В нижней части обелиска находится бронзовая доска с надписью: «Почетному лейб-медику Василию Исаевичу Исаеву. Медицинскому инспектору Кронштадтского порта и главному доктору всего госпиталя. 1854–1911».

При всем своеобразии Кронштадт не может похвастаться разнообразием архитектурных форм. Последним зданием, возведенным до переломного 1917 г., является прекрасный образец неорусского стиля, расположенный всего в ста метрах от Морского собора. На этом месте когда-то располагался особняк адмирала М.П. Лазарева, и многие кронштадтцы до сих пор называют его домом Лазарева³⁹¹.

Это расположенный на Пролетарской улице Дом кронштадтской морской общины сестер милосердия Красного Креста. Раньше эта улица называлась Алексеевской в честь царевича Алексея, а еще раньше – Церковной, так как здесь стояла одна из первых кронштадтских церквей – Морская Богоявленская. Она на протяжении почти двух веков была местом, где отмечались важнейшие события истории Российского флота. Здесь служили молебны о морских победах и панихиды по погибшим морякам, здесь хранили реликвии и судовые иконы. С возведением к 1913 г. на Якорной площади Морского собора к нему перешла роль главной флотской

---

³⁹¹ Правда, проведенные сотрудником Музея истории Кронштадта Е.Ю. Кобчиковым поиски источников, подтверждающих причастность Лазарева к дому, пока не увенчались успехом.

святыни. Одновременно отпала необходимость строительства капитальной Морской Богоявленской церкви.

В 1912 г. Морское ведомство передало пустовавшую южную половину участка Богоявленского храма Морской общине Красного Креста для сооружения общежития сестер милосердия. Основание общины относится к 1903 г., когда губернатор Кронштадта и главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал С.О. Макаров обратил внимание на то, что сестры милосердия Морского госпиталя не имеют никакой организации и живут по частным квартирам. Все соответствующие бумаги по передаче участка были оформлены, при этом понадобилось официальное прошение от Главного управления Красного Креста с гарантией субсидирования «во избежание возможного случая, что начатая постройка прекратится за неимением средств и приведет к ходатайству об отпуске таковых от Морского министерства»³⁹². Таким образом Морское министерство пыталось оградить себя от непредвиденных трат.

Разрушающийся Дом кронштадтской морской общины сестер милосердия Красного Креста. 2015 г.

Необходимые средства складывались из капитала, собранного самой Общиной, пособий, выданных Кронштадтским городским управлением и крепостным управлением Красного Креста, и из частных пожертвований.

Проект «составил» архитектор Главного управления Красного Креста В.М. Лопатин (1869-?), а для контроля за строительством создали специальный комитет под председательством контр-адмирала А.А. Хоменко. Работы под руководством инженера В.П. Шаверновского начались весной 1913 г., и уже к середине лета закончили нулевой цикл. 16 июля 1913 г. в присутствии главного командира Кронштадтской крепости вице-адмирала Р.Н. Вирена состоялась торжественная закладка здания. Общину представляла почетная попечительница К.Н. Макарова, вдова погибшего адмирала.

Первая мировая война несколько задержала завершение строительства, тем не менее в начале 1915 г. все работы были завершены, и 21 февраля состоялось торжественное освящение здания.

Первый этаж предназначался для амбулатории Красного Креста, где за «недорогую плату» каждый житель Кронштадта мог получить квалифицированную медицинскую помощь.

³⁹² РГАВМФ Ф. 427. Оп. 3. Д. 904. Л. 5.

Само общежитие располагалось на втором этаже. Здесь в каждой из жилых комнат проживали двечетыре сестры. В подвальном помещении имелась котельная – здание было оборудовано центральным водяным отоплением. В отдельных помещениях располагались прачечная, ледник, дворницкая с сараем для дров. В конце февраля 1915 г. при общине организовали ускоренные курсы для подготовки сестер милосердия военного времени.

После событий 1917 г. общины сестер милосердия ликвидировали, а их помещения передали различным медицинским учреждениям. В доме Кронштадтской общины разместился туберкулезный диспансер.

А тем временем события в мире разворачивались таким образом, что мировая война многим казалась неизбежной. И вот прозвучал роковой выстрел в Сараеве.

В годы Первой мировой войны

Казалось бы, военные действия Первой мировой войны, проходившие вдали от Кронштадта, не должны были оказать на него особого влияния. Однако это совсем не так. Понять это помогают документы РГА ВМФ и, в частности, приказы коменданта крепости генерал-майора А.А. Маниковского (1865–1920).

«18 июля 1914 г.

Приказ № 1 по Кронштадтской крепости и крепостному району

§ 1. Согласно телеграммы Военного Министра с. г. № 1945 высочайше повелено мобилизовать армию и флот; первый день мобилизации 18 июля.

Всем частям и учреждениям крепости приступить к мобилизационным работам согласно планов их по расписанию 1910 г.

§ 5. 2 роты Санкт-Петербургской бригады пограничной стражи, содержащие посты в: 1. Липово, 2. Пулково, 3. Красной Горке, 4. Сестрорецком курорте, 5. Афонасово, 6. Терийоки, 7. Тюрисево, 8. Метсякюля, 9. Инониemi, 10. Витикала, 11. Лавасланиemi, 12. Тойвола и 13. Молиниemi, подчиняются

мне. Поста́м войти в связь: 1, 2 и 3 – с Алексе́евским фортом, а 6-13 – с Николаевским фортом.

Комендант Кронштадтской крепости Маниковский.

Приказ № 2

18 июля 1914 г.

§ 1. Сего числа последовало Высочайшее повеление о мобилизации армии и флота, и первым днем мобилизации назначено 18-е сего июля.

§ 2. На основании § 1 настоящего приказа объявляю крепостной район на военном положении, о чем и предлагаю Кронштадтскому Военному, Санкт-Петербургскому и Выборгскому Губернаторам немедленно оповестить всех жителей подведомственных им местностей, входящих в Кронштадтский крепостной район.

§ 3. Коменданту предоставляется, в случае надобности, обращать жителей крепости и ее района на крепостные работы, а также брать от них необходимые для работ орудия и материалы, перевязочные средства и припасы довольствия, производя за работы и все взятое уплату по утвержденным в установленном порядке ценам, или выдавая квитанции. Гражданские власти обязаны при этом немедленно и беспрекословно исполнять все требования коменданта и оказывать полное содействие к успешному выполнению его распоряжений.

Комендант озабочивается удалением возможно большего числа жителей из крепости и населенных пунктов, расположенных под ее выстрелами, облегчая выбывающим приискание необходимых перевозочных средств. Затем он объявляет жителям окрестности крепости, что во время осады никто не будет впускаем в крепость.

§ 5. Предлагаю Кронштадтскому Военному губернатору предупредить жителей кронштадтской косы, что по обстоятельствам может потребоваться выселение с Косы всего гражданского населения, о чем в таком случае последует особый мой приказ.

Приказ № 3

19-го июля 1914 г.

Объявляю высочайше вверенную мне крепость в осадном положении.

Генерал-лейтенант Маниковский.

Верно: начальник штаба, Генерального штаба генерал-майор Данилов.

Приказ № 4

19 июля

На основании ст. 287 Положения об управлении крепостями учреждаю совет обороны под моим председательством в составе:

Начальника штаба крепости генерал-майора Данилова,

Начальника артиллерии крепости генерал-лейтенанта Пашенко,

Начальника Инженеров и Строителя крепости генерал-майора Шишкина,

Командира 2-й бригады 50-й пехотной дивизии генерал-майора Пигулевского, а до его прибытия – полковника Христиане

Командира крепостной артиллерийской бригады генерал-майора Герасимова,

Командира 1-го артиллерийского полка полковника Нагорова,

Командира 2-го артиллерийского полка полковника Степанова, а до его прибытия полк Чернопятова.

Приказ по VI армии

18 июля

Объявляю на военном положении Финляндию, Петербургскую губернию с городом Петербург, Эстляндскую губернию, Лифляндскую без Рижского уезда и Валдайский уезд Новгородской губернии.

Для рабочих и мастеровых, которые берутся крепостью для нужд обороны, для исключительно трудных работ, на передовые форты и батареи, где будут совершенно отрезаны от внешнего мира, будут расположены бивачным порядком и могут подвергнуться обстреливанию со стороны неприятеля, специальная расценочная ведомость на продукты.

Продолжается вздорная болтовня и распускание нелепых слухов среди населения и при том не только обывателями города, но и некоторыми военными служащими. Предупреждаю в последний раз, что виновных в распространении всякого рода измышлений я буду без церемоний сажать в тюрьмы, а затем выселять из Кронштадта.

Приказ № 24 от 27 июля

§ 2. Начальника передового отдела обороны генерал-майора Герасимова (на форте Николаевском) и его помощника и заместителя полковника Нагорова (на форте Алексеевском) назначаю Начальниками гарнизонов на этих фортах и им подчиняю во всех отношениях комендантов фортов.

Приказ № 29 от 1 августа

Рядовые 200-го пехотного Кроншлотского полка 13-й роты Иван Маракуев и 16-й роты Николай Ольфиренко, будучи часовыми постов при Кронштадтской Военно-морской следственной тюрьме, передали осьмушку табаку арестанту камеры № 5. Отдать под суд, а пока содержать под надзором ближайшего начальства в роте.

Сегодня я пробовал пищу на форте „Николаевском“. Горох, каша и мясная порция оказались отличными. Но хлеб у многих пообедавших оказался таким отвратительным комком полусырого теста, какого я за всю свою службу еще не видывал³⁹³. Впредь за такое к суду.

---

³⁹³ Как ни странно, но проблема хорошего хлеба в армии была в России не нова. В № 8 «Военного сборника» за 1906 г. напечатана «Объяснительная записка» председателя Комиссии, занимавшейся разработкой новых пищевых раскладок для нижних чинов. В ней, в частности, говорится: «Особого внимания заслуживает вопрос об отпуске хлеба в войска, который издавна служит предметом критики и похвалы, довольства и недовольства нижних чинов, врачей и командиров. Такое отношение лиц, близко стоящих к этому вопросу теоретически и практически, доказывает, что солдатский хлеб имеет несомненные достоинства, но и не лишен серьезных недостатков. И на самом деле так оно и есть, как в количественном, так и в качественном отношении». В тот период солдат получал три фунта ржаного хлеба – почти 1200 гр. ежедневно. Но Комиссия считала, что ржаной хлеб необходимо заменять пшеничным. Видимо, за восемь лет ситуация не изменилась.

Приказ № 32 от 2 августа

Воспрещаю владельцам аптек и аптекарских магазинов в городе Кронштадте и крепостном районе отпускать без рецептов врачей гофманские капли, детский и рижский бальзам и денатурированный спирт всех видов. Москательным лавкам продавать политуру и политурный лак лишь ремесленникам, по предъявлении ими соответствующих удостоверений местной полиции на право покупки этих жидкостей исключительно для ремесленных работ.

Виновные будут подвергаться штрафу 3000 рублей или заключению в тюрьму на срок до 3-х месяцев

Приказ № 34 от 6 августа

Несмотря на категорическое запрещение охоты на острове Котлин и на море, а также рыбной ловли, до сведения моего дошло, что некоторые чины гарнизона продолжают позволять себе охотиться.

С виновных буду взыскивать строжайшим образом.

Приказ № 49 от 25 августа

С сего числа приказываю во всем вверенном мне крепостном районе прекратить продажу всякого рода спиртных напитков, кроме денатурированного спирта, при этом никакого исключения не допускаю ни для гостиниц, ресторанов, буфетов на вокзалах и пароходах, какого бы они разряда ни были, и ни для каких собраний, клубов и столовых – военных, морских и общественных.

Вместе с тем воспрещаю и всякий ввоз в крепостной район каких бы то ни было спиртных напитков, кроме денатурированного спирта.

Для амбулаторных больных, а также для нужд госпиталей вино может быть отпускаемо торговцами при предъявлении официальных требований врачей с личной или казенной печатью. В Кронштадте эти требования должны предварительно представляться в штаб крепости для засвидетельствования.

Виновные будут подвергаться штрафу 3000 руб. или заключению в тюрьму до трех лет с обязательным выселением из крепостного района на все время военного и осадного положения.

Приказ № 128 от 15 ноября

4 числа ноября у владельца винного погреба на Красной улице Кронштадта Якова Безрукова был обнаружен тайный склад разных крепких напитков, за что Безруков постановлением моим от 11 ноября за № 173 подвергнут денежному штрафу в размере одной тысячи рублей или при несостоятельности заключению в тюрьме на один месяц, а принадлежащий Безрукову погреб закрыт»³⁹⁴.

Особый интерес представляет ситуация в Кронштадте с продуктами.

Приказом № 27 от 29 июля 1914 г. были установлены следующие цены на основные продукты.

В августе понижены цены на некоторые сорта мяса. Черкасское 2-й сорт 24 вместо 25 коп. за фунт, в сентябре вместо 26 коп. – 25 за фунт. Однако, несмотря на попытки власти контролировать цены, 29 ноября 1914 г. «повышена цена на сахар колотый и не колотый 17 коп. вместо 16, пиленый вместо 17 коп. – 18».

«Приказ № 147 от 3 декабря

---

³⁹⁴ РГАВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 128. Л. 2–61.

С началом ледостава на все зимнее время впредь до весны объявляю запретным водный район ограниченный линиями на восток Лисий Нос – Петроградская пристань на о. Котлин – Ораниенбаум и на запад маяк Стирсудден – маяк Шепелевский. Внутри этого пространства воспрещаю рыбную ловлю со льда, передвижение по льду может производиться как конное, так и пешее, исключительно по проложенным и оборудованным дорогам, сообщение же целиком по льду воспрещаю. Катание на буерах разрешаю от линии Лисий Нос – Ораниенбаум, причем буерам отнюдь не пересекать дорог с острова Котлин на Лисий Нос и Ораниенбаум»³⁹⁵.

Война хоть и шла далеко, но боеприпасы есть боеприпасы. И иногда они почему-то взрываются. Так, 10 декабря на форту «Алексеевском» в 8 час. 35 мин утра в батарейной палатке во время снаряжения взорвалась 11-дм фугасная бомба. Восемь человек нижних были убиты, четыре ранены. 13 декабря погибших похоронили на форту:

«1-й лабораторной роты:

Канониры Игнатий Чирко, Спиридон Золотухин.

2-й лабораторной роты:

Канониры Максим Дидо, Матвей Рытиков.

9-й роты 1-го артиллерийского полка бомбардиры Сергей Бормстин, Владимир Азиатский и канониры Николай Опарин и Никита Деревянко».

Где именно их похоронили, неизвестно.

19 декабря.

Еще одно неординарное явление военного времени: в одном из документов отмечается, что участились случаи заболевания венерическими болезнями. Командирам приказано резко сократить увольнения и предоставлять их только благонадежным. При этом проводить «телесный осмотр нижних чинов», ну и, разумеется, пропагандировать с помощью лекций здоровый образ жизни.

Огромный интерес представляют также так называемые «полевые книжки» коменданта крепости А.А. Маниковского, в которых он записывал все, что считал нужным для дела, а потом его помощники передавали копии этих записей для исполнения или для сведения тем, кому они были предназначены.

«Начальнику Штаба Главнокомандующего.

1914 г. 22 дня июля месяца 10 час. – мин. вечера

Усиленно ходатайствую о возможно скорейшей присылке из ГАУ нам еще: 32-х полевых скорострельных пушек на колесных лафетах (с боевыми комплектами) хотя бы обр. 1900 г. и 40 пулеметов. Число этих орудий было определено приблизительно³⁹⁶, и когда ограды фортов определились фактически, то стала ясна большая нехватка противотанковой артиллерии, тогда я вошел с ходатайством о прибавке против каковой, как мне известно, не предполагал возражать „крепостная комиссия Г.У.Г.Ш.“, но заседания сей комиссии пока не было, и вопрос остался на весу. Между тем теперь дело обстоит гораздо хуже: новые 12” батареи выкинуты из фортовых оград и до сих пор ничем не защищены. Приходится на скорую руку создавать самую упрощенную дополнительную ограду, причем, конечно, недостатки фортификации естественно приходится восполнять некоторым увеличением гарнизона и артиллерии. А так как по обстоятельствам дела нам пришлось отказаться от всей пехоты (кроме 199-го и 200-го пехотных полков), ранее нам назначенной, то понятно, что нам поневоле и совершенно неизбежно пришлось увеличить число 3-дм орудий и 3-линейных пулеметов.

---

³⁹⁵ РГАВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 129. Л. 67.

³⁹⁶ Здесь и далее подчеркивание в оригинале.

В виду изложенного я и вынужден усиленно ходатайствовать о скорейшей присылке нам 32 3-дм пушек и 40 3-линейных пулеметов.

Командант кронштадтской крепости генерал-майор Маниковский.

Командиру Кр[онштадтской] В [оенно]-телеграфной роты. 26 июля

Приказываю обратить особое внимание на нашу телефонную связь с фортами „Николаевским“ и „Алексеевским“. Только в редких случаях удается сразу вызвать их и (*нрзб*) всегда плохо слышно. Надо эти две важнейшие для нас линии содержать в отличном порядке и поворачивать их непрерывно. В них есть кое-какие органические недостатки (в смысле проводки) – надо их немедленно устранить: достать кабель, уничтожить совсем воздушные участки, сделать двухпроводную сист[ему] и т. п. Словом, эта связь должна быть безупречной. И это сделать приказываю немедленно.

Ген. – лейт. Маниковский.

Начальнику гарнизона г. Ораниенбаум. 26 июля

Проезжая сегодня в 4 ч 40 мин дня по Ораниенбауму, я встречал всюду большие толпы запасных нижних чинов безобразно одетых, никому не отдававших чести, мешавших движению, наполнявших все лавки, шумевших и часть выпивших. Отсутствие всякой дисциплины было таково, что мне лично пришлось двоих за шиворот поднять с лесенки и заставить взять под козырек!..

Хотя эти войска мне не подчинены, но район крепости и пункт очень важный для крепости, а потому я считаю необходимым обратить Ваше внимание на указанные беспорядки, к устранению которых прошу принять меры.

Маниковский»³⁹⁷.

А.А. Маниковский был, как говорится, отцом-командиром, прекрасно зная нужды и проблемы подчиненных, он действительно заботился о них. Так, 29 сентября 1914 г. он приказал строителю крепости приступить к постройке на форту «Алексеевский» такого же скромного (деревянного) собрания, какое строилось на форту «Николаевском», отнеся этот расход на мобилизационный кредит. Маниковский отмечал, что «при нынешнем осадном положении, когда все семьи с форта выселены, когда туда прибыла масса новых офицеров (артиллеристы, ополчения, казаки и саперы), битком набивших все квартиры, и когда никакие отлучки с форта не разрешаются, нельзя не дать офицерам форта „Алексеевский“ хотя бы скромных удобств, какие даны на форту „Николаевский“»³⁹⁸.

Затем Маниковский разрешил нижним чинам, отпущенным в увольнение «со двора», при желании напиться чаю беспрепятственный вход в чайные, так как спиртным не торгуют. При этом нижние чины должны вести себя безукоризненно, с полным соблюдением воинского благочиния.

Еще один интересный источник – донесения агентуры крепостного района начальнику Кронштадтского жандармского управления.

Крепостной район Кронштадтской крепости включал в себя:

«На северном берегу Финского залива – С.-Петербургской губернии, С.-Петербургского уезда западную часть Стародеревенской волости и полностью Сестрорецкую волость; Выборгской губернии Эуряпского уезда, Кивенебскую общину и Страндского уезда часть Новокирковской общины»³⁹⁹.

---

³⁹⁷ РГАВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 934. Л. 1–8.

³⁹⁸ РГАВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 739. Л. 93.

³⁹⁹ Кивенеб – ныне Первомайский, Новокирковская община – Уусикиркко, ныне – Поляны.

На южном берегу залива – С.-Петербургской губ., Петербургского уезда – волости Ковашевскую, Копорскую, Воронинскую, Медушскую, Гостилицкую и Ораниенбаумскую⁴⁰⁰».

Записки начальнику кронштадтского жандармского управления от агентуры крепостного района.

«2 января 1916 г.

В связи с бывшим пожаром и взрывом в Морской загородной лаборатории, Кронштадт спешно разгружается от чрезмерно большого запаса взрывчатых веществ, и на полуострове

Лисий Нос в настоящее время приступлено к постройке двух деревянных сараев для помещения в них по 25 000 пудов тротила. 65 000 пудов в настоящее время хранятся частью в лаборатории частью в сараях на безопасном расстоянии, частью в гавани форта Петр сложенный на баржах, частью на форте Павел. Несмотря на отсутствие помещения для хранения тротила и протесты главного командира и коменданта крепости, это ВВ продолжает высылаться в Кронштадт в значительном количестве.

С 24 по 28 дек. 1916 в казармах 1 и 2 кронштадтских крепостных артиллерийских полков и во время праздничных лекций и спектаклей в сухопутном манеже разбрасывались прокламации РСДРП.

11 января 1916 г. Среди нижних чинов форта Алексеевский нарекания на неудовлетворительную пищу и главным образом на плохую одежду и обувь.

29 января 1916 г.

В Ораниенбауме в одном из местных госпиталей компания офицеров перепоила коньяком и водкой сестер милосердия, и некоторые из таковых не смогли на следующий день явиться на службу в госпиталь. О случае этом было сообщено председателю Кронштадтской Морской общины Красного Креста супруге адмирала Макарова, и по распоряжению последней сестры милосердия, принимавшие участие в дебоше, удалены со службы.

27 января 1916 г. Нижние чины Кронштадтской Крепостной мастерской роты злоупотребляют с выдаваемым им казенным хлебом. Много его целыми мешками продают извозчикам для кормления лошадей, а также целыми хлебами продают по дешевой цене посторонним лицам.

7 февраля 1916 г.

Брожение на политической почве среди нижних чинов Кронштадтского гарнизона в значительной степени вызвано тем, что при бывшем коменданте крепости Маниковском⁴⁰¹ нижним чинам якобы было объявлено, что с объявлением войны они будут получать какие-то осадные деньги. Сверх того им будет производиться особый отпуск денег на мыло, сало, табак и прочее, а в последнее время был отдан приказ коменданта крепости о том, что все нижние чины, принимающие участие в казенных работах, будут получать по 20 копеек на человека. Но ни первых, ни вторых денег не выдавали, за исключением табачных денег, выданных лишь в декабре. Все это широко используется партийными пропагандистами и облегчает им распространение среди нижних чинов нелегальной литературы.

7 февраля 1916 г.

3 и 4 сего февраля во время маневров части 745-й пешей Ропшинской и 341-й пешей Петроградской дружин ночевали в селе Большая Ижора Ораниенбаумской волости. Во время ночевки офицеры в одном из домов села всю ночь пьянствовали, что вызвало ропот со стороны нижних чинов.

12 февраля 1916 г.

---

⁴⁰⁰ Примеч. в оригинале: «без земель гор. Петергофа».

⁴⁰¹ А.А. Маниковский в 1915 году был назначен начальником Главного Артиллерийского управления.

Вчера нижние чины 2-го железнодорожного батальона, скалывая лед на пристанях форта „Император Петр“, высказывали свое неудовольствие по поводу того, что за подобные работы они не получают никакого вознаграждения.

[Без даты]

Ты, милая мама, интересуешься знать, как я проводил праздники – Рождество. Могу сказать – довольно хорошо. Гуляли 5 дней подряд. На праздники давали довольно хорошо поесть. Также встречали хорошо Новый год. Одним словом, я доволен остался. Но что теперь. Дают плохую (сверху карандашом – простую) пищу – старую рыбу и грибы – так что ко рту приложить нельзя, но когда начнется пост – тогда придется терпеть. Если можете, то пришлите что-нибудь. Во время поста придется с голоду умирать⁴⁰².

10 марта 1916 г.

В машинной школе Балтийского флота в городе Кронштадте приступлено к выделке удушливых газов для потребностей полевой и морской артиллерии⁴⁰³.

[О прививках от тифа.] Мало интеллигентные матросы в особенности в первом экипаже утверждают, что прививки эти, составляющие немецкое изобретение, умышленно производятся с целью волновать матросов и сделать их физически не способными к труду.

2 апреля 1916 г.

31 марта неизвестная женщина гуляла по Михайловской улице с белой комнатной собачкой. В это время из казармы призванный из запаса канонир 1-го кронштадтского крепостного артиллерийского полка Алексей (или Александр) Егоров, состоящий в прикомандировании к специальной учебной команде в качестве уборщика в столовой, стал выкрикивать по ее адресу различные сальности, предлагая зайти в казарму. Об этом стало известно штабс-капитану, заведывающему учебной командой, носящему немецкую фамилию. Команде было сделано строгое внушение за неприличное поведение, но виновный в таковом не сознался и остался безнаказанным. Подобная выходка со стороны Егорова уже не первая.

6 апреля 1916 г.

Офицеры 334-й пешей Тверской дружины весьма часто по целым ночам в Офицерском собрании играют в карты и пьянствуют. Это хорошо известно командиру дружины полка Плаксину, но мер нет. Нижние чины высказывают нарекания, что их наказывают за малейший проступок, а офицерам дружины все дозволяется.

24 апреля 1916 г.

На финляндском побережье в первом временном госпитале при даче генерала Куропаткина⁴⁰⁴ служит врачом доктор Раскин, который плохо обращается с больными и ранеными, а также неудовлетворительно их лечит. Лично Раскин, проживая в Териоках⁴⁰⁵ вблизи аптеки, широко дает рецепты на получение спирта, за что получает известный гонорар.

2 мая 2016 г.

На валу за 4-й северной казармой нижние чины ежедневно собираются с пяти часов пополудни, а в праздничные дни уже с 10 часов утра, уклоняясь, по-видимому, от посещения церкви. Не только азартные игры, но и спиртные напитки.

Комендант крепости приказал предварительно запереть ворота у 4-й северной казармы, у ассенизационной станции и у мясного склада Морского ведомства. Если одновременно запереть нельзя, то поставить дозоры при унтер-офицерах, которые решительно не должны пропускать, задерживать и обыскивать.

---

⁴⁰² Выписка-перевод из латышского письма, адресованного в Лифляндскую губернию, почтовое отделение Старо-Пебалы Линден-Озельской волости, усадьба Аболканы, П. Якобсону от сына Ивана. Далее есть упоминание, что попытки найти автора этого письма ни к чему не привели.

⁴⁰³ Оказывается, в Кронштадте выделяли «удушливые газы»!

⁴⁰⁴ Дача генерала Куропаткина находилась на территории форта «Ино» («Николаевский») и была перестроена в лазарет.

⁴⁰⁵ Ныне – Зеленогорск.

7 апреля произошли взрывы в заливочной мастерской, по слухам, организованные германскими шпионами, проживающими в Кронштадте. Причем первые два прошли сравнительно благополучно для города и порта, то надо ждать третьего, который принесет больше бед, чем первые два»⁴⁰⁶.

Примерно в таком же духе продолжалась жизнь в Кронштадте в 1915–1916 гг. За исключением того, что продуктов становилось все меньше, а на фронт уходило все больше военных. Кроме того, крепость служила и источником вооружения для фронта. Снимали орудия с фортов и батарей, комендант протестовал, но это не помогало. Было немало проблем и с бытовыми условиями. В одном из документов отмечалось, что в тех частях, «где нет своих бань “забота командиров сводится к выдаче людям на руки денег на баню”. Таким образом, не обеспечивается своевременное мытье людей, предписываю впредь фактически посылать людей в баню не реже двух раз в месяц, уговариваясь о сем с содержателями бань. Выдача банных денег в самых исключительных случаях, и только таким ратникам, относительно коих имеется полная уверенность, что они действительно ходят в баню».

Но главная неприятность заключалась в том, что при всей строгости и сложности люди в Кронштадте, готовые к войне, были лишены возможности в ней участвовать. То есть в большинстве случаев это было бездействие, которое в армии и на флоте является одним из самых страшных врагов дисциплины.

Например, Николай II распорядился выводить в море русские «дредноуты» – линейные корабли типа «Севастополь» – только с его личного распоряжения. Корабли подолгу простаивали в Гельсингфорсе (Хельсинки), а на каждом из них находилось по 1125 человек команды (из них 31 офицер). Какой простор для революционной пропаганды! И она работала очень активно.

Приближался 1917 год.

---

⁴⁰⁶ РГАВМФ. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 547. Л. 3-230.

1917 год в Кронштадте

В первом издании «Большой советской энциклопедии» революция определяется (в применении к классовому обществу) как «коренной переворот в развитии общественных производительных сил и производственных отношений „насильственная ломка устарелой политической надстройки, противоречие которой новым производственным отношениям вызвало в известный момент крах ее“ (Ленин, см. «Большевик», 1940, № 8, стр. 41), перелом в жизни общества и государства, когда низвергается отживший, старый общественный строй и утверждается новый общественный порядок путем насильственного свержения власти отживших государственных классов»⁴⁰⁷.

Но, как любой «коренной переворот», любая революция – это ненависть и жертвы. Один из вечных вопросов – кто виноват? – располагается на краю нашей темы. Но не коснуться его нельзя. То, что случилось в России в 1917 г., на мой взгляд, называется катастрофой, но катастрофой, подготовленной, с одной стороны, безвольным и абсолютно неспособным императором, с другой – кучкой авантюристов, которым нужна была только власть. Примитивно? Может быть, по сути – именно так.

Один из персонажей нашего повествования, поэт и романтик Николай Гумилев, в 1914 г. ушел добровольцем на фронт. Дослужившись до прапорщика, Гумилев дважды был награжден Георгиевским крестом

*Но Святой Георгий тронул дважды
Пулю нетронутую грудь, —*

напишет он в самом начале двадцатых в стихотворении «Память». Таких добровольцев было немало, немало было и тех, кто не желал отдавать свою жизнь «за Дарданеллы». Таким образом, власть сама формировала ряды недовольных, многие из которых были готовы перейти к активным действиям.

Разрозненные большевистские группы Кронштадта осенью 1915 г. объединились в Главный судовой коллектив. Он установил прочную связь с ЦК РСДРП(б) в Петрограде и организациями на кораблях и в частях в Ревеле и Гельсингфорсе. В Кронштадте, как и в других районах России, ситуация ухудшалась с каждым днем. Нехватка продовольствия, топлива, других жизненно важных составляющих создавала обстановку нетерпимости. Главный командир порта и военный губернатор адмирал РН. Вирен 15 сентября 1916 г. писал контр-адмиралу А.Ф. Гейдену: «...достаточно одного толчка из Петрограда, и Кронштадт вместе с судами, находящимися сейчас в Кронштадтском порту, выступит против меня, офицеров, правительства и кого хотите. Крепость – форменный пороховой погреб, в котором догорает фитиль – через минуту раздастся взрыв»⁴⁰⁸. И попытки Вирена пресечь революционную пропаганду результата не принесли.

А в Петрограде отсутствие хлеба вызвало возмущение голодных толп, избиение жандармов, пытавшихся их утихомирить, и настоящий бунт, переросший в революцию. Любопытно письмо, написанное императрицей мужу 25 февраля. Вот фрагмент: «Нужно немедленно водворить порядок. День ото дня становится все хуже. Не могу понять, почему не вводят карточной системы и почему не милитаризуют все фабрики – тогда не будет беспорядков. Заба-

---

⁴⁰⁷ Большая советская энциклопедия. М., 1941. С. 394.

⁴⁰⁸ Цит. по: *Крестьянинов В.Я.* Кронштадт. С. 109.

стовщикам прямо надо сказать, чтоб они не устраивали стачек, иначе их будут посылать на фронт или строго наказывать»⁴⁰⁹. Наивно? Да, но делать действительно что-то следовало.

В Кронштадте тоже было невесело. Р.Н. Вирен и комендант крепости адмирал А.П. Курош пытались изолировать Кронштадт от этих событий, запретив въезд и выезд, а также пользование частным лицам телефоном и телеграфом. Однако в этой стене было немало проломов – на Кронштадтском Пароходном заводе находились рабочие Ижорского завода, имевшие постоянный контакт со своими товарищами в Петрограде. Новости оттуда разносились по Кронштадту очень быстро. И, несмотря на все попытки власти, в Кронштадте началась подготовка вооруженного восстания. Напряженность добавляла стрельба в Ораниенбауме. Как вскоре выяснилось, восстал 1-й запасной пулеметный полк. Утром 28 февраля рабочие Пароходного завода вышли не на завод, а на улицы города, где состоялся очередной митинг.

В этой ситуации Вирен приказал запретить всяческие собрания, а также увольнения на берег. Офицерам было приказано ночевать на кораблях и в казармах.

Военный губернатор Кронштадта Р.Н. Вирен

Но революционная стихия уже захватила матросов и солдат, которые действовали, повинаясь горячим эмоциям, а не холодному рассудку. К 23 часам 28 февраля брожение вылилось в настоящее восстание. Пулеметные очереди, выпущенные солдатами 3-го пехотного полка, стали условным сигналом. Толпы вооруженных людей заполнили еще вчера тихие улицы Кронштадта. Революционные песни, смешанные с нестройными звуками оркестров и хаотичной стрельбой, служили звуковым фоном жуткой апокалиптической картины, освещаемой кострами на перекрестках и площадях. Продвигаясь по городу, опьяненные свободой люди взламывали двери тюрем, увлекая за собой заключенных и всех, кого заражал этот революционный вихрь.

К 2 часам ночи людская лавина достигла Усть-Рогатки, где стояли боевые корабли, экипажи которых присоединились к этому потоку. С офицерами, пытавшимися удержать команды на борту, жестоко расправились на месте. По полицейским в участке на Козьем болоте выстрелили прямой наводкой из трехдюймовой пушки. Шестеро полицейских были убиты, остальные сдались.

⁴⁰⁹ Цит по: *Дубенский Д.Н.* Революция, или Как произошел переворот в России. М., 2017. С. 243.

На следующий день, 1 марта, началось самое страшное. Рано утром толпа матросов и солдат подошла к дому главного командира порта вице-адмирала Р.Н. Вирена и потребовала, чтобы он вышел на улицу. Контр-адмирал Р.Н. Вирен и его единомышленники после капитуляции Порт-Артура предпочли плен добровольной сдаче оружия, хотя многие офицеры дали подписку не воевать против Японии и отбыли в Россию. Этот факт говорит о многом. В 1909 г. в чине вице-адмирала Вирен был назначен на должность главного командира Кронштадтского порта и военного губернатора Кронштадта. В книге морского офицера Гаральда Графа «На Новике», вышедшей в 1922 г. в Мюнхене, о Вирене говорилось следующим образом: «...адмирал вникал во все мелочи жизни города и требовал от всех добросовестного исполнения своих обязанностей. Зато при нем Кронштадт, по порядку и чистоте, стал образцовым городом».

Гаральд Граф хорошо знал Кронштадт: в 1907–1908 гг. он учился в Минном офицерском классе, да и после этого часто бывал в Кронштадте по служебным и семейным делам. Так что он мог сравнивать ситуацию до Вирена и при нем, так как в Кронштадте тот появился в 1909 г.

В советское время Вирену приписывали всяческие издевательства над простыми матросами. Например, в фильме «Мичман Панин» он заставлял бывалого боцмана при народе растегнуть штаны и показать бирку на нижнем белье. Актер Е.Е. Тетерин изобразил адмирала в самом мерзком виде. Вообще тогда считалось, что в царское время «хорошие» офицеры были исключением, а те, что требовали соблюдения дисциплины и порядка, – «плохими». Вирен считался «очень плохим»...

В упомянутой книге Гаральда Графа и других источниках говорится, что Вирена вывели из дома, избивали, оскорбляли, унижали, а когда довели до Якорной площади, уже еле живого и истерзанного, «добили, а тело сбросили в овраг». Однако есть и другая версия тех событий, изложенная вдовой Вирена Надеждой Францевной. Впервые фрагменты ее воспоминаний опубликованы в 1934 г. в Париже в книге А.П. Лукина «Флот. Русские моряки во время Великой войны и революции».

Вот что там говорится: «Вся ночь на 1-е марта прошла без эксцессов, а утром, в шестом часу, морская команда подошла к дому главного командира, прося разбудить его и выйти к ней. Когда доложили о том мужу, нашли его совсем готовым. Одев пальто и фуражку, в перчатках, он вышел на улицу; поздоровался с командой, и та ответила ему по уставу, титулуя его „Ваше Высокочество“. Затем команда его окружила, и все вместе, скорым шагом, пошли по направлению к Морскому собору. Сколько можно было узнать из расспросов, муж что-то говорил команде, и ближайшие его слушали, как вдруг раздались два выстрела, и он упал, смертельно сраженный ими в спину».

Когда Вирена увели, в его дом вошли вооруженные матросы, руководимые «вожаком», которому Надежда Францевна дала весьма точную характеристику: «Молодой, маленького роста, в фуражке с козырьком, в бушлате, при сабле и орденах и с Анненской лентой через плечо, вожак этот, судя по нескольким погрешностям в терминах, оставил впечатление агитатора не из кронштадтской среды, не из матросов. [...] Он был криклив, вульгарен, но увещевал матросов не грабить и, очевидно, пользовался авторитетом».

Вожак заявил: «Не бойтесь, мадам. Мы женщин не трогаем. Мы ищем оружие и боремся за свободу». При этом он старался еще успокоить Надежду Францевну, объяснив, «что во избежание кровопролития они решили арестовать офицеров». Г. Граф справедливо отмечал: «Для всех было ясно, что все эти эксцессы были вызваны искусственно, под влиянием агитации, совершены подосланными убийцами, а не вспышкой негодования за отношение начальства к подчиненным».

Кроме Вирена убиты комендант вице-адмирал А.П. Курош, начальник штаба крепости контр-адмирал А.Г. Бутаков, начальник учебно-артиллерийского отряда контр-адмирал Е.Н. Одинцов, командир 1-го флотского экипажа генерал-майор Н.В. Стронский, начальник Учебного Минного отряда контр-адмирал Н.Г. Рейн, командир саперной бригады генерал Волков,

несколько десятков только флотских офицеров, около 500 арестованы. Тела убитых сбросили в доковый овраг.

Утром 1 марта 1917 г. на Якорной площади многотысячный митинг избрал новую власть в Кронштадте – Комитет движения, состоящий из семи человек (основном это были члены партий эсеров и социал-демократов): председатель – студент, народный социалист Ханок, члены: матросы В.М. Зайцев и Ф.В. Громов, солдат С.С. Гридюшко, рабочий Калабушев, лейтенант Глазко, военный инженер Красовский. На Якорной площади 3 марта состоялись похороны жертв Февральской революции – участников восстания, затем были военный парад, панихида по усопшим и, разумеется, еще один митинг.

В тот же день, 3 марта, в Кронштадт прибыл комиссар Временного правительства В.Н. Пепеляев, которого гарнизонное собрание избрало председателем нового исполнительного органа – «Совета десяти». 4 марта были избраны депутаты в Совет рабочих депутатов, а 5-го числа на первом заседании Совета его председателем избрали рабочего Ф.П. Серова, а также исполнительный комитет в составе десяти человек. Первым решением Совета стало введение на предприятиях Кронштадтского порта и Пароходном заводе 8-часового рабочего дня и некоторое повышение заработной платы. Семьи рабочих, остро нуждающихся в жилье, переселили из подвалов в квартиры арестованных и убитых сторонников старого режима.

Был создан и Совет военных депутатов, поначалу действовавший отдельно от рабочих, но после 21 марта они объединились в Кронштадтский совет рабочих и солдатских депутатов. В этот же день была реквизирована типография газеты «Кронштадтский вестник», где стали печатать «Известия Кронштадтского совета».

Однако отношения с Временным правительством оставались весьма напряженными из-за кровавых расправ 1 марта, вызвавших у многих в Петрограде резкое осуждение.

Похороны жертв Февральской революции

Демократическая общественность пыталась добиться освобождения части арестованных офицеров, но Кронштадтский совет оставался непреклонным.

Кроме того, Временное правительство настаивало на своем праве как верховной власти назначать военное командование крепости и комиссара. Но 15 марта на заседании Совета воен-

ных депутатов комендантом крепости избрали генерала Герасимова, начальником всех морских сил – старшего лейтенанта П.Н. Ламанова.

Таким образом, Кронштадтский совет фактически стал единственной властью в городе, а его распоряжения – обязательными для коменданта и начальника морских сил. Но 10 марта Временное правительство предложило кронштадтскому гарнизону и судам присягнуть в верности Временному правительству. В ответ Кронштадтский совет послал телеграмму: «Свободному народу присягать не нужно. Не народ должен дать присягу верности Временному правительству, а Временное правительство народу»⁴¹⁰.

Старший лейтенант П.Н. Даманов

Однако и Кронштадтскому совету наладить нормальную жизнь в Кронштадте не удалось. Ситуация осложнялась с каждой неделей, с каждым днем и с неудачами на фронтах Первой мировой войны и проблемами с продовольствием. И к началу июля все это вылилось в бунт солдат 1-го пулеметного полка в Петрограде, в котором кронштадтцы приняли самое активное участие. По возвращении в Кронштадт их ждало расследование, проведенное специальной следственной подкомиссией. О том, что предшествовало походу кронштадтских частей в Петроград и чем все это закончилось, лучше всего рассказывают уникальные документы, хранящиеся в ЦГИА СПб, – протоколы и постановление следственной подкомиссии.

---

⁴¹⁰ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 112.

Митинг на Якорной площади 4 июля 1917 г.

Постановление подкомиссии:

«1917 года сентября 5 дня в Петрограде Следственная подкомиссия по расследованию действий морских частей и команд в связи с вооруженным выступлением 3–5 июля с. г. в составе Председателя полковника Семенова и членов: товарища прокурора Петроградского окружного суда, Земеля, и. д. помощника военно-морского прокурора Тюменева, прапорщика запасного электро-технического батальона Фесюкова и представителей от Центрального Комитета Российского военного флота матросов: Гвардейского экипажа Моругия и Семенова и Каспийской флотилии Наварука, рассмотрев настоящее следственное производство, нашла следующее:

С. Г. Рошаль

В первые же дни после Государственного переворота, в марте 1917 г. в Кронштадте началась усиленная пропаганда свержения Временного правительства и передачи власти Советам Рабочих и Солдатских депутатов. Эту пропаганду вели приезжавшие из Петрограда ораторы, которые, собирая на Якорной площади митинги, произносили свои демагогические речи. Одним из первых ораторов, явившихся в Кронштадт, был студент Психоневрологического института Рошаль. Никому не известный до того времени в Кронштадте и представивший в удостоверение своей личности мандат комитета Выборгского район РСДРП, Рошаль очень скоро завоевал симпатии кронштадтцев, которые, слушая его речи на Якорной площади с призывом свержения Временного правительства, трижды делали в его пользу денежный сбор, так как Рошаль, по выражению одного из свидетелей, явился в Кронштадт „форменным золоторотцем“. Затем Рошалю по требованию команды учебного судна „Освободитель“ (бывш. „Рында“) было отведено на этом судне помещение, где кроме него жили еще „товарищ Кирилл“, Раскольников и какое-то неизвестное лицо. Кроме того, Рошаль был зачислен на казенный пароходный завод в Кронштадт, откуда получал ежемесячно по 225 рублей жалованья, хотя работой не занимался. Пропагандируя идеи большевизма среди Кронштадтских масс, а также среди сухопутных и морских частей Кронштадта, Рошаль, организовавший издательство газеты „Голос правды“, не был единственным представителем большевиков в Кронштадте. Кроме него на митингах с речами о необходимости вооруженного выступления с целью свержения Временного правительства и передачи власти советам рабочих и солдатских депутатов выступали товарищ Кирилл Орлов, матрос команды машинной школы Федор Громов баталер судна „Хопер“ Павлов, член Кронштадтского Исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов Любович, Ярчук, мичман Раскольников и анархист Блейхман.

С апреля 1917 г. в Кронштадте началась пропаганда „братания“. На одном из митингов приехавшие с фронта делегаты просили поддержать фронт посылкой маршевых рот, но им возражали Рошаль, Павлов и Орлов, указывая в своих речах, что братание – это единственный способ кончить войну. Тогда же имел место случай, что под влиянием речей Рошалья морские команды Кронштадта не исполнили приказ Командующего флотом об отправке специалистов в действующий флот. По словам свидетеля Гинермана, в это время в Кронштадте среди матросов и солдат царило такое настроение, что не только слово „наступление“, но даже слово „оборона“ нельзя было произнести открыто, опасаясь физического насилия. Бывали случаи, что идейные социалисты подвергались со стороны большевиков оскорблениям только за то, что смели произносить слово „наступление“. В некоторых командах по предложению большевиков солдаты вынесли резолюцию: каждого, кто произнесет слово „наступление“, немедленно арестовать и отправлять на фронт в передовую линию. Сочувствуя идеям Циммервальда⁴¹¹, являясь противником активных действий на фронте, масса кронштадтских моряков, солдат и рабочих торжественно встречали приехавших в Кронштадт Р. Гримма⁴¹² и А.И. Балабанову⁴¹³.

Пропаганда Рошалем большевистских идей была настолько успешной в Кронштадте, что вступивших в эту партию оказалось так много, что при переизбрании Совета партия большевиков в нем захватила первое место. Безответственная агитация большевиков привела к тому, что многие солдаты и матросы пошли по пути анархии, и кронштадтский большевизм, прини-

---

⁴¹¹ Международная социалистическая конференция левых социалистов в швейцарской деревне Циммервальд 5–8 сентября 1915 г., ставила себе целью объединить все революционные элементы социалистического движения. На конференции была образована постоянная интернациональная социалистическая комиссия с временным секретариатом в Берне. Впоследствии к Циммервальдскому союзу присоединилось более двадцати партий и партийных меньшинств; объединение просуществовало вплоть до I Конгресса Коминтерна в 1919 г., на котором объявило себя распущенным.

⁴¹² Роберт Гримм (1881–1958) – швейцарский социал-демократ, политик и публицист.

⁴¹³ Анжелика Исаковна Балабанова (1878–1965) родилась в Харькове, с 1897 г. жила за границей, участвовала в Циммервальдской конференции как представитель ЦК итальянской социал-демократической партии.

мая уродливые формы, дал возможность недовольным тактикой большевиков перейти к анархистам, которые к этому времени успели упрочить свое положение в Кронштадте, захватив под свой клуб офицерские квартиры рядом с помещением исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов, и устраивать широкую пропаганду анархистских идей среди матросов, солдат и рабочих. Обычным местом для митингов в Кронштадте являлась Якорная площадь. Почти ежедневно с пяти-шести часов вечера на площади собирались тысячи матросов, солдат и рабочих и в течение почти всей ночи шли митинги, на которых выступали, главным образом, большевики и анархисты. На этих митингах выносились иногда бессмысленные в политическом отношении резолюции, вроде таких, как, например: Учредительное собрание должно состояться в Кронштадте, как и здесь должен состояться следующий Всероссийский фронтовой съезд. И т. д. Такие же резолюции, как немедленная передача всей власти Советам рабочих и солдатских депутатов, являлись уже несколько трафаретными, т. к. не было почти ни одного митинга, на которых лидеры большевиков, в самых резких выражениях обвиняя министров Временного правительства, в том числе и министров социалистов, что все они продались буржуазии, не предлагали бы митингу арестовать Временное правительство и немедленно передать всю власть Советам. Настойчивая агитация большевиков в лице их лидеров Рошалья и Раскольниково о необходимости свержения Временного правительства и передачи власти Советам рабочих имела в результате то, что к 10 июня с. г. страсти в толпе разгорелись настолько сильно, что толпа решила отправиться в Петроград с оружием и требовать передачи власти Советам. Узнав об этом, Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов употребил все меры, чтобы удержать массу от выступления. Состоялось очень бурное заседание Совета, где большевикам было высказано много горьких упреков за их вредную агитацию и категорически заявлено, что такое вступление недопустимо, а так как виновниками настроения массы являются большевики, то они и должны немедленно принять меры к тому, чтобы не допустить вооруженного выступления в Петроград. Выступление тогда не состоялось, и все успокоились, но через некоторое время большевики, а главным образом Рошаль и Раскольниково, опять начали агитацию за прежние свои лозунги, и к 3 июля настроение масс стало тревожным.

3 июля с. г. около 4 часов дня в заседание Кронштадтского Исполнительного Комитета явились два делегата от 1-го запасного пулеметного полка и с ними неизвестный матрос. Они предъявили Исполнительному Комитету свой мандат, написанный безграмотно на листе почтовой бумаги на всех троих. На мандате имелась подпись членов комитета пулеметного полка и оттиск комитетской печати. Тогда же эти делегаты заявили, что 1 – й пулеметный полк совместно с другими частями гарнизона и рабочими выступает в тот же день в Петроград вооруженными с лозунгами „Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов“, причем делегаты говорили о необходимости вооруженной поддержки Петроградского гарнизона и со стороны кронштадтцев. Председатель совета унтер-офицер Покровский ответил делегатам, что кронштадтцы не выступят впредь до получения соответствующих директив из Центрального Исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов, на что делегаты, упрекнув Покровского в поддержке им буржуазии, возразили, что для них мнение Исполнительного комитета не важно и они лично обратятся к массам. Названные делегаты произвели на Исполнительный комитет впечатление „диких“, мало сознательных и безграмотных в политическом отношении людей. Тогда же решено было их задержать, но делегаты вскоре незаметно вышли из помещения Исполнительного комитета и направились в сухопутный манеж, где в это время анархист Ярчук читал лекцию на тему „Война и мир“. Явившиеся туда делегаты попросили слово и, обратившись к аудитории, начали говорить, что их полк выступил на улицах Петрограда, что, может быть, там уже льется кровь. А кронштадтцы сидят и занимаются чтением лекций, причем делегаты требовали от кронштадтцев вооруженной поддержки своему полку. Эти речи вызвали сильное волнение среди присутствующих, начались крики о необходимости

немедленного выступления, и Ярчук, указав кричавшим, что не могут же они одни выступить, предложил им послать в Совет делегацию и выяснить, в чем дело. Толпа хлынула на Якорную площадь, а делегация от митинга пошла в Исполнительный комитет, где и заявила требование о поддержке делегатов-пулеметчиков. К этому времени в Кронштадте действительно были получены из Петрограда сведения, что из состава Временного правительства вышли кадеты-министры и что пулеметный полк с оружием выступил на улицу. Тогда же Исполнительный комитет выслал на Якорную площадь Рошалья, Раскольниковова, Ярчука и Брушвита с извещением об указанных событиях в Петрограде. Между тем на Якорную площадь прибывали все новые и новые толпы солдат, матросов и рабочих, извещенных о предстоящем митинге „летучками“, и вскоре их собралось около 8-10 тысяч человек. На трибуну вышел делегат пулеметного полка и, обратившись к толпе, говорил, что 1-й пулеметный полк уже выступил при поддержке других полков с целью свергнуть Временное правительство и передать власть Советам. „Мы решили лечь костями на улицах Петрограда, но добиться своей цели“, – закончил такими словами свою речь делегат.

Рошаль предложил послать в Петроград делегатов с целью выяснить. Однако толпа, „наэлектризованная“ предыдущими ораторами, требовала немедленно взять оружие.

Голосованием решили выступать, вызвали суда из Бьерке. На следующий день в 6 утра решили собраться с оружием и выступить в Петроград с лозунгом „Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов“.

4 июля в 6 часов утра раздался гудок, и большинство морских и сухопутных частей Кронштадта выступили вооруженные на Якорную площадь. Туда же прибыли вооруженные рабочие. Отправкой частей на пристани для посадки на суда руководили Раскольников и Рошаль, которые предварительно обратились к собравшимся с речами о необходимости выступления.

В половине седьмого было получено секретарем Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов Беляевским из Центрального совета рабочих и солдатских депутатов категорическое запрещение всяких выступлений. Когда Беляевский хотел огласить это постановление ЦК партии собравшимся на Якорной площади войскам, то ему было заявлено, что оглашать уже поздно, т. к. часть гарнизона уже уехала, а остальных удержать этим нельзя. Беляевский был очень удивлен, что среди выступавших в Петроград в том числе оказался санитарный отряд, которым руководил доктор Дешевой. По дороге в Петроград кронштадтцы были встречены буксиром, на котором находился член Исполнительного Комитета Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Евстигнеев. Он убеждал кронштадтцев вернуться домой, т. к. их никто не вызывал в Петроград, где все спокойно, но его не послушали, и буксиры двинулись вперед. По прибытии в Петроград кронштадтцы начали высадку у Николаевского моста. Это было около 10 час утра. К этому времени у пристани на Вас. острове собрались рабочие и работницы трубочного завода. Кронштадтские матросы, солдаты и рабочие на обращаемые к ним вопросы публики, зачем они приехали, отвечали: „Товарищи вызвали, пришли помочь, сделать в Петрограде порядок, буржуи здесь слишком разошлись“. Пока кронштадтцы строились на набережной в колонны, к пристаням подходили новые буксиры, а затем и пароход „Котлин“, переполненный вооруженными матросами и солдатами. На каждом буксире развевались красные флаги и знамена с большевистскими лозунгами. На одном буксире прибыли анархисты с черным знаменем. На набережной среди прибывших матросов и солдат в это же время велась агитация о немедленном свержении Временного правительства, даже если бы это потребовало применения вооруженной силы и пролития крови. Эта агитация не только не вызвала противодействия со стороны вооруженных матросов и солдат, а наоборот, они относились к словам безответственных уличных агитаторов сочувственно, причем задавали вопросы вроде таких: как чувствовала себя буржуазия накануне во время стрельбы на улицах, участвовали ли во вчерашней демонстрации все воинские части Петрограда. Построившись на набережной в колонны, кронштадтцы двинулись не по маршруту, выработанному

в заседании Исполнительного комитета, а по направлению к особняку Кшесинской, где помещался центральный комитет РСДРП и военная организация при этом комитете.

Представитель партии социалистов-революционеров Беляевский и другие выразили по этому поводу протест, но Раскольников и Дешевой им ответили, что маршрут изменен потому, что у дома Кшесинской на Каменноостровском проспекте их ожидают войска Петроградского гарнизона с броневиками. Действительно, встретивший кронштадтцев в Петрограде большевик Любович дал перед этим руководившему выступлением Раскольникову инструкцию идти к особняку Кшесинской. Когда колонна подошла к особняку Кшесинской, то находившийся на балконе этого дома Свердлов крикнул шедшему впереди колонны Раскольникову: „Тов. Раскольников, постепенно подводите сюда части, чтобы все могли услышать речи ораторов, которые будут говорить с балкона. Когда демонстранты пройдут мимо Центрального Комитета, сюда приедут вооруженные броневики, и тогда мы все отправимся к Таврическому дворцу и в самой категоричной форме изъясим наше требование. Пусть тогда нам отвечают“. После этого Свердлов обратился к кронштадтцам с небольшой речью, носившей характер приветствия авангарду русской революции, в трудную минуту прибывшему в Петроград на защиту дела революции с целью свержения ненавистного пролетариату буржуазного Временного правительства, ведшего к гибели страну Следующим выступил Луначарский. Его речь вызвала шумное одобрение. Затем в толпе воцарилась тишина, т. к. с балкона заявили, что сейчас выйдет Ленин и произнесет речь. Появление на балконе Ленина было встречено бурными рукоплесканиями. Ленин говорил недолго. Он заявил, что болен, но в столь важный момент, несмотря на болезнь, считает своим долгом приветствовать кронштадтских матросов и солдат, стоящих на страже революции. Далее Ленин говорил, что счастлив видеть то, что происходит, как теоретический лозунг, брошенный два месяца тому назад о переходе всей власти советам рабочих и солдатских депутатов, претворяется сейчас в жизнь. После речи Ленина Раскольников отвел в сторону первую часть вооруженных матросов, прослушавших речи большевиков, и к особняку Кшесинской начали подходить новые группы матросов и солдат. Затем от особняка Кшесинской кронштадтцы направились через Троицкий мост к Таврическому дворцу. Путь их лежал через Марсово поле, по Садовой улице, Невскому проспекту и по Литейному проспекту. Когда голова вооруженных кронштадтцев подошла к Пантелеймоновской улице, то вдруг откуда-то послышалась стрельба. В рядах кронштадтцев произошла невообразимая паника: некоторые, схватившись за винтовки, открыли стрельбу вверх, другие, попадая на землю, начали ползком пробираться к подъездам, чтобы укрыться от пуль. Когда стрельба затихла и руководителям выступления удалось построить ряды, то последние уже не имели прежней стойкости: матросы, солдаты и рабочие, все смешались, а многие шли по панелям, требуя, чтобы во всех домах открывались окна и форточки⁴¹⁴. Тогда же по распоряжению Раскольникова были оцеплены те дома, в районе которых раздались выстрелы, и на помощь кронштадтцам приехали грузовые автомобили с пулеметами, чтобы помочь обнаружить виновников стрельбы. Подойдя к Таврическому дворцу, кронштадтцы были встречены громкими возгласами «Ура!» находившегося здесь 1-го пулеметного полка. Члены организационной комиссии с Раскольниковым вошли во дворец. Через некоторое время Раскольникову было сообщено, что кронштадтцы арестовали министра Чернова. Вбежав на крыльцо Таврического дворца, Раскольников увидел, что товарищи ведут Чернова к автомобилю. Расталкивая толпу, Раскольников приблизился к арестованному Чернову и, шепнув ему на ухо, что ни в коем случае не допустит его ареста, начал успокаивать толпу. Однако шум продолжался, и только вскочившему на автомобиль Троцкому

---

⁴¹⁴ Врач Дешевой показал: «Настроение было праздничное, только на Литейном произошел инцидент. Каждому эта история представляется по-своему. Я шел в первом ряду – раздались два выстрела, после чего началось замешательство, мы стали успокаиваться. Но в это время послышался пулемет. Все полегли на панель и лежали несколько минут, постепенно расползлись по дворам и в двери. Приехал потом бронированный автомобиль и обстреливал дом, из которого стреляли. Стреляли ли свои, не могу сказать».

путем обращения к толпе удалось отстоять Чернова, который и был освобожден. После этого Раскольников предложил бывшим у дворца матросам вернуться в Кронштадт, а оставшихся разместить в Гренадерском полку, в Морском училище, Гардемаринских классах, Дерябинских казармах и особняке Кшесинской, где помещалась военная организация при ЦК РСДРП. Утром, придя в военную организацию, Раскольников был избран комендантом особняка Кшесинской, и тогда же им было направлено в Кронштадтский Исполнительный Комитет на бланке Военной организации при ЦК РСДРП отношение следующего содержания: „Прошу Исполнительный комитет выдать разрешение товарищам Николаю Платонову и Игнатию Селицкому на получение нескольких 4-дм орудий из 1-го Кронштадтского крепостного полка и на получение ручных гранат из минной лаборатории. Эти боевые средства нужны для самозащиты частей Кронштадтского гарнизона, находящегося в Петрограде, на случай могущего быть нападения со стороны контрреволюционных сил. Мичман Раскольников“.

Аналогичное требование, по словам Раскольникова, о высылке трех 47-мм орудий было послано и на Морской полигон.

Как видно из протокола заседания Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов от 5 июля с. г., в коем стенографически воспроизведены все речи членов Совета, означенное выше отношение мичмана Раскольникова о высылке орудий и ручных гранат обсуждалось в заседании Совета, причем посланный Раскольниковым тов. Селицкий обратился к Совету со следующими словами: „Мы посланы, чтобы просить о помощи, которую Кронштадтский гарнизон может оказать нашим товарищам, оставшимся в Петрограде. Против нас идут казаки и Преображенцы. Они успели занять Николаевский мост, развести его и поставить пулеметы. Выборгская, Петроградская стороны и район у Таврического дворца заняты нашими войсками. Ночью хотели атаковать ЦК, но это им не удалось. В ЦК находится большинство Кронштадтского гарнизона, и было решено оказать сопротивление. Нас послали с просьбой, если сочувствуете, окажите посильную помощь и не откажите послать артиллерию в числе хотя бы 4 орудий, чтобы дать отпор броневикам, которые пытаются напасть на Комитет. Мы просим также о посылке ручных гранат“. Затем произнес речь Ремнев: „Раньше, чем сюда идти, я шел с известным мнением, т. к. половина моей команды осталась во дворце Кшесинской и они окружены. Это я говорю не под влиянием этой бумажки. У меня раньше составилось мнение. Я предлагаю поехать к дворцу Кшесинской поближе, чтобы взять наших товарищей, из которых много раненых. Я должен ехать привести свою команду. Я возьму пулемет и поеду освободить свою команду“.

При дальнейшем обсуждении вопроса о посылке орудий представитель большевиков товарищ Попов заявил, что ЦК большевиков постановил присоединиться к ЦК Съезда и выступление прекратить, пока не соберутся члены Исполнительных комитетов и не примут то или иное решение. Хотя власть находится фактически в руках Совета рабочих и солдатских депутатов и министры являются ответственными исполнителями перед Советом, но вместе с этим существует полная диктатура генерала Половцова⁴¹⁵, который распоряжается всем от имени Временного правительства, и, по-видимому, будет настаивать на аресте кронштадтцев, которые единогласно постановили не выходить, пока не сломят настойчивого желания противника. Поэтому и надлежит решить вопрос о помощи товарищам. Когда же председательствующий в Совете предложил высказаться по этому вопросу представителям фракций, то от фракции большевиков выступил врач Дешевой и заявил: „Наша фракция, обсудив просьбу Раскольникова, пришла к такому решению: мы должны думать о безопасности наших товарищей кронштадтцев, поскольку они просят помощи. Тов. Раскольников не такой человек, который будет просить помощи зря. Мы должны послать помощь, но мы должны послать еще

---

⁴¹⁵ Петр Александрович Половцов (1874–1964) – с 22 мая 1917 г. главнокомандующий войсками Петроградского военного округа.

делегатов, которые заявили бы, что мы противники кровопролития, что мы стоим на точке зрения постановления ЦК, что вопрос о власти пока не может решаться. Мы посылаем свою делегацию, чтобы оградить своих товарищей от посягательства на них, чтобы на них не было совершено нападения. Приехавшие делегаты говорят, что положение угрожающее. Половцов назначен главнокомандующим, и можно ожидать, что наши товарищи будут насильно разоружены и что против воли может пролиться кровь. Надо принять меры. Эти меры мы видим в посылке пушек, которые они просят, и в посылке делегации“. В дальнейшем Дешевой заявил: „Может, мы пошлем делегацию и приведем в полную боевую готовность орудия, чтобы в случае надобности двинуть их. Мы ставим условием, чтобы орудия были в полной боевой готовности“. Однако на заседании Совета вопрос о высылке орудий был разрешен отрицательно, и Совет постановил послать делегацию в Петроград, на которую было возложено поручение, переговорить с ЦК Совета, чтобы последний „приказал“ Половцову пропустить кронштадтцев при оружии на пароход. Делегатами были избраны от С-Р Шугрин и Донской, от большевиков – Ремнев и Титов, от меньшевиков – Соколов и Балясников, от беспартийных – Богомоллов и Бородин.

В тот же день, т. е. 5 июля, утром к тов. Председателя Исполнительного комитета Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов Покровскому пришел какой-то солдат из союза шоферов и сообщил, что с форта „Риф“ требуют по телефону высылки двух грузовых автомобилей для перевозки с названного форта в Петроград 4-дм пушек. К тому же времени к Покровскому позвонили с форта „Тотлебен“ и спрашивали, надо ли отправлять пушки в Петроград в помощь демонстрантам. Понимая создавшуюся опасность положения, Покровский тогда же разослал по фортам и начальствующим лицам телефонограмму след. содержания: „Без особого распоряжения Исполнительного Комитета никаких выступлений и распоряжений относительно предметов боевого снаряжения не делать“. Это распоряжение фортами и было исполнено.

Между тем в Петрограде происходило следующее: Раскольников, Рошаль и Ярчук, придя к решению, что все кронштадтцы должны вернуться домой, объехали на автомобиле казармы, в которых разместились оставшиеся, и с ними выработали условия, при исполнении которых кронштадтцы согласны были уехать из Петрограда. Эти условия были следующими: 1. Все арестованные кронштадтцы должны быть освобождены. 2. Все отобранное у них оружие возвращается и 3. Кронштадтцам гарантируется безопасное возвращение из Петрограда в Кронштадт. Вернувшись в особняк Кшесинской, Раскольников, Рошаль и Ярчук встретили здесь делегацию, посланную в Центральный Исполнительный комитет Кронштадтским советом рабочих и солдатских депутатов с поручением вернуть всех кронштадтцев домой на тех же условиях. Вместе с делегацией Раскольников, Рошаль и Ярчук отправились в Таврический двор[ец]. Здесь их встретил председатель военной комиссии Центрального Исполнительного Комитета Либер и поставил им ультимативное требование, чтобы через два часа кронштадтцами было сдано все оружие. На это делегаты заявили, что они поставлены в безвыходное положение, т. к. дать ответ в назначенный Либером 10-минутный срок они не могут, не посоветовавшись ни с Исполнительным комитетом, ни с товарищами кронштадтцами, а потому и снимают с себя всякую ответственность. „Наши переговоры закончены, мы также снимаем с себя всякую ответственность“, – сказал Либер. После этого мичман Раскольников уехал ночевать к тов. Каменеву, а 6 июля утром отправил товарищам-кронштадтцам следующую инструкцию:

1. Никому не выходить на улицу, тем более с оружием в руках.

2. По требованию вооруженного войска, уступая силе, немедленно сдавать все оружие. 3. Вступить в самую тесную связь и действовать в полном согласии с Комитетами и солдатскими массами тех частей, где расквартированы товарищи кронштадтцы, и 4. Обсудить на местах вопрос о возвращении в Кронштадт. Однако кронштадтцы начали возвращаться отдельными

группами уже 4-го июля, после перестрелки на Литейном проспекте. Настроение их было подавленное, и чувствовалось озлобление против руководителей вооруженного выступления.

По словам свидетеля члена Исполнительного комитета Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов Иогана Неймана, после того как выступление кронштадтцев постигла неудача, местные большевики хотели во что бы то ни стало убедить всех, что постановление о вооруженном выступлении было принято не случайным собранием в ночь на 4 июля, а всем Исполнительным комитетом совместно с делегатами частей. И в этом смысле они даже составили резолюцию, предлагая всем членам Исполнительного комитета подписать ее, но это не удалось.

На основании изложенного Следственная подкомиссия находит, что мичман учебного судна „Освободитель“ Федор Раскольников (он же Ильин), граждане Семен Рошаль, Иосиф Гурвич (он же Веник), Хаим Ярчук, зауряд врач учебного судна „Заря Свободы“ Лазарь Брегман, военный врач Дешевой, матрос команды машинной школы Федор Громов и прапорщик 703-го пехотного Сурожского полка Афанасий Ремнев изобличаются в том, что по соглашению между собой задумали насильственным путем низвергнуть установленное в России Временное правительство, облеченное всей полнотой Верховной власти, и передать всю власть Советам рабочих и солдатских депутатов, во исполнение чего Раскольников, Рошаль, Ярчук, Гурвич, Громов в период времени с марта по июль 1917 г. в г. Кронштадт, действуя сообща, на митингах на Якорной площади открыто призывали солдат рабочих и матросов к вооруженному выступлению против Временного правительства с целью низвержения его, а 3 июля названные лица там же на митинге прямо призывали к немедленному выступлению с оружием в руках в Петроград для поддержки выступившего с указанной выше целью Петроградского гарнизона, последствием какового призыва тогда же было принято митингом решение о немедленном вооруженном выступлении в Петроград частей Кронштадтского гарнизона совместно с рабочими.

2. Раскольников, Рошаль, Ярчук, Ремнев, Дешевой и Брегман для обсуждения вопроса об организации вышеозначенного выступления созвали в ночь на 4 июля в Кронштадте заседание Исполнительного комитета кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов и, пригласив на это заседание представителей воинских частей, высказались в своих речах перед собранием о необходимости немедленного выступления кронштадтского гарнизона для поддержки выступавших уже в Петрограде частей гарнизона с целью свержения временного правительства и передачи власти Советам рабочих и солдатских депутатов.

Те же лица после разрешения вопроса о вооруженном выступлении приступили к обсуждению вопросов по организации выступления, вооружения и о средствах перевозки выступавших солдат, матросов и рабочих. Послали от имени исполнительного комитета телеграммы на учебные суда в Бьорке и Транзунд о немедленном прибытии этих судов в Кронштадт для присоединения к выступавшим в Петроград частям. Кроме того: Раскольников в доказательство необходимости немедленного выступления в Петроград огласил на том же заседании полученную им из Петрограда от члена Центрального исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Флеровского, состоявшего в партии большевиков, телефонограмму о кризисе власти и о предпринятой в связи с этим дальнейшей деятельности рабочей секции, направленной на передачу всей власти Временного правительства Всероссийскому съезду советов рабочих и солдатских депутатов. Он же, Раскольников, составил и подписал телефонограмму с предложением воинским частям собраться в 6 часов утра 4 июля с оружием в руках на Якорной площади с целью выступления в Петроград для совместной с войсками Петроградского гарнизона вооруженной демонстрации под лозунгом „Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов“, каковая телефонограмма была распространена по отдельным частям гарнизона. Наконец 5 июля мичман Раскольников послал из Петрограда на бланке Военной

организации при ЦК РСДРП требование о доставлении для выступавших под его руководством частей Кронштадтского гарнизона нескольких 4-дм орудий и ручных гранат.

Брегман, участвуя на означенном заседании в качестве председателя такового с целью снабжения боевыми припасами выступавших в Петроград кронштадтцев, отправил за своей подписью на имя коменданта кронштадтской крепости требование о выдаче пропусков делегатам Исполнительного комитета, командированным в Артиллерийский склад для получения патронов, а также требование в Артиллерийский склад о высылке Исполнительному Комитету 60 500 боевых патронов, каковые патроны по получении их и розданы выступавшим воинским частям и рабочим.

Военный врач Дешевой тогда же в качестве делегата Исполнительного Комитета с требованием последнего о высылке 60 500 боевых патронов ездил за означенными патронами в Артиллерийский склад, каковые патроны по получении их из склада были розданы 4 июля выступавшим в Петроград солдатам, матросам и рабочим.

Вследствие всего вышеизложенного 4 июля часть гарнизона и рабочих Кронштадта в числе нескольких тысяч человек под главным руководством Раскольников и Рошала, с целью насильственного свержения Временного правительства и передачи всей власти Советам рабочих и солдатских депутатов действительно выступила в Петроград вооруженной, пошла к Таврическому дворцу и приняла участие на улицах Петрограда в перестрелке, последствием коей были убитые и раненые.

Означенное деяние вышеупомянутых лиц предусмотрено ст. 51 и 100 Уголовного Уложения, а потому следственная подкомиссия ПОСТАНОВИЛА: мичмана Ф. Ильина (он же Раскольников), граждан: Семена Рошала, И. Гурвича (Веник), Х. Ярчука. Брегмана, Дешевского, А. Ремнева привлечь к настоящему делу в качестве обвиняемых, предъявив им обвинения в деянии, предусмотренном ст. ст. 51 и 100 Уголовного уложения»⁴¹⁶.

В качестве меры пресечения способов уклоняться от следствия был выбран залог в три тысячи рублей, и за Расколькова он был внесен.

Итак, большая часть кронштадтцев вернулась на остров, и после этих событий в Петрограде леворадикальные партии перешли на полулегальное положение, а правительство закрыло часть газет. Даже разрабатывался проект упразднения Кронштадтской крепости, вывода из нее частей и артиллерии на фронт.

По требованию Временного правительства под угрозой недопущения в Кронштадт топлива и продовольствия 14 июля на кораблях были подняты Андреевские флаги, а в Кронштадт прибыл новый комендант крепости, капитан 1-го ранга Тырков, в сопровождении 200 человек отряда самокатчиков. Форт «Красная горка» был занят кавалерийскими частями 5-й армии, вызванными с фронта. Но окончательно «навести порядок» на острове Котлин так и не удалось.

Свергнуть Временное правительство в июле не получилось, но не пройдет и трех месяцев, и власть перейдет в руки большевиков. Потом им удастся разрушить все до основания, но построить новый мир – не получится.

---

⁴¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 33. Л. 95–103.

Глава V

Кронштадт советский

Кронштадт после 1917 г.

Итак, «революция, о необходимости которой все время говорили большевики, – совершилась!». В Кронштадте об этом узнали, разумеется, на следующий день, и на заседании Совета рабочих и солдатских депутатов товарищ председателя Совета Пышкин заявил, что «власть фактически перешла в руки народа... В Петрограде спокойно, везде царит уверенность, что правое дело восторжествует и всем коалициям будет положен конец под управлением съезда Советов р. и с. д.». Подробности событий 25 и 26 октября на заседании Совета, состоявшемся 29 октября, сообщил член партии социал-демократов Ярчук. Дискуссия в этот день была продолжительной и непростой, так как не все восприняли случившееся однозначно. Член Совета Попуриди призвал всех к единению, считая, что «преступление будет совершать тот, кто будет вносить несогласие в трудовой народ». И в итоге Кронштадтский совет рабочих и солдатских депутатов принял следующую резолюцию:

«1. Заслушав заявление т. Попуриди [члена] Совета р. и с. д. г. Кронштадта и имея в виду, что призрак фракционной нетерпимости уже надвигается, уже раздаются среди напряженной атмосферы [призывы] к насилиям как с одной, так и с другой стороны, могущие привести к печальным последствиям, Кронштадтский Совет р. и с. д. призывает вас, товарищи, к величайшей выдержке и спокойствию. Позор и клеймо ляжет на всякого, кто, поддавшись фракционной раздраженности, попустительством и поддакиванием поможет разогреться огню ненависти, поможет разнужданию страстей. К спокойствию, к уважению друг к другу, товарищи; покажите себя достойными борцами за идеалы Великой революции. Не огорчайте их слепотой и несознательностью.

2. Об организации власти. Считаясь с тем, что сама история Великой русской революции, успех которой был обеспечен образованием и работой Советов, показала, что трудовые массы могут побеждать, лишь выступая и действуя одним фронтом, Кронштадтский совет р. и с. д., приветствуя решения II Всероссийского съезда [Советов] р. и с. д. о переходе власти в руки Советов и заявляя о всемерной поддержке новой власти в лице уполномоченных съездом комиссаров, считает, что естественным выводом из решения съезда является не образование однопартийного кабинета, а выделение из ЦИК коллективов с участием партий, имеющих своих представителей на II Всероссийском съезде Советов.

Для управления и защиты страны и революции, а также немедленного созыва Всероссийского съезда Советов кр. д. ввиду угрозы контрреволюции Кронштадтский совет р. и с. д. считает, что долг всех сознательных революционеров сплотиться вокруг Советов р. и с. д., являющихся правомочными органами революции.

Председатель Шургин
Секретарь Бардзайн»⁴¹⁷.

Так в Кронштадте началась новая жизнь. Одним из первых декретов молодой Советской республики стал декрет о роспуске старой армии и флота. Декретом Совета Народных Комиссаров от 23 ноября 1917 г. осуществлена демобилизация их личного состава. 15 (28) января 1918 г. СНК принял декрет «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии»; через две недели, 29 января (11 февраля) 1918 г., принят декрет «Об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота». При этом принято решение не расформировывать военно-морские учебные заведения до особого решения, которое приняли 2 марта 1918 г., сохранив прежний штат преподавателей, администрации и воспитателей Морского училища. Предполагалось, что реорганизацией училища на новых началах следует заняться позднее.

⁴¹⁷ Кронштадтский Совет в 1917 году. Протоколы и постановления. Т. 2. СПб., 2017. С. 432–433.

29 января 1918 г. прекратила свое существование Кронштадтская городская Дума, в этом здании разместилась Продовольственная управа, а в декабре 1919-го сюда переедет Исполком Кронштадтского совета.

О том, как жилось в Кронштадте в первое время после Октября 1917-го, вспоминал В.Г. Озеров, сын главного минера Кронштадта Г.М. Озерова и внук М.К. Озерова – командира броненосца «Сисой Великий», погибшего в Цусимском сражении: «Не получай отец в то время флотского пайка, нам бы тоже с 1918 года пришлось бы очень плохо. Как сейчас помню, получение пайка один раз в месяц, – это было целым событием в жизни. Продуктовые вопросы были с общесемейного согласия поручены именно мне, как имевшему больше всех свободного времени.

Мама уже в конце 1917 года пошла работать библиотекарем в морскую библиотеку на бывшей Екатерининской, а теперь уже Советской улице и уходила около 10 утра на работу, ворочаясь к 7–8 вечера.

Плохо стало также с питанием. Начался самый настоящий голод, когда мороженная гнилая картошка считалась деликатесом... Ужасно стал голодать город, в магазинах ничего не было, и вскоре они все закрылись один за другим, остался только один, на Петровской⁴¹⁸ улице, где иногда по карточкам давали одну иголку, пачку махорки или лаврового листа – хлеба, картошки или соленой рыбы уже не бывало.

Зима, холодно, я набираю массу пустых мешочков, кулечков, коробочек, бутылок, веревочек и баночек. Складываю все это в „обезьянку“, так назывались в то время солдатские заплечные мешки, беру с собой саночки и отправляюсь в порт к баталеру. Он меня хорошо знает и начинает выдачу: 3 золотника⁴¹⁹ лаврового листа, 50 – луку сушеного, 100 – разных сушеных овощей, пачку горчицы, 20 – леденцов без бумажек, 20 – кофе суррогатного, 20 – подболточной⁴²⁰ муки, несколько коробок спичек, шесть пачек махорки или папирос „Добрый молодец“, 10 – чаю, 5 – перцу, полфунта соли бузы, черного цвета от добычи и грязи. Затем идут более крупные: две буханки матросского черного крутого хлеба, фунт растительного масла, три четверти фунта сахару сырца коричневого, три фунта солонины или четыре соленой рыбы. Фунтов 10 мороженной полугнилой картошки, иногда выдается две-три банки овощных консервов, и все...

Как всего этого могло хватить на семью из трех человек, можно подсчитать, но на две недели мы кое-как растягивали...

В городе на две наши карточки, мамину и мою, я получал сперва две осьмушки хлеба на день, потом на два дня, и дошло до одной на двоих на три дня! Других продуктов на эти карточки не давали, за исключением праздников, когда отпускалось или немного свежей рыбы или картошки... Нас выручали папины знакомства с рабочими и матросами, то приедут из отпуска и привезут кусок сала или масла из деревни, один раз привезли мешок сушеной воблы, другой раз вяленого мяса. Иногда папа доставал несколько коробок японского сахару, на флоте он шел для запалов в торпедах, несколько раз появлялось касторовое масло, шедшее на смазку тончайших механизмов. На касторке я жарил картошку, и это было очень вкусно и не действовало на наши желудки... Два-три раза доставали большие 10-фунтовые железные банки с техническим глицерином, и мама каждый раз варила на нем варенье из тыквы или ягод. Помню, однажды приехал откуда-то папин товарищ Кордосысоев и привез мешок муки-крупчатки. Из этой муки мы, по совету одного „гурмана“, сбивали крем с мелким сахаром, и это было огромным лакомством, а ведь сейчас такую дрянь и есть не станешь.

---

⁴¹⁸ Со 2 ноября 1918 г. – Октябрьская улица.

⁴¹⁹ Золотник – 4,26 грамма.

⁴²⁰ Мука, которую добавляли в суп «для сытости».

Но самым главным событием явилось открытие в Кронштадте американским обществом „АРА“ столовой для голодающих детей! Нас, ребят, сильно поддержали американцы! По талонам каждый ребенок мог в день получать котелок „зеркального“ супа, в котором плавали перья от рыбы и несколько фасолин, но зато жира в виде конопляного масла было в нем вдоволь, пальца на два, не меньше! Ввиду очень толстого слоя жира, суп в котелке почти не болтался при носке и поэтому получил название „зеркального“

Столовая работала около двух лет, и нас, ребят, просто спасла от смерти. Я ежедневно ходил туда с котелком и получал два сухаря и котелок жидкого супа с растительным маслом и крупинками каши или перьями от воблы...»⁴²¹.

На флоте тоже было голодно, так как все «неприкосновенные запасы» были израсходованы.

Как и всю страну, в 1918 г. Кронштадт охватила волна переименований. Появились площадь Рошалья (бывш. Екатерининская), улицы Володарского (Андреевская), Советская (Екатерининская), Гражданская (Купеческая), Флотская (Павловская) и т. д. Некоторые улицы вскоре пришлось снова переименовывать. Так, улица Троицкого (бывш. Александровский бульвар) в 1926-м стала улицей Зосимова.

Линкоры «Севастополь» и «Петропавловск» в Кронштадте

В октябре 1920 г., в первую годовщину гибели на Петроградском фронте молодых большевиков П.К. Аммермана, П.И. Велешинского и И.А. Сургина, Кронштадтский совет принял решение о переименовании в их честь Песочной, Сайдашной и Цитадельской улиц соответственно.

Новые имена получили и крупные форты: «Тотлебен» стал «Первомайским», «Красная Горка» – «Краснофлотским», форт «Серая Лошадь» в восьми километрах на запад от «Красной Горки» сначала стал «Передовым», с 1926-го – «Бухаринным», с 1936-го – «Красногвардейским».

⁴²¹ Озеров В.Г. Кронштадт – Феодосия – Кронштадт. СПб., 2011. С. 82–83.

Поступивший в Кронштадтское реальное училище в 1917-м уже цитированный В.Г. Озеров вспоминал: «Единогласно в семье было решено стать мне реалистом, и вот сшили черные брюки, черную косоворотку с пятью золотыми пуговицами и ремнем с латунной бляхой и тремя буквами „КРУ“. Кстати, на мальчишечьем жаргоне это звучало: „Катьку рыжую украл!“. Кроме того, был сшит бушлат с золотыми пуговицами и петлицами на воротнике с желтыми кантами и, как венец всего, черная фуражка с лакированным козырьком, желтыми кантами и гербом училища – пальмовыми ветвями с буквами „КРУ“. Экзамен был сдан, и я стал реалистом, в отличие от других товарищей, поступивших в гимназию и носивших серые шинели с серебряными пуговицами и петличками с синим кантом.

Через год и реальные училища, и гимназии, и прогимназии были упразднены и стали трудовыми школами 9-летками. Одновременно облегчили и русский алфавит, отменив в нем буквы „Ять“, „Ижицу“, „Фиту“, „И с точкой“ и „Твердый знак“, потом снова вошедший в силу»⁴²².

В 1912-м это же училище окончил будущий Почетный житель – Петр Леонидович Капица. Он родился в Кронштадте 1894 г., в 1918-м окончил Петроградский политехнический институт, но А.Ф. Иоффе оставил молодого талантливого человека на кафедре. В 1978 г. Капица удостоен Нобелевской премии «за фундаментальные изобретения и открытия в области физики низких температур».

В 1920-е гг. Петр Леонидович работал в лаборатории Э. Резерфорда в Кембридже. Родившийся там Сергей Капица позднее рассказывал, как однажды в лаборатории сломался какой-то двигатель. Многочисленные попытки оживить машину ни к чему не привели. За ремонт была назначена премия в 1000 фунтов стерлингов. Петр Леонидович вызвался и, осмотрев машину, ударил куда-то молотком, и она заработала. Предложивший премию решил, что тысячу за это многовато и попросил составить смету ремонта. Капица написал: «Один удар молотком – один фунт, за то, что знал куда ударить – 999 фунтов».

Еще в 1910 г. в Кронштадте ввели частичное хлорирование воды. В 1920-м обеззараживанием был охвачен весь Кронштадт, но к 1923 г. деньги на это нужное дело кончились, и Совнарком выделил на восстановление водопровода и установку новой постоянной станции хлорирования 4 300 000 рублей «советскими денежными знаками 23 года».

Связь с материком в первые годы Советской власти тоже была весьма ненадежной. К 1921 г. на линии Кронштадт – Ораниенбаум совершалось всего три-четыре рейса в день.

Особенно тяжело приходилось весной, в период ледохода. В 1924 г. перевозками стало заниматься Северо-Западное речное государственное пароходство, выделенное в 1923-м из Северо-Западного управления водного транспорта.

Город на острове не мог обойтись без настоящего яхт-клуба. Начало этому красивому виду спорта, как и многому в нашей стране, положил Петр Великий, создав в 1718 г. «Невский флот». Уж очень царю хотелось, чтобы петербуржцы умели управлять парусами не хуже голландцев, и он приказал безвозмездно раздать своим приближенным небольшие суда, изготовленные на Партикулярной верфи. «Невский флот» каждое воскресенье выходил в Неву для экзерцирования. После смерти Петра это дело практически заглохло почти на полтора столетия и было возобновлено усилиями А.Я. Лобанова-Ростовского в 1846 году. В Кронштадте эта тема обсуждалась начиная с 1889 г., но создать Кронштадтский морской яхт-клуб получилось только в 1919-м. В нем действовали три секции: парусная, моторная и гребная. Правда, создатели яхт-клуба столкнулись с массой проблем, начиная с самих яхт, которых в Кронштадте просто не было. Приходилось ремонтировать старые и зачастую очень старые. Этот яхт-клуб вскоре сменил свое название, превратившись в Парусную школу учебного отряда Балтийского

⁴²² Озеров В.Г. Кронштадт – Феодосия – Кронштадт. СПб., 2011. С. 80.

флота. Однако в 1921 г. школу расформировали, и упавшее знамя в 1923-м подхватил Кронштадтский морской клуб имени лейтенанта Шмидта, располагавший девятью яхтами.

В 1924 г. членам яхт-клуба удалось найти яхту «Княжна», построенную в 1888 г. и затопленную в годы революции в районе Гребного порта. Отремонтированная яхта получила имя «Утеха», ее капитан – Александр Бальсевич, члены экипажа – А. Архипов, П. Волков и Н. Шишин⁴²³.

Корабли Балтийского флота возвращаются в Кронштадт. Февраль 1918 г.

Взорванные сооружения форта «Ино»

Однако вернемся в 1918 г. Весной в Кронштадт, в основном благодаря усилиям капитана 1-го ранга А.М. Щастного, из Ревеля и Гельсингфорса пришли главные силы Балтийского флота: 236 кораблей и судов в тяжелой ледовой обстановке смогли пройти этот Ледовый поход, и Кронштадт стал главной и единственной базой флота на Балтике.

---

⁴²³ Соколов А.К. Кронштадт: история длиною в 300 лет. М., 2004. С. 537.

Остатки медицинской посуды, обнаруженные на форте «Александр» в 1960-е гг.

Форт «Император Александр I» в начале XX в.

Финляндия, как известно, получила независимость 6 декабря 1917 г., и к лету 1918-го вокруг форта «Ино» на северном берегу Финского залива сложилась весьма сложная обстановка. Теперь это была территория Финляндии, и финские части, расположившись перед сухопутным обводом форта, почти ежедневно посылали на форт парламентеров с требованием его сдачи. В этой ситуации комендант крепости Кронштадт К. Артамонов принял неоднозначное решение и 15 мая 1918 г. взорвал основные сооружения форта⁴²⁴. Правда, не все артиллерийские установки были уничтожены, и позднее финны их активно использовали.⁴²⁵

1 января 1918 г. официально прекратила свое существование и Особая лаборатория на форте «Император Александр I», правда, проблемы здесь начались еще в марте 1917-го, так как в отставку ушел главный попечитель Института экспериментальной медицины принц

⁴²⁴ Рапорт Артамонова, в котором он объясняет причины такого решения, опубликован в альманахе «Цитадель» (№ 22. 2016. С. 106–108).

⁴²⁵ Подробнее см.: *Ткаченко В.Ф.* Форт «Ино». Строительство, служба, уничтожение. СПб., 2009.

А.П. Ольденбургский. Массовая эвакуация оборудования лаборатории началась весной 1920 г. Часть баржами отправили в Петроград в ИИЭМ, часть – в Институт бактериологии им. Л. Пастера. Наибольшая часть мебели – 14 вагонов – ушла в Москву, в создаваемый Государственный институт народного здравоохранения. Кронштадтскому госпиталю достались какие-то остатки. Забегая несколько вперед, следует отметить, что в 1925 г. кронштадтское начальство решило использовать опустевшие помещения бывшего «Чумного» форта, но, опасаясь чумной заразы, оно обратилось в ИИЭМ с запросом о его безопасности. В ответ институт сообщил, что «территория форта должна быть признана благополучной в санитарном отношении, конечно, при проведении земляных работ и при ремонте канализационной сети, сточного колодца необходимо точное соблюдение общепринятых при подобных работах санитарных мер»⁴²⁶.

Летом 1918 г. ситуация в Кронштадте и на Финском заливе оставалась чрезвычайно сложной, к продовольственным проблемам добавились и санитарные. В 1918–1919 гг. в городе зафиксировано около 1200 заболеваний сыпным тифом и 400 – холерой. Врачи Морского госпиталя работали в этот период с огромным напряжением. Их героические, без преувеличения, усилия позволили справиться с начавшейся эпидемией.

---

⁴²⁶ ЦГАНТД СПб. Ф. 182. Д. 32. Он. 1–1. Л. 65а.

Линкор «Андрей Первозванный» в Кронштадте

К внутренним врагам добавились внешние. В восточной части Финского залива стали сосредотачиваться корабли германского флота, и появилась угроза их проникновения еще дальше на восток. Поэтому для прикрытия подступов к острову Котлин кронштадтские моряки

10 и 14 августа 1918 г. выставили обширное минное заграждение. Выполнение этой задачи осложнялось тем, что большая часть боевых кораблей находилась в плачевном состоянии.

Гражданская война, разруха, топливный и продовольственный голод усугубили тяжелейшее положение страны. Сил и средств на поддержание в боевой готовности всего флота не хватало. Большинство кораблей было сдано на хранение в Кронштадтский и Петроградский порты. Усилиями команд, рабочих мастерских порта и завода в строй были введены корабли ДОТа (Действующего отряда флота) в составе линейных кораблей «Севастополь», «Петропавловск», «Андрей Первозванный», крейсера «Олег», шести эсминцев и др.

К лету 1919 г. обстановка на Северо-Западе осложнилась до предела. В мае части белой армии стали активно продвигаться в направлении к Петрограду. Поддерживая это наступление, в восточную часть Финского залива вошли английские боевые корабли. Начались почти ежедневные налеты на Кронштадт гидроавиации, летающие лодки которой базировались в Терийоках (ныне – Зеленогорск).

Корабли Балтийского флота сумели противостоять английским эсминцам. Так, 18 мая эсминец «Гавриил», прикрывавший тральщики, вступил в неравный бой с четырьмя английскими эсминцами и заставил их отступить. 4 июня английская подводная лодка «L-55» атаковала эсминцы «Азард» и «Гавриил», которые, маневрируя, смогли уклониться от торпедного удара. Они обстреляли появившуюся после торпедного залпа рубку подводной лодки, но в этот момент она подорвалась на mine, выставленной самими англичанами, и затонула.

В Петрограде в 1918 г. возникла подпольная организация «Национальный центр», в которую входили некоторые из бывших царских офицеров. Британская агентура активно поддерживала «Национальный центр» и, несомненно, внесла свою лепту в события, развернувшиеся в Кронштадте и на фортах в 1919 г. 19 августа в 21.40 на форту «Красная Горка» произошел мощный взрыв на 10-дм батарее, сразу за ним еще один взрыв, затем прогремело несколько взрывов меньшей силы на 6-дм батарее. Позднее в первом взрыве обвинят сильную грозу, разразившуюся незадолго до него, – якобы молния попала в провода, которые проложили для минирования форта. Однако вполне возможно, что дело было не в грозе.⁴²⁷ Продолжением этих событий стал мятеж на «Красной Горке», которым руководил комендант форта Н.М. Неклюдов.

⁴²⁷ Этому сложному вопросу посвящена отдельная глава в книге В.Ф. Ткаченко Форт «Красная Горка», вышедшей в издательстве «ОСТРОВ» в 2016 г.

Потопление эсминцами «Азард» и «Гавриил» английской подводной лодки «1-55». Художники Г.В. Горшков и Н.Е. Бубликов

Утром 11 июня 1919 г. взорвались мины, хранившиеся на форте «Император Павел I». Главный минер Кронштадта Г.М. Озеров на буксире подошел к форту, но высадиться не было возможности из-за сильного пожара. Мины рвались еще несколько часов, в некоторых кронштадтских домах вылетели стекла. Расследование результата не принесло, но в одном из документов было написано, что «злой умысел не исключается».

В ночь на 13 июня на фортах «Красная Горка» и «Серая Лошадь» произошел мятеж, руководимый Н.М. Неклюдовым. Большевиков арестовали и часть из них расстреляли. 13 июня в 7 утра с форта отправили две телеграммы: одну британскому адмиралу У Коуэну, чьи боевые корабли находились в восточной части Финского залива, и генералу Н.Н. Юденичу. Содержание телеграмм было идентичным: «„Красная Горка“ в вашем распоряжении». Ни тот, ни другой на эту телеграмму не ответили, считая ее банальной провокацией.

В 12 часов 13 июня радиостанция «Новая Голландия» отправила мятежному форту ультиматум, в ответ форт обстрелял Кронштадт из 12-дм орудия. Было повреждено несколько жилых зданий, убило и ранило несколько человек. В ответ линкоры «Петропавловск», «Андрей Первозванный», крейсер «Олег» и эсминцы, орудия форта «Риф» открыли мощный огонь по «Красной Горке». 14 и 15 июня обстрелы форта продолжились, и вечером 15-го Неклюдов последним покинул форт. «В ночь на 16 июня, без единого выстрела, красные прибыли на бронепоезде на территорию форта. На форту не было никого!»⁴²⁸.

Летнее наступление войск генерала Юденича на Петроград удалось отразить, но напряжение осталось, так как активные действия против Кронштадта начал английский флот. Его торпедный катер потопил стоявший в дозоре у Толбухина маяка крейсер «Олег». 1 августа во время народного гулянья в кронштадтском Летнем саду английские самолеты сбросили несколько бомб, в результате были и раненые, и убитые.

В ночь на 18 августа англичане совершили очередной налет на Кронштадт. Но это был отвлекающий маневр – под шум авиамоторов, канонаду зенитных орудий и взрывов бомб на Кронштадт понеслись английские торпедные катера. Стартовав в гавани форта «Ино», они прошли между северными номерными фортами, обогнули остров с востока и подошли на Малый рейд, где в дозоре находился эскадренный миноносец «Гавриил». Катера прошли через ворота Средней гавани и выпустили три торпеды. Одна из них попала в носовую часть линкора «Андрей Первозванный», вторая взорвалась о стенку гавани, третья потопила плавбазу (авиаматку, как говорили тогда) подводных лодок – бывший крейсер «Память Азова». Артиллерия эсминца «Гавриил» потопила три катера, несколько английских моряков были взяты в плен, среди них лейтенант Нэпир – потомок адмирала, командовавшего английским флотом у Кронштадта в 1854 г.

---

⁴²⁸ Ткаченко В.Ф. Форт «Красная Горка». 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2016. С. 111.

Командир подводной лодки «Пантера» А.Н. Бахтин

Крейсер «Олег» на отмели у Толбухина маяка

Бывший крейсер «Память Азова», потопленный английским торпедным катером. 1919 г.

Потопление подводной лодкой «Пантера» английского эсминца «Виттория»

Но были победы и у Балтийского флота. 31 августа подводная лодка «Пантера» под командованием А.Н. Бахтина у острова Сескар потопила английский эскадренный миноносец «Виттория». Для подавления артиллерии форта «Красная Горка» на Финский залив прибыл английский монитор «Эребус», вооруженный двумя орудиями калибра 381 мм. Но артиллерийская дуэль закончилась в пользу наших береговых артиллеристов. Не достигнув результата, монитор ушел, а вскоре за ним ушел и остальной английский флот.

В октябре 1919 г. белогвардейские войска снова подошли к Петрограду. Кронштадту пришлось мобилизовать все резервы для помощи фронту. Тысячи моряков, оружие, боеприпасы отправили на передовые позиции. Кронштадтцам пришлось вести у деревни Усть-Рудица тяжелый бой, в котором погибли П.К. Аммерман, П.И. Велещинский, М.А. Сургин. Их име-

нами названы улицы и два сухих дока. В этих боях наши сухопутные части активно поддерживала артиллерия кораблей, стоявших в Кронштадте.

В ту тяжелую пору гибли и люди, и корабли. 20 октября 1919 г. в Копорском заливе на минах подорвались и затонули три эсминца: «Гавриил», «Константин» и «Свобода». Спаслись лишь 25 человек, остальные 488 погибли. В их честь на южном берегу залива установили памятник, а в Кронштадте один из доков и кинотеатр назвали именем «Памяти трех эсминцев».

П.К. Аммерман

П.И. Велецинский

М.А. Сургин

При этом Кронштадт делился чем мог с частями, воевавшими против белых. Подводные лодки и миноносцы по Мариинской системе отправлялись на Волгу и Каспийское море для формирования озерных и речных флотилий.

Под Петроградом белых разбили и прогнали за границу Эстонии. Вскоре ушла из Финского залива и английская эскадра, но опасностей на Финском заливе хватало и без нее. Сложная навигационная обстановка здесь усугублялась наличием огромного количества мин заграждения. Это на заре появления минного оружия адмирал Фаррагут мог крикнуть: «К черту мины!»⁴²⁹, а к началу Первой мировой войны минное оружие стало слишком мощным,

---

⁴²⁹ Этот эпизод случился в августе 1864 г., когда флот северян атаковал укрепления города Мобиль на Миссисипи. В самом начале движения на mine заграждения подорвался и затонул корабль «Текумзе». Адмиралу Фаррагугу доложили о заграждении фарватера, но он скомандовал: «К черту мины! Полный вперед». Многие бывшие на его флагманском корабле, паровом фрегате «Хартфорд», слышали, как мины стучались о днище адмиральского корабля, но ни одна из них не взорвалась.

чтобы делать подобные заявления. Финский залив минировали и русские, и немцы, и англичане. За обилие минных банок и одиночных плавающих мин Балтику прозвали «супом с клёцками», и тем не менее беспечность имела место слишком часто. При этом не надо путать оправданный риск Фаррагута с беспечным бросанием японских грелок в горловину мины на форте «Император Павел I». Об этой трагедии – чуть дальше.

Погрузка отремонтированной подводной лодки на баржу для отправки на Волгу. 1920 г.

Позднее Фаррагут говорил, что в тот момент, когда он должен был решить вопрос: идти ли вперед или назад, он был настолько потрясен случившимся, что не мог рассуждать хладнокровно и обратился к Богу со следующей молитвой: «Господи, Боже мой, сотворивший человека и вселивший в него разум, укажи мне путь мой, идти ли или не идти?». «Мне показалось, – говорил адмирал, – что какой-то голос сказал мне: иди». Фаррагут рассчитал, что мины и неприятельские пушки могут погубить только часть его судов и был уверен в успехе, а кроме того, полагал, что если взорвется его корабль, то остальные все равно прорвутся.

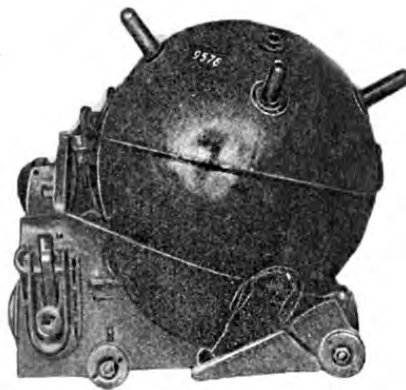

Так выглядел Кронштадт с самолета в 1919 г.

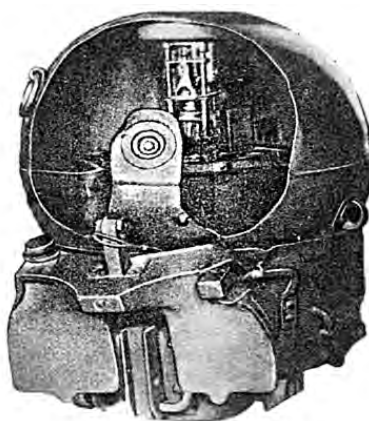
Хорошо известен трагический эпизод, случившийся в Сестрорецке 1 августа 1920 г. В выходной день группа рабочих Сестрорецкого завода отправилась на берег залива для заготовки дров для детских домов, школы и больницы. Плавника и прочих «лесоматериалов» прибило к берегу столько, что никто не заметил мину заграждения, которая и взорвалась. Погибли 22 человека. Их захоронение на сестрорецком кладбище называется «Смирненным кладбищем». На берегу залива в районе станции «Разлив» на месте взрыва установили мемориальную доску с фамилиями погибших.

К сожалению, эта трагедия никого осторожности не научила. Не помог и приказ по флоту Балтийского моря в Кронштадте № 606 от 3 августа 1920 г.: «В случае выбрасывания мин заграждения на побережье работа по принятию мер охраны и обезвреживанию их возлагается:

- а. на острове Котлин и район Кронкрепости на южном берегу Финзалива на Штаб Кронкрепости,
- б. в районе Шлис[сельбургской]крепости – на штаб Шлисскрепости,
- в. в районе восточного побережья Лад [ожского]озера – на штаб Наоблада,
- г. в районе постов Службы Связи, не входящие в вышеуказанные районы, – на Штаб Службы Связи (через Начальников постов и районов).

Мина заграждения образца 1908 г.

Мина заграждения образца 1912 г.

Если обезвредить выброшенную мину не в силах Начальников, на которых возложена забота по охране и обезвреживанию мин, соответствующим Начальникам надлежит просить Штаб Заведывания делами Траления и Заграждения о командировании специалистов минеров; в этом случае забота об обезвреживании мин ложится на Штаб Заведывания делами Траления и Заграждения.

Все сведения о взорвавшихся, выброшенных не взорвавшихся, обезвреженных, а также сорванных минах заграждения надлежит сообщать в Штаб Заведывания делами Траления и Заграждения, где вести учет.

Еженедельные сводки Штабу Заведывания представлять в Оперативную часть флота.

Подписал: Командующий Балтийским флотом РАСКОЛЬНИКОВ.

Во исполнение вышеизложенного приказа, в случае выбрасывания мин на побережье в районе Крепости, охрану их во избежание несчастных случаев, возлагаю:

В районе северного берега на Командира Гаубичной батареи,

В районе рейда и перед фортом на Коменданта форта,

В районе южного берега на Командира 6-дм батареи „Канэ“⁴³⁰.

О всякой обнаруженной mine немедленно надлежит сообщать в Штаб Крепости и Начальнику Боновой партии, на которого возлагается обязанность обезвреживания или уничтожения мин. Для чего им выделяется постоянная партия из специалистов, снабженная всеми

---

⁴³⁰ На форту «Константин».

необходимыми принадлежностями и инструментами (от повседневных работ и нарядов партия не освобождается).

Командирам частей, от которых назначается охрана мин, принять к руководству и неуклонному исполнению нижеследующее:

1. Если мина выброшена на берег, то охрана устанавливается близ мины.
2. Если мина плавает около самого берега и при волнении может биться о дно или о камни – охрана относится на расстояние не менее 100 шагов от мины.
3. Ни в коем случае не разрешается трогать мину руками, кантовать ее или пытаться разоружить ее до прибытия специальной партии.

Комендант
Комиссар»⁴³¹.

Несмотря на эти приказы, которых гражданское население, разумеется, не читало, «бесхозных» мин было немало, и они иногда взрывались. В одном из документов отмечалось, что «уборка мин встречает значительные затруднения. Кроме того, в тех же местах прибывает новые мины, которые Охраной Водного района убираются»⁴³².

Однако это делалось не всегда оперативно. Там же упоминалось, что в полк, находящийся в Сестрорецке, командиром от Кронштадтского минного отдела специалист, который «будет опознавать мины и сообщать в Кронштадтский минный отдел». Однако спустя четыре с небольшим месяца после на сестрорецком берегу взорвалась еще одна мина, и опять были жертвы.

В районе острова Котлин в течение всего 1920 г. мины появлялись чуть ли не каждый день. «Настоящим довожу до Вашего сведения, что 9 августа с. г. При обходе нами мастерских за городом от Северного порохового склада к форту „Шанц“ около означенного форта на берегу была обнаружена шаровая мина за № 195, выйдя от форта на южную сторону, между наблюдательной будкой и батареей 18 на берегу шагах в 5–7 от воды – 2-я шарообразная мина и по этому же направлению дальше шагов на 200 – третья мина, находилась под водой.

Направляясь дальше по направлению к фортам „Шанц“ и „Риф“ и проходя через дровяную баржу, мы еще увидели три шарообразные мины на берегу, а также напротив форта „Демидов“ находились две шарообразные мины, одна из которых находилась на берегу, а вторая – в воде. Всего нами обнаружено 8 мин, которые, как видно, находились без всякого присмотра»⁴³³.

«Доношу 11.08.1920 мною с командой минеров осмотрено побережье о. Котлин при чем оказалось на северном побережье острова у первого НП форта „Риф“ находятся две мины инженерного ведомства на расстоянии друг от друга ½ версты. На южном побережье против 10-дм батареи форта „Риф“ одна разряженная мина Морского ведомства. На левом фланге в 100 саженьях от батареи „Шанц“ мина Морского ведомства, то же в 80 саженьях по берегу одна мина Морского ведомства, против 2-й батареи Воздухообороны сухопутный Тотлебен в 30 саженьях от берега находится мина Морского ведомства.

Всего выброшено мин Морского ведомства – 5,
Инженерного ведомства – 3.

Командир минной обороны Никитин заявил, что мины будут убраны в ближайшее время»⁴³⁴.

---

⁴³¹ РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 422. Л. 17–17 об. (Машинописная копия).

⁴³² Там же. Л. 25.

⁴³³ РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 422. Л. 41. Подобные документы, кроме информации о минах, имеют и второй план – это собираемые по крупницам сведения о том, каким был Кронштадт в те годы.

⁴³⁴ РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 422. Л. 34.

Вот еще несколько донесений службы Охраны водного района: «15.10.20. у Толбухина маяка выброшены на камни 2 мины заграждения»; «16.10.20 к дамбе 1-го Северного прибило мину»; «16.10. в 20.00 со шлюпки замечена мина около форта № 2 (видимо, Южного. – Л. А.), 15-го около 8 утра за фортом Павел прошла вторая. Обе не взорвались»⁴³⁵. В те же дни был замечены две мины, плававшие к NW от Толбухина маяка, и две мины между фортами «Обручев» и 2-й Северный. Подобное «осеннее обострение» было вызвано, скорее всего, осенними штормами, но хватало проблем и летом. 16 августа 1920 г. в районе Лебяжьего со стороны Ораниенбаума на берег выбросило шаровую мину. 24 августа того же года в районе платформы «Александровская» Приморской железной дороги обнаружилась «одна неразорвавшаяся мина. Начальнику Охраны водного района сделано распоряжение об уборке такой»⁴³⁶.

Но взрывались мины и на охраняемом складе. 17 июня 1920 г. взорвались мины на 5-м Северном форту. В этот день Наморси получи телеграмму: «На батарее № 5 Северной около 2 ч 50 мин от невыясненной пока причины возник пожар. Горят ящики с минами Угрюмова»⁴³⁷, всего 95 штук. Кроме того, там имеется 60 штук шаровых мин»⁴³⁸.

«Дознание» по этому делу проводил «Делопроизводитель по строевой части Управления Коменданта» Кронштадта П. Трофимов. Точнее, это был первый допрос караула «по горячим следам».

Форт 5-й Северный. Фото 1960-х гг.

Все произошло очень быстро. Разводящий 1-й роты Отдельного караульного полка Алексей Сидорин в два часа дня вывел красноармейца Маркина на смену Т-ну⁴³⁹. Затем, отобедав, часть караула легла отдыхать, часть пошла гулять. «Через короткий промежуток времени» произошел взрыв. Далее Сидорин показал: «Я выбежал из караульного помещения и увидел, что горят ящики, тогда я крикнул: „Маркин, Маркин“, но ответа не получил, после чего со всем караулом пошел к месту пожара и увидел валяющуюся винтовку часового Маркина. Воз-

⁴³⁵ РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1., Д. 421. Л. 5–7.

⁴³⁶ Там же. Л. 18.

⁴³⁷ Мины Угрюмова – мины конструкции А.П. Угрюмова (1859–1937).

⁴³⁸ РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 421. Л. 17.

⁴³⁹ Эту фамилию, встречавшуюся в документах несколько раз, расшифровать не удалось.

вращаясь обратно к караульному помещению ввиду участвовавших взрывов мин, около караульного помещения нашел мелкие куски тела Маркина. После чего караульный начальник стал вторично звонить по телефону в управление Коменданта города о происшедшем взрыве. Через некоторый промежуток времени приехал комиссар крепости Громов с командой. Часов в семь вечера приехал дежурный по караулам тов. Веденеев, который, сменив нас, отправился обратно вместе со старым караулом в Кронштадт. Показать более ничего не могу»⁴⁴⁰.

«Опрошенный красноармеец 1-й роты Отдельного Караульного полка Михаил Т-ин, происходящий из гр.⁴⁴¹ Олонецкой губ., Вытегорского уезда, Кондовской волости, д. Левыны, 27 лет от роду показал следующее.

„Я стоял на посту 17 июня с 12 час. дня до 2 час. дня. В 2 час. пришел разводящий и сменил меня, поставив на пост тов. Маркина. Когда я пришел в караульное помещение, то пообедал и лег отдыхать. Рядом со мной лежал Рукин и читал книгу“⁴⁴². Далее почти слово в слово повторяются показания

Сидорина, кроме упоминания фамилии Григорьева, которого Т-ин не видел. Второй раз Григорьев упоминается в показаниях красноармейца М. Ежова. Оказывается, Григорьев «ушел из караульного помещения раньше».

Из показаний красноармейца М. Прилипко следует, что красноармейцы Григорьев и Бобров вышли из караульного помещения за 30–35 минут до взрыва. А. Бобров показал, что вслед за Сидориным и Маркиным через несколько минут вышел Григорьев, «который куда пошел, я не видел. Минут через 10–15 я [...] тоже вышел и видел Григорьева, который сидел на берегу. Что делал Григорьев, я не видал, так как находился на расстоянии саженей 5-ти и проходил мимо его за вал. Я просидел за валом минут 10–20 и собирался уходить. Встал и, шагнув шага два вперед, услышал взрыв, который меня сразу оглушил. Тогда я стал смотреть из-за вала и увидел выбежавших из караульного помещения людей. Они стали меня спрашивать, где Григорьев и Маркин, я ответил „не знаю“. После чего я с остальным караулом отошел от караульного помещения, так как недалеко все время происходили взрывы. В караульном помещении находился караульный начальник, который звонил по телефону. Немного спустя времени приехал катер с какой-то комиссией, а затем приехал комиссар крепости с командой, которая с парохода стала тушить остатки ящиков. Когда уехал комиссар крепости и комиссия, то через довольно порядочное время приехал дежурный по караулам с новым караулом, который сменил наш караул, а нас отправили в Кронштадт в полк. Больше показать ничего не могу»⁴⁴³.

Читавший книгу Н. Рукин, «происходящий из граждан Тамбовской губ. Кирсановского уезда Каралевской волости села Криволучи, 20 лет от роду», подтвердил все вышеизложенное, добавив, что «15 июля я видел Григорьева, как он что-то копался у ящиков. Я его предупредил, а также и Караульный Начальник. Он послушался и отошел. При нем находился нож. Что он делал 17 июля, я не знаю и показать больше ничего не могу».

Вполне возможно, что «продвинутый» Григорьев считал, что популярное испытание мины камнем не даст необходимого результата, и решил посмотреть, что у мины внутри.

Для наведения порядка с хранением опасных предметов и веществ командование флотом создало Особую техническую комиссию «для наблюдения за безопасностью хранения порохов, взрывчатых веществ и других опасных веществ на судах военного флота, в портах и складах, и других местах хранения их Моркомом в пределах Республики». На комиссию возлагалось:

«а. Выяснение состояния и условий хранения взрывчатых и опасных материалов в местах их хранения.

---

⁴⁴⁰ РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 421. Л. 19–19 об.

⁴⁴¹ «Из гр.» – из граждан! Не из крестьян.

⁴⁴² РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 421. Л. 20.

⁴⁴³ РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 421. Л. 22 об.

б. Контролирование правильности хранения и наблюдения за порохами, взрывчатыми и опасными веществами.

в. Контролирование за соблюдением всех мер предосторожности при перевозке порохов, взрывчатых и опасных веществ.

г. Разработка новых и дополнения и изменения ранее существовавших инструкций и правил хранения и перевозки порохов, взрывчатых и опасных веществ.

д. Разработка и указание мероприятий для приведения порохов и взрывчатых веществ, поврежденных ненормальными условиями хранения, в состояние пригодности и к службе и к хранению.

е. В случае пожара или взрыва на судах, в складах или других хранилищах Моркома расследование с технической стороны причин несчастья»⁴⁴⁴.

При этом отмечалось, что расследование «имеет целью получить правдивую картину несчастья для принятия соответствующих мер в будущем. Ведется оно независимо от расследования случая следственными органами». Правда, деятельность этой комиссии вряд ли была эффективной, если иметь в виду взрыв на форту «Павел» в 1923 г.

Проблемы с хранением взрывчатых веществ были постоянными, не стали исключением и пороховые склады в Лисьем Носу, построенные в 1860-х гг.

«Начальнику МСБМ

Доношу, что пороховые склады на Лисьем Носу до 3.07 охранялись сторожами портовой охраны. Распоряжением начальника портовой охраны с 3.07 сторожа сняты и командир порта просит распоряжения о назначении караула от вверенных мне частей. Не имея в настоящее время в своем распоряжении средств на постановку караула в Лисьем Носу, мною испрашиваются Ваших указаний по этому вопросу.

Кроме того, доношу, что склады находятся в распоряжении частей войск Карельского участка, на каковой и считал бы возможность возложить охрану складов.

ВРиД коменданта и комиссара крепости

Елисеев».⁴⁴⁵

Документ датирован 19 августа 1921 г. Как и когда разрешилась эта проблема, проследить по документам архива пока не удалось. Но очевидно, что почти полтора месяца пороховые склады в Лисьем Носу не охранялись. Другое дело, что, по косвенным данным, пороха на этих складах было немного, так как чуть позднее предполагалось доставить сюда порох. Но Елисеев ходатайствовал о «разрешении не наполнять» склады, так как «охранять нечем» и вызывает опасение близость финской границы.

Разумеется, траление на Балтике проводилось очень активно и не только кораблями Советской России. Есть в архивных документах интересное упоминание о том, что «Германия приступила к тралению Рижского залива», причем оплачивала эту работу Латвия. По поводу траления Балтики прошло несколько международных совещаний, в том числе в 1922 г. в Петрограде с финнами и эстонцами «по принципиальному вопросу об оплате тральных работ». Русская делегация, как указывалось в одной из телеграмм, отстаивала свою точку зрения – «каждое государство тралит воды к нему прилегающие, не входя в оценку зпт чьи мины там поставлены зпт а также что за произведенные работы в своих водах никаких денежных расчетов не производится»⁴⁴⁶.

---

⁴⁴⁴ РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 421. Л. 25.

⁴⁴⁵ РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 102. Л. 283.

⁴⁴⁶ РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 529. Л. 191 (Юзограмма Наморси Викторова Помглавкомору от 14 июня 1922 г.).

Тральщик Балтийского флота «Занала»

15 мая 1923 г. из Петрограда в Москву Помглавкомору ушла юзограмма, подписанная начальником МСБМ Викторовым и членом Реввоенсовбалта Курковым: «Доношу что ударная группа тральщиков вышла продолжении шестого и седьмого Мая в Кронштадт для подготовительных к предстоящему тралению операций тчк Закончив восьмого Мая все приемки и уничтожив и определив девиацию ударная группа в составе одиннадцати тральщиков и транбаза Ястреб с рассвета девятого мая вышла на работу тчк Засвеживший Зюйд Вест вынудил вечером девятого приостановить траление а тральщикам укрыться в Лужской губе тчк Работа возобновилась лишь двенадцатого Мая тчк Ударная группа тринадцатого мая семнадцать часов закончила траление Прибрежного фарватера тралами Шульца с оттяжками тридцать фут шириною восемь кабельтов произведя эту работу в исключительно трудной обстановке две точки свежий ветер до пяти баллов и неоднократно встреченный плавучий лед тчк Результатом выполненной операции явилось то обстоятельство что до настоящего момента протраленным фарватером пропущено уже десять коммерческих судов»⁴⁴⁷.

И все-таки жизнь в эти годы в Кронштадте оставалась очень сложной. Положение усугублялось крайне слабой дисциплиной в частях гарнизона. Вот, например, документы, свидетельствующие о ее состоянии в 2-м и 3-м Морских пехотных полках, хранящиеся в фондах РГАВМФ.

Это приговоры Революционного военного трибунала Кронштадтской крепости – весьма суровые приговоры.

«20 февраля 1919 г.

К расстрелу Серкова Николая, убившего 25 октября 1918 года часового у хлебопекарни по Кронштадтской улице.

7 мая 1919 г.

Петра Пискунова: дезертирство, дезорганизация в команде, предложение командиру взятки за повышение его по службе – расстрел.

10 мая 1919 г.

⁴⁴⁷ РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 529. Л. 154.

Дело красноармейца 3-го Кронштадтского крепостного морского пехотного полка Захарова Михаила, обвиняемого:

1. В вооруженном сопротивлении и противодействии представителям власти при исполнении последними своего служебного долга.
2. В покушении на побег из Морской Следственной тюрьмы.
3. В ложном заявлении перед судом о своей прежней несудимости.

К расстрелу.

10 мая 1919 г.

Дело 2-го Кронштадтского крепостного морского пехотного полка Нестерова Ивана и Егорова Кузьмы за кражу со взломом сорока семи пар брюк из склада Крепостного интендантства – к расстрелу.

10 мая 1919 г.

Именем РСФСР революционный военный трибунал в составе председателя А. Феоктистова и членов В. Громова и А. Трифонова в открытом заседании, рассмотрев дело гражданина Выборгской губернии села Териоки Ивана Судари, обвиняемого в шпионстве, Ревтрибунал признал СУДАРИ в предъявленном ему обвинении виновным и приговорил к расстрелу.

14 мая 1919 г.

Дело инструктора 3-го Кронштадтского крепостного морского пехотного полка Светлова Александра, обвиняемого:

1. В противозаконном бездействии, т. к. будучи дежурным по полку, он не принял никаких мер к прекращению в полку повального пьянства, а, наоборот, своим попустительством способствовал усилению такового до безграничных размеров.

2. В краже вещей у гр. Ставской и красноармейца того же полка Метляева Сергея, обвиняемого в инициаторстве кражи вещей у гр. Ставской со Светловым, красноармейца того же полка Кудрявцева Ивана, обвиняемого в краже вещей, и ротного командира Байкова Павла, обвиняемого в подговоре трех свидетелей дать на Светлова ложные показания, Ревтрибунал признал Светлова, Метляева и Кудрявцева виновными в предъявленных обвинениях и приговорил Светлова и Метляева к расстрелу, Кудрявцева к пяти годам принудительных работ, Байкова по суду считать оправданным».

27 мая 1919 г.

Дело красноармейцев 3-го Кронштадтского крепостного морского пехотного полка: заведующего Хозяйственной командой Егорова Михаила, обвиняемого в массовом и систематическом хищении овса, вверенного ему по службе, с целью продажи такового и получения незаконной наживы, причем его служебное положение, как заведующего Хозяйственной командой, было им преступно использовано для склонения на соучастие с ним в продаже овса и менее сознательного товарища по службе его подчиненного фуражера команды Васильева Владимира и ездового Шувалова Ивана.

Егорова (бывш. офицера) как не оправдавшего доверия Рабоче-крестьянского правительства и совершавшего преступление сознательно к расстрелу.

Шувалова к двум годам, Васильева (т. к. под давлением) к одному году принудительных работ».⁴⁴⁸

Но были и очень странные приговоры:

«20 мая 1919 г.

Красноармеец 2-го Кронштадтского крепостного морского пехотного Рассадин Федор, обвиняемый в самовольных отлучках и дезорганизации рядов Красной армии, признан виновным, и, принимая во внимание его несознательность, реввоен трибунал признал возможным применить к нему амнистию 23 февраля; считая же его недостаточным защищать пролетар-

---

⁴⁴⁸ РГАВМФ. Ф. 174. Оп. 1. Д. 212. Л. 29–42.

скую революцию в рядах Красной армии, трибунал постановил лишить звания красноармейца и отправить на окопные работы.

7 мая 1919 г.

Рассмотрев дело помощника командира 11-й батареи форта „Тотлебен“ Бланкова Ивана и военнотружущего 8-й батареи того же форта Майорова Николая, признал Бланкова виновным по всем пунктам предъявленных ему обвинений, отвергнув пункт четвертый, и как совершившего тягчайшее преступление перед революцией достоин расстрела, но принимая во внимание чрезвычайную ограниченность умственного развития, объясняемого складом умственного аппарата, как следствие порочной болезни; его детски-наивные взгляды на жизнь вообще, как следствие увлечение литературой фантастического содержания, отсутствие способности критически относиться к своим поступкам, что засвидетельствовано медицинским осмотром и признано Трибуналом постановил:

Отправить Бланкова в тыловое ополчение без права назначения его на командную должность и взыскать с него стоимость винтовки по существующей казенной расценке.

Майорова признал виновным, но как бессознательно совершившего преступление под непосредственным влиянием Бланкова (маниака).

Постановил признать возможным применить амнистию 23 февраля с.г., взыскав стоимость винтовки»⁴⁴⁹.

1920-й не принес стране облегчения. Один из тех, кто жил и работал тогда в Кронштадте, А. Миронов, вспоминал: «Пытаясь улучшить продовольственное снабжение людей, отправляли, в зависимости от фронтов войны, специальные продовольственные отряды вглубь России. Перед отправлением отряды вооружались наганом или винтовками, вручались им перво-степенного значения документы. Отряды должны были закупить на местах – продовольствие и доставить своим товарищам по работе, чтобы этим хотя немного облегчить то тяжелое положение голода, создавшееся в связи с общей интервенцией в России. Но, к сожалению, редкие направленные отряды доставляли что-либо посолиднее, большинство возвращалось с полугнилыми яблоками или в лучшем случае с небольшим количеством непервосортного мороженого картофеля. А были случаи, когда отряды возвращались не в полном составе, теряя своих товарищей в столкновениях с теми, кто рассматривал их как простых грабителей.

Городское хозяйство Кронштадта изнашивалось, старилось. Вовсе не было материального снабжения. С большим трудом доставали нефть и керосин для городской электростанции. Газовый завод не работал, вышли из строя – поржавели подземные газовые трубы. О возможностях ремонта и думать не приходилось. Неоткуда было взять новые трубы, газовые горелки. Не было простых электроламп, шнура и другого электрооборудования и материалов.

Городские бани работали с перебоями, выходили из строя ржавые, много лет не замененные паровые и водяные трубы. Не всегда имелись дрова для бани, и взять неоткуда было. Квартиры в городе замерзали. Если кто сумел в какой-либо маленькой комнатке пристроить себе временку-буржуйку и каждый день честным или нечестным путем стащить и унести себе домой кусок древесины, был счастлив.

Большинство работников Горсовета и коммунального хозяйства питались в общей столовой в народном доме (бывшее Морское офицерское собрание). В столовой получали по своим карточкам паек три четверти фунта хлеба. Обед состоял из пшенной жидкой бурды и куска ржавой селедки или воблы. Хорошо было с табаком, курили папиросы фабрики „Лаферм“»⁴⁵⁰.

Следующий, 1921 г. прошел под знаком Кронштадтского мятежа.

---

⁴⁴⁹ В документе не указано, какое именно «тягчайшее преступление» совершил Бланков. Видимо, утопил винтовку? Остается удивляться, как такой человек мог командовать батареями. Или, может, наоборот, он был слишком нормальным.

⁴⁵⁰ *Крестьянинов В.Я.* Кронштадт. Крепость, город, порт. СПб., 2014. С. 119.

Кронштадтский мятеж

«Кронштадтские частушки»

Всероссийская коммуна
Разорила нас дотла.
Коммунистов диктатура
Нас до ручки довела.

Мы помещиков прогнали,
Ждали волюшки, земли,
Всех Романовых стряхнули,
Коммунистов обрели.

Хлеб, скотину забирают,
Пухнет с голоду мужик.
У Еремы взяли Сивку,
У Макара и сошник...

Нет ни спичек, керосину,
Все с лучинами сидят,
При коммуне большевистской
Только карточки едят.

Вот, прислали на деревню
Пять аршинов кумачу.
Все забрали комиссары,
Ни вершка середняку.

И восстали по России
За землю мужики.
А в «Известиях» все пишут:
«Взбунтовались кулаки».

Чрезвычайник выезжает,
Что твой царский генерал,
Кровью землю заливает,
Все до нитки обобрал.

Для нас барщину вновь вводят.
Эй, проснитесь, мужики!
Пьют, едят, как прежде баре,
Лишь одни большевики.

Подымайся, люд крестьянский!
Всходит новая заря —
Сбросим Троцкого оковы,
Сбросим Ленина-царя...

Диктатуру ниспровергнем,
Труду волюшку дадим,
Землю, фабрики, заводы
Для труда распределим.

Труд равенье установит,
С трудом вольным навсегда
Братство всех людей настанет.
А иначе никогда.

Эти злые частушки опубликованы в небольшой брошюре «Правда о Кронштадте», изданной в 1921 г. в Праге, – злые, но основания для их сочинения, несомненно, были.

Как уже упоминалось в предисловии, нас долго приучали к тому, что кронштадтские мятежники были очень плохими людьми, не хотели терпеть голод, террор и прочее, вот и взбунтовались. В перестроечные годы они стали хорошими и их даже реабилитировали.

Официальная точка зрения советских времен называла следующую причину мятежа: «Непосредственными причинами Кронштадтского мятежа необходимо считать изменение социального лица матросов Балтийского флота, неработоспособность местных органов гражданской и военной власти, неудовлетворительное состояние кронштадтской партийной организации и отсутствие твердого партийного руководства из Петрограда»⁴⁵¹.

Начался прием добровольцев на флот, создано «Бюро вольного найма», которое производило набор добровольцев по контракту. На флот начала поступать молодежь, которую привлекала красивая форма, паек, тот авторитет, которым пользовались моряки, и... перспектива избавиться от фронта, остаться в тылу. Они создали тот тип моряка, которого знали как спекулянта-мешочника, как «клешника», «Жоржика», «Иванмора»⁴⁵².

В качестве примера – небольшой сюжет о митинге, состоявшемся в Кронштадте на Якорной площади 1 марта 1921 г. Так сказать, взгляд с двух сторон.

---

⁴⁵¹ Кронштадтский мятеж: сб. статей, воспоминаний и документов. Л., 1931. С. 12.

⁴⁵² Кузьмин М. Кронштадтский мятеж. Л., 1931. С. 17.

Матросы одного из мятежных линкоров

Калинин «выступал на митинге 1 марта, где называл вещи своими именами, указал совершенно открыто на контрреволюционный характер принятой резолюции, резко разоблачал организаторов мятежа. Исключительный авторитет Калинина, любовь к нему народных масс внесли колебания в ряды взволнованных слушателей. Такой оборот дела не устраивал организаторов мятежа, и они пустили вход свое последнее средство – несколько небольших групп хулиганского типа, провокаторов в матросской форме. Своими криками и враждебными выходками они в конце концов сорвали речь Михаила Ивановича»⁴⁵³.

И вот что пишет другая сторона:

«По заслушании доклада представителей команд, посылаемых для выяснения петроградского положения в Петроград, была прочитана принятая „Петропавловском“ 28-го февраля резолюция, против которой выступали с речами Калинин и Кузьмин ⁴⁵⁴.

Их речи успеха не имели»⁴⁵⁵.

По другим данным, им вообще не дали произнести речи.

Митингу 1 марта предшествовали собрания экипажей линкоров «Севастополь» и «Петропавловск». Недовольных новой властью было много и в деревнях, и в городах. Моряки не могли остаться в стороне, и результатом собраний была резолюция, принятая на митинге 1 марта, несмотря на протесты Калинина и Кузьмина.

⁴⁵³ Ворошилов К.Е. Из истории подавления кронштадтского мятежа // Крах контрреволюционной авантюры. Л., 1978. С. 18.

⁴⁵⁴ Н.Н. Кузьмин – комиссар Балтийского флота.

⁴⁵⁵ Правда о Кронштадте. Прага, 1921. С. 5.

С.М. Петриченко

Резолюцию зачитал писарь с линкора «Петропавловск» С.М. Петриченко. Заслушав доклад представителей первой бригады линейных кораблей «Петропавловск» и «Севастополь», гарнизонное собрание постановило:

«Ввиду того, что настоящие Советы не выражают воли рабочих и крестьян, немедленно сделать перевыборы в Советы тайным голосованием, при сем перед выборами провести свободную предварительную агитацию для всех рабочих и крестьян.

2) Свобода слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и других социалистических партий.

3) Свободу права профессиональных союзов и крестьянских объединений.

4) Избрать не позднее 5-го марта с. г. беспартийную конференцию рабочих, красноармейцев и моряков города Петрограда, Кронштадта и всей Петроградской губернии.

5) Освободить всех политических заключенных и политических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями.

6) Выбрать комиссию для пересмотра заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях.

7) Упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не должна пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства для этой цели, вместо них должны быть учреждены выбранные культурно-просветительные комиссии, для которых средства должно отпускать государство.

8) Немедленно снять все заградительные отряды.

9) Уравнять паек для всех трудящихся, за исключением вредных цехов.

10) Упразднить все коммунистические боевые отряды во всех воинских частях, а также на заводах и фабриках и разные дежурствасо стороны коммунистов.

11) Дать полную свободу действий крестьянам над землею так, как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, т. е. не пользуясь наемным трудом.

12) Просим все воинские части, а также товарищей военных курсантов присоединиться к нашей резолюции.

13) Требуем, чтобы все резолюции были широко оглашены в печати.

14) Требуем, чтобы назначалось разъездное бюро.

15) Разрешить свободное кустарное производство собственным трудом».

Ответом стало правительственное сообщение, опубликованное 2 марта в центральных газетах: «Новый белогвардейский заговор. Мятеж бывшего генерала Козловского и корабля „Петропавловск“», подписанное Лениным и Троцким. Начальник артиллерии Кронштадтской крепости А.Н. Козловский и «его сподвижники» объявлены вне закона, Петроград и Петроградская губерния перешли на военное положение. Эта формулировка и стала основой официальной версии о мятеже.

Кронштадтские «мятежники»

А в Кронштадте 2 марта состоялось собрание представителей кораблей, воинских частей и профсоюзных организаций гарнизона, на котором был сформирован Временный революционный комитет (Ревком) в составе С.М. Петриченко, машинного старшины Н.Г. Архипова, учителя Орешина, рабочего Тукина, телефониста В.А. Яковенко. Коммунисты Н.Н. Кузьмин, П.Д. Васильев, А.Г. Зосимов, Н.А. Михеев и другие были арестованы и отправлены в тюрьму. Часть коммунистов и отряд ВЧК по льду ушли из Кронштадта в Ораниенбаум.

«В этот же день типография линкора „Петропавловск“ напечатала воззвание, в котором объявлялось о переходе всей власти к временному ревкому, о проведении свободных выборов в Советы, выведению страны из состояния разрухи. Кронштадтцы пытались распространить воззвание в Петрограде, Ораниенбауме, но большинство агитаторов было задержано, так как берега залива уже оказались оцеплены спешно перебрасываемыми частями. Из 200 делегатов и агитаторов, направленных на северный и южный берег, вернулось только десять. Руководство большевиков сразу осознало опасность возможных последствий кронштадтских событий»⁴⁵⁶.

Всего в Кронштадте располагалось около 18 000 солдат и матросов, на кораблях и фортах имелось около 150 орудий и более 100 пулеметов, значительное количество боеприпасов, кроме винтовочных патронов. Плохо обстояли дела с продовольствием и топливом. К началу восстания на острове запасов оставалось всего на месяц. Поэтому вскоре пришлось уменьшить нормы выдачи пайков. Дело осложнялось тем, что не удалось провести из Петрограда в Кронштадт ледокол «Ермак».

Власти принимали самые решительные меры, так как со сходом льда захват острова был бы очень трудным. В Петрограде арестовали членов семей командиров-кронштадтцев, на что последовал протест Ревкома, сообщившего по радио, что члены семей арестованных в Кронштадте коммунистов пользуются полной неприкосновенностью.

Уже 5 марта в Петроград прибыли председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий, Главком С.С. Каменев, командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский, которого назначили командующим вновь созданной 7-й армией. Войсками Северного (Сестрорецкого) боевого участка командовал Е. Казанский, Южного (Ораниенбаумского) – А. Седякин.

⁴⁵⁶ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 122.

6 марта Л.Д. Троцкий отправил в Кронштадт радиограмму с ультиматумом, требуя сложить оружие. Днем этот ультиматум смог прочитать весь город, так как аэропланы разбросали его над всей восточной частью острова. В ночь на 7 марта красноармейские части провели разведку подступов к Кронштадту и фортам. А на следующий день в 18.45 артиллерия Красной армии из района Сестрорецка и Лисьего Носа открыла огонь по Кронштадту. Форт «Тотлебен» ответным огнем заставил полевые батареи красных замолчать. Затем по городу начали вести огонь мощные орудия «Красной Горки», которым в артиллерийской дуэли противостоял линкор «Севастополь». Этот взаимный обстрел, продолжавшийся до ночи, результатов не принес ни тем, ни другим.

В Кронштадте существенных повреждений и погибших не было, на одном из фортов ранило двух человек. Радиостанция линкора «Петропавловск» передала обращение Ревкома: «Всемир! Всемир! Всемир! Пусть знает весь мир – итак, грянул первый выстрел. Стоя по пояс в крови трудящихся, кровавый фельдмаршал Троцкий первый открыл огонь по революционному Кронштадту, восставшему против владычества коммунистов для восстановления подлинной власти Советов».

На рассвете 8 марта начался первый штурм мятежного острова одновременно с северного берега и южного. Часть наступавших прорвалась к Петроградским воротам, но здесь была окружена. «Около 200 человек взято в плен и под конвоем доставлено в сухопутный манеж»⁴⁵⁷. По советским данным, в плен у Петроградских ворот попало «несколько десятков человек», а судя по нижеприведенной резолюции, в плену оказалось 240 человек, которые перешли на сторону мятежников.

«Резолюция военнопленных»

На общем собрании 14 марта военнопленных курсантов, комсостава и красноармейцев в количестве 240 чел., содержащихся в Сухопутном манеже, вынесена единогласно следующая резолюция:

Нами, Московскими и Петроградскими курсантами, комсоставом и красноармейцами 8 сего марта был получен приказ идти в наступление на гор. Кронштадт. Нам сказали, что в гор. Кронштадте белогвардейцы подняли мятеж. Когда мы без выстрела подошли к берегу г. Кронштадта и, встретив передовые части матросов и рабочих, убедились, что в Кронштадте никакого белогвардейского мятежа нет, а, наоборот, матросы и рабочие свергли власть комиссародержавия. Тут же мы добровольно перешли на сторону кронштадтцев и теперь просим Ревком г. Кронштадта влить нас в красноармейские части, так как желаем встать защитниками рабочих и крестьян не только Кронштадта, но и всей России.

---

⁴⁵⁷ *Крестьянинов В.Я.* Кронштадт. С. 123.

Одна из улиц Кронштадта после артобстрела

Считаем, что В. Р. К. гор. Кронштадта действительно встал на истинный путь в деле освобождения всех трудящихся и только с этим лозунгом: “ Вся власть Советам, а не партиям“ может довести начатое дело до конца.

О всех замеченных в пропаганде против действий и распоряжений В. Р. К. гор. Кронштадта обещаем ставить в известность и препровождать в Р. К.

Председатель (подпись)

Секретарь (подпись)

14 марта 1921 г.»⁴⁵⁸.

По данным восставших, потери атаковавших в этот день составили около 600 человек убитых, утонувших и раненых.

В Москве 8 марта начал работу VIII съезд РКП(б), часть делегатов которого отправили на южный берег Финского залива. Со всей страны стали собирать надежных коммунистов.

В последовавшие после первого штурма дни продолжалась артиллерийская перестрелка. Во время одного из налетов авиации, которым активно противостояли зенитные орудия, одна бомба все-таки упала в городе, ранив одного мальчика. Несмотря на обстрелы и бомбардировки, в городе

было более-менее спокойно. Работали все учреждения, кроме школ, причем старшеклассники добровольно несли патрульную службу по городу вместе со взрослыми. У мятежников возникли проблемы и с обувью, поэтому жители собрали для них около 400 пар и еще 280 пар сапог изъяли у арестованных коммунистов. Потом это стало поводом обвинить восставших в намерении расстрелять всех арестованных.

Радио линкора «Петропавловск» 10 марта передало обращение Ревкома к пролетариям всех стран, в котором опровергалось, что в крепости командуют белогвардейские генералы, и утверждалось, что кронштадтцы не ведут никаких переговоров о военной поддержке, а вот обращения за продовольственной помощью будут возможны. Вскоре был передан призыв к мировой общественности оказать моральную поддержку восставшим.

⁴⁵⁸ Правда о Кронштадте. С. 180.

12 марта группа делегатов съезда под руководством К.Е. Ворошилова прибыла в Петроград. Затем делегатов, коммунистов и комсомольцев, прибывших из разных городов, расписали по частям, готовившимся к новому штурму, большинство – в качестве рядовых бойцов. Они вместе с партийно-политическим аппаратом частей провели большую работу по повышению дисциплины, улучшению политико-морального состояния войск. Применялись и репрессивные меры – «чистки».

К этому времени весь берег Финского залива оцепили и полностью контролировали. Для боевых действий выбирали наиболее надежные в политическом отношении части Красной армии, курсантов военных школ и курсов. К ненадежным применялись «чистки», вплоть до расстрелов. Общая численность 7-й армии составила к началу второго штурма 45 000 человек и 159 орудий.

Эмигрантские антибольшевистские силы приветствовали «Кронштадтскую республику», были попытки организовать снабжение мятежников медикаментами, продовольствием через территорию Финляндии. Однако действительную помощь эти организации осуществить не успели.

А.Н. Козловский с дочерью в эмиграции

«Обороной крепости руководил штаб во главе с бывшим полковником Е.Н. Соловьяновым и офицером Б.А. Арканниковым. Артиллерией командовал бывший генерал А.Н. Козловский, морской обороной – бывший адмирал С.Н. Дмитриев. Все важнейшие приказы штаба обороны санкционировались Ревкомом»⁴⁵⁹.

Вечером 15 марта, когда в Кронштадте хоронили погибших при обстрелах, началась артиллерийская подготовка штурма. До наступления темноты по городу и крепости выпустили около 6000 снарядов, и в ночь на 17-е начался штурм. Колонны войск вышли на лед залива. Впереди колонн бойцов в маскировочных халатах за проводниками-разведчиками шли штурмовые группы с лестницами, досками, шестами для преодоления полыней и штурма укреплений. Сзади двигались на санях группы санитаров.

---

⁴⁵⁹ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 125.

Группа участников штурма мятежного Кронштадта

Штурм Кронштадта

Обнаружив штурмующие шеренги, корабли и форты открыли огонь. При взрывах снарядов образовывались большие полыньи, в которые проваливались красноармейцы и в большинстве случаев тонули. От шрапнели и пулеметного огня при ярком свете прожекторов укрыться было негде, и командирам с трудом удавалось поднимать бойцов в атаку. «Части сводной дивизии Южной группы войск быстро преодолели простреливаемое пространство, вышли на берег и ворвались в город с восточной стороны у Петроградской пристани. Контратаками восставших они были потеснены, но подошедшие по льду резервы позволили закрепиться, начались уличные бои. Со стороны восставших были попытки братания с красноармейцами, но они были решительно пресечены командованием, приказавшим стрелять в братающихся: как противника, так и своих. Бои приняли ожесточенный затяжной характер. Некоторые дома стойко

оборонялись восставшими, часто переходившими в контратаки, иногда окружая отдельные группы штурмующих. Особенно сильные бои происходили в районе Машинной школы»⁴⁶⁰.

Пробоина палубы линкора «Петропавловск», полученная в результате попадания снаряда с форта «Красная Горка»

Несмотря на стойкое сопротивление осажденных, атакующим удалось проникнуть в город и к 17 часам занять около трети территории города. Около 20 часов началось решающее наступление, и вскоре Ревком принял решение оставить город. Восставшие группами уходили на форты «Риф», «Обручев», «Тотлебен», а затем оттуда – в Финляндию, где были интернированы.

Мятежники уходят в Финляндию

---

⁴⁶⁰ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 126.

Здесь, на Якорной площади, располагались 76-мм орудия восставших

Штаб обороны попытался вывести из строя 305-мм орудия линкоров, но часть команды этого не допустила и арестовала оставшихся на кораблях активных участников восстания. Радио передало сообщение о подчинении кораблей Советской власти с просьбой прекратить огонь. К 5 часам утра 18 марта правительственные войска заняли весь Кронштадт, подавив сопротивление последних небольших групп восставших.

Агитационный плакат 1921 г.

Успеху штурма способствовало то, что Кронштадтский крепостной минный отряд под командованием А.Н. Никитина отказался минировать лед на подступах к городу Их поддер-

живал и главный минер Кронштадта К.В. Озеров, которого из-за этого восставшие арестовали. Следствие учло это обстоятельство, и Озеров не был расстрелян.

В тот же день в Кронштадте появился первый номер газеты «Красный Кронштадт», в котором имелись многозначительные слова: «Советская власть вернулась в Кронштадт. Слава ее доблестным защитникам! Горе изменникам и предателям!».

Трупы на улице Кронштадта

Советская официальная статистика утверждала, что 600 человек восставших было убито, около 1000 ранено, 2500 взято в плен и 6–8 тысяч ушло по льду в Финляндию. Потери штурмовавших войск составили 700 человек убитыми и 2500 ранеными. Эти данные не совпадают с данными других источников. Например, «Энциклопедия Гражданская война и военная интервенция в СССР», изданная в 1983 г., говорит о 527 убитых и 3285 раненых. Английский исследователь Пол Эврич, ссылаясь на официальные источники 1920-х гг., считает их данные слишком заниженными. Он пишет: «После подавления восстания лед был усеян телами, и правительство Финляндии обратилось в правительство России с просьбой убрать тела до того, как растает лед, иначе трупы прибьют к берегу и может начаться эпидемия»⁴⁶¹.

В.Я. Крестьянинов в книге «Кронштадтский мятеж. Хроника событий» приводит следующие данные: по 7-й армии убитых из числа комсостава 31 человек, красноармейцев 486, утонувшим числится всего один красноармеец. При этом автор справедливо отмечает, что эти данные касаются только 7-й армии. «Сюда, вероятно, не входят потери сотрудников ВЧК, военных моряков, милиционеров, бойцов рабочих отрядов, коммунистов, прибывших из Москвы и других городов, возчиков мобилизованных саней»⁴⁶².

Победители отпраздновали подавление мятежа парадом на Якорной площади, на котором Л.Д. Троцкий произнес речь: «Кронштадтские события, – это звено в той стальной цепи, которую куют против Советской власти империалисты всех стран.

⁴⁶¹ Эврич П. Восстание в Кронштадте. 1921 год. М., 2007. С. 204.

⁴⁶² Крестьянинов В.Я. Кронштадтский мятеж. Хроника событий. СПб., 2016. С. 195–196.

Под лозунгом исправлений Советской власти, Советской власти без коммунистов, хотела буржуазия отечественная и международная склонить рабочих и крестьян против Советской власти.

Парижская и финская биржа сразу правильно учла значение Кронштадта, и ее верный выразитель Милюков повторял: „Не надо запугивать, нельзя против Советов. Нужно лозунгом беспартийных Советов убить Советскую власть“.

Часть матросов поддавалась на эту удочку. Мы ждали, пока было можно, чтобы ослепленные товарищи матросы воочию увидели, куда их ведет мятеж. Но мы очутились перед опасностью таяния льда и были вынуждены нанести сухой, короткий и честный удар.

Небывалым героизмом, неслыханным в военной истории подвигом наши курсанты и вдохновленные ими красноармейские части взяли штурмом первоклассную морскую крепость.

Без *единого выстрела* (курсив мой. – Л. А.) по льду двигались, погибали, побеждали и победили верные революции сыны рабоче-крестьянской России. Их не забудут трудящиеся России и всего мира.

Я верю, что никогда никаких пятнышек не падет на это знамя. И в часы трудные, когда мелькнет в душе усталое сомнение, вы вспомните Кронштадт и это знамя и бодро пойдете вперед к победе»⁴⁶³.

31 марта линкоры «Севастополь» и «Петропавловск» получили новые имена. Первый стал «Парижской коммуной», а второй – «Маратом».

Линкоры «Марат» и «Парижская коммуна» в Кронштадте. 1920-е гг.

И пришло время репрессий, и расправа была жестокой и массовой. По данным В. Дмитриева, на основании справки 10-го отдела У КГБ по Ленинградской области: «По архивно-следственным материалам КГБ СССР о Кронштадтском мятеже установлено, что в качестве обвиняемых было привлечено 10 026 человек. Из них в марте-сентябре 1921 года по постановлениям различных судебных и несудебных органов 2103 человека осуждены к расстрелу, 6459 человек к различным мерам наказания, 1464 человека освобождены от ответственности»⁴⁶⁴.

⁴⁶³ Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 3. 1921–1923 гг. Кн. первая. М., 1924. С. 207.

⁴⁶⁴ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 129.

В уже упоминавшейся книге о Кронштадтском мятеже В.Я. Крестьянинов приводит ужащающие подробности расправ, особо отмечая при этом, что ни один из арестованных мятежниками коммунистов расстрелян не был.

По воспоминаниям старожилов, вечером 18 марта 1921 г. пленные были построены на Усть-Рогатке в одну шеренгу и каждый второй застрелен на месте. Всего в ночь с 18-го на 19-е расстреляли около 400 человек. Пленных мятежников, которых не расстреляли сразу, заставили собирать трупы на льду и на улицах города. После этого начали заседать чрезвычайные тройки, и расстрелы стали проводиться более планомерно. Расстреливали не только в Кронштадте, но и под

Ораниенбаумом, в Мартышкине, Сестрорецке, Царском Селе и Гатчине. Уничтожались не только те, кто участвовал в восстании с оружием в руках. Настоятель крепостного собора Владимирской Божьей Матери протоиерей отец Иоанн Невдачин арестован 18 марта и 21-го решением чрезвычайной тройки расстрелян. Специальное следственное дело завели по Морскому собору. Во время восстания 5 марта вооруженные матросы установили под куполом собора наблюдательный пункт и провели туда телефон. После взятия Кронштадта арестовали председателя церковного совета И.О. Деркачен-ко, священников Н.И. Ложкина и В.М. Братолюбова, сторожей А.В. Драгунова и А.И. Михненко, С.М. Угрюмова и церковного старосту Н.К. Исакова.

Следователь провел расследование в течение одного дня и предложил священников расстрелять, так как они «по своему положению не пытались даже протестовать против обращения церкви в орудие военной борьбы, не указывали на это своим прихожанам и тем самым проявили себя сторонниками и пособниками мятежников». Остальных предлагалось «подвергнуть заключению в концентрационный лагерь сроком на три года». По решению чрезвычайной тройки, священников и Деркаченко расстреляли, а сторожа и староста получили по пять лет работ в лагерях.

Расстрельные приговоры приводились в исполнение или в день вынесения, или в ближайшие дни. Массовые захоронения расстрелянных кронштадтцев имеются в Детском Селе и других местах. В справке КГБ указано количество приговоренных к смерти только по сентябрь 1921 г. В ноябре 1921-го, в честь годовщины Октябрьской революции, участникам Кронштадтского восстания объявили амнистию. Но к этому времени кого могли, уже расстреляли. А из тех, кто ушел в Финляндию, подвергались амнистии только рядовые участники, а не «главари», причем решать, кто «главарь», а кто рядовой, должен был следователь ВЧК. Некоторые активные деятели восстания вернулись почти сразу, чтобы продолжать борьбу. Так, членов Ревкома А.Н. Архипова, В.А. Яковенко, Г. П.Тукини и других задержали на территории РСФСР и репрессировали.

Мятежники, ушедшие в Финляндию, разместились в казармах форта «Ино», а также в лагерях под Выборгом и в Териоках. Поначалу к ним навещали гости с запада, но вскоре интерес пропал – здесь они были чужими и никому не нужными. Финский историк отмечал, что «кронштадтские беженцы резко отличались от остальных эмигрантов. Большинство кронштадтцев состояло из сельских жителей и рабочих, это были обычные люди, призванные в армию»⁴⁶⁵. То есть они резко отличались от основной массы беженцев, которая состояла в основном из интеллигенции. Офицерам тоже было не сладко, ведь многие из них «служили верой и правдой Советской власти во время наступления Юденича на Петроград».

Буквально через месяц мятежники из Финляндии стали возвращаться на родину. С апреля месяца начался настоящий исход участников восстания на родину. Многих из них, несмотря на амнистию, расстреляли или уничтожили в лагерях. И лишь 10 января 1994 г. Б.Н.

---

⁴⁶⁵ Невалайнен П. Изгой. СПб., 2003. С. 39.

Ельцин подписал указ «О событиях в городе Кронштадте весной 1921 года». В соответствии с ним Генеральная прокуратура проверила уголовное дело о «вооруженном мятеже». В действиях репрессированных не усмотрено умысла на насильственное свержение власти. Последующие действия репрессированных расценены прокуратурой как ответ на неправомерное и провоцирующее поведение властей. Таким образом, участники «мятежа» реабилитированы посмертно. Всего в мятеже марта 1921 г. участвовало около 27 000 человек. Из них расстреляно более 2000, заключено в тюрьмы – 6500, бежало за границу – 8000, из которых количество вернувшихся и затем расстрелянных установить не представляется возможным.

И в заключение этой мрачной страницы истории Кронштадта – очень интересный документ, который хранится в библиотеке Колумбийского университета.

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ ПО ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ВОССТАНИЯ В КРОНШТАДТЕ⁴⁶⁶

Совершенно секретно 1921

Сведения, поступающие из Кронштадта, заставляют думать, что ближайшей весной в Кронштадте вспыхнет восстание. При оказании извне некоторой поддержки его подготовке можно вполне рассчитывать на успех восстания, чему благоприятствуют следующие обстоятельства.

В настоящее время на Кронштадтском рейде сосредоточены все суда Балтийского флота, сохраняющие еще боевое значение. В связи с этим преобладающей силой в Кронштадте являются матросы действующего флота, а равно матросы, несущие службу на берегу в Кронштадтской крепости. Вся власть сосредоточена в руках немногочисленной группы матросов-коммунистов (местный Совдеп, Чрезвычайка, революционный трибунал, комиссары и коллективы кораблей и т. д.). Остальной гарнизон и рабочие Кронштадта не играют никакой заметной роли. Между тем в среде матросов замечаются многочисленные и несомненные признаки массового недовольства существующим строем. Матросы единодушно примкнули к рядам восставших, как только немногочисленная мощь решительными и быстрыми действиями захватит в свои руки власть в Кронштадте. В среде самих матросов уже образовалась такая группа, способная и готовая к самым энергичным действиям.

Советское правительство хорошо осведомлено о враждебном ему настроении матросов. В связи с этим Советское правительство приняло меры к тому, чтобы в Кронштадте одновременно не хранилось более недельного запаса продовольствия, тогда как ранее в кронштадтские склады отпускался запас продовольствия на целый месяц вперед. Недоверие советской власти к матросам настолько велико, что наружная охрана путей к Кронштадту, ведущих по льду, покрывающему в настоящее время Финский залив, поручена пехотному полку Красной армии. В случае восстания этот полк не сможет оказать матросам сколько-нибудь значительного сопротивления, как по причине своей малочисленности, так и по причине того, что при надлежащей подготовке восстания полк будет захвачен матросами врасплох.

---

⁴⁶⁶ Цит. по: *Крестьянинов В.Я.* Кронштадтский мятеж. С. 301–304. Происхождение и авторство документа до сих пор не установлены. По предположению В.Я. Крестьянинова, автором записки является профессор Г.Ф. Цейдлер, который был представителем Русского отделения Красного Креста в Финляндии. В его компетенции находились, наряду с другими, и вопросы продовольственных поставок в Россию. Именно эти вопросы занимают центральное место в приводимом нами документе. Характерно, что в октябре 1920 г. Цейдлер направил отчет в парижскую штаб-квартиру американского Красного Креста о продовольственной ситуации в Петрограде. Несколько месяцев спустя в другой телеграмме, направленной Цейдлером в Национальный центр в Париже, он просил «немедленно решить вопрос о поставке продовольствия, ибо серьезные события могут произойти в любой момент». При этом он ссылаясь на направленную им ранее записку, содержащую анализ ситуации в Кронштадте. Известны день и год отправки телеграммы – 28/1921. К сожалению, месяц не указан. Однако можно предположить, что это февраль. Именно в последний день зимы волнения в Петрограде достигли своего апогея, а в Кронштадте матросы, солдаты и рабочие приняли известную резолюцию, содержащую основные требования кронштадтцев к власти.

Захват власти над флотом и над крепостными сооружениями самого Кронштадта обеспечивает господство восставших над всеми прочими фортами, не расположенными непосредственно на острове Котлин. Артиллерия названных фортов имеет угол обстрела, не позволяющий ей вести огонь по Кронштадту, тогда как батареи Кронштадта могут держать указанные форты под своим огнем (форт «Обручев», поднявший восстание в мае 1919 г., сдался через полчаса после открытия по нему огня с кронштадтских батарей).

Боевое сопротивление восстанию средствами, допускающими немедленное после начала восстания использование, сводится к открытию большевиками огня по Кронштадту с батареей «Красной Горки» (форт, расположенный на материке, на южном берегу Финского залива). Но артиллерия «Красной Горки» совершенно бессильна перед артиллерией судов и батарей Кронштадта. На судах в Кронштадте имеется не менее 32-х двенадцатидюймовых и не менее 8-ми десятидюймовых орудий (орудия меньшего калибра и орудия, относительно исправности которых не имеется достоверной информации, не приняты во внимание). На «Красной Горке» имеется лишь 8 двенадцатидюймовых и 4 восьмидюймовых орудия; остальные орудия «Красной Горки» по малокалиберности своей для Кронштадта безвредны.

Следует добавить, что весь запас снарядов для артиллерии Кронштадта, «Красной Горки» и Балтийского флота хранится в пороховых складах Кронштадта и окажется, таким образом, в руках восставших. Следовательно, большевики не могут артиллерийским огнем батарей «Красной Горки» подавить восстание в Кронштадте. Наоборот, надо предположить, что в случае артиллерийского состязания «Красной Горки» с Кронштадтом победа останется за последним (восстание «Красной Горки» в мае 1919 г. было подавлено Кронштадтом после 4-часового обстрела, к концу которого все строения в районе «Красной Горки» были уничтожены – сами большевики запретили вести огонь непосредственно по батареям «Красной Горки», дабы сохранить таковые).

Из изложенного явствует, что для успеха Кронштадтского восстания имеются налицо чрезвычайно благоприятные обстоятельства: 1) наличность сплоченной группы энергичных организаторов восстания; 2) сочувственное настроение восстанию в среде матросов; 3) ограниченность района действий узкими пределами Кронштадта, осуществление переворота в каких-либо пределах обеспечивает успех всего восстания, и 4) возможность подготовить восстание в полной тайне, что осуществимо вследствие изолированности Кронштадта от России и вследствие однородности и сплоченности матросской среды.

В случае успеха восстания большевики, не располагающие вне Кронштадта боеспособными кораблями и не имеющие возможности сосредоточить сухопутную артиллерию достаточной мощности для подавления огня кронштадтских батарей (особенно вследствие бессилия «Красной Горки» перед ними), не в состоянии взять Кронштадт ни посредством обстрела с берега, ни посредством соединенного с ним десанта. Нужно, кроме того, заметить, что Кронштадтская крепость и действующий флот снаряжены противодесантной артиллерией настолько многочисленной, что через ее заградительный огонь не представляется возможным прорваться; для осуществления десанта надо было бы предварительно подавить огонь названной артиллерии, что для большевиков является непосильной задачей ввиду поддержки, которую тяжелые орудия Кронштадта и флота оказали бы своей противодесантной артиллерии.

Ввиду изложенного положение Кронштадта после восстания можно считать в военном отношении совершенно обеспеченным и можно рассчитывать продержаться в нем столько времени, сколько будет угодно.

Однако внутренние условия жизни после восстания могут оказаться для Кронштадта роковыми. Продовольствия хватит на несколько первых лишь дней после восстания. Если оно не будет доставлено в Кронштадт немедленно после переворота и если дальнейшее снабжение Кронштадта не будет надлежащим образом обеспечено, то неизбежный голод заставит Кронштадт вернуться под власть большевиков. Русские антибольшевистские организации не в силах

самостоятельно разрешить указанную продовольственную задачу и принуждены [будут] обратиться в этом отношении за помощью к французскому правительству.

Во избежание задержки в немедленной после восстания доставке продовольствия в Кронштадт необходимо, чтобы к заранее условленному времени надлежащие продовольственные грузы находились на транспортах, которые в портах Балтийского моря ожидали бы приказаний идти в Кронштадт.

Кроме сдачи Кронштадта большевикам по причине его продовольственной необеспеченности, представляется осторожным предвидеть случай перелома настроения в среде самих восставших, следствием чего также могло бы явиться восстановление власти большевиков в Кронштадте.

Такой перелом настроения оказался бы неизбежным, если восставшие матросы не получают уверенности в том, что они встречают сочувствие и поддержку извне, в частности со стороны русской армии, командуемой Врангелем, далее, если бы матросы почувствовали себя изолированными от остальной России в смысле невозможности дальнейшего развития успехов восстания до свержения советской власти в самой России.

Необходимо, однако, иметь в виду, что если после первоначального успеха восстания в Кронштадте таковое будет сломлено по причине недостаточного снабжения Кронштадта продовольствием или по причине разложения в среде оставленных без нравственной и военной поддержки балтийских матросов и кронштадтского гарнизона – то сложится такая обстановка, которая не только не ослабит, но, наоборот, укрепит Советскую власть, дискредитировав ее противников.

Ввиду изложенного русские антибольшевистские организации держатся того взгляда, что им надлежит совершенно воздержаться от содействия успеху Кронштадтского восстания, если у них не будет полной уверенности в том, что французское правительство решило предпринять надлежащие всем в отношении меры, в частности:

1) Взяло на себя оказание финансовой поддержки при подготовке восстания, на что вследствие особенно благоприятствующей восстанию обстановки потребуются весьма незначительные средства, вероятно, в пределах 200 тысяч франков.

2) Взяло на себя дальнейшее финансирование Кронштадта после совершения в нем переворота.

3) Приняло меры к продовольствованию Кронштадта и обеспечило прибытие первых продовольственных грузов непосредственно вслед за совершением в Кронштадте переворота.

4) Изъявило согласие на прибытие в Кронштадт после переворота французских военных судов, а также сухопутных или морских частей из состава вооруженных сил ген[ерала] Врангеля.

В связи с изложенным не следует забывать, что даже если французское командование и русские антибольшевистские организации не примут участия в подготовке и направлении восстания, то таковое тем не менее произойдет в Кронштадте ближайшей весной, причем обреченным на неудачу. Последнее весьма укрепит престиж Советской власти, лишив ее противников неповторимой возможности – возможности захватить Кронштадт и нанести большевизму один из тягчайших ударов, которые могут его постигнуть.

В указанном отношении чрезвычайно желательно, чтобы в возможно короткий срок после совершения восстания какие-либо французские военные суда прибыли в Кронштадт, символизируя своим присутствием помощь Франции; еще более желательно, чтобы в Кронштадт прибыла какая-либо часть русской армии. При выборе таковых частей следовало бы отдать предпочтение русскому Черноморскому флоту, ныне находящемуся в Бизерте [Бизерта – порт на севере Туниса], ибо прибытие черноморских моряков на помощь морякам Балтийского флота вызвало бы среди последних несравненный энтузиазм.

Не следует также упускать из виду, что нельзя, особенно в первые дни после переворота, рассчитывать на упорядоченную организацию власти в Кронштадте и что в этом отношении прибытие частей из состава русской армии или флота, находящихся под командованием ген. Врангеля, могло бы иметь чрезвычайно благоприятные последствия, так как вся власть в Кронштадте автоматически перешла бы к старшему начальнику названных частей.

Если бы далее предположено было развить из Кронштадта военную операцию для свержения в России Советской власти, то для сего также потребовалась бы переброска в Кронштадт русских вооруженных сил ген. Врангеля. В связи с этим уместно упомянуть, что для названных операций и даже для одной лишь угрозы таковых Кронштадт мог бы послужить неуязвимой базой, причем ближайшим предметом действия из Кронштадта оказался бы беззащитный Петроград, обладание которым означало бы половину полной победы над большевиками.

Если бы, однако, дальнейший поход из Кронштадта на советскую Россию был по каким-либо причинам признан в ближайшее время неудобным, то все же факт укрепления в Кронштадте антибольшевистской русской силы, действующей в связи с предположениями французского командования, мог бы получить немаловажное значение в развитии общей военно-политической обстановки в Европе в течение предстоящей весны.

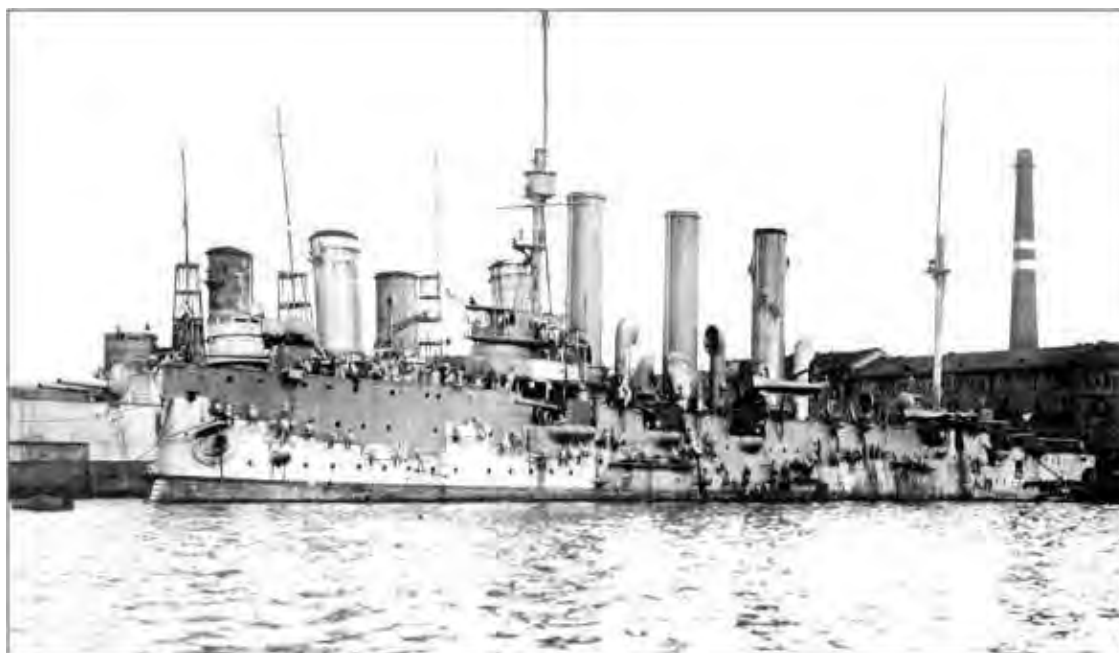
Если бы французское правительство в принципе согласилось с изложенными выше соображениями, то казалось бы желательным назначение им лица, с которым представители организаторов восстания могли бы войти в более подробные сношения по сему предмету и кому они могли бы сообщить как подробности самого плана восстания и дальнейших действий, так и более точные данные относительно расходов, потребных на организацию и дальнейшее финансирование восстания.

Библиотека Колумбийского университета [Без подписи].

Кронштадт после мятежа и до 1940 г.

После подавления мятежа жизнь в Кронштадте налаживалась не быстро. Гражданская война завершилась, но до восстановления нормальной жизни было еще далеко. Почти в три раза сократилось население, составлявшее теперь около 18 000 человек. Причем в январе 1922 г. биржа труда зарегистрировала 1225 безработных.

Водопровод и канализация не работали. Часть улиц не имела освещения, да и далеко не во всех домах горели лампочки, причем светили вполнакала из-за больших потерь электроэнергии в сети.

Крейсер «Аврора» в Кронштадте. 1922 г.

Не имея возможности обеспечить деятельность всех имевшихся в Кронштадте боевых кораблей, часть из них решили продать в Германию по цене металлолома. Туда же ушли недостроенные корпуса линейных крейсеров типа «Измаил». Чудом удалось сохранить крейсер «Аврора» – вовремя вспомнили его участие в Октябрьском перевороте.

Прежде всего не хватало кадров – квалифицированных и даже неопытных, которых следовало обучать морскому делу. Поэтому на флот стали возвращать специалистов, как служивших на царском флоте, так и тех, кто воевал в Гражданской войне на стороне большевиков.

28 сентября 1921 г. на Большом Кронштадтском рейде состоялся смотр Практической (Учебной) эскадры Морских сил Балтийского моря. Канонерская лодка «Храбрый», четыре эсминца и четыре подводные лодки продемонстрировали неплохую подготовку, а затем совершили первое совместное плавание в Лужскую губу. На переходе подводные лодки «Волк» и «Тур» выходили в учебные атаки на эсминцы. В 1922 г. продолжалось траление мин на фарватерах и состоялись первые после 1917 г. масштабные маневры Балтийского флота с участием и крепости Кронштадт.

Маневры Балтийского флота. Катер с морским командованием. Слева на заднем плане виден Итальянский дворец, 1922 г.

В октябре 1922 г. V съезд Российского Коммунистического союза молодежи принял решение взять шефство над Военно-морским флотом. Тысячи молодых людей пришли восстанавливать флот, но, как мы увидим, далеко не всегда это пополнение было адекватным. В основном это были малограмотные деревенские парни. Поэтому в Кронштадте в срочном порядке была налажена работа школ специалистов: артиллерийская, электроминная, машинная. Одновременно начали работу специальные курсы усовершенствования командного состава флота.

Вот эти-то молодые люди и стали причиной трагедии, потрясшей весь Кронштадт.

Это случилось теплым летним вечером 20 июля 1923 г. Человек – странное существо. Он иногда ведет себя совершенно непредсказуемо. Как могла кучка военморов, именно кучка, легким движением руки уничтожить великолепное творение рук человеческих? Впрочем, на это ответил герой замечательного фильма «Формула любви»: «Что один человек построил, другой завсегда сломать может».

Со стороны, то есть с Кронштадтского рейда, все это выглядело следующим образом.

ВЫПИСКА ИЗ ВАХТЕННОГО ЖУРНАЛА КРЕЙСЕРА «АВРОРА»⁴⁶⁷

«22 часа 30 мин.

На форте ПАВЕЛ замечен огонь по ту сторону форта. Что горит неизвестно ибо огонь скрывается зданием. Доложено старш. Помощ. К-ра, Начальнику Отр. ВМУ и Комиссару. От форта к Кронштадту идет шлюпка военная (еле заметная). Подан на «КОМСОМОЛЕЦ» сигнал: На учебу Бологову. На форту Павел был виден огонь и дым. Посылаю шлюпку. Винтер».

22 часа 40 мин.

Огонь на форту Павел погас. Идет дым за зданием. Дым очень заметен.

22 часа 42 мин.

⁴⁶⁷ Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация этого и следующих документов.

На форте Павел опять вспыхнул огонь. Нач. Отр. приказано разводить пары в котлах и приготовить машины. Послана шестерка с флагм. Зав. Обуч. т. Гедде догнать уходящую шлюпку⁴⁶⁸. Приготовить ведра.

23 часа 05 мин.

Взрыв на Павле в виде фейерверка. Пошел дым. Лишних с палубы долой.

23 часа 30 мин.

Второй взрыв на Павле пошел сильный дым.

23 часа 42 мин.

Третий взрыв. Идет дым.

23 часа 47,5 мин.

Четвертый взрыв. Дым идет. Вернулся второй катер.

23 часа 53 мин.

К борту подошел буксир Особого отдела с представителями от него.

23 часа 55 мин.

Пятый взрыв. Со стороны Кронштадта подходит к форту буксир. Подает свистки, слышны голоса, но разобрать с форта ли или с буксира невозможно. Остановился в 1 каб. от форта.

24 часа 00 мин.

Шестой взрыв.

00 часов 03 мин.

Дым идет на Павле. Вспышки.

00 часов 04 мин.

Буксир подошедший к форту идет обратно.

00 часов 06 мин.

На форте взрыв. Потом снова дым. Со стороны Кронштадта идет второй буксир к форту.

00 часов 07 мин.

Буксиры подходящие к форту со стороны Кронштадта встретились, останавливаются для переговоров.

00 часов 08 мин.

На форте огонь разгорается.

00 часов 10 мин.

Пламени не видно. Сильный дым.

00 часов 12 мин.

Очень сильный взрыв. Потом густой дым.

00 часов 25 мин.

На форте огонь опять разгорается.

00 часов 27 мин.

Буксир и паровой барказ со стороны «Милютина» остановились на расстоянии 1 каб. от «Павла».

00 часов 29 мин.

Огонь погас. Дым.

00 часов 30 мин.

Огонь разгорался, временами большое пламя, вспышки.

00 часов 31 мин.

Очень большое пламя. Вспышка.

00 часов 33 мин.

Огонь погасает. Дым.

---

⁴⁶⁸ То есть В.В. Гедде направился на форт «Павел» по собственной инициативе.

00 часов 34 мин.

Огонь разгорается.

00 часов 36 мин.

Подошел к борту катер с Нач. Учебного Отр. Т. Бологовым.

00 часов 37 мин.

Буксир с Комендантом крепости и пожарными пошел к форту но вскоре вернулся назад. На форте вспышки слабые. Паровой барказ со стороны «Милютина», подошедший к Павлу идет назад.

00 часов??⁴⁶⁹ мин.

На форте вспышки.

00 часов 48 мин.

Прибыл Командир крейсера на борт. На форте вспышки, разгорелось ярко. Опять погасло. Горит вспыхивая. Порой дым.

00 часов 49 мин.

Яркое пламя. Порой дым (на форте).

00 часов 51 мин.

Вспышки на форте. Дым.

00 часов 53 мин.

Разгорается на форте. Вспышки.

Очень яркое пламя и вспышки на форте.

00 часов 54 мин.

Страшно сильный взрыв (подобно фейерверку). Сильный дым потом.

00 часов 55 мин.

Сильный дым освещенный огнем.

00 часов 56 мин.

Дым. Вспышки на форте. Огонь.

00 часов 57 мин.

Опять разгорается на форте.

00 часов 58 мин.

Очень сильный взрыв на форте (фейерверк с множеством искр).

01 час 00 мин.

Дыма на форте мало. Стелется внизу. Горит только на Ю оконечности форта. Красное пламя. Будто горит дерево. За силуэтами зданий огня не видно.

01 час 15 мин.

Сигнал с Парижской Коммуны «Учебному Отряду. Всем судам стоящим на рейде, команде не разрешается спать на верхней палубе». Огонь увеличивается на форте. Временами затухает.

01 час 18 мин.

Огонь увеличивается.

01 час 20 мин.

Огонь затухает. Дым.

01 час 23 мин.

Буксир подошел к правому борту, со второй пожарной командой.

01 час 23,5 мин.

Страшной силы взрыв (самый сильный из всех бывших). В рубке выбиты все стекла (ходовой). Виден большой столб сильного дыма. Выбиты стекла в флагманском помещении.

01 час 25 мин.

---

⁴⁶⁹ Нижняя часть листа повреждена и время прочитать невозможно.

Новая вспышка Огонь. Разгорается, огонь все усиливается в центральной части.

Внутренний двор форта «Император Павел I». 1854 г. Из фондов РГАВМФ

01 час 27,5 мин. Огонь увеличивается. Идут клубы дыма.

01 час 29 мин. Огонь затухает.

01 час 32 мин. Огонь быстро затухает. Виден только слабый отблеск.

01 час 32,5 мин. Огонь прекратился. В средней части видны клубы дыма.

01 час 35 мин. Виден слабый отблеск в окнах.

ВАХТЕННЫЙ НАЧАЛЬНИК СЕМЕНОВ»⁴⁷⁰.

А теперь предоставим слово участникам и очевидцам этой драмы. Участники – это: трюмный старшина Г.Г. Путилин (19 лет), трюмные ученики М.С. Пронин, А.А. Сизов, Г. Н. Колеров, К.Н. Лыжов, А.А. Иванов, П.И. Логинов, М.А. Писарев (всем по 22 года) и котельный механик Р.Г. Борисов 23 лет, согласившийся быть «за старшего». Несомненно, участником, а не очевидцем, надо считать и В.А. Добровольского, старшего помощника командира линкора «Парижская коммуна». Их показания собраны в том же архивном деле, что и вахтенный журнал «Авроры».

Из рапорта В.А. Добровольского:

«В 7 или 8 вечера, проходя по верхней палубе ко мне подошел трюмный старшина Путилин, который просил разрешения на шлюпку для катания. Я ему ответил, что сейчас шлюпок свободных нет и добавил, кто поедет. – Он мне ответил, что они сами хорошо управляют. – Но я ему сказал, что без комсостава не разрешаю, попросите кого-либо из комсостава, тогда можете ехать. Потом уже он приходит и доложил, что котельный механик Борисов соглашается с ними ехать, тогда я дал разрешение. Куда они думали ехать, для меня было неизвестно, т. к. они мне не сказали, а я не спросил»⁴⁷¹.

Из показаний М.С. Пронина:

«Часов около 8-ми мы в числе 9 человек посадились в шлюпку и взяли курс на Кронштадт и приставши к стенке выпустили с нами ехавшего какого [-то] в/моря посыльного, последний был взят по приказанию вахтенного начальника на л/к „Паркоммуна“ [...] отсюда пошли к Кроншлоту к каковому подошли с южной стороны и высадились. Где купались в/м Иванов и Сизов. Далее пошли на Павел.

⁴⁷⁰ РГАВМФ. Ф. р-174. Оп. 1. Д. 108. Л. 12–13. Машинописная копия. Полностью этот документ опубликован в альманахе «Цитадель» № 19. СПб., 2013. Сохранена орфография этого и других, нижеприведенных документов.

⁴⁷¹ В армии меня учили, что я – рядовой – могу обратиться к командиру взвода только через командира отделения. А здесь, на боевом корабле, трюмный старшина обращается непосредственно к помощнику командира корабля с просьбой дать шлюпку – покататься. А куда покататься, не сказал.

Мы, как не видели мин, заинтересовались, стали рассматривать, причем у тех мин какие мы смотрели горловины были открытые, а в середине пустые пространства, мы думали, что мины разоружены. Специалистов же из среды нас ни кого не было, механик Борисов о минах нам ничего не объяснил».

Из показаний Р.Г. Борисова:

«Прибыв на форт мы направились под арку и вошли во двор форта, затем в левое помещение. Во дворе команда стала собирать рассыпанные угольные свечи.

Один зажег свечу, которая начала *тлеть* (курсив мой. – Л. А.). Я приказал ее потушить, что он сделал затоптав ногами. Потом вышел из-под арки к пристани. Один купался, о том что он потом оделся и пошел за мной во двор я не заметил.

Случайно оглянувшись, я заметил, что из одной из мин, лежащих приблизительно в количестве 60–70 шт. показался черный дым, потом огонь. Я спросил, в чем дело и получил ответ, что военмор Пронин бросил в мину горящий уголь».

Несколько страниц дела и соответственно дознания посвящены выяснению, кто первым зажег свечу. А зачем их стали собирать? Путилин показал, что свечи собирали для того, чтобы отдать боцману «для прикурки на баке»⁴⁷². Причем Путилин тоже зажег свечу, но, по его словам, от свечи Колерова, так как не имел спичек. Пронин показал, что не знает, кто первый зажег свечу, а свою он разжигал от свечи, горевшей в руках Путилина.

О том, что представляли собой эти свечи, пока можно судить только по словам Борисова, объяснившего военморам, что «японские свечи употребляются во время военных действий в окопах для грелок, горение их тлеющее и бездымное».

Из показаний А.А. Сизова следует, что он с Колеровым и Прониным «стали рассматривать в горловину мины и увидели там что-то желтое и порох».

Как можно увидеть в горловину мины что-то жёлтое и, главное, порох?! Вспомним, что белые ночи уже не такие белые, и в половине 11-го вечера не так уж и светло. Но если в мине увидели порох, то каким надо быть, простите, идиотом, чтобы бросить в порох грелку? Впрочем, наверное, и среди ста тысяч нормальных людей найдется один, попытавшийся с помощью зажженной спички узнать, сколько еще бензина в бензобаке...

Сизов спросил Колерова, «что это такое желтое. Он мне ответил, что это желтое – динамид и вот если туда попадет горящая грелка, то может образоваться взрыв, но Пронин тут же сказал, какой динамид! Это ржавчина! И свечу бросил в мину и сразу же образовалась вспышка, мы, не принимая никаких мер, бросились бежать к шлюпке».

На следующем допросе Пронин не подтвердил показания Сизова о том, что именно он, Пронин, бросил свою свечу в мину, после чего из нее «образовалась» вспышка. К сожалению, составить целостную картину из этих противоречивых показаний весьма трудно. И понять обвиняемых можно – крестьянские парни из голодных деревень вдруг в одночасье стали военморам, к ним обращаются на «вы», ни получают паек и даже денежное довольствие, вместо обмоток и лаптей – клеши и бляхи. И вдруг – эти мины, которые почему-то имеют тенденцию взрываться. Видимо, путаница в показаниях экскурсантов естественна. В тюрьму кому ж охота...

Вернемся к показаниям Борисова на первом допросе. Он утверждал, что они были на форту 15–20 минут, до «Парижской коммуны» дошли за 7-10 минут. При этом Борисов предупредил свою команду, чтобы молчали, так как собирался доложить старшему помощнику командира линкора Добровольскому.

27 июля, на втором допросе, Борисов добавил, что «военморы, катавшихся со мною [...] ранее не знал, знал только в/м Пронина и Путилина, с которыми встречался раньше по службе. После купания у Кроншлотского (так в тексте. – Л. И.) один из военморы, кажется Путилин

---

⁴⁷² А.А. Сизов утверждал, что слышал слова Борисова: «надо взять на корабль коробку [свечей] для лекции».

попросил зайти на форт Павел, на что я согласился. Что находится на форте Павел я не знал, но знал, т. е. от кого-то слышал еще в 1922 г., что туда ходили с экскурсиями, я направил к форту Павел, но подходя к нему я почему-то все-таки не хотел туда заходить, но команда стала просить зайти, чтобы оправиться, после чего мы пристали к форту. Когда подходили к форту, а также когда уходили от него, я заметил катающуюся шлюпку под парусом шестерку или четверку, причем в момент нашего ухода от форта она направлялась на „Аврору“, но подошла ли она к ней, я не знаю, не видел».

Отметим в показаниях Борисова шлюпку под парусом, а пока попытаемся понять логику действий старпома «Паркоммуны». ⁴⁷³ Из рапорта Добровольского:

«19.07 механик в/м Борисов явился ко мне и доложил, что катаясь на шлюпке с командой 7-й роты (трюмными), он по просьбе команды подошел к форту Павел, где часть команды купалась, а часть прогуливалась по форту.

[...]

Борисов, докладывая, указал, что они хотели горящую мину откатить на стенку в воду, но от растерянности ничего сделать не могли, а потому им дано было приказание немедленно всем посадиться в шлюпку и идти к „Паркомму-не“. Я заявил, что сейчас пойдем к начальнику штаба, но его в каюте не было. Поднялись на верхнюю палубу – здесь начальник штаба и другие штабисты. Я в этот момент ничего не доложил. [...] В тот момент на корабле была такая беспокойная обстановка и думал, что доложу, когда все успокоится. Но на следующий день почему не доложил с утра или хотя бы днем сейчас объяснить себе не могу.

Как раз во время доклада об этом механиком Борисовым произошел первый взрыв, который помешал мне привести в исполнение первую пришедшую мне в голову мысль о немедленном докладе начальнику штаба и заняться распоряжениями о принятии противопожарных мер. Так как этот случай явно послужил причиной взрыва на форте в чем не может быть никаких сомнений, а кроме того огласка его недопустима, то я отложил сообщение о нем комиссару корабля до позднего вечера».

Далее происходит нечто странное: «Военмор Борисов отпущен зам. командира линкора „Парижская Коммуна“ на квартиру, как упавший сегодня в трюм (по его докладу) для лечения на 3 суток от ушиба, засвидетельствованного судовым врачом. Ученики, ходившие на шлюпке, на корабле». То есть все остальные участники роковой прогулки находятся на корабле, правда, высадив Борисова, их отправили в Кронштадт с какими-то письмами.

Добровольский докладывал: «В 4 часа дня ко мне явился врач [...] в/м Яблонский и подал рапорт о том, что механик Борисов часов около 12 дня при работе упал в трюм средней машины, результатом чего нуждается в увольнении на берег на квартиру для домашнего лечения. Я полагал, что поскольку он имеет семью в Кронштадте и тем более больной скрывается от суда или вообще от ареста не может и считал целесообразным его арестовать на квартире».

Эти аргументы вызвали естественный вопрос у следствия: «Что за целесообразность Вы находили произвести арест Борисова на квартире?».

Ответ: «Думал, что это не вызывало бы никаких толков среди команды и чтобы не знали, что наша шлюпка была на „Павле“».

Очень странный эпизод, не правда ли? Если Борисов действительно упал в трюм, то интересно, какие ушибы он получил? И что это за врач, который увольнение на берег считает лучшим лечением для упавшего в трюм? А, может быть, Борисову как главному свидетелю что-то угрожало, и Добровольский специально отправил его в Кронштадт, чтобы спасти ему жизнь?

Итак, первый акт трагедии подошел к концу и начинается вторая.

Вспышку мины и уходящую с форта шлюпку увидели с крейсера «Аврора». Начальник ВМУ Винтер послал шлюпку с восемью «охотниками» – добровольцами. Это были слушатели

---

⁴⁷³ Так матросы называли линкор «Парижская коммуна».

В.И. Полещук, К.И. Сокольский, Ф.С. Седельников, Н.К. Моралев, М.У. Ушеревич, К.Я. Казаков, Г.И. Альман и А. К. Евсеев под командованием заведующего обучением ВМУ В. В. Гедле.

Итогом их похода на «Павел» стали тяжелое ранение Евсеева и Сидельникова, контузия Полещука и Моралева. Гедле умер в госпитале в 6 утра. У Альмана голова была оторвана до нижней челюсти. От Казакова остались только части скелета. Погиб и Ушеревич. Один Сокольский, оставшийся по приказу Гедле у шлюпки, отделался испугом и немалым. Что же произошло?

В книге Ю.М. Чернова «Судьба высокая „Авроры“» приведены воспоминания А. Евсеева, которые автор несколько приукрасил:

«Нас в шлюпке было девять человек, считая и начальника учебного отдела военно-морского училища тов. Гедле... Пристали к бону форта и быстро выскочили на землю. Тов. Гедле отрывисто бросил: – Одному из гребцов остаться дежурным у шлюпки, остальным быстро следовать за мной! Мы бежим за ним. На ходу он приказывает нам насыпать песок во что попало: в фуражки, в голландки для того, чтобы погасить пламя.

Наступила темнота. Я только видел, как из горловины мины вылетал огонь, освещая каменные укрепления форта, где было более сотни мин. Я и мой товарищ Ушеревич первыми насыпали песок в голландки и первыми бросили его в горловину мины⁴⁷⁴. Мина, проглотив его, зловеще зашипела и выбросила пламя в два раза большее, чем оно было прежде. Остальные тоже тушили горящую мину. Один из наших военморов, Казаков, даже вылил в неё ведёрко воды. С секунды на секунду мы ожидали взрыва. Мина накалилась докрасна. Смерть как бы смотрела нам в лицо. Видя неудачу своих попыток погасить огонь, мы решили изолировать мину. Схватили минреп, валявшийся здесь же, на берегу. Попытка столкнуть мину в море кончается неудачей. Минреп лишь раскачивает её. Чувствуем своё бессилье, но с двойной энергией принимаемся за работу. Снова делаем отчаянную попытку столкнуть мину, и снова мешает окружающее её кольцо других мин. Томительно идут секунды. Мы находимся всего в трёх-четырёх шагах от дрожащей от внутреннего полыхания мины. Она как бы загнипнотизировала и притягивает к себе... И вдруг сметающий всё на своём пути огненный смерч и грохот. Это один миг. Я видел только блеск. Стало темно. Я потерял сознание. Очнулся в воде, будучи отброшен взрывом. Вода освежила меня и придала мне силы. Я выбираюсь на берег. Чувствую большую слабость. На берегу в темноте замечаю среди груды камней несколько огоньков. Это загорелось ещё несколько мин. Опасность придаёт мне новые силы <...> Я и Сидельников в Кронштадтском госпитале. За нами заботливый уход, а там, на горящем форту, погибли четыре близких, почти родных товарища: Гедле, Казаков, Ушеревич, Альман...»⁴⁷⁵.

Из показаний В. Полищука: «Гедле послал за тросом, чтобы стащить мину в воду, все разошлись искать и были в сажнях 7-15. Т[оварищ] Гедле нашел железный прут и со слушателями Казаковым, Ушеревичем стали кантовать мину. Я со слушателями Сидельниковым и Морылевым разобрал найденный трос. Вспышки в mine стали сильнее и сильнее и она взорвалась. При вспышке кантовавшие отскочили и раздался взрыв».

Кстати, Полищук слышал, как с трапа Гедле кричал сигнальщикам приказ передать на «Парижскую коммуну», чтобы задержали шлюпку.

Из показаний Сокольского: «С появлением пламени люди от мины бросились к шлюпке и сразу раздался взрыв и загорелось в нескольких местах».

Кроме того, Сокольский отмечает: «От форта отошли по-видимому две шлюпки хотя и были на большом расстоянии. Одна под парусами вельбот или шлюпка, шедшая к «Парижской коммуне», и другая гребная военная шлюпка, шедшая к Кронштадту».

⁴⁷⁴ И хотя В.В. Гедле был вторым помощником командира канонерской лодки «Хивинец», в минном деле он разбирался слабо, иначе не приказал бы тушить огонь в mine песком.

⁴⁷⁵ Чернов Ю.М. Судьба высокая «Авроры». М., 1983. С. 273–275.

Оставшиеся в живых слушатели, пытавшиеся спасти форт «Император Павел I» (слева направо): К.И. Сокольский, В.И. Полещук, Ф.С. Сидельников, Н.К. Моралев, А.К. Евсеев

Это уже второе упоминание о какой-то таинственной шляпке, которая в этот вечер якобы была на форту «Павел» (первое в показаниях Борисова). Видимо, об этой же шляпке говорит и Евсеев: «Когда мы шли на тушение пожара я слышал разговор, что какая-то шляпка отходит от форта по направлению к маяку. Но сам шляпки я не видел т. к. сидел спиной к форту. Говорил об этой шляпке в/м Гедле».

Совершенно непонятно, как мог форт, нашпигованный взрывчаткой, оставаться без охраны? Главный минер Г.М. Озеров показал, что «форт „ПАВЕЛ“ служил и служит складом взрывчаток, что в 1919 году после происшедшего на форту взрыва все оставшиеся от взрыва мины были списаны в расход, но фактически оставались на форту; что с 1921 года имевшийся на форту караул постановлением Окруж[ной] Комиссии был снят и с того времени форт ни кем не охранялся, о чем он докладывал командиру Порта т. КАСАТКИНУ в устной форме, но безрезультатно и после чего занятый другими делами, фортом и его охраной не занимался, что после взрыва 1919 года на форту осталось 254 мины и, кроме того, туда же было завезено мин браку до 345 штук; что на форту „ПАВЕЛ“ находятся мины про это знал и флагмин Балтийского флота в/м САЛМИН и Мортехозупр. Так как им посылаются еженедельно сведения о количестве взрывчаток на складах с указанием где именно они находятся. О форте „ПАВЕЛ“ кроме Компорта Касаткина другим заместившим Касаткина командирам порта он, Озеров, не доносил и знали ли они о нахождении на форту мин он не знает. На форту последний раз он, Озеров, был весной или летом прошлого года. Посещал ли после него кто либо форт, он не знает».

То есть, с одной стороны, «вопросы охраны его ведению не подлежат», но с другой – имели «место личные указания на усиление охраны».

Итак, допросив всех участников, очевидцев и прочих причастных к этому делу лиц, 1923 года августа 9 дня Уполномоченный 4-го Отделения Особого Отдела ПВО Афанасьев, рассмотрел «дело № 1583 о взрыве на бывшем форту „ПАВЕЛ“ в крепости Кронштадт». И это дало ему основание установить виновность:

«1. Военмора Борисова Романа Георгиевича, выразившаяся в превышении власти проявленной при приставании на шлюпке к фортам „КРОНШЛОТУ“ и „ПАВЕЛ“ без всякого на то разрешения и бездействии власти выразившейся в том, что видя у подчиненных ему военморов зажженные угольные свечи-патроны с коими они расхаживали среди мин он не только не отдал соответствующего приказания о потушении их, но даже сам прикуривал от подобной же свечи и при произведенном подчиненными ему военморами поджоге одной из мин не принял никаких мер к тушению огня, а наоборот поддавшись панике бросил на произвол судьбы, т. е. в преступлении предусмотренном ч. II ст. 209 Уголовного кодекса.

2. Военморов: ПРОНИНА Михаила Семеновича, СИЗОВА Александра Александровича и ПУТИЛИНА Георгия Георгиевич в беспечно-озорных действиях с тяжелыми последствиями следствие чего была гибель 4 в/м с крейсера „АВРОРА“ выразившееся в том, что разжигая огонь и не зная достоверно о свойствах мин и их воспламеняемости своими действиями вызвали поджог мины и тем самым пожар и взрывы мин т. е. в преступлении предусмотренном ст. 176 и ч. 2 ст. 147 по аналогии со ст. 10 Уголовного кодекса.

3. Военморов ПИСАРЕВА Михаила Александровича, ЛОГИНОВА Петра Ивановича, ИВАНОВА Алексея Алексеевича, ЛЫЖОВА Константина Ивановича, КОЛЕРОВА Георгия Николаевича в несоблюдении правил предосторожности, последствием чего была гибель 4-х человек, выразившееся в том, что они, видя разведение огня среди мин, не приняли мер для прекращения такового, равно как и при вспышке мины т. е. в преступлении предусмотренным ч. 2 ст. 147 по аналогии со ст. 10 Уголовного кодекса.

4. Военмора ДОБРОВОЛЬСКОГО Владимира Александровича в бездействии власти без тяжелых последствий, выразившееся в том, что будучи ст. пом. командира л/к „ПАРИЖСКАЯ КОММУНА“, приняв рапорт мех. БОРИСОВА о произведенном на форту „ПАВЕЛ“ поджоге мины в/морами л/к, не доложил немедленно по начальству, а скрывал таковое в течение суток, мотивируя свой поступок желанием скрыть виновных, но все же доложивший о происшедшем, т. е. в преступлении предусмотренном ч. II ст. 209 Уголовного кодекса

5. Военмора ОЗЕРОВА Григория Эммануиловича⁴⁷⁶ в бездействии власти, выразившееся в том, что состоя Главминером Главвоенпорта, имея в своем ведении склады взрыввеществ, в том числе на форту „ПАВЕЛ“ не принял никаких мер к охранению последнего, результатом чего явился поджог мины и последующий за сим взрыв до 150 мин с человеческими жертвами. В халатном отношении к службе, выразившемся в том, что по записям и отчетности наличия взрывимущества количество мин, завезенных на склад на форту „ПАВЕЛ“, показано менее фактически туда завезенных, без учетном хранении бракованных мин, оставшихся после взрыва в 1919 году в большом количестве и выписанных уже в расход, правильных сведений о которых ОЗЕРОВ дать не мог, т. е. в преступлении предусмотренном ч. 2 ст. ст. 107 и 108 Уголовного кодекса.

6. Военмора ПЯТЫШЕВА Ивана Тимофеевича в бездействии власти выразившееся в том, что состоя Комиссаром при Минно-Артиллерийской части Главвоенпорта и зная что на форту имеются мины без всякого охранения, не принял никаких мер к установлению охраны таких и не обследовал такового, т. е. в преступлении предусмотренном ч. 2. ст. 107 Уголовного кодекса.

---

⁴⁷⁶ Ошибка. Отца Г.М. Озерова, командира эскадренного броненосца «Сисой Великий», участвовавшего в Цусимском сражении, звали Мануил Васильевич.

Принимая во внимание, что, кроме вышеперечисленных лиц, обвинение коим предъявлено из материала дознания выясняется виновность и вышестоящих лиц Морского и Крепостного Командования, т. к. недостаточность охраны и отсутствие правильной проверки такой на других огнескладах крепости Кронштадт усматривается из приложенных к делу актов Комиссии (л.л. 70–77, 166, 209), для чего необходимо дальнейшее ведение следствия, руководствуясь ст. ст. 106 и 374 Уголовно-Процессуального Кодекса и предложением Военного Прокурора Балтийского моря и крепости Кронштадт за № 182/с от 7 августа с/г.

ПОСТАНОВИЛ

Дело № 1583 с личностями арестованных в/м в/м Добровольского и Борисова передать в следственную часть Военного Трибунала Балтийского флота с перечислением арестованных, содержащихся при 2-м Пограничном Отделении.

Вещественных доказательств по делу не имеется.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

(Афанасьев)

Согласен:

Нач. IV [фамилия неразборчива]

УТВЕРЖДАЮ:

Зам. НАЧАЛЬНИКА ОСОБОГО ОТДЕЛА ПВО (ПЕТЕРСОН)

11 августа 1923 года».

Вещественными доказательствами не признали изъятые у Борисова:

«Денег советских образца 1923 года – 905 рублей.

Керенских – 760 рублей,

Николаевских – 100 рублей,

Фотографический аппарат малого размера – 1,

Бумажник кожаный старый – 1,

Перочинных ножей – 2,

Ключей разных – 4».

Все это вернули отцу Борисова, не поинтересовавшись, откуда у Борисова такая сумма денег и «фотографический аппарат малого размера»? И что значит «малого размера» – не шпионский ли? Все мы представляем фотографа тех лет с тяжелой треногой и громоздким аппаратом, в который вставляются пластинки, а сам фотограф предлагает фотографирующимся застыть на некоторое время и ждать, когда вылетит птичка. Однако были и небольшие аппараты, с размером стеклянного негатива 6х9 см. Стоил такой аппарат в то время 150–200 рублей. Деньги немалые, но у Борисова, судя по всему, с этим проблем не было.

С 1923 г. оплата труда комсостава флота стала производиться по единому военному тарифу (п. 1 приказа РВСР № 485 1923 г.), и уже в феврале 1923-го денежные должностные оклады комсостава РККФ стали такими: командира судна 4-го ранга (17-й разряд) – 462 рубля (по Москве, Московскому и Петроградскому военным округам) и 312 рублей – по всем остальным частям страны, командира ЭМ «Новик» (20-й разряд) – соответственно 780 и 520 рублей, командира линейного корабля (22-й разряд) – 975 и 630 рублей.

Уцелевший фрагмент форта «Император Павел I». Слева вдали виден купол Кронштадтского Морского собора. Фото П.С. Сапунова. 2009 г. В 1923 г. было разрушено примерно три четверти здания, остальное «добили» немцы в годы Великой Отечественной войны и наши минеры, взрывавшие здесь протраленные мины

Таким образом, у Борисова оказалась почти месячная зарплата командира линейного корабля! Кстати, у Добровольского изъяли «всего» 530 советских рублей. Керенки номиналом 20 и 40 рублей печатались в 1917–1921 гг., что сравнительно «долго» для керенок. Изымались они весь 1922 год, а в 1923-м они не стоили и бумаги, на которой были напечатаны.

Как бы то ни было, самый крупный форт Кронштадтской крепости был почти уничтожен благодаря элементарной глупости молодых матросов.

Едва Кронштадт пришел в себя после такого потрясения, как случилась еще одна беда – наводнение 23 сентября 1924 г. О наводнениях Петербурга написано очень много. Но о том, что творили волны в Кронштадте, почти неизвестно. Исключение составляет описание наводнения 1824 года, данное Шеловым: «В ночь на 7-е ноября начался сильный юго-восточный ветер, превратившийся к 10 часам утра в бурю. Вода поднялась так, что покрыла все улицы города, кроме нагорной части, и достигла 11 И фут выше ординара. Мосты у Цитадельских и Кронштадтских ворот унесены в море, у всех кордегардий снесены платформы, причем три будки выкинуты за валганг. На западной стороне в 6-м и 7-м бастионах, реданах и двух флешах, так же, как и по северной стороне, бруствера совершенно смыты. В остальных размыты наружные крутости. В Александре-Шанце у двух бастионов фасы смыты на всю ширину, четыре орудия скатились на берег. Петровскую батарею размыло совершенно и караульный дом снесен в море, пострадала также Ивановская батарея и ее караульный дом унесен. Кессель батарею размыло совершенно. В этих укреплениях пороховые погреба и пирамиды для снарядов унесены в море⁴⁷⁷. В донесении морского ведомства сказано, что сильной погодой старая северная № 1 батарея снесена волнами так, что видны одни только сваи, а потому неизвестно, где команда, находившаяся там для присмотра за батареей, „в живых или в мертвых“; к сожалению, дальнейшей переписки не найдено.

Как ни странно, нигде нет донесений о погибших людях; приходится сказать, что официально человеческих жертв не было. Хотя известно, что погибли несколько часовых, которых не успели отозвать с постов, где они, верные присяге, находились до последнего.

Наводнение произвело полное разрушение всех передовых частей крепости, и повредило центральную как в инженерном, так и в артиллерийском отношении. В глубокую осень трудно было сейчас подвести итоги всем убыткам; они выяснились окончательно только в следующем году. [...] Крепость настолько была повреждена, что ее надо было во многих частях строить заново.

⁴⁷⁷ Арх[ив] Крошит[адтского] Инженерного] Управления. – Сноска Шелова.

[...]

Присланный по Высочайшему повелению инженер-генерал Опперман приказал собрать разбросанные по всему валу орудия и остатки платформ, причем с северной и восточной стороны крепости орудия вовсе велено свезти на пушечный двор, так эти части валов должны были быть обращены в дамбы; с западной же стороны только снять с валганга.

Порох весь был подмочен, а много и совсем было уничтожено. Для переделки отправлено в Петербург 147 888 пудов»⁴⁷⁸.

Об этом наводнении есть упоминание в одном из писем императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра I:

«Петербург, 11 (25) ноября 1824 г., вторник, 11 часов утра.

Кронштадт, никогда прежде не страдавший от наводнений, затоплен».

К.П. Померанец, цитирующий это письмо в книге «Три века петербургских наводнений», добавляет: «Неверное представление о явлении в те годы. В действительности наводнения в Петербурге всегда сопровождаются наводнениями в Кронштадте, где максимумы подъемов воды наступают немного раньше и оказываются несколько ниже»⁴⁷⁹.

В этой же книге есть упоминания о Кронштадте в связи с другими наводнениями. 23 сентября 1924 года (380 см в Ленинграде, 2-е по высоте, 3-е катастрофическое) – «На корабле Лайка“ у форта „Краснофлотский“⁴⁸⁰ погибло 500 человек»⁴⁸¹. 3 января 1925 года (225 см в Ленинграде) – «В Кронштадте прервано телефонное сообщение»⁴⁸².

Тральщик, выброшенный на берег, и плавающие дрова. Слева предположительно учебный корабль «Петр Великий»

Публикуемый ниже «Акт» интересен тем, что дает некоторое представление о том, каким был Кронштадтский порт до вечера 23 сентября 1923 года. То есть получается, что он весь был заполнен дровами и углем.

⁴⁷⁸ Шелов А.В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904. С. 171–172.

⁴⁷⁹ Померанец К.П. Три века петербургских наводнений. М.-СПб., 2005. С. 29.

⁴⁸⁰ Форт «Обручев».

⁴⁸¹ Померанец К.П. Три века петербургских наводнений. М.-СПб., 2005. С. 82.

⁴⁸² Там же. С. 84.

«Акт

Комиссии, назначенной приказом по Главному Военно-Морскому порту от 26 сентября 1924 года за № 763, по выяснению повреждений, причиненных Главвоенпорту ураганом и наводнением 23 сентября 1924 года, и определению убытков по хозяйственной части под председательством Помначхозотдела Грунина, членов: члена приемной комиссии порта Рудакова и от плавучих средств порта т. Федорова.

Кронштадт, Сентябрь 30 дня 1924 года.

Мы, нижеподписавшиеся, сим свидетельствуем, что для выполнения указанного поручения нами приступлено к работам в срочном порядке 27 сентября 1924 года. Причем определение производилось приблизительно, так как точного обмера или учета произвести не представляется возможным ввиду того, что дрова разнесены, уголь размыт по площади складов, а некоторая часть находится на плаву. Дрова необходимо сложить в штабели, а уголь в кучи, для чего потребуется время. Определение количества разнесенных дров и угля производилось по книжному наличию на 23 Сентября.

Для выяснения убытков, понесенных Главвоенпортом от наводнения на месте заготовки дров в Капорском⁴⁸³ районе, комиссия не выезжала согласно приказания Помкоман-главвоенпорта по хозчасти т. Вахрамеева, с чем она согласна, приняв за основу рапорт председателя комиссии ранее назначенной туда под председательством т. Тостова, из которого видно, что убытки причинены, кроме шторма 23, еще раньше 8–9 и 18–2 °Сентября, в общей сложности на сумму 2097 руб. 20 коп., подлежащих выплате за работы по списанию имущества и транспортных средств. Что же касается выяснению убытков от разнесенных водою дров, то таковой выявить не представляется возможным, так как дрова разнесены одновременно трех организаций, кроме Главвоенпорта: Центр-Союза, Банка и Косколовского лесопильного завода. К разборке дров и лесоматериалов меры приняты и только по выяснении их на местах, возможно, будет выяснить и убытки Главвоенпорта.

Таким образом, по вышеприведенным цифровым данным убыток выражается сумме Сто двадцать четыре тысячи шестьдесят три руб. 78 коп. (124 063 р. 78).

Во время работ комиссии, последней были приняты срочные меры к спасению дров на плаву в гаванях и на Ораниенбаумском берегу за плату по одной погонной сажени дров за собранный куб дров в среднем. О немедленной уборки гари и песку со двора мясного склада за плату до 5 рублей с куба. Мероприятия эти утверждены Помкоманглаввоенпорта по политической части.

О вышеизложенном составлен настоящий акт в трех экземплярах.

Члены комиссии

(Рудаков)

(Федоров)

Председатель комиссии

(Грунин)»⁴⁸⁴.

Если сложить все упомянутое количество хранившегося в Кронштадте угля, то получится весьма внушительная сумма – 16 382 тонны или, считая удельный вес угля примерно равный 1,5 г/см³, – около 10 000 кубометров. Сейчас трудно представить себе Кронштадт, «украшенный» холмами угля и дров.

---

⁴⁸³ В документах часто встречается ошибочное написание. Должно быть – Копорского.

⁴⁸⁴ РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 708. Л. 20–21. Полностью Акт опубликован в альманахе «Цитадель» (№ 21).

И все-таки жизнь брала свое. Постепенно налаживалось и коммунальное хозяйство, чему способствовало принятое в 1923 г. решение правительства, которое обязало наркоматы привести в порядок все свои учреждения в Кронштадте. Налаживались и культурные дела. В Летнем здании Морского собрания, построенном в 1868 г., с марта по июнь 1917 г. располагалась редакция газеты «Голос правды», затем до конца 1917-го – газеты «Пролетарское дело». В 1922-м Летний сад стал называться садом «Красный моряк», но это наименование не прижилось. В этом же году летнее здание сгорело, и в мае в саду построили летний театр. Именно сюда в летнее время перемещалась просветительская деятельность «Центрального Военно-Морского клуба». Здесь можно было посмотреть спектакль, посетить кружки «по интересам». Моряков и красноармейцев на представления пускали бесплатно, а вот гражданским лицам приходилось платить. Однако для большинства жителей Кронштадта это развлечение было недоступно – денег не хватало на элементарные нужды, да и безработица не способствовала процветанию. Зимой здесь организовали лыжную станцию и залили каток.

С 1926 г. в Летнем саду стали устраивать массовые гулянья, на открытом воздухе демонстрировались кинофильмы. А в начале июля состоялась вторая попытка переименовать сад. Теперь он стал «Летним садом ДКАФ имени Карла Либкнехта». Здесь установили вторую киноустановку, и на сеансы на открытом воздухе собиралось до 3000 человек, причем за отсутствием скамеек зрителям приходилось смотреть кино стоя. Это нравилось далеко не всем: «Кино смотрим вприсядку, потому что скамеек не имеется. Выстоял сеанс на ногах, и зло взяло. За паршивую картину целую вахту отстоял». В 1935-м сад в очередной раз получил новое имя – «Парк культуры и отдыха имени Гамарника» и в нем наконец-то появились большие скамейки.

Еще один сад – «Металлист» – начал работать в 1928 г. Это была территория сада «Адмиралтейский» на улице Южной, распланированного еще в 1874 г. После революции здесь имелся лишь пустырь, превращенный в футбольное поле, вокруг которого собиралось немало подзрительных личностей. В 1926-м началась реконструкция сада, и в нем было запрещено распитие не только крепких напитков, но и пива. Вход был строго по билетам, которые можно было получить в клубе «Металлист». Причем один билет выдавался «на два лица». Один из рабочих жаловался на то, что по этому билету не пустили его товарища. Оказывается, можно было только с женой, разумеется, своей.

В соответствии с активной антирелигиозной политикой Морской собор закрыли в 1929 г. и в нем устроили кинотеатр, получивший позднее приставку «им. М. Горького». Это дало повод кронштадтским острякам называть его «Максимкой».

Однако при всем обилии культурных мероприятий 19 % населения Кронштадта в 1930 г. оставалось неграмотным. В 1931-м провели перепись населения, в основном детей, которым следовало восполнить эти пробелы. Для взрослых ввели «непрерывный год по ликбезу», и вскоре неграмотных в Кронштадте остались единицы, которых и учить-то в силу ряда причин уже было бесполезно. Активно работала Центральная городская библиотека, выдававшая в год около 200 тысяч книг, а детскую библиотеку посещало в день 200–400 маленьких читателей.

Кабинет антирелигиозной пропаганды в Кронштадте

Им уделялось особое внимание. В 1930 г. в здании бывшей гостиницы «Лондон» (Высокая ул., 6) торжественно открыли Дом коммунистического воспитания детей. Там работали кинотеатр, библиотека, многочисленные кружки. В 1932 г. при Доме создан Театр рабочей молодежи, имевший сокращенное название ТРАМ, переделанное кронштадтскими шутниками в «Трамтарарам». Первая пьеса, поставленная в нем, разумеется, была посвящена Ленину и называлась «Внучата Ильича».

В конце 1930-х гг. гражданское население Кронштадта составляло более 35 000 человек. Жизнь в крепости хоть и подчинялась суровым законам крепости, но материальные условия были значительно лучше, чем в Ленинграде, выше – зарплата работников предприятий, и, кроме того, существовала так называемая «островная надбавка», которую, правда, периодически отменяли. Снабжение продуктами осуществлялось по высшему разряду.

В Кронштадт регулярно приезжали столичные и ленинградские театры, была и своя художественная самодеятельность.

Купальня в Петровском канале

Особое внимание уделялось, конечно, спорту – стране нужны сильные и здоровые люди. Огромную роль в этом играл спортгородок, постепенно превратившийся в настоящий центр здорового образа жизни. Зимой проводились марафонские лыжные пробеги по маршруту Кронштадт – Ленинград, а в марте 1936-го шестеро лыжников совершили сложный переход от Кронштадта до Москвы, который занял 12 суток⁴⁸⁵.

Кронштадтский спортгородок

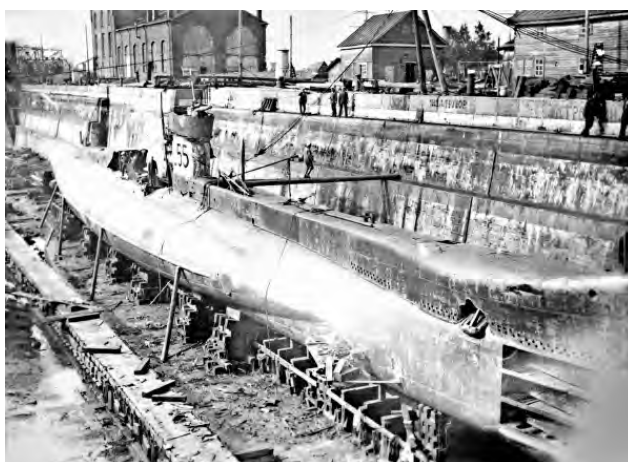
⁴⁸⁵ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. С. 137.

Важную роль в восстановлении флота и крепости должен был играть Морской завод. Для улучшения организации работы всего сложного хозяйства в его состав включили предприятия бывшего военного порта – Адмиралтейства: 17 мастерских, все доки, Мортонев эллинг. Впоследствии были отремонтированы, модернизированы доки, механический, литейный, котельный цеха, построены новые корпуса.

Уже в 1922 г. прошли докование линкор «Парижская коммуна» (бывш. «Севастополь»), ледокол «Ермак» и около сорока других кораблей и судов.

Постепенно боевые корабли доводились до необходимого боевого состояния, и к 1929 г. в строю флота находились линейные корабли «Марат», «Октябрьская революция» (бывш. «Гангут»), «Парижская коммуна», крейсера «Профинтерн» (бывш. «Светлана») и «Аврора», эскадренные миноносцы, подводные лодки, тральщики. Все они базировались на Кронштадт – главную и единственную тогда военно-морскую базу на Балтике. В 1929 г. линкор «Парижская коммуна» и крейсер «Профинтерн» ушли на Черное море.

В первые годы Советской власти особую роль в работе заводов Кронштадта играла так называемая Центральная примирительная камера, созданная еще 10 марта 1917 г. в Петрограде. В ее задачу входило решение вопросов сложных взаимоотношений заводчиков и рабочих. Участвовали в ее работе и представители Кронштадтского порта и Пароходного завода. Так, на заседании Примирительной камеры 15 апреля 1918 г. участвовали А. Прейтоф (Кронштадтский порт) и А. Тараканов (Кронштадтский пароходный завод). Постепенно необходимость в работе Примирительной камеры отпала.

Подводная лодка «L-55» в доке

Передача тел английских моряков на английский пароход

Важное для налаживания международных отношений событие произошло в 1928 г. 11 августа специальное спасательное судно «Коммуна» и водолазы ЭПРОНа подняли затонувшую в 1919 г. в Копорском заливе английскую подводную лодку «L-55». Она подорвалась на своем же минном заграждении и погибла со всем экипажем. Лодку ввели в док, а останки английских моряков уложили в цинковые гробы и передали на английский пароход, стоявший на якоре на Восточном рейде. К его борту подвели баржу, убрannую траурными лентами и еловыми ветками. Передача совершалась с отдаением воинских почестей погибшим. После ремонта английская лодка «L-55» вошла в строй советского ВМФ под тем же названием.

Однако все было не так уж безоблачно. Во время больших осенних маневров Балтийского флота вечером 6 сентября 1929 г. эсминец «синих» «Володарский» атаковал линкоры «красных». После безрезультатной атаки эсминец в условиях очень плохой видимости столкнулся с эсминцем «Войков». Моряки, находившиеся на верхней палубе, стали свидетелями жуткого зрелища. Освещаемый огромным снопом искр от трения металла о металл «Войков», врезавшись в «Володарского», со страшным скрежетом буквально загибал его носовую часть. «Володарский», машины которого продолжали работать, все больше прижимался к товарищу по несчастью, нанося ему очень серьезные повреждения по всему левому борту. Через полминуты корабли разошлись, и все опять погрузилось во тьму.

Повреждения обоих эсминцев оказались весьма тяжелыми. Их ввели в док «трех эсминцев», и если ремонт «Войкова» особых трудностей не представил, то с «Володарским» все было гораздо сложнее. Его нос представлял собой грудю искореженного металла, поэтому появилась весьма смелая мысль «пересадить» «Володарскому» нос эсминца «Орфей», который тихо умирал на корабельном кладбище. Эту непростую работу выполнили мастера Кронштадтского пароходного завода, а моряки окрестили свой корабль «Орфодарским».

Эсминец «Войков» в доке «трех эсминцев». 1929 г. Фото Л. Яковлева

Еще одна беда случилась в 1932 г. Тишину теплого сентябрьского утра 9 числа резко нарушил взрыв на южном фарватере. Несчастье это произошло на форту «Император Петр I», на котором находились так называемое «заливочное производство», то есть снаряжение снарядов взрывчатыми веществами. Комиссии, занимавшейся расследованием, картина происше-

ствия представлялась следующим образом: «При опросе бывшего в момент взрыва часовым красноармейца КУДРЯВЦЕВА, возникновение пожара рисуется следующим образом: около 6 ч. 30 м. – 7 ч. в мастерскую № 21 заезжал с вагонеткой один из рабочих форта, который взял в мастерской несколько больших ведер и на той же вагонетке вывез их из мастерской, прикрыв двери последней. Из мастерской после этого КУДРЯВЦЕВ выходящим никого не видел. Примерно минут через 15–20 после закрытия рабочим дверей в мастерской КУДРЯВЦЕВ заметил через окно в мастерской пламя и сразу же дал сигнал в караульное помещение о пожаре. Начальник караула ПОДУЗОВ, получив извещение о пожаре, сделал пожарную тревогу, а караульных под командой своего помощника Мл. командира ЖУКОВСКОГО направил к месту пожара, а сам сообщил в пожарную команду, Дежурному по гарнизону и Дежурному по 3-му Ват. Стрелкового полка и тоже отправился на форт. К тому времени крыша мастерской № 21 была уже охвачена пламенем, и мер к тушению имеющимися средствами применить не представлялось возможным.

Состав караула благодаря расторопности Карнача⁴⁸⁶ – Мл. командира ПОДУЗОВА совместно с частью рабочих принял меры к вывозу платформ нагруженных снарядами, стоявших здесь же, у мастерской № 21.

В момент откатывания 3-й платформы в мастерской произошел взрыв, коим разрушена мастерская и другие помещения, как указано ниже.

Во время этого взрыва отвалившимися глыбами кирпича убит дежурный пожарник краснофлотец ТЕРЕНТЬЕВ и тяжело ранен Пом. Карнача Мл. командир ЖУКОВСКИЙ, который по дороге к Морскому госпиталю умер, легко ранен один рабочий и получили ушибы несколько красноармейцев и один пожарник.

Через 8–9 минут после сигнала о пожаре, а именно в момент взрыва, прибыла пожарная команда № 2 и под руководством Начальника команды тов. ВАСИЛЬЕВА приступила к тушению пожара.

Вид на южную стенку кочегарки на развалины после взрыва мастерской № 21 и канцелярии. Снято с южной части пристани. Из фондов РГАВМФ

⁴⁸⁶ Карнач – караульный начальник.

Вид на восточную часть форта. Снято с крыши мастерских западной части форта. Из фондов РГАВМФ

Спустя несколько минут к форту подошел пожарный буксир «Заряд». Команда стрелкового полка и остальные пожарные команды, которые также приступили к тушению и ликвидации пожара и горевшего тротила и снарядов, разбросанного взрывом по всей территории форта «Петр»⁴⁸⁷.

При взрыве мастерская № 21 оказалась совершенно разрушенной, остальные мастерские пострадали незначительно. Интересно, что попытки выяснить причину взрыва так и не увенчались успехом, несмотря на проведение нескольких натуральных экспериментов»⁴⁸⁸.

Военно-морской парад в честь пятилетия восстановления Советской власти в Кронштадте. На катере – командование Балтийским флотом. 1926 г.

---

⁴⁸⁷ РГАВМФ. Ф.р-52. Оп. 17. Д. 5. Л. 2.

⁴⁸⁸ Подробнее об этом см. альманах «Цитадель», № 22.

Части кронштадтского гарнизона принимают присягу на Якорной площади. 1923 г.

Но Кронштадтский Морской завод занимался не только ремонтом, но и достройкой кораблей, корпуса и механизмы которых строили ленинградские заводы. Так, в 1930-е гг. здесь, на Котлине, довооружали, готовили к приемным испытаниям новейшие боевые корабли: крейсера «Киров», «Максим Горький», эскадренные миноносцы и подводные лодки.

План восстановления народного хозяйства на 1926–1930 гг. предполагал отремонтировать в Кронштадте водопровод и канализацию, улучшить состояние дорог и много другое. И этот план хоть и медленно, но постепенно выполнялся. Были реконструированы общественные здания, наконец достроена Центральная морская библиотека на Советской улице. Стали сооружаться и новые памятники. Так, бронзовый бюст В.И. Ленина на территории Морского завода стал не только первым памятником новой эпохи, но и одним из первых памятников вождю. Появились и новые праздники, так, в 1926 г. отмечалось восстановление советской власти в Кронштадте после подавления мартовского мятежа 1921 г. Вообще торжественные мероприятия – парады, демонстрации, торжественное принятие присяги – стали типичными событиями при советской власти не только в Кронштадте.

Новые жилые дома в Кронштадте появились лишь в начале 1930-х гг. Первыми счастливыми обладателями новых квартир стали 260 семей, въехавшие в три трехэтажных корпуса дома № 4 на Ленинградской улице. В 1932 г. построили новый пятиэтажный дом, на улице Карла Либкнехта, № 15/17. Новые дома возводились и на местах снесенных деревянных построек, в которых не было даже элементарных жилищных условий. В 1934 г. начали принимать пациентов новая больница и поликлиника.

Кронштадтская швейная фабрика. 1934 г.

Как и до революции, особенностью островного положения и проблемой жителей оставалась связь с «большой землей». В 1928 г. в журнале «Краснофлотец» был опубликован шуточный путеводитель начинающего писателя Л.С. Соболева⁴⁸⁹ «Кронштадт – тоже город»:

«Пути сообщения.

А. С внешним миром летом сообщение поддерживается с помощью прямых пароходов типа „Буревестник“ постройки 1848 года. Так как транспортные средства страховые агентства решительно отказываются страховать жизнь при этом роде путешествия, предпочтительнее прямыми пароходами не пользоваться. Вторая линия, Кронштадт – Ораниенбаум, менее опасна: пароходы более поздней постройки (1849 г.), да и доплыть до берега, в случае чего, недалеко. Но этой линией также не рекомендуется пользоваться, так как пароходы приходят в Ораниенбаум минуту спустя после отхода поездов. Осенью и весной те же пароходы переименовываются в ледоколы, и цена за проезд повышается вдвое. Кому желательно узнать, куда девался Амундсен, – может ими воспользоваться. Родным и знакомым этот способ сообщения также не рекомендуется. Зимой устанавливается сообщение по льду с помощью извозчиков и особых автомобилей. На извозчике холоднее, но быстрее, такса с обратной молочницей – 50 копеек; на городских санях с трезвым извозчиком – 3 рубля; то же, но с выпившим, по соглашению (иногда двугривенный, иногда червонец); на розвальнях, как дрова, по полтиннику с носа. На автомобилях твердая такса – рубль до ближайшей поломки. Благодаря описанным путям сообщения характер населения сложился твердым, решительным и выносливым.

Б. С рейдом – особыми «отходящими шлюпками», называемыми так потому, что когда бы ни прийти на Петровскую пристань, шлюпка отошла. Способ сообщения малонадежный.

⁴⁸⁹ Леонид Сергеевич Соболев (1898–1971) учился в Морском кадетском корпусе, участвовал в Ледовом походе Балтийского флота. В те годы служил флагманским штурманом отряда сторожевых кораблей Морской пограничной охраны ГПУ Писатель-маринист. Наиболее известное произведение – роман «Капитальный ремонт».

В. Внутреннее сообщение: в городе имеются два извозчика, несколько автомобилей и тротуары. Цены по соглашению, к которому редко приходят: средство сообщения запрашивает пятерку, наниматель дает гривенник, после чего пользуется тротуаром. Однако следует заметить, что по мостовой идти ровнее.

Г. Загородное сообщение: имеется узкоколейная железная дорога на северную оконечность острова. Поезда ходят по понедельникам, когда таковые приходятся на четное число месяца. При вокзале обоз в 16 лошадей»⁴⁹⁰.

Постепенно жизнь города и работа транспорта налаживались.

Первые автомобили в Кронштадте, как уже упоминалось, появились в день освящения Морского собора в 1913 г., а в 1915-м почетный гражданин И.П. Елизаров получил право устроить автомобильное пассажирское сообщение в Кронштадте. Но сразу после революции было не до автомобилей, и в конце 1922 г. городская власть приспособила «двуконные сани». Они перевозили пассажиров по двум маршрутам: один от Интернациональной улицы (у гостиницы «Северная») до угла проспекта Ленина и улицы Володарского, другой начинался на проспекте Ленина и заканчивался на пристани Рыбных рядов⁴⁹¹.

Один из первых автомобилей Кронштадта

---

⁴⁹⁰ Цит. по: *Крестьянинов В.Я.* Кронштадт. С. 134–135.

⁴⁹¹ *Соколов А.К.* Кронштадт. С. 133.

Кронштадтский автопарк. 1933 г.

Кронштадтский стрелковый кружок им. Марти. 1935 г.

Школьники Кронштадта. 1935 г.

Пионеры сдают нормы комплекса «Будь готов к труду и обороне»(БГТО)

Наконец в начале 1929 г. в Москве приобрели два полутонных автобуса, вмещавших всего по 15 человек. С 27 сентября 1929 г. они начали регулярное пассажирское движение: от площади Володарского (у Андреевского собора) до Ленинградской пристани. Зимой они ходили по льду в Ораниенбаум, но даже не очень глубокий снег не позволял им выходить на трассу. В декабре 1931 г. на Котлине появился автомобиль «форд», ставший первым такси. В 1933 г. в Кронштадт прибыли пять автобусов марки ЗИС-8, рассчитанные на 24 пассажира, и четыре грузовых автомашины. Их сопровождали инструкторы, наладившие работу общественного транспорта.

Пришлось создавать и первые правила пользования автобусами. В них, в частности, говорилось:

«Вход разрешается через заднюю дверь в порядке очереди; выход через только переднюю дверь.

Граждане с малолетними детьми на руках пользуются правом внеочередной посадки исключительно через заднюю дверь. Для указанных граждан отведено два места у шоферской кабины. Дети ростом до одного метра при взрослом пассажире за проезд не оплачивают. Два ребенка при одном взрослом оплачиваются одним билетом»⁴⁹².

Стоит отметить, что любопытные правила проезда детей и то, что посадка должна осуществляться «в порядке очереди», следовало бы применять и сейчас.

В связи с увеличением числа боевых кораблей и усилением береговой обороны численность населения Кронштадта постоянно росла. Это вызвало определенное беспокойство у командования Балтийским флотом, и 5 сентября 1935 г. по приказу командующего КБФ Л.М. Галлера составлена докладная записка, направленная вышестоящему командованию. Эта записка ниже приводится полностью и содержит интереснейшие сведения о состоянии Кронштадта в эти годы.

«Докладная записка

Кронштадт город крепость и Главная база КБФ расположен на острове Котлин в расстоянии 18 км, в пределах прямой видимости от финляндских берегов, является форпостом, непосредственно защищающим подступы с моря к Ленинграду.

Демаскировка города в силу островного положения стратегическая значимость и крайняя близость государственной границы Финляндии делают Кронштадт наиболее ценным и доступным объектом для воздушного нападения и диверсионных действий, направленных на повреждение главных сил флота и базе со стороны противника в военное время.

Основное оборудование единственной главной базы КБФ состоящее из крупнейших в СССР и на всем Балтийском море сухих доков, судоремонтного завода, боехранилищ и портowych складов, исторически создавалось в течение 5⁴⁹³ столетий без учета действий современной мощной бомбардировочной авиации.

Характеристика Кронштадта

А. Базовое оборудование

5 сухих доков – аварийный (им. Велешинского) для линейных кораблей и крейсеров, три (им. Митрофанова, 3-х эсминцев и Петровского) для миноносцев, канлодок и транспортов и один (им. Сургина) для подводных лодок.

Судоремонтный завод – с годовой программой 15.000.000 рублей с числом рабочих, ИТР и служащих 3945 человек.

---

⁴⁹² Цит. по: Соколов А.К. Кронштадт. С. 134.

⁴⁹³ Так в документе.

Единственные на театре боевые хранилища для всех калибров и для всего состава флота, на которых некоторые боезапасы являются единственными комплектами.

Основные склады вещевые и продовольственные хранящие неприкосновенные и мобилизационные запасы для всех кораблей и большинства береговых частей КБФ.

Склады жидкого топлива емкостью 25 тысяч тонн с нефтепроводом ко всем причальным фронтам гаваней.

Б. Энергетическое хозяйство

Питание электроэнергией производится из трех источников: часть города, кораблей и портовых учреждений – от областного энергетического кольца (Лисий Нос – Кронштадт – Ораниенбаум – Кронштадт), часть от Портовой электростанции и часть от Городской электростанции.

Из двух проложенных подводных кабелей южный фидер (Ораниенбаум – Кронштадт) удовлетворяет техническим условиям, северный же (Лисий Нос – Кронштадт) по своим конструктивным недостаткам и положению подвергается постоянным повреждениям, нарушающим бесперебойное питание Кронштадта.

В. Водоснабжение

Водоснабжение рассчитано на удовлетворение в первую очередь потребностей флота и во вторую населения. Забор воды производится из залива путем устройства на заливе заборного устройства и прокладок по заливу самотечного водовода протяжением 3200 метров и очистки ее в системе очистных сооружений (отстойники, канал-смеситель, коагулянт-фильтры).

Проектная мощность водопровода в 43.000 куб. м. воды в сутки и очистка ее будет достигнута только при полном выполнении строительной программы 1935 года к 1 января 1936 г.

Работы по установке оборудования 2-й очереди, благоустройству участка и по разводке сети перенесены на 1936 г.

Г. Канализация

Существующая деревянная канализация, заложенная на глубину 0,5–0,75 м от поверхности мостовой и выпускающая сточные воды в прибрежные воды залива, создает постоянную угрозу распространения заразных заболеваний среди личного состава флота и населения.

Строительство новой бетонной раздельной канализации с системой очистительных сооружений и с выпуском хозяйственных вод на 4–4,5 км от берега, утвержденное Постановлением СНК в 1932 г., начато в 1933 г. Темпы строительства новой канализации явно недостаточны, так при общей стоимости новой канализации в 25.875 тыс. руб. работы профинансированы в 1933 г. на 8.15.1 тыс. руб., в 1935 г. – на 664.0 тыс. руб.

Всего на 1479,1 тыс. руб., т. е. на 5,7 %.

Д. Банно-прачечное хозяйство

Банное хозяйство реконструировано не полностью. Построена новая баня на 430 человек в час. Старая баня на 200 человек в час требует капитального ремонта, с окончанием которого потребность населения в банях будет полностью удовлетворена.

Механическая прачешная производительностью 3,4 тонны в одну смену строительством будет закончена к 1. 1.1936 г.

В настоящее время население пользуется прачешными жактовского типа.

Е. Жилфонд

Жилой фонд старый и вновь построенный за последние пять лет составляет

Гражданский..... 207.748 м²

Военный..... 34.062 м²

Из этого количества:

а. Старый каменный гражданский жилфонд в количестве 100.913 кв. м. требует капитально-восстановительного ремонта с затратой в течение 3-х лет 7.530.000 руб.

б. Старый деревянный гражданский фонд в количестве 11.771 м² требует сноса, 17.7126 кв. м. требует капитального ремонта с затратой 531 480 руб. и 42 848 м. кв. – среднего ремонта на сумму 428 480 руб.

Средняя обеспеченность жилплощадью гражданского населения при численности его 41.661 человек достигает в 1935 г. 4.86 кв. м. на человека.

Ж. Школьный и культурный фонд

Школьный фонд состоит из 10 школ, которые обеспечивают 4800 учеников в 1-ю смену и 1200 учеников во вторую смену. Детских очагов – 12, общим количеством мест на 900 дошкольников с охватом 30–35 % общего контингента.

Детских яслей – 5. Дом Коммунистического воспитания детей один на 250 школьников при общей численности в 6000 человек.

Пионерлагерь один на южном берегу Финского залива на 250 человек, состоящий из одного барака.

Культурный гражданский фонд состоит [из]:

Клуба „Металлист“ на 400–300 человек. Ныне ДК им. Мартынова.

Клуба „Строителей“ на 250 человек.

Кинотеатра им. Горького на 2060 человек.

Военно-морской базовый клуб на [нрзб.]

Д.К.А. им. Гамарника [...] где морское собрание

3-х эсминцев [...] на 600 чел. где администрация.

В летнее время для культурно-массовой работы используется: парк им. Гамарника (Летний сад), Петровский парк, Сад Строителей, Сад Металлист (у главной проходной, где памятник) и Спорт-городок на 2000 человек.

З. Благоустройство города

а. Замошение: Усовершенствованных мостовых нет. Все городские проезды в количестве 566 т. м.² замощены булыжным камнем.

Техническое состояние неудовлетворительное, т. к. в течение последних лет совершенно не было капитального ремонта – каменной одежды.

Загородные дороги, имеющие тактическое значение, и подъездные пути к важнейшим точкам, пришли также в неудовлетворительное состояние.

б. Тротуары: Все тротуары в количестве 35.000 кв. м. покрыты плитами. Состояние неудовлетворительное.

в. Озеленения.

Озеленение города недостаточно, составляя всего 5,7 % от общей площади города. Имеющиеся парки и сады запущены и требуют восстановления.

г. Очистка. Механического транспорта по очистке города нет. Существующий ассенизационный обоз оборудован примитивно и не обеспечивает своевременной качественной очистки.

И. Противопожарная охрана

Пожарных команд три, из них одна городская, имеющая на вооружении три автонасоса. Пожарной сигнализации нет в загородном районе и в районе Морского завода.

К. Автотранспорт

Своего пассажирского автотранспорта город не имеет. Автосообщение производится средствами Ленконтранса летом 6 автобусами, зимой тремя оборудованными 1,5 тонными грузовиками.

Грузовой автотранспорт состоит из 11 машин. В текущем году заканчивается постройка нового гаража на 35 машин.

Л. Междугороднее сообщение

Междугороднее сообщение Кронштадт – Ораниенбаум и Кронштадт – Ленинград в навигационное время не обеспечивает потребности в перевозке пассажиров, в силу неравномерности, предъявляемой потребности к перевозкам, – в предвыходные, выходные и послевыходные дни из-за ограниченности рейсирующих пароходов создаются скопления пассажиров от 500 человек до 1000 человек, ожидающих отъезда от 2–3 часов, что крайне вредно отзывается на политико-моральном состоянии личного состава флота и вызывает вынужденные опоздания значительного числа военнослужащих к месту службы в послевыходные дни.

В рабочие дни движение пароходов протекает строго по рейсовому расписанию, в среднем от 2–3 часов перерывов между рейсами, не обеспечивая таким образом срочность выезда по служебной необходимости. Назрела существенная необходимость наряду с массовыми пассажирскими перевозками на судах среднего тоннажа установить рейсы быстроходных катеров, способных к плаванию в свежую погоду на участке Кронштадт – Ораниенбаум, Кронштадт – Линий Нос.

Для прямых рейсов Кронштадт – Ленинград необходимо построить три новых парохода, способных к прохождению этого пути за один час.

М. Население города

На 1 июля 1935 г. гражданского населения в Кронштадте числится 41 661 чел. Из них самодеятельного 23 237 и несамодеятельного 18 424.

Самодеятельное население распадается на следующие категории

Советско-партийная и государственная группа 1730

Госторговля и кооперация 1791

Промышленные предприятия города 382

Строительные рабочие 3871

Городской транспорт 197

Пенсионеры, учащиеся стипендиаты и прочие 6961

Произв. Предприятия Главвоенпорта 5585

Учреждения КБФ 2710

Всего 23 237

Несамодеятельное население состоит:

Домохозяйки 7424

Детей школьного возраста 6000

Дошкольного 3000

Ясельного 2000

Всего 18 424.

Из приведенной характеристики города и населения Кронштадта с очевидностью вытекает:

а. Численность гражданского населения превышает военную необходимость по боевому обеспечению флота и крепости в решающих областях обслуживания (ремонт, боепитание). Несамодостаточное население составляет 44,2 % ко всему гражданскому населению, выражаясь в абсолютной цифре – 18 424 человека – в момент мобилизации и в военное время эта часть населения явится носителем паники и прямой обузой, способной в силу территориальной тесноты города создать замешательство и повлиять на течение мобилизации и проведение боевых действий флота и гарнизона.

б. Наличие в системе Главного Военного Порты вспомогательных производств, не имеющих прямого отношения к усилению боеготовности флота и воинских частей (лесозавод, швейная фабрика, шлюпочная мастерская, совхоз „Снабженец“) могущих не только без ущерба боеготовности флота быть удаленными из Кронштадта, но с их удалением уменьшится угроза возникновения пожаров и позволит усилить бдительность противопожарной охраны в отношении ряда более ценных и важных объектов.

в. Средоточие в Кронштадте излишествующих по отношению к нормальной потребности многих видов запасов (склады авто-технического имущества, склады табельного военно-инженерного имущества, артиллерийских и минных боезапасов).

г. Излишествует аппарат и вспомогательное производство, рассчитанное на обслуживание гражданского, преимущественно самостоятельного населения, составляя 25 % по отношению к последнему и выражаясь в абсолютной величине – 5619 человек, что в условиях города-крепости нельзя признать нормальным.

Необходимость всемерной разгрузки Кронштадта от гражданского самостоятельного населения очевидна и возможна исходя из следующих принципов:

1. Установление жестких лимитов для производственных предприятий КБФ в главной базе определяемых максимально эффективным использованием существующего докового хозяйства с максимально допустимой механизацией и совершенствования технологических процессов производства.

2. Пересмотреть перенос на южный берег вспомогательные производственные предприятия: лесозавод Морского завода и Кронрайона ОИВ, шлюпочная мастерская Морского завода, парусная мастерская, щитовое дело, постройка бонов.

3. Ликвидировать в системе КБФ вспомогательные предприятия, производство которых без ущерба может быть выполнено предприятиями госпромышленности – швейную фабрику ГВП и совхоз „Снабженец“.

4. (...в документе 3, видимо, впечатано позднее) Установление четкого порядка предоставления в Ленинграде и его пригородах в течение 10 суток жилплощади для семейств и отдельных лиц, не связанных со служебным положением или прямыми родственными связями в Кронштадте.

5. Предусмотреть удаление из Кронштадта излишествующих для базирующихся кораблей и частей гарнизона запасов обмундирования, военно-инженерного имущества и боеприпасов всех видов.

6. Максимально механизировать транспорт и погрузочно-перевалочные операции в результате чего сократить до минимума применение рабочей силы на погрузочных работах и полностью заменить гуж-транспорт автомобильным.

7. Расквартировывать в Кронштадте только семьи личного состава и сверхсрочно-служащих кораблей и частей постоянно базирующихся и дислоцирующихся в Кронштадте.

8. Предусмотреть максимальное озеленение и благоустройство Кронштадта – установить бесперебойное, полноценное и высококачественное бытовое и культурное обслуживание населения органами госторговли и коопераций.

На основе изложенных принципов установить следующий лимит рабочей силы на предприятиях и в учреждениях (см. приложение № 1) – по предприятиям и учр. Главного Военного порта к 1 января 1939 г. – 7560 чел., по учреждениям спец, служб КБФ – 464 чел.

9. Повысит скор[о]стность и число рейсов междугородного пароходного и автобусного сообщения на участках Кронштадт – Ораниенбаум и Кронштадт – Ленинград.

На основе изложенных принципов установить следующий лимит рабочей силы на предприятиях и в учреждениях (см. приложение № 1) – по предприятиям и учреждениям Главного Военного порта к 1 января 1939 г. – 7560 чел., по учреждениям спец, служб КБФ – 464 чел., по отделениям госпредприятий, имеющих прямое назначение спец-обслуживание КБФ – 327 чел., по учреждениям и предприятиям города – 2270 чел., таким образом всего самостоятельного гражданского населения должно быть к 1 января 1939 г. 10 621 чел.

Принимая коэффициент семейности 2,5 общая численность вместе с иждивенцами достигнет 25 550 чел. Плюс 6000 иждивенцев военнотружущих, расквартированных в Кронштадте, что составит общую численность гражданского населения в 32 550 чел.

Доведение численности населения Кронштадта до этого предела возможна в три очереди. Первая до 1.10.35 в количестве 1956 чел. за счет ликвидации швейной фабрики ГВП, передислоцирования землечерпательного каравана ОИВ в другие пункты, ликвидации совхоза ГВП „Снабженец“ и разных лиц, несвязанных ни с военным производством, ни с флотом. Вторая очередь – к 1.1.37. За счет ликвидации и сокращения излишней рабочей силы и внедрения механизации в транспорт и погрузочно-разгрузочные операции по учреждениям ГВП, города и стройорганизаций. Третья очередь – к 1.1.39 за счет переноса части предприятий ГВП на южный берег и разгрузки Кронштадта от излишествующих запасов.

В указанную цифру гражданского населения 32 550 человек не входят строительные рабочие и ученики школы фабзауча Морского завода, являясь переменным составом, определяемым на каждый год в зависимости от устанавливаемых кредитных отпусков и действительной потребности в рабочей силе.

Строительных рабочих, не подлежащих учету в числе постоянных контингентов населения, устанавливается возможная разгрузка Кронштадта на 5240 чел., что можно осуществить только при условии предоставления необходимой жил. площади вне Кронштадта.

Проведение разгрузки Кронштадта, установленное постановлением СТО № 37 сс от 2.6.33, не было осуществлено ввиду не предоставления Ленинградским горсоветом необходимой жилплощади и невыполнения задания по строительству для КБФ новых домов на южном берегу (Ораниенбаум – Петергоф).

Для переселения указанных 5240 чел. потребуется 31 420 кв. м. Для переселения из Кронштадта первой очереди – 11 736 кв. м.

Намечаемая разгрузка Крон, на 5240 чел. не снимает, но обязывает усилить внимание социалистической реконструкции города, на что потребно всего 8 490 935 руб.

Командующий КБФ Л. Галлер»⁴⁹⁴.

Тогда же определили меры «по укреплению обороноспособности базы флота и крепости Кронштадт». Предполагалось:

«1. Создать к 1938 году в Кронштадте пассивные средства коллективной защиты гражданского населения (газоубежища), для чего ассигновать 1000 т. р. с производством работ на две очереди 1936 и 1937 г.

2. Всемерно форсировать строительство новых баз и судоремонтных средств КБФ на Балтийском театре и к 1938 г. осуществить рассредоточенное базирование кораблей флота.

⁴⁹⁴ РГАВМФ. Ф. р-52. Оп. 9. Д. 105. Л. 1–8 (Машинописная копия).

3. Обязать Наркомвод к 1938 году произвести демобилизационное оборудование гаваней и бассейнов Лен. Торг. Порта на сумму 25 млн руб. для базирования по военному времени подводных лодок и надводных кораблей КБФ.

4. Обязать Наркомтяжпром выполнить в 1936 г. следующие работы:

– проложить на участке Лисий Нос – Кронштадт предусмотренные генеральным проектом два новых подводных силовых кабеля взамен существующего крайне ненадежного и имеющего крупнейшие конструктивные недостатки;

– проложить на участке Ораниенбаум – Кронштадт предусмотренный генеральным проектом второй силовой кабель;

– закончить строительство и монтаж полностью по проекту и сдать в эксплуатацию всю емкость нефтехранилищ и раздаточные устройства в Крон, и обеспечить раздачу всех видов топлива на корабли в Ораниенбауме с окончанием всех работ по Ораниенбауму в 1937 г.

Построить к 1938 г в Ленинграде в районе Северной Судостроительной верфи сухой док для самых больших кораблей»⁴⁹⁵.

В сентябре 1935 г. бюро Ленинградского областного комитета ВКП(б) приняло постановление о разгрузке г. Кронштадта. Оно предписывало «выделить г. Кронштадт из числа пограничных городов Ленинграда и поставить его в условия закрытого города с установлением особого режима для въезда и проживания гражданского населения на территории острова Котлин».

Вскоре была разработана

«Инструкция о въезде и проживании в г. Кронштадте лиц гражданского населения:

1. Право въезда и постоянного проживания в г. Кронштадте имеют следующие категории гражданского населения:

а. штатные рабочие, ИТР и служащие, занятые на постоянной (не временной) работе на военных и гражданских предприятиях и в учреждениях, расположенных в г. Кронштадте и на острове Кроншлот, обеспечивающих военно-оборонные работы и удовлетворение культурно-бытовых нужд флота, гарнизона крепости и работников гражданских организаций г. Кронштадта в пределах устанавливаемого КОМАНДУЮЩИМ КБФ штатного лимита для каждого предприятия и учреждения;

б. сезонные рабочие, занятые на стройках военных и гражданских строительных органов на период строительного сезона в пределах устанавливаемого КОМАНДУЮЩИМ КБФ лимита;

в. следующие члены семей военнослужащих (начальствующего состава и сверхсрочно служащие), занимающих должности, указанные в специальном перечне, связанных по роду службы с необходимостью постоянного пребывания в Кронштадте – проживающие к моменту издания настоящей инструкции совместно с военнослужащим – жена, дети обоих супругов, не достигшие 18 лет и состоящие на иждивении военнослужащего или его жены и нетрудоспособные дети в возрасте свыше 18 лет, родные братья и сестры военнослужащего и его жены, не достигшие 18 лет и состоящие на иждивении, а также достигшие этого возраста, но нетрудоспособные, нетрудоспособные родители обоих супругов.

ПРИМЕЧАНИЕ: перечисленные в настоящем пункте родственники за исключением детей имеют право на постоянное проживание в г. Кронштадте только в том случае, если не имеется других родственников, обязанных по закону их содержать и имеющих к этому возможность;

г. члены семей постоянных (штатных) рабочих, ИТР и служащих военно-производственных и гражданских предприятий и учреждений Кронштадта имеют право постоянного проживания в нем в том случае, если они находятся в степенях родства, перечисленных в

---

⁴⁹⁵ РГАВМФ. Ф. р-52. Оп. 9. Д. 105. Л. 15 (Машинописная копия).

предыдущем пункте и проживают к моменту издания настоящей инструкции совместно с родственником, состоящим на работе.

ПРИМЕЧАНИЕ: факт совместного проживания и состояния на иждивении доказывается справкой от домоуправления по месту жительства иждивенцев;

д. уволенные по непорочным мотивам из рядов КБФ военнослужащие начальствующего и рядового состава при условии поступления их в десятидневный срок по вольному найму на штатные должности только на военно-производственные предприятия и учреждения КБФ, расположенные в Кронштадте;

е. рабочие, ИТР и служащие военно-производственных и гражданских предприятий и учреждений Кронштадта при увольнении их по непорочным мотивам сохраняют право проживания в г. Кронштадте при условии поступления их на другую постоянную работу в десятидневный срок со дня увольнения.

2. Лица, состоящие в степенях родства, указанных в п. (в) Кой настоящей инструкции, проживающие к моменту издания настоящей инструкции вне г. Кронштадта имеют право въезда в г. Кронштадт исключительно в случае болезни родственника, проживающего в Кронштадте, если болезнь угрожает смертельным исходом.

Право проживания этих лиц в г. Кронштадте ограничивается пятидневным с момента приезда сроком.

ПРИМЕЧАНИЕ: Доказательством времени приезда служит дата регистрации пропуска в органах НКВД г. Кронштадта.

3. Въезд в г. Кронштадт разрешается по предъявлении особого пропуска, выдаваемого органами НКВД г. Кронштадта.

4. Не имеют права проживания в г. Кронштадте следующие лица и члены из семейств.

А. Временные и сверхштатные рабочие, ИТР и служащие военно-производственных и гражданских предприятий и учреждений, в частности сезонные рабочие по окончании сезонных работ.

Б. Лица, не состоящие в степенях родства, дающих право на въезд в г. Кронштадт (согласно п (в) ст. 1-ой и ст. 2-ой).

В. Не поступившие на работу в течение срока предусмотренного п. (Е) Ст. 1-й.

Г. Получившие перевод по службе, связанной с выездом в другую местность.

Д. Осужденные по приговорам судебных органов и органов НКВД к лишению свободы.

Е. Все лица, пребывание которых на территории г. Кронштадта будет признано нежелательным по соображениям государственной безопасности и охраны общественного порядка.

5. Перечисленные выше лица обязаны выехать из г. Кронштадта в следующие сроки: в течение 2–5 дней в зависимости от категории.

6. При просрочке сроков выезда виновные в том лица подлежат немедленному принудительному выселению из г. Кронштадта.

7. В целях борьбы с проникновением в г. Кронштадт лиц, не имеющих право въезда в него и удаления из Кронштадта всех не имеющих права проживания в нем – обязать

А. Органы НКВД г. Кронштадта

Паспорта гражданскому населению выдавать сроком на ОДИН год, для чего всем лицам, прибывающим на постоянное жительство в г. Кронштадте, обменивать имеющиеся у них паспорта на одногодичные.

Б. органам РК милиции г. Кронштадта

Установить систему ежемесячной прописки гражданского населения г. Крон.

В. Органам НКО и гражданам предприятий и учреждений

Предоставлять ежемесячно в кронштадтский районный Отдел РК Милиции списки гражданских лиц, состоящих на службе и членов их семей, прописку которых необходимо продлить на следующий месяц.

Г. командирам воинских частей и кораблей флота и учреждений КБФ

Предоставлять ежемесячно в Кронштадтский районный Отдел РК Милиции и коменданту КУРа списки членов семей начсостава и сверхсрочно служащих, прописку которых необходимо продлить на следующий месяц, а о членах семей вновь прибывающих в часть военно-служащих – сообщать в день приезда последних в Кронштадт.

Д. командирам воинских частей и кораблей и учреждений КБФ

О всяком перемещении личного состава связанного с выездом из г. Кронштадт на постоянное жительство в другую местность – сообщать об этом коменданту Кура и Кронштадтский Районный Отдел Милиции не позднее дня выдачи военнотружущим предписания об отбытии к месту нового назначения.

Е. Руководителям военно-производственных и гражданских предприятий и учреждений

Сведения о перемещениях и об увольнении с предприятия с указанием мотивов увольнения сообщать в указанные в п. (д) настоящей статьи органы не позднее для производства окончательного расчета.

8. Наблюдение за выполнением настоящей инструкции возлагается на органы НКВД.

Начальник 5-го отдела штаба КБФ (Мантуров)»⁴⁹⁶.

Высокими постановлениями были намечены обширные меры по обеспечению «разгрузки» Кронштадта, но выполнялись они крайне медленно и особого эффекта все это действие не имело.

Рассказывая о жизни Кронштадта в 1920-1930-е гг., нельзя обойтись без криминальной хроники. Ведь долгие годы нам не сообщали ни об авариях, ни о крушениях, ни о крупных хищениях. Как пелось в одной известной песне: «Если кто-то, кое-где у нас порой честно жить не хочет». То есть преступления совершались «кем-то» «кое-где» и «порой». Вот несколько примеров, которые сохранили нам документы РГАВМФ.

«Постановление

1923-го года января 31 дня Военный следователь Реввоен трибунала Балтфлота и Кронкрепости Грабовой рассмотрев настоящее дело по обвинению в должностных преступлениях комиссара и коменданта Ижорского сектора КОТЛОВА Андрея и адъютанта того же сектора ШРЕДЕРА Аркадия нашел:

Что данными дознания и предварительного следствия КОТЛОВ и ШРЕДЕР в достаточной степени изобличаются в том, что 5-го и 6-го июля 1922 г. заключили договоры с двумя частными Рыболовными артелями сроком на 1 год, согласно которого последние обязались уплатить управлению Ижорского сектора определенное количество рыбы как то: „краснофлотская“ артель по договору 5-го июля 1920 г 250 пудов, „чернолахтенская“ по договору 6-го 100 пудов за право разрешения ловли рыбы в запретной зоне форта „Краснофлотский“.

Договоры были заключены вопреки приказа по Крепости от 16-го мая 1922 г. за № 504, запрещавшим ловлю рыбы как раз в тех местах форта „Краснофлотский“, где таковая производилась по договорам. Означенные артели до издания вышеупомянутого приказа производили ловлю на известных договорных началах с Петрогубпродкомом, за что платили продналог Государству. С момента же заключения договоров с Ижорским сектором рыба в приблизительном количестве продналага поступала в распоряжение последнего, кроме того, было заключено ряд словесных договоров с отдельными рыбаками. КОТЛОВ и ШРЕДЕР упомянутыми артелями и отдельными представителями таковых выдавали подложные удостоверения на право ловли рыбы, указывая, что последние состоят на службе Ижорского сектора.

В то же время занимались пьянством, вымогательством и взяточничеством за разрешение проезда и провоза рыбы по территории форта „Краснофлотский“ частным лицам – рыбо-

---

⁴⁹⁶ РГАВМФ. Ф. р-52. Оп. 9. Д. 105. Л. 31–35 (Машинописная копия).

ловам, с которых взимали плату натурой, как-то: брали рыбу, муку, спирт и пр. Между тем установлено, что рыбы на форт „Краснофлотский“ в течение лета 1922 г. поступило 168 пудов. Кроме таковой, в разное время поступало непосредственно для личных нужд КОТЛОВА и ШРЕДЕРА, по отдельным требованиям-запискам последних.

На договорных началах в продолжении лета 1922 г. эксплуатировался грузовик и частично легковая машина, причем выручаемые деньги сдавались КОТЛОВЫМ и ШРЕДЕРОМ, расходование таковых производилось безотчетно по усмотрению последних. Впоследствии легковая машина от чрезмерных поездок и катаний ШРЕДЕРА приведена в негодность, а грузовик по заключению лично ШРЕДЕРОМ с санкции КОТЛОВА, в Ораниенбаумском ресторане ОРЕПО договора от 30-го октября 1922 г, сдан управляющему Петергофским Авто-ремонтным заводом для эксплуатации сроком на 6 месяцев, где таковой по сие время находится.

По данным дознания, ШРЕДЕР пытался получить от Крепости 20 кубов и сбыть таковые в целях личной наживы в гор. Петрограде, по поводу чего была произведена предварительная подготовка, налаживания перевозочных средств, но план не осуществился, по причине последовавшей огласки о злоупотреблениях командования сектора.

В декабре 1922 ШРЕДЕР, будучи выпившим и на личной почве побуждаемый желанием дискредитировать Брид комиссара бригады и комиссара артдив, превысил пределы своей власти и подверг последних незаконному задержанию и даже аресту.

В сент. п/г по настоянию КОТЛОВА был переведен воздухоотряд из мызы „Лебяжье“ – частных дач в гор. Ораниенбаум. В данном случае (по словам КОТЛОВА) преследовались 3 цели: во-первых, дачи, занимаемые военными частями, были частновладельческими, на которые являлись претенденты, требовавшие уплаты за занимаемые частями дачи, чем впоследствии мог бы быть вызван большой расход Военного Ведомства, при том существовал приказ размещения воинских частей в казарменных помещениях, и, во-вторых, цель закрепить землю за Ижорским сектором, которая была дана воздухоотряду как шефский подарок, что впоследствии было сделано. КОТЛОВ большей частью пребывал на даче ЛАВРОВА, где у него была постоянная квартира и там же, по данным следствия, часто устраивались увеселения и попойки.

КОТЛОВ на известных условиях не официально представлял уполномоченному по лесозаготовке ШАЛИМОВУ рабочую силу по заготовке и грузке дров, неоднократно устраивал для этой цели субботники.

ШАЛИМОВ, в свою очередь, разрешал рыболовам, заключавшим договоры с КОТЛОВЫМ, перевоз рыбы из Устья по узкоколейке, за что КОТЛОВ взимал плату – налог по 3–5 фунтов с пуда.

В июле месяце КОТЛОВ принял от крестьян две исключенные лошади на мясо для гарнизона, взамен чего обещал выдать из забракованных лошадей, в результате чего крестьяне обещанного КОТЛОВЫМ не получили и были лишены рабочей силы. Кроме того, КОТЛОВЫМ было продано две телки из стада совхоза „Краснофлотский“ и часть денег от продажи таковых расходована безотчетно.

Постановка дела на Ижорском секторе по инициативе КОТЛОВА и ШРЕДЕРА носила чисто коммерческий характер, причем все перечисленное проделывалось под видом и предлогом улучшения быта и Комсостава и всего гарнизона форта „Краснофлотский“, на самом же деле в большинстве случаев преследовались цели личного благоустройства, что также дало повод к однородным и не редко частым преступлениям.

Постановил содержание под стражей

КОТЛОВ Алексей Петрович 34 лет из крестьян гор. Валк Лифляндской губ. поручик старой армии и ШРЕДЕР Аркадий Григорьевич 29 из бывших мещан г. Либавы также поручик старой армии»⁴⁹⁷.

Вот еще пара случаев, дополняющих нерадостную криминальную хронику.

«Военмор секретарь нач. главного гидрографического управления Вонсик Викентий Казимирович из граждан Варшавы, 27 лет, беспартийный, образование среднее [должен был] 7 октября по приезде в Москву доставить уполномоченному управления деньги в сумме триста тысяч руб. образца 1922 года. Таковые деньги по принадлежности не сдал, а в ночь с 8 на 9 октября означенные деньги проиграл в казино в карты.

Приговор: Три года заключения, но по амнистии в честь 5-летия Советской власти – два года без поражения прав».

«19 октября 1922. военморы Енин В.Г. 22 года и Левша И.Е. 22 г. в Кронштадте около 11 часов вечера, „распив в пивной одну бутылку спирту“, явились в явно-нетрезвом виде в кинематограф „Нью-стар“ и потребовали у кассирши входных билетов, но не получив таковых, все же пытались пробраться в зрительный зал, вступив с кассиршей в пререкания. На предложение явившегося на шум милиционера Сергеева удалиться из кинематографа, Енин и Левша последнего не послушались и продолжали хулиганить. После того, как милиционер Сергеев, выйдя на улицу, стал подавать тревожные свистки, Енин и Левша, выбежав вслед за милиционером, набросились на последнего, прижали его к стене и стали наносить побои, пытаясь в то же время отнять имеющуюся у милиционера винтовку. Находившиеся в то же время в кинематографе агенты Уголовного Розыска Сереберцев и Чепилев, выйдя на улицу и видя, что Сергееву Енин и Левша наносят побои, стали последних оттащить от Сергеева, но также получили побои, причем неизвестными лицами из собравшейся толпы моряков, Енин был от представителей милиции и уголовного розыска отнят и отбит»⁴⁹⁸.

Последовало три года строгой изоляции с поражением прав. Амнистия «скостила» наказание на треть.

Серьезные хищения произошли в Кронштадтском порту в летом 1922 г.

«1. 17 августа 1922. В Кронштадте на чердаке дежурной будки, расположенной на территории Военной Гавани и являвшейся место-пребыванием разводящего милиционеров по охране на посты у Корабельных складов и у восьмого бастиона, было обнаружено два парусиновых вещевых чемодана, в которых находился рипс⁴⁹⁹ белого и красного цвета в количестве 12 цельных с фабричными пломбами кусков.

2. Обнаружению в указанном месте рипса предшествовало появление накануне, 16 августа, ассенизационного обоза Кронвоенпорта извозчицы того же обоза гражданки Алексеевой и ее сожителя моряка Плавучих средств Порта Деревчук с куском красного рипса, который якобы был ими найден на месте пастбища лошадей обоза, т. е. у будки Военной Гавани.

3. По установлении администрации порта, что рипс, обнаруженный на чердаке, является материалом, из которого в Парусно-флажной мастерской Главвоенпорта приготавливаются необходимые флоту флаги и что на чердаке будки он (рипс) мог быть занесен только лицами, совершившими хищение такового, были приняты меры розыска, коими и было установлено, что похитителями его являются начальник 3-го отделения охраны порта Тисса и старшина милиции того же отдела Богачев, которые, действуя по взаимному уговору, по выработанному и предложил Тисса плану, производили (дважды) хищения из Парусной Мастерской при ниже-следующих обстоятельствах.

⁴⁹⁷ РГАВМФ. Ф. 174. Оп. 1. Д. 79. Л. 59–62.

⁴⁹⁸ РГАВМФ. Ф. 174. Оп. 1. Д. 79. Л. 69.

⁴⁹⁹ Рипс (репс) – ткань, образованная переплетением нитей разной толщины.

Инициатор хищения – Тисса – в начале июля месяца 1922 г. при обходе вверенного ему района, заметив открытое окно в нижнем этаже здания, занимаемого Парусно-Флажной мастерской, став на мусорный ящик, стоящий у стены здания, осмотрел таковое (окно) и, увидав через него находящуюся в кладовой мануфактуру и зная, что незадолго до этого была закончена ревизия, устанавливающая размеры хищения служащими Парусно[-флажной] мастер [ской] Тисса сам решил воспользоваться частью мануфактуры. Для проведения задуманного плана в исполнение, Тисса тщательно осмотрел ограждающую окно железную решетку и, убедившись, что таковая при усилении может быть снята, но что сделать это одному трудно, пригласил себе в сообщники своего подчиненного – милиционера Богачева и сговорившись с последним, спустя неделю в день дежурства Богачев, привели удачно намеченный план хищения в исполнение, похитив при этом 16 кусков флажной материи. Каковую беспрепятственно отвезли на барже в Петроград, где и продали за триста рублей по курсу 1923 г., разделив вырученные деньги поровну и по приезде в г. Кронштадт израсходовали на спиртные напитки.

Удачность первого хищения, т. е. необнаружение и потому безнаказанность за таковое, вызвали Тисса и Богачева на повторение хищения. Каковое они совершили в ночь с 14 на 15 августа. Тисса и Богачев проникнув в помещение кладовой тем же способом, т. е. вынув решетку из окон, что им сделать было легче, чем в первый раз, поскольку они проникали через то же (как и в первый раз) окно и, учитывая опыт первого хищения, дабы выбрать более ценный материал, имеющий больший спрос на рынке, чем похищенный и проданный ими в первый раз, ими был взят с собой электрический фонарь, пользуясь светом которого, они выбрали 14 кусков белого и красного рипса и, кроме того, вследствие порчи имеющегося у них фонаря случайно захватили два куска тика⁵⁰⁰.

Все похищенное в количестве 16 кусков было уложено Тисса и Богдановым в два чемодана и вынесено в сараи, находящиеся рядом со зданиями мастерских, где помещается 3-й отдел охраны, где (в сарае) похищенное и было спрятано.

С целью спрятать в более надежное место и откуда было бы отправить похищенное в Петроград, Тисса и Богачев с помощью приглашенного ими дежурного по району милиционера Савицкого, перенесли похищенное в будку Военной Гавани, которая, являясь караульным помещением и потому была более доступна только чинам охраны или с ведома их, таким образом являясь безопасным и надежным местом для хранения похищенного.

В будке, в момент, когда были принесены тюки с похищенным, находились разводящие (милиционер того же отдела) Шабанов и гражданка Алексеева, извозчик ассенизационного обоза Кронпорта, пасшая лошадей возле будки. Первый пришел в будку с чемоданом Савицкий и, показывая Шабанову, через приоткрытый клапан чемодана содержимое, т. е. материал, сказал последнему: „Нам бы это – вот бы пожили“. Тем самым выявив, что ему известно содержимое чемодана. Позднее, когда Богачевым был принесен мешок и Тисса принесен чемодан, под руководством Савицкого, принесенные тюки были перенесены на чердак Савицким Богачевым и Шабановым, для чего им была открыта в пустующую комнату дверь и принесена Савицким лестница. После того как принесенное было спрятано на чердак, лестница, как ненужная, была выброшена и дверь заколочена. Между Шабановым и Савицким и присутствии Алексеевой произошел разговор, в котором Савицкий поручил Шабанову выяснить время и место отправки баржи в Петроград, о чем ему надлежало сообщить в канцелярию 3-го отд. И, отвечая на вопрос Шабанова, зачем это нужно, он, Савицкий, сказал, для отправки в Петроград, имел при этом в виду принесенную мануфактуру».

Разумеется, все участники этой экспроприации были арестованы и осуждены на различные сроки заключения.

⁵⁰⁰ Тик – плотная ткань, используемая при изготовлении матрасов, мебельных чехлов и т. п.

В конце 1920-х гг. много сил и средств было потрачено на восстановление и развитие железных дорог на Котлине. Сейчас на острове осталось незначительная часть железных дорог – на территории арсенала и Морского завода. Но пока в крепости существовали железные дороги, они, как и везде, имели огромное значение. Эта железнодорожная тема пока еще мало изучена и требует отдельного серьезного исследования, поэтому пока есть возможность привести лишь несколько документов, показывающих, сколь сложным было это хозяйство. Первый из них датирован 26 июня 1921 г.

«Коменданту кронштадтской крепости – начальник инженеров и строитель Морской крепости Кронштадт

Рапорт

Доношу данные о Котлинской железной дороге: широкой колеи (0,714 саж.) главный путь от станции „Город“ до форта „Риф“ – 8 верст, также ветки в городе с тупиками и разъездами – 5 верст, ветки и разъезды, примыкающие к главному пути (на 1 сев. батарее) на форт Константин, на форт Шанц и др. – 9 верст. Итого: 22 версты общего протяжения. Состояние пути крайне неудовлетворительное. Путь с 1916 года не ремонтировался, требуется сплошная замена шпал в 60 % (до 20 тысяч шпал), требуется сплошная замена рельс на протяжении 2-х верст 7 и 8 версты у станции „РИФ“. Подвижной состав широкой колеи состоит из: паровозов – 5, товарных платформ – 52, крытых товарных вагонов – 4, пассажирских платформ особого типа – 7, водоемных баков (цистерн) – 2, каркасных вагонов – 3, салон вагонов – 1, здания для обслуживания дороги-станций Депо кладовые для службы Тяги, движения и пути, все требующие ремонты кровельн. и других оборудований.

Узкоколейные пути разделяются на две сети, из коих в 1 метр общей длиной в 10 верст и в 4 фут общей длиной – 10 верст. Пути уложены в пределах портовой территории для обслуживания лаборатории, мастерских, паровозного завода, складов боевых припасов, форт „Петр“ Адмиралтейства и пристаней. Пути все в запущенном состоянии, требуют сплошного текущего ремонта со сменой шпал. Имеющиеся три паровоза для метровой колеи требуют капитального ремонта и движение на некоторых ветках производится вручную.

Для колеи в 1 метр имеется платформ – 39, то же подлиннее – 7, платформ Пульмана – 4, 4-х осевых – 11, крытых вагонов – 1. Для колеи в 4 фут имеется платформ – 22, крытых вагонов – 4, путевых вагонеток – 2, подъемных железнодорожных тележек разных размеров со скатами – 1, без скатов – 10. Все вагонетки требуют текущего ремонта, сильно повреждены упряжные приборы и тормоза.

К Котлинским железным дорогам относится в данное время также ЛИСЬЕНОСЕНСКАЯ ВЕТКА с тремя тупиками, нормальной (0,714 саж.) колеи, протяжением 1 верста 150 саж. Ремонт этого пути, ведущего от пристани к пороховым складам, окончен в данное время ремонтом и может быть его эксплуатация.

Что касается материальной части Котлинских железных дорог, то ведомости имеющимся инструментом, смазочных веществ, запасных частей, фонарей и др. будет представлен дополнительно.

Зам. Начальника инженер Шестаков»⁵⁰¹.

Еще один важный документ:

«Финансовый план расхода кредита на восстановительный ремонт и эксплуатацию Котлинского участка Кронштадтской крепостной ж/д на 1928–1929 гг., составленный Управлением начальника инженеров ВО БМ⁵⁰² и Кронкрепости.

[...]

⁵⁰¹ РГАВМФ. Ф. р-92. Оп. 1. Д. 106. Л. 29.

⁵⁰² БО БМ – Береговая оборона Балтийского моря.

42. Восстановление механической мастерской, приведение в состояние возможности удовлетворения потребных нужд по ремонту и эксплуатации дороги (ремонт станков).

55. Средний ремонт паровоза № 5554.

57. Постройка телефоно-телеграфной линии на протяжении 8 км от станции „Город“ до форта „Риф“.

62. Восстановление ветки к артиллерийской мастерской протяжением 466 п[огонных] м[етров] путем сплошной замены рельс, находящихся в пути, рельсами одного типа и сплошной балластировки пути.

64. Восстановление тупика к артиллерийской лаборатории протяжением 50 п. м. путем сплошной замены всех рельс, находящихся в пути рельсами одного типа и сплошной балластировки пути.

66. Восстановление ветки к батарее Ден протяженностью 1988 п. м. путем сплошной замены всех рельс, находящихся в пути рельсами одного типа и сплошной балластировки пути.

68. Восстановление ветки Шанц протяжением 388 п. м. путем сплошной замены всех рельс, находящихся в пути рельсами одного типа и сплошной балластировки пути.

70. На восстановление ветки к южному Пороховому погребу протяжением 467 м путем сплошной замены всех рельс, находящихся в пути рельсами одного типа и сплошной балластировки пути.

72. Восстановление ветки к северным складам протяженностью 616 п. м.

76. Восстановление ветки к 1-й мортирной протяженностью 616 п. м.»⁵⁰³ и еще два десятка пунктов.

Письмо (на флоте иногда принято использовать другое обозначение служебной переписки – «отношение») начальника военных сообщений ЛВО Антонова командиру 3-го батальона 1-го железнодорожного полка Кобызеву:

«При производстве работ по восстановлению Котлинской железной дороги ж. д. полкам необходимо выделить команды по 85 человек от полков, придав каждой ротную организацию и назначив соответствующее число командного состава и по одному политруку. Роты свести в батальон, подчинив его непосредственно комбату 1-го ж. д. полка Кобызеву – он же начальник Кронштадтской крепостной железной дороги.

Командирам полков обеспечить выделяемые команды рабочим обмундированием, хозяйственным инвентарем и политпросвет имуществом. Для хозобслуживания выделить по одной парной повозке от полка.

Батальону ставится задачей в текущий строительный сезон произвести капитальное восстановление Котлинской ж. д.

Обращаю внимание командиров полков на чрезвычайно серьезное значение этой задачи, почему обеспечение выделяемых команд всеми видами довольствия и качественный отбор их личного состава должны быть особо тщательными.

В остальном примите решительно все меры к успешному выполнению этих работ. Начало работ 15 мая, к этому сроку батальон должны быть на месте в Кронштадте.

Комбату Кобызеву к 10 мая представить мне план работ и учебы.

О возникающих возможных затруднениях немедленно доносить»⁵⁰⁴.

Сложность эксплуатации железных дорог на острове Котлин усугублялась наличием разных величин колеи: 1250 мм, 1222 мм, 1000 мм, 750 мм и 600 мм. В одном из документов отмечалось, что «неоднотипный железнодорожный путь не позволяет использовать полностью имеемый подвижной состав, а также не дает возможности подвоза боегрузов из боескладов загородного района непосредственно к пристаням порта». Предлагалось 4-футовый (1222 мм)

---

⁵⁰³ РГАВМФ. Ф. 428. Оп. 1. Д. 14. Л. 12–14.

⁵⁰⁴ РГАВМФ. Ф. 428. Оп. 1. Д. 14. Л. 54.

путь перешить на 1000-мм и на некоторых участках проложить третий рельс. В конце концов приняли решение «на Котлине иметь два типа: нормальная 1524 и стандартная узкоколейка 750 мм, которую в крайнем случае можно заменить на 1000».

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. В этот день в Кронштадт буксирами перевели легкий крейсер «Максим Горький», заложенный в 1936 г. в Ленинграде на Балтийском заводе. К 18.00 крейсер ввели в док им. Велешинского и к 3 часам 2-го его поставили на кильблоки. К утру док осушили и рабочие установили сходни.

Подводная лодка после возвращения из похода в Кронштадт. Нач. 1940 г.

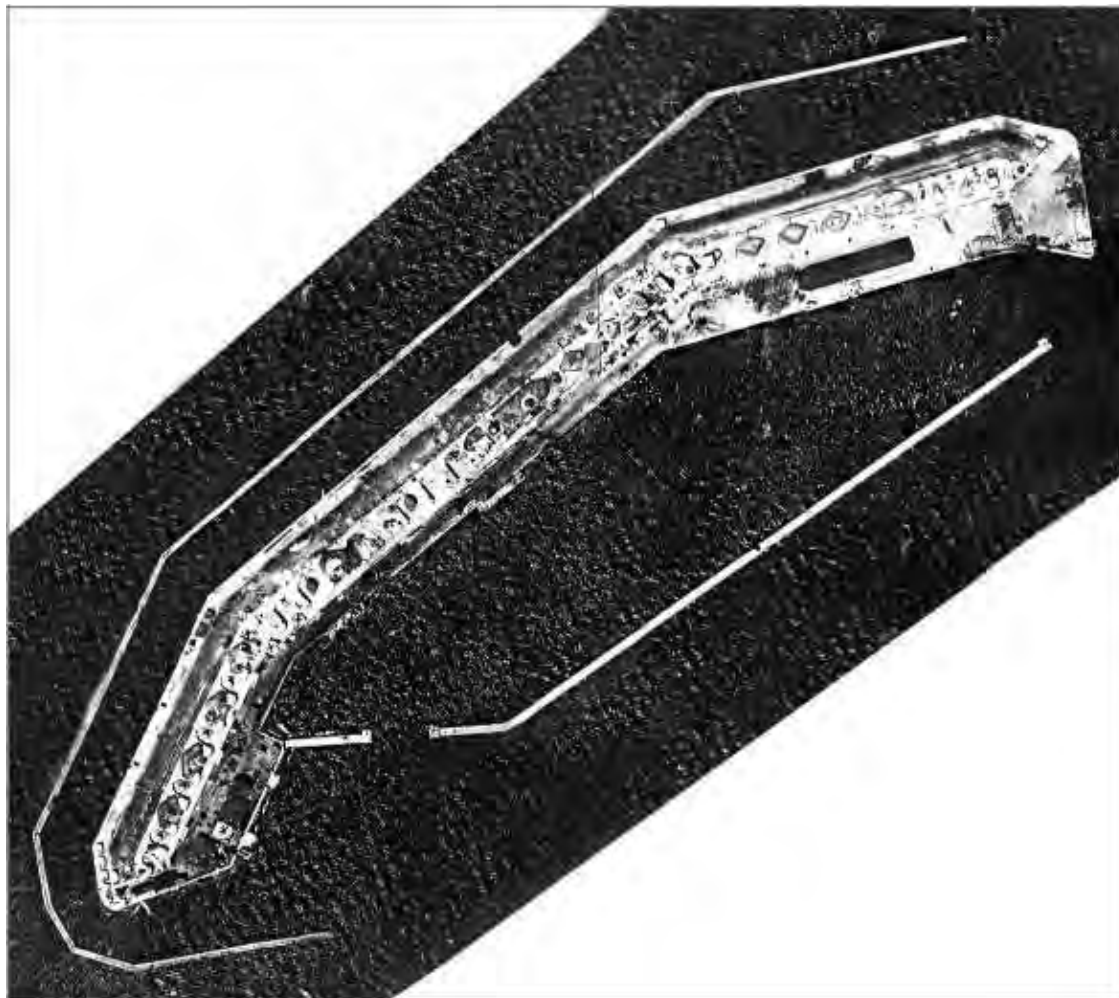
Корабли Балтийского флота в походе. Нач. 1940 г.

Торжественное собрание, посвященное итогам Советско-финляндской войны. Кронштадт. 1940 г.

Командующий Балтийским флотом В.Ф. Трибуц докладывает об успехах флота в Советско-финляндской войне. Кронштадт. 1940 г.

Аэрофотосъемка 1940 г. Из фондов РГАВМФ. Опубликовано в альбоме «Аэрофотосъемка фортов Кронштадта. 1940 год» (СПб., 2013)

В 13.20 на стенке у дока состоялся митинг, посвященный заключению социалистического соревнования на скорейшее окончание доковых работ. После митинга рабочие по сходне начали подниматься на борт крейсера. Так как проверяющий дневальный стоял на борту, на сходне скопилось много людей, и она не выдержала этой массы. От 70 до 80 человек упали в док с высоты 12 м. «Из упавших пострадало: рабочих 67 человек из них на 04.09.39 г. скончалось – 12, тяжело ранено – 28, средние ранения – 8, легкие ранения – 6; краснофлотцев – 14 из них тяжело раненых – 4, средние ранения – 4, легкие ранения – 6»⁵⁰⁵.

Виновными были признаны «ответственный сдатчик Боженко, командир корабля капитан 2 ранга Петров, назначенный на переход накануне дня перехода и комиссар Козлов, которые словесно не уточнили организацию прохода на корабль рабочих и расстановку контроля, формально отнеслись к выставленным постам»⁵⁰⁶. Последовали соответствующие репрессии, но пострадавшим это не помогло.

Войне Великой Отечественной предшествовала «незнаменитая» Советско-финляндская война. В апреле 1939-го командующим Балтийским флотом назначили флагмана 2-го ранга В.Ф. Трибуца. Ему выпало тяжелое бремя восстановления флотских кадров – репрессии кос-

⁵⁰⁵ РГАВМФ. Ф. р-1678. Оп. 1. Д. 187. Л. 7. Где-то в этом отчете ошибка, т. к. при сложении всех чисел получается 68 человек.

⁵⁰⁶ РГАВМФ. Ф. р-1678. Оп. 1. Д. 187. Л. 11. Где-то в этом отчете ошибка, т. к. при сложении всех чисел получается 68 человек.

нулись и многих морских офицеров, в том числе опытных, начинавших службу еще под Андреевским флагом.

«Зимняя» война, как называют ее в Финляндии, началась 30 ноября 1939 г. Кронштадт как главная база флота обеспечивал боевую деятельность кораблей, авиации КБФ и так называемой «зимней обороны». Имея в виду возможность разведывательных и десантных операций противника по льду Финского залива, были созданы наблюдательные и дозорные группы, контролировавшие подступы к острову Котлин. Кронштадт, разумеется, стал настоящим фронтовым городом. По ночам улицы погружались в полную темноту – соблюдалась светомаскировка. Деятельность всех структур военно-морской базы были направлены на обеспечение действия флота. Из Кронштадта боевые корабли выходили на задания, здесь формировались десанты на острова Финского залива. По льду с северного берега на лыжах к самому Котлину подходили на лыжах финские диверсионно-разведывательные группы. Лыжные отряды балтийских моряков совершали рейды к берегу противника. Артиллерия кораблей и фортов вела огонь по оборонительным сооружениям финнов.

12 марта 1940 г. война закончилась. Между СССР и Финляндией был подписан мирный договор. Граница отодвинулась на запад, берег Карельского перешейка у Кронштадта перестал быть враждебным.

Эта война, длившаяся 105 дней, показала, что не все в порядке и в армии, и на флоте. В частности, неудачные действия артиллерии кораблей, так и не сумевших подавить финские батареи на островах Выборгского залива, заставили ввести соответствующие коррективы в боевую подготовку.

После окончания этой «незнаменитой» войны в Кронштадте прошло большое совещание, на котором были подведены итоги боевых действий флота, которые, разумеется, были признаны успешными.

Однако на самом деле все было не совсем так, как звучало в отчетах и докладах. Хорошая маскировка финских батарей не позволила артиллерии советских кораблей их уничтожить, и перед командованием КБФ встал вопрос о маскировке кронштадтских фортов. Поэтому весной 1940 г. была проведена беспрецедентная операция по их аэрофотосъемке, выявившая немало недостатков, исправлять которые пришлось уже во время Великой Отечественной войны.

Кронштадт в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война, годы Блокады стали самым страшным испытанием для Кронштадта и кронштадтцев.

В официальных послевоенных документах отмечалось следующее: «Боевая подготовка соединений и частей КБФ, определявшаяся военно-политической обстановкой на Балтийском театре в 1939 г., как и в предыдущие годы, протекала в условиях необходимости быть в постоянной боевой готовности. Поэтому напряженное политическое положение, завершившееся в 1939 г. войной в Европе, не застало нас врасплох, и КБФ наряду со всеми вооруженными силами Советского Союза находился в готовности к отражению попыток вторжения агрессоров на нашу территорию и в наши воды. Политико-моральное состояние Краснознаменного Балтийского флота было, как и всегда, крепким и устойчивым. Личный состав был тесно сплочен вокруг партии Ленина – Сталина, советского правительства и вождя народов Союза ССР товарища Сталина»⁵⁰⁷.

Это несколько противоречит утверждениям, имеющимся во множестве исторических книг советского времени, что нападение Германии на Советский Союз было неожиданным. Для мирных людей – да, но военные считали это вполне реальным. Просто, видимо, неожиданно удобно прикрывать собственные недостатки и недоработки. Как тогда объяснить, что 19 июня Балтийский флот приведен в готовность № 2, а в 23.37 22-го – в готовность № 1. Однако анализ этих событий, думается, еще предстоит сделать, причем абсолютно беспристрастно.

Кронштадт в это время жил обычной жизнью города-крепости. 22 июня выпало на воскресенье, и многие жители Кронштадта собирались провести его, отдыхая от трудовых будней. Но эти мирные планы пришлось отменить.

Зона ответственности Кронштадтской военно-морской базы, которой в начале войны командовал контр-адмирал В.И. Иванов, простиралась на 100 миль к западу от Кронштадта. Следует напомнить, что в 1940 г. прибалтийские республики вошли в состав СССР и предоставили Балтийскому флоту свои базы. Однако сохранить эти базы наши части не сумели, и наступление германских войск было стремительным.

Корабли Балтийского флота дополняли соединения, входившие в состав Кронштадтской военно-морской базы: два дивизиона тральщиков, два дивизиона сторожевых катеров; дивизион сетевых заградителей, шхерный отряд кораблей, бригада торпедных катеров, отдельный дивизион подводных лодок.

---

⁵⁰⁷ Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Боевые действия на море. СПб., 2002. С. 14.

Бойцы народного ополчения Кронштадта отправляются на фронт

За береговую оборону отвечал Кронштадтский укрепленный сектор, включавший артиллерию островных фортов, «Красной Горки» и других батарей южного берега Финского залива, а также артиллерию, расположенную в Кронштадте и на других участках острова Котлин. Противовоздушная оборона, которую начали создавать еще в период Гражданской войны, состояла из двух зенитно-артиллерийских полков и четырех отдельных дивизионов. В течение войны расположение и подчинение батарей ПВО неоднократно менялось. Кроме того, в составы базы входила 1-я бригада морской пехоты.

В начале третьего часа ночи 22 июня германские самолеты появились над восточной частью Финского залива. Они сбросили на Большой корабельный фарватер 16 магнитных мин и обстреляли пароход «Луга», находившийся на Красногорском рейде. Боевое крещение приняли батареи ПВО, обстрелявшие германские самолеты и не позволившие им провести прицельную постановку мин.

Летчики-кронштадтцы: (слева направо) А. Титов, Павленко, Акименко, неустановленное лицо, Ф. Шеренчук (в кабине), В. Макаров. Аэродром «Бычье поле». 1944 г.

Летчики-кронштадтцы: Н.И. Королев (слева) и Александров. Аэродром «Бычье поле». 1944 г.

В первые же дни войны в Кронштадте начались оборонительные работы. Жители города рыли окопы, траншеи, в подвалах устраивали бомбоубежища, и была введена светомаскировка. Началось формирование частей морской пехоты и народного ополчения. К обороне готовилось исключительно все гражданское население: мужчины учились воевать, женщины осваи-

вали профессии телеграфисток, радисток, медсестер. В народное ополчение ушло более 5000 кронштадтцев.

На «Бычем поле» срочно, в течение одного месяца, горожане, среди которых было немало школьников, построили аэродром. Здесь расположился 71-й истребительный полк авиации КБФ, перелетевший из Эстонии.

Непростая обстановка сложилась на Морском заводе. Работы прибавилось, а значительная часть рабочих и служащих ушла на фронт. Ушедших заменили женщины и подростки. Завод пришлось перевести на работу в две смены, причем рабочий день увеличился до 12 часов.

Героическими усилиями, без преувеличения, в первые же дни войны завод закончил ремонт сторожевых кораблей «Туча» и «Снег», канонерской лодки «Пионер» и ряда других кораблей и судов.

«Огромный объем работ выполнен на заводе по переоборудованию и вооружению мобилизованных судов и по довооружению боевых кораблей зенитными средствами, установке обмоток размагничивания. К 1 мая 1942 г. было отремонтировано более 200 боевых кораблей и судов. Подняты „Минск“, „Тасуя“, буксир „Водолей“. Вторая башня линкора „Марат“ введена в строй в ноябре 1942 г. А всего с начала войны и до 20 марта 1944 г. в Кронштадте отремонтировано 615 кораблей и вспомогательных судов, из них докование прошли 322. За успешное выполнение заданий по ремонту кораблей флота Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1944 г. завод удостоен высшей награды – ордена Ленина. Появилась аббревиатура – КМОЛЗ – Кронштадтский морской ордена Ленина завод. Награды также получили 116 рабочих и служащих»⁵⁰⁸.

Ремонт одного из кораблей на Морском заводе

Евгений Войскунский в 1941–1944 гг. работал секретарем редакции газеты «Огневой щит». Он рассказывал о том, какой ценой ремонтировали корабли в Кронштадте: «Тральщик [БТЩ-217] стоял в доке на ремонте. Надо сказать, что судоремонт в ту зиму стал эпопеей мужества, изобретательности и голода. На кораблях оставалось меньше половины личного состава

⁵⁰⁸ Советско-финляндская война 1939–1940 гг. Боевые действия на море. СПб., 2002. С. 14.

– остальные ушли на сухопутье, в сводные морские бригады. Каждому приходилось работать на ремонте за троих – это относилось и к рабочим Морского завода. Голод валил их с ног. Бывало, в доке, на лесах возле корпуса корабля забывались в голодном обмороке, а в руках продолжал биться пневматический молоток. В корпусном цехе зияли огромные бреши, пробитые авиабомбами, там на обжигающем морозе судосборщики вырезали и гнули листы корабельной обшивки. В механическом цехе работали при тусклом свете коптилок. Мальчишки, недавние выпускники ремесленных училищ, тащили на худеньких плечах тяжелый воз „взрослой“ работы. Никогда не забуду одного такого паренька – Толю Боченко, судосборщика. Ему шел шестнадцатый год. Взрослые рабочие из его бригады, включая бригадира, слегли, обессиленные недоеданием. Толя принял на себя ответственность за корпусные работы на ремонтирующемся боевом корабле. Сообразительному пареньку беспрекословно подчинялись не только сверстники из его бригады, но и матросы корабля. Откуда только брались силы в этом тщедушном с виду юнце?

Часто можно было видеть в ту зиму: по завьюженной улице бредет, трудно передвигая ноги, человек и тащит за собой салазки. Может быть, это слесарь-монтажник с завода. Кажется, одна только мысль у него: добраться живым до батареи – скажем, в Купеческую гавань. Но доберется, отдышится немного, снимет с салазок инструмент — „Ну показывайте вашу пушку“⁵⁰⁹.

Советские корабли, базировавшие в Прибалтике, в конце августа 1941 г. смогли прорваться в Кронштадт. К сожалению, не обошлось без серьезных потерь, но около 140 кораблей и судов добрались до главной базы флота, которой снова стал Кронштадт. Здесь же разместился штаб КБФ. Обстановка накалялась с каждым днем. Германские войска наступали по южному берегу Финского залива, финские – по северному. Артиллерия фортов и кораблей оказывала огромную поддержку нашим сухопутным частям, с трудом сдерживающих противника. Так, пушки форта «Тотлебен» помогли соединениям 23-й армии остановить финнов на старой советско-финской границе. Фашистам удалось 16 сентября прорваться к Финскому заливу между Стрельной и Урицком. Таким образом, на берегу залива образовался Ораниенбаумский плацдарм, который обороняли части 8-й армии с бригадами морской пехоты. Активная поддержка корабельной артиллерии и особенно форта «Красная Горка» помогла удерживать эти позиции.

После прихода кораблей из Таллина воздушная разведка противника стала более активно «просматривать» главную базу Балтийского флота. Однако корабли хоть и попадали под бомбежку, но это были скорее случайные атаки. Германская авиация пока не рассматривала угрозы от советских кораблей. Однако вскоре активные действия корабельной артиллерии главного калибра по сухопутным позициям германской армии заставили командование вермахта изменить свое мнение. С 14 сентября линкор «Марат», стоявший у входа в закрытую часть Морского канала, стал подвергаться артиллерийскому обстрелу сухопутной артиллерии. Причем 16 сентября один из снарядов угодил в автоматную площадку и вывел из строя сразу три зенитных орудия 70-К. В этот же день «Марат» атаковали пикирующие бомбардировщики и группу, заходившую с кормы удалось рассеять, но заходившие с других углов не встретили должного отпора. В результате две 250-килограммовые бомбы попали в правый шкафут. Повреждения были серьезными, но корабль своим ходом перешел в Кронштадт и встал у стенки Усть-Рогатки для исправления повреждений.

Германское командование решило уничтожить наши корабли, стоявшие в Кронштадте, не дожидаясь падения Ленинграда. Первый разведывательно-боевой налет на Кронштадт состоялся 19 сентября. Две бомбы упали в районе Июльской улицы и Летнего сада, но серьезных повреждений это не вызвало. Корабли не пострадали, но, по мнению авторитетного историка А.В. Платонова, это обстоятельство подтвердило ошибочное «мнение командова-

⁵⁰⁹ *Войскунский Е.* Наш «Огневой щит» // Мы из Кронштадта. Л., 1975. С. 332.

ния флота, что Кронштадт находится в относительной безопасности, тем более один самолет He111P-4 был поврежден»⁵¹⁰.

В этот день немцам удалось раскрыть систему ПВО Кронштадта, и они решили провести массированный налет на корабли.

21 сентября в 11.40 начался первый налет на Кронштадт. В первом ударе посты наблюдения и связи зафиксировали 28 Ju88, семь Ju87 и десять Me 109. Сначала немецкие самолеты летели уже ставшим привычным маршрутом через Стрельну на Ленинград. Но в этот день они изменили курс и сходу атаковали корабли на Кронштадтском рейде и сам город. Самолеты подходили к району цели на высоте 1500–3000 метров. При входе в зону огня зенитной артиллерии строй рассыпался на группы, которые над объектами атаки выстраивались в так называемую «карусель» и по одному или попарно пикировали на цель. Всего в первом налете сбросили более 160 бомб различных калибров, из которых около 120 предназначались именно кораблям.

Второй налет начался в 15.31, и в нем, по данным ВНОС, участвовало 42 Ju88 и восемь Me109, третий налет – 35 Ju88 и в четвертом – 46 Ju88.

Советские истребители, охранявшие небо Кронштадта, были связаны боем с германскими самолетами прикрытия, поэтому вся тяжесть отражения этих атак легла на зенитные батареи, которыми командовал начальник ПВО КБФ полковник М.П. Поздняков. К сожалению, командование флота оказалось не готово к таким мощным атакам. «В условиях массированного налета с „проламыванием“ системы ПВО в узком секторе, не то что командир полка, но и командиры дивизионов не могли централизованно управлять подчиненными силами, и батареи самостоятельно выбирали цели для обстрела. В результате многие самолеты противника вообще действовали без противодействия»⁵¹¹.

Линкор «Марат» под бомбежкой. 23 сентября 1941 г. Фотография сделана с немецкого самолета

⁵¹⁰ Платонов А.В. Трагедии Финского залива. М., 2005. С. 240.

⁵¹¹ Там же. С. 242.

Линкор «Октябрьская революция», стоявший на Петергофском рейде, уже в 11.25 получил три попадания и вынужден был уйти с огневой позиции на Малый Кронштадтский рейд. Чуть позже мощной атаке десяти самолетов подвергся эсминец «Стерегущий»: три бомбы попали в корабль, и еще три разорвались на расстоянии всего от одного до пяти метров от корпуса. В результате через 15 минут корабль лег на левый борт и затонул. Повреждения различной тяжести получили крейсер «Киров», минный заградитель «Марти» (бывш. императорская яхта «Штандарт»), эсминцы «Гордый» и «Славный», канонерская лодка «Пионер». Было потоплено еще несколько кораблей. Пострадал и сам Кронштадт. Несколько 500-килограммовых бомб попало в Морской госпиталь, разрушив приемный покой и терапевтическое отделение. При этом погибли 53 человека, 58 получили ранения. В память о погибших врачах и медсестрах в вестибюле госпиталя установили мемориальную доску с их фамилиями.

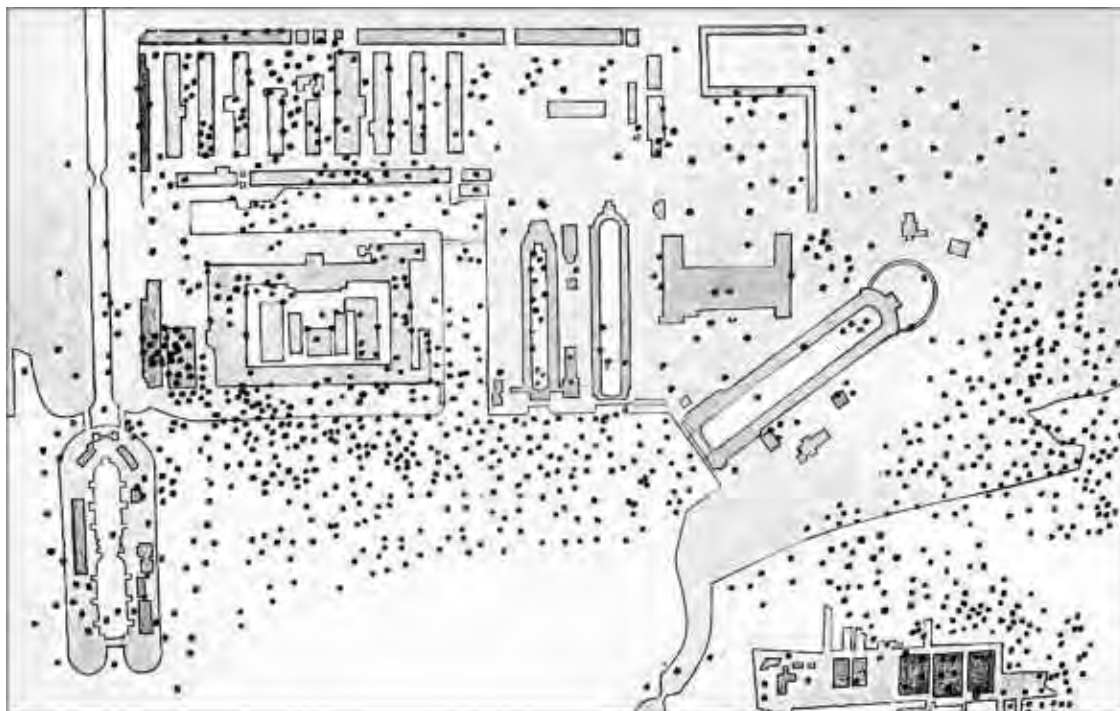
Но о госпитале надо сказать отдельное слово – он всю войну продолжал работать. Так, за первые шесть первых месяцев войны в Морской госпиталь поступило 6500 раненых, а в 1942-м к ним прибавилось около 2000 больных дистрофией. Всего за время войны через Морской госпиталь прошло около 39 000 раненых и больных, и 94 % из них медики вернули в строй. 17 июля 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Кронштадтский госпиталь награжден орденом Ленина «За образцовое выполнение заданий командования в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и отвагу».

На территории Морского порта разорвались 16 бомб, частично разрушив механический цех с восточной стороны, при этом погибли семь человек, ранено 18. Большие разрушения причинили бомбы Артиллерийскому ремонтному заводу. Полностью были уничтожены мастерские телемеханики, гидроакустики, радиоаппаратуры, приборов управления артиллерийским огнем. Погибли семь человек, ранено двое. Кроме того, в городе и в гавани повреждены нефтебаки и склады; разрушены и сильно пострадали шесть жилых домов. В нескольких местах оказалась перебита главная магистраль водопровода и повреждена городская электросеть. В городе погибло 18 человек и ранено 28, а сбили, согласно отчету ПВО, всего семь германских самолетов, что не подтверждается немецкими данными.

На следующий день, 22 сентября, налеты продолжились. При первом сильно пострадали сторожевой корабль «Вихрь» и эсминец «Сильный». Несколько бомб попало в док «Трех эсминцев», при этом сильные повреждения получили и сам док, и стоявший в нем эсминец «Грозный». Второй налет помогли отразить девять советских истребителей, и самолеты улетели ни с чем.

Самое страшное случилось 23 сентября. В результате атаки двух пикировщиков, сбросивших бомбы не с высоты 1500 метров, как обычно, а с 300 метров, линейный корабль «Марат» был практически уничтожен. Одна из бомб, угодив в корму у фок-мачты, вызвала детонацию боезапаса первой башни главного калибра, а в ней, как известно, располагались три 305-мм орудия.

Схема Морского завода с показанием паданий германских бомб в 1941–1943 гг.

Машинист-турбинист линкора «Марат» А.М. Морозов вспоминал: «23 сентября 1941 года корабль стоял у стенки Усть-Рогатки по готовности № 1. Личный состав левого холодильного отделения находился на боевом посту. Около 10 часов утра были сыграны боевая и воздушная тревоги. Зенитки стреляли, главный калибр молчал. Вдруг на нашем посту мы почувствовали легкое содрогание, а затем резкий дифферент на нос и крен на правый борт. В холодильном отделении наступила мертвая тишина и непроглядная тьма (погас свет). Мы зажгли свечи и фонарики. Телефон в среднюю машину молчит.

Посылаю краснофлотца Реука выяснить обстановку. Вскоре пришел и докладывает: „Братцы! Нос оторван, фок-мачты нет“. Не верю и посылаю вторично. Возвращается бегом и кричит: „Личному составу срочно покинуть корабль!“. Спрашиваю: Лье приказание?“. Ответил: „По кораблю идет оповещение, а чей приказ – не знаю“. Своим ребятам крикнул: „Бегом наверх!“. С Реуком вышли в коридор. Там было темно. Чье-то мертвое тело попало под ноги. Через правый крановой люк поднялись на верхнюю палубу и увидели командира котельной группы старшего лейтенанта Чувилькина с тремя матросами. На корабле больше никого не наблюдали. В воздухе – разрывы от зенитных снарядов. Самолеты немцев летают над самой головой, стреляют по Усть-Рогатке и кораблям...»⁵¹².

С пристани зрелище было страшным: «...нос нашего линкора разворочен взрывом. Станок 1-й башни разнесен. Крышки 2-й башни вообще нет. Стволы орудий, замки, все механизмы открыты. Фок-мачта лежит дальномерным мостиком на Угольной стенке и перекрыла весь проход из Купеческой гавани в Среднюю»⁵¹³.

О судьбе одного из тех, кто атаковал «Марат», рассказал А.В. Платонов: «Приземлившись после атаки „Марата“, летчики стали готовиться к повторному вылету. Командир гауптман Штеен и во второй раз собирался повести группу, однако при взлете шасси его машины попало в воронку, и она скапотировала. Экипаж не пострадал, но самолет получил повреждения. Тогда Штеен подбежал к пикировщику Руделя, который должен был стартовать послед-

⁵¹² Кронштадт в годы Великой Отечественной войны. 1942–1945. СПб., 2010. С. 41.

⁵¹³ Там же.

ним, и приказал обер-лейтенанту покинуть кабину. Рудель подчинился, командир группы быстро занял место за штурвалом, взлетел, нагнал группу и повел ее в атаку на корабли. На этот раз объектом его удара был крейсер „Киров“. Уже в ходе пикирования самолет подбила зенитка, но Штеен все же попытался завершить атаку, по германским данным, он вообще хотел таранить крейсер. Однако справиться с подбитой машиной гауптман не смог: он сбросил 1000-кг бомбу, упавшую вблизи борта корабля, после чего сам врезался в воду и погиб вместе самолетом»⁵¹⁴.

Налеты германской авиации продолжались до 27 сентября, но уже не так интенсивно. Потери Балтийского флота были весьма ощутимыми: линкор «Марат», лидер «Минск», эсминец «Стерегущий», сторожевой корабль «Вихрь», канонерская лодка «Пионер» и подводная лодка М-74. Почти все остальные корабли получили повреждения. Командование Балтийским флотом, проанализировав эти события, сделало правильные выводы, значительно усилив ПВО Кронштадта. Германские летчики уже не могли так, как в сентябре, летать над Финским заливом. Недаром они считали, что самыми защищенными объектами в эти годы стали «два Л и два М» – Лондон и Ленинград, Мальта и Мурманск.

Усилению ПВО Кронштадта способствовал бронепоезд № 9, построенный в конце 1941 г. Точнее, сначала это была подвижная железнодорожная батарея.

Военный корреспондент Н.Г. Михайловский в книге «Таллинский дневник» приводит разговор с секретарем кронштадтского райкома партии Е.И. Басалаевым, состоявшийся в начале сентября 1941 г. На вопрос, чем занят райком, тот ответил:

«– Вы лучше спросите, чем мы не занимаемся! Ремонтируем корабли. Переселяем людей из разбитых зданий. Снимаем урожай овощей. Налаживаем рыбное хозяйство. Открываем новые детские ясли. Хороним погибших. Принимаем новорожденных...

– Неужели и новорожденные есть?

– А как же! Каждые сутки в Кронштадте рождается шесть-семь новых граждан. Только беда – кавалеров маловато, всё больше барышни. Природа совсем не считается с тем, что Кронштадт город флотский и нам, в первую очередь, нужен мужской персонал.

Затем Басалаев перешел к делам продовольственным:

– Хотим иметь неприкосновенный запас на случай полной блокады. Заготавливаем овощи. Создали новые рыболовецкие артели и усиленно ловим рыбу. Мало ли что может быть...»⁵¹⁵.

«Но самое сильное переживание засвидетельствовали, наверное, эти стены в 1942 г., когда проходило заседание в честь Восьмого марта. Секретарь райкома ВКП(б) товарищ Басалаев, закончив доклад, выдержал паузу и, оглядев каким-то загадочным взглядом аудиторию, состоящую из крайне истощенных слушателей, вдруг произнес: «А сейчас, дорогие товарищи, я должен вам сказать, что с завтрашнего дня увеличивается норма выдачи крупы. И теперь эта норма будет составлять четыреста граммов – на декаду!». И замерли все. Не сразу люди осознали истинный смысл этих слов. Но когда заплодировали сидящие в президиуме и сам товарищ Басалаев, тогда зал поднялся в страшном волнении. Откуда и силы взялись! От грома рукоплесканий, казалось, могли вылететь стекла из оконных рам, если бы не были они забиты фанерой. Крики восторга взлетали до самого потолка и, отражаясь от него, рикошетом летели вниз. И даже слезы, давно выплаканные и вымерзшие у многих, даже слезы заблестели на глазах не только женщин, но и мужчин...»⁵¹⁶.

В тяжелейшие дни сентября 1941 г. Кронштадт с его артиллерией имел огромное значение в срыве вражеского штурма Ленинграда. Морские батареи и корабли своим мощным огнем

⁵¹⁴ Там же. С. 254.

⁵¹⁵ Михайловский Н.Г. Таллинский дневник. Л., 1958. С. 250.

⁵¹⁶ Токарева Л. Кронштадтский матросский клуб // Кронштадтский вестник. № 2. 2006. 20 янв.

смогли обеспечить устойчивость фронта на Приморском плацдарме, уничтожая живую силу и технику фашистов, пытавшихся овладеть Ленинградом.

Предполагалось, что важную роль в обороне Ленинграда сыграют десанты кронштадтских моряков. Однако их эффект был далеко не всегда таким, какой планировался. Так, по приказу командующего фронтом Г.К. Жукова в ночь на 3 октября 225 моряков из 6-й бригады морской пехоты высадились с катеров и шлюпок у завода «Пишмаш». В ночь на 5 октября в Новом Петергофе был высажен десант из 520 моряков-добровольцев с линкоров, крейсера «Аврора», учебного отряда и Высшего военно-морского политического училища под командованием полковника А.Т. Ворожилова и полкового комиссара А.Ф. Петрухина. Одновременно силами Ленинградской военно-морской базы высажен десант в Стрельне.

Однако это были «комендоры электрики, минеры с линкоров, инструкторы школ учебного отряда, курсанты, то есть люди, до этого никогда не обучавшиеся ведению общевойскового боя. Их даже не переодели в защитную форму, и они так и воевали среди опавшей листвы в черных бушлатах. Подобного нельзя сказать о десантниках из 20-й дивизии войск НКВД. Но они никогда не участвовали в морских десантных действиях, и многие из них просто панически боялись прыгать ночью в черную воду, когда до суши добрая сотня метров. А так оно и было, поскольку район Стрельны исключительно мелководен и даже шлюпки не могли подойти непосредственно к урезу воды»⁵¹⁷. Однако главными причинами неудач и гибели почти всех десантников стало отсутствие должного огневого обеспечения, необходимой связи и главное – сама подготовка к этим операциям, так как только десант 3 октября был для немцев неожиданным... В результате почти все участники десантов погибли.

Кронштадтская военно-морская база 21 октября 1941 г. преобразована в военно-морскую крепость Кронштадт, и ее командиром назначили генерал-лейтенанта А.Б. Елисеева, руководившего до этого обороной Моонзундских островов. Впоследствии его заменил генерал-лейтенант И.С. Мушнов.

Бойцы морской пехоты в Кронштадте

⁵¹⁷ Платонов А.В. Трагедии Финского залива. М., 2005. С. 278.

Кронштадт имел значительные запасы оружия, боеприпасов, топлива, технических средств, продовольствия. По решению Военного совета фронта из запасов флота, находившихся в Кронштадте, ленинградским предприятиям передали 6700 т мазута и соляра, 40 тыс. л бензина. В художественном фильме «Порох», съемки которого проходили на фортах Кронштадта, правдиво показана сложнейшая операция по доставке пороха в Ленинград.

Всем было очень тяжело, как и работникам портовой электростанции. С августа 1941 г. станция, кроме электроснабжения острова Котлин, через 21 районную подстанцию производила подачу электроэнергии абонентам Ораниенбаумского «пяточка», отрезанного от других источников питания немецкими захватчиками».

До января 1942 г. Кронштадт получал электроэнергию от «Ленэнерго» регулярно, но затем энергоснабжение прекратилось. Электроэнергию вырабатывали только свои турбогенераторы, но и они работали с перебоями из-за нехватки топлива. Работавший в годы войны диспетчером Я.Е. Гусев вспоминает: «Топлива для котлов электростанции не хватало, добывать приходилось, где предоставлялась возможность. Возили топливо с вышедших из строя кораблей, резали банки со смазочными маслами, приходилось топить котлы дровами»⁵¹⁸. Электростанция, как и весь город, страдала и от артиллерийских обстрелов. За годы войны на ее территорию упало около 50 снарядов. 15 октября 1942 г. прямым попаданием снаряда в машинном зале у турбогенератора № 1 были убиты турбинный машинист Андрушин, электрик-матрос Филимонов, телефонистка Сивенкова. На месте их гибели установлена мемориальная доска⁵¹⁹.

Кронштадт после одного из артобстрелов

Карточную систему в Кронштадте ввели 18 июля, но, как и в Ленинграде, нормы постепенно сокращались, и до 25 декабря 1941 г. хлебный паек уменьшился с 800 до 250 граммов рабочим и 125 граммов служащим, иждивенцам и детям.

⁵¹⁸ Шлендова М.А. Город морской славы. 300 лет Кронштадту. СПб., 2004. С. 186.

⁵¹⁹ Шлендова М.А. Город морской славы. 300 лет Кронштадту. СПб., 2004. С. 187.

Свои воспоминания о военном Кронштадте записала Р.В. Харламенко, большую часть жизни прожившая в этом городе: «Мама работала на прачечной фабрике. Белье на этой фабрике стирали для воинских частей. Тетя работала на швейной фабрике при Морском заводе. На швейной фабрике шили военное обмундирование. Весь Морской завод работал на военные нужды. Этот завод и старались разбомбить немцы. Люди, идущие утром на работу, не знали, вернутся ли они вечером домой. Да и жилые дома тоже обстреливали. Так что вечером и дома-то могло не быть. Мама и тетя работали. Вечером они рассказывали, куда за день попали бомбы. Бабушка, брат и я оставались дома. Но брат большую часть дня был вне дома. О его делах я ничего не могу сказать – не знаю. Нам с бабушкой и мамой было наказано по тревоге спускаться в бомбоубежище. Бомбоубежища находились в подвальных помещениях домов. Но я то ли по глупости, то ли по привычке к бомбежкам, как потом рассказывала мне мама, уговаривала бабушку не ходить в бомбоубежище, и говорила: „Что будет, то будет“. Бабушка, считая, что можно верить интуиции ребенка, оставалась со мной в квартире. И нас, как говорится, Бог миловал – снаряды облетали нас, в стены нашего дома попадали только осколки от снарядов.

<...>

В нашей семье в дни блокады от голода умерла бабушка. Однажды маме удалось где-то достать горсточку пшена. Радостная, она пришла в тот вечер домой. Собрав остатки дров, разожгла в печке огонь. Поставила туда котелок, чтобы сварить кашу. Бабушка попросила ее варить кашу как можно жиже, чтобы больше было. Бабушка уже была истощена до такой степени, что с кровати не вставала. Мама подвинула бабушкину кровать ближе к печке, так как в комнате было ужасно холодно. И все ждали кашу. Но когда каша была готова, то бабушка уже умерла, каши она не дождалась.

Умершую от голода бабушку мама завернула в простыню и зашила. Ходили по улицам машины, собиравшие мертвецов (как теперь забирают мусор). Вынесли бабушкино тело и мы на такую машину.

Смерть ходила за всеми по пятам, кого где заставала.

Многие умирали прямо на улице. У идущих рядом людей не было силы, чтобы оттащить мертвых хотя бы в сторону.

Эвакуация жителей Кронштадта. Из фондов РГАКФД

Перешагивали через трупы и шли дальше. Хоронили всех в братской могиле.

После войны моя мама много плакала на такой могиле, как бы считая себя виноватой перед своей матерью, что похоронила даже без гроба.

Но в войну, в блокаду, редко кому удавалось похоронить своих близких в гробах. Земля принимала ленинградцев в любом виде.

Как только появилась возможность эвакуировать из блокадного Ленинграда людей, стали вывозить женщин и детей.

В июле 1942 года нас посадили на баржу и стали переправлять на Лисий Нос. Немцы бомбили эти баржи, и некоторые из них ушли под воду вместе с маленькими пассажирами и их матерями.

Нам повезло – наша баржа доставила нас на берег. Там в лесу мы и ночевали. Очень много комаров было в то лето. Даже это было против нас. К утру мама ужаснулась, глядя на меня, так как лицо мое распухло от укусов комаров.

Памятник колюшке в Кронштадте

Дальше мы ехали в товарных вагонах...»⁵²⁰.

Еще одна жуткая подробность из воспоминаний Р.В. Харлампенко: «... дети ловили удочками рыбу. Почему-то попадалась на детскую удочку чаще всего маленькая, величиной с кильку, рыбка колюшка. Она была жирная, но внутри ее был солитер. Солитера удаляли, а потом рыбешку пропускали через мясорубку. Рыбка проходила в пищу прямо с косточками. Котлетки были очень питательные. Это была большая поддержка».

В память об этих страшных месяцах в Кронштадте установлен памятник этой маленькой рыбке, спасшей не одну жизнь.

Несмотря на то что с началом войны часть населения призвали в армию, часть ушла в народное ополчение, а некоторые семьи военнослужащих покинули остров, Кронштадт оказался перегружен из-за притока беженцев из Прибалтики. Начиная с августа 1941 г. из Кронштадта стали вывозить детей, людей, непосредственно не работающих на оборону. Для более планомерной работы пришлось создать специальную комиссию по эвакуации. А дело это было весьма непростым, так как перевозить приходилось по воде. Но к 20 июля 1942 г. с острова удалось вывезти около 20 600 человек. Однако в Кронштадте оставалось ещё около 13 000 гражданских жителей. Поэтому в июле 1942 г. Военный совет Ленинградского фронта принял постановление «О дополнительной эвакуации населения из города Кронштадта», и уже к 10 августа ликвидировали некоторые тыловые предприятия, что позволило значительно сократить вольнонаемный контингент.

С началом блокады город на острове Котлин оказался в очень сложном положении. На северном берегу Финского залива, за рекой Сестрой, находились финские войска. На южном берегу – между Петергофом и Урицком – немецкие войска. Кронштадт и все его структуры, прекрасно просматривавшиеся с наблюдательных пунктов из района Петергофа, находились в

⁵²⁰ Полностью воспоминания опубликованы в альманахе «Цитадель» № 20. СПб., 2014.

зоне досягаемости дальнобойных орудий с обоих берегов. Не было клочка земли, защищенного от снаряда или авиабомбы. Прошу оставить безопасного!!!

Лед, сковавший Финский залив зимой 1941/42 гг., позволял разведывательным группам врага по ночам пытаться приблизиться к фортам, острову Котлин. Так, 22 ноября из района Петергофа на лёд вышла направлявшаяся к Морскому каналу группа пехоты, поддерживаемая танками, которую удалось рассеять и частично уничтожить огнем артиллерии одного из линкоров.

Бойцы ледовой обороны Кронштадта

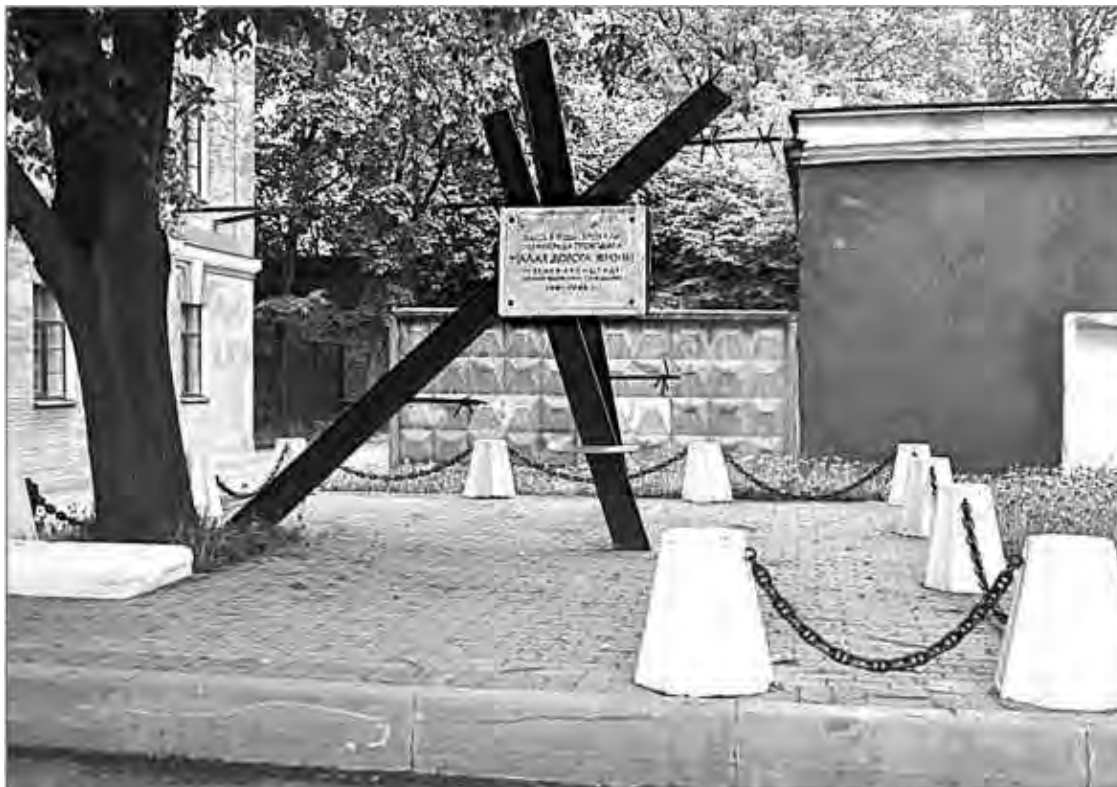
Для устранения подобных угроз вокруг Котлина снова, как в 1939-м, создали ледовую оборону, хоть и более серьезную, чем тогда, но все-таки явно недостаточную. Из различных подразделений набрали около 3000 бойцов, из которых сформировали лыжные отряды, дозоры. Для ведения разведки и обеспечения связи между фортами, Кронштадтом и Ленинградом создали отряд из 18 буеров. Активно использовались аэросани 39-го батальона⁵²¹.

Потребовала усиления и оборона самого Кронштадта. С недостроенных и ремонтируемых кораблей снимались орудия и пулеметы, которые устанавливали на побережье. Таким образом удалось сформировать дополнительно девять артиллерийских и десять зенитных батарей, оборудовать 250 пулеметных точек и создать глубоко эшелонированную оборону. С запада город прикрывал противотанковый ров, а передовая линия обороны проходила по льду. «Вокруг Котлина, фортов и поперек залива от Ораниенбаума до Лисьего Носа располагались противопехотные минные заграждения. За ними следовала линия управляемых фугасов из морских мин, далее проволочные заграждения. По ночам в лед вмораживались столбы, на которые натягивалась колючая проволока. За ними прямо на льду располагалось боевое охранение со стрелковым оружием, пулеметами и 45-мм пушками. Для них на Морском заводе

⁵²¹ Подробнее об этом см.: *Вахтеров А.В.* Из истории 39-го батальона аэросаней // *Цитадель*. № 23. СПб., 2017. С. 45–54.

были изготовлены сани, бронированные плавучие доты, свыше 40 обогреваемых будок для бойцов, несших службу на льду. Дозоры имели телефонную связь с берегом»⁵²².

Памятный знак в честь «Малой дороги жизни» в Кронштадте

Зимой между Ораниенбаумом, Кронштадтом, Лисьим Носом, островными фортами проложили ледовые дороги, которые называли «Малой дорогой жизни». 21 ноября, когда толщина льда достигла 10–12 см, батальон эвакуированных с полуострова Ханко бойцов под командованием лейтенанта В.С. Зябрева открыл северный участок ледовой трассы. Они прошли по льду из Кронштадта до станции «Горской» и готовились влиться в части Ленинградского фронта. Но один из вагонов с ханковцами подорвался на mine, предположительно установленной вражескими диверсантами. Южный участок ледовой трассы Кронштадт – Малая Ижора начал действовать 22 декабря, так как по главному корабельному фарватеру еще продолжалось движение судов.

---

⁵²² Кронштадт в годы Великой Отечественной войны. 1942–1945. СПб., 2010.

Центральная Кронштадтская библиотека в годы войны

По этим трассам проходило снабжение всем необходимым войск Приморской группы, оборонявшей Ораниенбаумский плацдарм. Работу «Малой дороги жизни» обеспечивал личный состав кронштадтской ледово-дорожной службы, образованной из военных моряков. В их честь в Кронштадте на улице Восстания в том месте, где начиналась пешеходная дорога на Лисий Нос, установлен памятный знак.

Защищая себя, Кронштадт в большой степени защищал Ленинград, переживая вместе с ним страшный период блокады. Как и в Ленинграде, в Кронштадте люди умирали от голода прямо на улицах и на рабочих местах – 5146 человек погибли так за первый год войны.

Как и в Ленинграде, весной, 22 марта 1942 г., более 3500 кронштадтцев вышли на субботник. Город следовало очистить от снега и льда и подготовить грядки для посадки овощей. Все парки и сады превратились в огороды.

Как и в Ленинграде, даже в самые тяжелые дни блокады в городе не прекращалась культурная жизнь. Работала библиотека, выступали артисты; театр Балтийского флота ставил пьесы о войне: «Русские люди» К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука.

В апреле 1942 г. германская авиация снова пыталась массированными налетами уничтожить корабли Балтийского флота. Но на этот раз зенитные батареи смогли дать соответствующий отпор врагу и лишь некоторые корабли получили повреждения, сохранив при этом боеспособность. Это было очень важно, так как с началом навигации советское командование планировало начать активные действия сил флота. Поэтому 1 мая 1942 г. военно-морская крепость Кронштадт была снова переформирована в Главную военно-морскую базу флота. Ее командиром назначили капитана 1-го ранга Г.И. Левченко.

Однако жестокие обстрелы Ленинграда и Кронштадта продолжались. 16 апреля 1943 г. германский снаряд разорвался рядом с 76-мм артиллерийской спаренной установкой линкора «Октябрьская революция». Загорелся палубный настил, на котором лежали снаряды. Тяжело раненный командир орудия Иван Тамбасов, несмотря на страшную боль, стал выбрасывать снаряды за борт. Но последний снаряд разорвался у него в руках. Герой посмертно награжден

орденом Красного Знамени и навечно занесен в списки части. В ноябре 1956 г. эту установку, а также два якоря и фрагмент брони сняли с линейного корабля «Октябрьская революция». Сначала их установили в Летнем саду, а затем перенесли на Якорную площадь. На боковой стороне орудия закреплена латунная доска с надписью: «Орудие Ивана Тамбасова с Краснознаменного линейного корабля „Октябрьская революция“». К сожалению, по ошибке фамилия героя указана неправильно. Позднее сотрудники Музея истории Кронштадта выяснили, что его фамилия – Тамбасов.

Орудие Ивана Тамбасова на Якорной площади

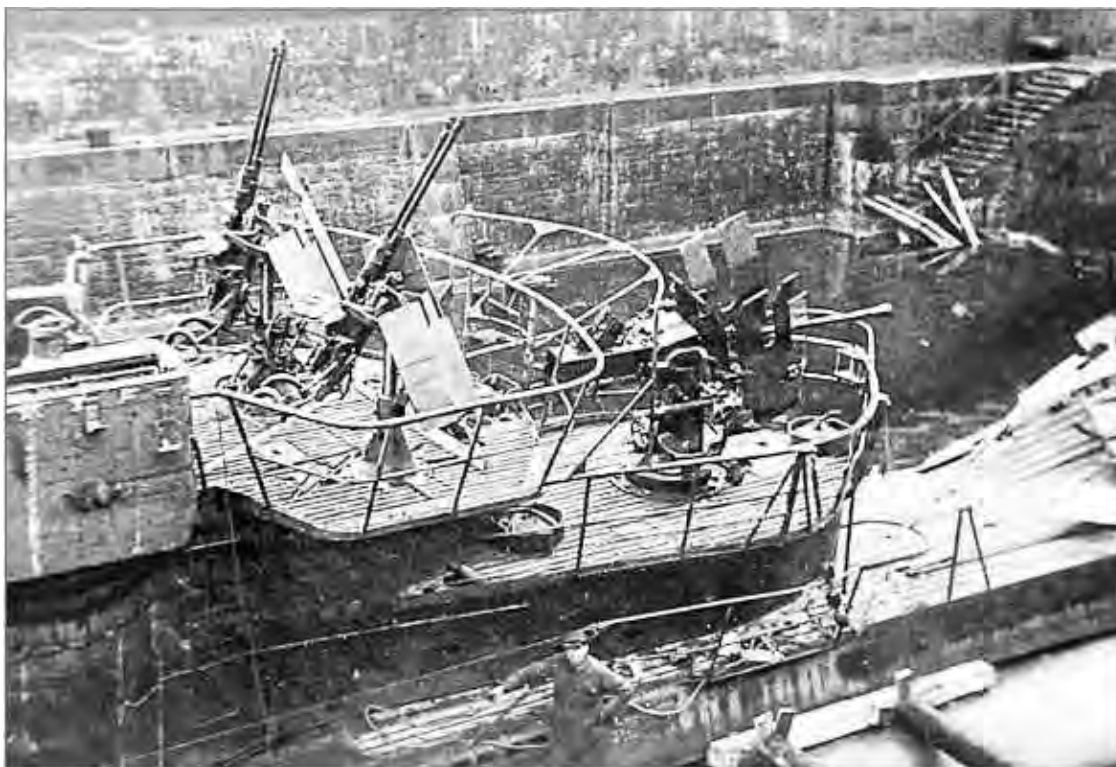
Подготовка к встрече подводной лодки, возвращающейся из похода

Береговое 254-мм орудие – одно из тех, что защищали Кронштадт

Чтобы не допустить боевых действий советских подводных лодок, германское командование создало мощный противолодочный рубеж в восточной части Финского залива. И тем не менее подводные лодки из Кронштадта выходили, но эти походы не всегда заканчивались возвращением моряков в родной Кронштадт. Для 11 подводных лодок эти походы оказались трагическими. Зато возвращение каждой лодки было настоящим праздником.

И все-таки Кронштадт, как и Ленинград, выстоял. 17 января 1943 г. артиллеристы кронштадтских фортов и кораблей совместно с сухопутной артиллерией начали артиллерийскую подготовку. Блокаду прервали, и в этом была огромная заслуга Кронштадта.

Подводная лодка U-250 в доке

И хотя фашисты еще занимали часть южного берега Финского залива, жители Кронштадта, а их оставалось около 9800 человек, начали восстанавливать родной город. К этому времени многие дома уничтожены прямыми попаданиями или их разобрали на дрова. Большая часть остальных имели различные повреждения. На Морском заводе все цеха повреждены, а Петровский док выведен из строя. В первую очередь восстановили городской водопровод и канализацию.

Но до полной победы было еще далеко. Утром 14 января 1944 г. орудия Кронштадта и кораблей вместе с артиллерией Ленинградского фронта начали артиллерийскую подготовку, а 20 января наконец удалось уничтожить германскую группировку, и война покатила на запад.

Кронштадтские артиллеристы поддерживали и наступление советских войск на Карельском перешейке. В ходе одной из операций в проливе Бьёрке-зунд морской охотник «МО-203» потопил германскую подводную лодку «U-250». Затонувшую на мелководье лодку подняли и отбуксировали в Кронштадт. Морской завод отремонтировал германскую лодку, но главное – в ней обнаружили новейшие акустические торпеды.

Итак, боевые действия на подступах к Кронштадту закончились, и 9 мая вся страна встречала День Победы. Кронштадт вступал в новый период своей истории – мирный, но совсем не простой.

Кронштадт после войны

Итак, начиналась мирная жизнь, но война еще несколько лет напоминала о себе минами заграждения, которых, как и в двадцатые годы, в водах Финского залива было великое множество. До начала 1950-х гг. тральщики ежедневно чистили залив, ежедневно рискуя жизнью.

Восстанавливать город кронштадтцы начали ещё во время войны. После Победы в город стали возвращаться демобилизованные воины, и работа пошла быстрее. Уже в начале октября 1945 г. в Кронштадте снова начали ходить автобусы.

В 1948 г. был разработан генеральный план развития Кронштадта, в соответствии с которым началось строительство новых жилых домов. И, что было очень важно для города, уже 15 мая 1948 г. первого больного приняла 2-этажная городская больница, расположенная за Ленинградскими воротами. Началась реставрация поврежденных исторических зданий – Итальянского дворца, Северных казарм, стенок гаваней.

Серьезным напоминанием о том, что Кронштадт – город военный, стало Постановление Совета Министров СССР от 13 февраля 1950 г. Оно предписывало «Ввести в городе Кронштадт усиленный паспортный и пропускной режим, исключающий пребывание в городе, помимо лиц, которым проживание в Кронштадте запрещено, согласно Положению о паспортах 1940 г., также репатриантам, бывшим военнопленным, пособникам немецко-фашистских оккупантов, кулакам, торговцам, лицам бывших привилегированных сословий, членам семей лиц, репрессированных за государственные преступления, а также лицам, подозреваемым во враждебной деятельности».

А спустя всего месяц, 13 марта функции Кронштадтского Совета депутатов трудящихся и Исполнительного комитета стало выполнять Управление Гражданской администрации при Комендатуре Кронштадтской крепости. А районного комитета партии – политотдел Гражданской администрации при политотделе Кронштадтской крепости.

Траление

«Ленинградское дело» не обошло Кронштадт стороной.

В.Я. Крестьянинов в книге «Кронштадт. Крепость. Город. Порт» приводит рассказ кронштадтского старожилы, в прошлом капитана госбезопасности, что после «Ленинградского дела» в Кронштадте произошло ужесточение пропускного режима. На остров Котлин «внезапно поздно вечером приехал сам Абакумов, и сотрудников Особого отдела срочно вызвали на службу. Высокий начальник устроил разнос, обвинил в бездеятельности, и сказал, что под носом у кронштадтских чекистов живут и здравствуют семь анархистов. К утру было приказано составить списки на тех, кто подлежит выселению, куда включили двести участников мятежа 1921 г. и ингерманландцев, которые также подлежали выселению. Несколько человек не хватало, их добрали за счет жителей Ломоносова. Все попавшие в списки были выселены «без

права возвращения» на остров Котлин. При этом разлучались семьи, выселялись те, кто во время «мятежа» был ребенком и участвовать в восстании не мог, дети и родственники «мятежников».⁵²³

Кировский сквер. 20 июня 1948 г.

---

⁵²³ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. Крепость. Город. Порт. СПб., 2014. «ОСТРОВ». С. 152.

Проспект Ленина в начале 1950-х гг.

Однако жизнь шла своим чередом. О том, как она менялась показывает рассказ председателя клуба краеведов В.Ф. Ключникова, опубликованный в выше упомянутой книге: «На вопрос „Где в Кронштадте в 1955 г. можно было выпить и купить бутылку водки?“, – последовал ответ: „Везде“. Во всех „Гастрономах“. Были красиво оформленные винно-водочные отделы с богатым ассортиментом вин, водок, ликеров, наливок, настоек, коньяков. В рыбном отделе „Гостиного двора“ в эмалированных лагунах лежала красная и черная икра, был выбор осетрины, белуги и др. Был копченый байкальский омуль. Сельдей продавалось 17 разных видов (засола, пород, копчения). В Татарских рядах продавались живые угри и другая свежая рыба. С двух сторон рядов располагались популярные буфеты: с северной стороны „Змеятник“, со стороны Флотской – „Чулук“. В 1957–1960 гг. во всех скверах, в том числе и Петровском парке, стояли пивные буфеты, где вместе с пивом могли продать и водку, но обязательно с бутербродом. В столовых столы были накрыты скатертями, обслуживали корректные официантки. В конце 50 – начале 60-х гг. продавалось пиво: „Жигулевское“, „Рижское“, „Московское“, „Ленинградское“ (до 11 градусов), „Мартовское“ (темное) – все в бутылках по 0,5 л, ценою около 30 копеек. „Московское оригинальное“, „Рижское оригинальное“, „Двойное золотое“ – в бутылках по 0,33 л ценою по 33 копейки.

Парад на Якорной площади в день празднования 250-летия Кронштадтской крепости. Июнь 1954 г.

Люди, возвращавшиеся в Кронштадт, были поражены чистотой города, вежливостью жителей, обилием товаров в магазинах и тем, что в парках в августовские ночи спокойно гуляли молодые люди (парочки), негромко пели песни под гитары. Белье сохло во дворах, часто оставаясь на ночь. Воровства не было. Женщины иногда забывали при хождении из отдела в отдел в Гостином дворе (по анфиладе продовольственных магазинов со стороны улицы Ленина) свои свертки с покупками, бидончики с молоком, вспоминали об этом дома, спешили в магазин и находили оставленное на месте».⁵²⁴

Такая обстановка была определена не только порядочностью жителей Кронштадта, но и тем, что в городе жили только «свои». Пропускной режим был необычайно строгим – даже, чтобы попасть на кладбище, требовался пропуск. Исключение делалось только в Троицу, когда по традиции следовало поминать своих предков. Проникнуть на остров по воде постороннему человеку было весьма непросто. Служба Наблюдения и Связи работала четко, а по городу курсировали внимательные патрули. Хотя, конечно, неприятные инциденты случались, но это было редким исключением, как, например, жуткая драка матросов с солдатами стройбата в конце 1950-х гг.

⁵²⁴ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. Крепость. Город. Порт. СПб., 2014. «ОСТРОВ». С. 153.

Макаровский мостик и Морской собор. 1960-е гг.

Знаменательное событие произошло 18 мая 1954 г. В этот день в связи с 250-летием Кронштадта указом Президиума Верховного Совета СССР Кронштадтская военно-морская крепость была награждена орденом Красного Знамени. Это было отмечено большим парадом на Якорной площади, вскоре в честь этой даты был издан еще один указ о сооружении в Кронштадте соответствующего памятника и даже был установлен закладной камень. Но дальше конкурса проектов дело не пошло, и закладной камень в 1982 г. убрали.

В конце войны в Прибалтику снова были переведены части Балтийского флота и береговой обороны. Кронштадт перестал быть главной базой флота, но продолжал играть огромное значение, как ремонтная и учебная базы. Береговая оборона Кронштадтского Морского Оборонительного района (далее КМОР) также продолжала оставаться действующим подразделением флота. Более того, предполагалась существенная модернизация прежних батарей и даже постройка новых, в основном на северном берегу залива, поскольку теперь побережье от Сестрорецка до Выборга стало советским.

Большие работы предполагалось провести по реконструкции и совершенствованию Кронштадтского Морского оборонительного района, в который была преобразована Кронштадтская военно-морская база в конце войны. Летом 1946 г. в Кронштадт приехала внушительная комиссия, составленная, в том числе из высоких представителей Главного инженерного управления ВМС СССР. Комиссия обследовала все форты и батареи, чтобы выявить полученные в ходе войны повреждения и определить пути их устранения.⁵²⁵

Результатом работы комиссии стал подробный отчет, на основе которого было принято решение о перевооружении почти всех фортов и батарей и строительстве на северном берегу Финского залива двух стационарных батарей.

В очередной раз была реорганизована структура самой береговой обороны – в 1951 г. снова появилась Кронштадтская военно-морская крепость, и ее подразделений Подготовитель-

⁵²⁵ Предыдущее подобное обследование проводилось летом 1938 г.

ные работы по перевооружению крепости начались летом 1951 г. Наиболее масштабные изменения касались фортов «Красная Горка», «Серая Лошадь», «Риф», «Константин», «Тотлебен» и «Обручев». ⁵²⁶ Второй, но не менее важной составляющей Кронштадта стала Ленинградская военно-морская база. То есть, учитывая, что была еще и гражданская власть, то получается, что тогда Кронштадт был разделен в этом смысле на три части

Но реорганизационный зуд не утихал, и в январе 1956 г. в Кронштадте снова произошли глобальные изменения, которые, правда, на жизни населения сказывались не сильно. Крепость Кронштадт и Ленинградскую военно-морскую базу объединили в Ленинградский военно-морской район. Его командующим назначили адмирала И.И. Байкова, который первым делом создал комиссию для очередного обследования фортов и батарей. ⁵²⁷

Стоит повторить, что помимо описания состояния фортов крепости на тот момент упомянутый выше отчет демонстрирует намерение не только поддерживать эти сооружения в исправном состоянии, но проводить необходимую модернизацию. Однако резкое сокращение финансирования в 1958 г. заставило сократить численность личного состава, а затем даже списать с учета некоторые батареи. Но самым страшным ударом для Кронштадта стало решение правительства, инициированное Н.С. Хрущевым, который признал ствольную артиллерию устаревшим типом вооружения, отдав приоритет ракетам. Последствие этого решения были без преувеличения страшными. Были разрезаны корпуса строившихся мощных линейных кораблей и уничтожены боевые корабли, еще вполне пригодные к службе. К примеру, на линкоре «Октябрьская революция» как раз провели масштабный ремонт оборудования, после чего корабль пошел на слом.

Береговая артиллерия Кронштадта просто перестала существовать. В 1960 г. Ленинградский военно-морской район ликвидировали, а крепость, переформировали в тыловую базу, которая вошла в состав Ленинградской военно-морской базы. До 1963 г. форты еще состояли на учёте в Морской инженерной службе флота, а в 1964-м было принято варварское решение – демонтировать с них всё металлическое оборудование. Как и в случае с упомянутым линкором, перед разоружением на форту «Обручев» было отремонтировано сложное электрическое оборудование и проведена ревизия дизелей.

---

⁵²⁶ Подробнее об этих работах можно узнать в книгах издательства «ОСТРОВ» об этих фортах.

⁵²⁷ Полностью Отчет опубликован в альманахе «Цитадель» № 20. СПб., 2013. С. 123–138.

Парусник «Седов» в доке Морского завода

Как это ни печально, но процесс разрушения продолжается до сих пор. Поэтому на наших фортах нет ни одной пушки, многие лишены металлических дверей, оконных рам и даже ограждений – все сдано в металлолом. Чудом сохранился уникальный бруствер инженера Шведе на форту «Константин». Его тоже пытались разрезать, но гранитные блоки, в кото-

рые были вмонтированы броневые плиты английского завода «Джон Браун», при резке газом давали мелкую крошку, разлетающуюся со страшной скоростью. Гранит спас брусстер, который является едва ли не самым уникальным объектом в Кронштадте.

Проспект Ленина в 1964 г.

Гражданская власть в Кронштадте тоже менялась и не раз. 6 июля 1958 г. ей стал Кронштадтский районный совет депутатов трудящихся, с 1977-го – Совет народных депутатов. Но это на жизни города почти не отразилось. Трудовые будни планомерно сменялись традиционными праздниками. Морской завод несомненно был одним из главных предприятий Кронштадта, а его доковый комплекс по-прежнему являлся уникальным сооружением. Завод выполнял сложные заказы и перечень кораблей, прошедших через завод – внушительен, например, готовил к ходовым испытаниям и первому арктическому походу первый в мире атомный ледокол «Ленин». Проходил здесь текущий ремонт знаменитый парусник «Седов».

Реконструкция Якорной площади. 1970-е гг.

Советская улица в 1961 г.

Открытием новых памятников ознаменовались 1960— 1970-е гг. В честь 20-летия Победы на площади имени Мартынова открыли памятник героям-подводникам, в 1974-м – мемориал «Братская могила» на Якорной площади, в 1977-м – монумент «Героям – рабочим Кронштадта» на территории 18-го арсенала. Этот процесс продолжается и в наши дни.

Очередной генеральный план развития Кронштадта был разработан в 1960 г. на основе плана 1948 г., но его осуществление началось в 1964-м, однако в 1967 г. был утвержден новый

генеральный план развития Кронштадта, учитывающий неблагоприятное состояние города. Даже «зачистка» к приезду генсека Л.И. Брежнева не смогла спрятать все внешние изъяны. Внутренних было значительно больше: это и устаревшая канализация, отсутствие газа, печное отопление во многих домах и плохая питьевая вода. Перемены начались в декабре 1968 г., когда по трубопроводу пришла в Кронштадт питьевая вода из Ломоносовского района, а вскоре началось асфальтирование улиц. В 1972 г. удалось завершить реконструкцию водопроводных и канализационных сетей, а затем и полностью газифицировать город.

Связь и Большой землей все-таки оставалась проблемой. От набережной лейтенанта Шмидта ходили в Кронштадт весьма медлительные теплоходы «Кремль» и «Совет». Но два часа путешествия скрашивали буфеты и даже иногда небольшой оркестр. Улучшилось дело, когда началось движение теплоходов на подводных крыльях «Метеор». За 35 минут можно было добраться от Ленинградской пристани Кронштадта до Васильевского острова. Правда, от неприятностей никто не застрахован.

Однажды, возвращаясь в Питер из Кронштадта, наш «Метеор» сломался и двигался по чудесной глади Маркизовой лужи со скоростью пешехода. Пассажиры восприняли это спокойно, кроме одной пары – морской офицер с женой спешили на самолет. К счастью, они выехали с некоторым запасом времени и, видимо, успели, но понервничать им пришлось.

Ледокольный паром «Андрей Коробицын»

Разумеется, во время ледостава и связь с материком прерывалась. Положение исправилось к лучшему только тогда, когда на трассу Ломоносов – Кронштадт вышел первый ледокольный паром «Андрей Коробицын».

Произошло это важное событие 13 декабря 1968 г., а вскоре к нему присоединился такой же паром «Николай Каплунов». Они могли брать по 12 грузовых машин и по 300 человек пассажиров.

Однако механизмы имеют тенденцию стареть и ломаться. В конце 1980-х гг. все паромы вышли из строя, а отремонтировать их почему-то возможности не было. К тому времени уже была открыта дорога по дамбе от северного берега залива, и некоторым жителям, работавшим в Ломоносове и Гатчине, приходилось добираться до них в объезд через северный берег и Петербург.

Но хватит о грустном...

Кронштадт сегодня

Кронштадт – город особенный, точнее, уже не город, а один из районов Петербурга, но это ничего не меняет. Особенность города видна во всем, правда, машин теперь много, и светофоры есть, и пешеходные переходы. Есть и простенькие жилые дома, построенные в советские годы, но концентрация памятников, исторических знаковых мест, уникальных сооружений зашкаливает.

Это, например, знаменитый футшток. Наблюдения за колебаниями уровня Балтийского моря начались еще в 1703 г., а с 1707-го в Кронштадте начинает функционировать футшточная служба. В 1840 г., по предложению М.Ф. Рейнеке, на каменном устое Синего моста через Обводный канал нанесена черта, соответствовавшая среднему уровню воды Финского залива по наблюдениям 1825–1839 гг. С этой чертой и совмещен ноль Кронштадтского футштока, от которого в нашей стране исчисляются абсолютные высоты поверхности Земли, все глубины морей на навигационных и топографических картах, космические высоты. С 1898 г. здесь работает автоматический самопишущий прибор – мареограф, фиксирующий изменения уровня. Сначала он располагался в деревянной будке, затем – в специально построенном в 1950 г. павильоне с колодцем⁵²⁸.

Владимирский крепостной собор – старейший храм Кронштадта и еще одно знаковое здание города. Одной из главных святыней Кронштадта являлась икона Владимирской Божией Матери, написанная в 1703 г. В ее честь освятили церковь, упоминание о которой относится к 1728 г. Новую деревянную церковь Владимирской иконы Божией Матери построили в 1753 г. в крепостном гарнизонном полку. Прослужив почти 50 лет, она пришла в «ветхое состояние», в 1801-м ее разобрали и поставили новую, но в печально знаменитом кронштадтском пожаре октября 1874 г. она сгорела.

Павильон Кронштадтского футштока

⁵²⁸ Крестьянинов В.Я. Кронштадт. Крепость. Город. Порт. СПб., 2014. С. 25.

В 1875–1879 гг. недалеко от этого места по проекту архитектора Х.И. Грейфана построили каменную Владимирскую крепостную церковь. Ее освятили 24 февраля 1880 г., а в 1888-м в подвальном этаже устроили престол в честь иконы Божией

Матери «Утоли мои печали». Здесь проводили отпевание умерших нижних чинов гарнизона.

В 1902 г. церковь переосвятили во Владимирский крепостной собор Военного ведомства. В соборе, вмещавшем до 3000 человек, находилась почитаемая икона Владимирской Божьей Матери (копия с известной чудотворной иконы 1703 г.).

Здесь же хранились знамена воинских частей, полковые иконы и реликвии. К Владимирскому собору были приписаны церковь военного кладбища и пять церквей на фортах. Колокольня высотой около 50 м до возведения Морского собора являлась одной из важных доминант города, но и впоследствии ее значение не уменьшалось.

Однако история этого собора в копии повторила историю нашего государства. 16 февраля 1931 г. собор закрыли, колокола и церковную утварь сдали в металлолом, а в храме устроили продуктовый склад. Через 30 лет городская власть решила разместить здесь спортивный клуб, наивно полагая, что может быть тело без души. Однако этим планам сбыться не удалось, так как попытка в 1967 г. «модернизировать» здание с помощью взрывчатки вызвала серьезные сотрясения в соседних домах. В итоге полуразрушенное здание так простояло еще почти 30 лет. Владимирский собор, конечно, скромнее Морского, но его история заслуживает того, чтобы прийти сюда и поставить свечку во спасение всех живущих.

Кроме Владимирского собора, надо посетить музей-квартиру Иоанна Кронштадтского, замечательный памятник которому установили в 2015 г.

Однако при всем множестве памятников есть в Кронштадте два знаковых места – Итальянский пруд и Кронштадтский Морской собор.

Владимирский собор в наши дни

Памятник Иоанну Кронштадтскому

В Морской собор нужно зайти, сначала прогулявшись по Якорной площади, постояв у памятника адмиралу С.О. Макарову. Есть неразрывная связь между внешним и внутренним миром, и только вспомнив, какое значение для Кронштадта имела эта площадь, можно воспринять собор. Правда, приходилось слышать мнение, что отреставрированный собор перенасыщен различными украшающими элементами и давит на человека, который стремится к простоте, которому важна Вера, а не ее атрибуты, но на всех не угодишь. Выйдя из собора, по Макаровскому мостику можно пройти к Петровскому парку и Итальянскому пруду.

Итальянский пруд с памятником Пахтусову, с прилегающими зданиями, Петровским доком и расположенным рядом Петровским парком – место, которым можно любоваться часами. Здесь же стоит полуденная пушка, стреляющая ровно в 12 часов дня, на пирсе Усть-Рогатки расположились образцы морского вооружения, и украшает все это единственный на Финском заливе деревянный маяк.

Итальянский пруд во время одного из праздников. 2010-е гг.

По Кронштадту, в общем-то небольшому городку, можно бродить часами. При этом нужно всегда помнить, что для России он имел и имеет огромное значение. Это и Петр Великий, создавший его и поднявший Россию, это и целая плеяда флотоводцев, которые вели в дальние плавания русские флотилии, это выдающиеся изобретатели и гениальные художники. Это простые кронштадтские моряки, которые открывали новые земли, помогали единоверцам в Средиземном море, спасали итальянцев после чудовищного землетрясения в Мессине, гибли в Цусимском сражении, бессмысленной Русско-японской войне. В 1921 г. именно моряки Кронштадта выступили против власти большевиков, за что и были расстреляны, в годы Блокады Ленинград во многом обязан именно Кронштадту – его артиллеристы не позволили немцам расстрелять город своими громадными пушками.

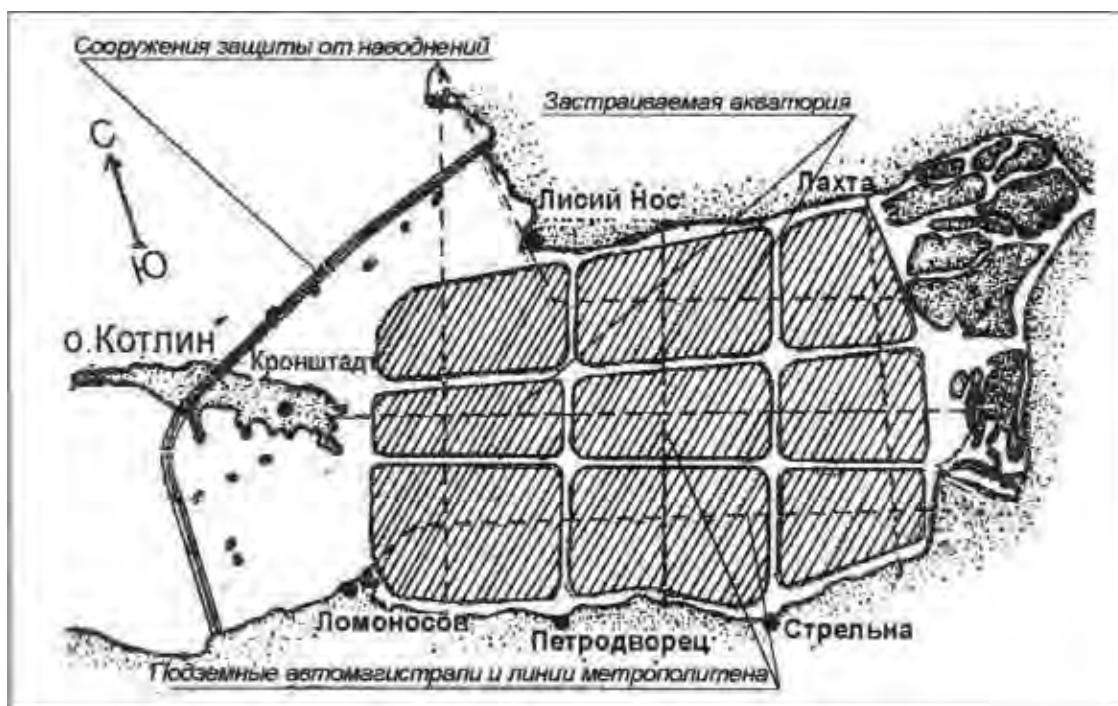
Но далеко не у всех хорошая память. Кронштадт, обладающий уникальным комплексом фортов, пережил варварское уничтожение этих созданных соотечественниками сооружений. Да, восстановлен Морской собор, но он смотрится инопланетянином рядом с провалившимися крышами «магазинных» Адмиралтейства.

Кронштадту недавно присвоили статус города воинской славы, и на въезде стоит памятник, сообщающий об этом. Может, было бы лучше на деньги, потраченные на этот памятник, восстановить, например, здания артиллерийской лаборатории, не только всю войну, но и в мирное время с риском для жизни снабжавшей флот снаряженными минами и снарядами. Воспитательный эффект оказался бы гораздо сильнее, так как вместо холодной колонны люди увидели бы настоящую борьбу за жизнь и спасение жизни в страшных условиях войны.

Периодически Кронштадту приходилось бороться против всяческих бредовых идей. Например, предлагалось на островке, где когда-то красовался форт «Император Павел I», установить статую святого Андрея Первозванного, причем высотой непременно выше статуи Свободы в США. Потом появилось предложение установить в Кронштадте статую адмирала – не конкретного, а символического, в честь всех адмиралов. Все это предлагалось, разумеется, за государственный счет. Жуткий вариант рассматривался в годы, когда Министерством обороны командовал гражданский человек. Идея заключалась в том, чтобы все военно-морские учеб-

ные заведения перенести в Кронштадт, на территорию, намытую на северном берегу, – там, где к острову Котлин подходит дамба. Земли у нас маловато – вот и надо отмыть, простите, намыть. Слава Богу, от этой идеи отказались.

Вообще тема намывов периодически возникает в разных вариантах. Первопроходцем этой идеи стал известный автор великолепной книги «Крепость Кронштадт» Ю.А. Скориков. Он всерьез предлагал засыпать всю Маркизову лужу, оставив только сеть каналов. Потом пытались «протолкнуть» идею намыва в Горской чуть ли до самого форта «Тотлебен». Еще раз тема намыва прозвучала совсем недавно, и вот в связи с чем.

Так, по мысли Ю.А. Скорикова, должна выглядеть Маркизова лужа

Летом 2017 г., как известно, в Кронштадте прошел впечатляющий военно-морской парад. При этом присутствовал Президент России, которому Кронштадт не очень понравился. Ну как могут понравиться разрушенные сооружения и обвалившаяся южная оградительная стенка. В результате в Кронштадте началась реализация прекрасной идеи – создание парка «Патриот», некоего аналога московского «Патриота». И в конце декабря 2017 г. в Центральном военно-морском музее прошло совещание, на котором командир Ленинградской военно-морской базы зачитал планируемые работы в Кронштадте. Во многом они реальны и крайне необходимы, однако, как оказалось, денег на все эти работы еще нет. Но, видимо, будут.

Удивили только некоторые моменты: предлагалось намыть (опять намыть!) участок земли левее того места, где к Котлину подходит дамба, то есть почти там же, где уже однажды намечалось. После намыва здесь намечалось устройство гребного канала. Сама по себе идея, мягко говоря, странная. Про то, что здесь останавливаются перелетные птицы, я уж не говорю – ни одна экологическая экспертиза не даст на это «добро». Далее, на форту «Император Александр I» предполагается устроить некую игровую площадку. Еще когда этот форт находился в ведении Константиновского дворца, на нем устраивались мероприятия для так называемых креативных компаний. Совместимо ли это с тем, что здесь ученые создавали противочумную вакцину, ежедневно подвергая себя страшной опасности? Напомню, что здесь было тогда четыре случая заражения чумой, два из которых закончились трагически. Форт «Алек-

сандр» всей своей историей предназначен для создания здесь музея военно-морской медицины. Насколько я знаю, подобного музея пока нет нигде.

Некоторые работы по созданию парка «Патриот» осенью все-таки начались. Восстановлен участок железной дороги, ведущей к Мортирным батареям и батарее «Демидов», здесь предполагается установить копию бронепоезда № 9, изготовленного в годы войны в Кронштадте. Солдаты срочной службы привели в порядок (насколько это сейчас возможно) батарею «Демидов». Здесь планируется установить 152-мм пушки системы французского инженера Г. Канэ. Морское ведомство купило в свое время чертежи этой пушки, и это были одни из самых популярных орудий на кораблях и на береговых батареях. Но таких пушек из-за волюнтаристского решения Хрущева в нашей стране остались считанные единицы. Хотя два ствола хранятся в Кронштадте на закрытой площадке, расположенной за Морским собором у самого Докового бассейна. Кроме них, здесь установлено еще несколько корабельных орудий, снятых с советских боевых кораблей. Орудия принадлежат ЦВММ, но площадка закрыта, и посмотреть на эти уникальные установки можно только через железную решетку. То есть Кронштадт и его гости лишены возможности прикоснуться к военно-морской истории нашего государства. А орудия между тем уже начинают ржаветь. В результате, видимо, на «Демидове» установят так называемые новоделы. Нечто подобное установлено на острове Русский на Дальнем Востоке, но у специалистов эти новоделы вызывают вполне обоснованное раздражение.

Поскольку, как уже упоминалось, пушек почти не осталось, кто-то решил вытащить из пристаней те старинные стволы, что были установлены в Кронштадте в далекие времена в качестве причальных тумб – палов. Получается, что, создавая новое, мы опять разрушаем старое.

Первый Северный форт. 2015 г.

Форт «Император Петр I». 2012 г.

И все-таки замечательно, что военные люди наконец-то обратили внимание на жалкое состояние своих зданий и сооружений в Кронштадте. А то жуткая картина получается: только военные уходят, например, с форта «Риф» или с Первого Северного (а произошло это уже в XXI в.), как на следующий день приходят другие военные или те же самые и срезают все железное, выдирают металлические дверные проемы и пускают в металлолом. Уверен, что вырученные деньги ушли не на благотворительные цели.

В этом смысле вызывает опасения форт «Император Петр I», который все еще на службе. Очень хочется сохранить его таким, какой он есть сейчас.

При этом концепцию парка «Патриот» в Кронштадте министр обороны России уже утвердил. Однако пошагового плана действий с конкретными сроками и исполнителями пока еще нет. Хочется надеяться, что при выполнении этой работы будут учтены замечания и предложения всех заинтересованных лиц. Точнее не всех, а прежде всего специалистов, тех, кто предлагает действительно достойные проекты, а не обещает превратить Кронштадт в новые Нью-Васюки. Например, зачем в Кронштадте нужна экспозиция «Партизанская деревня»? Здесь никогда не было партизан, как и танков, которые предлагал разместить в Кронштадте один из офицеров.

На упомянутом выше совещании командир Ленинградской военно-морской базы отметил, что для парка «Патриот» будет использована территория освобожденных военных городков. Речь идет о приспособлении более трех десятков исторических сооружений на территории в 47 гектаров. Все пространство будет разделено на тематические зоны. Например, планируется выставка глубоководных аппаратов и минно-торпедного вооружения. На мортирных батареях будет экспозиция, посвященная истории фортификации XIX–XX вв., и они станут местом для проведения военно-исторических реконструкций и военно-спортивных игр. Важным объектом будущего парка «Патриот» должен стать аэродром «Бычье поле», который можно приспособить к проведению авиасалонов. С него возможен облет береговых и островных фортов. Недалеко от аэродрома находится природный заказник «Западный Котлин». Проблемы экологии решены далеко не все и не везде, поэтому заказник должен активно сотрудничать с парком «Патриот».

Нарядная водокачка построена в 1836–1839 гг. Во второй половине XIX в. здание перестроено

К сожалению, очень многое пока не попадает в парк «Патриот», например Первый Северный форт. К нему ведет узкая дамба, и, значит, нет особых проблем с энергоснабжением, как на островных фортах, на которых когда-то жизнедеятельность личного состава обеспечивали дизели. Почти наполовину разрушен Третий Северный, и странно, что он несколько лет назад взят в аренду. Такое ведь возможно только при определенных, весьма жестких условиях, например при обязательствах восстановления оною, но пока на форту виднеется только шатер, изображающий летнее кафе. Любопытна ситуация с Седьмым Северным (первым со стороны северного берега), взятым в аренду, так как почему-то к этому форту нет съезда.

Большую работу по изучению и сохранению истории Кронштадта выполняет музей, который так и называется – Музей истории Кронштадта, свою первую экспозицию создавший в бывшей водонапорной башне. Нарядная водокачка была построена в 1836–1839 гг. по проекту военных инженеров Лебедева и Татаринова и признана памятником архитектуры; во второй половине XIX века здание было перестроено и приобрело нынешний облик. Несколько лет назад Музею передали здание бывшей казармы Инженерного ведомства на Якорной площади.

Кронштадтская водонапорная башня, в которой располагается часть Музея истории Кронштадта

Музей проводит интереснейшие экскурсии и осуществляет большую работу по поиску различных предметов, которые могли бы стать музейными экспонатами. Так, в конце 2017 г. на территории Морского завода найдена уникальная броневая наблюдательная башенка, которая использовалась во время Великой Отечественной войны. Подобные башенки впервые появились еще в годы Первой мировой войны на вооружении французской армии. Благодаря оперативным действиям сотрудников Музея истории Кронштадта, башенка сейчас находится рядом со зданием музея. После необходимой реставрации она займет свое место в его экспозиции.

Броневая наблюдательная башенка. 2017 г.

Броневая башня Кольза в форте «Граф Милютин». Фото нач. XX в.

Кронштадтскому морскому заводу сейчас очень непросто. Но его уникальный доковый комплекс крайне необходим флоту, и это вселяет некоторую надежду. Кстати, на заводе до сих пор функционирует Плавмастерская № 2, основа которой – подлинный клепаный корпус одного из первых русских броненосных судов, монитора «Стрелец», построенного в 1864 г. Очень хотелось бы монитор восстановить, ведь кораблестроение XIX в. в нашем городе пред-

ставлено только ледоколом «Красин» и крейсером «Аврора». Идеальное место для него – южный форт № 3 «Милютин», в 2017 г. взятый в аренду на 49 лет. В планах организации, взявшей форт, восстановление артиллерийской башенной батареи и создание музея, а монитор со своей башенной установкой стал бы важной дополнительной составляющей музея. Таким образом, мы могли бы наглядно увидеть важнейший этап развития корабельной и береговой артиллерии.

Взят в аренду и форт «Риф» на западной оконечности острова Котлин – место, удивительное по своей красоте.

Отсюда открывается впечатляющий вид на Финский залив и оба берега – северный и южный, а на западе хорошо виден Толбухин маяк. Историческая составляющая форта «Риф» тоже внушительна. Именно здесь в 1890-х гг. проводились масштабные испытания различных форм фортификационных сооружений. Результаты этих опытов оказали огромное влияние на развитие фортификации не только в России.

Итак, наше путешествие в историю Кронштадта закончилось, но история этого замечательного города, крепости, порта будет продолжаться. И очень хочется надеяться, что все намеченное – сбудется.